В эту книгу, подготовленную многолетним исследователем творчества братьев Стругацких Светланой Бондаренко, вошло множество НЕИЗВЕСТНЫХ текстов этих мэтров фантастики — черновики и ранние варианты известных произведений, сценарии и рассказы.

ВСЕ тексты публикуются ВПЕРВЫЕ.

Книга дополнена рисунками А. и Б. Стругацких на полях рукописей и снабжена подробными комментариями.

ISBN 978-5-17-044776-3
9 785170 447763

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

ЧЕРНОВИКИ, РУКОПИСИ, ВАРИАНТЫ

ОТ «ГРАДА ОБРЕЧЕННОГО» ДО «БЕССИЛЬНЫХ МИРА СЕГО»

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

От «Града Обреченного» до «Бессильных мира сего»

Черновики, рукописи, варианты

Составитель С.П. Бондаренко

АСТ
издательство
МОСКВА
ТАЛЛИН

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Н45

Серия «Миры братьев Стругацких» основана в 2004 г.

Художник А. Е. Дубовик

Иллюстрации А. Стругацкого

Неизвестные Стругацкие. От «Града обреченного» до
Н45 «Бессильных мира сего» : черновики, рукописи, варианты / сост. С. Бондаренко. — Донецк: Сталкер, 2008. — 510, [2] с., 16 л. ил. — (Миры братьев Стругацких).

ISBN 978-5-17-044776-3 (О.ОО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-966-09-0224-4 (ООО «Изд-во Сталкер»)

В эту книгу, подготовленную многолетним исследователем творчества братьев Стругацких Светланой Бондаренко, вошло множество НЕИЗВЕСТНЫХ текстов этих мэтров фантастики — черновики и ранние варианты известных произведений.

ВСЕ тексты публикуются ВПЕРВЫЕ.

Книга дополнена рисунками А. Стругацкого на полях рукописей и снабжена подробными комментариями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Составитель,
С. П. Бондаренко, 2008
© «ТББ», 2008

ВСТУПЛЕНИЕ

Первая книга исследования «Неизвестные Стругацкие. Черновики. Рукописи. Варианты» была посвящена началу творчества АБС[1]. В ней рассматривались черновики и варианты изданий СБТ, «Извне», ПНА, ПХХIIВ, «Стажеров», ПКБ, ДР, ТББ, приводились тексты неизданных рассказов, в том числе незаконченных. Во второй книге рассматривались черновики и варианты изданий ПНВС, ХВВ, УНС, ВНМ, ГЛ, СОТ, ОО. В третьей — ОУПА, «Малыша», ПНО, ПИП, ЗМЛДКС.

Эта книга продолжает рассматривать творчество АБС в хронологическом порядке. Тому, кто читал предыдущие книги, позвольте напомнить, а тому, кто не читал, сообщить, что:

— это ни в коей мере не литературоведческий труд, это не исследование о влиянии личной жизни и жизни общества на произведения Стругацких; это не исследование темы текстов, их идеи и прочих литературоведческих «штучек»; здесь не будет поиска взаимосвязи между произведениями — как хронологическо-тематической, так и в плане идейного роста писателей... Это даже не исследование сотворения Стругацкими своих произведений, это только МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследовать будут позже и исследовать будут другие, я же даю только толчок: «Посмотрите, сколько тут интересного для вашей работы!»;

— здесь не будет напоминаний читателю фабулы, сюжета произведений и имен главных и второстепенных героев, не будет также приводиться и основной (окончательный) текст для сравне-

---

[1] В данном исследовании использованы сокращения, принятые среди почитателей творчества братьев Стругацких. Список сокращений см. в конце книги. — *С. Б.*

ния с тем, что было первоначально задумано Авторами; эта книга для читателя-«людена» (не обязательно относящегося к нашей группе «Людены», изучающей творчество АБС вот уже более пятнадцати лет; «людена в душе», который знает, любит и перечитывает тексты АБС) и читателя — исследователя загадки творчества вообще (кому интересен не только окончательный текст, но и КАК к нему шел писатель; этот читатель сам, ежели чего не знает или не вспомнит, найдет нужную книгу, прочитает и поймет);

— текст книги состоит на три четверти из текстов АБС. Однако БНС отказался поставить на обложке имена авторов («Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий»), и хочется предостеречь читателя: не торопитесь, прочитав какую-то часть черновика, восклицать: «И правильно, что они убрали этот отрывок, это же совершенно дубово написано... И правильно, что они не повели сюжет в этом направлении — это же банальщина... Только посмотрите, какой неправильный оборот... А здесь вот явный фактический ляп...» Это действительно именно черновики. Это действительно было выброшено, или исправлено, или переписано со вкусом. Не ради придирок читателей (а уж тем более — критиков) публикуются эти тексты — пусть читатель придирается к окончательным текстам. Цель этой книги — показать, как создавалось, задумывалось, переписывалось, исправлялось произведение, чтобы в итоге получилось талантливо, ново, свежо, оригинально[1].

---

[1] Как знают читатели предыдущих книг «Неизвестных Стругацких», я помогал С. Бондаренко с редактурой и корректурой. Читая замечательные тексты, подготовленные Светланой, и ее комментарии, я не смог удержаться от некоторых замечаний, часть из которых мы рискнули предложить вниманию читателей книги.

Напомню, что эти замечания-примечания — мнение читателя АБС, а ни в коем случае не претензия на сколько-нибудь серьезное комментирование. Причем это именно мое мнение, а не истина в какой бы то ни было инстанции.

К сожалению, хронологический обзор произведений Авторов закончен, поэтому количество дополнительных, неавторских материалов в книге повысилось по сравнению с первыми томами. Количество повысилось, а качество...

Впрочем, дикси. Сапиенти сат.— *В. Дьяконов.*

«ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ»

Этот роман, писавшийся Авторами необычайно (по сравнению с другими их произведениями) долго — с 1970 по 1975 год, впервые был издан только во второй половине восьмидесятых, пролежав в столе более десяти лет. И только наиближайшие друзья АБС знали об этом романе. До перестройки его нельзя было прочитать даже в списках, как, к примеру, СОТ или ГЛ. Но, выйдя «на люди», он оказался на удивление свежим и суперзлободневным. В жизни Воронина отразилась жизнь поколения шестидесятников, большой части советского народа за последние пятьдесят лет: от восторженной веры в Сталина — до вакуума веры в период перестройки. Вспоминается, как моя мама, прочитав впервые ГО, на мой вопрос, понравилось ли ей, с грустью ответила: «Понравилось — не знаю. Но Воронин — это я».

Можно было бы порассуждать на тему «а что если» (как восприняли бы ГО люди, очутившиеся в вакууме веры только в период перестройки, прочитав этот роман сразу после его написания — в середине семидесятых: поняли бы? прошли мимо? осознали бы, что это — об их жизни?), но оставим такие темы литературоведам-социологам. Ибо это исследование не о том. А вот на наличие каких-либо вариантов ГО поздний выход книги, конечно же, повлиял. Ибо цензуры уже не было (ну, почти не было), и роман публиковался практически в том же виде, в каком вышел из-под пера Авторов.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГО сохранился в архиве АБС в трех экземплярах машинописи. Папка с первым экземпляром называется «черновик», вто-

рая — «чистовик», третий экземпляр (тоже чистовик) сохранился в папке с чистовиками других произведений. Еще сохранилась ксерокопированная копия ХС, включающая начало ГО. Все они отличаются между собой, в основном, стилистической правкой, есть и мелкая фактическая правка. Крупных же исправлений в сюжете или даже в порядке изложения варианты ГО не содержат.

ЧЕРНОВИК

На первой странице черновика стоит дата: «Начат 24.02.70», на последней — дата окончания: «27 мая 1972 года».

На полях черновика иногда Авторы пишут заметки — что надо изменить или добавить. К примеру, в черновике отсутствует следующая часть диалога:

— Ну да, ну да! — откликался Изя.— Если у еврея отнять веру в бога, а у русского — веру в доброго царя, они становятся способны черт знает на что...

— Нет... Подожди! Евреи — это дело особое...

Есть лишь заметка на полях: «— Отнять веру в доброго царя...— Евреи — это дело другое...»

И когда Воронин, побывав в Красном Здании, возвратился в прокуратуру, увидел Вана и разговаривает с его соседом, тот (в черновике) лишь «приставил палец к ноздре и шумно высморкался». На полях заметка: «У Андрея у самого подбит лоб, поэтому и тот сух». И уже в следующей рукописи появляется отрывок: «Детина посветил на него своим фингалом, ухмыльнулся (Андрей тотчас вспомнил и ясно ощутил собственную гулю на лбу)...»

Размышления Воронина по поводу Красного Здания и поданной начальством идеи о специально распространяемых слухах в черновике передаются так: «Действительно, по-видимому, в Городе вполне могли существовать люди, для которых распространение жутких легенд и панических слухов, создание обстановки террора и ужаса могло бы оказаться полезным. Таких людей, действительно, надлежало выловить и подробнее выяснить их конечные цели, а также — кому они служат». Тут же на полях

присутствует заметка Авторов: «Несообразности в показаниях — искажение слухов при передаче». И Авторы в соответствии с этим изменяют текст: «Если в городе действительно есть люди, которые поставили перед собою (или получили от кого-то) задачу создать среди населения атмосферу паники и террора, то очень многое в деле о Здании становилось понятным. Несообразности в показаниях так называемых свидетелей легко объясняются в этом случае искажением слухов при передаче. Исчезновения людей превращаются в обыкновенные убийства с целью уплотнения атмосферы террора. В хаосе болтовни, опасливых шепотов и вранья надлежало теперь искать постоянно действующие источники, центры распространения зловещего тумана...»

И отсутствует в черновике: «Пойми, пожалуйста: эти люди не могут не брюзжать. Так уж они устроены. Кто не брюзжит, тот ни черта не стоит. Пусть брюзжат». А на полях написано: «Надо разрешить им брюзжать. Кто не брюзжит, тот ни черта не стоит».

Четвертая часть («Господин советник») сначала называлась просто — «Будни».

В черновике, когда Андрей несколько раз поминает Кэнси (уже после его смерти), Авторы ошибочно называют его «Канэко». И эта ошибка проникла в часть чистовиков (о чистовиках подробнее — ниже) и даже изданий.

Измененные подробности

Комсомольского вожака факультета, где учился Воронин, в черновике звали не Леша Балдаев, а Леша Дадаев. Рэй Додд, пропавший в Здании, в рукописи имел другие имя и фамилию, знакомые читателям по «Стажерам» — Бэла Барабаш. Валька Сойфертис, одноклассник Воронина, умер не в сорок девятом году (как в окончательной версии), а в пятьдесят первом. Бабушку Воронина в черновике звали не Евгения Романовна, а Евгения Сергеевна, а отца его похоронили не на Пискаревке, а в Вологде. У Федьки Чепарева (которому голову оторвало снарядом, о нем рассказывает в романе Давыдов) фамилия в черновике — Чепуров. Хнойпека в черновике зовут Хнеупеком, Пака — Ни. А из окна комнаты картографов свисал голый труп не Рулье, а Бигаса.

Изменялись в процессе правки черновика и числа. Возможно, некоторые и не столь важны для прочтения. К примеру, то, что Ступальский выдал гестапо не двести сорок семь человек, а двести сорок восемь. Или, как сообщает Кэнси следователю Воронину, «за последние пятнадцать дней в Городе исчезли без следа одиннадцать человек». В черновике — семнадцать. Предельный допустимый индекс интеллектуальности в черновике не шестьдесят семь, а семьдесят... Но некоторые числа могут помочь исследователю фактической составляющей Города и его окрестностей, а также биографий главных персонажей.

Первоначально Андрей попал в Город не в пятьдесят первом, а в пятьдесят втором году. Воронин-следователь размышляет: «Дело о Здании было начато еще в те времена, когда Андрей был мусорщиком...» В черновике не «еще в те времена», а конкретно — «шесть месяцев назад». В черновике сначала указывается, что Кацман родился в тридцать третьем году, но тут же забивается и сообщается, что в тридцать шестом[1]. Точно так же о времени его прибытия в Город: сначала — шестьдесят седьмой, затем — шестьдесят восьмой. Интервью с фермерами Кэнси брал «у полсотни мужиков» (поздняя редакция) и «у двадцати человек» (в черновике). И почему-то в такой же пропорции изменяется протяженность площади перед мэрией — пятьсот и двести метров. Кацман о себе говорит: «...кто уголь нашел? Триста тысяч тонн угля в подземном хранилище?» В черновике: «Кто бензин нашел? Восемьдесят тысяч тонн в подземном резервуаре». Во время экспедиции Воронин заносит в дневник «Пройдено 28 км». В черновике — 48. А вот дневной расход воды не 40, а 20 литров. «Как-никак, а прошли девятьсот километров»,— думает Воронин. В черновике не девятьсот, а «больше тысячи». Во время разведки Изя, разглядывая план города, сообщает, что «через шесть кварталов должна быть площадь». В черновике — «через четы-

[1] В 51-м Кацману, значит, пятнадцать лет, а финальная сцена («И детские голоса внизу закричали») не слишком соответствует его возрасту. БНС по этому поводу написал: «Я точно помню, что эта нестыковка была авторами в свое время отмечена и подлежала исправлению. Значит, забыли. Значит, надобно исправить. Причем исправить именно год рождения Изи — он, кажется, упоминается лишь один раз? Сделать его на пяток лет младше!» — *В. Д.*

ре квартала». Воронин думает о жизни после переворота: «Но ведь и то сказать: четыре годика жили — ни о каком Эксперименте и не вспоминали...» В черновике не «четыре годика», а «три года». «Трупы лежат не меньше трех дней»,— говорит Изя, когда они с Андреем возвратились из рекогносцировки. В черновике не «трех», а «четырех».

Много изменений и в описании самого Города. В рассказе о северной части Города — что идет за центральными обитаемыми районами,— Кацман говорит: «А там еще город и город, там огромные кварталы, целехонькие, дворцы». И добавляет в черновике: «Там, конечно, почти никто больше не живет, потому что водопровода нет...» После правки сказано более категорично: «Сейчас там, конечно, никого нет, потому что воды нет...»

Еще Кацман рассказывает о временах монарха Велиария Второго, который царствовал в то время, когда на современном месте обжитого района Города были болота и фермеры. «И было это не меньше, чем сто лет назад...» — говорит Кацман и в черновике добавляет: «По документам видно, по архитектуре...»

Возвратившись к экспедиции, увидев трупы, Воронин с Кацманом обсуждают происшедшее, и тут гаснет солнце. Андрей сразу же пытается поставить на точное время (время, когда гаснет солнце) остановившиеся наручные часы и ставит: в рукописи — на восемь, в первом издании (журнал «Радуга») — на двенадцать, в остальных изданиях — на десять часов.

Гейгер замечает, что до Поворота жизнь была тяжелая, «но вот жизнь в общем налаживается...» В черновике указывается более точно: «Но вот уже минимум полтора года, как жизнь в общем налаживается...»

Палата Мер и Весов, упоминаемая в романе, первоначально называлась торговой палатой.

Упоминая в романе в первый раз фермеров, Авторы рассказывают о том, что живут они рядом с болотами. Правя черновик, они добавляют к болотам еще и джунгли.

Шеф полиции, делая втык Воронину, замечает: «Столько времени у нас работаете, а всего три жалких дела закрыли». В черновике фраза, во-первых, более конкретна (не «столько времени», а «два месяца») и более груба (вместо «жалких» — «говенных»).

О профессиях. Сначала Авторы хотели сделать Отто Фрижу не товарищем министра профессионального обучения, а мини-

стром земледелия. Кацман, перечисляя на допросе по порядку места его работы, называет: в черновике — «конторщик городской бойни, старший архивариус Города, кузнец, мусорщик», в остальных вариантах — «разнорабочий, старший архивариус Города, конторщик городской бойни, мусорщик, кузнец». Когда Воронин работает в газете, Дэнни Ли там работает не завотделом писем, а заведующим отделом рекламы. Кэнси, узнавая Цвирика, кричит ему: «Ты деньги для школ разворовывал...» В черновике — не школ, а сиротского дома.

И множество других изменений присутствует в черновике. Перечислим только самые интересные.

В рассказе Кэнси о жизни его двоюродного дяди, полковника Маки, наличествует такая подробность: «...он присутствовал при вступлении немцев в Прагу...» В черновике сказано более конкретно: не «при вступлении немцев», а «при вступлении гитлеровских танков».

«Полицейский-одиночка действительно соблазнительная приманка для этих гадов»,— думает Воронин о запрете полицейским носить оружие. В черновике он более конкретен: не «этих гадов», а «матерых уголовников».

Во время паники по поводу появления павианов, жалуясь Наставнику, Андрей сначала говорит: «...никуда не могу пристроиться...» Потом Авторы правят: «Оказался никому не нужен». В ответе Наставника простоватое слово «безалаберность» правится на более официальное — «недостаток дисциплины».

Когда собирался отряд добровольцев для обороны от павианов, Воронин замечает о Фрице Гейгере: «...и даже не видя его в полутьме, по одному его голосу, Андрей чувствовал, как нравится командовать этому фашистскому недобитку». Авторы в первой части романа стремятся показать похожесть коммунистического мировоззрения Воронина и фашистского мировоззрения Гейгера, поэтому эту фразу они исправляют: «...нельзя было не признать, что в данной ситуации Фриц Гейгер, хотя и являлся бывшим фашистским недобитком, но оказался как-никак на своем месте». И позже Авторы смягчают отношение Воронина к Гейгеру: Воронин в мыслях несколько раз называет Гейгера не «фашистской мордой», а «унтер-генералом». Но вот присутствующее в черновике обращение Гейгера к Воронину «брат» Авторы изменяют на «дружище».

На спине и груди куртки Воронина упоминаются буквы «ЛУ». В черновике говорится, что они «выцветшие», позже это определение заменяется на «переплетенные», так как о куртке строчкой выше уже говорится, что она «застиранная».

Вспоминая бывшего мэра, Андрей замечает такую деталь, что при встрече мэр «величественно наклонял голову в знак приветствия». Потом Авторы делают мэра более приятным Андрею: «...обязательно протягивал для пожатия большую теплую сухую руку».

На вопрос Сельмы, нельзя ли кого-нибудь нанять для уборки квартиры, Андрей отвечает: «Фиг тебе!» и в черновике хвастает:

— Видишь, как надо мыть? — Он гордо повел рукой вокруг себя.
— Это ты сам? — осведомилась Сельма презрительно.— Ну и мужчина. Попался бы ты нашим парням...— Она вздохнула.

Потом Авторы убирают возникший конфликт: «Фиг тебе! — сказал он злорадно.— Сама отмоешь. Тут белоручкам делать нечего». И после некоторого враждебного молчания разговор продолжается.

На вопрос, кем она была на том свете, Сельма отвечает: «Фокстейлером» — и после недоуменного вопроса Воронина поясняет: «Ну, чтобы тебе понятно было... Проституткой. <...> Не для денег же... Это для собственного удовольствия. Называется фокстейлеры. Понял теперь?» Потом Авторы смягчают и здесь: «Ну, как тебе объяснить... Раз-два, ножки врозь... <...> Это же не для денег. Просто интересно. Скука же...» Вместо удовольствия — простой интерес, да и то — от скуки... И далее в черновике определение Сельмы «проститутка» правится на «шлюха».

В продолжении разговора Воронин рассказывает Сельме: «Работать можно и здесь на благо людей. У меня есть хорошие друзья, мы тебе поможем...» Авторы правят, добавляя речи Андрея комсомольской горячности: «Может быть, и хорошо, что все так получилось: здесь ты все наверстаешь. У меня полно друзей, все — настоящие люди...»

Вспоминая студенческие времена, Андрей говорит: «У нас, бывало, на стройку уж такие долдоны ездили...» Последние два слова Авторы правят на «сачки приезжали».

В черновике Фриц на требование денег от Воронина выворачивает карманы. Это не похоже на аккуратного немецкого унтерофицера, и Авторы изменяют на «раскрывает портмоне».

Маринованную капусту, которую ел Кэнси, правят на «кислую капусту».

«Сдох ваш фюрер!» — говорит Сельма Гейгеру в черновике. «Сожгли его, вашего фюрера» — правят Авторы.

«О Наставнике говорить было неловко»,— думает Воронин и сравнивает: в черновике: «...ощущение было такое, словно разглашаешь семейную тайну»; позже: «...как о семейном деле с посторонними людьми».

«Все что угодно может быть сегодня, и все что угодно будет завтра, но послезавтра мы обязательно увидим небо в звездах, и на нашей улице наступит праздник...» — думает Воронин в черновике. Позже Авторы исправляют первую часть мысли на: «Что сегодня может быть как угодно тяжело и плохо, и завтра — тоже...»

По показаниям Теодора Буха, Здание находилось «на Третьей Левой улице, неподалеку от»: в черновике — «церкви», позже — «костела». В Здании, как говорилось, не подстерегали «ни грабители, ни маньяки-садисты, ни кровососущие»: «пауки» — в черновике, «мохнатые твари» — в других вариантах.

Воронин вместе с Чачуа пересматривали дело о Падающих Звездах. В черновике дело состояло из «пухлой старой засаленной папки», в других вариантах — из «кучи пухлых засаленных папок». Получается, что дело стало более объемным, хотя чуть позже Чачуа упоминает об одиннадцати трупах по этому делу, в черновике же их восемнадцать.

Воронин говорит Эйно Саари: «Я уверен, что все подробности о Красном Здании вы узнали где-то на стороне. Сами вы его, может быть, даже и не видели». В черновике он более обстоятелен: «Я лично не верю, что вы в тот вечер провожали Эллу Стремберг, видели Красное Здание и видели, как Элла вошла в это здание. Я лично думаю, что вам это всё подсказали».

Антенна на Красном Здании названа странной и — в черновике крестовидной, позже — с несколькими поперечинами. Сельма, которую Воронин видит в Красном Здании, была в «кружевных розовых» не «трусиках», а «панталончиках».

Несколько по-другому описывалось развлечение ребят на сборах, о котором вспоминает Воронин: «...брали ботинок, привя-

зывали его за веревочку к причинному месту заснувшего спьяна товарища, а потом ставили этот огромный грязный ботинок ему на морду, и как тот спросонья и в бешенстве хватал этот ботинок и запускал им в пространство...»

После того как пан Ступальский заявил, что они находятся в аду, Изя отвечает ему. В публикациях ответ выглядит так: «Во всяком случае, если это и не ад, то нечто совершенно неотличимое по своим проявлениям». В черновике идет упор на логику: «Если два явления разнятся по своим определениям, но идентичны по своим проявлениям, надлежит считать их одним и тем же явлением».

О выражении «Запад есть Запад, Восток есть Восток» Андрей думает, размышляя о характере Вана, и, если в черновике он оценивает это так: «Это были совершенно неправильные, несправедливые строчки, но в данном случае они почему-то казались уместными», то потом Авторы правят: «Строчка лживая, несправедливая, унизительная, но в данном случае она почему-то казалась уместной».

На вопрос, что он делал в Красном Здании, Кацман отвечает: «Это мое личное дело. Вы не имеете права вторгаться в мои личные дела. Докажите сначала, что они имеют отношение к составу преступления. Статья четырнадцатая у-пэ-ка». В черновике же он ее цитирует: «В соответствии с четырнадцатой статьей УПК следствие имеет право вторгаться в личные дела граждан только в том случае, если может доказать, что дела эти имеют отношение к составу преступления».

Когда Изя говорит Воронину, что он обязан говорить правду о том, что он видел Воронина в Красном Здании, Воронин спрашивает вполне в духе сухого допроса: «Вы же говорите, что это вроде сна. Тогда какая разница, видели вы меня во сне или не видели? Зачем что-то там давать понять?..» В черновике это звучит, скорее, саркастически : «Странное рассуждение, Кацман. Красное Здание — это что-то вроде сна? И если вы меня там видели, это вовсе не значит, что я там был, так? Зачем же такое благородство, душевная тонкость...» Изя на это отвечает: «Я просто постеснялся вам сказать, что́ о вас думаю иногда. И зря постеснялся», а в черновике добавляет: «Думал я правильно».

Когда, во время переворота, Кацман с Ворониным ведут разговор о том, что было в папке и что он сказал Гейгеру, Авторы в

черновике ставят акцент несколько иначе. В репликах Изи вместо «Такие вещи, согласись, простым гражданам знать ни к чему. Этак все к чертовой матери вразнос может пойти...» — «Такие вещи не положено знать простым горожанам. Это и мне бы конец был, да и тебе, наверное, тоже...»; вместо «Зачем это ему [Гейгеру — *С. Б.*] — рассказывать?» — «Ну конечно, зачем он тебе станет говорить... Зачем он вообще кому-нибудь станет говорить?»; вместо «Кто владеет информацией, тот владеет миром,— это он очень хорошо у меня усвоил!..» — «А я сижу и думаю, чего это меня не приканчивают? А ведь теперь он меня может прикончить, если вспомнит...»; вместо «Интересно получается...— проговорил он неуверенно.— Может он просто забыл? То есть не то чтобы забыл...» — «Пожалуй, все-таки лучше тебе этого не знать,— неуверенно проговорил он.— Или сказать? Просто даже не знаю»; вместо «Не знаю. Это все надо обдумать. Так, сразу, и не сообразишь» — «Гейгер, наверное, об этом деле давно забыл. К вопросу о власти оно прямого отношения не имеет. По крайней мере, пока».

«Легенда» Румера по поводу самоубийства (взрыва) Дэнни Ли: в черновике — фермер со взрывчаткой, позже — работяга-взрывник.

На обеде у Гейгера Кацман замечает, что «у Манджуро за обедом водку подают». В черновике — не у Манджуро, а у Румера.

В разговоре о писателях (почему их нет в Городе), Изя замечает: «Воображаю, как они расправятся с твоим Румером!» В черновике более конкретно: «Воображаю, что бы какой-нибудь Салтыков-Щедрин сделал с твоим Румером!»

Полковник, сокрушаясь по поводу плохой готовности солдат (когда объявили боевую тревогу после взрыва у Президентского дворца), говорит: «Такого я не видывал, даже когда дрессировал этих чернозадых в Уганде!..» В черновике вместо «в Уганде» — «в Рас-аль-Хайме»[1].

Во время разведки Андрей обращает внимание, что «Изя шел теперь рядом с Паком, махал у него перед носом схемой и кричал что-то про масштаб». В черновике все яснее: «...кричал, что масштаб на ней не соблюден».

---

[1] Рас-аль-Хайм (Ras Al Khaiman) — столица одноименного эмирата, в наше время это один из семи Объединенных Арабских Эмиратов, самый северный, расположен на границе с Оманом.— *В. Д.*

После того как Воронин увидел проходившую статую, он обсуждает это с Изей:

— Ты мне вчера дневник читал... <...> Ну, этого... который повесился...
— Да?
— Вот тебе и да!

В черновике вместо последней реплики идет: «Похоже, что он был не сумасшедший».

Есть и казусы. К примеру, Амалия, в то время секретарша в газете, приносит Изе Кацману пирожки в пластикатовом пакете. Пластикатовый — в черновике. Потом Авторы правят его на полиэтиленовый. Но дальше по тексту, уже в конце романа, Андрей вспоминает время, проведенное в Хрустальном Дворце, и как Изя там запаял экземпляры «Путеводителя по бредовому миру» «в конверты из странного прозрачного и очень прочного материала под названием "полиэтиленовая пленка"». Получается, что ранее, видя пирожки у Изи в полиэтиленовом пакете, Воронин не удивлялся, а позже — как бы увидел в первый раз. Поэтому в ряде публикаций ГО (до замеченной Авторами ошибки) пирожки приносят в полиэтиленовом, а в других изданиях — в бумажном промасленном пакете.

Финал пребывания Воронина в Городе был описан Авторами несколько по-другому, более поэтически, но менее информативно:

И они сошлись, и остановились в десяти шагах друг от друга,— два рослых, неимоверно ободранных и изможденных человека, до глаз заросших нечистыми встрепанными бородами, и оба держали руку на пистолете, и оба уже спустили предохранитель, и они глядели друг другу в глаза, пытаясь угадать, что будет дальше, и не узнавали друг друга, и так и не успели узнать.

Потому что погасло солнце.

Убранные подробности

О разнице в цене дерьма Ван говорит: «Это — в Сычуани, а в Цзянси, например, цены доходили...» Сначала Авторы словами

Воронина поясняют читателю: «Ну да,— пробормотал он.— Это же в Китае...», затем убирают эту реплику. Ван же, продолжая рассказ, сообщает о том, что сегодняшних цен он не знает, так как «после революции я не жил в деревне». «После революции» Авторы изменяют на «последнее время» — более размыто, неконкретно.

Первое появление в романе Сельмы сопровождается крепким запахом «духов, помады и еще какой-то парфюмерии». Помада из перечня убирается. Может быть, потому что Андрею, комсомольцу пятидесятых, не свойственно было отличать запах духов от помады?

В биографии полковника Маки, которую рассказывает Кэнси, есть такой эпизод: «...два года просидел в Берлине». В черновике Кэнси более точен: «...по долгу службы два года просидел в Берлине».

«У Кэнси же кобура на боку, что он в ней — сигареты носит?» — возмущается Андрей. «Бутерброды»,— отвечает Дональд. И это выглядит то ли шуткой, то ли правдой. В черновике вставлены две поясняющие реплики: «Вы шутите?» — «Нет. В ночных дежурствах Кэнси носит в кобуре бутерброды, днем она у него пустая».

Негр Сильва, когда Изя шутливо называет его тонтон-макутом, «строил страшные рожи, делал вид, что палит из автомата». В черновике он еще и «изображал пальцами очки».

Во время паники в мэрии (нашествие павианов) Воронин жалеет, что «обеспечить кого-нибудь обмундированием второго срока — не может». В черновике интересная подробность: «...второго или, на худой конец, хотя бы третьего...» Там же, когда постепенно налаживается порядок, описываются слышимые Андреем шумы: «...голоса становились все громче, все увереннее». В черновике это описание более конкретно: «...голоса становились все громче, тон их становился все увереннее...» Тогда же Андрей видит своего бывшего сослуживца и пытается выяснить у него, что делать, прижав его к стене, чтобы тот не убежал. Чиновник делает «слабые попытки вырваться». В черновике более зрелищно и узнаваемо: «слабые конвульсивные попытки вырваться».

Относительно пистолета у Дональда Наставник говорит Андрею: «Вы, конечно, решили, что Дональд Купер уже отдался в руки полиции, арестован и признался в своих преступлениях...»

Авторы правят: убирают «отдался в руки полиции» и заменяют «признался» на «покаялся». Перечисляя же условия Эксперимента, Наставник о едином языке в Городе напоминает Воронину: «Помните, в первое время вы все допытывались...» Авторы убирают «в первое время», ибо и так ясно, что такой вопрос заинтересовал бы любого попавшего в Город сразу.

О тощем белобрысом интеллигенте, который интересовался гоном на болотах, в черновике говорилось, что он был в помятом костюме.

После того как отряд самообороны (от павианов) покинул человек в шлепанцах, еще один человек, латиноамериканец, тоже вылезает из грузовика «и, сунув большие пальцы под подтяжки, неторопливо пошел прочь». В черновике же, покинув кузов, латиноамериканец сначала «презрительно сплюнул под ноги Фрицу», а затем уже удалился.

Описывая появление Давыдова («По мостовой неторопливо приближалась пароконная телега» и т. д.), Авторы в черновике добавляют: «Позади мужчины, в телеге, горбилась какая-то поклажа, накрытая брезентом».

Возбужденные павианы устремились на крышу и стали ломать там черепицу. В черновике добавление: «и швыряться ею». Позже Авторы убирают лишнюю подробность, так как далее по тексту процесс «швыряния» уже описан.

Давыдов, разговаривая с толпой, отвечает на вопрос интеллигента («У кого гон?») не только пренебрежительно, но и «не взглянув на него». А после предложения Гейгера Давыдову «следовать за мной» действие описывается так: «Взгляды их скрестились. Наступила тягостная тишина». Потом Авторы убирают второе предложение: оно явно здесь лишнее и не соответствует бесшабашности Давыдова.

После рабочей ночи и отражения павианов Воронин, придя домой, сразу «разделся. Догола». В черновике поясняется: «Он хотел бы содрать с себя всё вместе с грязной, потной кожей».

На кухне у Воронина, когда описывается куча грязной посуды, упоминается «кухонный стол», определение «кухонный» (раз уж стоит на кухне, то какой же еще?) убирается.

Сельма заходит к Воронину за сигаретой и, получив просимое, «чиркнула зажигалкой и закурила». В черновике есть под-

робность: «...зажигалкой, которая неожиданно появилась в ее пальцах...» Тогда же, показывая Андрею транзистор, Сельма «отобрала у него приемник, раздалось хрипение, треск разрядов и заунывное подвывание». В черновике все расписано более подробно: не только «отобрала у него приемник», но и «покрутила какие-то незаметные колесики».

Убирают Авторы и несвойственную Кэнси шутливость. Рассказывая Андрею об операции по поводу окольцевания павианов, в черновике он шутит: «Павианы — твари умные, один там так прямо-таки нацеливается на должность старшего полицейского...»

Была в черновике и такая подробность. При жарком разговоре в гостях у Воронина Фриц Гейгер заявляет: «А я не желаю!», одновременно «пересаживаясь на место Отто, чтобы быть поближе к центру спора».

«Но я здесь свободный человек»,— заявляет Давыдов и в черновике добавляет: «...заметьте, в первый раз в жизни».

Разгоревшийся разговор об Эксперименте, Наставниках и Городе прерывает Сельма. Андрей недоволен: «Неожиданно оборвавшийся разговор взбаламутил в нем какой-то неприятный осадок — что-то было недоговорено, что-то было не так понято, не дали ему объяснить, не получилось единства»,— и в черновике идет вывод: «...и это ощущение мешало, как заноза».

Дядя Юра вдруг собирается петь, «уставясь своими ерническими светлыми глазами на голые ляжки Сельмы». В черновике объяснение: «...снова задравшей ноги чуть не на спинку кресла...»

«По-видимому, шефу здорово всыпал Главный прокурор»,— говорит Андрею Гейгер. В черновике он еще и поясняет: «Дела скапливаются, процент раскрытий хреновый...»

Во время допроса, когда Гейгер бьет Питера Блока, после удара в живот и затем в подбородок Копчик падает. Фриц кричит ему «Встать!», и затем: «Копчик, всхлипывая и задыхаясь, торопливо возился на полу. Лицо Копчика было теперь совсем белое, с прозеленью, глаза выкатились, обезумели, он обильно потел». В черновике между этими двумя предложениями присутствует еще одно: «Фриц подскочил к нему, схватил за воротник и рывком вздернул на ноги». После этого звонит телефон, и, отвечая, Воронин говорит «сквозь зубы». В черновике более обстоятельно поясняется, почему: «...не разжимая зубов, чтобы не стучали». И

позже Гейгер говорит о Копчике: «Но напоследок надобно еще проучить немножко». Авторы правят конец фразы: «...надобно проучить слизняка» — и добавляют: «Года три схватит».

Когда шеф полиции излагает Воронину важность дела о Здании, он сообщает: «Так что кроме вас этим занимается и будет заниматься еще кто-то из прокуратуры». В черновике говорится более подробно: «Одновременно с вами и независимо от вас этим делом будет заниматься еще кто-то из прокуратуры».

Когда Гейгер предлагает Воронину во время допросов рассказывать, что он работал в ЧК или ГПУ так же, как сам Гейгер пугает допрашиваемых Гиммлером, в черновике Андрей замечает: «Конечно, сравнивать гестапо с солдатами Железного Феликса...»

Когда Гейгер зачастил к Сельме, Андрей «сказал ему несколько слов». В черновике поясняется: «...сказал Фрицу прямо, что здесь ему ничего не отломится».

Делая вывод из дела о Здании, Андрей Воронин перечисляет те факты, которые его смущали (только ночью, в состоянии опьянения, несообразности в показаниях), «особенно же смущала полная бессмысленность и дикость происходящего». В черновике вместо несколько размытого «дикость происходящего» дается четкое определение: «ненужность такой дикой выдумки».

Дежурного, вызвавшего свидетелей ночью, Воронин в черновике обзывает: «дубина вы безграмотная» — и собирается не «я его, дубину этакую, припеку», а «я на эту дубину напишу рапорт».

Когда Андрей впервые видит Красное Здание, в тексте идет сразу его описание. В черновике есть предуведомление: «Андрей до последнего мгновения был уверен, что все это — вранье, глупый и бессмысленный блеф, мифическая оболочка какого-то антигосударственного заговора; но вот он стоял перед этим Зданием...»

Рассказ о брате, который Воронин услышал в Красном Здании, начинался в черновике более подробно: «Сами знаете, как это было. После войны вся наша слушательская братия принялась устраивать свою судьбу и карьеру — в частности, наперебой ухлестывать за высокопоставленными дочками. А дочки, прямо вам скажу, просто пи́сали — фронтовики, гвардейцы, то-сё, да еще с высшим образованием. Только наш этот кавалер никог-

да и ни при каких обстоятельствах в этом гоне не участвовал. Конечно, бывало, приходил он на вечеринки...»

Мысли Воронина после выхода из Красного Здания в черновике тоже описывались более подробно: «Ну, нашел я это Здание, ну, побывал, увидел своими глазами... А дальше? Одну минуточку. Прежде всего я сделал фактическое открытие. Красное Здание существует...»

О Красном Здании рассказывает Воронину пан Ступальский. В опубликованных вариантах несколько неясно: «Он подробно описан в откровениях святого Антония. Правда, этот текст не канонизирован, но сейчас... Нам, католикам...» В черновике: «Он подробно описан в откровениях святого Антония. Правда, это не канонизированный текст, но сейчас нам это разрешено, нам, католикам...» И еще (уже об Эксперименте) пан Ступальский говорит: «История знает случаи, когда людей брали живыми на небо...» Первоначально — не «людей», а «великих праведников».

В черновике не только упоминается концовка известного анекдота, но и приводится он весь: «Андрей почему-то вспомнил анекдот, рассказанный в свое время Изей — про то, как медведь купил мотоцикл с люлькой и решил покатать зайца. Дал медведь шестьдесят километров в час и смотрит, как там косой. "У-лю-лю-лю-лю!" — лихо кричит заяц. Ишь ты, смельчак какой, подумал медведь с удивлением и дал восемьдесят километров. "У-лю-лю-лю-лю!" — голосит заяц. Ну, дает косой, подумал медведь и выжал сто. "У-лю-лю-лю-лю!" — знай себе орет косой. Тут медведь перепугался, сбросил газ. "Ты что,— говорит,— ошалел? Разобьемся же к чертям..." И затормозил. И тут заяц наконец выговорил: "У лю... У лю... У люльки же дна нет, дурак старый!.."»

После слов «Господин Ван, от имени прокуратуры приношу вам глубочайшие извинения за незаконный привод. Ручаюсь, что это больше никогда не повторится» в черновике Воронин думает: «Сказал и устыдился. Во-первых, привод не был, строго говоря, незаконным. Во-вторых, ручаться он никак ни за что не мог».

Дядя Юра, встретив Воронина у мэрии, сообщает ему: «Фриц твой белобрысый — этот здесь». А в черновике добавляет: «...помнишь его? Ну, немчик этот, все у тебя вместе пьем с ним...»

О том, что Сельма напропалую спит с доктором, Воронин отмечает: «Это было еще одно унижение...»

Появившись в редакции и слушая бравурную музыку из радиоприемника, Изя Кацман повествует: «Всеобщая амнистия!» и т. д. В черновике он этими словами отвечает на вопрос Сельмы: «Как же ты здесь оказался, Изечка?»

В начале конфликта Кэнси и Цвирика, происходящего во время переворота, Кэнси, указывая на вооруженных людей, прибывших вместе с Цвириком, спрашивает, не новые ли это сотрудники. Цвирик отвечает: «Представьте себе — да! Господин БЫВШИЙ заместитель главного редактора! Это новые сотрудники. Я не могу вам обещать, что они...» В остальных рукописях и изданиях речь обрывается, но в черновике он досказывает: «Я не могу вам обещать, что они ваши новые сотрудники, но это новые сотрудники редакции».

При обсуждении экспедиции на север Гейгер говорит: «Как можно глубже. Насколько хватит горючего и воды». И в черновике добавляет: «Причем, если по дороге представится возможность пополнить запасы, надо будет использовать их до последней капли». И следует ответная реплика Воронина: «...на какие запасы горючего ты там рассчитываешь. Там же средние века, какое там может быть горючее и какая может быть перестрелка?» И позже, когда Гейгер пытается выяснить, насколько далеко надо посылать Экспедицию (когда солнце сядет за горизонт), Андрей замечает: «Я вообще не понимаю, на кой черт тебе до самого конца доходить».

Когда Воронин начинает распаляться: «И скажи, пожалуйста, нашему дорогому Румеру, чтобы он зарубил на своем павианьем носу...», Гейгер его обрывает: «А можно без ультиматумов?» В черновике Воронин договаривает до конца: «...в канцелярию по науке и технике этот самый нос пусть не сует».

Полнее в черновике представлено и антисемитское высказывание Эллизауэра. В остальных вариантах он говорит: «Нет ничего на свете хуже жида. Однако я никогда ничего не имел против евреев! Возьми, скажем, Кацмана...» В черновике продолжает: «Он еврей? Да! Он жид? Ни в коем случае».

В походе, перед рекогносцировкой Изя и Пак «рассматривали схему города». В черновике поясняется: «...которую Изя раскопал в бумагах этой ночью».

И в перечислении остающихся, когда Воронин с Изей, Паком и Немым идет в разведку, смотрящих им вслед («прищурившийся от солнца Пермяк, придурковатый Унгерн, испуганно округливший свой вечно полураскрытый рот, угрюмый Горилла-Джексон, медленно вытиравший руки куском пакли...»), в черновике продолжение: «...заика Йонсен, посасывающий сбитый палец...»

Во время разведки Воронин обращает внимание: «Какое-то общественное здание — не то театр, не то концертный зал, не то кино. Потом опять магазин — витрина расколота,— и еще магазин на другой стороне...» А в черновике после этого констатирует: «Видимо, начиналась деловая часть города».

Возвратившись из рекогносцировки и застав на месте экспедиции трупы и пожар, Воронин читает записи в дневнике, написанные Кехадой после ухода Андрея. «Дальше на бумаге шел чернильный зигзаг с брызгами, и записи на этом кончались» — так в окончательном варианте. В черновике же: «Дальше на бумаге шел чернильный зигзаг, а ниже, поперек страницы, огромными кривыми буквами было нацарапано «БУНТ». На этом дневник кончался».

Но Авторы не только сокращали, убирая лишние, по их мнению, подробности. К примеру, когда в редакции уничтожают письма, Кацман читает в одном из них о Гейгере: «У него везде свои люди». Это в черновике. Но Авторы, считая такое описание слишком общим, детализируют: «Его люди пронизывают весь муниципальный аппарат. Вероятно, они есть и в вашей газете».

Политические правки

Правок, рассчитанных на неуемную работу цензоров даже здесь мало. Здесь, скорее, работала автоцензура АБС: «Ну, невозможно такое будет опубликовать. Никогда». Знали бы они тогда о нынешней вседозволенности...

Матильда Гусакова, рассказывавшая о Здании и угодившая поэтому на допрос к Воронину, пытается выяснить, кто же настучал на нее. В публикациях романа до последнего времени ее слова были такими: «Кто же мог сообщить? — проговорила она.— Вот уж не ожидала!..— Она покачала головой.— И здесь, оказывается, надо соображать, кто да с кем... При немцах сидели —

рты на замке. Сюда подалась — и тут, значит, та же картина...» В черновике же все выглядело по-другому: «Кто же это мог настучать? — раздумчиво проговорила престарелая Матильда.— У Лизы все свои, разве что Кармен где-нибудь натрепалась после... болтливая старуха... У Фриды? — Она покачала головой.— Нет, не может быть, чтобы у Фриды. Вот к Любе ходит один... противный такой старикашка, глазки у него так и бегают, и вечно он пьет за Любин счет...— Она положила вязание на колени и задумчиво посмотрела в стену.— Вот уж никак не ожидала! И здесь, оказывается, приходится соображать, кто настучал, на кого настучал... При немцах сидели — рты на замке. После сорок восьмого — опять помалкивай да посматривай. Только немножко рот открыли золотой весной — на тебе, русские на танках прибыли, опять заткнись, опять помалкивай... Сюда подалась — и тут та же картина». И позже, на вопрос Воронина, верит ли она в Красное Здание, она отвечает: «За кого это вы меня принимаете, чтобы я в такие басни верила?»

Пан Ступальский, рассказывая о подполье, говорит об одном инженере: «материалисте» — в изданиях, «коммунисте» — в черновике.

Убрано было из чистовика и большинства изданий (когда Воронин заполнял анкету Кацмана при допросе): «Партийная принадлежность? — Без», еще убран Васил Биляк из перечисления, кого Кацман видел в Красном Здании («Из нового времени: Петэн, Квислинг, Ван Цзинвэй»).

Эти и многие другие подробности были восстановлены при работе над собранием сочинений издательства «Сталкер».

Стилистическая правка

Но наиболее богатой на примеры выглядит, конечно, стилистическая правка черновика. Долго работая над рукописью, Авторы правят и правят ее, находя иногда более емкое, иногда более точное, а иногда и более зрелищное слово.

О дерьме Андрей в черновике говорит: «У нас это дело вообще не продается». Некоторая двусмысленность насчет «непродажности» дерьма присутствует в таком изложении, и Авторы изменяют: «У нас этим делом вообще не торгуют...»

Грузовик мусорщиков испускает «густые клубы» в черновике «черного», а после правки — «синего дыма».

Яма, наполненная черной водой, которую сходу проскакивает грузовик Дональда, в черновике названа просто «глубокой»; «страховидная» — находят Авторы более зримое определение.

«Он считал, что Гаити — это то же самое, что Таити»,— говорится в черновике. Слишком грубая ошибка — считают Авторы и правят: «...он путает Гаити с Таити...»

В описании пейзажа Города Авторы во фразе «...стала видна раскаленная Желтая Стена, поднимавшаяся в небо...» заменяют «поднимавшаяся» на «уходящая».

При описании бесчинств павианов («приставали к побелевшей от ужаса женщине, прижавшейся к стене») Авторы находят более образные слова: не «прижавшейся к стене», а «обмершей в подъезде».

Авторы описывают реакцию местных жителей на неуспешные действия отряда самообороны по отражению павианов: «Женщины в окнах оскорбительно захохотали», а позже подправляют: не «оскорбительно», а «издевательски».

Карнизы и водосточные трубы, «усеянные» беснующимися павианами. Авторы правят: не «усеянные», а «облепленные».

Голова Давыдова сначала описывается как «волосатая», правится на «патлатая».

Отто Фрижа: определение «чахоточный» исправлено на «маленький тощий». Дональд: «холодноватый» — на «язвительный».

На рассказ Воронина о металлургическом комбинате в Череповце Давыдов реагирует: «Значит, и до Череповца добрались?» Правя, Авторы усиливают негативность этой реакции: «И его, значит, в оборот тоже взяли...»

Вспомнив о бабах, Давыдов в черновике «покрутил носом». Исправляется на «пошевелил бородой».

О Сельме, увидев ее второй раз, Воронин думает: «Черты лица ее были скорее неправильны и грубоваты». Авторы правят: «Лицо у нее было скорее неправильное и грубоватое даже...» А вот описание ее ног («Они были длинные, гладкие, твердые» и т. д.), которое в черновике находилось в этом месте (когда Сельма пришла к Андрею попросить сигарету), Авторы переносят ближе к началу — во время первого появления в романе Сельмы, когда

ее, новенькую, привел ночью Кэнси. Описывая Сельму словами Андрея, Авторы позволяют себе в черновике: «...блядь и блядь...», но потом правят: «...сучка и сучка...» И позже в тексте нецензурное слово правится Авторами на «шлюху».

Показывая Воронину транзистор, Сельма говорит: «На всех диапазонах один треск и вой, никакой музыки нет». Авторы добавляют Сельме речевую характеристику: вместо «никакой музыки нет» — «никакого кайфа».

Высказанная Сельмой мысль об очеловечивании павианов кажется Воронину «не лишенной какого-то смысла». Рядом идут «мысль» и «смысл», и Авторы заменяют «смысла» на «рационального зерна».

На вопрос Изи, что является целью руководства, Андрей отвечает: «Всеобщее благо, порядок, создание максимально благоприятных условий для работы...» Правя черновик, Авторы заменяют «максимально благоприятных» на «оптимальных» и «работы» на «движения вперед».

О варианте изгнания павианов Изя заявляет: «...силенок не хватит». Потом Авторы находят более точное: «...кишка тонка...» О варианте сокрытия существования павианов Изя говорит: «Их слишком много, а правительство у нас пока, слава богу, не диктаторское». Вторую половину фразы Авторы правят: «...а правление у нас пока еще до отвращения демократическое». Павианов, заполнивших Город, Изя вначале называет «банды», затем — «стада и шайки». Кацман изображает восхищение, вначале «высоко задирая брови», позже Авторы находят более точное: «...ударяя кулаком в ладонь».

При общении с Гофштаттером Отто Фрижа «счастливо сиял», затем Авторы находят более точное (ибо, как выясняется дальше из его рассказа, радоваться ему особенно было нечего): «...не переставал улыбаться...» Сам же Гофштаттер просит передать Гейгеру, что он ему оставит немного свинины, «килограммчика три». Уважительность полусумасшедшего немца к соотечественнику не соответствует уменьшительному «килограммчика», и Авторы правят на «килограмма три». О Гоффштаттере упоминается, что он смертельно боится «китайцев, японцев и негров», потом Авторы заменяют японцев на арабов.

Давыдов привозит Воронину «два здоровенных рогожных мешка» с картофелем. «Здоровенных» правится на «тучных».

Во время стилистической правки черновика Авторы иногда приводят просторечные выражения к литературным нормам. К примеру, вместо «навстречу ему выперся Изя» — «в дверях его перехватил Изя». Но в речи персонажей просторечия стараются оставлять: Давыдов не понимает слово «кальмары» и говорит «кама́ры» (потом, уже в изданиях, тщательный корректор правит на «кальмаров», но Авторы возвращают к исходному — «кама́ров»).

Изино восхищение («Любопытная вещь!») Авторы заменяют на более эмоциональное, близкое к характеру Изи «Поразительная штука». И далее, когда Изя рассказывает о северных районах, в черновике он говорит: «Правда, справедливости ради, должен сказать, что многое в этих рассказах доверия совершенно не заслуживает». Для эмоционального Изи — слишком гладкая размеренная речь. Поэтому Авторы правят: «Правда, и врут про те места тоже безбожно».

Об интеллигенции Андрей говорит: «Терпеть не могу этих безволосых очкариков, дармоедов». Авторы «безволосых» правят на «бессильных» и добавляют к перечислению «болтунов».

«В спорах родилось»,— говорит дядя Юра и щупает у себя: в черновике — под глазом, позже — правую скулу.

Из рассказа Кацмана о Городе: «Условно считаем, что направление на солнце, та сторона, где болота, поля, фермеры,— это юг, а обратная сторона, в глубину города,— север». «Обратная сторона»... Авторам не нравится такое определение, и они изменяют на «противоположная сторона».

Песню, которую пели Фриц и Отто, Воронин характеризует в черновике как «славную боевую песню». «Славная» изменяется на «великолепную». А песню «Москва — Пекин» Воронин называет сначала «боевой», а в правленном варианте «прекрасной».

Об уединении Андрея и Сельмы сначала говорится, что в Андреевых «воспоминаниях оказался сладостный опустошающий провал». Позже Авторы правят «воспоминаниях оказался» на «ощущениях образовался». Ибо это были именно ощущения, а не воспоминания.

После песни Галича, исполненной Изей Кацманом «дядя Юра вдруг со страшным треском обрушил пудовый кулак на столешницу», и далее в черновике — «очень длинно, сложно и необычайно грязно выругался», а в правленном варианте — «длинно и необычайно витиевато выматерился».

На шее Питера Блока «длинно съехал книзу и снова подскочил под подбородок могучий хрящеватый кадык». «Под подбородок» правится на «к подбородку».

По заявлению Питера Блока, от дочери Гофштаттера «все мужики в околотке»: в черновике — «без памяти бегают», в исправленном варианте — «по углам прячутся». И Питер Блок во время очередного вопроса «воздел глаза к потолку», а в правленном варианте «возвел глаза к потолку». Речь Питера Блока тоже правится: не «напился», а «насосался», не «насовали» (о драке), а «навешали».

«Перестаньте врать, Блок,— устало сказал Андрей.— Стыдно слушать...» «Стыдно» правится на «срамно». И далее Воронин думает: «Попробуй мне только пол заблевать — я тебя, сукиного сына, одной промокашкой заставлю все убрать...» Последнее слово правится на «подобрать».

Фриц при допросе наносит Питеру Блоку «короткий удар в живот». Затем Авторы изменяют «короткий» на «режущий».

В черновике Воронин определяет грабителя Копчика как «гнойный прыщ на теле общества». Позже Авторы изменяют «гнойный прыщ» на «фурункул»[1].

У Гейгера во время допроса Копчика челюсть «далеко выдвинута вперед». Затем Авторы находят более удачное описание: «свирепо выдвинута вперед». Андрей, невольно любуясь Гейгером, замечает: «В нем уже почти ничего не осталось от надутого...»: «солдафона» — в черновике, «молодого унтера» — в поздних вариантах. И далее, вспоминая об исчезнувшей уже наглости Фрица, Андрей сначала называет ее «бессмысленной», позже — «туповатой».

---

[1] Видимо, чтобы избежать ненужных ассоциаций: прозвище-характеристика «гнойный прыщ» уже было занято. Если и не в произведениях, то в уме.— *В. Д.*

Идя к шефу полиции, Воронин «ожидал втыка, крепкого начальственного фитиля». «Крепкого» изменяется на «шершавого».

В перечислении ужасов в Здании присутствуют «черные провалы люков, дышащие неслыханным кладбищенским зловонием». Авторы правят неточное «неслыханным» на «ледяным».

Папки с делами у следователя Воронина сначала «растрепанные», затем — «разбухшие».

Чачуа в разговоре с Ворониным называет русских «дураками». Слово слишком заезженное, и Авторы правят: «идиёты». И описание смеха Чачуа как «раскатистый хохот толстого кавказца» правят на «раскатистый хохот страшно довольного кавказца». Анекдот же про заварушку в Питере Андрей называет в черновике «нехитрым и глупым», позже — «дурацким».

Матильду Гусакову Воронин в сердцах (и мысленно) называет «старой стервой», но называть так старушку... и Авторы правят: «старую корягу».

Синагога, рядом с которым появлялось время от времени Красное Здание, была «исчерченной свастиками». Исправлено на «изрисованной свастиками». И кинотеатрик рядом — о нем упоминается, что он был оштрафован: в черновике — «за нелегальный показ порнографических фильмов», в изданиях — «за показ порнографических фильмов в ночное время». Но хоть так, хоть этак, все равно непонятно: а что, в дневное время можно? Или был там и легальный показ?

Один из военных, изображающих шахматные фигуры, в Красном Здании был украшен «массой орденов, значков, ромбов, нашивок». Позже Авторы меняют «массой» на «созвездиями».

В Красном Здании жарко полыхал камин и слышалось «уютное потрескивание пылающих дров». «Дров» правится на «поленьев».

Когда Воронин приходит в себя уже во время разговора с Кацманом и паном Ступальским, это описывалось в черновике так: «Словно соскользнула с него липкая полупрозрачная пленка кошмара...» Авторы правят и получается: «Словно лопнула и растаяла эта липкая полупрозрачная пленка кошмара...»

При допросе Кацмана напряжение и степень возмущения у обоих достигает предела. «Что было в папке?!» — кричит Андрей: «так, что у него даже что-то щелкнуло за ушами» — в черно-

вике; «изо всех сил» — в правленном варианте. В ответ на это: в черновике — «Изя тоже осатанел», позже — «И тут Изя сорвался».

Когда Давыдов гнал лошадь, он гикал: «усердно» — в черновике, «отчаянно» — в поздних вариантах.

Диван в редакции: в черновике — «потрепанный», в других вариантах — «пыльный».

Когда Наставник разговаривает с Ворониным о погасшем солнце, он отмечает: «Так что ретроспективно <...> эта тьма египетская будет рассматриваться уже как нормальная часть Эксперимента». Потом Авторы заменяют «нормальная» на «неотъемлемая, запрограммированная».

Кацман, повествуя о том, как он оказался в редакции в период переворота, говорит о Гейгере: «Великий вождь открыл двери тюрем». Но Кацману свойственна ирония, поэтому Авторы правят: «Великий вождь открыл двери узилищ!»

Воронин, уже господин советник, выходит из общего душа, «ступая на цыпочках». Чтобы подчеркнуть появившуюся брезгливость персонажа, Авторы правят: «...ковыляя по грязноватому кафелю и брезгливо поджимая пальцы». Чиновника, которого он встречает в раздевалке, Воронин мысленно характеризует: «Быдло». Андрей уже вполне вошел в роль господина советника, он избранный, правитель. Но ведь этот чиновничек тоже из правителей, только мелкий, пустой, суетливый. И Авторы изменяют: «Недотыкомка»[1]. И снова, подчеркивая брезгливость «нового» Андрея, «истоптанная» песчаная аллейка правится на «заплеванная». А когда в размышлениях Воронина упоминается Дания («Людей накормить от пуза! Да разве же это задача? В паршивой Дании это уже умеют делать много лет»), «паршивая» правится на «задрипанную».

Добавляют Авторы выразительности и библейских ассоциаций, описывая Город. В черновике: «Неоглядная сине-зеленая

[1] Это, как сообщил В. Курильский, областное, диалектное слово известно в литературе из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» и его же стихотворения «Недотыкомка серая». На вопрос, откуда комсомолец-астроном в 1951 г. мог знать прозу и стихи Сологуба, БНС ответил: «Совершенно не помню, когда АБС впервые познакомились с Сологубом. Но это, конечно, могло случится и до 51-го — были же дореволюционные издания».— *В. Д.*

пустота к западу и неоглядная желтая вертикальная твердь с узенькой полоской-уступом, на котором тянулся город,— к востоку». Исправленный вариант: «К западу — неоглядная сине-зеленая пустота — не море, не небо даже — именно пустота синевато-зеленоватого цвета. Сине-зеленое Ничто. К востоку — неоглядная, вертикально вздымающаяся желтая твердь с узкой полоской уступа, по которому тянулся Город. Желтая Стена. Желтая абсолютная Твердь. Бесконечная Пустота к западу и бесконечная Твердь к востоку».

После драки среди рядовых членов экспедиции разгоряченный Воронин тупо разглядывает «свои трясущиеся пальцы». Авторы правят — «подрагивающие».

Воронин думает о вызвавшихся идти в поход добровольцах: «...авантюристы, сорви-головы». «Сорви-головы» Авторы изменяют на «сарынь на кичку».

Речь Воронина перед статуями сразу писалась Авторами тщательно, поэтому подверглась она только стилистической правке с заменой «простых» слов на «трибунные»: «гладкую бабу» — на «роскошную особу», «целыми толпами» — на «побатальонно», «засранцы» — на «задрипы», «говно» — на «дерьмо», «падла» — на «тварюга», «господа» — на «сударики мои», «восстановить» — на «реализовать» и др. Разве что только «премия Каллинги» была в черновике «фабрикой имени Ногина» и в рассуждении, кем был этот, чьим именем назвали, предположения были другими: не писатель и спекулянт шерстью, а полководец и живописец. И совсем маленькая вставочка, после слов «Ведь если всех вас запоминать, так забудешь, сколько водка стоит»: «Ойло союзное забудешь, сколько стоит. Вот увлекся я тут с вами и забыл. Помню, что два рубля с чем-то кило... А вещь, между прочим, вкусная, не то что вы. Вроде коз-халвы. С орехами. Едали?»

Убирают Авторы повторы в описании. «Ларечник ходил вокруг своего разгромленного ларька, кряхтел, почесывал спину и, судя по выражению лица, явно что-то такое прикидывал». «Судя по выражению лица» и «явно» выражают одно и то же: допущение оценивающего действия ларечника, поэтому первое убирается.

Убирают Авторы и канцеляриты, не присущие ни рассказывающему Давыдову, ни описывающему этот рассказ Воронину.

Вместо «Бородач <...> снисходительно на него поглядывал и давал пояснения. Гон, оказывается, имел место у краснух...» — «Бородач <...> снисходительно пояснял, что гон на болотах бывает, брат, у краснух...» И опять правят канцелярит у Воронина. Приглашая Давыдова в гости, Андрей говорит: «Если меня не будет, обратитесь к дворнику...» «Обратитесь» правится на «загляните». И еще, когда Воронин думает о Давыдове, «его уход в Эксперимент больше похож на бегство от трудностей» — на «в Эксперимент он, конечно, не пошел, а от трудностей убежал...»

Но особенно показательно выглядит правка Авторами глаголов. Глагол в повествовании (в остром повествовании, предназначенном для широкого читателя) имеет едва ли не главную роль — он как бы увлекает читателя, несет его по сюжету, поэтому с подбором глаголов Авторы особенно тщательны. Вот лишь некоторые. «Окрысился» заменяется на «огрызнулся», «ударился» — на «ахнулся», «прекратились» (вопли) — на «утихли», «потрогал» (ударенное ухо) — на «ощупал», «спит» — на «дрыхнет», «неоднократно заговаривал» — на «не раз распространялся», «показалось» — на «померещилось», «хочется спросить» — на «тянет спросить», «стукнул» (кулаком) — на «ахнул», «пытаясь» (ухватить из пачки сигарету) — на «силясь», «душила» (одышка) — на «мучила», «боретесь» — на «сражаетесь», «подняло» — на «вознесло», «охватило» (ощущение вины) — на «пронзило», «выглядывала» (нижняя часть шофера из двигателя автомобиля) — на «выпячивалась», «догадались» — на «сообразили», «рявкнул» — на «гаркнул», «вытащил» — на «извлек», «зашелестел» — на «зашуршал», «проорал» — на «завопил», «озираясь» — на «вертя головой», «ткнул» — на «пнул».

ЧИСТОВИКИ ГО

Как уже говорилось выше, в архиве сохранилось два чистовика. На последней странице одного из них отмечено время работы над рукописью: «1970–1972, 1975». В другом чистовике — более детально: «24.02.1970 — 27.05.1972 — 31.07.1975».

Оба чистовика ГО еще очень похожи на черновик — многие исправления еще не внесены. Есть и варианты правки, где чисто-

вик уже отличается от черновика. Как пишет БНС в «Комментариях»: «В Питере явно шилось очередное «ленинградское дело», так что теоретически теперь к любому из «засвеченных» в любой момент могли ПРИЙТИ, и это означало бы (помимо всего прочего) конец роману, ибо пребывал он в одном-единственном экземпляре и лежал в шкафу, что называется, на самом виду. Поэтому в конце 1974-го рукопись была БНом срочно распечатана в трех экземплярах (заодно произведена была и необходимая чистовая правка), а потом два экземпляра с соблюдением всех мер предосторожности переданы были верным людям... <...> Слава богу, все окончилось благополучно, ничего экстраординарного не произошло, но две эти копии так и пролежали в «спецхране» до самого конца 80-х, когда удалось все-таки «Град» опубликовать». Какой из чистовиков — более ранний, какой — более поздний,— неизвестно, так как они содержат часто разную правку (где-то это черновик, а где-то — уже чистовик; в другом же варианте чистовика — всё наоборот).

Для публикаций АБС иногда использовали черновик, вводя уже какую-то другую стилистическую правку, иногда — чистовик, тоже дорабатывая, но это была именно стилистическая правка — без существенных изменений в сюжете или в обрисовке персонажей.

Иногда Авторы вводили какие-то фактические правки, к примеру, в первом разговоре Давыдова и Воронина упоминается металлургический комбинат в Череповце. В черновике и ряде изданий говорится: «Там же строится металлургический комбинат, огромнейший заводище!..», в чистовиках и ряде изданий: «Там же сейчас металлургический комбинат отгрохали, огромнейший заводище!»

Будучи следователем, Воронин вспоминает: «Два года назад, когда он был еще мусорщиком...» Это в одном из чистовиков и ряде изданий — «два года». В другом чистовике и ряде изданий: «Всего год». А в черновике вообще — «полгода».

Точно так же изменяется количество лет, прожитых Кацманом в Городе — три или четыре года. И — сколько времени Воронин знаком с Кацманом: «три года», «два с лишним года», «больше года».

Проникло из чистовиков в некоторые издания и ошибочное замечание в начале повести, что фермеры живут на севере, а не на юге.

ВАРИАНТ В ХС

Как известно, в качестве Синей Папки в ХС Авторы ввели ГЛ, но первоначально они планировали вставить туда ГО. Из «Комментариев» БНС: «Работая над романом, мы, для собственной ориентировки, подразумевали под содержимым Синей Папки наш «Град обреченный», о чем свидетельствовали соответствующие цитаты и разрозненные обрывки размышлений Сорокина по поводу своей тайной рукописи. Конечно, мы понимали при этом, что для создания у читателя по-настоящему полного впечатления о второй жизни нашего героя — его подлинной, в известном смысле, жизни — этих коротких отсылок к несуществующему (по понятиям читателя) роману явно недостаточно, что в идеале надобно было бы написать специальное произведение, наподобие «пилатовской» части «Мастера и Маргариты», или хотя бы две-три главы такого произведения, чтобы вставить их в наш роман... Но подходящего сюжета не было, и никакого материала не было даже на пару глав, так что мы сначала решились, скрепя сердце, пожертвовать для святого дела двумя первыми главами «Града обреченного» — вставить их в «Хромую судьбу», и пусть они там фигурируют как содержимое Синей папки. Но это означало украсить один роман (пусть даже и хороший) ценой разрушения другого романа, который мы нежно любили и бережно хранили для будущего (пусть даже недосягаемо далекого). Можно было бы вставить «Град обреченный» в «Хромую судьбу» ЦЕЛИКОМ, это решало бы все проблемы, но в то же время означало бы искажение всех и всяческих разумных пропорций получаемого текста, ибо в этом случае вставной роман оказывался бы в три раза толще основного, что выглядело бы по меньшей мере нелепо».

Вариант ХС с главами ГО сохранился. И если соотношение ГЛ-ГО-ХС рассматривается в разделе «ХС», то отличия этих четырех (а не двух) глав, собственно — первой части ГО, от разных вариантов основного текста приведены ниже.

Различия в основном, конечно же, стилистические. Ибо тот, прежний ГО писался и правился в середине 70-х, правка же этого варианта относится к первой половине 80-х: другое время, за плечами уже несколько других произведений, изменились и взгляды Авторов, изменился стиль.

Стилевые разночтения чрезвычайно интересны и будут полезны для тех, кто будет изучать изменение стилистики АБС в течение творческой жизни, но оценивать эти разночтения («лучше-хуже»), право же, необъективно: кому-то более нравятся ранние АБС, кому-то — поздние. Поэтому здесь они рассматриваться не будут — оставим эту работу специалистам. Рассмотрим лишь некоторые фактические исправления.

Правятся некоторые числа. Если в рассказе Кэнси о полковнике Маки говорилось, что в шахте он взорвал, по одному варианту, восемь тысяч китайских рабочих (по второму варианту — пять), то здесь — три с половиной тысячи.

В романе говорится, что Дональд до мусорщика работал грузчиком на складе или продавцом в зеленной лавке (два варианта издания), то здесь — продавцом в галантерейном.

«И почему именно павианы? Почему не тигры?» — думает Воронин о нашествии павианов. Здесь не тигры, а крокодилы.

После обнаружения у Дональда пистолета следует разговор Воронина с Дональдом, в котором Андрей пытается уговорить Дональда сдать пистолет, Дональд же думает о чем-то своем. Здесь вставка:

Дональд вдруг спросил вроде бы даже с любопытством:
— И вы не чувствуете ни стыда, ни унижения, ничего?
— При чем здесь это? — растерялся Андрей.

Из этой рукописи можно узнать, что гон на болотах происходит у краснух раз в три месяца.

Встретив Давыдова в первый раз, Воронин поразился приступу ностальгии, охватившей его. Размышляя, Воронин замечает: «...не то чтобы этот бородач казался ему воплощением родины, вовсе нет». Здесь следует дополнение: «...не так представлял он себе воплощение Родины». Давыдов, рассказывая Воронину о

фермерской жизни, замечает: «У нас, браток, на болотах с бабами очень туго». Здесь поясняется: «Не едут они к нам!»

Интересуясь, что произошло с селом за годы, когда Давыдов уже ушел с Земли, а Воронин еще был там, Давыдов спрашивает не вообще — «как там на деревне», а конкретно: «А на Вологодчине тебе бывать не приходилось?»

О спорах насчет Эксперимента Давыдов рассказывает, что они происходят, когда фермеры насосутся самогонки. В этом варианте — пива.

Когда Андрей объясняет Сельме, что ей нужно будет сделать, чтобы получить работу: «Пойдешь на биржу, заполнишь книжку, бросишь в приемник... Там у нас установлена распределяющая машина»,— здесь объяснение продолжается: «Она решит, куда тебя направить вначале».

Андрей, обращаясь к Изе, называет его не просто «трепло», а «трепло астраханское». А голос Изи, когда тот зачитывает проект решения о павианах, приобретал «левитановские интонации».

Когда Воронин шутя передает Гейгеру привет от Эльзы и заявляет о ребеночке, Фриц реагирует на это, говоря не «Дурацкие шутки», а «Азиатские шутки».

Отто, говоря о профессиональном обучении в Городе, недоумевает, зачем оно нужно, если «каждый то и дело меняет профессию». В этой рукописи более конкретно: не «то и дело», а «шесть раз в год».

Когда Воронин во время ожесточенного спора задумывается о соотношении Эксперимента и дела товарища Сталина, Изя вдруг отвечает ему, и Андрей осознает, что «уже некоторое время говорит вслух». Здесь — продолжение: «...причем, по-видимому, громко, потому что все смотрели на него и улыбались».

Потом разговор переходит на обсуждение интеллигенции и культуры, где Воронин полностью соглашается с мнением Гейгера об интеллигенции, но расходится с мнением насчет полезности культуры. В этой рукописи, там, где Воронин поначалу старается объяснить Гейгеру, как надо понимать культурное достояние, он, обрывая пояснение, говорит: «Э-э, да куда тебе!..»

Во время разговора о сущности Эксперимента и Наставников Давыдов говорит о том, что Город для Наставников — нечто вро-

де аквариума, а они наблюдают за жителями Города, и добавляет: «Ученые они, понял?»

Потом разговор заканчивается и начинается пение. В этой рукописи вместо «Там в степи глухой замерзал ямщик...» все хором поют: «Хазбулат удалой, бедна сакля твоя...»

ИЗДАНИЯ

Вначале роман вышел, как обычно, в журнальном варианте. Причем журнальных изданий было три. Поначалу в журнале «Радуга» (Таллин; №№ 1—4, 1987) была опубликована пятая часть романа «Разрыв непрерывности» под названием «Экспедиция на Север». Затем в двух выпусках журнала «Знание — сила» (1987, № 12; 1988, № 1) вышел отрывок — вторая глава второй части (посещение Ворониным Красного Дома) с заголовком уже «Град обреченный» и с подзаголовком «Игра». Это издание практически не содержит каких-либо отличий от других вариантов. И уже полностью роман вышел в журнале «Нева» (1988, №№ 9, 10; 1989, №№ 2, 3).

Последующие издания публиковались по двум разным чистовикам, поэтому в них можно заметить многочисленные (но, в основном, стилистические и мелкие — слово-два) разночтения, о которых уже говорилось выше. Вариант журнала «Нева» позже публиковался в 1989 году («Избранное».— М.: «Вся Москва»; вместе с ЗМЛДКС, ВНМ и ОЗ) и др., этот же вариант представлен в «Мирах братьев Стругацких» и, несколько дополненный, в собрании сочинений «Сталкера». Второй вариант публиковался в двухтомнике и трехтомнике АБС (М.: «Моск. рабочий», 1989, 1990), в издании Ленинградского отделения «Художественной литературы» (1990, отдельной книгой), в издании «Молодой гвардии» (1991; с ЗМЛДКС) и др., этот же вариант был опубликован в собрании сочинений издательства «Текст».

Приведем лишь несколько примеров фактических разночтений в разных изданиях (многие были перечислены выше, в разделе «Чистовики»).

Придя домой после отражения павианов, Воронин с наслаждением сдирает с себя одежду и бросает ее: в одном варианте —

«в ящик с грязным барахлом», во втором — «в мусорное ведро». Причем во втором варианте, когда Андрей моет посуду, есть дополнение: «...грязный комбинезон и грязное белье в ведре скрылись под слоем гнилых объедков..»

Когда Воронин, идя в мэрию, сталкивается с представителями добровольной милиции, один из них цитирует в спину уходящему Воронину известный стишок («Жасмин — хорошенький цветочек!..»). Во втором варианте приводится и вторая его строчка: «Он пахнет очень хорошо...»

И отсутствуют во втором варианте интересные уточнения. Во втором варианте: «Он вдруг вспомнил, как брат рассказывал ему когда-то, что на Дальнем Востоке относятся к корейцам в точности так же, как в Европе относятся к евреям». Более полно в первом варианте: «Он вдруг вспомнил, как брат рассказывал ему когда-то, что на Дальнем Востоке все народы, а особенно японцы, относятся к корейцам в точности так же, как в Европе все народы, а особенно русские и немцы, относятся к евреям». И в этих же изданиях Андрей думает о Паке: «Еврей дальневосточный».

ЖУРНАЛ «РАДУГА», ОТРЫВОК

Издание отрывка в «Радуге» отличается тем, что главного героя зовут не Андрей, а Анджей Галчинский (поляк, а не русский), а Иосифа Кацмана — Изяслав Шереметьев (не еврей, а русский), вместо Василенко — Десильва, вместо «Пушкин, Ленин» — «Мицкевич, Маркс». В основном же вариант этого издания похож на рукописные варианты и не содержит еще правки, присущей позднейшим изданиям. Помимо этого присутствуют незначительные сокращения текста.

Иногда можно заметить постепенную доработку стилистики от варианта к варианту. К примеру, в черновике уставший полковник сидел, «сжав в зубах погасшую трубку». В этом издании — «зажав», позже — «стиснув». Или в мыслях Воронина: «А прикажу я вам идти, сукины вы дети, разгильдяи, ландскнехты дрисливые...» В черновике ландскнехты «разболтанные», в этом издании — «балованные».

Иногда черновик и издание «Радуги» содержат вариант (неправленный и правленный), которые отсутствуют в остальных

изданиях. К примеру, находясь в разведке, Воронин вспоминает случившееся ранее: «Например, куда все-таки девалась статуя?» В черновике идет продолжение: «Конечно, Эксперимент есть Эксперимент, с этим давно никто не спорит. Всякое бывало: и павианы, и солнце гасло... И Здание ведь было, чего уж чудеснее! Но свою голову на плечах тоже надо иметь». В варианте «Радуги» отрывок звучит более выразительно: «Разумеется, Эксперимент есть Эксперимент, с этим никто не спорит — всякое бывало, всякого навидались. Но свою голову на плечах тоже иметь желательно».

ЖУРНАЛ «НЕВА»

Специально и только для первого издания ГО в этом журнале появилась разбивка романа на «Книгу первую» (первые три части) и «Книгу вторую» (остальное), а также в этом и некоторых других изданиях появилась добавка к дате написания романа, теперь это выглядело так: «1970—1972, 1975, 1987 гг.» Как рассказывал БНС, редакция журнала потребовала сделать эти вставки, чтобы у читателя создалось впечатление, что «книгу вторую» романа Авторы только-только закончили. Нужно же было как-то замолчать тот факт, что этот роман столько пролежал в столе!

«ПОВЕСТЬ О ДРУЖБЕ И НЕДРУЖБЕ»

Эту, совсем маленькую, повесть Авторы и большинство читателей и почитателей АБС считает ненужной, необязательной, роняющей авторитет Авторов... Эпитеты можно продолжать, но хочется отметить следующее. По моему мнению, эта повесть — веха нового этапа в творчестве АБС. Этап этот не связан с изменением мировоззрения Авторов (это произошло гораздо раньше), не связан он и с идейной составляющей их творчества (переход от описания человека как части социума к описанию человека как отдельной личности произошел тоже раньше, где-то начиная с ПНО). Этот этап касается исключительно стилистики Авторов.

И ранее, как было показано, стиль у Авторов занимал не последнее место: они стараются, они правят, они смакуют то или иное слово, прежде чем утвердить его на нужном месте в предложении. Но, начиная с ПОДИН, умение пользоваться литературным языком достигает у Авторов совершенства. Показать одним словом отношение персонажа к чему-либо... дать узнаваемое, объемное описание места, где происходит что-либо, одной фразой... в одном абзаце рассказать обо всей предыдущей жизни героя, так, чтобы читатель моментально вживался в его образ,— все это появляется в произведениях Авторов именно начиная с ПОДИН.

И именно стилистика ПОДИН не дает читателю заскучать, разочарованно вздохнуть и отложить книжку. Собственно сюжет (кто похитил Генку-Абрикоса, как выберется из очередной переделки Андрей Т.) не столь уж интересен, но язык ПОДИН, то ироничный до саркастичности, то трогательный до щемящего чувства в душе, беспрерывно настраивает читателя на разнообразные психологические состояния, порою заставляя взрослого читате-

ля вернуться в детство... «...С покорной горечью раздумывал о том, какой он все-таки невезучий человек. Весь его огромный опыт, накопленный за четырнадцать лет жизни, свидетельствовал об этом с прямо-таки болезненной несомненностью» — кого не посещали такие мысли в четырнадцать лет? «Стоило человеку по какой-либо причине (пусть даже неуважительной, не в этом дело) не выучить географии, как его неумолимо вызывали отвечать — со всеми вытекающими отсюда последствиями» — с кем такого не бывало? «Человека поднимают, напяливают на него смирительный парадный костюм и ведут на именины к бабушке Варе» — у кого не было в детстве похожих родственников (или приятелей родителей), куда силком тащили в гости?..

ЧЕРНОВИК

В архиве нет чистовика ПОДИН, но сохранился ее черновой вариант. На последней странице стоит дата окончания этой рукописи: «29.01.1978». Она весьма отличается от опубликованного варианта. И стилистика еще не столь иронична и выспренна, и некоторые приключения Андрея Т. были другими или частично другими.

Как пишет БН в «Комментариях»: «Решено было (чтобы серьезно не отвлекаться на эти мелкие пустяки) писать сказочку допотопным методом, по очереди: сначала весь текст пишет БН, потом исправляет АН, потом снова смотрит БН и так далее. Называлась вся эта процедура в наших письмах «обязаловкой», и заняла она общим счетом около трех месяцев. Причем мы так и не нашли ни времени, ни желания “сесть рядком и поработать ладком”». Судя по рассказанному, описанный ниже черновик был написан БНом в одиночку, а вот опубликованный вариант содержит правку АНа и БНа. Но не стоит обольщаться тем исследователям, которые почему-то все время стараются вычленить из творчества АБС: «Это вот придумал АН, а вот это — БН», ибо, в конце концов, повесть была задумана как сценарий для телефильма-сказки ими обоими и правилась потом ими обоими, и где чья правка — не понять. Да и нужно ли?

ИЗМЕНЕНИЯ В СЮЖЕТЕ

Хотя общая нить повествования в черновике та же, что и в окончательном варианте, значительной правке подверглись примерно две трети повести. Ниже даны значимые и просто интересные изменения.

В окончательном варианте просто: «Стоило человеку забраться в стол к старшему брату-студенту (совершенно случайно, ничего дурного не имея в виду), как там оказывалась наводящая изумление японская электронная машинка, которая тут же незамедлительно выскакивала из рук и с треском падала на пол». В черновике это описывается более поэтически: «...стоило человеку случайно залезть в стол старшего брата-студента и обнаружить там японскую электронную машинку, как эта машинка, предназначенная всего лишь для счета и больше ни для чего, вдруг обнаруживала удивительную способность к самостоятельной жизнедеятельности: она принималась вырываться из рук, бегать по столу, даже несколько взлетать и наконец обрушивалась на пол».

Андрей Т. не собирался ехать с родителями в Грибановскую караулку; в черновике значится: «И уж если человек, измученный географией и литературой, собрался спокойно, с достоинством встретить Новый год в кругу ближайших соратников по борьбе с учителем рисования...» И позже, где в изданном варианте описывается, как Андрей Т. едва не нарушил своей болезнью традиционную семейную вылазку, в черновике говорится: «На самом деле Андрей Т. вовсе не собирался встречать Новый год в Грибановской караулке. Он уже не маленький. У него были дела поинтереснее. Однако в нынешнем своем положении он не отказался бы и от этого детского времяпрепровождения. Играть в снежки и разводить костер было все-таки занимательнее, чем лежать пластом...»

В черновике не было звонка к Генке, потому что проводить Новый год Андрей собирался так: «А ровно в двадцать-три ноль-ноль придет Генка и притащит автодром, и жизнь тогда настанет, почти не отличимая от настоящей».

И затем Андрей Т., дожидаясь Генку, не играл с дедушкой в шахматы, не читал сборник научной фантастики и не включал радиоприемник, «Спидола» заговорила сама:

Настроение у него поднялось. Он совсем было собрался позвать деда, чтобы взяться за него наконец по-настоящему, как вдруг произошла странная вещь. Андрей Т. явственно услышал человеческий голос, и это был Генки-Абрикоса голос, и Генка звал на помощь.

Андрей Т. подскочил (распрямился, как стальная пружина). Комната, разумеется, была пуста, в ней не было ничего, кроме самых привычных предметов, и ни один из этих предметов (скажем, письменный стол) не умел разговаривать (например, аквариум с вуалехвостами) и тем более (предположим, тапочки) звать на помощь. Впрочем...

— Андрюха! Пропадаю!..— воззвал голос Генки-Абрикоса.

Впрочем, один предмет, способный в каком-то смысле разговаривать, в комнате был. Он стоял рядом с кроватью, на табуретке, и представлял собою радиоприемник второго класса, именуемый «Спидола» (он же — Спиха, он же Спиридоша, он же Спидлец этакий, в зависимости от состояния эфира и общего настроения). Андрей Т. осторожно взял его в руки и проверил верньеры. Спидлец был включен.

Это само по себе являлось загадкой. За два года обладания Андрей только один раз оставил Спиху включенным (когда уезжал на летние каникулы к бабушке). Более такие акты технического вандализма не повторялись и повториться не могли, но... Спидлец был включен, шуршала несущая частота, и явственный, хотя и слегка придушенный голос Абрикоса уныло повторял: «Андрюха... Андрюха... Пропадаю... На помощь...»

Вереница идей и догадок сверкающим вихрем пронеслась в мозгу Андрея, но тут же погасла, потому что потрясенному взгляду его представилось нечто совершенно уже фантастическое: шкала диапазонов на приемнике вдруг осветилась мерцающим зеленоватым светом, она стала похожа на дисплей японской самовзлетающей машинки, но на этом дисплее возникли не цифры, а буквы, и буквы эти сложились в светящиеся слова, и слова эти были: «КУХНЯ СПРАВА ХОЛОДИЛЬНИКА СКОРЕЕ УСПЕТЬ ПОЛУНОЧИ...» И вдруг все исчезло, шкала стала шкалой, на полуслове оборвался голос («Андрю...») и раздалось из приемника какое-то веселое бессмысленное и вовсе сейчас неуместное чириканье.

Разумеется (и к сожалению), на свете есть еще предостаточно человекообразных, которые способны тридцать три раза все обдумать и взвесить, прежде чем откликнуться на призыв о помощи. Тем более что в данной конкретной ситуации было что обдумывать и было что взвешивать: как так? да возможно ли такое? да это же розыгрыш! а если не розыгрыш, то уж наверняка чепуха какая-нибудь... И так далее. Приемники сами собой не включаются. Светящихся букв они выписывать не способны. А потом — каким это таким образом Генку-Абрикоса вдруг занесло в мировой эфир? Было, было что обдумывать и взвешивать. Но Андрей Т. делать этого не пожелал. Настал час действия, совсем как в тот роковой весенний вечер, когда компания (а точнее — банда) недорезанных басмачей из соседней школы окружила Андрея на темной аллее парка Победы и после краткого выяснения отношений (выяснялось кто есть кто) принялась не больно, но унизительно лупить его гитарой. Генка-Абрикос, оказавшийся неподалеку, не стал тогда раздумывать ни секунды — он ворвался в круг, размахивая своими чудовищными граблями, и в результате через две минуты они оба были основательно обработаны и отступили в беспорядке, но с честью... Такое не забывается.

Андрей Т. решительно спустил ноги с кровати и нащупал в темноте тапочки.

В квартире стояла полная и даже какая-то неправдоподобно абсолютная тишина. Перед телевизором, уронив на пол газету и сложив на животе руки, спал дедушка. Будучи подполковником в отставке, он имел на себе китель и бриджи, но без знаков различия, и явственно посапывал. Телевизор был включен, но без звука, и по экрану прыгали какие-то непонятные цветные изображения. На телевизоре в позе Багиры дремал кот Мурзила. Услышав Андрея, он немедленно распахнул свои глазища, сверкнувшие зеленым, как новые светофоры, и посмотрел строго, как бы спрашивая: «В чем дело? Кто вам разрешил встать с постели при наличии ангины?»

И было темно. Почему-то по всей квартире был выключен свет, словно наступила уже глухая ночь. И так же, как глухой ночью, стояла тишина на темной улице.

Ступая по возможности бесшумно, Андрей Т. пробрался в прихожую и там переобулся в ботинки. Надо было как следует подго-

товиться к экспедиции, и он натянул лыжную куртку, а в качестве оружия взял стоявший почему-то в углу складной металлический штатив для фотоаппарата, тяжелый и прикладистый, как боевая дубинка былинных витязей.

Теперь он был экипирован. В правой руке у него был боевой штатив, в левой радиоприемник «Спидола». Мельком он подумал, что все это довольно странно: откуда взялся в левой руке приемник? как в прихожую попал штатив и чей это, собственно, штатив?.. Однако времени размышлять не было — настал, как уже говорилось выше, час действия.

На кухне Андрей Т. прежде всего обследовал пространство справа от холодильника. Собственно, в прежние беззаботные времена никакого пространства там не было и быть не могло — стена там была, а не пространство. Однако сейчас стены там не оказалось. Оказалась там темная дверца... то есть даже не дверца, не было там дверцы, а — дыра, четырехугольная, беспросветно черная, размером с холодильник, и несло оттуда ледяной сыростью.

Эта дыра показалась Андрею Т. настолько непривлекательной, что ноги его сами собою прекратили движение свое и обнаружили тенденцию прирасти к полу. Представилось, что в этой ледяной дыре грязно, слякотно, мерзко, липко и тесно. Представились: ржавые крючья, ввинченные в стены и норовящие угодить в глаз. Представились: скользкие выщербленные ступени, уводящие куда-то в подземелье и вдруг обрывающиеся поганой ямой. И еще представились: какие-то серые, мохнатые, кругом в сосульках и с большими глазами, отсвечивающими красным...

Вообще-то Андрей Т. никогда не считал себя трусом в унизительном смысле этого слова. Просто он порой ратовал за разумную осторожность. И вот сейчас у него совсем было возникло ощущение, что пора, пожалуй, считать час действия своевременно оконченным и объявить, пожалуй, час размышлений и теоретических обоснований.

Первое, увиденное Андреем Т. в туннеле (коридор, где пахло канцелярией и по стенам были развешены многочисленные и весьма странные объявления), в черновике перенесено на позже (после испытания водой — бассейном), а вместо него описывалось следующее: «Во-первых, ледяная тьма тут же исчезла, сменив-

шись хотя и тусклым, но все-таки светом. Во-вторых, в свете этом не обнаружилось ни слякоти, ни тем более каких-либо крючьев. Был тоннель с кирпичными стенами, низкий (идти пришлось на полусогнутых), сыроватый, но вполне опрятный и тихий. Непонятно было, правда, откуда идет этот свет, оранжевый, как у самых новейших уличных фонарей, и непонятно было, куда ведет тоннель...»

Далее следуют размышления о том, как тоннель этот может быть расположен в стене, выходящей на улицу, а затем идет первое испытание (водой), но описано оно по-другому:

Впрочем у Андрея не оказалось времени, чтобы как следует обдумать и разрешить возникшие вопросы. Тоннель вдруг расширился и — одновременно — стал выше, теперь это был уже не тоннель, а скорее некий зал. Оранжевый свет побелел и сделался гораздо ярче, исчезла подозрительная дымка, скрывавшая до сих пор все, что было впереди, и стало видно, что зал, в который попал Андрей Т., огромен, выложен кругом белым кафелем и что все это напоминает обыкновенный плавательный бассейн. Да, это был обыкновенный плавательный бассейн, шириною метров в десять, а длиною — все пятьдесят. Только в нем не было воды.

Нельзя сказать, чтобы Андрей Т. никогда в жизни не видел плавательных бассейнов. Он их видывал, а в одном из них даже пытался сдавать нормы на ГТО-отличник и яростно их сдавал до тех пор, пока его не вытащили уже с самого дна и не откачали, пользуясь новейшими достижениями медицины. Это малоприятное событие отнюдь не забылось, и Андрей Т. прежде всего попытался раскинувшийся перед ним бассейн обойти стороной. Ему очень не понравилось, что на чистом сухом кафеле дна были там и сям разбросаны какие-то заскорузлые тряпки. Непонятно было, что это за тряпки, но угадывались в них: шерстяные вязаные носки, что-то вроде старой футболки (с номером), брюки, продранные на коленках, и даже, кажется, дубленый полушубок, вывернутый наизнанку.

Далее следует путешествие по бассейну, заполняющемуся водой и паром. В окончательном варианте пар только упоминается, а в черновике о нем подробнее: «Откуда пар? — повторял

он про себя, как будто это имело хоть малейшее значение. Откуда здесь взялся пар? Ведь вода не горячая, так почему же пар? Такие вот бессодержательные и бесполезные мысли скакали у него в голове, как воробьи по веткам...»

Встретившийся Андрею на другой стороне бассейна «дядечка» в окончательном варианте: «Был этот дядя в комбинезоне с лямками на голое загорелое тело, отличался изрядным ростом и чем-то очень напоминал соседа по лестничной площадке...» В черновике же: «Этот дядечка был совсем маленького роста, очень загорелый и ладный, и чем-то он напоминал учителя физкультуры...» Хотя прозвище его было таким же — Конь Кобылыч. Во время длительных нравоучений его, когда Андрей Т. обсыхает и пьет чай, в черновике опять идет перебивка, которой нет в окончательном варианте:

Андрей Т. уже и не пытался вставить словечко. Он уныло погрузил нос в чашку с чаем, хлебал, кусал и жевал калач, но уже не чувствовал ни вкуса, ни удовольствия. Видимо, все взрослые таковы. Может быть, они и умны, по-своему, но простейших вещей понять не умеют. Совершенно как старший брат-студент: интегралы, дифференциалы, потенциалы, вари-а-ци-онное исчисление, а дашь ему задачку про трудодни, он ее без иксов-игреков решить не может, пыхтит только от злости... И все время говорят. Обожают говорить, и так, что возразить вроде бы невозможно, а все — не то. Не про то. А возразить нечего. Возразишь — говорят: не хами. Еще раз возразишь, уже по-другому, вежливо — начинаются вытекающие последствия.

Надобно было срочно менять тему беседы, и воспользовавшись тем, что Конь Кобылыч приостановился ненадолго, чтобы перевести дух и подлить кипятку в заварочный чайник, Андрей Т. ворвался в образовавшуюся паузу:

— А вы не знаете случайно, что тут вообще такое?

— Где? — спросил Конь Кобылыч, и темное лицо его стало еще темнее.

— Да вот тут. Всзде. Тоннель какой-то, бассейн...

Конь Кобылыч посмотрел на Андрея сумрачно и вдруг шмыгнул носом.

— Не уполномочен,— сказал он.— Не мое это дело. Мое дело маленькое: доставать со дна разных-всяких, которые утопли от глупости. Достанешь его, откачаешь, просушишь и — домой, к мамочке.

— И много таких... которые?..

— Много ли, мало, а работы хватает. Телевизор посмотреть некогда, не говоря уж о том, чтобы театр посетить.

— Что же, они все плавать не умеют, что ли?

— Кто умеет, кто не умеет, а просушить всех надо, и объяснить надо каждому что к чему, а они — бестолковые. Говоришь, говоришь, а им — как горох об стену.

— Почему?

— Не знаю. Раньше, я понимаю, были в основном неграмотные, а теперь кого ни возьмешь, четыре класса уж точно окончил, а многие даже и все восемь. Казалось бы: образованные люди, должны разбираться что к чему. Нет, не разбираются...

— И все они идут Генку спасать?

— У каждого свой Генка,— сказал Конь Кобылыч совсем уже угрюмо.— Каждый по-своему с ума сходит, и каждого приходится обратно в ум вгонять...— Он оборвал и махнул рукой.— Эх-ма, да не об них речь. Вы-то как? Пообсохли? Самочувствие как? Нормальное?

— Нормальное,— сказал Андрей.

Он почувствовал, что беседа идет к концу, и это обстоятельство его почему-то обрадовало. Хотя Конь Кобылыч и говорил вроде бы вещи обыкновенные и казался добрым дядькой, но было в нем что-то такое неприятное. Есть такие люди, которым сказать нечего и именно поэтому они очень много и веско говорят. И еще есть такое раздражающее понятие: «практичность». Оно вызывало в воображении некое неопределенное лицо с поджатыми губами и глазами, лишенными выражения. Конь Кобылыч был несомненно как-то связан с этим понятием, хотя губы у него были как губы, а глаза — скорее даже грустные и совсем незлые.

Андрей Т. принялся одеваться. Он очень спешил, ему хотелось поскорее отсюда уйти, и он только мельком удивился, откуда взялись эти роскошные джинсы «суперрайфл», и какая-то попсовая рубашечка, изукрашенная иностранными надписями на непонят-

ном языке, и уж вовсе невообразимые ботинки-сапоги все на молниях и почему-то с карманами.

— Вот и хорошо,— приговаривал между тем Конь Кобылыч, оказывая посильную, но непрошенную помощь в натягивании, застегивании, защелкивании и одергиваньи.— Вот и ладненько... И домой... К мамочке...

Приближался очень неприятный момент объяснения и расставления точек над «и».

— Мамы дома нет,— пролепетал Андрей, стремясь то ли отдалить этот неприятный момент, то ли сгладить резкости, которые неизбежно должны были сейчас возникнуть.

— Ну, к папочке...— не вступая в спор, ответствовал Конь Кобылыч.

— И папы нет,— пролепетал Андрей. Ему очень не хотелось кого-либо обижать.

— Но дом-то у вас есть? — сказал Конь Кобылыч.— Или дома тоже нет?

— Дом есть. Но мне не надо домой. Мне надо наоборот. Генка ведь...

— Опять двадцать пять за рыбу деньги,— произнес Конь Кобылыч с какой-то унылой досадой. Он набрал в грудь побольше воздуху и пошел, и пошел, и пошел...

Андрей услышал огромное количество пословиц и поговорок, как правило назидательных и совершенно ему незнакомых. Например: «До ста лет жила кума — да так не нажила ума». Или скажем: «Сила солому ломит». Или даже такой шедевр, как:

Здесь Авторы в черновике оставили пустое место, а позже вписали: «Не ступай собака в волчий след — оглянется, съест». (Далее по тексту эта пословица встречается еще, уже напечатанная, что говорит о том, что пословицы искались в процессе написания рукописи.) Предыдущие пословицы они правят на «Хотя рыбы не есть, зато и в воду не лезть» и «В камень стрелять, только стрелы терять», и еще на полях записывают варианты: «Семеро ворот, да все — в огород», «Живи, Устя́, рукава спустя», «Друг с тобой, как рыба с водой — ты на дно, а он на берег».

Первое время он эти пословицы считал, но, досчитав до шестнадцати, сбился, потому что Конь Кобылыч ударился рисовать

воображаемые картины. Некоторые их них впечатляли. Например, отец, черный от горя, молча бьется лбом о подоконник, в разодранной до живота рубашке. Представив себе эту страшную картину, Андрей Т. ощутил болезненный укол совести, но тут Конь Кобылыч сам все испортил, нарисовав, как старший брат-студент разбивает о пол японскую машинку и в отчаянии топчет ее остатки сапогами. Эта сцена показалась Андрею малодостоверной и вдобавок насторожила: откуда, собственно, этот Кобылыч знает про машинку? Это еще что за телепатические фокусы?..

И Андрей подхватил Спиридона и принялся осторожно осматриваться в поисках дороги вперед. По-видимому, дорога вперед находилась за вон той дверью, потому что никаких других выходов из этого помещения обнаружить не удавалось. Кругом были глухие стены, увитые сложнейшей системой труб парового отопления, а там, где раньше был бассейн, теперь стоял плотный белый туман и доносился оттуда гулкий невнятный банный шум и даже, кажется, возгласы моющихся (что-то насчет веников).

Поскольку Кобылыч стоял как раз на пути к единственной двери, предстояло, видимо, в каком-то смысле прорываться, но довольно скоро Андрей обнаружил, что Конь Кобылыч словно бы впал в некий транс: глаза его были закрыты, руки обвисли безвольно, а сам он все говорил и говорил, и Андрей вдруг понял, что речь его совсем потеряла связность и звучит примерно так: «Никакой опыт не опасен, если на него отважиться. Гете. Опыт — вот учитель жизни вечный. Гете. Опыт — дитя мысли, а мысль — дитя действия. Бенджамин Дизраэли. Один терний опыта стоит дремучего леса назиданий. Лоуэлл...»

Видимо, Кобылыч до того увлекся нравоучениями, что впал в забытье и теперь читал по памяти какой-то сборник афоризмов.

Обстановка складывалась благоприятная.

Бочком-бочком, на цыпочках Андрей обогнул бубнящего как магнитофон Коня Кобылыча и, подкравшись к двери, потянул ее на себя. Дверь неохотно (словно ее кто-то держал с той стороны) приоткрылась, Андрей пролез в образовавшуюся щель...

Затем, как уже было сказано выше, идет отрывок с коридором, где пахло канцелярией и были развешены объявления. Там Андрей Т. вспоминает о том, как он взбирался на пожарную лес-

тницу и, пытаясь объяснить, почему у него трясутся руки, придумал себе болезнь Паркинсона. В опубликованном варианте далее идет: «...за многими делами он так и не удосужился выяснить, есть ли такая болезнь на самом деле, и если есть, то болеют ли ею люди...» В черновике воспоминание продолжается: «Эта унизительная ложь преследовала потом его целую неделю: время от времени он спохватывался и принимался трястись под внимательными взглядами своих товарищей, и кончилось это тем, что перепуганная классная воспитательница по прозвищу Яишница отвела его к врачу...»

Затем, после дверей «Для смелых» и «Для не очень», приключения, отсутствующие в окончательном варианте, продолжаются:

Андрей Т. стиснул зубы покрепче, взялся за деревянную ручку левой двери и рванул ее на себя.

Ничего особенного. Новый коридор, но уже никаких бумажек и плакатов. Голые облупившиеся стены. Цементный пол. На полу — следы, оставшиеся, видимо, еще с тех времен, когда цемент не схватился. Гм. Довольно странные следы. Похоже, что здесь прошла лошадь. Копыта. Гм. Пахнет мокрым железом.

Андрей продвигался по коридору с опаской, стараясь держаться у стены, подальше от странных следов. Он был готов ко всему, но ничего особенного не происходило. Коридор все заворачивал влево, впереди ничего не было видно, и было тихо, только где-то в отдалении что-то звонко тикало — то ли вода капала, то ли еще что-то... Андрей чувствовал себя очень смелым и даже мужественным, Спиридон, видимо, тоже. Во всяком случае, он все время напевал вполголоса «Я — Як-истребитель» и другие мужественные песенки.

Потом коридор вдруг снова расширился и стал очень похож на лестничную площадку перед лифтом. Андрей и сам не сумел бы объяснить, почему в голову ему пришли эти слова: лифт, лестничная площадка... Может быть, потому, что перед ним теперь была какая-то металлическая сетка с проемом в виде двери, а справа и слева обнаружились те унылые предметы, которые так часто скапливаются на лестничных площадках: запыленная детская коляска, старые лыжи, целый штабель цветочных ящиков с облупившейся масляной краской, пустой книжный стеллаж и еще целый склад

какого-то забытого барахла во главе с чудовищным сервантом без стекол и без полок.

Впрочем, не в этом пыльном барахле было дело. Внимание Андрея приковал этот самый проем в железной сетке. Идти надо было именно туда, в этот проем, за которым начинался ярко освещенный зал с зеркальным паркетом и с сиреневой неопределенной дымкой вместо дальней стены. Следовало бы сделать всего несколько шагов, чтобы миновать железную сетку, но почему-то именно эти шаги делать очень не хотелось.

Взяв себя в руки, он все-таки шагнул — раз и другой. Замер. Что-то изменилось. Что? А, понятно. Прекратилось тиканье или щелканье, которое составляло до сих пор некий звуковой фон, и стало очень тихо. Прямо-таки угрожающе тихо! Все вокруг словно бы налилось угрозой: чьи-то глаза жестко прищурились, беря на мушку, чьи-то стальные когти хищно подобрались, готовясь к прыжку... Не ступай собака в волчий след... Андрей тихонько перевел дух и отступил назад. Он был весь мокрый, как мышь.

Несколько секунд еще держалась ощетиненная клыками и когтями тишина, а потом: тик... тик... тик... тюк!.. И все стало как прежде.

Андрей обессиленно присел на какой-то древний табурет у подножия титанического серванта и поставил Спиридона себе на колени. В голове у него стоял хаос из каких-то обрывков мыслей и, главным образом, цитат, и Спиридон выкрикивал беспорядочные фразы (тоже, видимо, набрался страху), получалось примерно следующее: «...Как выскочу, как выпрыгну — пойдут клочки по закоулочкам!.. Вперед, вперед и не сдаваться!.. И никто не узнает, где могилка моя... Парус, сорвало парус!.. Росомахи погибших грызут, засыпая их кости песками... Нам нет преград на море и на суше!..» И так далее.

Впрочем этот дурацкий хаос — паника мысли — длился недолго. Постепенно все вошло в норму и успокоилось, обломки мыслей осели на дно сознания, стали появляться идеи. Спервоначалу они были вполне здравыми, но до отвращения практичными (например: «Живи, Устя, рукава спустя»), и Андрей их отмел, не рассматривая. Потом в идеях обнаружился элемент конструктивизма («Разбежаться и ка-ак прыгнуть!..»). И вот наконец сформулировалось нечто по-настоящему стоящее. Андрей поднялся, аккурат-

но пристроил Спиридона на табуретке, а сам выкатил их груды хлама детскую коляску и развернул ее в направлении грозного проема.

Загремел боевой марш, желто-серыми дымами сражения заволокло горизонт, задрожала земля, исковерканная воронками. Он был танком, а коляска была тяжелым железным катком, и они двигались через минное поле, чтобы проложить дорогу тем, кто пойдет следом...

Сначала прекратилось тиканье, и тишина вновь начала наливаться угрозой, потом раздался звонкий (какой-то даже веселый!) щелчок, и вдруг частокол острых черных клыков сорвался, скользнул с легким шелестом поперек проема и вонзился в пол в пяти сантиметрах от затрепетавшей от ужаса коляски.

Через пять минут хорошо продуманных экспериментов картина выяснилась полностью. Стоило некоему предмету (в данном случае, детской коляске) пересечь некую невидимую черту (надо понимать — луч фотоэлемента), как срабатывал соответствующий механизм и стальная решетка, состоящая из шестнадцати хорошо смазанных и острых на концах прутьев, падала вдоль специальных пазов, вонзалась в пол и перегораживала дорогу. Пролезть сквозь прутья было невозможно. Надо было просто отвести назад подвергаемый испытанию предмет (в данном случае — детскую коляску), и тогда стальная решетка, чуть помедлив, сама поднималась, втянувшись в исходное положение.

Так-так-так, лихорадочно размышлял Андрей Т., ощущая себя на пороге решения. Значит, что у нас дано? Решетка явно падает свободно, то есть движется только силою тяжести... Если предмет (например, лично я), движется с малой скоростью, то решетка, падая, успевает перегородить дорогу. Если предмет (тот же я... или лучше детская коляска) перемещается с некоторой умеренной скоростью, то решетка падает как раз так, чтобы угодить этому предмету по кумполу... Прутья острые, как пики... Бр-р-р... Но несомненно, существует такая скорость, что предмет (например, я), перемещаясь весьма быстро, успевает проскочить до того, как решетка... Так-так-так... Бумажки бы мне и карандашик...

В груде хлама удалось обнаружить наполовину исписанную амбарную книгу и целый комплект шариковых ручек, опустошенных, но все-таки годных к употреблению. Андрей Т. пристроился на табуретке и принялся выводить формулу критической скорос-

ти. Это было его любимое занятие: выводить формулы, имеющие практическое применение. К сожалению, в обыденной жизни такие формулы почти никогда не встречаются.

— Так-так-так...— бормотал он.— Значит, будем считать, что человек имеет форму шкафа, высотой аш малое и глубиной эс... Скорость моя пусть будет вэ со значком «я»... Легко видеть, что...

Откровенно говоря, все эти манеры и выражения он слизал со своего старшего брата-студента. Старший брат-студент все время изучал какие-то книги и статьи из научных журналов, и также и сам постоянно писал курсовые, где очень редко встречались обычные человеческие слова, но это были какие-то особенно прекрасные и значительные слова: «легко видеть, что», или «отсюда после несложных преобразований следует», или «учитывая соотношения (7), (12) и (12-а), получаем»...

— Легко видеть...— бормотал Андрей, находясь в некотором замешательстве, потому что у него получилась скорость, не намного, правда, но все-таки превосходящая скорость света.— Отсюда ясно, что... что ничего не ясно. Это я где-то напортачил...

Он довольно быстро нашел ошибку, но легче от этого не стало. Получалось, что если предмет (в данном случае, он, Андрей Т.) не хочет заполучить по кумполу острой стальной пикой, он должен двигаться со скоростью, несколько большей одиннадцати метров в секунду. Это, конечно, не скорость света и даже не первая космическая, но... Вот именно, но. Средняя скорость чемпиона мира по стометровке. Многовато. Особенно, если учесть, что свою максимальную скорость чемпион развивает где-то в середине стометровки, а на старте скорость у него минимальная. А я ведь и не чемпион, думал Андрей Т. Я даже не чемпион класса. У меня средняя скорость еле-еле восемь метров в секунду. Ай-яй-яй... Значит, как раз по спине.

Он с ненавистью посмотрел на свою формулу. Что от нее толку, если она не помогает проскочить этот проклятый, злобный, клыкастый, зубастый проем? И тут его (от отчаяния, видимо) осенила титаническая идея.

Отбросив никчемный теоретический листок, он живо подскочил к табурету и, схватив Спиридона за шиворот, поставил его прямо на цементный пол. Спиридон протестующе завопил, но Анд-

рей только сказал ему: «Потерпишь!», а сам, волоча табуретку одной рукой, другой покатил детскую коляску прямо в проем.

Все прошло как по маслу. Сработали безмозглые тупые механизмы, оскаленные клыки скользнули из тайных пазов, но человеческая смекалка и находчивость победили. Олицетворяемые Андреем Т. они быстренько сунули на порог беспорядочно сопротивляющуюся табуретку, и стальные пики с размаху вонзились в деревянную спину покорившегося четвероногого. Табуретка крякнула, но выдержала. Пики вонзились и замерли, оставивши под собою полметра свободного пространства.

— Легко видеть, что! — торжествующе объявил Андрей. Он не спеша подобрал недовольного Спиридона, пнул дурацкий листок с теорией, так что тот вылетел в зал, а потом, опустившись на четвереньки, перебрался за ним следом, зацепившись-таки курткой за один из жаждущих крови стальных клыков.

Несколько унизительный способ передвижения (на четвереньках), а особенно — судорожные дерганья, имеющие целью освободиться, не разодрав куртку, несколько сбили с него спесь, и, оказавшись в зале с паркетным полом, Андрей Т. почувствовал себя не таким гордым и победительным, как хотелось бы. Но доконала его не эта чепуха. Доконал его все-таки проклятый листок с теорией. Бросив на него прощальный взгляд, он вдруг обнаружил еще одну ошибку при расчетах. Критическая скорость, оказывается, была вовсе не одиннадцать метров в секунду. Она была меньше. Существенно меньше. Она была всего-навсего четыре и семь десятых метра в секунду. Нет, формулу он вывел верно. Теория не подвела. Он опять наврал при вычислениях. Все эти чудеса смекалки и находчивости в виде многострадальной табуретки были ни к чему. Опасную зону можно было миновать даже не бегом, а просто быстрым шагом, ну, в крайнем случае, трусцой. Теперь он с особенной ясностью припомнил, что грозное падение решетки было, пожалуй, на самом деле, не таким уж грозным и стремительным. Довольно вялое это было падение.

Скромность, подумал Андрей. Скромность — вот что украшает человека! (Из речи папы по поводу заявления старшего брата-студента, что он, мол, старший брат-студент, написал такую курсовую, что все вокруг обалдели.) Скромность в победе, скромность в поражении, если ты не хочешь быть смешным. А кому охота быть смешным?

Очень скромный и привлекательный, он решительно зашагал в сиреневую туманную дымку, стараясь не поскользнуться на идеально ровном, великолепно отциклеванном паркете. Он не оглядывался (ни взгляда назад!), он не озирался, он глядел вперед и только вперед, где что-то все заметнее мерцало, словно реклама.

Затем Андрей Т. видит две двери «Для умных» и «Для не слишком», а затем, перед очередным испытанием, следует отсутствующее в окончательном варианте воспоминание:

И еще он вспомнил, как старший брат-студент попал в полосу неудач и мировой скорби. Он ничего не делал, лежал у себя в комнате на диване, не скрываясь, курил и на все разумные предложения отвечал: «Умный в гору не пойдет». На деловые предложения он отвечал по-другому: «Лучше стоять, чем идти; лучше сидеть, чем стоять; лучше лежать, чем сидеть; лучше спать, чем лежать; лучше умереть, чем спать». Где-то он вычитал эту жуткую мудрость, и в приступах Мировой Скорби изводил ею встречных и поперечных. Это длилось до тех пор, пока однажды папа, наблюдавший за развитием событий с грозным интересом, не нанес контрудар. Старший брат-студент в ответ на какое-то деловое предложение (кажется, вынести помойное ведро) затянул было свое: «Умный в гору не пойдет...», и тогда папа сказал поверх газеты: «Умный ляжет и помрет». На брата-студента это особенного впечатления не произвело, мировая скорбь все равно терзала его до самого конца весенней сессии, но жуткие мудрости он цитировать перестал.

Андрей Т., вспомнивши все это, несколько повеселел и принялся изучать обстановку вокруг. Обстановка состояла из двери, входить в которую не имело смысла, и большого количества густого тумана, в котором по-прежнему нечто мерцало, затухая и вспыхивая, и это нечто было вроде бы совсем недалеко.

Придерживаясь левой рукой за стену, Андрей двинулся в направлении мерцания и довольно скоро оказался перед большой застекленной вывеской. Именно эта вывеска и вспыхивала...

Далее идет путешествие вверх по пожарной лестнице, а затем перед встречей с ВЭДРО в черновике дается еще одно испытание:

Он сидел, как скоро выяснилось, в узкой круглой трубе. Справа мерцал туман и видны были осточертевшие до отвращения скобы, уходящие вдоль стены вниз. Слева, в конце трубы, было темно и мигали какие-то желтенькие огоньки. На вид совершенно безопасные и безвредные.

Передохнув и придя в себя окончательно, Андрей прежде всего обследовал ладони. Выяснилось, что ладони в общем целы и невредимы, хотя и горят, словно он целый вечер тренировал подъем разгибом на перекладине. Следовало ожидать появления водяных пузырей, но от этого, как известно, еще никто не умирал. Ладно. Вперед.

Вперед можно было двигаться только на четвереньках. Времена, когда такой способ перемещения в пространстве нравился Андрею больше прочих, уже довольно давно миновали, но выбора не было. Разумеется, он попытался перейти к прямохождению, но продвинувшись на два шага в болезненно полусогнутом состоянии, налетел лбом на какую-то металлическую выпуклость в верхней части трубы и поспешил опуститься на четыре точки. Теперь страдали колени. Они отвыкли служить точками опоры. Они протестовали — сначала негромко, а потом во весь голос. Спиридон, у которого вообще не было коленей, блаженно насвистывал за пазухой «Хороши весной в саду цветочки».

Однако кончилась и труба. Скорее почувствовав, чем увидев над собою пустое пространство, Андрей со стоном наслаждения распрямился во весь рост и, держась за поясницу, огляделся.

Здесь Андрей Т. попадает к машине ВЭДРО. А после этого — в странный парк (которого в окончательном варианте нет) и далее — на площадь, где расположены различные клубы по интересам, которые в черновике описываются и более подробно, и несколько иначе:

Прекрасный сказочный парк раскрылся перед ним. Ровные гладенькие, посыпанные мелким плотно слежавшимся песочком дорожки вели среди идеально подстриженных немятых газонов под сенью раскидистых кряжистых деревьев — дубов, или буков, а возможно грабов или кленов. Андрей всегда был слабоват по части ботаники. Среди деревьев застыли прекрасной красоты животные

с ветвистыми рогами, и все они настороженно разглядывали Андрея большими блестящими глазами. Слева виднелся из-за кустов зеркально ровный пруд, на берегах которого торчали на одной ноге дремлющие птицы с клювастыми головами, ушедшими в плечи.

Это все было очень красиво и в то же время — странно. Трава на газонах росла масляно-желтая, у грабов (или дубов?) были синие стволы и серые листья, а животные и птицы сверкали всеми цветами радуги и все без исключения были пятнисты как леопарды.

Но более всего поражали бесчисленные таблички, плакаты, афиши, вывески, объявления, указания и сообщения, которыми был буквально перенаселен этот удивительный парк. Таблички торчали из зарослей желтой травы, плакаты украшали стволы вязов и буков, объявления и указания, начертанные на тяжелых досках, свисали, прикованные цепями к могучим раскидистым ветвям.

Некоторые из этих шедевров трактовали правила поведения в садах и парках. Например: «ПО ГАЗОНАМ ХОДИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ! ОТ ХОЖДЕНИЯ ПУЛЬС УЧАЩАЕТСЯ». Или: «ТРАВУ НЕ МЯТЬ! ЦВЕТОВ НЕ РВАТЬ! ВАС БУДУТ ДИКО ШТРАФОВАТЬ!» Или, скажем: «ТОВАРИЩ, БЕРЕГИ ПРИРОДУ! И ОТ СЕБЯ, И ОТ НАРОДУ».

Другие были бы уместны скорее на какой-нибудь мощной автомобильной магистрали, чем на этих мирных буколических тропинках. «НЕПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ СВЕТА ВЕДЕТ К АВАРИИ! ШЕЮ СЛОМИШЬ СЕБЕ И МАРЬЕ». Или: «МАШИНУ СТАВЬТЕ НА ОБОЧИНУ! ПО-ПРОЛЕТАРСКИ, ПО-РАБОЧЕМУ». Или даже: «ОСТОРОЖНО! СКОЛЬЗКАЯ ДОРОГА! НЕ ТОРМОЗИТЕ РЕЗКО, РАДИ БОГА!»

Попадались нравоучения и более общего порядка. «ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ! ДАЖЕ ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ В ЧЕТВЕРТОМ КЛАССЕ». «ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ АЭРОФЛОТА! ЗАЧЕМ ВАМ ОПАЗДЫВАТЬ НА РАБОТУ?» «ПЕШЕХОДНЫЙ ПЕРЕХОД. РУКИ В НОГИ, ПЕШЕХОД!» И так далее, в том же духе.

Восхищенный и потрясенный Андрей Т. неторопливо брел куда глаза глядят, изучал объявления и советы, жадно поедал взором удивительных животных, сверкавших в зарослях варварской красотой переводных картинок. Воздух здесь был чист и прозрачен, благоухали невиданные цветы, и все было удивительно и волшеб-

но как в сказочном сне. Поначалу его несколько обескураживало то обстоятельство, что сквозь раскидистые ветви разнообразных грабов проглядывали временами сразу два солнца и три-четыре Луны в различных фазах, но он довольно скоро привык к этой милой странности и перестал ее замечать. Из этого парка не хотелось уходить. Хотелось всегда, всю жизнь бродить по лабиринту песчаных дорожек, читать забавные надписи, подружиться с пятнистыми печальноглазыми существами, наверняка добрыми и нетребовательными в дружбе... Искупаться в зеркальном пруду... Вскарабкаться на вершину самого высокого вяза (или, например, клена)... Валяться в шелковистомягкой высокой траве, уткнуться в нее носом среди горячих солнечных пятен... Никогда не ходить в школу, не учить никаких уроков, на всю жизнь распроститься с такими ужасами реальной жизни, как черчение, скажем, не говоря уже об экономической географии... Жить, как Маугли,— свободно и легко!..

На перекрестке двух дорожек Андрей увидел крупного мускулистого человека в полосатых плавках. Человек этот сидел на каком-то каменном приступочке в неудобной, но классической позе Роденова Мыслителя. То ли он и на самом деле был Мыслителем, то ли просто решил позагорать на жарком солнышке — весь он лоснился от пота и был полон ленивой неги.

Приблизившись, Андрей на всякий случай произвел сложное движение корпусом и головой. Движение это могло рассматриваться и как вежливое приветствие (если Мыслитель окажется человеком достойным и тоже поздоровается), и как что-нибудь иное (на случай, если имеешь дело с хамом, который не снисходит до того, чтобы поздороваться с младшим по возрасту).

Мыслитель на приветствие не ответил (может быть, не понял, что с ним здороваются?), но когда Андрей оказался рядом, вдруг сказал негромко:

— Покой! Везде покой! Борьба нам только снится.

Андрей остановился. Высказанная мысль, хотя и противоречила его убеждениям, заключала однако в себе и нечто здравое.

— Контрольные замучили,— вырвалось у него совершенно непроизвольно.

— Кто заслужил покой, тот богоравным станет,— сообщил Мыслитель.

— А как же Генка?

— Каждому свое,— изрек Мыслитель.

— Да? Наверное...— сказал нерешительно Андрей.— Только несправедливо получается: одному покой, а другому...

— Справедливость в одном: получить покой, если ты заслужил его,— гнул свою линию потный Мыслитель.

— Еще как заслужил,— сказал Андрей с горечью.— Мало того, что контрольные, надо еще макулатуру собирать и металлолом сдавать... Марки в новый кляссер некогда переставить!

— Покой! Один покой! Движенья нет. Движенье — суета сует,— почти пропел Мыслитель, даже глаза прикрыв от неги.

Это последнее высказывание показалось Андрею несколько сомнительным. Но, с другой стороны, если отвлечься от его буквального смысла и принять во внимание лишь дух его, то очевидно получалось, что Андрей безусловно имеет право и даже в известном смысле обязан скинуть с себя лишнюю одежду и развалиться на травке, а потом с гиком и воплями обрушиться в ласковую теплую воду, которая так заманчиво играла солнечными зайчиками за ближайшим грабом (или дубом).

Но тут молчавший до сих пор Спиридоша вмешался в беседу, негромко, но самым решительным образом. Он исполнил незамысловатую песенку, от которой у Андрея всегда почему-то бежали мурашки по спине и становилось грустно и весело одновременно...

— ...Посмотри, и ты увидишь, как веселый барабанщик в руки палочки кленовые берет...— пел Спиридоша, и Андрей, сдерживая накипающие почему-то слезы, слышал его с полуоткрытым ртом, и Мыслитель тоже слушал, застывши в каменной неподвижности, становясь с каждым тактом мелодии все неподвижнее, все мертвее, и когда песенка кончилась, Андрей увидел, что перед ним, действительно, сидит Роденов Мыслитель — каменный, опутанный тончайшей паутиной древних трещин, слепой, раскаленный солнцем... Статуя. Всего лишь каменная статуя. И даже не оригинал, конечно, а копия.

Осторожно переведя дух, словно боясь разбудить кого-то, Андрей на цыпочках обогнул каменный истукан и поспешил дальше, вперед, и ему больше не хотелось ни покоя, ни легкой жизни. Он испытывал нетерпеливое желание покинуть наконец этот обманчивый парк, который представлялся ему теперь ласковым, теплым, вкрадчиво и не спеша засасывающим человека болотом.

И он оказался наконец на обширной, посыпанной все тем же мелким песочком площади. Причем как-то вдруг, и сразу — в центре этой площади. Во все стороны от него многохвостой звездой расходились выложенные из кирпича узенькие тропки, и каждая вела к пестрораскрашенной кабинке. Кабинки эти окаймляли всю площадь по кругу. И, разумеется, на дверях каждой кабинки была табличка с надписью.

— ФИЛУМЕНИСТЫ,— читал Андрей, медленно поворачиваясь вокруг оси,— ФИЛОКАРТИСТЫ, НУМИЗМАТЫ, БИБЛИОФИЛЫ, БОНИСТЫ, ФИЛАТЕЛИСТЫ...

Кажется, здесь были предусмотрены кабинки для всех возможных человеческих хобби, страстей, страстишек и увлечений. Здесь были вполне понятные АВИАМОДЕЛИСТЫ, и смутно знакомые ТИФФОЗИ, и совсем непонятные ГУРМАНЫ. Были здесь МЕЛОМАНЫ, были здесь НАРКОМАНЫ, и даже АЛКОГОЛИКИ здесь были, хотя, казалось бы, какой человек в здравом уме и трезвой памяти согласится признать себя алкоголиком?

Надо было что-то выбирать. Сначала у Андрея возникла было лихая мысль: двинуть в неизвестность, выбрать каких-нибудь ФАЛЕРИСТОВ, и — будь что будет. Но потом он решил, что нет никакого смысла вводить еще и фактор неизвестности. Если уж сражаться, то с противником хорошо изученным. Поэтому он решительно зашагал по кирпичной тропинке, предназначенной для ФИЛАТЕЛИСТОВ.

После рассматривания марок и выстрела в Спиридона Андрей попадает через дверь, открывшуюся за отъехавшим шкафом, в какие-то железные дебри (трапы, решетки, балки, перила). В черновике дальнейшее описывается так:

Он [Комментатор — *С. Б.*] весь трясся от ненависти и даже подпрыгивал на месте — маленький, скорченный, оскаленный. Синие, желтые и оранжевые вспышки сигнальных фонарей озаряли его изможденное лицо аскета и фанатика с черными провалами глазниц. И плясал, дергаясь в слабой коротенькой лапке, отсвечивающий длинный ствол метателя молний, и в широком раструбе нетерпеливо мерцала, жаждая вырваться на волю, очередная белая ослепительная игла, свернутая в тугую, ясно различимую спираль.

— Дурак, безмозглый идеалист...— хрипел Комментатор Конь Кобылыч, подергиваясь и приплясывая.— Иди и сдохни! Иди и сдохни!..

От него исходили волны ненависти и страха, тугие и плотные, вполне ощутимые, от них леденело лицо и ерошились волосы. Андрей попятился, уперся спиной в какую-то мягкую, подавшуюся под давлением перегородку, попятился еще, навалился, и вдруг невидимая эта перегородка лопнула, как воздушный шарик, Андрея обдало холодом и запахом гнили, и он очутился в каком-то совсем другом месте, очень неуютном и неприятном.

Во-первых, здесь было темно, а во-вторых — холодно и сыро. Под ногами, при каждом движении, лязгала и грохотала какая-то железная решетка. Пахло мерзлыми поганками. Отвратительное, безнадежное место, из которого сразу же захотелось куда-нибудь выбраться и больше сюда уже никогда не возвращаться.

Впрочем, у этого места был и свой плюс: трясучий псих Конь Кобылыч отсутствовал вместе со своим лазером-гиперболоидом, и осознав этот несомненно положительный факт, Андрей поспешил взять себя в руки. Он был большим специалистом по взятию себя в руки. Сама жизнь воспитала в нем это умение, постоянно ставя его перед разнообразными дилеммами, вроде: или немедленно и хорошо помыть гору посуды, или заполучить всеобщий семейный бойкот на сорок восемь часов...

И едва только взяв себя как следует в руки, Андрей немедленно обнаружил, что ситуация на самом деле далека от полной безнадежности. Жить, оказывается, можно было и здесь.

Во-первых, оказалось, что здесь не так уж и темно. А во-вторых,— не так уж, в конце концов, холодно и сыро.

Под ногами, правда, была действительно железная решетка. Справа тянулась шершавая и мокрая стена, а слева металлические ржавые перила отгораживали человека от непроглядно черной пропасти. Сверху сочился жиденький рассеянный свет, и в свете этом угадывались наверху какие-то сложные конструкции, переплетение балок, решеток и кронштейнов. В общем, все это вместе было не то какой-то шахтой, не то внутренностями старинного океанского лайнера, а может быть, даже заброшенной тюрьмой. На большее у Андрея Т. фантазии не хватило, и он принял решение осто-

рожно продвигаться вперед, держась на всякий случай поближе к стене.

Железо под ногами тряслось и грохотало, звуков было столько, будто не одинокий опытный разведчик совершает тайный рейд по тылам противника, а целая рота морских пехотинцев шагает в баню. Причем даже внезапное прекращение движения делу не помогало: еще долго после полной остановки все вокруг громыхало, лязгало и скрежетало, потом становилось тише, потом — значительно тише, а потом, уже минуту или две спустя, лязг и гуканье отражались, по-видимому, от каких-то далеких стен, возвращались, и все начиналось сначала.

В этих условиях попытки сохранить тайну передвижения теряли всякий смысл, и Андрей в конце концов решил шагать, как шагается, тем более что времени оставалось, судя по всему, совсем мало и некогда было уже разводить особую конспирацию.

Некогда было даже остановиться и попытаться понять, как дела у Спиридона. Собственно, и так было ясно, что дела у него — не ах. На всех диапазонах этот неисправимый болтун и менестрель теперь молчал или слабо покряхтывал, и только на УКВ мерно и неутомимо постукивал некий метроном. Время не ждало.

Железный же путь, между тем, несомненно вел куда-то вниз. Горизонтальные переходы все чаще сменялись железными ступеньками лестниц, и лестницы эти становились все длиннее и, судя по явно усиливающемуся лязгу и грому, все железнее. В стене справа изредка попадались двери с разнообразно-однообразными светящимися табличками: «ЗАПАСНОЙ ВЫХОД», «ВЫХОД ЗДЕСЬ», «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД» и даже «ВХОДА НЕТ. ВЫХОД». Разумеется, эти призывы уже не могли обмануть человека. Один разок, из чистого любопытства, Андрей приоткрыл дверь с зазывной надписью «САМЫЙ ПРОСТОЙ ВЫХОД ИЗ», понаблюдал, как дедушка вдумчиво кушает чай с вареньем, и двинулся дальше — уже без лишних остановок. Ему было все ясно.

Похоже, что и загадочным владельцам этого железно-решеточного балагана тоже было уже все ясно. Чем дальше, тем все запущеннее выглядело их заманивающе-выманивающее хозяйство. Стали попадаться двери, надписи над которыми были разбиты, или горели только некоторые из букв, или вообще никакие буквы не горели, а сама дверь оказывалась заставлена то какими-то метла-

ми и швабрами, то штабелем пустых ящиков из-под яиц[1], то шеренгами пустых бутылок.

Видимо, противник отказался уже от всяких попыток с помощью дезинформации, запугивания или подкупа остановить, задержать или обратить в бегство Андрея Т. И несомненно это была победа Андрея Т. Но была ли эта победа полной и окончательной? Следовало ли теперь считать, что путь впереди открыт и можно без всяких опасений стремительно преследовать отступающего в панике противника? При обсуждении вопросов такого рода Андрей мог опираться, с одной стороны, на боевой опыт дедушки-подполковника, а с другой — на обширный материал, почерпнутый в свое время из батальной литературы и кино. Однако опыт дедушки было использовать довольно трудно, потому что, если судить по дедушкиным рассказам, наука побеждать сводилась к науке обеспечивать свое подразделение в достаточных количествах боевым питанием и пищевым довольствием. Что же касается литературы и кино, то Андрей в данный момент ничего не мог выкопать из памяти, кроме прекрасной, но довольно бесполезной сейчас фразы: «Наступать! Наступать! Они уже выдыхаются!..»

Между тем, разгулявшаяся фантазия с готовностью предлагала десятки вариантов игры за противника, как-то: скрытые люки в железной решетке, распахивающиеся, когда на них ступает нога человека; обрушивающиеся из-под невидимого потолка чугунные литые болванки, нацеленные точно в темечко; пропускаемый через ржавое железо галерей и лестниц ток высокого напряжения... и так далее, и тому подобное.

И та же самая фантазия обнаруживала полную беспомощность и скудость, когда речь шла об игре за самого Андрея. Если отмести варианты, совершенно не достойные человека, то оставалось только одно: приостановить стремительное продвижение, оглядеться, собрать информацию, спокойно обдумать сложившуюся обстановку.

В конце концов Андрей так и поступил. Правда, не сразу, а только после того, как ему показалось, что дорогу ему перегородил огромный влажный паук, угрюмо сгорбившийся под очередной две-

[1] Действительно, до картонных «клеточек», которые всегда помещались в коробки, были ящики — длинные, широкие и невысокие. В них в несколько слоев укладывалась стружка, а на нее яйца. Но такие ящики Андрей Т. по молодости вряд ли смог бы опознать.— *В. Д.*

рью со слабо светящейся неоновой вывеской: «А ВОТ И В..ОД». Разумеется, довольно скоро выяснилось, что паук — это не паук вовсе, а невесть как залетевший сюда здоровенный куст перекати-поля, но тем не менее Андрей стремительное продвижение приостановил, вытер ледяной пот, выступивший на шее, и принялся оглядываться, собирать и спокойно обдумывать.

Железный гром и лязг возвращался из сумрака и снова уходил в сумрак, становясь с каждым разом все тише и все непохожее на самого себя, оборачивался громыханием железной крыши на ветру, потом — грохотом далекого контейнеровоза, потом — разноголосицей очереди на пунктах сдачи стеклянной тары... Замечательным было, что это эхо никак не желало затухать совсем — достигнув определенного уровня шума, оно на этом уровне и осталось и больше уже не было похоже на эхо.

Очень осторожно и почти бесшумно Андрей приблизился к перилам и глянул вниз. Внизу уже не было непроницаемо черной пропасти. Там стоял светящийся туман, и в нем, как в экране стереокино, перемещались неясные огромные тени сложнейших очертаний — не то чудовищные щупальца, не то переплетения металлических конструкций. Казалось, мощные прожектора силятся пробиться сквозь туман и шарят, шарят своими лучами в поисках подходящей щели. А эхо, которое уже больше не было эхом, временами разлагалось на отдельные звуки — это были выкрики, мрачное басовое бубнение и звонкие металлические щелчки словно бы переключаемых тумблеров.

Несколько долгих, непередаваемо долгих минут Андрей, свесившись через перила, смотрел и слушал, испытывая такой страх, какого не испытывал еще никогда в жизни. Это был даже не страх. Хуже. Это было холодное бесчестное расчетливое и вполне осознанное нежелание идти туда, вниз, в этот вскрикивающий и щелкающий туман. Туда просто нельзя было идти. Невозможно. Там был конец всему.

Он отшатнулся от перил и повернулся, чтобы бежать. Куда-нибудь. Лучше — вверх. Подальше от светящегося тумана. Но он не побежал, потому что перед ним оказался Генка, собственной персоной.

После разговора Андрея Т. с Напоминанием Генки и бега по железным лестницам Андрей оказывается перед странной ком-

панией, допрашивающей Генку. В черновике Андрей Т. Генку не узнает: «Это был огромный круглый зал, словно дно невообразимого стакана, или точнее — невообразимой консервной банки, потому что все здесь — и стены, и пол — было железным. По всему залу в хаотическом беспорядке были разбросаны столы, стулья, кресла, шезлонги, табуретки, диваны, тахты, козетки, пуфики и кушетки. Однако вся присутствовавшая в зале публика расположилась по почти правильной дуге в ближней к Андрею части зала, фактически прямо перед ним. Публика восседала на своих креслах, козетках и пуфиках, и все внимание ее было сосредоточено на каком-то человеке, прижавшемся к стене прямо под ногами у Андрея, так что Андрей мог видеть только его макушку. Но Андрею было не до этой злосчастной макушки, его потрясла в первую очередь именно публика».

В описании персонажей, захвативших в плен Генку, в черновом варианте тоже есть добавки. К примеру, страхолюдный толстяк (Самый Первый Блин) описывался кроме всего прочего так: «гора трясущегося жира, сопящая и задыхающаяся». О попсовом молодом человеке: «Нехорошо, конечно, судить о человеке по его внешнему виду, но у этого типа внешность была такова, что немедленно вызывала в памяти витиеватые и выспренние формулировки, вроде «гнездилища пороков», или, скажем, «мерзкого сосуда греха»...» Описан в черновике и персонаж, отсутствующий в окончательном варианте: «Было здесь некое существо (или сооружение?), напоминавшее хорошо сохранившуюся египетскую мумию, запеленутую, однако, не в бинты, пропитанные ароматическими смолами, а в разноцветные провода. Провода опутывали это сооружение (или все-таки существо?) так густо и плотно, что вовне торчал только длинный острый подвижный нос. Существо это мирно возлежало на тахте, разноцветные провода шли от него во все стороны, оно было в общем (если не считать носа, совершавшего временами просто чудеса) неподвижно и откликалось на происходящее только крупными зелеными цифрами, которые иногда вспыхивали по обе стороны носа, там, где у существ обычно находятся глаза, а у этого сооружения были расположены миниатюрные экраны размером с блюдце». Чуть позже описывается еще один тип (его реплика идет вместо реплики Недобитого Фашиста): «Давно пора,— подтвердил сидев-

ший на самом правом фланге полукольца голый по пояс и тощий, как паук, Людоед-Ящер. Он был интенсивно зеленого цвета и в красных крапинках. Перед ним стояло на столе огромное блюдо с горой чисто обглоданных розовых костей.— Сколько же можно разговаривать? — продолжал он раздраженно.— Обед мы проразговаривали, ужин мы проразговаривали... Вместо завтрака теперь что же — тоже разговоры будут?»

Во время допроса в черновике звучат другие вопросы, чем в окончательном варианте:

— Он будет отвечать,— вмешалась Двугорбая Старуха.— Это он вам ничего не хочет рассказывать, а мне он расскажет. Ведь правда, мой маленький? Ведь ты расскажешь своей старой доброй тетеньке, чем объясняются такие низкие температуры в Антарктиде зимой и летом?

Голос ее скрипучий, как несмазанная дверь, был исполнен ласки, от которой человека прошибал пот и озноб одновременно. Никакого ответа на этот странный и неожиданный вопрос не последовало, и тогда вступил со своей партией Ученый Таракан, обосновавшийся на крайнем левом фланге. До сих пор он старательно писал что-то на больших листах плотной белой бумаги, а потом швырял эти листы прямо на пол. На носу у него сидело три или четыре пары очков, соединенных, так сказать, последовательно, а из головы торчали во все стороны беспорядочно в великом множестве усы, усики, усища, антенны и гибкие членистые щупальца.

— Гораздо интереснее было бы узнать, что такое культурная революция и какие задачи она была призвана решать? — решительно протарахтел он, тряся всеми своими усами, очками и антеннами.— Каковы были причины военной иностранной интервенции в годы гражданской войны и почему 1919 год был решающим годом в гражданской войне?

— Позвольте, позвольте! — хрипя и задыхаясь, вмешался Самый Первый Блин.— Я ведь так еще и не услышал формулировки закона тяготения! Мне так и не сказали, почему при смачивании лица одеколоном мы ощущаем охлаждение? Я, например, ничего такого не ощущаю, а они ощущают! И что такое одеколон, мне тоже не объяснили!..

— Конечно-конечно! — проворковала Двугорбая Старуха.— Но наш добрый мальчик прежде всего расскажет своей доброй тетеньке, каковы были темпы роста городского населения в шестидесятых годах в Японии и в США. Где они были выше и чем это можно объяснить?..

Тут все почтенное собрание словно взорвалось. Двадцать глоток разверзлись, проклятия, вопросы и призывы к тишине сотрясли спертый воздух с такой силой, что загудела железная ферма, за которой прятался Андрей Т. Пока длилось это стихийное бедствие, пока все вокруг грохотало, выло и сотрясалось, Андрей с присущей ему молниеносностью оценивал ситуацию.

Все было ясно. «Сударь» и «наш добрый мальчик» — это был, без сомнения, Генка-Абрикос. Именно он стоял там внизу, прижавшись лопатками к стене, именно его осаждали вопросами, именно его подвергали угрозам и уговорам.

Почтенная компания чудовищ, прижавшая Генку к стене, была, разумеется, бандой космических негодяев, а все эти железные сооружения вокруг, все эти дырчатые клепаные формы, решетчатые галереи и прочие комингсы и переборки были внутренностью гигантского космического корабля пришельцев из другой Галактики. Нетрудно было догадаться, что прибыли они на Землю отнюдь не с дружескими намерениями, ибо как можно иначе было объяснить тот факт, что они отказались от честного и открытого контакта (например, с Академией Наук), а вместо этого подло захватили в плен простого школьника и выпытывают у него сведения, представляющие для них несомненно стратегический интерес.

Было приятно думать, что эта банда изначально совершила крупную ошибку, остановивши свой выбор именно на Генке.

После мыслей Андрея Т. о слабых знаниях и упертости Генки допрос продолжался:

Между тем, внизу установился относительный порядок. Вокруг Самого Первого Блина хлопотали, делая ему искусственное дыхание — он, видимо, слегка зашелся криком и был на грани апоплексического удара, то есть инсульта. Удивительный Мужчина обмахивался шляпой, утомившись требовать тишины и дисциплины. Ученый Таракан ползал под столами, собирая свои разбросанные

во время свалки листки, и только неутомимая Двугорбая Старуха продолжала гнуть свое. Вопросы, перемежаемые омерзительным сюсюканьем насчет «милого доброго мальчика», сыпались из нее, как из учебника экономической географии зарубежных стран.

— Какие страны играют ведущую роль в мировом производстве хлопчатобумажных тканей?

— Каков удельный вес США в производстве электроэнергии развитых капиталистических стран... и так далее?

— Какие порты Великобритании являются крупнейшими... и тому подобное?

— Какое минеральное сырье из стран Южной Азии вывозится на мировой рынок... и прочее, и прочее, и прочее...

Прижатый к стене Генка несгибаемо молчал. Он даже, кажется, и не шевелился вовсе. Возможно, притворялся мертвым — сверху этого было не понять.

Тут Ученый Таракан собрал наконец все свои драгоценные листки до единого и энергично перехватил инициативу:

— Почему летом и осенью 1918 года судьба революции решалась на Восточном фронте? — затарахтел он, судорожно пытаясь выставить все свои бесчисленные очки вдоль соответствующих оптических осей.— Какие меры были приняты для укрепления Восточного фронта? Как был подготовлен и осуществлен разгром Колчака?..

Видимо, он был помешан на истории гражданской войны. Генка, между прочим,— тоже. Все фильмы про гражданскую он смотрел по пять раз и обожал их пересказывать. Однако сейчас он молчал. Он был прижат к стене и, следовательно, не уступал.

Далее идет уже знакомый по окончательному варианту монолог Удивительного Мужчины по поводу их возможностей получать сведения, но вместо радостной реакции на эти слова перечисленных выше персонажей снова появляется Ящер:

Тут Людоед-Ящер, имея, видимо, целью подстегнуть убогое Генкино воображение, цапнул с блюда самую большую кость и принялся ее грызть с хрустом, треском, чмоканьем и чавканьем, так что всем присутствующим стало нехорошо.

— Ящер, друг мой...— ослабевшим голосом попросил Удивительный Мужчина, и Людоед-Ящер швырнул кость обратно в блюдо со словами:

— Ну ладно, ладно, не буду...

— Благодарю вас,— сказал ему Удивительный Мужчина, с трудом перевел дух и вновь принялся за Генку...

Далее Удивительный Мужчина продолжает уговаривать Генку, утверждая, что Андрей Т. о нем забыл. Во время этого Ящер не унимается, поэтому вновь идет обращение к нему: «Ящер, умоляю вас!» («Ну ладно, ладно...»). А затем в окончательном варианте идет, собственно, уже развязка (недосказанная, обрывающаяся) и краткое окончание, во время которого Андрей Т. дарил пришедшему Генке-Абрикосу свою коллекцию марок. В черновике же и развязка описана полнее, и финал весьма отличается от известного:

— Хватит врать! — взревел он, появляясь из-за железной фермы.

Все замерло. Воспользовавшись понятным замешательством в рядах противника, Андрей одной рукой схватил и швырнул вниз бухту просмоленного троса, валявшуюся тут же неподалеку, а другой поднял с натугой и направил на Удивительного мужчину какую-то железную трубу, стоявшую до сих пор мирно у стальной переборки.

— Не двигаться! — громовым голосом потребовал он, переводя черное жерло трубы с одного бандита на другого.— Не шевелиться! Разнесу в клочки!.. Генка, лезь сюда, быстро!

Все окаменели, словно в немой сцене из «Ревизора», замерли в неподвижности даже синие колечки дыма над трубой Удивительного, и только Египетская мумия, очевидно, от безмерного удивления, приподнялась на своем ложе и уставилась на Андрея своими зелеными циферблатами.

Между тем Генка, не теряя ни секунды драгоценного времени, вцепился в трос и полез по нему с ловкостью обезьяны и с ее же скоростью. Мгновение — и вот он уже рядом, вот он уже быстро вытягивает за собою трос, а банда все еще не пришла в себя, еще есть в запасе какое-то время для стремительного (в полном поряд-

ке) отступления, но тут в дальнем конце зала появился все тот же вездесущий Конь Кобылыч в виде черного карлика.

Размахивая своим страшным длинноствольным лазером-истребителем, он бежал, лавируя среди бесчисленных стульев, кресел и прочей мебели и уже издали пронзительно вопил:

— А вот я тебя сейчас, сорванца!..

— Разнесу в клочки! — ответил ему Андрей, но прежней убедительности уже не было в его голосе — он и сам это почувствовал. Ситуация стремительно ухудшалась. Банда зашевелилась. Людоед-Ящер ухватил зелеными лапищами блюдо костей и ловко скользнул с ним под стол. Удивительный Мужчина грозно поднял костыли, а Ученый Таракан, сорвав с себя очки, прыгнул прямо на стену и без всякого труда побежал по ней вверх, намереваясь обойти с фланга.

— Правого! — завопила Двугорбая Старуха.

— Левого! — заревел Самый Первый Блин.

— Обеих! — безграмотно, но пронзительно завопил Юноша-Попс, ловя Андрея на мушку своего огнедышащего «ронсона».

— А вот я вас сейчас!..— пронзительно верещал карлик Конь, и ослепительно белая спираль молнии страшно блеснула в черном раструбе его истребителя.

Тогда Андрей изо всех сил поднатужился, обеими руками поднял над головой свою железную, теперь уже бесполезную трубу, и швырнул ее в гущу врагов.

— Бежим! — крикнул он Генке.

И они бросились бежать, вперед и вверх, по железным грохочущим ступенькам в облака спасительного тумана, сквозь который уже проглядывало жаркое, яркое, доброе солнце Земли.

***

Мама и папа вернулись, когда не было еще и девяти. Вообще-то они намеревались первоначально провести в Грибановской Караулке весь день, но мама, томимая видениями любимого Андрюшеньки, распростертого на ложе фолликулярной ангины, совершенно запилила папу, и они еще затемно двинулись в город на попутных машинах.

Теперь мама уютно позвякивала и постукивала на кухне какими-то кулинарными приспособлениями, по всему дому пахло пе-

ченными яблоками и вареньем из мандариновых корок, а запиленный папа посидел некоторое время у ложа ангины, говоря о пустяках, а потом отправился в свою комнату, откуда очень скоро донеслись его проклятья в адрес оболтусов и разгильдяев, которые берут его вещи и никогда не кладут их на место.

Жаркое доброе солнце Земли, очень низкое и затянутое морозным туманом, светило в окно. На ложе ангины было тепло и уютно, хотя горло все еще побаливало и саднило, и Андрею казалось, что горло как бы вспоминает таким образом о бешеном и яростном крике: «Разнесу в клочки!..»

А в полдень пришел наконец и Генка-Абрикос. Он был очень смущен, автодрома с ним не было и смотрел он на Андрея жалкими виноватыми глазами. Многословные и несвязные объяснения его сводились к тому, что вырваться от Кузи не было никакой возможности — надо было чинить там магнитофон, а потом Славка принес новые диски, а потом Кузин папан приготовил шербет, а потом забарахлил автодром, а потом пришла Милка... Ну, разумеется! Андрей давно уже ждал этого признания. Милка. Так бы и сказал с самого начала. Раз уж Милка пришла, значит, все побоку...

Генка еще продолжал бормотать свои малодостоверные объяснения, но Андрей не слушал его. Он протянул руку, взял с табуретки верного Спиридона, щелкнул верньером. Спиридон с готовностью запел.

Голос у него был хрипловат, и повизгивало что-то внутри, и страшная сквозная рана — след спиральной молнии — круглая, с оплавленными краями, так и не затянулась, но верный своему долгу Спиридоша делал все что мог.

> Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,
> Когда дворники хлопочут у ворот[1]...

---

[1] Конечно, Окуджава цитировался для черновика по памяти, поэтому и здесь, и выше цитаты не точны. А в окончательном варианте приведен вообще другой куплет этой песни. Видимо, чтобы не связываться с редактором: песня была известна из «пионерского» кинофильма «Друг мой Колька», где вместо «дворники маячат» пелось «утро замаячит». У ворот.— *В. Д.*

И хотя было уже за полдень, и никаких дворников у ворот в помине не было, песенка о Веселом Барабанщике казалась, как всегда, вполне уместной, и от нее тихонько и сладко щемило сердце.

ИЗМЕНЕННЫЕ ПОДРОБНОСТИ

Контрольную Андрей Т. давал списать не Милке, а Генке-Абрикосу.

Вместо просмотра «Семнадцати мгновений весны» Андрея Т. ведут не «на именины к бабушке Варе», а «на день рождения к тете Вале, которая постоянно пристает насчет отметок и [как и бабушка Варя — *С. Б.*] не держит телевизора...»

В середине подъема по пожарной лестнице Андрей Т. думает, не вернуться ли ему назад, но, взбадриваемый песней Спиридона и вспомнив Генку, продолжает подъем. В черновике Андрей о Генке не вспоминает: «Может быть, он даже и сдался бы и повернул вспять, но дорога вниз теперь отнюдь не казалась легче. Было уже все равно — лезть вниз, карабкаться вверх или просто висеть на месте, обвившись вокруг металлических, чуть липких скоб подобно некоему тропическому удаву».

Машина ВЭДРО называет Андрея Т. не «Желающий Пройти», а «Вопрошатель», но и Андрей Т. (правда, в своих мыслях) называет ее поначалу «Думатель-Отгадыватель», а затем, разъярившись: Думатель-Вытрезвитель, Думатель-Болеутолитель, Решатель-Кдедушкеотправитель, Отгадыватель-Очковтиратель, Решатель-Разъяснитель, Думатель-Многоосебевоображатель.

Третий вопрос, заданный ВЭДРО,— не о гиперболоиде инженера Гарина:

— Третий вопрос формулируется!— как ни в чем не бывало провозгласил Решатель-Отгадыватель.— Загадка: кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех? На размышление двести сорок секунд. Размышление начинается!

Загадки ему, уныло подумал Андрей. Только загадок мне и не хватало. Терпеть их не могу. «Висит на ложке, свесив ножки... Без рук без ног на бабу скок...» Откуда я могу знать? Утром — на четырех, днем — на двух, а потом — снова количество ног возрастает. Паук какой-нибудь. Утром ему оторвали половину ног, а к вечеру...

Подожди-ка, я ведь про эти ноги где-то читал... Ну да! Утром на четырех — значит, на четвереньках, а вечером на трех — значит, с палочкой... Это же загадка Сфинкса!

Несомненно, Думатель-Отгадыватель выкопал где-то в недрах своей магнитной памяти древнюю загадку, которую легендарный Сфинкс загадывал встречным и поперечным перед тем, как их съесть. А какой-то другой легендарный деятель (Эдип? Эзоп? Или, может быть, Геракл?) эту загадку раскусил и остался несъеденным... По-видимому, это был чертовски головастый Эдип, но, скорее всего, он тоже вычитал разгадку в какой-нибудь древней книжке...

Андрей подождал, пока на экране появится число 10, и сказал негромко:

— Человек.

И угадал!

Несколько по-другому описываются мысли Андрея Т. и первый его вопрос, когда ему было предложено задавать вопросы Думателю-Отгадывателю:

Нет, умными вопросами машину не испугаешь. Это на умные вопросы отвечать нетрудно, а попробуй-ка ответить на глупый! Надо ему подсунуть какой-нибудь дурацкий вопрос. «Куда девается земля, когда в ней дырка?» Хороший вопрос, дурацкий, но ответить на него можно. Значит, недостаточно дурацкий... Тут все дело в том, что правильно поставленный вопрос уже содержит в себе половину ответа, значит?.. Значит, надо попробовать неправильно поставленный... Неправильно поставленный... Неправильно...

И Андрей выпалил наугад:

— Почему у насекомых десять ног?

Перед следующим вопросом Андрей Т. опять вспоминает родственников: «Вот на чем я его поймаю: на парадоксе. Ура! Спасибо, папа, что рассказал мне про парадоксы. Спасибо старшему брату-студенту, который обожал меня парадоксировать».

Во время просмотра огромного количества кляссеров с марками Андрей Т. вдруг замечает, что Спиридон стоит «на самом далеком шкафу в самом темном углу», и его осеняет: «Генка!» В черновике о Генке опять-таки напоминает Андрею Т. Спиридон:

Почему верный Спиридоша оказался так далеко — чуть ли не на самой верхней полке самого далекого из стеллажей? Что за зеленые буквы вспыхивают на его шкале, складываясь в слова, которые никак не удается прочесть? И что это он там шепчет, верный добрый Спиха, безнадежно, но упорно повторяет какие-то очень важные слова, которые никак не удается расслышать за мерными увлекательными комментариями Комментатора?..

Андрей потряс головой, и на мгновение ему удалось вырваться из навалившегося филателистического кошмара.

— ДО ПОЛУНОЧИ ДВАДЦАТЬ МИНУТ...— вспыхивало на шкале Спиридона.— ДВАДЦАТЬ МИНУТ ДО ПОЛУНОЧИ ДВАДЦАТЬ МИНУТ...

— ...Андрюха, помоги!..— задыхаясь транслировал Спиридоша.— Погибаю...

С огромным трудом освободившись от пинцета и лупы, которые категорически отказывались лечь на стол, а все норовили прыгнуть обратно в руки, Андрей отодвинул кресло и поднялся.

О марке «Розовая Гвиана» в окончательном варианте сказано: «На черном бархате под плитой броневого стекла в отсветах лампы лежала ОНА». В черновике: «На черном бархате, в отсветах лампы на пуленепробиваемом-несгораемом-химическим-реакциям-неподверженном стекле, лежала ОНА». В это время Спиридон запел песню о Веселом Барабанщике — негромко (в окончательном варианте). В черновике эту же песню, тихо Спиридон начинает петь раньше, а теперь: «Спиридон, будучи существом небелковым и в значительной своей части даже вообще неорганическим, не питал ни уважения, ни почтения ни к чему, а в особенности — к филателии. Никем не управляемый и не ограничиваемый, он с наслаждением дал звучок и теперь показывал все, на что был способен. Не так уж часто ему, бедняге, удавалось попеть во все горло в этом шумном мире, ожесточенно сражающемся с шумами. И сейчас он пел. Это была все та же песенка о Веселом Барабанщике, всего лишь о Барабанщике, но он пел ее от души, бросив на это исполнение все свои небогатые запасы энергии...» И далее, когда все тот же Конь Кобылыч стреляет в Спиридона из лазерного пистолета (в черновике это оружие конкретно не называется, а описывается: «нечто длинноствольно-

ное, мрачно и тускло блеснувшее синим»), Спиридон предстает опять как живое существо: «Андрей завопил от ужаса и бессилия, и страшно, как раненное животное, закричал пораженный Спиридон».

УБРАННЫЕ ПОДРОБНОСТИ

«Горло болело»,— констатирует Андрей Т. В черновике подробнее: «Горло болело, и через полчаса ему предстояло тащиться в ванную и там полоскать это предательское горло раствором календулы в теплой воде».

Когда Андрей Т. мысленно вспоминает все случаи своего невезения, переходя от одного примера к другому, в черновике вставлено: «Или — другой наводящий ужас пример...»

«Бороться и искать — невозможно и остается одно: не сдаваться»,— думает Андрей Т. и в черновике добавляет: «Когда дела становятся совсем плохи, они начинают изменяться к лучшему».

Когда Андрей Т. раздумывает, не взять ли ему в путешествие факел, то в черновике поясняется: «...инструмента, необходимейшего при исследовании подземелий, заброшенных шахт и разнообразных пещер...»

Перед известной истиной, «что есть лишь один способ делать дело и множество способов от дела уклоняться» в черновике идет повествовательное: «Трудно, трудно теперь уже сказать, как все повернулось бы в дальнейшем...»

Перед путешествием по пожарной лестнице Спиридон исполняет романс. Причем в черновике он продолжает петь даже когда Андрей его уже положил за пазуху, поэтому «пришлось сказать ему: «Цыц!», после чего рыдания и всхлипывания прекратились».

Когда Андрей Т. попадает к ВЭДРО, в черновике приведено восприятие Андреем Т. странного общения с машиной. Машина называет себя и одновременно высвечиваются произносимые слова: «Процедура представления начинается,— продолжал Голос.— Представление: имею честь представиться — Всемогущий Электронный Думатель, Решатель и Отгадыватель. С кем имею честь?» В черновике продолжение: «Андрей как завороженный слушал и читал. Было очень странно сравнивать то, что слышали

уши, с тем, что видели глаза — знаков препинания по-прежнему не было, союзов — тоже, а вместо «Всемогущего Электронного» и так далее высветилось просто ВЭДРО — видимо, из соображений экономии. Потом до него дошло, что надо бы представиться в свою очередь...» После представления в окончательном варианте Андрей Т. спрашивает, как пройти к Генке, в черновике же идет другое:

Потом по экрану побежали цифры, перемежаемые английскими словами, из которых Андрей успел разобрать только «мэмори гап».

Голос объявил:

— Процедура ввода информации в школьника Андрея начинается.

В черновике, когда Андрей Т. разглядывает кляссеры с марками, Комментатор разговаривает с Андреем, используя различные обращения: «Классика, сэр! Старая Германия, Черный Пенни в листах, монсеньор! Британские колонии, сударь!.. <...> Раз в пятьдесят лет, милостивый государь! <...> Такое не повторяется, прошу пана!.. Ясновельможный пан и звезда моего сердца не может уйти...»

СТИЛИСТИКА

И видна, конечно, при сравнении чернового и окончательного варианта мелкая стилистическая правка.

«Взять и полежать в постели» изменяется на «поваляться под одеялом».

«Это уже не просто невезенье. Это уже нечто большее»,— думает Андрей Т. о своей несчастной судьбе. Авторы добавляют пафоса: «Это уже не просто невезенье. Это уже судьба. Рок».

Андрей Т. вписывает в кроссворд Буттерброда, «чем развеселил своего старшего брата-студента»,— пишется в черновике. Авторы, стараясь добавить отношение самого Андрея Т. к этому, сначала добавляют слово «неприятно», но затем изменяют полностью: «...чем повергнул старшего брата в неописуемое и оскорбительное веселье».

Андрей размышляет: «...и много бутербродов было случайно уронено...» Авторы правят, убирая страдательный залог и одновременно добавляя вычурности: «...и много бутербродов вывалилось из рук на пол, на тротуар и просто на сырую землю...»

Ненавистный парадный костюм после правки становится «смирительным парадным костюмом».

Добавление пафоса: не «негромко застонать», а «испустить негромкий стон»; не «стон человека, попавшего в капкан», а «стон человека, попавшего в западню». И одновременно сокращение текста и придание ему большей заштампованности: не «Стон звездолетчика, уносимого остатками разбитого корабля в невообразимые черные пустоты Вселенной...», а «Стон обреченного звездолетчика, падающего в своем разбитом корабле в черные пучины пространства...» И убирается из черновика: «Если не считать этого стона, в квартире было тихо». И еще придание литературных штампов: «горькая мудрая» не «улыбка», а «усмешка»; вместо «не тратя лишнего времени» — «не тратя ни минуты драгоценного времени»; вместо «трусоватый механизм» (о Спиридоне) — «чувствительный аппарат»; не «скромно ликовал», а «рыдал от счастья».

ИЗДАНИЯ

ПОДИН впервые была опубликована в «Мире приключений» в 1980 году, затем переиздавалась только в собраниях сочинений. В первом издании она называлась — «сказка», в собрании сочинений издательства «Текст» — «маленькая повесть».

Первое издание отличается от других вариантов незначительно. К примеру, Спиридон поет не «Мы с милым расставалися, клялись в любви своей», а «Мы расстаемся навсегда, пускай бегут года...»; ВЭДРО Андрей Т. не называет «Ведро» (везде упоминается только ВЭДРО); сторож с собакой в этом издании еще и с берданкой на коленях. Есть там и некоторые подробности из черновика, отсутствующие в следующих изданиях, к примеру: «...даже для АЛКОГОЛИКОВ и НАРКОМАНОВ были, хотя, казалось бы, кому в здравом уме и трезвой памяти могло взбрести в голову держать открытый притон для алкоголиков и наркома-

нов?..» Проскочило в этом издании любимое словечко Авторов «брюзгливо» (в последующих его правили на «брезгливо»).

В издании собрания сочинений издательства «Сталкер» в ПОДИН были сделаны (по разрешению БНС) некоторые небольшие вставки из черновика и первого издания: путешествие Андрея Т. на четвереньках, инцидент с Яишницей и прочее. В других собраниях сочинений повесть публиковалась без изменений.

«ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ»

ЖВМ в какой-то степени знаковая повесть для любителей творчества АБС. С одной стороны, именно эта повесть сводит вместе многие линии повествования о мире Полудня: здесь появляются Горбовский и Август-Мария Бадер из ПХХIIВ, Максим Каммерер из ОО, Майя Глумова из «Малыша», упоминается Корней Яшмаа из ПИП. Имеется и множество других отметок, по которым можно исследовать как хронологию мира Полудня, так и его общее развитие. С другой стороны, само произведение дает читателю столько вариантов ответов на различные поставленные в повести вопросы, что каждый волен сам выбирать более близкую ему интерпретацию и разгадывать хитросплетения сюжета, исходя из нее. С третьей стороны, почитателям изящной словесности в ЖВМ — простор для наслаждения. К примеру, одна фраза (помните, когда Щекн не послушался Абалкина и заглянул в «стакан», в котором сидел ракопаук): «...больше всего на свете мне хочется сейчас прошипеть: «С-с-скотина!..» и со всего размаха, с рыдающим выдохом залепить оплеуху по этой унылой, дурацкой, упрямой, безмозглой лобастой башке...» Пять определений подряд, каждое — емкая характеристика как самого Щекна, так и отношения к нему Абалкина... С четвертой стороны, не остались в стороне и любители второго смысла, любители поискать в творчестве АБС крамолу, критику существующего строя (достаточно поставить знак равенства между КОМКОНом-2 и КГБ). Хотя, конечно, ЖВМ дает массу возможностей для интерпретации. К примеру, Майя Каганская увидела в истории «подкидышей» историю вечно гонимого и чужого для всех еврейского народа.

Текстология же ЖВМ дает, увы, мало материала для исследования.

ЧЕРНОВИК

Черновик ЖВМ, как и чистовик, практически идентичен опубликованному варианту. То ли Авторы так ясно видели всю повесть еще до ее написания и обговорили ее досконально, то ли были еще какие-то записи, которые в архиве не сохранились. Но сохранились в архиве четыре машинописных странички — то ли замысел какой-то другой, ненаписанной повести, то ли очень ранний вариант ЖВМ. Дело происходит еще не на Саракше, а на Пандоре, аборигены столь же непохожи — другой уровень развития, другая обстановка... Но как раз из этого отрывка мы можем узнать, как же все-таки Абалкин узнал от Тристана, что ему нельзя на Землю:

Когда заседание кончилось и все члены Совета разошлись, Горбовский остался в зале. Он чувствовал себя выжатым, бездарным и нелепым. Он чувствовал себя так, словно его занесло на сцену, где только что разыгрался помпезный и бездарный спектакль на историческую тему. Ему было стыдно и неловко.

— Ну что, Рудольф? — сказал он Страннику, заставляя себя смотреть ему в лицо.— Ну теперь вы довольны?

— Почти,— коротко ответил Рудольф Сикорски, по прозвищу Странник. Он поднялся, намереваясь уйти, но не потому, что ему было неловко, а потому что ему не терпелось взяться за это дело.

— Но вы понимаете, что все тайное становится в конце концов явным? — сказал Горбовский.

— Не обязательно,— сказал Странник небрежно.— Это — вопрос организации, и не более того.

— А как насчет случайностей? — Горбовский почувствовал, что все продолжает разыгрывать бездарный спектакль, но он не умел отстроиться от дурацкой роли, которую сам же и выбрал.— Как насчет бутербродов, которые падают маслом вниз?

Странник уже уходил. Он буркнул, не оборачиваясь:

— Значит, сделаем так, чтобы бутерброды не падали... Или вообще обойдемся без бутербродов,— добавил он уже на пороге.

С тех пор прошло сорок лет.

Все началось на Пандоре. И конечно, все началось со случайности. Вероятно, это была неизбежная случайность. Вероятно, она должна была рано или поздно произойти.

Лев Абалкин работал на Пандоре уже двенадцать лет. Сначала он был рабом, потом шпионом малого жреца, потом малым жрецом, потом Невидимым первого разряда и наконец стал Большим Жрецом. За эти 12 лет он сто раз назначал своему связному рандеву на Белом Лбу и сто раз предупреждал его, что нельзя отходить от вертолета — надо сажать машину точно в обозначенный круг и сидеть в кабине, дожидаясь Льва. И Тристан почти всегда так и делал. Но от Базы до Белого Лба было 8 часов лету. У него затекали ноги, и хотелось размяться. Кроме того, Лев иногда опаздывал на час или даже больше, и ждать его в кабине было скучно. И кроме того, окрестности Белого Лба — одно из самых красивых и безопасных на вид мест Пандоры. Было трудно удержаться и не посидеть на краю скалы, свесив ноги, любуясь игрой красок в клубящихся облаках Сухих Джунглей. Тристан не удерживался. Двадцать раз ему сошло, а потом случилось неизбежное.

Когда Лев — на этот раз точно, минута в минуту — вышел к подножью Белого Лба, Тристан лежал ничком в пышной полосатой траве и был без сознания.

По-видимому, он прилетел несколько раньше и вышел из кабины размяться. По-видимому, он стоял на краю скалы и благодушно озирался, не зная, разумеется, что в этот самый момент мимо проходит патрульный отряд Боевых Слизней. Он, вероятно, так ничего и не успел понять, когда из мерцающей листвы певуче звеня поднялись метательные диски и прошли рядом с ним, чуть только коснувшись, чтобы сделать четыре ритуальных разреза — наискосок через живот и по связкам обеих ног. Он сильно расшибся, упав с высоты десяти метров, и внутренности его выпали.

Слизни были еще здесь, в зарослях. Лев чувствовал их испуганные взгляды. Белый Лоб был табу. Они только совершили обряд очищения и не более того, но они, конечно же, чувствовали, что здесь что-то не так. Племя Слизней многому научилось за последние 6 лет, а Боевые Слизни были самые сообразительные среди своего народа.

Лев вскарабкался к вертолету, держа Тристана на плече. Первым делом он распаковал тюк с медикаментами (ради которого и должно было состояться рандеву), достал то, что могло помочь — хотя бы остановить кровотечение, хотя бы нейтрализовать яд, хотя бы смягчить шок — и сделал все, что было в его силах. Потом он поднял вертолет и погнал его в сторону Базы.

Он думал только о том, чтобы спасти Тристана, но вдруг понял, что даже как-то рад случившемуся. Он хотел на Базу. Он хотел домой. Он вдруг с каким-то истерическим неистовством ощутил адское нежелание возвращаться в Храм. 12 лет, думал он. Хватит. Теперь я больше не вернусь. Я наладил там все, что можно было наладить. Андрей станет Большим Жрецом. Машина смазана и запущена. Теперь она пойдет и без меня. У вас больше нет причин меня задерживать. Хватит...

Тристан бредил. Собственно, он умирал, но яд куффу, которым смазаны метательные диски, убивая его, не давал ему умереть спокойно. Убивая, яд куффу заставляет говорить. И Тристан говорил. По-видимому, он разговаривал с Джонатаном Гиббсом, начальником Базы. Он называл его по-дружески Джонтом, и Лев слышал этот разговор так, словно Тристан говорил с шефом по телефону.

Он давно не водил вертолета, лет пять. Это не забывается, но настоящая сноровка пропадает. А ему надо было провести машину напрямик, кратчайшим путем и с максимальной скоростью. Надо было успеть значительно быстрее, чем за обычные крейсерские 8 часов. Управление отнимало почти все его внимание, потому что он прокладывал курс над зоной вертикальных потоков и машину неимоверно трясло и норовило завалить на борт. Но в конце концов он обратил внимание на бред Тристана и очень скоро понял, что Тристан повторяет все время одно и то же и говорит именно о нем, о Льве Абалкине.

Вот что говорил Тристан:

— Я умираю... Не спорьте, Джонт, на этот раз мне не выкарабкаться. Слушайте. Да слушайте меня, черт побери!.. Лев не должен вернуться на Землю. Да, Лев Абалкин... Я знаю, что он просит отпуск... Знаю... Знаю! На Землю он возвратиться не должен. В крайнем случае — Курорт. Да куда угодно, только не на Землю... Это неважно... Это неважно, я говорю!.. Хорошо, если вы не сумеете... Да-да, я об этом и говорю: если вы не сумеете его удержать здесь, немедленно сообщите на Землю: триста семьдесят — семьсот сорок — три нуля — Европа... (Он повторял этот номер раз пять подряд.) Это неважно. Вы только сообщите, куда он направляется — и все. Но заклинаю вас — только не на Землю! Ему нельзя на Землю... Вы запомнили номер? (Пауза.) Да. Правильно. Прощайте.

Тристан замолкал и через минуту начинал все сначала — почти теми же словами и с теми же интонациями. Он очень мучился, и то

о чем он говорил, мучило его, кажется, даже сильнее, чем рана и яд куффу.

Лев попытался вмешаться в этот разговор, хотя и знал, что это бесполезно — для того, кто умирает от куффу, существует только внутренний мир, мир его умирания. Тристан его не слышал — он только все время повторял одно и то же, самое главное для себя, более важное, чем смерть — так всегда бывает с теми, кто умирает от куффу. Через два часа он замолчал — яд парализовал речь.

Перелет занял пять с половиной часов. Посадив машину прямо на крышу госпиталя, Лев подождал, пока Тристана унесут, а потом спустился в столовую и поел. Голова у него трещала так, что он ничего вокруг не видел и не замечал. Он пошел в административный корпус и попросил приема у шефа. Только здесь он заметил, что от него шарахаются, и сообразил, что у него на лице обычная Маска Ужаса. Но он не стал менять лица и в таком виде прошел к Джонатану Гиббсу.

— Я больше не могу,— сказал он ему.— Я возвращаюсь домой. Сегодня. Сейчас.

— Да,— сказал Джонатан Гиббс, стараясь на него не смотреть. Губы у него непроизвольно подергивались.— Да-да... Конечно.

— Я в двадцатый раз вас об этом прошу,— сказал Лев.— Вы, по-моему, хотите, чтобы я к дьяволу загнулся здесь.

— Господи,— сказал Гиббс, совсем закрывая глаза.— Да о чем речь! Поезжайте, конечно. Поезжайте...

— Эта история меня доконала,— сказал Лев.— Я больше не могу. Андрей останется за меня. Он полностью в курсе всех дел...

Гиббс молча кивал и кивал головой как китайский болванчик, а потом сказал умоляюще:

— Лев, милый, вы не можете... свое лицо... зачем это вам сейчас?..

— Простите,— сказал Лев и привел свое лицо в порядок.

Через три часа он внерейсовым «призраком» улетел на Землю. Никто его не задерживал, даже и не пытался. Тристан, полностью парализованный, лежал в госпитале, врачи обещали, что он будет жить.

Собственно, черновик от последующих вариантов отличается только редкой, кое-где, стилистической правкой. В большинстве случаев Авторы добавляют выразительности тексту, используя для этого повтор. «Никаких силовых контактов»,— говорит Си-

корски. Авторы усиливают: «Никаких силовых контактов. Вообще никаких контактов». Точно так же, когда Каммерер вспоминает данные листа № 1, в черновике он вспоминает только начало: «Профессиональные склонности: зоопсихология, театр, этнолингвистика». Потом Авторы дополняют: «Профессиональные склонности: зоопсихология, театр, этнолингвистика... Профессиональные показания: зоопсихология...»

ИЗДАНИЯ

ЖВМ впервые был опубликован в журнале «Знание — сила» в 1979—1980 годах, два года спустя — в сборнике «Белый камень Эрдени». После этого ЖВМ выдержал много переизданий в авторских сборниках в региональных издательствах: с ОО, ВНМ и ХВВ (Кишинев: Лумина, 1983), с ПКБ и рассказами (Рига: Лиесма, 1986), с ПНВС и ПИП (Фрунзе: Мектеп, 1987), с ОО и ВГВ (Томск: кн. изд-во, 1989)... Но особенно популярность ЖВМ заметна по региональной печати того времени: «Ленинец» (Уфа, с декабря 1981 по август 1982), «Волжский комсомолец» (Куйбышев, с июля 1982 года по январь 1983), «Молодой дальневосточник» (Хабаровск, с ноября 1985 по апрель 1986)...

Эпиграф к повести был упущен только в двух изданиях: в сборнике «Белый камень Эрдени» и рижском издании. Об эпиграфе в сборнике БНС рассказывал: «...его мы были вынуждены выбросить под давлением идиота-редактора, которому кто-то по секрету сообщил, что «Стояли звери...» и т. д.— это слегка переделанная маршевая песня гитлерюгенда (!)». Рижское издание публиковалось по варианту «Белого камня Эрдени». В этих же двух изданиях в самом тексте, когда упоминается это четверостишье (в рассказе Майи Глумовой о детстве), «в них стреляли, они умирали» исправлено на «они кричали, их не пускали». В этих же двух изданиях главы с подзаголовком «Из отчета Льва Абалкина» имеют еще подзаголовок: «ОПЕРАЦИЯ "МЕРТВЫЙ МИР"». Также имеются в этих изданиях и сноски: «Андроид (фантастич.) — человекообразный», «Ментоскопирование (фантастич.) — исследование подсознания с помощью прибора, «читающего мысли» (ментоскопа)».

По поводу заглавных букв и имен собственных. Почему АБС практически во всех произведениях цикла «Полудня» профессию «учитель» употребляют с заглавной буквы, догадаться несложно — это показывает уважение будущего человечества к этой профессии. В ЖВМ также с заглавной пишется и вторая профессия, которая учит,— Наставник. Но чем объяснить написания «Прогрессор» (другие профессии пишутся со строчной), «Голованы» (представители других цивилизаций пишутся со строчной)? Вообще же, если брать проблему имен собственных, которые и пишутся с заглавной буквы, то ЖВМ как никакое другое произведение АБС дает множество примеров: Музей Внеземных Культур или Музей внеземных культур, площадь Звезды или Площадь Звезды, Спецсектор предметов материальной культуры невыясненного назначения или спецсектор Предметов, а может быть, и спецсектор предметов... И еще один вопрос для лингвиста: как правильно должно звучать название жителя планеты Тагоры: тагорец или тагорянин?

Еще один интересный факт по поводу всяческих названий. Как писалось в этом исследовании (в разделе, рассказывающем о раннем варианте УНС): «В "Беспокойстве" (в издании "Миров" и далее) издатели с разрешения Б. Н. Стругацкого изменили Мировой Совет на Всемирный совет, так как в завершающих цикл Полудня повестях (ЖВМ, ВГВ) он именуется именно так. Хотя как раз здесь правильность замены под вопросом, так как "Беспокойство" относится скорее к ранним произведениям цикла (ПХХIIВ, ПКБ), где название этого органа — "Мировой Совет"». Так вот, уточним: в ЖВМ Всемирным совет называется только начиная с «Миров». В более ранних изданиях он все же — Мировой Совет...

Первое, журнальное издание было несколько сокращено. По сравнению с журнальными публикациями других произведений — в меньшей степени (изредка убраны предложение-два, в основном описательного характера). Впрочем, некоторому сокращению (отличающемуся от сокращений в «Знание — сила») подверглись и публикации в сборнике «Белый камень Эрдени» и в рижском издании. Но есть в журнальной публикации (и только в ней, даже в рукописях этого нет) и дополнение, поясняющее смысл работы Прогрессора. Во время обсуждения проблемы «подкидышей» Каммерер думает: «Но я-то, к сожалению, не был нормальным

человеком в этом смысле слова. Я, к сожалению, и был как раз одним из тех, на долю которых выпало улаживать». После этого в журнале идет продолжение фразы: «...все, что могло стать опасным для человечества и прогресса. Именно поэтому такие, как я, оказывались иногда в чуждых мирах и в чуждых ролях. Вроде роли имперского офицера в феодальной империи на Саракше, которую играл в свое время Абалкин».

Некоторые изменения в тексте ЖВМ удивляют. К примеру, в черновике, первом издании, а также некоторых других, Щекн, первый раз заговорив со стариком из «добрых людей» (экспедиция «Мертвый мир»), произносит: «Я тебе покажу «собаку»! <...> Старый болтливый козел!» В чистовике (вероятно, простая опечатка Авторов) вместо «козел» напечатано «котел». Так же («Старый болтливый котел!») публикуется и в ряде изданий, пока на это странное сравнение не обращает внимание Леонид Филиппов (редактор «Миров братьев Стругацких») и, вероятно, советуясь с БНС, правит: «Старый ржавый котел!» В собрании сочинений «Сталкера», так как текст проверялся и по другим изданиям и по рукописям, «старый болтливый козел» восстановлен.

СЦЕНАРИЙ ЖВМ

О сценарии ЖВМ (далее — ЖВМ-с) БНС вспоминал, беседуя с «люденами» в 1992 году:

БНС. А ЖВМ как возник, сценарий? Был написан сценарий. Правда, писал его в основном Аркадий Натанович. Очень сильно отличающийся от оригинала. Вы не нашли его в рукописях, кстати?

Ю. Флейшман. Нет.

БНС. Он где-то лежит. Надо его найти. Мне он тоже не очень нравился, но поскольку я был довольно к этому равнодушен... Ну, написал и написал. Так... С кем мы тогда работали...

В. Казаков. Грамматиков.

БНС. Грамматиков, совершенно верно. Грамматиков почитал, начал крутить носом, начал щелкать пальцами, что вот тут не хватает, вы знаете, чего-то такого. Сначала он говорил, что надо дальше от текста. Когда вот это было сделано — «дальше от текста»,—

тогда он стал щелкать пальцами и говорит: «Хорошо бы это ближе к тексту». И вот я помню, тогда я приехал в Москву, мы сели и написали. Я сказал: «Ну какого черта? Он хочет ближе к тексту. Я и ты тоже хотим ближе к тексту, так давай сделаем ближе к тексту». И вот мы сделали то, что потом было опубликовано в «Уральском Следопыте».

Ранняя рукопись сценария так и не нашлась. Поздняя, к сожалению, тоже не сохранилась. Скорее всего, она была отдана для публикации в журнал да там и осталась. Сам сценарий был опубликован дважды: в журнале «Уральский следопыт» (1989, № 4) и в сборнике киносценариев в «Мирах братьев Стругацких». Тексты практически не отличаются, только из подзаголовка в журнальной публикации можно узнать, что это — «сценарий трехсерийного фильма».

Если же сравнивать повесть и сценарий, то можно сказать, что этот сценарий по сравнению с другими наиболее близок к повести — некоторые абзацы из повести просто перенесены в сценарий дословно. Но, конечно, есть и отличия. Часть отличий касается меньшего объема сценария по сравнению с повестью. Так, к примеру, из сценария исчезли: «Операция "Мертвый мир"» (о ней лишь упоминается), доктор Гоаннек из «Осинушки», «Александр Б.» на заставе у резиденции голованов и плохая работа нультранспортировки из-за флюктуаций нейтринного поля; нет в сценарии и упоминания о встрече двух близнецов и вообще не упоминается Корней Яшмаа.

Часть изменений в сценарии обусловлена зрелищностью. К примеру, вместо сухой главы «Кое-что о Льве Абалкине, прогрессоре», где приводится текст радиограммы о гибели Тристана и бегстве Абалкина, в сценарии текст радиограммы звучит на фоне разворачивающихся событий:

Чужая планета среди звезд: огромный пятнистый красно-оранжевый серп, неподалеку — два серпа поменьше, луны этой планеты.

Серп стремительно надвигается, тьма застилает экран, и одновременно — механический, прерываемый помехами голос начинает монотонно читать текст радиограммы.

ПЛАНЕТА САРАКШ БАЗА ПРОГРЕССОРОВ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС» ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ ВЧЕРА ВЫЕЗДНОЙ ВРАЧ БАЗЫ ТРИСТАН ГУТЕНФЕЛЬД ВЫЛЕТЕЛ НА СВОЕМ БОТЕ ДЛЯ РЕГУЛЯРНОГО МЕДИЦИНСКОГО ОСМОТРА ЛЬВА АБАЛКИНА ДЕЙСТВУЮЩЕГО В РОЛИ ШИФРОВАЛЬЩИКА АДМИРАЛТЕЙСТВА ОСТРОВНОЙ ИМПЕРИИ К НАЗНАЧЕННОМУ ВРЕМЕНИ НЕ ВЕРНУЛСЯ НА СВЯЗЬ НЕ ВЫХОДИЛ О ПРИБЫТИИ НА ТОЧКУ РАНДЕВУ НЕ ДОКЛАДЫВАЛ...

Ночь, проливной дождь. Панически мечутся лучи прожекторов, отвратительно воет тревожная сирена. Вспышки выстрелов, треск автоматных очередей.

Грубо клепанный железный борт какого-то сооружения. Распахивается люк, из него выскакивает рослый человек в пятнистом комбинезоне, простоволосый, оскаленный от напряжения и ненависти. На плече у него висит безжизненное тело, облаченное в обтягивающий блестящий черный костюм.

Человек в комбинезоне огромными скачками несется сквозь дождь, тьму и прожекторные сполохи. Под ногами у него бетонные плиты, проросшие на стыках мелкой травкой, вокруг угадываются безобразные военные сооружения — капониры, поворачивающиеся уши локаторов, сторожевые башни, с которых вспыхивают прожектора и выстрелы.

Человек в комбинезоне бежит к громадному грузовику с трейлером. На трейлере громоздится непривычного вида летательный аппарат, похожий на большое яйцо тупым концом вниз. Около трейлера — несколько охранников в мокрых плащах с капюшонами. Они стреляют из автоматов навстречу бегущему, но попасть в него невозможно: он передвигается с невероятной скоростью непредсказуемыми зигзагами, временами исчезая напрочь и вновь появляясь там, где никто не ожидает его увидеть.

Он набегает на охранников — неожиданно сбоку. Плотные мужики в плащах катятся по бетону, как пластмассовые кегли. Высоко в воздух взлетает, болтая оборванным ремнем, выбитый из рук автомат.

А человек в комбинезоне уже на трейлере. Он пытается раскрыть дверцу яйцеобразного аппарата. Дверца не открывается. Пули с визгом отлетают от матовой брони. Человек в комбинезоне хвата-

ет вялую руку мертвеца и прижимает мертвую ладонь к отпечатку пятерни рядом с дверцей, и тогда дверца распахивается.

Яйцеобразный аппарат абсолютно беззвучно взмывает в мокрую тьму, сопровождаемый лучами прожекторов и трассами автоматных очередей.

...СЕГОДНЯ НА ЕГО БОТЕ НА БАЗУ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС» ПРИБЫЛ ЛЕВ АБАЛКИН ПО ЕГО СЛОВАМ ТРИСТАН ГУТЕНФЕЛЬД ПРИ НЕИЗВЕСТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ БЫЛ СХВАЧЕН И УБИТ КОНТРРАЗВЕДКОЙ ИМПЕРСКОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА СПАСАЯ ТЕЛО ГУТЕНФЕЛЬДА ЛЕВ АБАЛКИН БЫЛ ВЫНУЖДЕН РАСКРЫТЬ СЕБЯ ПРИ ПРОРЫВЕ ФИЗИЧЕСКИ НЕ ПОСТРАДАЛ ОДНАКО НАХОДИТСЯ НА ГРАНИ ПСИХИЧЕСКОГО СПАЗМА ПО ЕГО НАСТОЯТЕЛЬНОЙ ПРОСЬБЕ НАПРАВЛЯЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ РЕЙСОВЫМ ШЕСТЬСОТ ОДИННАДЦАТЬ...

Полюс чужой планеты. Ночь. Снежное безмолвие. Стремительно несутся по экрану очертания торосов, снежных дюн, ледяного крошева.

И вдруг небольшой город встает из снегов. Светятся круглые окна приземистых зданий, отсвечивает матовая броня яйцеобразных аппаратов, рядами стоящих на площади перед главным зданием. В отдалении — странные очертания массивных конусообразных сооружений. Это космические корабли. Они кажутся мохнатыми живыми существами. Они словно покрыты длинной черной шерстью, и по этой шерсти пульсациями идут волны — от вершины конуса к основанию.

Яйцеобразный аппарат садится перед главным входом, человек в комбинезоне с мертвым черным телом на руках тяжело спрыгивает в снег. Он входит в здание, навстречу ему из света бегут люди в легких ярких костюмах.

...ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ТЕЛА ТРИСТАНА ГУТЕНФЕЛЬДА ПОКАЗАЛО ЧТО СМЕРТЬ НАСТУПИЛА В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕОБРАТИМОГО РАЗРУШЕНИЯ КОРЫ ГОЛОВНОГО МОЗГА ВЫЗВАННОГО ВОЗДЕЙСТВИЕМ НЕИЗВЕСТНОГО ТОКСИНА ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕСОМНЕННЫМ ЧТО ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ТРИСТАН ГУТЕНФЕЛЬД БЫЛ ПОДВЕРГНУТ ЖЕСТОКИМ ПЫТКАМ...

Один из псевдоживых конусов-звездолетов наливается вдруг красным светом, беззвучно поднимается над снежным полем, делается оранжевым, желтым... проходит через все цвета спектра до фиолетового, становится прозрачным — серп местной луны просвечивает сквозь него — и исчезает вовсе.

О родителях Льва Абалкина лишь сказано, что «ему года не было, как они погибли». Но вот о других взрослых, заботящихся о маленьком Леве, в сценарии приводятся любопытные подробности. В самой повести имена Учителя, Наставника и лечащего врача Абалкина Каммерер встречает равнодушно, они ему ничего не говорят, в сценарии же:

Учителем у него был Сергей Павлович Федосеев. Что ж, известный человек. Учитель у него был, прямо скажем, экстра-класс...

<...>

А наставником в школе был у него, между прочим, сам Эрнст Юлий Горн. Лично! Ну и ну! Этот мальчик подавал о ч е н ь большие надежды, с младых ногтей его ведут профессионалы высочайшего класса...

<...>

Теперь врачи. В интернате — Ядвига Михайловна Леканова... Ну, я уже устал удивляться. Конечно, у этого ребенка лечащим врачом мог быть только действительный член Всемирной академии... Спустилась с горних высот фундаментальной науки, дабы скромно обслуживать мальчишку из Сыктывкарского интерната...

<...>

А вот погибший Тристан Гутенфельд — о нем я не слышал никогда и ничего. А между тем он вел Льва Абалкина последние двадцать два года, бессменно. Один. Он и только он. Что само по себе поразительно, если учесть, что Лев Абалкин мотался по всему космосу... Что-то вроде персонального врача... Здоровье нашего Льва Абалкина представляло такую общественную ценность, что к нему был приставлен персональный врач...

Отношение голованов к Абалкину в сценарии дается более определенное: «Они прибыли туда изучать голованов: Комов, Раулингсон, Марта и этот угрюмый парнишка-практикант... У него

было тогда очень бледное лицо и длинные прямые волосы, как у американского индейца... Я помню, все поражались, как голованы приняли его. Они его полюбили. Голованы любить не умеют, но этого парнишку они полюбили сразу...»

В сценарии Учитель Федосеев после разговора с Абалкиным сам является в гости к Каммереру, потому что:

И я только сказал ему про вас... Что журналист Каммерер ищет его, чтобы повидаться... И вот тут произошло нечто совсем уж необъяснимое. То, из-за чего я здесь. Все это время я просидел в клубе как на иголках... Наваждение какое-то... Представьте себе, он уже садился в глайдер и тут услышал ваше имя. Лицо его буквально исказилось. Я не берусь передать это выражение, да я и не понимаю его. Он переспросил меня. Я повторил, уже сомневаясь, правильно ли я поступаю. Он спросил ваш адрес. Я сказал. И тогда он проговорил... нет, прошипел!.. что-то вроде: очень хорошо, с удовольствием с ним повстречаюсь... Я так ничего и не понял. Я пришел к вам сейчас, во-первых, потому, что мне стало страшно за вас...

Вместо Гриши Серосовина в сценарии два персонажа: сам Серосовин (только упоминается) и Гриша Каммерер — сын Максима Каммерера. Именно Гриша Каммерер — чемпион по субаксу, именно его Сикорски (которого, кстати, в сценарии зовут не Сикорски, а Сикорский) ставит охранять детонаторы в Музее. И он же, Гриша, присутствует вместе с отцом при «битве железных старцев» (разговоре Экселенца и Бромберга).

Интересна и подробность, упомянутая в финале сценария. После последних слов повести «И Майя Тойвовна Глумова закричала» в сценарии добавка: «И серый диск со знаком Ж рассыпался в прах и исчез».

Есть в сценарии и эпилог, отсутствующий в повести. Этот эпилог своим стремлением расставить все точки над «и» несколько напоминает эпилог в сценарии ОУПА:

Спустя годы и годы Максим Каммерер сидел в кабинете Экселенца за столом Экселенца и в кресле Экселенца. Перед ним лежала раскрытая папка, и он снова перебирал фотографии: Лев Абалкин в детстве, Лев Абалкин — курсант, Лев Абалкин — имперский

офицер... Были там и фотографии Майи Глумовой, и старого учителя, и даже голована Щекна.

«...Двадцать пять лет прошло с тех пор,— думал Максим.— Четверть века. Мы так ничего и не сумели понять. Мы так и не узнали, что произошло с Тристаном Гутенфельдом. Мы так и не разгадали тайну «детонаторов». Оставшиеся десять «подкидышей» благополучно здравствуют и работают, по-прежнему ничего не зная ни друг о друге, ни о тайне своего происхождения. Несмотря на мои настойчивые требования, Мировой Совет так и не решился раскрыть их тайну и предать гласности историю Льва Абалкина... Тем более что мы так и не знаем до сих пор, что же это было: проявление загадочной и страшной программы или роковая цепь случайностей, порожденная страхом, подозрениями и тайной...»

И еще одна интересная интерпретация в сценарии. В повести Каммерер, думая о прогрессорстве и прогрессорах, рассуждает:

Прогрессоры. Так. Признаюсь совершенно откровенно: я не люблю Прогрессоров, хотя сам был, по-видимому, одним из первых Прогрессоров еще в те времена, когда это понятие употреблялось только в теоретических выкладках. Впрочем, надо сказать, что в своем отношении к Прогрессорам я не оригинален. Это не удивительно: подавляющее большинство землян органически не способно понять, что бывают ситуации, когда компромисс исключен. Либо они меня, либо я их, и некогда разбираться, кто в своем праве. <...> Потому что либо Прогрессоры, либо нечего Земле соваться во внеземные дела...

В сценарии же размышление о прогрессорах звучит совсем иначе:

...Значит, он был шифровальщиком имперского адмиралтейства. Я не знаю более омерзительного государства, чем Островная империя на планете Саракш... а имперское адмиралтейство, говорят, самое омерзительное учреждение в этом государстве. Наши бедные прогрессоры из кожи лезут вон, пытаясь сделать эту клоаку хоть немного лучше, но клоака остается клоакой, а прогрессоры делаются хуже. Они становятся опасными... Прогрессор, рабо-

тавший имперским шифровальщиком и оказавшийся на грани психического спазма,— да, пожалуй, это действительно опасно...

Есть и досадные оплошности. Рассказывает Евгений Шкабарня:

КТО ПОГИБ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ НА ПИК СТРОГОВА?

Из текста ЖВМ известно, что Эрнст-Юлий Горн, Наставник Льва Абалкина по школе Прогрессоров, в 72-м году погиб на Венере при восхождении на пик Строгова, а врач Ромуальд Крэсеску («старикан (сто шестнадцать лет!)»), наблюдающий врач Абалкина по школе Прогрессоров, на момент описываемых событий «пребывал на некоей планете Лу, совершенно, по-видимому, вне пределов досягаемости».

В ЖВМ-с в издании «Миров братьев Стругацких» все наоборот: наставник Абалкина Эрнст Юлий Горн «вне пределов досягаемости. Некая планета Лу, я даже никогда не слышал о такой. Ему сто шестнадцать лет, а он продолжает работать... А вот до Ромуальда Кресеску я уже не доберусь никогда. В семьдесят втором году погиб на Венере при восхождении на пик Строгова».

На первый взгляд может показаться, что Авторы сделали как бы рокировку биографий героев: в первом случае на Венере погиб Наставник, во втором — наблюдавший Абалкина врач. Однако через несколько страниц и в тексте ЖВМ, и в ЖВМ-с следует одна и та же, справедливая для «Жука...» и неуместная теперь в сценарии, фраза, Экселенц говорит Максиму:

«— Плохо! Наставник умер».

Неясно, кем допущена эта оплошность. Понятно только, что в ЖВМ-с надо либо привести биографии указанных персонажей в соответствие с текстом «Жука...», либо исправить «Наставник умер» на «врач умер».

«ПЯТЬ ЛОЖЕК ЭЛИКСИРА»

По поводу этого киносценария БНС в «Комментариях» пишет: «Мы писали его (год спустя после «Хромой судьбы» и на материале «Хромой судьбы») специально для хорошего знакомого АН — белорусского[1] режиссера Бориса (кажется) Ивченко. Я уже толком не помню, что там, собственно, случилось — то ли Минская киностудия «Беларусь» заартачилась, то ли режиссеру сценарий не показался, но в результате фильм (под странным названием «Искушение Б.») был снят лишь несколько лет спустя совсем другим режиссером и на совершенно другой киностудии».

Этот киносценарий принято считать оригинальным произведением Авторов, как, допустим, «Тучу» или «Сталкера». Ведь здесь присутствует не простое переписывание сюжета определенной повести с изменениями, нужными именно для кино. К примеру, для кино необходима зрелищность... Или требуется донести до зрителя какую-то мысль не посредством описания или размышления автора в повествовательной форме, а посредством образа или монолога (диалога). Киносценарии по ПНВС (не «Чародеи», а именно «ПНВС») или по ОУПА сравнительно недалеко отстоят от соответствующих повестей: те же (или почти те же) герои, тот же (или почти тот же) сюжет.

Сюжет же ПЛЭ только краем затрагивается в ХС. Не столько даже сюжет ХС похож на сюжет ПЛЭ, сколько в ХС описываются мысли Авторов, предварительные наброски и варианты этого сюжета в процессе работы над ПЛЭ. Можно даже сказать, что ХС — чудесный образчик того, как случайные эпизоды из жизни

---

[1] Украинского.— *С. Б.*

автора (встреча с отравившимся соседом на лестничной площадке или преследующее автора «клетчатое пальто») превращаются в дополнения к сюжету: «Курортный городишко в горах. И недалеко от города пещера. И в ней — кап-кап-кап — падает в каменное углубление Живая Вода. За год набирается всего одна пробирка. Только пять человек в мире знают об этом. Пока они пьют эту воду (по наперстку в год), они бессмертны. Но случайно узнает об этом шестой...» Как преобразовался первоначально задуманный финал: «...и превращался в конце мой альтруист-пацифист в такого лютого зверя, что любо-дорого смотреть, и ведь все от принципов своих, все от возвышенных своих намерений...» О ПЛЭ в ХС будет еще рассказываться ниже, в части, посвященной ХС, пока же рассмотрим изменения в текстах самих ПЛЭ.

В архиве АБС о работе над ПЛЭ ничего не сохранилось. Ни каких-либо разработок сюжета или действующих лиц, ни чернового или чистового варианта. Может быть, и лежит где-нибудь еще эта папочка с материалами по ПЛЭ, но пока она не найдена.

Различия же в изданиях ПЛЭ (хотя и издавались-то ПЛЭ практически в канун и в самом начале перестройки) весьма интересны.

Первый раз ПЛЭ были опубликованы в журнале «Изобретатель и рационализатор» в двух летних номерах 1985 года. Затем были переиздания в межавторском сборнике «Современная фантастика» (1988), в журнале «Советский Союз» (1989), в авторском сборнике сценариев АБС (сборник вышел в 1990 году под названием «Пять ложек эликсира» и содержал в себе «Дело об убийстве», «Сталкер», «День затмения», ПЛЭ и «Тучу»), в межавторском сборнике «Проба личности» (1991), отдельно книгой в Таллине (1991)... Потом пришла очередь публикаций в собраниях сочинений АБС.

ПЛЭ в разных изданиях имела подзаголовок «киносценарий», или «киноповесть», или даже «фантастическая киноповесть». В первом издании имелся еще один подзаголовок: «Журнальный вариант». И действительно, текст был несколько сокращен, ужат, но несущественно — выпали некоторые описания и части диалогов.

Хотя в этом издании есть и небольшие дополнения, отсутствующие в других публикациях. К примеру, при встрече со Снегиревым в больнице Курдюков добавляет: «Коньячок за мной. Как только выйду — в первый же день»; или там же, при упоминании об институте, уточняет: «...тот, на Богородском шоссе...»

Возвратившись домой, Снегирев обнаруживает у себя на плаще воткнутое шило и вспоминает поочередно предостережение Курдюкова, разбитые булыжником бутылки, наезжающий на него МАЗ. В журнальном варианте дополнение: «...и вновь бормотанье Курдюкова: «Не дай бог тебе отравиться, Снегирев...» Слишком много для одного дня».

Разъяренная Наташа наступает на Снегирева с «хищно шевелящимися пальцами»... В журнале дополнение: «...норовящими выцарапать глаза». Иван Давыдович, объясняя действие Эликсира Жизни, уточняет: «Но он спасает от старения». Курдюков, пытаясь отговорить Снегирева, перечисляет трудности жизни после согласия стать бессмертным: «Всю жизнь скрываться, от дочери скрываться, от внуков...» и в журнале поясняет: «Они же постареют, а ты — нет!» и тут же, только в журнале, добавляет: «Лет десять на одном месте — больше нельзя».

Иван Давыдович на предложение Наташи устроить дуэль на шпагах, говорит: «Если принять во внимание, что Феликс Александрович сроду шпаги в руке не держал...», а в журнале добавляет: «...а Басаврюк дрался на шпагах лет четыреста подряд...» А когда рассказывает о своих научных открытиях («По понятным причинам я вынужден сохранять все это в тайне, иначе мое имя уже гремело бы в истории...»), здесь добавляет: «...гремело бы слишком, и это опасно». И далее сетует на отсутствие интеллигентного человека среди бессмертных: «...способный оценить красоту мысли, а не только красоту бабы»; добавка в журнале: «...или пирожка с капустой».

Павел Павлович, рассказывая о конфликте с Басаврюком, констатирует: «Маленькое недоразумение, случившееся лет этак семьдесят назад». В журнале же он не столь уверен: «Или сто, точно не помню». И далее размышляет о наслаждении пищей: «Это бессмертие олимпийцев, упивающихся нектаром!..» В журнале опять же добавляет: «...это бессмертие вечно пирующих воинов Валгаллы!»

В эпилоге же Снегирев, обращаясь к дочери, говорит о внуках: «Давай их сюда». В журнале добавляет: «...этих разбойников».

Речь Наташи в журнальном варианте тоже слегка отличается. Здесь присутствуют образные ругательства, обращенные к Курдюкову («пасть твоя черная, немытая»), к Снегиреву («Труп вонючий. Евнух» или «Дурак ты стоеросовый, кастрат неживой! Тьфу!»)

Курдюков отвечает тем же, называя Наташу «сукой», а Павла Павловича — «евнухом византийским».

В этом же, журнальном варианте редакторами были произведены некоторые правки слов на более литературные. К примеру, не «отбрехаться», а «отговориться»; не «за бугор» (известное выражение тех времен, означающее «за рубеж, за границу»), а «в загранку»; не «кончик лезвия» шила, а «острие».

Несуществующее лекарство в разных изданиях пишется поразному: мафусалин или мафуссалин (в ХС же — вообще мафусаллин).

В «Современной фантастике» санитары по лестнице не ПОШЛИ спускаться, а НАЧАЛИ спускаться.

В авторском сборнике сценариев врач, отвозящий Курдюкова в больницу, на вопрос Снегирева, куда именно, отвечает не «во Вторую градскую» (как в остальных изданиях), а «во Вторую городскую»[1]. Здесь же (и в «Мирах») в ответе Павла Павловича, отчего он так хорошо выглядит («А паче всего — беспощадная дрессировка организма. Ни в коем случае не распускать себя!»), «дрессировка» заменена на «тренировку».

В некоторых изданиях редактор журнала, приводя примеры оперативности Курдюкова, называет последнего не «Котька» (сокращение от «Константин»), а «Коська».

И еще об одном впечатлении. Обратите внимание: ПЛЭ вышли впервые (1985) раньше первой публикации ХС (1986). Может быть, кто-нибудь прочел их в этом же порядке, как и я... И испытал жуткое разочарование, закончив чтение восьмого номера «Невы» (в котором было начало ХС), ибо по некоторым упоминаниям в этой первой части ХС можно было сделать вывод: Феликс Снегирев — это Феликс Сорокин, дочь Лиза с внуками-близнецами — это дочь Катя с ними же, Константин Курдюков — это Костя Кудинов... следовательно, в девятом номере (а в восьмом значилось: «Окончание следует», то есть прочитана уже половина) будет, собственно, основной текст ПЛЭ — уже известные диалоги уже известных персонажей с уже известным финалом... И какова же была радость, когда это оказалось совсем не так!

---

[1] Это московская специфика. 1-я, 2-я и 3-я городская больницы традиционно называются «градскими». — *В. Д.*

«ХРОМАЯ СУДЬБА»

ХС, пожалуй, единственное произведение АБС, где Авторы чуть-чуть приоткрыли завесу над собой, своей жизнью, своей писательской кухней и вообще — своими раздумьями, надеждами и опасениями. Конечно, в любое художественное произведение каждый писатель вкладывает что-то личное — мелкие эпизодики из жизни, смешные или страшные случаи, мысли — веселые и нет. Но если, читая другие произведения АБС, можно было лишь предполагать, что обыденная жизнь астронома Малянова срисована с реальной жизни БНа, а воспоминания о восхождении на Адаирскую сопку принадлежат АНу, то, впервые знакомясь с текстом ХС, я не раз ловила себя на ощущении, похожем на следующее. Представьте себе, что вы неоднократно встречались в компаниях со своим знакомым — веселым, балагуром, рассказывающим каждый раз какие-то интересные историйки, выдающим искрометные шутки,— и вдруг вы видите его растерянным, удрученным, он горько произносит: «Ах, как же я устал!» — и понимаете, что раньше вы видели только маску, скрывающую истинность этого уже немолодого, измученного жизнью человека...

Отличий ХС от произведений, написанных АБС до этого, немало.

Стиль изложения — не кажущийся простым и «легко глотаемым», а изысканный, иногда нарочито литературный, несколько архаичный по сравнению с нынешней литературой.

Легко узнаваемые и потому ощущаемые «своими» зарисовки мелких бытовых событий, из чего по большей части и состоит жизнь... Трудное вставание по утрам с мыслью о неизбежности повседневных дел... рассеянный взгляд по корешкам книг и всплывающие при этом воспоминания... внезапный звонок началь-

ства, ломающий планы «на сегодня»... предвкушение встречи с друзьями или любимым человеком, или даже предвкушение «вкусно покушать»... переключение каналов телевизора с вечным вопросом «что выбрать посмотреть?» (с нынешним многократным увеличением количества каналов вопрос этот, увы, не исчез)... встреча с друзьями и неспешные, прыгающие с темы на тему беседы... случайное попадание под руку каких-либо старых записей и опять неизбежное погружение в воспоминания... Кому это всё не приходилось испытывать?

Подача вроде бы обыденной жизни обычного человека, и тут же — размышления по поводу этой жизни, и тут же — какие-то выводы, законы, даже аксиомы, исходящие из такого существования...

И, конечно же, перепады настроения, выписанные настолько ярко, живо, образно, что сетуешь, предвкушаешь (и вкушаешь!), меланхолируешь и негодуешь вместе с героем повествования...

Порою вслед за Феликсом Сорокиным, восклицающим «Ничего на свете нет лучше «Театрального романа», хотите бейте вы меня, а хотите режьте...», хочется повторить: «Ничего на свете нет лучше «Хромой судьбы»...»

«СИНЯЯ ПАПКА»

Как писал БНС в «Комментариях», вначале под «Синей Папкой», романом, который пишет Сорокин, Авторы имели в виду ГО. Затем: «...мы вспомнили о старой нашей повести — «Гадкие лебеди». Задумана она была в апреле 1966, невероятно давно, целую эпоху назад, и написана примерно тогда же. К началу 80-х у нее уже была своя, очень типичная судьба — судьба самиздатовской рукописи, распространившейся в тысячах копий, нелегально, без ведома авторов, опубликованной за рубежом и прекрасно известной «компетентным органам», которые, впрочем, не слишком рьяно за ней охотились — повесть эта проходила у них по разряду «упаднических», а не антисоветских. <...> Согласитесь, повесть с такой биографией вполне годилась на роль содержимого Синей папки. «Гадкие лебеди» входили в текст «Хромой судьбы» естественно и ловко, словно патрон в обойму. Это тоже была история о писателе в тоталитарной стране. Эта

история также была в меру фантастична и в то же время совершенно реалистична. И речь в ней шла, по сути, о тех же вопросах и проблемах, которые мучили Феликса Сорокина. Она была в точности такой, какой и должен был написать ее человек и писатель по имени Феликс Сорокин, герой романа «Хромая судьба». Собственно, в каком-то смысле он ее и написал на самом деле».

Вариант ХС с ГЛ АБС посчитали каноническим и решили, что в таком виде она и будет публиковаться. Вариант без ГО, но с отсылками к ГО был опубликован в первом, журнальном издании. Несколько раз ХС выходила без содержания Синей Папки, но отсылки в ней были все-таки к ГЛ. А вот ксерокопию одного из машинописных вариантов ХС с первыми главами ГО передал мне Роман Арбитман, который рассказывает о ней так:

Лето 1983 года. ДК «Россия» (Саратов). Аркадий Натаныч читает отрывок из ХС — Сорокин в писательском доме (Вы писатель? А как ваша фамилия? — Есенин (Тургенев),— ответил я...). Рукопись ХС с отрывками из «Града» — именно оттуда, из лета 83-го. Тогдашний знакомый Арктаныча, режиссер-любитель М. Ю. Ралль получил рукопись на прочтение и либо сам переснял ее, либо дал кому-то из знакомых почитать, и тот уже переснял... В общем, пленка дошла до меня то ли в 83-м, то ли в первой половине 84-го. До сих пор я считаю, что это — самый лучший вариант ХС. Когда читатель получает лишь отрывки из Синей папки, он способен дофантазировать степень шедевральности текста, и это, возможно, действительно ТО, ради чего стоит жить (реальный «Град», если бы его опубликовали в ХС полностью, такого впечатления, увы, не производит). А «Гадкие лебеди» — штука замечательная, но... Нельзя было мешать Виктора Банева с Феликсом Сорокиным. Никак нельзя. Слишком много неосознанных внутренних рифм, которые подтачивают оба образа... Я неоднократно уговаривал БНС публиковать ХС именно так — с главами из «Града» (не отменяя, само собой, полное издания «Града»...). Но ты же знаешь, какой мэтр упрямый. «Вы ничего не понимаете, Рома!» — и все[1].

[1] От объединения ХС и ГЛ пострадали оба романа. ХС написана усталым, измученным писателем, а ГЛ — писателем относительно молодым, активным, верящим, что «всё перемелется». И дух времени совсем другой. Это чувствуется по тексту, и достоверность Синей Папки резко падает. Сорокин мог бы написать такое в 1966-м.— *В. Д.*

В тексте собственно ХС из-за замены ГО на ГЛ изменениям подверглись лишь несколько отрывков.

Эпиграф, расположенный вместо заглавия на титульном листе Синей Папки, сначала был отрывком из «Апокалипсиса» («...Знаю дела твои...»), причем в журнальном издании источник («Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)») указан не был, в варианте с ГЛ эпиграфом Авторы поставили отрывок из «Божественной комедии» («Я в третьем круге...»).

В конце первой главы, там, где Сорокин видит воображаемую картину описываемого им в Синей Папке мира, вместо видения Града:

Откинувшись на спинку дивана, впившись руками в край стола, я наблюдал, как на своем обычном месте, всегда на одном и том же месте, медленно разгорается малиновый диск. Сначала диск дрожит, словно пульсируя, становится все ярче и ярче, наливается оранжевым, желтым, белым светом, потом угасает на мгновение и тотчас же вспыхивает во всю силу, так что смотреть на него становится невозможно. Начинается новый день. Непроглядно черное беззвездное небо делается мутно-голубым, знойным, вест жарким, как из пустыни, ветром, и возникаст вокруг как бы из ничего Город — яркий, пестрый, исполосованный синеватыми тенями, огромный, широкий — этажи громоздятся над этажами, здания громоздятся над зданиями, и ни одно здание не похоже на другое, они все здесь разные, все... И становится видна справа раскаленная Желтая Стена, уходящая в самое небо, в неимоверную, непроглядную высь, изборожденная трещинами, обросшая рыжими мочалами лишаев и кустарников... А слева, в просветах над крышами, возникает голубая пустота, как будто там море, но никакого моря там нет, там обрыв, неоглядно сине-зеленая пустота, сине-зеленое ничто, пропасть, уходящая в непроглядную глубину.

Бесконечная пустота слева и бесконечная твердь справа, понять эти две бесконечности не представляется никакой возможности. Можно только привыкнуть к ним. И они привыкают — люди, которыми я населил этот город на узком, всего в пять верст уступе между двумя бесконечностями. Они попадают сюда по доброй воле, эти люди, хотя и по разным причинам. Они попадают сюда из самых разных времен и еще более разных обстоятельств, их пригла-

шают в Город называющие себя Наставниками для участия в некоем Эксперименте, ни смысла, ни задач которого никто не знает и знать не должен, ибо Эксперимент есть Эксперимент, и знание его смысла и целей неизбежно отразилось бы на его результате... У меня их миллион в моем Городе — беглецов, энтузиастов, фанатиков, разочарованных, равнодушных, авантюристов, дураков, сумасшедших, целые сонмища чиновников, вояк, фермеров, бандитов, проституток, добропорядочных буржуа, работяг, полицейских, и неописуемое наслаждение доставляет мне управлять их судьбами, приводить в столкновение друг с другом и с мрачными чудесами Эксперимента.

идет описание родного города Виктора Банева:

Откинувшись на спинку дивана, вцепившись руками в край стола, вглядывался я в улицы, мокрые, серые и пустые, в палисадники, где тихо гибли от сырости яблони... покосившиеся заборы, и многие дома заколочены, под карнизами высыпала белесая плесень, вылиняли краски, и всем этим безраздельно владеет дождь. Дождь падает просто так, дождь сеется с крыш мелкой водяной пылью, дождь собирается в туманные крутящиеся столбы, волочащиеся от стены к стене, дождь с урчанием хлещет из ржавых водосточных труб... черно-серые тучи медленно ползут над самыми крышами, а людей на улицах нет, человек — незваный гость на этих улицах, и дождь его не жалует.

У меня их здесь десять тысяч человеков в моем городе — дураков, энтузиастов, фанатиков, разочарованных, равнодушных, множество чиновников, вояк, добропорядочных буржуа, полицейских, шпиков. Детей. И неописуемое наслаждение доставляло мне управлять их судьбами, приводить их в столкновение друг с другом и с мрачными чудесами, в которые они у меня оказались замешаны...

Еще совсем недавно мне казалось, что я покончил с ними. Каждый у меня получил свое, каждому я сказал все, что я о нем думаю. И наверное, именно эта определенность постепенно подступила мне к горлу, породила во мне душное беспокойство и недовольство. Нужно мне было что-то еще. Еще какую-то картинку, последнюю, надо было мне нарисовать. Но я не знал — какую, и време-

нами мне становилось тоскливо и страшно при мысли о том, что я так никогда этого и не узнаю.

В другом месте ХС, когда Сорокин пытается насильно заставить себя продолжить писать Синюю Папку, он печатает:

«ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СЛЕДОВАТЕЛЬ».

Я уже давно знал, что вторая часть будет называться «Следователь». Я очень неплохо представлял себе, что происходит там в первых двух главах этой части, и потому мне понадобилось всего каких-нибудь полчаса, чтобы на бумаге появилось:

«У Андрея вдруг заболела голова. Он с отвращением раздавил в переполненной пепельнице окурок, выдвинул средний ящик стола и заглянул, нет ли там каких-нибудь пилюль. Пилюль не было. Поверх старых перемешанных бумаг лежал там черный армейский пистолет, по углам прятался пыльный табачный мусор, валялись обтрепанные картонные коробочки с канцелярской мелочью, огрызки карандашей, несколько сломанных сигарет. От всего этого головная боль только усилилась. Андрей с треском задвинул ящик, подпер голову руками так, чтобы ладони прикрыли глаза, и сквозь щелки между пальцами стал смотреть на Питера Блока.

Питер Блок, по прозвищу Копчик, сидел в отдалении на табуретке, смиренно сложив на костлявых коленях красные лапки, и равнодушно мигал, время от времени облизываясь. Голова у него явно не болела, но зато ему, видимо, хотелось пить. И курить тоже. Андрей с усилием оторвал ладони от лица, налил себе из графина тепловатой воды и, преодолев легкий спазм, выпил полстакана...»

В позднем варианте ХС Сорокин печатает:

«Часы показывали без четверти три. Виктор поднялся и распахнул окно. На улице было черным-черно. Виктор докурил у окна сигарету, выбросил окурок в ночь и позвонил портье. Отозвался незнакомый голос».

И далее, задумавшись, в следующие полчаса Сорокин правит написанное. В первом варианте: «...вставил от руки слово “скрепки” и добавил: “Питер Блок облизнулся”». Во втором: «вставил

от руки слово "мокрую" и добавил после "черным-черно": "и в черноте сверкал дождь"».

В последней же главе, когда Михаил Афанасьевич как бы читает Сорокину строки из его Синей Папки, в тех вариантах, где подразумевается ГО, идет финал ГО, а в вариантах ГЛ — один из последних (но не последний) абзацев ГЛ. И, соответственно, чуть ниже в тексте в варианте с ГО: «И еще я понял, что между последними написанными мною словами «Питер Блок облизнулся» и словами Наставника «Ну вот, Андрей, первый круг вами пройден» лежат привычные пустыри ненаписанных строк,— сто, двести, а может быть, и триста ненаписанных еще страниц, но уж после того, как Андрей увидел только неразборчивые тени, шныряющие между поленницами дров, после этой строчки не будет ничего, кроме слова КОНЕЦ и, может быть, даты». А в основном варианте идет: «Это был еще не самый конец, не последние строчки, но теперь я видел эту последнюю картинку, и я уже знал свою последнюю строчку, после которой не будет больше ничего, кроме слова «конец» и, может быть, даты».

Если чередование текстов ХС и ГЛ можно увидеть в любой из публикаций текста ХС с ГЛ, то порядок перебивки ХС и первых глав ГО приводится ниже.

Сорокин работает (пишет киносценарий), оглядывает библиотеку, вспоминает о шкипере-японце, получает телефонный нагоняй от начальства (когда же он поедет в институт лингвистических исследований?!), ищет ненужные черновики в архиве, Клавочка приносит заработанные деньги и письма, телефонный звонок Лени Шибзда, поход в кондитерскую за спиртным, работа над Синей Папкой.

Воронин работает (грузит баки с мусором), появляется полицейский Кэнси Убуката с Сельмой, рассказ Убукаты о полковнике Маки, везет мусор на свалку, появляется Изя Кацман, появление павианов, неразбериха в мэрии, разговор с Наставником, появление Фрица Гейгера, попытки борьбы с павианами, появление дяди Юры на телеге, возвращение домой.

Сорокин просыпается, звонок дочери, работа над сценарием, сборы на Банную, столкновение с отравившимся Костей Кудиновым, поездка к Мартинсону за мафусаллином, вечер в Клубе с

друзьями-приятелями, поездка к Кудинову в больницу, опять Сорокин просыпается, звонок Лени Шибзда, звонок Михеича о конфликте Орешина и Колесниченко, Банная — собрание, разговор дома с дочерью, письмо от анацефалов, снова проснулся, завтрак в «Жемчужине» с падшим ангелом, встреча на Банной с Гнойным Прыщом и Михаилом Афанасьевичем, готовка ужина и телевизор, появление Чачуа с нотами.

Воронин убирает свою квартиру, просыпается, разговор с Сельмой, появление Кацмана, Фрица и Отто, поход с Фрижей за продуктами, вечернее застолье с друзьями-приятелями, финал — сообщение о самоубийстве Дональда.

Сорокин просыпается с мыслью о безнадежности жизни, воспоминание о Кате, звонок Риты, уборка своей квартиры, разговор с Кудиновым на лестничной площадке, Клуб и разговор с Михаилом Афанасьевичем, встреча с Ритой.

О похожести этих трех замечательных произведений (ХС, ГО и ГЛ), параллелях и ассоциациях можно говорить долго. Можно сравнивать главных героев — такое впечатление, что описываются три периода жизни одного и того же человека: молодого в ГО, средних лет в ГЛ и пожилого в ХС. Можно сравнивать друзей-приятелей главных героев и находить параллели. Можно сравнивать дружеские застолья и разговоры, ведущиеся на них, ибо в каждом из этих произведений застолья описываются не раз... Но это не тема данного исследования. Замечу лишь, что на определенном этапе такого сравнения оказывается, что ГО ближе к ГЛ (больше совпадений и похожих моментов), чем они оба к ХС.

ВАРИАНТЫ

Архивные материалы по ХС (и разработка сюжета, и черновики) отсутствуют, что более чем странно, как отмечает БН, ибо если пропажу рукописей произведений раннего периода еще можно списать на «отдали кому-то из друзей, ибо не видели особой нужды хранить черновик» или на «потерялась где-то за четверть века», то позднее и педантичность БНа взяла верх (такой великолепный, тщательно сохраненный архив обязан именно его педан-

тичности). Впрочем, надежда на «где-то у кого-то они все-таки сохранились» остается. Вариант ХС с первыми главами ГО ниже называется рукописью.

Впервые ХС была издана (если не считать совсем маленького отрывка, опубликованного 23 апреля 1986 года в «Литературной газете») в журнале «Нева» в том же 86-м году: номера 8 и 9. Текст был значительно изменен по многим причинам: тут и антиалкогольная кампания, и пока еще политическая цензура, и просто редактура, и оставшиеся пока недоработанными куски из рукописи... Особенности этого варианта рассмотрены ниже.

Затем ХС вышла в авторском сборнике «Волны гасят ветер» (Л.: Советский писатель, 1989; вместе с УНС и ВГВ; переиздание в 1990), отдельной книгой в серии «АЛЬФА-фантастика» (М.: Орбита, 1989), отдельной книгой и вместе с ХВВ (М.: Книга, 1990), потом пошли собрания сочинений. Текст в этих изданиях варьировался мало. Но интересные разночтения есть.

В предуведомлении от авторов журнальный вариант именовался ими повестью, в книжных изданиях — романом.

В первом издании (журнальный вариант) и в рукописи принадлежность к писателям характеризовалась как «выставить напоказ клеймо любимца муз и Аполлона», позже — не «клеймо», а «печать».

Много изменений в именах собственных. Имя «полновесного идиота, ставшего импотентом в шестнадцать лет» из рассказа «Нарцисс» варьировалось: в рукописи — Карти де-Шануа, в журнальном варианте — Карт эс-Шануа, в части изданий — Карт сэ-Шануа, в других изданиях — Картсэ-Шануа. В части изданий пастух Онан был стыдливо переделан в пастуха Онона. Дом культуры, которому Сорокин отдал третью библиотеку, назывался в рукописи Парамайским, в «Неве» — Поронайским, далее — Паранайским. Японское судно в рукописи называется «Конъюй-мару», а не «Конъэй-мару», а в диалекте шкипера этого судна («...вместо «цу» говорил «ту»...») «цу» в рукописи заменено на «ку», в «Неве» — на «пу». «Творения юношеских лет» («Сэйнэн дзидай-но саку») — в рукописи вместо «дзидай-но» «даккай-но». Сотрудники института лингвистических исследований, узнав, что Сорокин — писатель, спрашивают его фамилию, он отвечает: «Тургенев» (журнальный вариант), «Ильф и Петров» (часть книжных

публикаций), «Есенин» (остальные книжные публикации). Варьируется и отчество одного из авторов, рукопись которого предлагалась «Изпиталу»: Сидор Феофилович... Анемподистович... Аменподестович... Аменподеспович...

Среди выражений, которые предстоит объяснять японцу, в рукописи стоит «налить на два пальца джину»[1], в «Неве» — «начистить ряшку», позже — «тяпнуть по маленькой», в собрании сочинений «Сталкера» восстановлен вариант «Невы». «Конфуцианские принципы» в рукописи назывались «принципом "ко"», а в «Неве» — «принципом "сяо"».

При подготовке собрания сочинений «Сталкера» возникли сомнения относительно неправильностей письма японца к Сорокину: японцы часто путают при разговоре буквы «л» и «р», но это все же не разговор, а письмо,— учат-то японцы слова в правильном написании. БН ответил, что он может доказать правоту всех неправильностей, предоставив подлинное письмо японца к Стругацким, написанное именно с такими ошибками («врияние» вместо «влияние», «брагодарю» вместо «благодарю» и др.).

Эпиграф к тексту в Синей Папке в первом книжном издании был полнее:

> Я в третьем круге, там, где дождь струится,
> Проклятый, вечный, грузный, ледяной;
> Всегда такой же, он все так же длится...
> .....
> Хотя проклятым людям, здесь живущим,
> К прямому совершенству не прийти,
> Их ждет полнее бытие в грядущем...

Полуприличное слово «жопа» полностью писалось только в собраниях сочинений, в других случаях (как сказано в самом романе): «...и уж в самом крайнем случае «ж» с тремя точками».

Иногда тексты ХС приводили языковедов в замешательство. К примеру, как правильнее — выйти «в лоджию» или «на лоджию»? Оба эти варианта были использованы в разных изданиях.

---

[1] Японцу объяснять это не пришлось бы: не мог японский переводчик не знать стандартного выражения (даже присказки): «two fingers of gin»...— *В. Д.*

И конечно, в разных изданиях были свои опечатки. Наиболее много их наблюдалось в мелких частных издательствах, но «Миры братьев Стругацких» тоже внесли свой вклад в это дело. Назовем лишь самые интересные. Об особенном читателе, который читает соцреалистические книги, говорится: «То ли мы его выковали своими произведениями...» В «Мирах» вместо ВЫКОВАЛИ — АТАКОВАЛИ. СЛОВОБЛУДИЕ, вполне известное слово, превратилось в СЛОВОБЛУДЕНИЕ... А вместо Вали Демченко — Галя Демченко.

Интересна история с с архаизмом, неоднократно встречающимся у любимого Авторами Салтыкова-Щедрина, который Стругацкие употребили, когда писали о министре коммунального хозяйства одной южной республики: «Потом принимаются за БЫВОГО министра...» Выделенное слово они предлагали в каждое издание, где его упорно заменяли на БЫВШЕГО или БЫЛОГО... Как рассказывал БН, в одном случае, когда они предупредили лично редактора и корректора проследить за этим словом, его «исправили» уже в типографии. Во время подготовки к изданию собрания сочинений «Сталкера» это слово пытались исправить и выпускающий, и главный редактор... Пройдя все инстанции, слово было опубликовано так, как задумывали Стругацкие, но даже после публикации был звонок от руководства, мол, нашли опечатку в восьмом томе... БЫВОГО!

ВАРИАНТ «НЕВЫ»

Как было сказано выше, первое издание «Невы» значительно отличается от остальных. В течение трех лет, пока не вышло книжное переиздание, ХС читалась и перечитывалась именно в этом варианте. Для кого-то, кто познакомился с этой повестью позже, этот вариант является уже историей, а для тех, кто читал и перечитывал именно это издание, этот вариант, несмотря на все недостатки, все равно — лучший.

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

В самом начале повествования Сорокин «пил вино и размышлял...», в журнальном варианте: «...с отвращением прихлебывал

теплый «бжни» и размышлял...» Страницей позже во фразе «я взял стакан и сделал хороший глоток» вместо ХОРОШИЙ — ЛЕЧЕБНО-ДИЕТИЧЕСКИЙ. И еще чуть позже: «...подумав с отчаянной отчетливостью, что не вина этого паршивого надо было купить мне вчера, а коньяку. Или, еще лучше, пшеничной водки»,— здесь вино заменено на воду.

Переделан поход Сорокина в кондитерский магазин, где слева от входа — кондитерские изделия, а справа — горячительные напитки. В рукописи и во всех остальных изданиях: «Где слева мне не нужно было ничегошеньки, а справа я взял бутылку коньяку и бутылку "Салюта"». В журнальном же издании: «Где справа мне давно уже не нужно было ничегошеньки, а слева я взял полдюжины "александровских" и двести грамм "ойла союзного", каковое, да будет вам известно, "представляет собой однородную белую конфетную массу, состоящую из двух или нескольких слоев прямоугольной формы, украшенную черносливом, изюмом и цукатами"». И далее Сорокин возвращается домой, «прижимая локтем к боку бутылки»... Соответственно: «...прижимая нежно к боку пакет со сластями». Уже придя домой, Сорокин думает о приятном предвкушении, которого он не чужд, «как и все мои братья по разуму», что напоминает читателю предыдущую страницу, где описывались стоявшие в очереди за спиртным «братья по разуму». В журнальном варианте вместо БРАТЬЯ — БРАТЬЯ И СЕСТРЫ: сладкое любят все. И далее соответственно изменены приготовления Сорокина к ужину: вставлено «поставим чайник», убрано «бутылки», вставлено «блюдце с пирожными и Ритина вазочка с "ойлом союзным"».

Значительно урезан по той же причине и первый абзац второй главы, где Сорокин чувствует себя на следующее утро плохо, так как по причине принятия спиртного не выпил лекарство; думает, не похмелиться ли, рассуждает о похмелье — главном признаке алкоголизма, а затем уже — с радостью — об отсутствующей бывшей жене. Осталось только:

С вечера я не принял сустак, и поэтому с утра чувствовал себя очень вялым, апатичным и непрерывно преодолевал себя: умывался через силу, одевался через силу, прибирался, завтракал... И пока

я все это делал, боже мой, думал я, как это все-таки хорошо, что нет надо мной Клары и что я вообще один!

В утреннем звонке дочери убран ее вопрос: «Опять сосуды расширял?», а после разговора с дочерью Сорокин на радостях не «плеснул себе с палец коньяку и слегка поправился», а «ссыпал в чашку последние остатки бразильского кофе, которые хранил для особо торжественного случая».

Из перечисления, какими недостатками разрешается обладать положительному герою соцлитературы, исчезло: «Ему даже пьяницей дозволяется быть и даже, черт подери, стянуть плохо лежащее (бескорыстно, разумеется)».

В Клубе Сорокин скромно заказывает бутылочку «пльзеньского» вместо: «...пузатый графинчик (нет-нет, без этого не обойдется, я это заслужил сегодня)... и еще соленые грузди, сопливенькие, в соку, вперемешку с репчатым луком кольчиками, и по потребности минеральной... или пива?.. нет, минеральной...» Убрано замечание насчет подошедшего Гарика Аганяна, «у которого через час начинался ихний семинар»: «Пить он поэтому не стал и заказал себе что-то пустяковое». Как убрано и уточнение насчет Жоры Наумова: «В одной руке он держал наполовину опорожненный графинчик, а в другой — пиалу с остатками столичного салата». Поэтому далее, рассказывая о Косте Кудинове, Жора разглядывал мир не «сквозь рюмочку с водочкой», а через «фужер с минеральной». Хотя графинчик и появляется чуть позже, когда подошедший Петенька Скоробогатов «наливает себе из Жориного графинчика» (в оригинале: «...наливает себе водки из моего графинчика...»). Далее в застольной беседе Сорокин не «выпил рюмку водки», а «отхлебнул пива». А затем убран целый абзац о посещении Сорокиным туалета; убран не по причине неприличия (ничего там такого в описании нет), а опять из-за упоминания об оставшемся дома коньяке и из-за описания признаков алкогольного опьянения у Сорокина: «Я был уже основательно набравшись. Я чувствовал это потому, что щеки у меня онемели и все время хотелось выпячивать нижнюю челюсть. Пожалуй, на сегодня было достаточно». И укоряет себя Сорокин не «я тут водку пью», а «я тут разговоры разговариваю». Исчезла появившаяся вместе со Славой Крутоярским большая бутылка пшеничной.

Петенька и его приятель так дружно закивали, что «привлекли общее внимание», а не «что водка плеснулась у них из фужеров». Далее Сорокин не «выпил и закусил ломтиком остывшего бифштекса», а «допил свое пиво и принялся доедать остывший бифштекс». И при уходе Сорокина убрано уточнение, что уходил он «твердо шагая».

В больнице Костя обещает выставить Сорокину коньячку, это еще от журнального варианта осталось, но убрано мысленное замечание Сорокина: «Рассказывать про коньячок — занятие столь же бессмысленное и противоестественное, как описывать словами красоту музыки».

Хотя в одном случае упоминание о спиртном даже вставили — когда речь заходит о предположении, что Мартинсон тайно гонит наркотики. Наркотики здесь заменили на табуретовку.

Домой Сорокин торопится не к «коньячку моему», а к «лекарствам моим».

Утром, погружаясь в «пучину вселенской тоски», Сорокин вспоминает о том, что раньше это его пугало и заставляло «опрокинуть стакан спиртного», теперь же он перестал этого пугаться... В журнальном варианте добавляется: «...а от спиртного меня отлучили...» И вспоминает он не вчерашнюю «водочку под соленые грузди», а лишь бутылочку «пльзеньского».

Рогожин публично отчитал Ойло не за «появление в столовой в нетрезвом виде», а за «повышение голоса в столовой».

Пришедшая к Сорокину дочь готовит ему мясо, затем подает кушать, а еще наливает ему «на два пальца коньячку» — последнее, конечно, убрано.

Рассказывая о «Жемчужнице», Сорокин перечисляет ее особенности, из которых убрано то, что это «питейное заведение» (заменено на «симпатичное заведение»), что там «всегда есть пиво» и что «а вот раков я не видел там никогда». В самой «Жемчужнице» Сорокин берет не пиво, а «пепси», «падший ангел» — тоже.

Первый разговор об объективной ценности художественного произведения с Михаилом Афанасьевичем Сорокин характеризует как беседу с графинчиком («...и в перспективе второй графинчик...»); графинчики здесь заменены на кофейнички.

Из планирования Сорокиным ужина исчезает «коньячок», а из самого ужина: «коньячок пролился в пузатую рюмку... <...>

Я опрокинул рюмку... <...> Я прошел на кухню, вылил в рюмку остатки коньяка и выпил маленькими глоточками, как японцы пьют сакэ». И заменено «Налил вторую рюмку, отхлебнул...» — на «Добавил картошки...» Вместо «слегка навеселе» — «удовлетворен зрелищами» (телевидением). Вместо «поглядел на свет через пустую бутылку» — «заглянул в пустую жестянку из-под кофе».

Сорокин, вспоминая о работе в доме творчества, перечисляет ограничения, способствующие продуктивной работе: «Никаких коньяков. Никакого трепа. Никаких свиданий. Никаких заседаний. Никаких телефонных звонков. Никаких скандалов и юбилеев». КОНЬЯКОВ заменено на БДЕНИЙ.

И в финале повести о Сорокине говорится: «И надраться он отнюдь не успел, это ему еще предстояло». В журнале: «И тем более надираться он отнюдь не собирался».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ

Рассказывая о военной биографии Сорокина, Стругацкие пишут: «Нас с Кузнецовым за неделю до выпуска откомандировали в Куйбышев в ВИП». «ВИП» на всякий случай (неразглашение!) из журнального варианта был изъят здесь и чуть дальше по тексту. Убрана запись в дневнике: «Цветок душистых прерий Лаврентий Палыч Берий».

Не совсем понятно, почему Стругацкие вставили в журнальный вариант отсутствующий в рукописи отрывок, и главное: почему они его потом убрали из книжных изданий? Неужто ретивые цензоры уловили в самокритичных суждениях Сорокина поклеп на всех писателей, пишущих о войне, и заставили включить в повествование нечто этакое... И поэтому Авторы убрали его позже. Хотя написан он так талантливо и с чувством, что мог бы и остаться.

Да черт же подери, подумал я почти с отчаянием. Ведь есть же у нас люди, которым это дано, которым отпущено это судьбою в полной мере... Вергилии наши по катакомбам ни за что не забываемого огненно-ледяного ада... Симонов у нас есть, нежно мной любимый Константин Михайлович, и Василь Быков, горький ма-

стер, и несравненный Богомолов, и поразительный «Сашка» есть у нас Вячеслава Кондратьева, и Бакланов Гриша, тоже мой любимый, и ранний Бондарев... Да мне их всех и не перечислить. И не надо. К чему мне их перечислять, мне плакать надо, что никогда мне не быть среди них,— не заслужил я этого кровью, потом, грязью окопной не заслужил и теперь никогда уже не заслужу. Вот и выходит, что никакой нет разницы между маститым Феликсом Сорокиным и мальчишечкой пятьдесят четвертого года рождения, взявшемся вдруг писать о Курской дуге,— не о БАМе, заметьте, писать взявшемся и не о склоке в родном НИИ, а о том, что видел он только в кино, у Озерова видел. Такие вот пироги, Феликс Александрович,— если откровенно...

О конфликтах на производстве («вплоть до КПК») говорится скромнее — «и все это вплоть до парткома». Опять же убрана угроза Рогожина «дойти до ЦК». «За бугром» скромно заменено на «там» в кавычках.

Оговорка председателя приемной комиссии (НТС вместо НТР) заменена на непонятную аббревиатуру НТФ. Не знаю, надо ли пояснять, что НТР — это научно-техническая революция, а НТС — Народно-Трудовой Союз, антисоветская организация...

Сорокина настораживает письмо без обратного адреса. Опасаясь каких-то политических дел, Сорокин думает, что ему говорить в инстанциях: «Да. Было какое-то письмо. Чушь какая-то. Не помню. Я, знаете, их много получаю, на каждый, знаете, чих не наздравствуешься...» В журнальном варианте это убрано.

Значительны изменения в части, посвященной Гнойному Прыщу. Вместо «все это делается совсем не так, да и времена уже не те» — «времена уже нынче не те» (намек на репрессии снижен). Убрано замечание Сорокина: «И все-таки я ничего не мог с собой поделать. Я боялся». Убраны почти три страницы рассуждения Сорокина о сталинских подручных, которые идут после высказывания Гнойного Прыща о климате и погоде:

Впервые в моей жизни он заговорил со мною. Слова его были вполне банальны, любой человек мог бы произнести эти слова. Но мне, как в анекдоте, захотелось загородиться от него руками и заверещать: «Разговаривает!..»

Много-много лет назад, когда я был сравнительно молод, вполне внутренне честен и непроходимо глуп, до меня вдруг дошло (словно холодной водой окатило), что все эти мрачные и отвратительные герои жутких слухов, черных эпиграмм и кровавых легенд обитают не в каком-то абстрактном пространстве анекдотов, черта с два! Вон один сидит за соседним столиком, порядочно уже захорошевший,— добродушно бранясь, вылавливает из солянки маслину. А тот, прихрамывая на пораженную артритом ногу, спускается навстречу по беломраморной лестнице. А этот вот кругленький, вечно потный, азартно мотается по коридорам Моссовета, размахивая списком писателей, нуждающихся в жилплощади...

И когда это дошло до меня, встал мучительный вопрос: как относиться к ним? Как относиться к этим людям, которые по всем принятым мною нравственным и моральным правилам являются преступниками; хуже того — палачами; хуже того — предателями! Случалось, по слухам, что бивали их по щекам, выливали им на голову тарелку с супом в ресторане, плевали публично в глаза. По слухам. Сам я этого никогда не видел. По слухам, не подавали им руки, отворачивались при встрече, говорили резкие слова на собраниях и заседаниях. Да, бывало что-то вроде, но я не знаю ни одного такого инцидента, чтобы не лежало в его основе что-нибудь вовсе не романтическое — выхваченная из-под носа путевка, адюльтерчик банальнейший, закрытая, но ставшая открытою недоброжелательная рецензия.

Они ходили среди нас с руками по локоть в крови, с памятью, гноящейся невообразимыми подробностями, с придушенной или даже насмерть задавленной совестью,— наследники вымороченных квартир, вымороченных рукописей, вымороченных постов. И мы не знали, как с ними поступать. Мы были молоды, честны и горячи, нам хотелось хлестать их по щекам, но ведь они были стары, и дряблые их, отечные щеки были изборождены морщинами, и недостойно было топтать поверженных; нам хотелось пригвоздить их к позорному столбу, клеймить их публично, но ведь казалось, что они уже пригвождены и заклеймлены, они уже на свалке и никогда больше не поднимут головы. В назидание потомству? Но ведь этот кошмар больше никогда не повторится, и разве такие назидания нужны потомству? И вообще казалось, пройдет год-другой, и они окончательно исчезнут в пучине истории и сам собою

отпадет вопрос, подавать им руку при встрече или демонстративно отворачиваться...

Но прошел год и прошел другой, и как-то неуловимо все переменилось. Действительно, кое-кто из них ушел в тень, но в большинстве своем они и не думали исчезать в каких-то там пучинах. Как ни в чем не бывало, они, добродушно бранясь, вылавливали из солянки маслины, спешили, прихрамывая, по мраморным лестницам на заседания, азартно мотались по коридорам высоких инстанций, размахивая списками, ими же составленными и ими же утвержденными. В пучине истории пошли исчезать черные эпиграммы и кровавые легенды, а герои их, утратив при рассмотрении в упор какой бы то ни было хрестоматийный антиглянец, вновь неотличимо смешались с прочими элементами окружающей среды, отличаясь от нас разве что возрастом, связями и четким пониманием того, что сейчас своевременно, а что несвоевременно.

И пошли мы выбивать из них путевки, единовременные ссуды, жаловаться им на издательский произвол, писать на них снисходительные рецензии, заручаться их поддержкой на всевозможных комиссиях, и диким показался бы уже вопрос, надо ли при встрече подать руку товарищу имяреку. Ах, он в таком-то году обрек на безвестную гибель Иванова, Петрова и двух Рабиновичей? Слушайте, бросьте, о ком этого не говорят? Половина нашего старичья обвиняет в такого рода грешках другую половину, и скорее всего, обе половины правы. Надоело. Нынешние, что ли, лучше?

Не суди и не судим будешь. Никто ничего не знает, пока сам не попробует. Нечего на зеркало пенять. А паче всего — не плюй в колодец и не мочись против ветра.

Потому что страшно. И всегда было страшно. С самого начала.

Этот мерзкий старик, что сидел через два стула от меня, мог сделать со мной все. Написать. Намекнуть. Выразить недоумение. Или уверенность.

В журнальном варианте вместо этого стоит лишь: «Я кое-что ему ответил. В том же духе». Но полстраницей позже, после сравнения Гнойного Прыща с тварью гишу, вероятно, для того, чтобы пояснить читателю, почему же Сорокин так боится Гнойного Прыща, вставлен для примера эпизод с участием Гнойного Прыща, эпизод довольно интересный, характерный и, как и многие эпи-

зоды, рассказанные в ХС, происходивший в действительности (выступление А. Казанцева против Г. Альтова, см. «Комментарии» БНС):

Года два назад Гарик Аганян пробивал в «Космосе» свой сборник научно-фантастических рассказов. Какие-то там приключения на ракете, которая движется быстрее скорости света. Конечно, Гарик знал, что таких ракет нет и быть не может, он мне лично несколько раз это объяснял и притом вполне доходчиво. Но зачем-то понадобилась ему такая вот сверхсветовая ракета. Ну, научная фантастика, у них там свои дела... Сборник и без того проходил туго, и вдруг каким-то неведомым образом рецензентом его оказался Гнойный Прыщ. Тут вообще много загадок. Откуда в «Космосе» взялся Гнойный Прыщ? А если уж взялся, то зачем ему понадобилось топить именно Гарика? А может, и не Гарика, а редактора. Или, скажем, рекомендателей Гарика в наш Союз...

Факт тот, что он Гарика утопил, да так, как никто Гарика до сих пор не тапливал. По всем непредставимым правилам древних пожирателей слонов. Он вывел черным по белому, что наш Гарик — антинаучный мракобес, исповедующий людоедские теории гитлеризма. Причем копию рецензии он подгадал в аккурат к тому самому заседанию нашей приемной комиссии, где должно было разбираться Гариково заявление о приеме. И когда председательствующий зачитал нам Прыщевый этот перл, мы буквально рты разинули, и наступила тишина, хотя все мы там собрались люди опытные и всякого повидавшие. Гитлеризм-то тут при чем? А вот при чем.

Как известно, максимальная скорость в природе — это скорость света. Кто это установил? Великий ученый Альберт Эйнштейн. А кто преследовал великого Альберта Эйнштейна? Гитлеровские мракобесы. А что утверждает Г. Аганян в своих злобных писаниях? Существование скоростей выше скорости света. Кого он таким образом ревизует — и даже не ревизует, а попросту злобно опровергает? Великого Альберта Эйнштейна. С кем же, спрашивается, смыкает свои ряды Г. Аганян? То-то!

Вот логика гишу, если это вообще можно назвать логикой. Вот почему не желаю я обсуждать с Гнойным Прыщом какие бы то ни было проблемы, кроме как насчет погоды. Кстати, прием Гарика был-таки отложен тогда на несколько месяцев, впредь до выясне-

ния. И понадобилось могучее вмешательство секретариата, да еще не нашего, а всесоюзного, чтобы отбить этот жуткий наскок из палеолита...

В рассказах Аполлона Аполлоновича об Алексее Николаевиче сказано: «Их сиятельство уехали в Цека...» В ЦЕКА изменено: НА ПРИЕМ. А вот о Михаиле Афанасьевиче (нынешнем) он говорит: «В библиотеку пошел. Или в партком». ПАРТКОМ заменен на КАНЦЕЛЯРИЮ.

Убрано количество членов в писательской организации: вместо «насчитывающей несколько тысяч человек» — «вполне многочисленной».

Сорокин вспоминает все три случая перелома его ребер и подытоживает: «Горько, товарищи. Горько и неприлично...» ГОРЬКО, ТОВАРИЩИ — убрано.

В рассказе Вали Демченко о будущих пишущих машинках с «электронными цензурными ограничителями» ограничители названы специальными электронными.

Из размышлений Сорокина о тщете всего сущего («А в действительности, построил ты государство или построил дачу из ворованного материала, к делу это не относится...») ГОСУДАРСТВО заменено на ЕДИНУЮ ТЕОРИЮ ПОЛЯ.

О режиссерах («Это будет не Эйзенштейн и не Тарковский») Тарковский заменен Феллини.

В разговоре с дочерью Сорокин говорит о Ганде, что там «огромные толпы негров поливают друг друга напалмом». «Негры» заменены на «фанатиков».

Название периодического издания «Добровольный информатор» заменено на «Образцовый информатор». Название периодического издания «Московский плейбой» изменено на «Богатырский дозор».

Валя Демченко сообщает Сорокину, что его рукопись «Старый дурак» теперь (после требований журнала «Губернский вестник») называется «Старый мудрец», но «сцену совращения он решил оставить». «Нева» же ее не оставляет и заменяет «сцену совращения» на «сцену возвращения».

Журнал «Советише Гэймланд» (в издании «Текста» — «Гэймланд») заменили «Надежным транслятором», хотя «перевод с иврита» остался.

Убрано уточнение насчет Жоры Наумова «он же Гирш Наумович», а «какой-то еврей из Академии наук» заменен на «какой-то жук из Академии наук». Соответственно, это высказывание Сорокин называет не антисемитским, а антинаучным выпадом.

Об Олеге Орешине Сорокин думает: «...я принял его за обыкновенного зоологического антисемита вроде лейб-гвардейцев. <...> Не был он антисемитом». В журнальном варианте изменено на: «...он показался мне явлением скорее зоологическим».

Самой страшной возможностью для Синей Папки Сорокин почитает издание ее тиражом 90 тысяч экземпляров и дальнейшее забвение. В журнальном варианте уменьшают количество экземпляров до 30 тысяч... Сейчас написали бы 5 тысяч...

ПОРНОГРАФИЯ, НЕЦЕНЗУРЩИНА И ПРОЧЕЕ

Из журнального варианта убраны: колоритное замечание («Словно рассказывают тебе умиленно, как ты в три годика, не удержавшись, обделался при большом скоплении гостей. А ведь не три годика, а все двадцать восемь было мне тогда...»), вторая половина описания сюжета «Нарцисса» («И поскольку "воле Шуа дю-Гюрзеля не мог противостоять даже сам Шуа дю-Гюрзель", бедняга безумно влюбился сам в себя. Как Нарцисс. Дьявольски элегантный и аристократический рассказ. Там есть еще такое место: "К его счастью, после Нарцисса жил еще пастух Онан. Так что граф живет сам с собою, выводит себя в свет и кокетничает с дамами, вызывая, вероятно, у себя приятную возбуждающую ревность к самому себе"») и определение этого рассказа как «порнографический». Слово ОНАНИЗМ заменено на РУКОБЛУДИЕ. В воспоминаниях Сорокина о Кате (как журнал вообще пропустил этот эпизод — даже не верится) заменено «остальными грудями и ляжками» на «женскими особями», убрано «для уместного опорожнения семенников». Убрано и: «Они только испачкали ей живот и ноги обильной дрянью и разбежались».

Сорокин после сна вспоминает, что раньше ему «снились больше бабы». «Бабы» целомудренно заменены на «амуры и венеры».

Убрана запись в дневнике: «Омерзительный, как окурок в писсуаре». Прозвище «Сортир Сортирыч» заменено на «Диван Диваныч». Даже «тащиться в туалет и воевать с неисправным бач-

ком» посчитали для Сорокина неуместным, в журнале он тащится в ванную воевать с неисправным смесителем.

Убрано сравнение Жоры Наумова: «...а у меня обе ноги простреляны, я тогда меж двух костылей болтался, как стариковская мошонка меж ног...», осталось лишь «как» и многоточие.

Убраны подробности из рассказа Кудинова («как его рвало, как его несло и так далее», как «сзади» воду закачивают).

Анекдотический рассказ о надписи на снегу и фотографиях всего этого в журнале оставлен, но фраза «Полина Златопольских (мечтательно заведя глаза): "Однако же, какая у него струя!"» скромно заменена на «Фотографии разбегаются по рукам и в большинстве своем исчезают».

О писательской бригаде, страдающей морской болезнью, Сорокин вспоминает: «...вся заблеванная, благополучно помирала в койках...» ВСЯ ЗАБЛЕВАННАЯ заменено на ЗАКАТИВ ГЛАЗА.

О беседах с читателями Сорокин размышляет: «...чтобы никакая сука, буде она окажется в зале, не могла бы придраться...» В журнале СУКА заменена на ГИШУ.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ДОРАБОТКИ

По мелким изменениям в тексте можно проследить, как дорабатывался текст Авторами, как постепенно проявлялся в нем и отличный от других произведений стиль (поющий, поэтический, несколько архаичный и одновременно очень интеллигентный).

При доработке рукописи Авторы изменяют обыденные, простые слова на «высокий слог»: вместо «неизбежный» — «неизбывный», вместо «напольный» — «цокольный», вместо «одна» — «единая», «решил» — «сделал вывод», вместо «три-четыре горячих картошечки, рассыпчатых» — «три-четыре горячих рассыпчатых картофелины», вместо «какое было модно» — «какие были в моде», вместо «водка пролилась у них из фужеров» — «водка плеснулась...», вместо «бокалы» — «чары», вместо «хоть что-нибудь» — «что-либо», вместо «какая-нибудь реальная надежда» — «сколько-нибудь реальная надежда», вместо «обычно» — «обыкновенно», вместо «какие-то» — «некие», вместо «этот» — «данный», вместо «так» — «столь», вместо «бодрые» — «бодрящие».

Сорокин о претендентах в Союз Писателей: «...а уже напечатали такую уйму!» В книжных изданиях вместо УЙМУ — УЙМИЩУ.

При виде Гнойного Прыща у Сорокина в журнальном варианте «подступило к горлу», позже — «холодок зашевелился под ключицами». Свое состояние при этом Сорокин сначала называет «мое воображение», позже — «мой психоз».

«Значит, и вы знали Анатолия Ефимовича?» — спрашивает Сорокин у Михаила Афанасьевича. В книжных изданиях ЗНАЛИ Авторы меняют на ЗНАВАЛИ. Более изысканно. И позже в тексте, вспоминая Михаила Афанасьевича, Сорокин называет его «моим странным знакомым». ЗНАКОМЫМ в книжных изданиях заменено на ЗНАКОМЦЕМ.

О встречах с читателями с радостью вспоминает Сорокин: «...когда даже явная глупость, произнесенная тобой, вежливо пропускается мимо ушей...» В журнальном варианте вместо ВЕЖЛИВО — ВЕЛИКОДУШНО, что в данном случае, по-моему, более уместно.

«ПЯТЬ ЛОЖЕК ЭЛИКСИРА» В ХС

Если сравнивать журнальный вариант ХС с книжными, то ясно видно: Авторы решили максимально сократить отсылки в ХС к ПЛЭ. Причина будет рассмотрена ниже, пока же перечислим различия.

Дополнения к текстам, связанным с ПЛЭ, в книжных изданиях обусловлены лишь красотой слога и добавкой эмоций. К примеру, были добавлены мелкие замечания о ПЛЭ: «...с эликсиром этим чертовым, который я же сам и выдумал себе на голову...» (в тексте журнального варианта было лишь: «...с мафусаллином этим чертовым...»); «...был так благодарен Косте за то, что он, по всей видимости, забыл о моих приключениях с эликсиром жизни...».

Остальное же — только сокращения.

В книжных изданиях после реплики Кудинова («А ты у нас рисковый мужик, Феликс Александрович! Ловко у тебя это получилось! Но не думаешь ли ты, что тебе это припомнят, а? Во благовременье, а?») идет воспоминание Сорокина об инциденте с рукописью Бабахина, а затем: «Оставив его размышлять, какие

выгоды он сможет теперь извлечь из доброго знакомства с таким значительным лицом, я неспешно и в каком-то смысле даже величественно двинулся вниз по лестнице». В первоначальном же варианте вместо этого присутствовал текст, отчасти разъясняющий странное поведение Кудинова:

На лице его при этом явственно проступило размышление на тему: а нельзя ли (по возможности, немедленно) извлечь что-нибудь для себя полезное из знакомства с такой значительной и благорасположенной к нему персоной,— и это каким-то не совсем понятным образом подвигло вдруг меня на прямой вопрос:

— Послушай-ка,— сказал я,— а чего это ты угрожал мне давеча, в больнице? Что там у тебя, собственно, произошло?

Признаюсь, я не люблю прямых вопросов. Ни ставить, ни слышать. На прямые вопросы обычно следуют до отвращения уклончивые ответы, и всех вокруг начинает тошнить. Да и прямые ответы, как правило, тоже не сахар. Однако же тайна страшного Ивана Давыдовича и Костиного змеиного шипения («О себе подумай, Сорокин!..»), раньше только раздражавшая меня наподобие некоей душевной заусеницы, сейчас вдруг потребовала немедленного и полного разъяснения. Что же, в самом деле, мне теперь — каждый раз трепетать, с Кудиновым встречаясь?

— Что же прикажешь,— сказал я раздражаясь,— каждый раз, понимаешь, трепетать, с тобой встречаясь? Нет уж, изволь объясниться!

И точно так же, как тогда в больнице, Костя заметался взглядом, явно не зная, куда его приткнуть в безопасное место, и снова принялся он лепетать, бормотать, экать и мекать, однако ж на этот раз выглядел он не столько испуганным, сколько смущенным, будто поймали его за тайным разглядыванием специфического заграничного журнальчика. И хотя был он достаточно невнятен, все же уловил я в его бормотании и меканье некую вполне связную и вполне грязноватую историю — про какие-то редкие медикаменты... без рецептов, сам понимаешь... тесть двоюродного брата... ну, ты же понимаешь, старик?.. все же родня, неудобно... ни-ни-ни, никакой уголовщины, что ты, но ты же его напугал до этого, как его... я сам виноват, но и ты пойми меня правильно... знаешь, как это бывает... кому охота объясняться... И так далее.

Я слушал его, испытывая одновременно и некую брезгливость, и явное облегчение (всего-то навсего — гос-споди!), но ведь и ра-

зочарование тоже: всего-то навсего, а я-то!.. И когда ситуация, как мне показалось, прояснилась полностью, я прервал его излияния, не стараясь скрыть ни брезгливости своей, ни облегчения, ни разочарования:

— И это все?

— Старик! — вскричал он, вовсе не разобравшись в моих интонациях.— Дедуля! Клянусь честью! А ты-то что подумал, а? Признайся: ведь черт-те что подумал, а?

Не стал я ему ни в чем признаваться, повернулся к нему спиною и пошел себе вниз по лестнице. А подумал я (уж который раз), что жизнь наша, что бы ни говорили нам об этом энтузиасты, по сути своей вполне обыкновенна и незагадочна (и слава богу, если серьезно), и что нет, видимо, ничего такого в мире, друг Горацио, о чем так сладко болтается вечерком нашим кухонным мудрецам, и что прав, надо полагать, мой герой, когда брюзжит: «Нет никакого Бермудского треугольника! Есть треугольник а-бэ-цэ, который равен треугольнику а-штрих-бэ-штрих-цэ-штрих...» И даже не «равен», а «конгруэнтен» — так теперь надобно говорить...

Всего-то навсего обделывал свои тихие делишки тесть шурина свекра сестры, а я-то намудрил, а я-то насочинял в воображении своем... Собственно, ничего я еще пока не насочинял, но был близок, тут уж никуда не денешься — близок я был. И уже мерещилось мне, что мафусаллин этот дефицитный — есть не что иное, как мой эликсир жизни, живая моя вода из каменной пещеры. И мерещились мне уже мои «бессмертные». И совсем уже было вообразил я, что начал пресуществляться мой старый сюжет, и возникали вокруг из небытия придуманные мною персонажи. И вот все кончилось — вялым анекдотом. В который раз.

Позвольте, подумал я. А клетчатое пальто что же? Тайный соглядатай мой, агент ноль-ноль-семь, клетчатая тень в металлических очках? Неужели же я просто подстегнул его к своим переживаниям (как все мы делаем это с приметами, озарениями и тайными голосами), позабывши, какая чертова уйма в Москве клетчатых пальто и металлических оправ?..

Несколько далее, перед посещением Клуба, в журнальном варианте был еще эпизод, который в книжных изданиях Авторы убрали:

И пока я шел этой своей дорогой — по бульвару, а затем по Посольской улице,— вдруг ни с того ни с сего, перед мысленным взором моим принялись выскакивать из каких-то недр и суматошно закружились люди, реплики, эпизоды, да так ловко, так сноровисто, словно все это время я только о них и думал.

Маленький, но вполне самостоятельный и совершенно достоверный мир принялся строиться во мне — провинциальный южный городок на берегу моря, ранняя осень, дожди уже начинаются, и листья желтеют, и третьеразрядный писатель, этакий периферийный Феликс Сорокин, но помоложе, пожалуй, лет этак сорока... и не Сорокин, конечно, а, скажем, Воробьев... Выходит он утром из своей квартиры по делам... посуду, например, сдать, здоровенная у него в руке авоська с бутылками из-под «бжни»... А сдавши посуду, пойдет он потом выступать перед читателями... перед пенсионерами в Дом культуры... Но не тут-то было, гражданин Воробьев! Из соседней квартиры выносят ему навстречу санитары соседа его, Костю, например, Курдюкова, поэтишку-скорохвата, при последнем издыхании... Дальше — по жизни, ничего придумывать не надо. Мафусаллин; институт, вурдалак Иван Давыдович, Клетчатое Пальто в трамвае. Весь день моего Воробьева преследуют странные происшествия. То, скажем, самосвал, мирно стоявший на пригорке по-над очередью в пункт приема стеклотары, срывается вдруг с тормозов и катит прямо на моего Воробьева, да так, что тот едва успевает отскочить. То вдруг огромный булыжник, невесть откуда свалившийся, врезается в авоську с посудой у самых ног Воробьева, присевшего завязать шнурок на ботинке. (Пусть он у меня целый день шляется по городу с этой своей авоськой осточертевшей.) То вдруг из рядов пенсионеров в Доме культуры воздвигается Клетчатое Пальто и задает вопрос... Какой же это будет вопрос? А, черт, ладно, потом придумаю.

А ночью они все к нему и заявятся. Их у меня, как и намечалось, будет пятеро, паршивых и гадких. Пятеро древних гишу. Пятеро Гнойных Прыщей, каждый в своем роде.

Во-первых, мой добрый знакомый — вурдалак Иван Давыдович. Он у нас на самом деле древний алхимик, еще императору Рудольфу золото добывал из свинячьей желчи, а в наши дни — бессменный председатель месткома у себя в институте.

Женщину бы туда нужно, вот что... Ледяную красотку, для которой мужики — что пауки для паучихи: попользовалась и за щеку... Самка гишу. Маркитантка из рейтарского обоза... Таскалась за солдатней еще во времена гугенотских войн...

Тут надо бы подумать, чтобы не было противоречий. Бессмертные-то они бессмертные, конечно, но только в том смысле, что своей смертью не умирают. А убить их вполне можно. И пулей, и ножом, и ядом, и как угодно. Тогда все выстраивается. Костя Курдюков, обожравшись тухлыми консервами, со страху решил, что помирает, и послал моего Воробьева к вурдалаку, чтобы тот дал две-три капли эликсира. (А вурдалак, сами понимаете, пользуясь государственным оборудованием, все пытается синтезировать эликсир, и две-три капли у него всегда есть — для химических целей.) Принимаем, значит, что эликсир может действовать и как лекарство тоже. Иван же Давыдович, вурдалак мой дорогой, будучи существом в высшей степени подозрительным и недоверчивым, решает, что произошла утечка информации, и направляет по следам Воробьева верного человека в клетчатом пальто. Чтобы, во-первых, проследить, а во-вторых, припугнуть.

А уж ночью они ввалятся к Воробьеву в дом всей компанией. Не жалкие свифтовские струльдбруги, маразматики полудохлые, а жуткие древние гишу — без чести, без совести, без жалости, энергичные, свирепые, готовые на все. Тут-то, ночью, все и начинается...

Самое лакомое, конечно,— это ночное толковище. Пиршество бессмертных. Это у меня может получиться. Это у меня должно получиться! Черт подери, это у меня получится! Не-ет, государи мои, у хорошего хозяина даром ничто не пропадает, все в дело идет. И Клетчатые Пальто загадочные, и свирепые председатели месткомов, и даже давно забытые наметки в рабочем дневнике десятилетней давности...

Чрезвычайно довольный собой и своими перспективами, я вступил в Клуб...

Вероятно, Авторы решили убрать пояснения и подробности по поводу мафусаллина и странностей поведения Кудинова по одной причине. ХС состоит из множества эпизодов из жизни Сорокина, каждый из которых представляет собой оборванный сюжет, способный превратиться в соответствующее фантастичес-

кое произведение. Это падший ангел с партитурой Труб Страшного Суда, это таинственный Михаил Афанасьевич с его «Изпиталом», это странная история с рукописью Анатолия Ефимовича («Он и написал эту комедию. Он и себя там вывел — под другим именем, конечно. А в марте пятьдесят второго года все это в Кукушкине и произошло...»). Разъяснения, относящиеся к сюжету ПЛЭ, здесь выглядят совершенно излишними, ненужными, ибо недосказанность и открытая концовка — яркие особенности прозы АБС — в ХС предстают в максимуме.

«ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР»

ВГВ — последняя написанная АБС повесть в трилогии о Максиме Каммерере и одновременно последняя повесть цикла о Мире Полудня. Была еще задумка действительно завершающей цикл повести, снова о Максиме Каммерере, но реализовать ее не удалось. О наработках Авторов в этом направлении будет рассказано ниже, в главе «Белый Ферзь».

Сама же ВГВ дополнила панораму мира Полудня и биографии многих его представителей новыми фактами и описаниями, что дало очередной толчок хронологам мира Полудня. Отдельные события, описанные АБС в своих произведениях, различные хронологи или их группы трактовали по-своему. Широко известна концепция Сергея Переслегина, опубликованная частями в книгах «Миров братьев Стругацких». Альтернативная хронология, которая представлена в приложении[1], была разработана Сергеем Лифановым и Евгением Шкабарней.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

О работе над ВГВ БНС в «Комментариях» пишет: «В истории написания этой повести нет ничего особенного и тем более сенсационного. Начали черновик 27.03.83 в Москве, закончили чистовик 27.05.84, в Москве же. Все это время вдохновляющей и возбуждающей творческий аппетит являлась для нас установка написать по возможности документальную повесть, в идеале —

[1] См. приложение. С. 418.— *С. Б.*

состоящую из одних только документов, в крайнем случае — из «документированных» размышлений и происшествий. Это была новая для нас форма, и работать с ней было интересно, как и со всякой новинкой. Мы с наслаждением придумывали «шапки» для рапорт-докладов и сами эти рапорт-доклады с их изобилием нарочито сухих казенных словообразований и тщательно продуманных цифр; многочисленные имена свидетелей, аналитиков и участников событий сочиняла для нас особая программка, специально составленная на мощном калькуляторе «Хьюлетт-Паккард» (компьютера тогда у нас еще не было); а первый вариант «Инструкции по проведению фукамизации новорожденного» вполне профессионально набросал для нас друг АНа — врач Юрий Иосифович Черняков...»

Но, как выясняется из архивных материалов, идея сделать повесть состоящей из отчетов, рапортов-докладов, записей бесед и реконструкций событий, написанных Каммерером, возникла у Авторов несколько позже — когда уже были написаны несколько вариантов текста, частично сохранившихся в архиве. Поначалу изложение ВГВ было обычным — повествовательным. По тому, что наличествующие страницы и главы, встречаемые в тексте, имеют нумерацию, а также по тому, что страницы, начинающие или завершающие сохранившиеся отрывки, зачастую обрезаны сверху или, соответственно, снизу, можно сделать вывод, что отдельные страницы этих вариантов были использованы для окончательной версии повести.

Поначалу АБС, вероятно, кроме общей концепции повести придумали значимые для них высказывания, реплики, споры и обсуждения, а затем уже вкладывали их в уста того или иного персонажа или переносили этого персонажа в другую обстановку, чтобы он произносил их другим собеседникам. Это можно увидеть в сохранившихся отрывках как минимум двух ранних черновиков.

Первый вариант. С. 29–38:

<...> энергетика — вот что самое странное.

Тора внимательно посмотрел на меня своими ореховыми глазами.

— Не выспался?

— Да нет, ничего, я там подремал немножко на солнышке...

— Хорошо,— произнес Тора и побарабанил пальцами по столу.— Давай-ка пока отвлечемся от технологии, это не наше с тобой дело. Согласен?

Я уже довольно давно перестал понимать, что теперь наше дело, а что не наше. Это меня уже больше даже не раздражало. Я привык. Иногда мне даже казалось, что и сам Тора не очень хорошо представляет себе, где кончается наше дело и начинается не наше. Поэтому я с легким сердцем и чистой совестью сказал, что ему, Торе, виднее.

— Да, мне виднее,— сказал он легко.— А поэтому скажи мне, пожалуйста, Тойво, дружище: что тебе показалось самым странным, если отвлечься от технологии?

— Дисперсия реакции,— сейчас же сказал я то, что сформулировал для себя еще там, в Малой Пеше.

Губы Торо вытянулись дудкой, и я понял, что он сейчас съязвит, и поспешно добавил:

— Я имею в виду, что это только на первый взгляд была повальная паника. Так это выглядело только потому, что паникеры нашумели больше всех. Задали тон. А на самом деле, смотрите.— Я стал загибать пальцы.— Ну, Панкратов — Следопыт, человек бывалый, с ним все ясно. Бабушка Альбина. Конечно, в этом возрасте люди не пугливы...

— Ну-ну-ну,— сказал Тора.— Знаток.

— Ладно. Тем более. Она бывшая балерина, всю жизнь прожила на Земле. Более того. В больших городах, как правило. В условиях максимального комфорта. Тщательно оберегаемая от всех переживаний грубого порядка...

— Ну, хорошо, хорошо,— сказал Тора.— Убедил... Почти! — сейчас же добавил он, подняв палец.

— Теперь мальчик. Кир. Одиннадцать лет. Тут дело даже не в том.— Я стал загибать пальцы: — Панкратов, Альбина, мальчик Кир... в конце концов, и художница — хоть и напугалась вначале, но все же вернулась...

— Согласен,— сказал Тора.— Кстати, я не помню, там были еще дети?

— Были. У Григорянов двое детей — девяти и двенадцати лет. Эти напугались смертельно.

— Мальчики?

— Мальчик и девочка.

— Итак, дисперсия реакций,— произнес Тора с лицом, как мне показалось, нарочито каменным.— Бесспорно. Действительно, это бросается в глаза. А еще?

— А еще — сам характер паники,— сказал я.— И должен признаться, это не мне первому пришло в голову. Все-таки паника панике рознь. Эта паника, судя по результатам... То есть, судя по тому, что мне рассказали, это было, как если бы дьявол объявился в средневековой деревне. Полная потеря самоконтроля, причем устойчивая потеря. Ведь по крайней мере семеро бежали не только из Малой Пеши, они бежали с Земли!..

— Достаточно,— сказал он.— Понял. Это ты хорошо сказал: дьявол в средневековой деревне. Очень точное сравнение. Еще?

Я помотал головой.

— Больше ничего. Если там и было еще что-то замечательное, я не углядел.

Он кивнул и принялся молчать. Каждый раз после моего рапорта он довольно долго молчит: переваривает полученную информацию, сопоставляет ее с тем, что я упустил, и с тем, что мне не может быть известно, выстраивает свою версию события, и я не знаю, что еще происходит там, за этой гладкой смуглой маской с приятно приподнятыми уголками губ, весело и приветливо прищуренными глазами и широким лбом под коротким каштановым ежиком без единого седого волоса. В такие минуты он всегда напоминает мне какого-то древнего божка, лукавого и хулиганистого. От человека с таким выражением лица можно ожидать чего угодно. Например: он сейчас хохотнет, хлопнет в ладоши и воскликнет: «Слушай, они там придумали новый сорт пива! Пошли попробуем, а?» Или: он станет вдруг мрачным до черноты и процедит с отвращением: «Ни к черту, безобразно, давай начинать все с начала!» Но на самом деле, конечно, если я хоть что-нибудь в нем понимаю, если хоть чего-нибудь стоит опыт нашей с ним работы, он должен сейчас сказать: «Ну, и как ты все это объясняешь?»

Что ж, сегодня я готов к ответу. И кроме самой общей версии у меня есть для него подарочек с изюминкой. Я спрошу его: «Скажите, Тора, знаете ли вы, чем занимается Флеминг в Нижней Пеше?» В ответ он что-нибудь сострит или съязвит. Он, конечно, не

может знать, чем занимается Флеминг в Нижней Пеше, я и сам узнал это всего час назад и совершенно случайно: подслушал. На этой работе я иногда подслушиваю. Так вот, когда он сострит, я снисходительно улыбнусь и скажу: «Нет, Тора. Флеминг пытается там воссоздать наивероятнейший облик наших обожаемых Странников. Они там собрали всю информацию, которая имеется по этому поводу, загнали ее в свои котлы и теперь варят, надеясь получить на выходе хотя бы муляж...» По-моему, это должно произвести на него впечатление. Если мне очень повезет, это должно даже ошарашить его. Конечно, сам по себе этот любопытный факт ничего в нашей истории не проясняет. Но согласитесь, он открывает некие новые перспективы и вообще наводит на размышления.

Тора сказал:

— Институт Чудаков — тебе знакомо такое словосочетание?

— Да.— Я ощетинился, предчувствуя очередную остроту.

Нет, никогда мне не понять этого человека, никакой опыт не научит меня и не поможет. Он не собирался острить. Он не интересовался, как я объясняю события в Малой Пеше. Он, кажется, вообще забыл вдруг про Малую Пешу. Он даже не поблагодарил меня за работу, как неизбежно делал это прежде. Он сказал:

— Тебе придется отправиться к ним в Харьков. Не возражаешь?

— У меня же еще эта статистика. Или это вас тоже больше не интересует?

Он поднял бровь.

— В каком смысле «тоже»?

— Ну, инцидент в Малой Пеше вами исчерпан? Вопросов больше нет?

Он вдруг перестал приятно улыбаться.

— Ты можешь мне еще что-нибудь добавить?

— Могу,— сказал я.— Но я не уверен, что это вам интересно.

Его вдруг словно прорвало.

— Слушай-ка, голубчик,— прошипел он.— Давай-ка без дурацких обид! Что это за детский сад: уверен, что интересно, не уверен, что интересно... Когда я докладываю президенту...— Он замолчал.— Выкладывай.

Я рассказал ему об очередной затее Флеминга.

— Ну и что? — сказал он.

— Не знаю,— сказал я.— Но мне кажется, что это совершенно новый подход, а значит — совершенно новая технология, а значит...

— Понял. Может быть. Организуй срочный официальный запрос Флемингу, Горбатскому, Бюргермайеру. Пусть пришлют заключения по поводу энергетики и всего прочего. Пусть сообщат, кто из них дошел до этого уровня... Между прочим, сам мог бы догадаться послать.

— А я и догадался,— сказал я мстительно.— Еще из Пеши.

Несколько секунд он смотрел на меня с непривычным выражением. По-моему, это была смесь бешенства и одобрения. Мне даже страшновато стало. Никогда еще не видел я его таким, как сейчас. Потом уголки губ его снова приподнялись, и он снова превратился в древнего божка, лукавого и хулиганистого.

— Чтобы не было обид,— сказал он,— давай условимся. Все, что произошло в Малой Пеше, уже произошло. Нам остается сделать выводы. И мы с тобой их сделаем. Потерпи немного. Не сучи ножками.

Я ничего не стал говорить. Все-таки я не люблю его.

— Теперь о статистике,— продолжал он.— В каком она у тебя положении?

— Примерно полдела сделано.

— Хорошо. Поработай еще сегодня, а завтра, перед тем как отправляться в Харьков, передашь мне основные результаты. Там вообще-то есть хоть что-нибудь интересное?

— На мой взгляд — да. Правда, придется, наверное, посылать дополнительные запросы, но это уже на ваше усмотрение.

— Теперь слушай новую задачу. Институт Чудаков.

Оказывается, около года тому назад на Землю прибыл с частным визитом некто Колдун, удивительный мутант с планеты Саракш, пожелавший ознакомиться с нашей цивилизацией. Принимал его институт Чудаков, который, естественно, решил воспользоваться случаем и произвести все возможные исследования этого поразительного феномена. В чем состояла эта феноменальность, я со слов Торы получил лишь весьма смутное впечатление: ясновидец, ридер, психократ, а паче всего — «сапиенс, способный при виде капли воды сделать вывод о существовании океана». Этот Колдун, оказывается, нужен был нам сейчас позарез. Проблема же состояла в том, что, пробывши четыре дня на Земле, он вернулся к себе

на Саракш и там исчез, словно растворился в тамошних жутких радиоактивных джунглях. На протяжении последнего месяца Прогрессоры на Саракше пытаются (по просьбе Торы) выйти на связь с Колдуном, и у них ничего не получается. То ли Колдуна здесь на Земле мы как-то, сами того не ведая, обидели; то ли после своего визита он потерял всякий к нам интерес; то ли еще что-нибудь, специфически Колдуново и потому нам не представимое... Короче говоря, мне надлежало отправиться в институт Чудаков, поднять там все доступные материалы по обследованию Колдуна, переговорить со всеми сотрудниками, которые имели с ним дело, и попытаться понять, не произошло ли что-нибудь странное с Колдуном в этом институте, не сохранились ли какие-нибудь странные отзывы его о Земле и наших порядках, не совершал ли он каких-нибудь поступков, в то время оставшихся без внимания, а ныне представляющихся в новом свете...

— Психократ — это что такое? — деловито спросил я, когда Тора замолчал.

Он прищурился.

— Психократ — это общее название для существ, способных подчинять себе чужую психику.

— А, это вроде мохнатого слонопотама?

— Мохнатый слонопотам — это что такое? — спросил он, не моргнув глазом.

Не удержавшись, я рассмеялся.

— Простите, Тора,— сказал я,— но это в самом деле какое-то странное задание.

— А у нас в КОМКОНе все задания странные, пора бы и привыкнуть.

— Но не до такой же степени!

— Именно до такой! Будем искать колдуна. Настоящего колдуна, заметь, я с ним знаком, он настоящий колдун, с говорящей птицей на плече и прочими причиндалами... Да еще колдун с другой планеты! И нужный нам позарез.

— Возможный союзник,— проговорил я, не удержавшись.

Он снова перестал улыбаться. Он не любил, когда я показывал, что догадываюсь, чем мы с ним занимаемся.

— Имей в виду, что в Харькове ты будешь выступать как сотрудник Большого КОМКОНа. Это не прикрытие, поисками Колдуна действительно занимается Большой КОМКОН.

— Хорошо,— сказал я.

— Есть какие-нибудь вопросы?

— Нет. Пока нет.

— Ты сейчас домой? Или будешь работать?

— Я буду работать,— сказал я.— До семнадцати, не позже. А потом поеду домой и буду все время дома.

— Привет Асе,— сказал Тора.

5

В кабинете у нас все было так, как я оставил вчера, уходя домой. Стол Сандро был пуст и безукоризненно чист — видимо, Сандро так и не появлялся. А у меня на столе царил привычный хаос, который так раздражает меня по утрам и кажется таким необходимым и уютным каждый раз вечером. Я постоял у окна, бездумно провожая взглядом Облачный Город, величественно проползающий над окутанными зеленью крышами, потом сел за стол, подпер руками голову и закрыл глаза. Я отдыхал.

Всякий раз после разговора с Торой я испытывал потребность в отдыхе: вот так вот посидеть, расслабившись, понаблюдать за белыми и красными кругами, плавающими под закрытыми веками, и в который раз попытаться понять: почему?

Почему я его не люблю? Почему мне так трудно с ним? Почему он вызывает во мне что-то вроде страха, хотя это на самом деле не страх; что-то вроде презрения, хотя это, конечно же, не презрение... Как я могу презирать Максима Каммерера, легендарного Мака Сима, непревзойденного Белого Ферзя, организатора и руководителя операции «Тигр», после которой сам Президент стал звать его «Тора»? В обоих КОМКОНах любой мальчишка знает Максима Каммерера, нас еще на свете не было, а он уже работал на Саракше — подрывал лучевые башни, дрался с фашистами, создавал республики и коммуны... Мы были еще школьниками, а он первым из землян проник в самое сердце Островной Империи и не только вернулся невредимым, но и принес сенсационную информацию, о которой никто и помыслить не мог, когда планировался «Белый Ферзь»... Он дьявольски умен, он добр, он обаятелен, более того — он прекрасно ко мне относится... вот это, наверное, самое ужасное. Я же вижу, я же чувствую, что он отличает меня! Всего шесть лет как он принял меня в свой отдел, а я сейчас ближе

ему, чем даже Гриша Серосовин... Может быть, было у них все-таки с мамой?

Мама его не любит категорически. Она даже не старается скрыть своей неприязни. Когда она узнала, что я работаю с ним, да еще под его началом, она была просто огорчена! При каких обстоятельствах они могли столкнуться? Ведь пути их никогда не пересекались. Единственное, что у них было общего, это то, что на протяжении нескольких лет они жили и работали в одном городе. Мама тогда работала в Музее Внеземных Культур, потом она заболела, уехала отсюда и никогда больше с тех пор не возвращалась. Может быть, тогда между ними что-то и произошло? Сейчас маму в Свердловск калачом не заманишь. Куда угодно, только не сюда. «Той-во, сынок, с этим человеком у меня связаны самые неприятные воспоминания».— «Он причинил тебе горе?» — «Не он. Он только выполнял свой долг, как он это понимал»... А Тора никогда не говорил со мной о маме, хотя он отлично знает, что я — сын Майи Тойвовны Глумовой. Но легко представить себе, что он все-таки чувствует себя виноватым и как-то старается загладить старую вину...

Конечно, мама хотела бы, чтобы я ушел от него, но как мне от него уйти? И ведь он знает, что я его не люблю. Я бы, конечно, никогда не позволил себе сказать ему это в лицо, но ведь такие вещи не скроешь. Я ведь не Прогрессор. Я не умею ни лгать, ни лицемерить, ни скрывать. Я умею быть только вежливым. По-видимому, Торе этого достаточно...

Уж он-то умеет и лгать, и лицемерить, и притворяться, уж он-то настоящий Прогрессор. Наверное, именно это более всего мне в нем отвратительно. Он никогда и никому не говорит всей правды. Я никогда не знаю, говорит он мне правду или лжет. По-моему, если у него есть выбор — сказать правду или солгать, он солжет. Он поступает так «в интересах дела». Разумеется, в этом есть своя логика, но ведь тошнит! Меня тошнит, Тора! Вот вы посылаете меня в Харьков. Я не знаю, действительно ли вам так уж нужен этот Колдун. Может быть, нужен, но к чему тогда вся эта ваша невнятица насчет обид, которые ему нанесли на Земле, насчет каких-то таинственных его поступков? А может быть, вовсе и не Колдун вам нужен, Тора? Может быть, историю с Колдуном вы используете только как правдоподобное прикрытие, чтобы я вынюхал для вас нечто

об институте, причем вынюхал так, чтобы и сам бы не понял, что я там вынюхал?

Да нет, конечно, я поеду в Харьков, о чем речь, поеду и вынюхаю все, что требуется, потому что я верю ему в главном. Он может сколько угодно лгать в мотивировках, в деталях, в оценках, в определении тактических целей, и меня может сколько угодно тошнить от этого, но я не могу от него уйти, потому что он всегда остается верен самому главному. Более того, он, видимо, единственный человек на свете, с которым мы понимаем это главное одинаково. То есть он, конечно, понимает это главное еще лучше, чем я, и именно поэтому я подчиняюсь ему почти слепо, можно сказать, ем из его рук и смотрю его глазами... и так будет продолжаться до тех пор, пока наши представления о главном не начнут расходиться. Между прочим, если подумать, таких, как я, у него тоже немного... а может быть, и вовсе нет? Боже мой, какие же мы тогда одинокие! Ведь я же со многими пытался говорить на эту тему. Одни — чрезмерно легкомысленны. Другие — тупы (я не могу подобрать иного слова: люди, совершенно безукоризненные во всех иных отношениях, становятся неодолимо тупыми, когда речь заходит об этом, их словно подменяют). А третьи — слепы, я вызываю у них жалость и сочувствие, они хлопают меня по плечу и стремятся поскорее перевести разговор на другую тему... А, я давно уже перестал разговаривать об этом. Это в первое время, когда я вернулся на Землю после этих жутких лет, проведенных на Гиганде, после этой кровавой клоаки, после этого пиршества лжи и лицемерия... Я тогда готов был кричать — да и кричал, кажется — на каждом перекрестке: «Прекратите!», и мне казалось, что одна только мама понимает меня, Аська — не понимала, для нее я был героем, и это доводило меня до отчаяния, и вдруг, откуда ни возьмись, недалеко от меня появился Тора, а я вдруг как-то очень естественно, по гладенькой дорожке, как патрон из обоймы в ствол, вошел в КОМКОН и оказался у него под крылом. И однажды он сказал мне невзначай: «Что делать, дружище! Ведь Прогрессора может одолеть только Прогрессор». Ужасно построен этот мир...

Для успешного отдохновения после встречи с Торой самое главное — это как следует себя пожалеть. Неплохо помогает и самобичевание. Надо со всей откровенностью сказать себе: ничем ты не лучше любого Прогрессора, как был ты Прогрессором, так и ос-

тался, как бы ни хотелось тебе отречься, потому что, если бы ты всерьез хотел отречься, не было бы тебя в КОМКОНе, работал бы ты сейчас, например, с Аськой в «Деликатесах» на радость всем гурманам Вселенной, и мучила бы тебя сейчас не перспектива переться завтра в Харьков, чтобы врать там направо и налево, а мучила бы тебя проблема: почему вот уже неделю знаменитые пасифунчики отвергаются дегустаторами за прогорклость... Я представил себя дегустатором, и мне стало весело. Я вообразил себе, как Аська сидит у меня в лаборатории на краешке табурета и заискивающе смотрит на мои руки, белые нежные руки профессионала, которые осторожно и ловко вскрывают зеленую коробочку пасифунчиков, обнажают розовое прозрачное желе, неторопливо подносят это желе к белому нежному носу профессионала... и я шевелю ноздрями и говорю... нет, не говорю, а блею: «Продукт свежий у вас, а стагнация уже в третьем градусе, золотко мое...»

И подумать только, в школе я всерьез мечтал стать дегустатором! Из-за отца, наверное, потому что таланта у меня не оказалось никакого. Отец, который очень ревниво относился к своей работе, полагая, что в последние десятилетия профессия его приходит в упадок, сказал мне с жестокостью фанатика: «Какой из тебя дегустатор, Тойво? Ты едок!» И он был прав. Дегустатор я никакой, а едок — вполне на уровне, никто не жалуется...

Ну вот я и отдохнул от Торы, и можно работать.

Прежде всего я вызвал свою программу с терминала БМ. Машина еще не кончила считать. Ладно. Я принялся наводить порядок на столе, прикидывая, не имеет ли смысл подытожить хотя бы то, что уже получилось, чтобы подкинуть Торе пищу для размышлений. В конце концов, как он ставил задачу? Попытаться обнаружить хотя бы один казус, подозрительный на ксеногенность (Тора, конечно, сформулировал это гораздо более пространно и живописно, а я люблю лаконичные формулировки, пусть даже и на псевдоязыке). Так вот один казус я уже обнаружил...

Первый вариант. С. 84—93:

Глава седьмая

В десятом часу, как всегда без предупреждения, ввалился Шура Кикин, и Ася немедленно отправилась варить «кикиновку».

— Тойво! — воззвал Кикин, усевшись напротив и захрустев суставами на весь дом.— Я тебя прошу, Тойво!

— «В КОМКОН хочу!» — противным голосом произнес Тойво.

— Да! Хочу! В КОМКОН! У меня есть идеи! У меня есть опыт, какого ни у кого из вас нет! Я работал с дымчатыми галеодами! Два года!..

— Не работал ты два года с дымчатыми галеодами.

— Ну, не два! Ну, полтора!

— И полтора ты не работал.

— Полтора — работал!

— Не работал. А если бы даже и работал... Ну зачем нам этот твой опыт?

— Я хочу заняться ракопауками!

— Это не наша область, сколько раз тебе повторять?

— Это не ваша область, потому что вы дураки! Потому что вы не понимаете, что ракопауки разумны! Вы их боитесь, вы их целый век истребляли, у вас теперь запор совести!

— Это и есть все твои идеи? — спросил Тойво.

— Да! И между прочим, не хуже других!

— А почему ты так орешь? — осведомился Тойво.

— Я не ору,— сказал Кикин, понизив голос.— Я ору, потому что ты мне не хочешь помочь. Ты вообразил, что это у меня очередное увлечение. А на самом деле я все обдумал. У меня талант к этим паукам, ты это можешь понять? Девяносто девять человек из ста пауков терпеть не могут, а я их люблю!

— Что ты от меня хочешь? — сказал Тойво, закрывая глаза.

— Я хочу в КОМКОН! В Комиссию по Контактам!..

— Подожди, не ори,— сказал Тойво.— Что ты хочешь от меня? Что ты от МЕНЯ хочешь вот уже две недели?

— Я хо-чу что-бы ты,— произнес Кикин, отбивая темп взмахами руки,— по-го-во-рил обо мне с Ко-мо-вым или с Ба-де-ром! — Тут он вдруг прервал себя: — Слушай, тебе говорили? Горбовский-то совсем плох...

— Говорили...

— Что именно тебе говорили?

— Что он совсем плох.

— А все-таки... может, обойдется?

— Может, и обойдется,— сказал Тойво.

Они помолчали.

— Так как же? — спросил Кикин.

— Хорошо,— сказал Тойво.— Как только встречусь с Комовым, обязательно поговорю о тебе. Обещаю.

Кикин посмотрел на него с огромным подозрением.

— Что именно ты обещаешь?

— Обещаю, что как только встречусь с Комовым...

— Ты, наверное, редко с ним встречаешься...

— Да как тебе сказать...

— Нет, это нехорошо,— сказал Кикин.— Вот видеофон, номер канала ты должен знать, изволь.

— Ну что я ему скажу? — произнес Тойво с тоской.— Есть у меня старый друг Шурка Кикин. Человек безусловно симпатичный, славный, добрый, но решительно без царя в голове... Тридцать лет он на свете прожил, тридцать работ переменил...

— Постой-постой! — встревоженно заорал Кикин.— Про это не надо! Зачем?

— А про что надо?

— Большой опыт работы с хелицероносными, отменная способность к зоопсихическим контактам с ними...

— А почему бы тебе не обратиться к зоопсихологам?

— Ты что, глухой? Я же у них уже работал, с дымчатыми галеодами!

Тут вернулась Ася с подносом, на котором дымились три керамические миски с горячей «кикиновкой». Кикин сразу обо всем забыл.

— А «колдоглаз» не забыла? — грозно спросил он, хватая обеими руками ближайшую миску.

Он тянул напиток прямо через край, хлюпая, причмокивая и шипя от горячего. Ася деликатно черпала из своей миски специальной ложечкой. А Тойво только понюхал пар и, пробормотавши «пусть остынет», отодвинулся подальше.

Слава богу, Кикин перекинулся на Асю. У него, оказывается, были идеи, касающиеся коренной перестройки гастрономической науки. Он, оказывается, четыре месяца проработал в учениках у дегустатора имярек в Шанхае и вынес из своего ученичества убеждение, что древняя методика дегустации, дегустация, так сказать, органолептическая, безнадежно устарела, и пора поэтому присту-

пить к широкой дегустации посредством некоторых членистоногих, например галеодов дымчатых. Ася неудержимо хохотала, а Тойво слушал, стараясь не привлекать к себе внимания. Некоторое время это ему удавалось, но вот наконец Кикин допил свою порцию и обратил победоносный взор на Тойво.

— Ну, что пришипился? — осведомился он.— Э! Да у тебя полная миска. В чем дело?

— Аппетита нет,— сказал Тойво.

— Хм,— сказал Кикин, не спуская глаз с миски.

— Пей, пей,— сказал Тойво.

— И выпью! — объявил Кикин, придвигая к себе миску.— Что касается теории «кикиновки», то равных мне, чего там говорить, конечно, не найдется. Но вот что касается практического осуществления...— Он сделал огромный глоток и одобрительно посмотрел на Асю.— Тут ты, мать, непревзойденный мастер. Ты мне скажи, по моему рецепту делаешь? Честно скажи!

— По твоему. Клянусь.

— И ничего другого ни-ни-ни?

— Ни-ни-ни!

— Как можно,— проговорил Тойво мрачно.— Однажды она добавила туда мандариновую дольку, так взрыв был...

— Много Странников поймал? — сейчас же осведомился Кикин.

— А что? — спросил Тойво.— У тебя и на этот счет есть идеи?

Тогда Кикин перегнулся через поднос и, понизив голос до трагического шепота, произнес:

— Тойво! Друг мой! Мы знаем друг друга тридцать лет. Скажи мне правду: только мне. Они на самом деле среди нас?

— Вот балда,— сказал Тойво.

— Иногда мне кажется, что я вижу их в толпе,— продолжал Кикин.— Их красноватые светящиеся глаза. Леденящие душу прикосновения заставляют меня вздрагивать. Иногда мне кажется, что мы все уже под игом!..

— Не надо, Шура! — сказала Ася с досадой. Кикин глянул на нее и откинулся на спинку кресла.

— А в чем дело? — спросил он обычным голосом.

— Не надо, и все,— сказала Ася.— Хочешь, еще сварю?

Кикин перевел взгляд с нее на Тойво и тихонько присвистнул.

— Я вижу, теперь у вас на эти темы не говорят,— сказал он вкрадчиво.

— Все уже на эти темы переговорено,— проговорил Тойво.

— Понимаешь, Шура,— сказала Ася.— Что мы все время об этом шутим, шутим? Ведь это очень серьезно, Шура!

— Это он тебя убедил, что это серьезно? — осведомился Кикин не без яда.

— Да перестань, Шура! Ну что это за окаянное легкомыслие, в самом деле? Куда ни повернись — везде шутят, шутят, шутят... У всех рты до ушей... Ты на себя посмотри. Ты же не человек, ты мотылек! Что тебя волнует? Заменить дегустаторов большими пауками... Ну что это за идея? Рядом, в двух шагах от тебя, грозная, тайная и, может быть, мрачная сила. Ты все заботы об этом на других перевалил, а сам валяешь дурака — в стиле века...

И тут произошло необычайное. Кикин покраснел. Он так покраснел, что у него даже глаза заслезились. И он надулся, как разобиженный ребенок, и явно потерял дар речи. Что же касается Аси, то она, увидевши всю эту метаморфозу, испугалась и тоже потеряла дар речи. Прошли томительные мгновения.

— Я...— просипел Кикин и откашлялся.— Ты извини! Я, между прочим, ни на кого и никаких забот не переваливаю! Это ты слишком, мать! Я, может быть, и мотылек... может быть... Я и в самом деле никак не могу определиться, но свой хлеб с маслом я отрабатываю! А что касается шуток по некоторым поводам, то уж извините, не моя вина, что весь этот ваш психоз нормальными людьми воспринимается юмористически!.. Нет, каково! Они понавыдумывали себе призраков, гоняются за ними по всему миру...

— Ладно! — сказал Тойво и махнул рукой.— Убедил. Давайте о чем-нибудь другом.

— Нет, позволь! — Кикин уже не был красен, но надулся еще сильнее.— Вы попытались нас убедить, что существует некая угроза! Вы нас не убедили и теперь хотите запретить нам подшучивать над вами?

— Ни в коем случае,— сказал Тойво.— Любовь и шутка правят миром!

— А ты не шути! — рявкнул Кикин.— Я с тобой не шучу сейчас! Ты меня обидел!..

— Шурик, милый, прости, это я виновата,— сказала Ася.

Кикин не обратил на нее внимания.

— Я твой друг! — орал он.— И это все знают! Ему не нравятся, видите ли, мои шутки! А ты бы послушал шутки по вашему адресу, которые приходится выслушивать мне! А синдром Сикорски? Я полагаю, ты слышал это выражение? Это уже даже и не шутка! Это уже приговор, милый мой! Это диагноз!

Он отскочил к окну, уселся на подоконник и стал с вызовом глядеть то на Тойво, то на Асю.

— Сварить еще или не сварить? — спросила Ася сердито.

— Свари, свари ему,— посоветовал Тойво.— А то он нас сейчас сожрет. Обидели его. Галеода.

— Ну в самом деле, Тойво,— укоризненно сказал Кикин,— ведь у вас ничего, по сути, нет, кроме голой идеи. Не спорю, идея довольно любопытная, кое-кому даже способна нервы пощекотать, но ведь не более того! По сути своей эта ваша идея есть просто инверсия давным-давно известной человеческой практики. Прогрессорство навыворот! Да, разумеется, сверхцивилизация в принципе действительно может вмешаться в нашу жизнь и в нашу историю с целью нас облагодетельствовать...

— Слушай, может быть, кончим говорить на эту тему? — сказал Тойво.

— А я уже кончил! — сказал Кикин, подавшись к нему всем телом.— В том-то все и дело, голубчик ты мой, что больше говорить не о чем. У вас, кроме этой идеи, больше ничего нет! — Он соскочил с подоконника, сел напротив Тойво и продолжал: — Я тебя только прошу: не злись! Я не хотел говорить на эту тему, но так уж получилось. А раз получилось, так давай уж доведем этот разговор до конца! Ты знаешь, что мне сегодня сказал один деятель? Комконовцам можно только позавидовать, сказал он. Когда они сталкиваются с какой-нибудь действительно серьезной загадкой, когда им попадается ЧП действительно неразрешимое, они быстренько атрибутируют его как результат деятельности Странников, и все дела!

— Это кто же тебе сказал? — мрачно спросил Тойво.

— Какая тебе разница? Аварийщик один знакомый!

— И что же ты ему ответил?

— Ах ты, елки-палки, да разве в этом дело? — сказал с досадой Кикин.— Дело в том, что никто ему на это толком ответить не может. Никто! На такие заявления не словами надо отвечать, а делами! А где они — дела? Дел-то ведь никаких не видно, Тойво!

Тойво уже справился с собой.

— Так ведь это хорошо,— сказал он.— Когда и если начнутся дела, тогда твоему аварийщику будет уже не до разговоров...

Кикин с досадой хлопнул кулаком в ладонь.

— Ах ты, господи, вот опять!.. Ну почему? Почему трагедия? Почему угроза? Вот это вот особенно в тебе раздражает! Откуда в тебе эта космическая мизантропия? Может быть, и в самом деле потому, что ваши необъясненные ЧП — это трагедии? Но ведь ЧП — это всегда трагедия, на то они и ЧП! Верно ведь?

— Неверно,— сказал Тойво.

— Что, есть ЧП счастливые?

— Бывают,— сказал Тойво.

— Например? — осведомился Кикин, полный яду.

— Тебе имя Гужон знакомо?

— Ну?

— А Содди?

— Еще бы!

— Чем эти люди по-твоему замечательны?

— Что за дурацкий вопрос? Гужон — замечательный композитор... А Содди, как всем известно, замечательный адаптер... Ну?

Тойво покачал головой.

— Нет, не угадал. Профессионалы они, конечно, превосходные, но замечательны они не этим. Гужон до пятидесяти пяти лет был неплохим — но не более того — агрофизиком. А потом вдруг — понимаешь, Кикин? — вдруг, в одночасье стал замечательным композитором.

— Ну и что тут такого? Талантливый человек, развивал свой талант всю жизнь... количество перешло в качество...

— Барталамью Содди,— продолжал Тойво.— Сорок лет занимался теневыми функциями. Сухой, педантичный, нелюдимый человек. И вдруг — вдруг, Кикин, вдруг! — обнаруживается, что он блистательный, мирового класса адаптер.

Кикин пожал плечами. Он и в самом деле, самым искренним образом не понимал.

— А при чем здесь, собственно, ЧП? Я понимаю, это случаи довольно редкие, но в любом биографическом справочнике ты обнаружишь их десятка два... Маркелиус всю жизнь был довольно рядовым пианистом, а потом создал «Балладу Юга»... Ляхович...—

Кикин стал загибать пальцы.— Караян... м-м-м... Да мало ли кто еще, не могу я сейчас всех упомнить! Люди скрытого таланта, долго, упорно занимались, а потом количество переходит в качество...

— Не было количества, Кикин,— сказал Тойво.— Одно лишь качество возникло вдруг, в одночасье!

Кикин помолчал, шевеля губами, потом сказал:

— Что ж это по-твоему: Странники их вдохновили, так?

— Я этого не говорил. Ты попросил меня привести примеры счастливого ЧП. Пожалуйста. Могу назвать еще несколько имен.

— Ну, а что тут собственно особенного? Почему вы должны этим заниматься?

Тойво пожал плечами.

— Мы занимаемся любыми чрезвычайными происшествиями.

— Вот я и спрашиваю: что в этих происшествиях чрезвычайного?

— В рамках существующих представлений они необъяснимы.

— Ну, мало ли что необъяснимо! — вскричал Кикин.— Ридерство тоже необъяснимо! Просто мы к нему привыкли!

— То, к чему мы привыкли, мы и не считаем чрезвычайным. Мы не занимаемся явлениями, мы занимаемся происшествиями, событиями. Чего-то не было, не было тысячи лет, а потом вдруг случилось. Почему случилось? Непонятно. Как это объясняется? Специалисты разводят руками. А мы берем на заметку.

— Много уже набрали?

— Да порядочно... Ты прав в одном отношении: счастливые ЧП — это действительно большая редкость.

— Ну, хорошо. Приведи пример несчастливого ЧП.

— То есть?

— Ну, такого ЧП, которое несет в себе угрозу... привело к несчастью...

— Это совершенно разные вещи,— сказал Тойво.— ЧП, которые привели к несчастью, ничего загадочного собой не представляют. Это результат либо случайности, либо чьей-то небрежности, либо неоправданного риска... А вот что касается угрозы, то тут все сложнее. Я лично считаю, что любое необъясненное ЧП несет в себе угрозу.

— В том числе и счастливое?

— Да. В том числе и счастливое.

— Какую же угрозу несет в себе превращение рядового мелиоратора в гениального математика?

— Я не совсем точно выразился. Угрозу несет в себе не ЧП. Самые таинственные ЧП как правило совершенно безобидны. Иногда даже комичны. Угрозу несет в себе причина такого ЧП. Механизм, который порождает это ЧП. Зачем кому-то понадобилось превращать мелиоратора в гениального математика?..

Кикин прервал его.

— А откуда ты знаешь, что это не статистическая флюктуация?

— В том-то и дело, что мы этого не знаем. Все на свете, знаешь ли, можно объяснить статистическими флюктуациями, но дальше-то что? Сидеть, ковыряя в носу, и составлять списки статистических флюктуаций? Очень мило. Спасибо тебе за такую работу. А если рассуждать теоретически, методологически? Чем, скажи на милость, твое объяснение лучше нашего? Статистическая флюктуация, по определению непредсказуемая и неуправляемая, или Странники, которые тоже не сахар, но которых все-таки в принципе можно схватить за руку. Да, конечно, статистическая флюктуация звучит куда как более солидно, научно, беспристрастно, чем эти пошлые, у всех уже на зубах навязшие Странники, дурно-романтические и банально-легендарные...

— Подожди, не кипятись,— сказал Кикин.— Я, собственно, и не собирался твоих Странников отрицать. Пусть будут Странники, ладно. Я тебе не об этом толкую! Ладно, пусть Странники вмешиваются в нашу жизнь. Почему это плохо — вот о чем я тебя спрашиваю. Почему вы из них жупел делаете, вот чего я понять не могу. И никто этого не понимает! Потому что ребенок сегодня знает, что сверхразум — это добро!..

— Сверхразум это сверхдобро,— сказал Тойво.

— Ну? Тем более!

— Нет,— сказал Тойво.— Тут уж ты меня извини. Что такое добро — мы знаем, да и то не очень твердо. А вот что такое сверхдобро!..

Кикин ударил себя обоими кулаками по голове.

— Не понимаю! Уму непостижимо! Может быть, ты знаешь какие-то факты, которые мне недоступны... Так расскажи тогда! Объясни, втолкуй! Откуда у вас эта презумпция угрозы?

— Ты неправильно понимаешь нашу установку,— произнес Тойво уже с раздражением.— Никто не считает, что Странники хотят

причинить землянам зло. Это действительно чрезвычайно маловероятно. Другое страшно! Страшно, если они хотят творить здесь добро, как ОНИ его понимают...

— Добро — всегда добро,— сказал Кикин, впрочем, скорее по инерции.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так. Я был Прогрессором всего два года, я нес добро, и никто и нигде меня не ненавидел так, как мои подопечные... Впрочем, это банальность, ты и сам это знаешь. Ты мне лучше скажи, Кикин, что ты ко мне пристал? Остроты твои, шуточки твои дубовые... Я тебе что — мешаю жить? Работать тебе мешаю? Ракопауков хочешь в дегустаторы определить — валяй! Благодарные едоки тебе спасибо скажут. Но от меня отстань. Я усталый, недобрый, озабоченный человек, взваливший на себя груз неописуемой ответственности, у меня синдром Сикорски, я психопат, я всех подозреваю, я никого не люблю, я урод, я мученик, я мономан, меня надо беречь, проникнуться надо сочувствием ко мне, как вот Аська прониклась... Ходить вокруг меня на цыпочках, целовать в плечико и услаждать анекдотами...

— Постой! — заорал Кикин.— Ты мне скажи, есть у вас хоть один достоверный факт вмешательства Странников в наши дела? Хоть один! Только честно!

— А зачем тебе? — спросил Тойво.— Что ты будешь с этим делать?

Несколько секунд Кикин смотрел на него.

— Нет у тебя никаких фактов,— сказал он наконец.— Бездельник ты. Елки-палки! И эти люди называют меня мотыльком!

Второй вариант. С. 59—61:

Глава пятая

В 17 часов Тойво отложил в сторону «Вертикальный прогресс» (сочинение анонимного З. Оксовью) и вызвал на терминал свою программу. Сбор информации закончился, программа уже считала. Тойво принялся прибирать стол. Сандро так и не появился, стол его был пуст и безукоризненно чист. Прибравшись, Тойво постоял у окна, бездумно глядя в небо. В поле зрения его величественно вполз и завис над окутанными зеленью крышами Облачный Город. Тойво поморщился и вернулся к столу.

Гриша Серосовин вошел по обыкновению без стука, остановился на пороге и спросил:

— Можно к тебе?

— Можно. Только я сейчас ухожу домой.

— А где Сандро?

— Это я тебя спрошу: где Сандро? Его третий день уже нет.

Гриша легко сел за стол Сандро и задрал ногу на ногу.

— А сам ты где пропадал с утра? — спросил он.

— В Малой Пеше.

Гриша весь наморщился, вспоминая.

— Малая Пеша... Малая Пеша... Позволь, это где-то на Севере... А! Нижняя Пеша! Неужели Флеминг опять что-нибудь натворил?

Тойво постучал пальцами по столу, потом пожал плечами.

— Непонятно,— сказал он.— Может быть, и Флеминг. Буду разбираться.

Гриша помолчал, ожидая продолжения, не дождался и сказал решительно:

— Наверняка Флеминг. Этот дьявол ничего не боится, все ему как с гуся вода. Я помню, лет восемь назад... тебя еще не было у нас... нет, семь... мы его поймали на изготовлении агрессивной квазибиомассы. Он потом клялся, что это у него-де промежуточный продукт какого-то цикла, но факт был фактом — какая-то растяпа у него в Нижней Пеше выпустила этот самый промежуточный продукт прямо в бухту... то ли выпустила, то ли упустила, а может и запустила, но, во-первых, там устричные отмели погибли, а во-вторых, пока эту дрянь вылавливали и уничтожали, двое из его же флеминговских ребят здорово покалечились... И ты представь себе, Тойво: ведь мы его за руку поймали, явное и злостное нарушение закона, он и сам не отрицал, что закон нарушен, до Европейского Совета дошло дело, а кончилось ничем. Отболтался дьявол. Пригрозили только в следующий раз отнять лицензию... Ты меня слушаешь?

Тойво несколько раз кивнул.

— Да,— сказал он.

— Знаешь, какой у тебя вид?

— Знаю,— сказал Тойво.— У меня вид человека, который напряженно думает о чем-то своем. Ты мне уже говорил это. Несколько раз. Штамп.

— Нет,— возразил Гриша с торжеством.— На этот раз у тебя вид человека, недовольного своим начальством.

Некоторое время Тойво молча смотрел на дисплей.

— Это шутка? — осведомился он.

— Да, сэр! — вскричал Гриша, изображая испуг.— Разумеется, сэр!

— Очень рад за вас, сэр,— сказал Тойво.

Гриша хохотнул и поменял местами скрещенные ноги.

— Хотя я заметил,— произнес он,— что особенно сонный и отсутствующий вид бывает у тебя именно после собеседований с Торой. Или это случайные совпадения?

Тойво, склонив голову к правому плечу, неторопливо оглядел Гришу от светлого его и плотного бобрика над загорелым гладким лбом и до кончиков неописуемо элегантных мокасин скользящего хода и проговорил:

— А я тоже заметил, что когда ты выходишь от Торы, вид у тебя не самый жизнерадостный. Или это случайные совпадения?

Второй вариант. С. 64—76:

— Я надеюсь, что это все-таки НЕ они,— сказал наконец он.

— То есть, если это все-таки они,— немедленно подхватил Гриша,— ты просто не знаешь, что делать. Так?

Тойво повернулся к нему.

— Извини, Гриша, но мне и в самом деле нечего добавить к тому, что я уже сказал.

Гриша смотрел на него, приоткрыв рот.

— Неужели ты относишься к этому настолько серьезно? — спросил он с изумлением.

— Да. Настолько. А ты?

Гриша закряхтел, осторожно взял себя за кончик носа и морщась проделал им несколько круговых движений.

— Хочешь — честно? — произнес он.— Я не могу позволить себе относиться к этому серьезно. Относиться к этому серьезно — значит, пожертвовать всем, что у тебя есть, от всего отказаться. Мне этого просто не потянуть. По крайней мере, сейчас я к этому не готов... Да и кто готов? На тебя я смотрю с некоторым, знаешь ли, жалостливым восхищением. На всей Земле ты, наверное, один та-

кой, после Сикорски, кто уверовал в то, что Странники вмешиваются в нашу жизнь... Может быть, ты сам не понимаешь, что это значит? Ведь такая вера — это не твое личное дело: я-де верю, а вы — как угодно! Во-первых, ты тогда обязан всех заставить тоже поверить, это твой долг... Во-вторых, ты должен первым из всех ответить на вопрос: что же в таком положении делать? А уж это задача, которая заберет у тебя всю жизнь без остатка, не оставит тебе ничего... Или, может, я все это излишне драматизирую?

Тойво отбил пальцами несколько беспорядочных тактов по столу и проговорил:

— Может быть. А может быть, и не очень.

— Ну так вот, я на это не годен,— решительно сказал Гриша.— Жизнь слишком многовариантна, и слишком жалко вколачивать ее во что-нибудь одно. Мне — жалко. Вот я и норовлю отшутиться... Хотя, конечно, иногда мне становится стыдно и страшно, и тогда я смотрю на тебя с особенным восхищением...

— Ну и зря,— сказал Тойво.— Восхищаться нечем. Я ведь и сам никак не решусь окончательно закабалить себя в это дело. К сожалению, я далеко не Сикорски...— Он вернулся к столу и сел, и посмотрел на Гришу.— Мне скептики мешают. Остроумцы.

— Плюнь,— сказал Гриша, и совершенно непонятно было, говорит он серьезно или развлекается.— Никого не слушай. Одного себя слушай. И шефа.

— А тебя?

— Меня не обязательно. Хотя все-таки прислушивайся. Я тебя буду предупреждать, когда ко мне надо прислушиваться.

Он хотел сказать еще что-то, что-то легкое, что смазало бы ощущение неловкой интимности, возникшее у обоих в последние минуты, но тут пропел сигнал окончания программы, и на стол короткими толчками поползла лента с результатами. Тойво просмотрел ее всю строчку за строчкой, аккуратно сложил по сгибам и сунул в щель накопителя.

— Ничего интересного? — спросил Гриша сочувственно.

— Да как тебе сказать...— промямлил Тойво. На этот раз он действительно напряженно думал о другом.— Снова весна восемьдесят первого...

— Что именно — снова?

Тойво прошелся кончиками пальцев по сенсорам терминала, запуская очередной цикл программ.

— В марте восемьдесят первого года впервые после почти двухсотлетнего перерыва зафиксирован случай массового самоубийства серых китов.

— Так,— нетерпеливо сказал Гриша.— А в каком смысле «снова»?

Тойво поднялся.

— Пошли домой,— сказал он.— Долго все это рассказывать. Потом отчет почитаешь.

Глава шестая

Тойво обедал. Ася не признавала заказных обедов. Обеды она готовила всегда сама. Так было принято в доме ее матери. Так было принято в доме ее бабушки. Эта восхищавшая Тойво традиция уходила в семье Стасовых в глубь веков, в те невообразимые времена, когда еще не существовало эмбриокулинарии и обыкновенную котлету приходилось изготавливать посредством сложнейших, очень неаппетитных процедур, а о таком блюде, как розовый пасифунчик, и не слыхивали.

— Значит, все в порядке? — спросил Тойво, отправляя в рот очередной розовый ломтик.

— Ну как же в порядке? — сказала Ася грустно.— Ну неужели ты не чувствуешь?

Тойво отправил в рот следующий ломтик.

— М-м-м! — воскликнул он.— Божественно!

Ася молча отстранила его руки от холдера, отщипнула палочками розовую ворсистую крошку и поднесла к вздернутому своему носу. Лицо ее сделалось суровым, веки опустились. Тойво оробело глядел на нее.

— Нет уж, Той,— сказала она очень решительно.— Я не позволяю.

Она потянула было от Тойво холдер, но не на таковского напала,— Тойво одной рукой, как краб, вцепился в холдер, а другой рукой принялся быстро отправлять в рот оставшиеся пасифунчики. При этом он рычал, взлаивал и делал вид, что хочет укусить. Наконец Ася отпустила холдер, шлепнула его ладонью по темени и сказала:

— Диву просто даешься — на таких как ты смотреть!

Тойво оскалил зубы и произнес:

— Англ-р-р-р!..

— Прогорклость на последнем доступном градусе! — продолжала Ася.— А такие, как ты, ничего не замечают! Вкусовой запах вообще уже из другого класса! А таким, как ты, только бы челюстями молоть!

— Позволь! — сказал Тойво.— Но ведь продукт вполне доброкачественный! Чего вы там у себя теоретизируете? Разве мы жалуемся?

— Вы! — сказала Ася с неописуемым презрением.— Вас можно отрубями кормить! В ы не жалуетесь! Конечно, Совет экспертов допускает его в сеть семью голосами против шести... Конечно, если Бруно считает такой продукт доброкачественным, то о таких, как ты, и речи быть не может!

— А на самом деле? — спросил Тойво вкрадчиво.

— А на самом деле они становятся хуже с каждым днем! Магистр сегодня не то что пробовать — смотреть на них отказался!

— Так то Магистр,— сказал Тойво примирительно.

— Работу надо делать либо хорошо,— сказала Ася,— либо ее менять.

— Аська,— сказал Тойво.— Ну ей-богу же вкусно.

Ася молча махнула рукой и принялась убирать со стола.

— Это подумать только! — воскликнул Тойво.— Ведь в школе я всерьез мечтал стать дегустатором, не каким-то там задрипанным гастрономом вроде некоторых...— Он посмотрел на Асю выразительно.— А настоящим великим дегустатором. Как отец! Представляешь, я бы сейчас сидел у тебя в лаборатории, ты бы суетливо вскрывала для меня пасифунчики и почтительно подносила бы к моему высокопрофессиональному носу, а я бы только ноздрями шевелил и говорил бы тебе... нет, не говорил бы, конечно, а блеял бы этак высокопрофессионально: «Вкусовой запах у вас класса Сигма, а стагнация, золотко мое, вот уже в третьем градусе...»

Ася захохотала, а Тойво, очень довольный, ударил в ладоши, помыл руки воздухом и повторил:

— «В третьем градусе, голубка моя! Отрава!» А ты при этом смущенно потупляла бы глазки и лепетала: «Да, Магистр. Яволь. Натюрлихь...»

Ася распахнула окно, села на подоконник и стала глядеть вниз, в двухкилометровую сине-зеленую пропасть.

— Да, это было бы здорово,— продолжал Тойво.— Но отец вовремя сказал мне с жестокостью фанатика: «Какой из тебя дегустатор? Ты — едок!»

Он заложил руки за голову и откинулся на спинку кресла.

— И отец был прав. Дегустатор я никакой, а едок — вполне на уровне эпохи. Никто не жалуется.

— Я боюсь, что мне придется лететь на Пандору,— сказала Ася задумчиво-деловым голосом.

— Надолго? — сейчас же спросил Тойво.

— Не знаю. Может быть, и надолго.

— А зачем, собственно? — спросил Тойво осторожно.

— Ты понимаешь, в чем дело... Магистр считает, что здесь у нас проверили все, что возможно. Значит, не в порядке что-то на плантациях. Может быть, пошел новый штамм... а может быть, что-то происходит при транспортировке...

— Ты уже один раз летала на Пандору,— сказал Тойво, помрачнев.— И сидела там полгода...

— Ну что же делать...

Тойво поскреб пальцем щеку, покряхтел и сказал:

— Не знаю я, что делать... Я знаю, что полгода без тебя — это ужасно.

— А два года без меня? Когда ты сидел на Гиганде?

— Ну, вспомнила! Когда это было! Я был тогда молодой, я был тогда дурак... Я тогда был Прогрессор! Железный человек! Нервы, мышцы, маска, челюсть!.. А может, не полетишь? Пусть твоя Соня летит, она молодая, глупая... Красоточка, замуж там выйдет, а?

— Соня, наверное, тоже полетит,— сказала Ася.— А других идей у тебя нет?

— Есть. Пусть летит Магистр. Он эту кашу заварил, он пусть и летит.

Ася только посмотрела на него.

— Магистр? На Пандору?

— Беру свои слова назад,— быстро сказал Тойво.— Ошибка. Просчет.

— Да ему Свердловск нельзя покидать! Он за городом четверть века не был!

— Учту! — тарахтел Тойво.— Не повторится! Сморозил! Пусть летит Бруно.

Ася еще некоторое время жгла его негодующим взглядом, а потом снова стала смотреть в окно.

— А Бруно-то здесь при чем? Бруно вроде тебя. Ему этот новый букет даже нравится... помойка эта... Я-то думала, ты другое предложишь! — Она снова стала смотреть на Тойво.— Ага! Помрачнел! А еще ноешь: «Полгода... Без тебя...»

Тойво поднялся, пересек комнату и сел у ног Аси на пол, положив голову ей на колени.

— Тебе все равно в отпуск пора,— продолжала Ася.— Ты бы там поохотился, съездил бы в Дюны, плантации бы наши посмотрел... Ты ведь даже представить себе не можешь, что это такое — наши П-плантации!

Тойво молчал и только все крепче прижимался щекой к ее коленям. Тогда она тоже замолчала, и некоторое время они не говорили, а потом Ася спросила:

— У тебя что-то происходит?

— Почему ты так решила?

— Не знаю. Вижу.

Тойво глубоко вздохнул, поднялся с пола и тоже сел на подоконник.

— Правильно видишь,— угрюмо произнес он.— Правда, еще ничего не произошло, но я боюсь, что вот-вот произойдет.

— Что?

Тойво прищурясь разглядывал черные полосы облаков, перерезающие медно-багровое зарево заката. Сизо-черные нагромождения лесов у горизонта. Тонкие черные вертикали тысячеэтажников, встопорщенные гроздьями кварталов. Медно отсвечивающий, исполинский ячеистый купол Форума слева и неправдоподобно гладкая поверхность круглого Моря справа. И черные попискивающие дротики стрижей, срывающиеся из висячего сада этажом выше и исчезающие в листве висячего сада двумя этажами ниже.

— Что произойдет? — повторила Ася.

— Я боюсь, что количество у меня вот-вот перейдет в качество.

— Все-таки ты решил с ним поссориться,— сказала Ася.

— С кем? — Тойво поглядел на нее удивленно.

— Не надо, не притворяйся. Я этого давно жду. Я никогда не могла понять, что ты против него имеешь, но я всегда это чувствовала... И я никогда не понимала, как ты можешь работать с чело-

веком, которого не любишь... Подожди, дай уж я договорю, раз уж мы начали говорить об этом! Я не знаю, чего ты с ним не поделил, это не мое дело, хотя я никогда не понимала, как можно не поделить что угодно с таким человеком, как Максим Каммерер. Я тебя много раз спрашивала, и каждый раз ты более или менее ловко уклонялся от ответа. И пускай. Это не мое дело. Но если ты наконец решился идти на разрыв, то очень хорошо. Нельзя работать с человеком, который тебе антипатичен. Это дурно, это дурной поступок. Так что можешь себя не мучить.

— Вот тебе и на-а-а! — протянул Тойво, растерянно улыбаясь.— А я-то льстил себя надеждой, что умею владеть собой! Неужели это так заметно?

— Что ты не любишь своего шефа? Еще бы! Он к тебе всей душой, а ты ему — фр-р-р-р! Я и видела-то вас вместе всего раз десять, но этого было вполне достаточно... Я знаю, откуда это у тебя. Это Майя Тойвовна тебя настроила!

— Ну уж прямо!..— произнес Тойво неуклюже.

— Да у нее губы белеют, когда она о нем говорит, я сама видела, своими глазами!

— Да,— сказал Тойво.— Это верно, мама его не любит. И ты знаешь, представления не имею — почему. Насколько мне известно, они и не встречались-то с ним ни разу. Единственное, что у них общего, это то, что когда-то несколько лет они работали здесь, в Свердловске. Мама тогда была сотрудником Музея Внеземных Культур — знаешь, на Площади Звезды... Потом она заболела, уехала отсюда, и теперь ее в Свердловск калачом не заманишь. Я ее раз спросил: в чем дело? И она ответила мне примерно так: «С этим человеком у меня связаны самые неприятные воспоминания, хотя лично мне он ничего плохого не сделал. Он выполнял свой долг, как он это понимал». Странно, правда?

— А он? — спросила Ася.

— Что — он?

— Он никогда с тобой не говорил о Майе Тойвовне?

— Нет, конечно. Но ты правильно говоришь: относился он ко мне всегда очень хорошо. Может быть, даже незаслуженно хорошо.

— То есть он чувствует свою вину перед мамой и старается ее загладить, ты так думаешь?

— Не знаю... не уверен. Тора не похож на человека, который чувствует себя перед кем-либо виноватым. Он, знаешь ли, из тех, кто не ошибается. Потому и жив.

Ася сказала с горечью:

— Ты бы послушал себя со стороны! С какой болезненной неприязнью ты о нем говоришь...

— Да, наверное,— сказал Тойво.— Тут все дело в том, что он — настоящий Прогрессор.

— Какой он Прогрессор? — вскричала Ася.— Что ты говоришь?

— Он — настоящий Прогрессор, высокого класса, профессионал! Мы все не любим Прогрессоров, но ВЫ представления ведь не имеете, что такое Прогрессор! Для вас это без пяти минут убийца, костолом, живущий среди зверей и поэтому сам почти зверь. Это все верно, в пиковые моменты он таков, деваться некуда. Но вам и в голову не приходит, что самое страшное в Прогрессоре совсем не это. Настоящий профессиональный Прогрессор — это прежде всего мастер лжи! Ложь — это непременное условие его существования, если он не лжет, не лицемерит каждую минуту, каждым словом, каждым жестом, он погиб.

— Но это же там, только там!

— Верно. Но ты сама подумай — вариться в кровавой каше несколько лет, а то и десятки лет, и вернуться на Землю таким же, каким ушел! Они же ведь не роботы! Каждый ловкий финт, каждая удачная интрига, каждый изящный выверт — они же тебя радуют, ты же ими гордишься, и навсегда остается в душе маленькая сладостная царапинка, которую ты будешь лелеять и здесь до самой смерти...

— А как же рекондиция?

— Всякая деформация остаточна,— сказал Тойво жестко.— Проходила в школе? Так это про них.

Ася, закусив губу, смотрела на него.

— И Сандро тоже?

— Тоже. Спроси его, он, наверное, с удовольствием расскажет тебе о кое-каких своих шалостях. Уверяю тебя, несмотря на изысканнейшую форму изложения, ты будешь несколько шокирована, а он, повторяю, будет рассказывать с удовольствием... Ты вот это постарайся понять: с удовольствием!

— Нет,— решительно сказала Ася.— Не верю.

— И слава богу,— сказал Тойво.

— Но ты же его любишь, я знаю!

— Люблю,— согласился Тойво.

— Сандро любишь, а Максима не любишь? Не понимаю.

Они надолго замолчали. Стемнело. Тойво смотрел, как внизу сквозь густую листву садов, сквозь сизоватые сумерки засветились разноцветные огоньки. И искрами огней обсыпались черные столбы тысячеэтажников.

— Ну, хорошо,— сказала наконец Ася.— Но Максим-то здесь при чем? Он же никогда не был Прогрессором... Во всяком случае, в нынешнем смысле этого слова...

— Понимаешь,— сказал Тойво,— это все очень неточные слова — люблю, не люблю... Не обращай внимания, я просто погорячился. По всем человеческим меркам, Тора — человек замечательный. Более того, это живая легенда. В обоих КОМКОНах спроси любого мальчишку. «Легендарный Мак Сим! Непревзойденный Белый Ферзь! Организатор операции «Тигр», после которой сам Президент стал звать его Тора...» Меня еще на свете не было, а он на Саракше подрывал лучевые башни и дрался с фашистами... Я был еще школьником, а он проник в Островную Империю, в их столицу, первый из землян... да и последний, кажется... Так что он, конечно же, Прогрессор в самом современном смысле этого слова. Но, несмотря на это, он даже у меня не может не вызывать восхищения. Я же все вижу. Он дьявольски умен, он добр, он обаятелен, и очень понятно, почему ты влюбилась в него по уши... И в то же время!

Тойво спрыгнул с подоконника и прошелся по комнате.

— В то же время я никогда не знаю, говорит он мне правду или лжет. Если у него есть выбор — сказать правду или солгать, он солжет. Он текучий как мираж. Он разговаривает со мной тэт-а-тэт — это один человек. Он разговаривает со мной и с Сандро вместе — это другой человек. Он рассказывает тебе анекдоты — это третий человек... Какой он на самом деле? Не знаю. И никто не знает. Сам-то он знает ли, какой он на самом деле? Он дает мне задание, а я никогда не могу быть уверен, что от меня требуется сделать то, что мне приказано сделать. Сплошь и рядом оказывается, что на самом-то деле требовалось сделать нечто совсем другое, но так, чтобы я это другое сделал, сам об этом не подозревая... Ч-черт, я тол-

ком даже не могу это сформулировать... Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю,— сказала Ася.— Одного я не понимаю: как же ты мог так долго его терпеть?

Тойво остановился перед нею, уперев кулаки в бока.

— Да с чего ты, собственно, взяла, что я собираюсь с ним расставаться? Отношение у меня к нему сложное, неоднозначное,— ну и что же? Мы не в школе, мы не в гастрономической лаборатории, мы не можем позволить себе строить отношения по принципу «обожаю-ненавижу»! Мы в особом положении! Мне идти некуда. А если я все-таки уйду, на мое место шефу брать некого. Тут не очень-то раскапризничаешься... Ты вот что пойми, Аська! Он же уникален, мой шеф! Он единственный, кто чувствует угрозу... нет, даже не чувствует,— допускает ее! Ты, Аська, гастроном, ты не представляешь даже, в каком благодушном мире ты живешь, ты воображаешь, что так все и должно быть и пребудет вовеки... Ведь кругом же цветут благодушные улыбки, со всех сторон совершаются благорасположенные похлопывания по плечу, и рокочут благостные баритоны: «Ну, что вы, молодой человек... Ну, что у вас за воображение... Ну, стоит ли так драматизировать...» И только один мой шеф понимает положение, да еще горсточка таких же, как я, в сущности молокососов... Конечно, мне с ним трудно. Но работать, между прочим, вообще трудно, это вы тоже порядком подзабыли, товарищи гастрономы-астрономы-биоконструкторы!.. А что он до мозга костей Прогрессор со всеми онерами — ложь, лицемерие, притворство и что там еще,— так вот он мне сказал когда-то, я на всю жизнь запомнил: «Прогрессора одолеть может только Прогрессор». Умри, Максим, лучше не скажешь...

Тойво замолчал, включил верхний свет и повалился на диван в углу.

— Вот как обстоят дела, жена моя. А вовсе не так, как ты себе вообразила.

Ася робко сказала:

— Но ведь это ужасно, если это на самом деле так...

Тойво закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла.

— Что именно ужасно, Аська?

— Да то, что вас никто не слушает! — сказала Ася, заводясь.— Это же возмутительно! Вы ведь не для собственного развлечения

этим занимаетесь! Так работать, как вы, и никто не обращает внимания! Хочешь, я напишу Комову?

— Не хочу,— сказал Тойво, не открывая глаз.— Чаю я хочу.

— Надо написать Комову,— продолжала Ася,— что группа Каммерера из КОМКОНа-2 уже не первый год разрабатывает гипотезу о тайной деятельности на нашей планете так называемых Странников, что в силу непонятных причин группа Каммерера встречает со стороны руководства и широкой общественности поразительное противодействие...

— Не было противодействия,— сказал Тойво.

— Ну, не противодействие... Недоброжелательство...

— Не было недоброжелательства,— сказал Тойво.

— Хорошо! Равнодушие! Поразительное равнодушие!

— Ну какое же равнодушие! — сказал Тойво.— Фильм «Сватовство Странника» — видела? А говоришь — равнодушие. Игра недавно появилась настенная, «Поймай Странника», знаешь? Каждый может попробовать поймать Странника. Я не говорю уже о лекциях, брошюрах, монографиях, романах, рецензиях на романы, рецензиях на рецензии... Школьники играют в Странников... А вот то, что чаю человеку не дают,— вот это действительно равнодушие. Именно поразительное равнодушие.

Ася соскочила с подоконника и, не сказав ни слова, ушла творить чай. Тойво, открыв глаза, смотрел в белый потолок. Из окна на грани слышимости доносилось зуденье какого-то экзотического музыкального инструмента. Огромная бабочка вдруг влетела, сделала круг над столом и уселась на экран визора, распластав мохнатые черные с серым узором крылья. Тойво, не поднимаясь, потянулся к пульту сервиса, не дотянулся и уронил руку.

Ася вошла с подносом, разлила чай и села рядом.

— Смотри,— шепотом сказал Тойво, указывая ей глазами на бабочку.

— Здорово как,— отозвалась Ася тоже шепотом.

— Может быть, она захочет с нами тут пожить? — сказал Тойво.

— Нет, не захочет.

— А почему? Помнишь, у Казарянов жила стрекоза?

— Она не жила,— возразила Ася.— Она так, погашивала.

— Вот пусть и эта погостит. Мы будем звать ее Марфа.

— Почему — Марфа?

— А как?

— Сцинтия,— сказала Ася.

— Нет,— сказал Тойво решительно.— Марфа. Марфа Посадница. А экран будет у нас Посадник.

— Тойво,— сказала Ася.— А вот как же тогда...— Она замолчала.

— Что?

Она нерешительно посмотрела на него, уголки губ ее опустились.

— Спрашивай, спрашивай,— сказал Тойво.— Смелей.

— Ты ведь тоже был Прогрессором,— сказала Ася.— Два года... или даже три... там...

— Два. На Гиганде. Есть такой очаровательный уголок во Вселенной...

— Подожди,— сказала она.— Ты сегодня сказал очень страшные слова. Ты сказал, что всякая деформация остаточна. Это неправда?

— Это правда,— сказал Тойво.— Но видишь ли, я оказался никуда не годным Прогрессором. Неспособным. Бесталанным. Я так и не сумел превратиться. Но след все равно остался. Знаешь какой? Вы все, нормальные люди, не приемлете ложь, отвергаете ее, но делаете это теоретически. Вы и сами никогда не лжете, и вам никто никогда не лжет. Для вас ложь — понятие почти абстрактное, что-то вроде воровства. А я ложь ненавижу! Для меня это нечто конкретное. Как конкретный ненавистный человек.

Он взял стакан в обе руки, поднес ко рту и, не отхлебнув, поставил на поднос.

— Нет, этого не объяснить. Что такое ненависть — ты тоже не знаешь.

Второй вариант, с. 105—109:

КОМКОН-2, Каммереру.
Флеминг.

Максим!

О происшествии в Малой Пеше мне известно все. Дело на мой взгляд невероятное. Твои ребята поставили очень точно вопросы, на которые следует ответить. Этим и занимаюсь, оставивши все прочие дела. Когда что-нибудь прояснится, обязательно дам знать.

Флеминг

Нижняя Пеша, 7 мая.

ПС: А может быть, ты уже выяснил что-нибудь по своим каналам? Если да, то сообщи немедленно. В течение ближайшей недели я все время в Ниж. Пеше.

ППС: Неужели все-таки Странники? Ах, черт, как бы это было здорово!

Глава восьмая

— Любопытно,— сказал Тора с одобрением.— А ты приметлив, паренек! Глазок-смотрок! — Он улыбнулся, но как-то невесело.— Ну что ж, у тебя, конечно, и версия наготове. Излагай.

Тойво глянул на его гладкую смуглую маску, на приятно приподнятые уголки губ, глянул в приветливо прищуренные ореховые глаза, помолчал и спросил:

— Окончательный вывод или логику?

— Логику, пожалуйста,— сказал Тора и откинулся на спинку кресла.

Тойво начал:

— Проще всего было бы предположить, что имена Альбины и Кира сообщил в Институт какой-нибудь энтузиаст метапсихологии. Если он был свидетелем событий в Малой Пеше или хотя бы знал о них понаслышке, его могла поразить аномальность реакции этих двоих, и он сообщил о своем наблюдении компетентным лицам. Я прикинул: по крайней мере трое могли это сделать. Базиль Неверов, аварийщик, мы работали вместе, Олег Панкратов и его жена Зося Лядова. Эти своими глазами ничего не видели, но случилось так, что я сам им обо всем рассказал. Я не рискнул разговаривать с ними без вашего разрешения, хотя считаю вполне возможным выяснить прямо у них, давали они информацию в Институт или нет.

— Есть более простой способ выяснить, кто давал информацию,— заметил Тора, глядя в потолок.

— Да. По индексу. Я тоже думаю, что это код источника информации... Но я хотел бы навести вас на совсем другую идею, Тора. Если это доброхот-энтузиаст, все разъяснится, и об этом можно будет больше не думать. А сейчас, по-моему, необходимо рассмотреть совсем другой вариант. А именно: никаких доброхотов-энтузиастов не было, это не случайность, и тогда приходится предпо-

ложить, что между происшествием в Малой Пеше и Институтом имеет место связь причинная.

Тойво замолчал, ожидая реакции. Тора лениво произнес, глядя в потолок:

— А не лучше ли было бы отработать до конца наиболее вероятную версию?

— Нет! — резко ответил Тойво.— Если вы спрашиваете моего мнения — нет! Базиль в командировке на Яйле. Панкратовых в Малой Пеше нет, и где они — неизвестно. Всех их пришлось бы искать и с каждым еще беседовать, это минимум два дня...

— Значит, если бы они оказались на месте, ты бы все-таки рискнул с ними поговорить? Даже без разрешения?

Некоторое время Тойво внимательно рассматривал суставы своих пальцев — сначала на левой руке, затем на правой.

— Тора,— сказал он мягко.— Мне нужно всего пять минут для изложения своей версии. Даже три. Вы разрешите?

— Извини,— сказал Тора.— Конечно. Прошу.

— Благодарю вас,— сказал Тойво, слегка поклонившись.— Итак, предположим, что между Институтом и происшествием в Малой Пеше существует причинная связь. А именно: в Малой Пеше производится некий психологический эксперимент, имеющий целью отсортировать, скажем, нормальных людей от необычных, чтобы в дальнейшем исследовать людей, оказавшихся необычными, на предмет установления у них, скажем, «чудаковатости». Такая постановка вопроса не должна удивлять нас, потому что вот уже много лет мы сталкиваемся с ЧП, которые можно трактовать, как чьи-то сортирующие эксперименты... Но в таком случае — одно из двух. Либо Институт Чудаков — это обычный земной исследовательский институт, руководимый обычными земными учеными и ставящий пусть весьма сомнительные в этическом отношении, но направленные в конечном счете на пользу Земли эксперименты. Тогда непонятно, откуда в их распоряжении оказалась технология, далеко превосходящая даже перспективные возможности нашей земной эмбриомеханики. Либо эксперимент в Малой Пеше, как мы и предположили вначале, организован внеземлянами, далеко обогнавшими нас в области технологии, но тогда в каком свете предстает перед нами Институт Чудаков?

Тойво сделал паузу и заставил себя поглядеть на Тору. Тот полулежал в кресле, закинув голову, и глаз его не было видно.

— Мы тогда с неизбежностью приходим к выводу,— сказал Тойво,— что этот Институт никакой на самом деле не институт, и «чудаки» тамошние — никакие на самом деле не «чудаки», и персонал там на самом деле занимается вовсе не метапсихологией!

— А чем же? — Тора уже сидел.— Чем же они там занимаются, и кто они такие?

— То есть вы опять считаете мои рассуждения неубедительными? Так?

— Напротив, мой мальчик,— сказал Тора.— Напротив! Они слишком убедительны, эти твои рассуждения! Но я хотел бы, чтобы ты сформулировал свою идею прямо и недвусмысленно, как в рапорте!

— Пожалуйста,— сказал Тойво.— Так называемый Институт Чудаков является на самом деле орудием Странников для сортировки людей по Бромбергу. Все.

— И следовательно,— произнес Тора,— Даня Логовенко, которого я знаю с незапамятных...

— Нет,— прервал его Тойво.— Это было бы слишком фантастично, если бы Странники прятались в обличье людей. Но почему не предположить... А почему бы не предположить, что ваш Даня Логовенко уже давным-давно отсортирован? Или давнее его знакомство с вами его от этого гарантирует? Отсортирован и работает на Странников. Как и весь персонал Института. Не говоря уже о «чудаках»!

Тора молчал.

— Они по крайней мере двадцать лет занимаются сортировкой,— продолжал Тойво.— Когда их избранников стало достаточно много, они организовали Институт, поставили там эти психоанализаторы и под предлогом поиска «чудаков» прогоняют через эти анализаторы по десять тысяч человек в год... И ведь мы еще не знаем, сколько на планете таких заведений под разными вывесками!

Тора молчал.

— И Колдун убежал из Института и вообще с Земли вовсе не потому, что его обидели или у него заболел живот. Он почуял здесь Странников! «Когда слепые увидят зрячего» — это про нас с вами. «Видим горы и леса и не видим ничего» — это тоже про нас с вами, Тора.

Тора молчал.

— Одним словом,— тихо произнес Тойво,— мы, кажется, впервые в истории человечества можем поймать Странников за руку.

— Да! — произнес наконец Тора.— Да. И все это началось с двух имен, которые ты случайно заметил на дисплее!.. Кстати, ты уверен, что это была случайность?

Тойво выпрямился в кресле. Лицо его пошло красными пятнами.

— Хорошо, хорошо,— поспешно сказал Тора.— Не будем об этом говорить. Что ты предлагаешь?

Тойво снова ушел в кресло.

— Нам надо получить возможность,— мрачно сказал он,— поговорить с директором Института... или с вашим Логовенко вплотную.

— То есть? — Тора высоко поднял брови.

— Я просто не вижу другого выхода,— сказал Тойво, не поднимая глаз.— Принудительное ментоскопирование... а может быть, даже скрытое ментонаблюдение, потому что мы не знаем их возможностей в этом плане... Хотя если они станут блокировать память, это уже само по себе будет многое означать.

Под пристальным взглядом Торы он замолчал.

— Ты до такой степени их боишься? — спросил Тора.

— Нет. Я их не боюсь. Но они мне отвратительны. Я не желаю терпеть их на своей Земле.

— А если они пришли с добром?

— Я не верю в добро по секрету. С добром приходят открыто.

— А если это добро не для всех?

— Тогда это не добро, а зло.

— Так! — сказал Тора новым голосом, и Тойво привычно подтянулся.— Тебе предстоит большая работа. Разыщи и подготовь для меня списки следующих людей. Первое: лиц, у которых был отмечен «синдром пингвина», и в особенности лиц с инверсией «синдрома пингвина». Второе: лиц, не прошедших фукамизацию...

— Это больше миллиона человек,— сказал Тойво, не удержавшись.

— Нет, я имею в виду лиц, отказавшихся от прививки зрелости. Это двадцать тысяч человек. Придется поработать, но мы должны быть во всеоружии. Третье. Собери все наши данные о пропавших без вести и сведи в один список.

— В том числе тех, кто потом нашелся?

— В особенности тех, кто потом нашелся. Далее. Это ты все-таки <...>

Второй вариант, с. 112—113:

<...> после обморока.

— Ты откуда? — спросил Тойво.

— От Торы...

— Нет... Вообще.

— Возьмешь мой рапорт и прочтешь.

— Что это с тобой, дружище? Ты же весь желтый...

— Пожелтеешь тут с вами...— проворчал Сандро.

Он включил свой терминал, подсоединил пишущее устройство, вытащил из нагрудного кармана регистратор, сунул в ухо горошину воспроизведения и принялся работать.

Некоторое время Тойво открыто наблюдал за ним. И внешний вид, и поведение Сандро поражало до оторопи.

— Сандро,— сказал он наконец.— А не сходить ли тебе в медчасть?

— Может быть,— буркнул Сандро, не поднимая глаз.

— Ну вот и иди! Ты посмотри на себя! Ты же больной совсем...

— Ладно, ладно,— сказал Сандро нетерпеливо.— Сейчас пойду... Все равно надо рапорт закончить...

Тойво покачал головой и вернулся к своим спискам. Постепенно работа увлекла его, он перестал думать о Сандро и замечать его присутствие. Выяснялась любопытная вещь: людей с инверсией «синдрома пингвина» оказалось не так уж мало, как это следовало из отчета доктора Мебиуса. В списке набралось их уже семеро, но беда была в том, что только двое из них были названы полностью по именам, остальные же все были: «больной К., сервомеханик»... «Теодор П., этнолингвист» и тому подобное. Вот и опять: «Сигизмунд З. из Тананариве». Восемь... И пока ни одной женщины. «Сигизмунд З. из Тананариве. Источник: «Доклады АМН (Африка)», XIV, 27, 105. «Относительно психических отклонений при парамантодентозе», К. Радзаунаха...»

В этот момент он почувствовал на себе взгляд Сандро и поднял глаза. Сандро не работал. Сандро смотрел прямо перед собою, но не на Тойво, а сквозь него.

— В чем дело? — осведомился Тойво.

— Который час? — спросил Сандро.

Тойво удивился, но быстро сосредоточился и ответил:

— Двенадцать пятьдесят три.

Сандро кивнул. То ли соглашаясь, то ли благодаря. Выглядел он уже получше, исчезла бледность под загаром, и глаза не казались более тоскливыми и больными.

— Как ты думаешь, бредовые видения следует заносить в рапорт? — спросил он вдруг.

Голос у него был почти веселый, и Тойво немедленно откликнулся:

— Разумеется! Наш Тора всячески поощряет бредосодержащие рапорты...

— Ты меня не понял,— сказал Сандро.— Я не шучу. Мне сейчас не до шуток. Я в самом деле не знаю, обязан я свой бред вносить в рапорт или нет...

— Если серьезно,— возразил Тойво,— то это, знаешь ли, от обстоятельств зависит...

Сандро прервал его.

— Когда я отчитывался перед Торой,— сказал он почти с досадой,— я ничего ему об этом не рассказал. Просто не решился. Не рискнул. Глупо же! А сейчас не знаю...

— Раз не знаешь,— сказал Тойво,— напиши. В худшем случае он позубоскалит. В первый раз, что ли?

— Да нет,— сказал Сандро.— Тут как раз смешного-то ничего и нет.— Он помолчал.— Ты не очень занят сейчас? — спросил он.— Может быть, я тебе сначала расскажу? А потом уж вместе решим, а?

— Ну, расскажи,— сказал Тойво без особой охоты.

И Сандро принялся рассказывать, с трудом подбирая слова, путаясь в подробностях и все время как бы судорожно посмеиваясь над собой.

Сегодня утром он вышел из нуль-кабины курортного местечка Розалия (недалеко от Биаррица), отмахал пяток километров по пустынной каменистой дороге между виноградниками и около десяти часов оказался у цели <...>

Второй вариант, с. 116—117:

— Н-ну, это зависит... Кстати, кто был этот человек, к которому ты направлялся?

Сандро помялся, но все же ответил:

— Это был один из «пропавших без вести»... Из этой группы восьмидесятых годов... из тех, которые потом объявились.

— Ах, вот он кто...— проговорил Тойво медленно.— Понятно...

— Что — понятно? — вскинулся Сандро.

— Да ничего мне не понятно, это я просто так...

Они помолчали. Потом Сандро сказал с горечью:

— Что-то происходит, а мне никто ничего не говорит. Будто я посторонний...

Тойво ничего не сказал на это.

— При чем здесь вообще «пропавшие без вести»? — сказал Сандро.— Почему мы опять должны ими заниматься? Казалось бы, все ясно. Кто вернулся — тех мы давным-давно опросили, проверили и перепроверили... Казалось бы, если уж заниматься, то теми, кто не объявился... Ну что молчишь? Не согласен?

— Согласен,— сказал Тойво.

— Ну?

— Все. Согласен и больше ничего.

— Честное слово,— сказал Сандро.— Понесу вот сейчас рапорт к Торе и все ему выложу, что думаю... Нельзя же вот так, вслепую...

Вспомнив о рапорте, он поник, закряхтел, склонил голову на руку и пробормотал:

— Все-таки как же мне все это изобразить?..

— Сандро,— сказал Тойво.— А ты уверен, что ты ни разу не спускался к этому дому?

— Не уверен... То есть, если рассуждать логически...

Он замолчал и проследил направление взгляда Тойво. Тойво смотрел на его регистратор с видом человека, которому пришла в голову новая идея.

— Да нет,— сказал Сандро.— Я проверил. Там ничего нет. Там вообще ничего нет, словно я сегодня утром забыл его включить.

— М-да,— пробормотал Тойво.— Жалко.

Он заставил себя вернуться к работе. Имена, имена, источники, снова имена...

— Только вот я точно помню, что сегодня утром я его включал,— сказал Сандро.

Второй вариант, с. 140—141:

Глава одиннадцатая

Текст уже кончился, но Тойво еще некоторое время неподвижно смотрел на пустой экран. Потом он выключил проектор и спросил ровным голосом:

— А что было в этих лакунах?

— Браво,— сказал Тора.— Ну и выдержка у тебя, малыш! Когда я понял, что к чему, я полчаса по стенам бегал!

— Так что было в этих лакунах? — повторил Тойво.

— Неизвестно.

— То есть как неизвестно?

— Комов и Горбовский не помнят, что было в лакунах. А восстановить запись абсолютно невозможно. Понимаешь, она даже не стерта, она просто уничтожена. Молекулярная структура в этих участках разрушена.

— Странная манера вести переговоры,— сказал Тойво.

— Придется привыкать,— отозвался Тора.

Некоторое время они молчали. Затем Тойво спросил:

— Ну и что теперь будет?

— Это решит Президиум Мирового Совета. И я им не завидую. Это прекрасные люди, а им предстоит выбрать между двумя аморальностями. Либо повергнуть бедное человечество в психологический шок, либо признать его непригодным для решения серьезных проблем и оставить в блаженно-позорном неведении. И то и другое одинаково мерзостно.

— Есть третий путь,— сказал Тойво.

— Нет третьего пути.

— Есть третий путь. Они с нами не церемонятся.

Переработка текста ВГВ в «повесть в документах» в архиве АБС представлена достаточно широко. Ко второму варианту раннего черновика ВГВ приложен план и его переработка:

Глава I — Тойво, Базиль, Ярыгин — стр. 1
Глава II — Тойво, Базиль, Юрген, Толстов, Кир, Альбина — стр. 11
Глава III — Тойво, Базиль, Панкратов, Лядова — стр. 22
[первые 3 главы обведены скобкой с надписью «отчет» — *С. Б.*]

Глава IV — Тойво, Мак — стр. 28
Глава V — Тойво, Гриша — стр. 59
Глава VI — Тойво, Ася — стр. 66
Глава VII — Тойво, Ася, Кикин — стр. 84
Глава VIII — Тойво, Мак — стр. 105
Глава IX — Тойво, Сандро — стр. 111
Глава X — У Горбовского — стр. 123
Глава XI — Тойво, Мак — стр. 140
Эпилог — стр. 148

6 — М. идет к Атосу
11 — Письмо Атоса, что Комов в курсе
12 — М. идет к Комову
12 — добро на провокацию
13 — Логовенко просит свидания с М.
Не знает по 14.

Есть записи, уточняющие хронологию событий:

пингвин — 15 марта
фукамизация — 20 марта
1) Когда Мака осеняет идея, что мы имеем дело с метагомами 27 марта
2) Когда эта идея подтверждается
3) Когда отправлен Тойво на обследование в ин-т Чудаков — 8 мая
4) Когда получает информацию о причастности Тойво — после 8 мая
5) Максим подсовывает Логовенко раскрыть карты — до 14 мая

Есть и порядок чередования документов в ВГВ:

«О синдроме Пингвина» Р-Д 011/99 — 20 марта — 5 мая 99 — стр. 39 (45 — шапка)
«Фукамифобия» — Р-Д 013/99 — 26 марта — 6 мая 99 — стр. 45
Письмо Бромберга — 3 июня 94 — стр. 77
Письмо Каммерера Президенту — 13 июня 94 — стр. 82
Ответы на запросы Максима — 7 мая 99 — стр. 103

«О пребывании Колдуна» Р-Д 014/99 — 8 мая 99 — стр. 94 (25 марта с. г.)
«О свидетелях в М. Пеше» Р-Д 015/99 — 8 мая 99 — стр. 102
«О Панкратове» Р-Д 016/99 — 10 мая 99 — стр. 110
Рапорт Мтбевари — 12 марта 99 — стр. 117
«Сравнение списков» Р-Д 017/99 — 13 мая 99 — стр. 121
Запись беседы — 14 мая 99 — с. 134
Письмо — 17 мая 99 — стр. 146

Есть перечисление аномалий и заметки Авторов относительно этих аномалий:

Кракен
Колпак
Внезапные гении
Возвращения исчезнувших

Полная, окончательная и одномоментная адаптация человека к биологическим и физическим факторам внешней среды, не выходящим за условия экстремальные.

Два порядка:

1) Биозащита от биоагентов (все инфекции, вирусы, яды)

2) Адаптация к физическим агентам внешней среды (радиация, устойчивость к изменению газового состава атмосферы), ночное и инфракрасное зрение,— восстановление целостности механич. повреждений тела; элементы телепатии (расторможение гипоталамуса);

антенатально — дородовой
постнатально — послеродовой
квестрация (фант.) — обработка новорожденных по программе
комплекс Кастель-Брегга — Z
Протест:
1) Против облучения
2) протест против сыворотки
Сыктывкарский институт

Число полных рейсов	Число пилотов	Число заболевших	
2	5	2	0.40

Число полных рейсов	Число пилотов	Число заболевших	
3	22	9	0.41
4	26	8	0.31
5	31	10	0.32
6	21	6	0.29
7 и далее	24	9	0.38

Черновик окончательной версии, увы, в архиве отсутствует, но сохранилось упоминаемое БНом в «Комментариях» письмо Юрия Иосифовича Чернякова с инструкцией по фукамизации:

Глубокоуважаемый Арк. Нат.!

Сей интересный документ я свистнул в родблоке родильного дома им. Кола Бельды. Думаю, что он покажется Вам в какой-то степени любопытным.

С любовью Ю. Черняков

ЕДИНАЯ ПРОГРАММА БИОАДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА
[справа вверху рукописно: «Родблок (экз. 2)» — *С. Б.*]

ИНСТРУКЦИЯ
по проведению поэтапной антенатальной и постнатальной квестрации новорожденных

1. Определить точный срок начала родовой деятельности по методу Кастель-Брегга (стандартизированные сыворотки-диагностики: наборы FJH-4 и FJH-8, радиоиммунный анализатор НИМБ).

2. Не менее, чем за 18 часов до начала первичной контракции мускулатуры матки определить объем плода и объем околоплодных вод раздельно.

Примечание: при определении объема околоплодных вод используется коэффициент Лазаревича. Расчет проводить только по номографам Института Биоадаптации, учитывающим расовые различия.

3. Определить необходимую дозу сыворотки «УНБЛАФ». Полная, стабильная, долговременная иммунизация к белковым аген-

там и органическим соединениям белковоподобной и гапгенной структуры достигается в дозе 6,8094 гамма-молей / грамм лимфоидной ткани.

Примечание: при индексе «объем плода / объем вод» меньше 3,5 доза увеличивается на 16%.

б) при многоплодии (двойня, тройня и более) общая доза вводимой сыворотки «УНБЛАФ» уменьшается на 8% на каждый плод (двойня — 8%, тройня — 16% и т. д.)

4. За 6 часов до начала первичной контракции мускулатуры матки ввести инжектором через переднюю брюшную стенку в амниотическую полость рассчитанную дозу сыворотки «УНБЛАФ». Введение производить со стороны, противоположной спинке плода.

5. Через 15 минут после рождения произвести сцинтиграфию тимуса новорожденного. Индекс тимуса должен составлять не менее 3,8. При индексе тимуса меньше 3,8 ввести дополнительно в пупочную вену 2,6750 гамма-молей сыворотки «УНБЛАФ-11».

6. При повышении температуры новорожденного немедленно поместить в стерильный бокс. Первое естественное кормление разрешается не раньше, чем через 12 часов нормальной температуры.

7. Через 72 часа после рождения производится микроволновое растормаживание гипоталамических зон адаптогенеза. Топографическое определение 1, 4 и 5 зон рассчитать по таблицам Лобова. На основании полученных результатов определить 2 и 3 зоны по константе Марахвелидзе. Объемы гипоталамических зон адаптогенеза должны соответствовать:

1 — 36–42 нейрона

2 — 178–194 нейрона

3 — 129–135 нейрона

4 — 52–58 нейрона

5 — 460–510 нейрона

Примечание: при проведении обмеров убедиться в полном рассасывании родовой гематомы.

Полученные данные вводятся в БИОФАК-ИМПУЛЬС.

КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ РУЧНАЯ КОРРЕКЦИЯ ИМПУЛЬСА!!!

8. Поместить новорожденного в операционную камеру БИОФАК-ИМПУЛЬС. При ориентации головки ОСОБО СЛЕДИТЬ, чтобы отклонение по шкале «стереотаксис» не составляло больше 0,0014.

9. Микроволновое растормаживание гипоталамических зон адаптогенеза производится при достижении второго уровня глубины сна, что соответствует 1,8–2,1 мВ α-ритма энцефалограммы.

10. Все расчеты в обязательном порядке вносятся в индивидуальную карту новорожденного.

ИЗДАНИЯ

Очередность изданий ВГВ характерна и для изданий других произведений АБС (журнал, межавторский сборник, авторский сборник, собрания сочинений), но не совсем. Сначала ВГВ были опубликованы в журнале («Знание — сила», 1985—1986), затем повесть появилась в межавторском сборнике (Сборник научной фантастики. Вып. 32.— М.: Знание, 1988), а потом пришла очередь книжных изданий. В 1989 году вышли две книги АБС, содержащие ВГВ и носящие одинаковое название: «Волны гасят ветер». Книга, изданная в ленинградском отделении «Советского писателя», помимо ВГВ, включала в себя УНС и ХС (переиздание этой книги состоялось в 1990 году); книга, изданная в Томске,— ОО и ЖВМ (переиздание — в 1992 году).

Затем пришел черед не собраний сочинений (это случилось немного позже), а изданий повести в мелких частных издательствах, возникавших в то время как грибы и вскоре бесследно исчезавших. В 1992 году малое предприятие «Ибис» (Москва) выпустило книгу, названную «Обитаемый остров», содержащую трилогию о Максиме Каммерере. Год спустя книгу такого же содержания, но названную «Волны гасят ветер» выпустило московское издательство «Мишель и Ко». А еще спустя год (1994) пришла очередь ВГВ и в собрании сочинений «Текста» — в десятом томе, который содержал также ЖВМ и ОЗ.

Журнальное издание ВГВ было несколько сокращено, но самую малость — несколько предложений-уточнений. Позже этот же вариант текста, но уже несокращенный, публиковался в томском издании, а затем, изрядно исправленный и дополненный,— в «Мирах братьев Стругацких».

Все издания содержат, в основном, мелкие различия, несущественные для понимания сюжета или идеи повести, однако

некоторые эти различия просто интересны, а некоторые и информативны. На них остановимся подробнее.

В части изданий Каммерер сравнивает Тойво Глумова с католиком: «Невооруженным глазом было видно, что передо мной католик, в католичестве своем далеко превосходящий самого папу римского, то есть меня». В других Каммерер описывает Глумова как фанатика: «Невооруженным глазом было видно, что передо мной фанатик. К сожалению, как всякий фанатик, склонный к крайностям в суждениях чрезвычайным. (Взять хотя бы его высказывания о Прогрессорстве, о которых еще пойдет речь.)»

В изданиях ленинградского отделения «Советский писатель» и в «текстовском» собрании отсутствует пояснение к упоминаемым «первым дням Большого Откровения»: «...о событиях, в сущности, явившихся причиной той бури дискуссий, опасений, волнений, несогласий, возмущений, а главное — огромного удивления — всего того, что принято называть Большим Откровением».

В этих же изданиях вообще более бережно и менее цензурно относились к авторскому тексту. К примеру, остается в авторском написании употребление Каммерером слова «мемуары» в единственном числе: «в своем мемуаре». Не убрано, по сравнению с другими изданиями, «потрясая гульфиком».

В этих изданиях отчество супруги Тойво Аси — Павловна, а не Петровна; место проживания Майи Тойвовны называется Нарва-Йыэсуу, а не Усть-Нарва.

Тут же имеется уточнение, отсутствующее в других изданиях: автомат, предлагающий оригинальные стилья, «от мастерской некоего Ф. Морана». А вот характеристичное замечание относительно Флеминга («Чья это там такая знакомая белоснежная эспаньолка?») тут отсутствует. Как отсутствует и предложение Комова «Между прочим, если желаете освежиться... Напитки здесь, в баре», обращенное к Каммереру и Глумову при посещении Горбовского.

В разных вариациях идет обсуждение Горбовским, Комовым и Логовенко раскола человечества на людоенов и нелюденов. В ленинградском «Советском писателе» и в «Тексте» Логовенко предваряет рассказ о четвертой низкочастотной (в других изданиях фраза отсутствует): «У нас есть очень серьезные основания полагать, что этот раскол — не последний. <...> И более того,

Геннадий Юрьевич. Раскол намечается уже и у нас! Это неизбежно. Искусственная эволюция — это процесс ливневый». Или говорит: «Ведь фактически все выглядит так, будто человечество раскалывается на высшую и низшую расы. Что может быть отвратительней? Конечно, эта аналогия поверхностная и в корне неверная...» В других изданиях это выглядит более коротко: «Ведь фактически все выглядит так, будто человечество распадается на два вида». Зато в этих других изданиях Горбовский более пространен и замечает: «Мы всегда гордились гениями, а не горевали, что вот не принадлежим к их числу».

По-разному выглядит и итог появления людоенов на Земле. По словам Атоса (из письма Комову), в изданиях «Советского писателя» и «Текста» уход продолжается: «Они уходят, мой Капитан. Они уходят несчастные и оставляя за собой несчастных. Человечность. Это серьезно». В других изданиях процесс завершен:

Они уходят, мой Капитан. Собственно говоря, они ушли. Совсем. Несчастные, и оставив за собой несчастных. Человечность. Это серьезно.

Они были слишком несчастливы с самого начала. Только долго считали, что это лишь на время. Пока они одиночки. Пока у них нет своего настоящего общества. Своего человечества. Их стало достаточно много, чтобы увидеть: это не спасает. Общество одиночек невозможно. Отрыв от нас слишком дорого обошелся людоенам...

Плата оказалась слишком велика. Человеку, пусть он и называет себя людоеном, противопоказано обходиться без человечества.

По-прежнему в разных изданиях упоминается либо Мировой Совет, либо Всемирный совет (хотя, смею заметить, в рукописях встречается только Мировой Совет). И, конечно, варьируется написание наименований: прогрессор или Прогрессор, голован или Голован, Всемирный Совет или Всемирный совет, Монокосм или монокосм, Ноокосмос или ноокосмос, Геронтологический центр или геронтологический Центр, Всемирный институт космической психопатологии или Всемирный Институт Космической Психопатологии, Второй институт космической медицины или Второй Институт Космической Медицины, Высшие курсы бесприборной ак-

ванавтики или Высшие Курсы Бесприборной Акванавтики, медицинская комиссия Управления космофлота или Медицинская Комиссия управления космофлота, поправка или Поправка к «Закону об обязательной биоблокаде», улица Красных Кленов или улица Красных кленов, Повелитель Мух или Повелитель мух и т. п.

Любопытная ошибка проникла в некоторые издания. В инструкции по фукамизации единица измерения — гамма-моль. В некоторых изданиях — грамм-моль, что при грамотном подсчете несуразно[1].

Кооперативные (позже — частные) издания изобилуют многочисленными опечатками и пропусками. Интереса они для данного исследования не представляют, ибо издатели в этом случае пользовались уже изданными вариантами произведений.

Правка в издании «Миров», позднее использованная и в собрании сочинений «Сталкера», была произведена Б. Стругацким. Правка эта по большей части точечная. К примеру, АНТЕНАТАЛЬНАЯ фукамизация заменена на ПРЕНАТАЛЬНУЮ. Или во фразе «Феодальный раб в Арканаре не поймет, что такое коммунизм, а умный буржуа триста лет спустя поймет и с ужасом от него отшатнется» БУРЖУА заменен на БЮРОКРАТ.

Во всех изданиях, кроме варианта в собрании сочинений АБС издательства «Сталкер», первое письмо Майи Глумовой датировано 125-м годом, письмо Каммерера — 101-м годом, письмо Атоса — 102-м, а второе письмо Майи Глумовой — 126 годом. При подготовке последнего собрания сочинений БНС исправил даты — добавил сто лет; получилось, соответственно: 225-й, 201-й, 202-й и 226 года. Происходящее, в самом деле, по всем хронологиям должно происходить уже в XXIII веке.

---

[1] Единицы «грамм-моль» не существует. Видимо, редактор — автор этой безграмотной поправки — имел в виду просто моль (по-старому — грамм-молекулу). Но моль органической сыворотки имеет массу в сотни и тысячи граммов, поэтому в несчастных младенцев предлагается всадить («нуль-инжектором») несколько литров жидкости. Между тем, «гамма» — это на лабораторном жаргоне одна миллионная от обычно употребляемой единицы. Тогда всё сходится: счет идет на миллиграммы.— *В. Д.*

«ОТЯГОЩЕННЫЕ ЗЛОМ»

Повесть ОЗ задумывалась как произведение коллективного творчества. АБС в общем-то довольно неохотно шли на сотрудничество в плане написания чего-либо совместно с другими авторами. Такие произведения можно легко перечислить. Это «Пепел Бикини» — повесть о последствиях испытания водородной бомбы, написанная АНС совместно с Львом Петровым, и киноповесть «Семейные дела Гаюровых» о строителях в Таджикистане, совместное творчество АНС и Ниязи Фатеха. Это киносценарий «На исходе ночи», написанный К. Лопушанским и В. Рыбаковым при участии БНС. Но такой задумки, чтобы авторами выступали четверо, причем две пары братьев... Такого в литературе еще не было. В «Комментариях» БНС об этом пишет:

Впервые над этим романом мы начали думать еще в октябре 1981-го, когда возникла у нас с братьями Вайнерами странная, нелепая даже, но показавшаяся нам плодотворной идея написать совместный фантастический детектив — так сказать, «в четыре башки». Чтобы состоял этот детектив из двух частей — «Преступление» и, сами понимаете, «Наказание». Чтобы в части «Преступление» (условное название «Ловец душ») описывалась бы совершенно фантастическая и даже мистическая ситуация, как по некоему райцентру российской глубинки бродит никому не знакомый Бледный Человек (БЧ) и скупает живые человеческие души. Причем никто не знает (да и знать не хочет), что это, собственно, означает вообще, и как, в частности, понимать словосочетание «живая человеческая душа» в последней четверти двадцатого века. Писать эту часть должны были АБС, как специалисты по мистике-фанта-

стике, а на долю Вайнеров приходилась при таком раскладе часть «Наказание», где Бледного Человека (в скобках БЧ) отлавливает милиция и соответствующие органы возбуждают против него уголовное дело. Что это будет за уголовное дело, в чем, собственно, можно обвинить «ловца душ» и по какой статье УК РСФСР судить — не было ясно никому из соавторов, и именно поэтому профессионалы Вайнеры очень всеми этими мистико-юридическими проблемами заинтересовались. <...>

Потом мы сосредотачиваемся на «Хромой судьбе» целиком и полностью, начинаем и заканчиваем ее, беремся за «Волны», начав, заканчиваем и «Волны» тоже, потом начинаем и заканчиваем сценарий «Пять ложек эликсира», и только лишь в феврале 1985 года снова возникает в наших рабочих записях Агасфер Кузьмич.

К этому моменту от «Союза четырех» осталось только несколько распечатанных на машинке страничек «Протокола собеседования двух пар чистых», приятные воспоминания о двух-трех встречах (в разное время и в разных составах) да смутные воспоминания о фонтанах идей, бивших в небо во время этих замечательных встреч. АБС с удовольствием листают странички протокола, перечитывают записи в дневнике четырехлетней давности, сюжет с «ловцом душ» симпатичен им по-прежнему, но теперь, когда идея фантастического детектива похерена и окончательно, чудится им в этом замысле нечто большее, чем просто история о толстеньком комичном Мефистофеле конца XX века.

Эти пять машинописных страниц сохранились в архиве:

ПРОТОКОЛ СОБЕСЕДОВАНИЯ 9.XI.81 ДВУХ ПАР ЧИСТЫХ

Райцентр. Действие описывается с 2-х точек зрения: это герой-следователь, естественно связанный с районными властями. С другой стороны — небольшой научный работник, он ведет действие со стороны «жертвы».

Ходит по р-ну некий Бледный Человек (БЧ) и покупает живые человеческие души. Что это значит — никто не знает, и знать не хочет. Равно никто не знает, что в наше время есть живая человеческая душа.

Но душа душе рознь и цена им — тоже различная.

Один, например, продает свою душу за загранкомандировку, другой — за должность в горторге, 3-й — за здоровье и половую мощь, 4-й — за бутылку через час после закрытия магазинов.

В конце берут БЧ, но в чем состав преступления? Необходим минимум вреда для потерпевшего?

Если бы БЧ ПРОДАВАЛ души, его можно окунуть как аферista, мошенника или спекулянта, или частного предпринимателя. Но он ПОКУПАЕТ.

Наверное, он при этом мошенничает, но КАК?

Договор скрепляется кровью. (БЧ должен иметь при себе фельдшерское приспособление для пуска крови.)

Состав преступления? Это должен обсуждать синклит юристов и властей, выдвигая различные идеи. Это — секретари, исполком, главный законник — прокурор, местный адвокат (он всегда у нас — второй прокурор), судья, даже местный юрисконсульт.

Итак, прокурор или следователь получает глупое возмутительное письмо, жалобу продавца раймага на то, что его обмишулили: он продал душу за то, что его назначат зав. горторгом, а ему дали всего лишь завмага. Просит разобраться в этом безобразии (позже выяснится, что с ним торговались).

Следователь вспоминает, что какой-то гул на эту тему уже был: анонимка старухи, подслушавшей, что ее враг продавал душу за бутылку.

И еще: в местной обсерватории ученый — трухлявый, дохлый очкарик, безумно талантливый, вдруг стал чудовищно здоровым верзилой... а потом помрачнел, потускнел и повесился... И, разбирая его архив, нашли неотправленное письмо — продав душу за здоровье, он полностью лишился интеллектуальной потенции. Конечно, иносказание — и бумагу подшили в дело.

Итак, продавец-пьянчуга. Но кто же его назначил? И как? И протокола вроде не было? Но протокол находят; и припоминают смутно, что был такой разговор о его назначении завмагом.

...Всё должно происходить после праздника, 9.XI или 3.V, с элементом флера — то ли похмелье, то ли и верно было...

Странный диапазон: от дремучей деревенской старухи-сплетницы с длинным носом на соседа, с которым не поделила огород,— до астронома.

Следователь начинает разбираться: да, старуха своими ушами слышала, как за бутылку «старорусской» сосед продал душу.

Пытаются втянуть в проблему 2-го секретаря, но он как-то странно жмется, увиливает, пока не приезжает вдруг: ребятки, прощаюсь, меня переводят в Центр.

А тут еще приехал человек с Лубянки, подозрительно приглядывается к Секретарю: ну-ка, ну-ка, расскажи, как было дело; и колет его (или нет).

Наконец, в разгар событий, берут БЧ.

В промежутке — допрос второго научника, друга астронома: он ведет ожесточенную торговлю за свою душу, погряз в это дело.

БЧ. Что он такое? И было ли что-нибудь? Посадили в КПЗ и обсуждают всем синклитом. Так есть ли состав преступления? Давайте его самого спросим.

Что это значит — продавать душу? Приезжий: неважно, что это значит — человека до самоубийства довели?!

Смута, нездоровые настроения, массовое беспокойство, переходящее в массовое волнение — это ли не состав?

Ударная глава — допрос. 1-й спрашивает (а 2-й молчит, он бы давно смылся, да приезжий его держит):

— Что вы потеряли в нашем районе? Из всех весей почему именно наш выбрали?

— А я не только в вашем. Меня сейчас одновременно подвергают допросу в ФБР, неприятности в Токийском Управлении, меня собираются сварить заживо на Баффиновой Земле...

— Что за чушь?! Вы что, присутствуете одновременно в нескольких местах?

— Да. В 23456 местах только на Земле. Да что далеко ходить?..

Раздается телефонный звонок из Москвы, просят капитана, и тот слышит голос БЧ:

— Вот, пожалуйста, вы меня слышите из Москвы. Но понять не пытайтесь, это выше ваших мозгов...— И вешает трубку.

Капитан:

— А кто вы такой?

— В вашей терминологии я ДЬЯВОЛ.

— Чушь, дьяволов не бывает.

— Хорошо, а покупать души — бывает?

— Тогда объясните, в чем заключается ЭТО?

— Представьте троглодита, который видит у вас на руках газету, но не понимает, что это такое. Так же и вы не поймете.

— Хорошо, но что вы делаете с людьми, у которых покупаете души? Что с ними происходит?

— А что происходит с жуком-плавунцом, которого зачерпнули ведром и перелили в другой пруд: он этого даже не заметил. То же самое происходит и с вашим братом, вреда никому не причиняется.

— А самоубийство?!

— Вы и сами прекрасно с этим справляетесь, через водку, например.

Для нас: БЧ — это Агасфер, Вечный Жид — тогда в нем есть посыл, заряд, сфера деятельности. Потому что читатель не любит необъясненного, и персонажи не поймут, а читатель должен получить наши объяснения, тем более что тут для нас открывается уйма возможностей.

Для этой цели полезен 2-й «потерпевший». Он построил теорию «клякс в тропосфере», но последние естественные открытия выяснили вдруг, что всё это — ерунда. И он просит БЧ ПОДПРАВИТЬ природу, чтобы она не опровергала его открытия. Душа его привлекательна для БЧ и тот торгуется, а ученому интересно, сможет ли БЧ изменить природу, и вообще, что он такое? Что хочет?

Тут важно: возможности БЧ не безграничны, и он может дать за каждую душу лишь определенную цену. (Продавцу предлагал магазин, но тот настаивал на торге. БЧ обещал «поговорить в сферах», но без гарантий. Уж больно недорога душа пьянчуги.) Нельзя переплачивать.

ВАЖНО И НОВО — столкновение с фантастическим не обычного человека, а — ВЛАСТИ.

Для синклита: в городке живут и работают три выпускника-одногруппника-университанта-юриста: адвокат, судьиха и прокурор. Живут в дичи, не с кем общаться, окромя друг друга, не могут. И в зависимости от характера вчерашних вечерних общений (выигрыш в шахматы, перепил, добился перевеса в ухажансе) решаются сегодняшние служебные вопросы.

ФИНАЛ. К чему мы выйдем? Наверное, к торжеству правосудия: БЧ должны судить и осудить, как и бывает... а он грустно смот-

рит вслед уезжающему порожнему «воронку», в котором его же якобы увезли.

НЕОБХОДИМО ОБЪЯСНИТЬ ЦЕЛИ ВИЗИТА БЧ, они не должны быть НЕПОСТИЖИМЫ.

Нужно объяснить ЦЕНУ ДУШИ. Зачем они — и плохие, и хорошие?

ПЛОХИЕ ему — прополка мира от сорняка. Он ведь Инспектор; и если попадаются хорошие души даже в плохой, свинской оболочке, БЧ в разгаре торга отказывается от сделки. Он пропалывает СВОЙ мир, который общий с НАШИМ.

Он не ищет добрых душ; да хороший человек и не отдаст своей души, разве что во имя чьего-то спасения,— что бы это понятие — душа — ни значило.

Наша мать не продала «мицвес» одному верующему еврею, который хотел за крупную сумму купить ее «добрые дела»:

— Зачем они вам?

Мать ответила:

— Вы же хотите купить? Значит, зачем-то надо!

Хотя была совсем не религиозна. «Мицве» — есть о чем пофантазировать.

Но наш БЧ скупает плохие, «мертвые» души.

ВАРИАНТ: Не покончил с собой астроном, а пошел в разгул. БЧ поменял его душу с пьяницей, на бутылку, тот выпил, наутро проснулся с ужасной пустотой, ужасом — пока не понял, что ему впервые в жизни не хочется опохмелиться. Не хотел до обеда, и вечером аппетит к выпивке утратил... Тоска. И он понял, что его жизнь без выпивки лишена всякого содержания и смысла. И повесился. Вне выпивки нет жизни. А астроном?..

Поступило заявление, что два городских хулигана поступили в горбольницу с телесными повреждениями. Их якобы избил астроном, но это вызывает изумление, поскольку сам хиляк, на костылях. Но выясняется, что он уже силач, гигант, и ничем кроме харева и пьянства не интересуется: его место должен занять 2-й потерпевший, а этот понял, что всю жизнь занимался херней, когда бытие так прекрасно! Избил хулиганов, наколол двух телок, раньше жрал

дерьмо, теперь добыл парного мяса — отдельный срез — КАК ДОБЫВАЛ МЯСО.

ВСЕ наши продавцы душ должны выступать отчасти аферистами, поскольку точно знают, что попали на мудака, ибо души — нет, они торгуют паром, совершают самую выгодную сделку в жизни. А БЧ от всего этого очень грустит, и тоска его от души к душе нарастает.

ФОРМУЛИРУЕМ, что общая совокупность желаний продавцов душ — это и есть подсознательная мечта современного человека о СЧАСТЬЕ. Все вместе просят то, что должно образовать человеческое счастье. Итак, счастье — это ИДЕАЛ или НУЖДА?

Все продавцы наши — суть люди бездуховные. Нужен их список: выпивка, здоровье, должность, власть, деньги, бабы (а у баб?), одному нужен сталинский режим, где он начальником — и т. д.

Собакевич охотно составляет список душ подчиненных сослуживцев, которые он тщится продать БЧ. Ноздрев хватает то, на что глаза глядят.

А Плюшкин? Собственник, доведенный до остервенения, до потери здравого смысла, всё превращающий в говно.

Современный Манилов симпатичен — никому не желает зла. Хорошо бы поболтать с инопланетянином... и т. д. Бескорыстен.

Нужен ПЕРСОНАЖ-ВРУН. Это широко распространенный тип, главным образом — бескорыстный. Врут, потому что надо о чем-то говорить. Ноздрев может позвать слуг, чтобы выпороть гостя, но БЧ-то точно знает, что слуг вовсе нет. Он тонко намекает, что у него тайные связи с ГБ, и с другой стороны — с уголовниками, если надо кого-то прирезать, например. Он же связан и с диссой: может переправить рукопись или достать почитать запретных книжек. Он инженер в РЖУ: вместо своей души предложит БЧ квартиру или что-нибудь еще, и все вранье. Не властен над собой, стихия вранья волочит его за собой.

Или он — директор подгороднего совхоза-миллионера. Разговор о метафизике, бессмертии — перемешан с удобрениями, уродцем и навозом. БЧ предлагает сделать его замминистра сельского хозяйства, но спохватывается, что министра и двух членов коллегии, а также всех начальников главков он уже назначил.

Районный городок должен быть точной проекцией всей державы. И есть местный — Тот, Который Всё Знает, это его должность.

Собирается очередь на продажу душ: можно получить «запорожец», ковер без талона, цветной ТВ. Уже есть прецеденты, но никто не знает, что дадут за ЕГО душу, боятся: может, ничего не дадут, даже жести на кровлю? Что самое недефицитное? Душа. Молодежь хочет джинсов и гитар. Начинают оценивать друг друга («За твою даже диска паршивого не дадут!»). Номера очереди пишут чернильным карандашом на ладонях. («Сенька, зараза — полное барахло, а чего достал — задний мост к «жигулю»!»)

Слухи: напрасно стоим, в исполкоме будут давать ордера на право продажи души, но только для ветеранов и активистов. (Разговоры перед Олимпиадой — что будут давать в магазинах.)

Будут давать книги, но при условии сдачи макулатуры, особенно Собрания Сочинений в 30 и более томах.

ВСЁ ЭТО — предфинал. Весь город только об этом думает и говорит, все заняты только этим.

9.XI.81.

ПРИМЕЧАНИЕ: Большой кусок разговора не записался по техническим причинам, каждый пусть допишет, что помнит.

В добрый час, в добрый путь, аминь!

Задумка так и осталась задумкой, а тщательно переработанный замысел части «Преступление» воплотился в дневник Сергея Манохина — одну из двух составляющих ОЗ.

Прием «два произведения в одном флаконе» АБС использовали довольно часто, особенно в последний период творчества. И если поначалу это были просто тексты, объединенные общим миром («Извне» или, к примеру, «Улитка на склоне»), то позже это был вариант «произведения в произведении»: отчет Абалкина в ЖВМ, Синяя Папка в ХС и, конечно же, рукопись С. Манохина в дневнике И. Мытарина.

Примеров таких двухслойных произведений в отечественной и зарубежной литературе можно привести довольно много. Ярчайшим из них является «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Но не только традиция повлияла на использование этого приема в творчестве АБС. Возможно, тут преследовалась и цель создать

бóльшую объемность произведения в плане восприятия. Или вполне естественное желание издать наработанное, но не завершенное.

Как мне кажется, такие произведения выполняют еще одну роль — они служат развитию навыков чтения и понимания «некомфортных» текстов. Точно так же, как когда-то любители УНС подразделялись на две группы: которым более нравился «Лес» и которым более нравилось «Управление» (вторую составляющую этой повести они считали необязательным дополнением),— читатели ОЗ тоже выбирали для себя более интересную, с их точки зрения, линию повествования. Но в процессе неоднократного прочтения такого произведения читатель постепенно находил особый шарм и в «чуждом» тексте, а порой и вовсе перестраивался на восприятие второй составляющей и начинал считать ее главной.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВА

Повесть ОЗ богата материалами в архиве Авторов. Тут и черновик, и два чистовика (один в общей папке с чистовиками, другой — в отдельной папке, озаглавленной «I чистовик»), и многочисленные материалы как с первичными задумками, так и по переработке черновика.

Среди отдельных записей по наработке сюжета присутствуют цитаты, выписанные Авторами для использования их в тексте:

«Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу» — маляр Редька, *«Моя жизнь», А. Чехов.*

«Шли головотяпы домой и воздыхали... Один же из них, взяв гусли, запел:»
«История одного города», Салтыков-Щедрин.

«Господа! паспорта готовьте! чтоб по первому же слову, сейчас...»
«Совр. идиллия».

«Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе... Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном, c'est le mot».
Степан Трофимович, «Бесы», Достоевский, стр. 227.

«...из всякого рода друзей он предпочитал иметь собаку: ее по крайней мере можно и застрелить в нужде».

Глеб Протоклитов. «Дорога на океан», Л. Леонов. стр. 337.

Есть и запись двух цитат, откуда следует, что Авторы выбирали, какую из цитат должен будет произнести Г. А.: «Флаг черный,— глухо сказал Айртон» или «Поздно, поздно! — кричал Вольф. Пена и кровь стекали по его подбородку».

Есть пометки, относящиеся к библейской части повествования:

Иоанн Богослов. Любимый ученик Христа, возлежал на груди его во время тайной вечери. Вместе с Петром занимает центральное место среди 12-ти апостолов. В традиции Петр представляет экзотерическую, всенародную сторону христианства (исповедание веры, данное всем). Иоанн же — эзотерическую сторону (мистический опыт, открытый избранным). Отсюда с одной стороны — церковь стремилась дополнить «начало Петра» началом Иоанна, а с другой — еретики, антицерковники (гностики 2-го века, катары 11–13 вв.) противопоставляли Иоанна Петру.

Важно! Иоанну якобы принадлежит евангелие, три послания и апокалипсис, но все они принадлежат разным авторам. Так, раннехристианская иконография (в апокрифе «Деяния Иоанна Богослова») придает ему ученика Прохора, который записывал его евангелие под диктовку (а м. б., излагал его рассказ по-своему). Главное: слова Христа «если я захочу, чтобы он пребыл, пока приду» можно истолковать, что Иоанн, подобно Еноху, Мельхиседеку и Илие, сохранится для грядущего мученического подвига во время антихриста (заранее увиденные им в откровении на Патмосе). Иоанна похоронили его ученики заживо по его требованию, а когда христиане из Эфеса разрыли могилу, она была пуста.

С именем Иоанна связаны мистические мотивы. Византийские авторы прилагают ему слово «мист», церковно-славянское «таинник».

Римляне его взяли и пытались умертвить у Латинских ворот — сначала ядом, потом сварить в кипящем масле. Не получилось. Тогда его сослали на остров Патмос.

Сын галилейского рыбака Заведея, младший брат (или брат-близнец) Иакова Старшего, ученик Иоанна Крестителя. Вместе с братом получил от Христа прозвище Боанергес («Сыны громовы»).

Апокалипсис — Откровение — написано на Патмосе в 68–69 годах.

Патмос: островок в Эгейском море в 40 км. южнее пролива между о-вами Икария и Самос.

Евангелие написано — изложено? продиктовано? — в 95 году в Эфесе. Вскоре за тем он умер.

Для нас это должен быть Агасфер Кузьмич.

Имя Иоанн (Иоханаан) означает «Яхве милостив».

Откровение это он разослал по семи первобытным христианским церквам — в Эфес, Смирну, Пергам, Фиатир, Сардию, Филадельфию и Лаодикею, все на ничтожном пятачке на крайнем западе современной Турции, в занюханной римской провинции, именуемой пышно Азия, заселенной фригийцами, мисийцами, лидийцами и прочим сбродом, последовательно переходившим от персов к македонцам и затем к римлянам.

[Сбоку рукописно дописано: Важно, что Прохор никогда ничего не слыхал о Назаретянине. Впервые — от Иоанна. Прохор считает Иоанна — «Христом».— *С. Б.*]

Содержание Апокалипсиса.

Прежде всего это христология и только затем — пророчество.

Христос:

1. Творец и Вседержитель, Который есть, и был, и грядет; начало творения и слово Божие, Альфа и Омега, Начало и Конец, Первый и Последний.

2. Спаситель мира, закланный Агнец; Искупивший и Омывший нас кровью своею; Первенец из мертвых, Получивший от Отца власть и ключи от ада и смерти; Жизнедавец.

3. (Важно!) Воссоздатель падшего мира, Повергший ад и смерть в огненное озеро, Творящий новое небо и новую землю.

Пророческая часть:

Система седьмериц: семь печатей, семь трубящих ангелов, семь громов, семь чаш гнева.

Предполагается, что это выражает грядущее в ЧЕТЫРЕХ разных образах (одно и то же грядущее?), и каждый образ дан в семи этапах. Для понимания надлежит наложить образ на образ с совпадением по элементам седьмериц. Считается, что это семь (7) ступеней Божественного долготерпения и церковного делания.

Цитата из моего издания:

«Для правильного понимания Откровения важно иметь в виду, что в нем пророчески совмещены периоды времени — настоящий, прошедший и будущий в едином моменте созерцания. Будущее уже свершилось в спасительном подвиге Христовом и раскрывается в любой момент жизни Церкви».

Антихрист — упоминается только в христианских легендах. В каноне о нем ни слова.

Армагеддон — место битвы, где участвовать будут цари всей земли обитаемой (Апокалипсис 16, 14–16). Транслитерация еврейского хар-м-гиддо(н), «гора у города Мегиддо» на севере Палестины, где сводили счеты ветхозаветные вожди племен. У нек. современных сект — обозначение самой битвы.

Дьявол: греч. диаболос, «клеветник», падший ангел, восставший против бога, за что его и согнали с небес. Где это впервые? Это уже дополнение к манихейству. Неравноправие бога и дьявола. Куда изгнали? Значит, ад имеет начало?

В Ветх. завете дьявол только как Змей и еще в одном или двух местах как Аввадон[1]; в Нов. завете — только как соблазнитель Христа.

В христианство проник, видимо, из зороастризма через манихейство. Дьявол — Ариман — у зороастрийцев (10–7 вв. д. н. э.). Оттуда к манихейцам, от них — к христианам.

Хилиазм — 1000-летнее царство божье после страшного суда.

Иудейская война 66–71 г.

Апокалипсис калифа в 68–69 гг.

Ссылка на Патмос в 55 году.

После разгрома Иерусалима появляется легенда о мессии (греч. христос) — либо он уже был, либо будет и отомстит.

Юст Тивериадский как источник тогдашнего уровня знаний.

Эбиониты и назиры — предатели [или «предтечи»? Неразборчиво — *С. Б.*] восстания.

---

[1] Неточно: один из основных персонажей Книги Иова — Сатана, «Противоречащий» (см. ниже в тексте). — *В. Д.*

Прохор отправляется в Азию и раздает там экземпляры «откровения». Привозит оттуда ошеломляющее известие о Христе. Иоанн помнит, что речь идет об Учителе. Прохор пристает — расскажи. Иоанн рассказывает, что запомнил.

67 г.— распяли Петра в Риме.

Послания — тоже к 95 г., когда и евангелие.

«Деяния св. апостолов» — написано якобы евангелистом (3-м) Лукой в Риме ок. 62–63 г.

Между тем, упоминание о сатане (стр. 281).

Сатана (евр.) — противник в суде, в споре или в войне, препятствующий, противоречащий, обвинитель, наушник, подстрекатель.

В Ортодоксии противник сатаны не бог, а архангел Михаил.

В иранской мифологии — Ангро-Майнью (Ариман) — противник бога (так же и у манихеев=богомилов).

У Матфея: «...но избавь нас от лукавого» (стр. 6, 13, 18), также «...силою веельзевула, князя бесовского» (12, 24), «...Когда нечистый дух выйдет из человека» (12, 43).

Мастема (вражда) — то же, что сатана. «Книга юбилеев», 2 в. д. н. э.

Есть пометки к ближневосточной части истории:

Аль-Ахталь (640–710) христианская часть племени таглиб.

«Матерь запутанных созвездий» утрачена.

«Уста твои, страстной неге навстречу отверстые [последнее слово перечеркнуто, заменено на «раскрытые» — *С. Б.*],
Лоно твое, как нехоженый луг, молодыми сочащийся травами.
Кипящая жизнью нетронутая нежная мякоть груди,
И затуманенный взгляд зовущий твой...»

Используя в биографии Агасфера-Иоанна эпизоды истории становления ислама, Авторы прорабатывают соответствующую литературу. Ярким примером таких наработок является реферат, сохранившийся в архиве ОЗ. Реферат в конце содержит запись: «Законспектировал и осмыслил твой брат и соавтор[1] в феврале 1987 г.»:

[1] Это сделал АНС. Так же, как и разработку по Иоанну (из новейшего, Патриаршего, издания Библии).— *БНС.*

Известия Российской Академии Наук. 1925

МУСЕЙЛИМА
В. В. БАРТОЛЬДА

(доложено в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 19 ноября 1924 года).

Среди событий, связанных с так называемым «отпадением» арабов от ислама после смерти Мухаммеда, особое место принадлежит событиям в одной из восточно-арабских областей Йемаме, где мусульманам было оказано упорное сопротивление со стороны племени Бену-Ханифа и их пророка, известного в мусульманском предании под насмешливым прозванием «Мусейлима».

По-грамматическому это уменьшительное, презрительное. Кое-кто считает, что образовано от слова «муслим», то есть Мусейлима, как и Мухаммед, называл свою веру «исламом», т. е. культом преданности единому богу.

Наличествует более правдоподобное мнение (вряд ли мусульмане могли позволить себе образование уменьшительно-презрительного слова от названия своей религии): имя пророка было Маслама, от которого и образовано уменьшительно-презрительное прозвище (Масламчик, Масламенок).

Среди своих приверженцев Мусейлима был известен под прозвищем Абу-Сумама. Один из его приверженцев после его гибели оставил стихи: «Скорблю о тебе, Абу-Сумама: скорблю о своей твердой опоре; сколько чудес совершил ты среди них, как солнце всходит из-за туч».

В одной из арабских легенд имя Абу-Сумама носит некий злой дух, демон.

Ридда, отпадение от ислама после смерти Мухаммеда, не была возвращением к старому языческому культу, везде во главе ридды находился пророк-соперник Мухаммеда. Исламская традиция о главном враге ислама Мусейлиме противоречит сама себе. Авторитет Ибн-Исхак: Мусейлима выступил в качестве пророка лишь в последние годы жизни Мухаммеда, когда в Йемаму вернулось посольство, посланное в Медину, и он же утверждает, будто задолго до своего бегства из Мекки в Медину Мухаммед стал называть

Бога рахманом (милостивым) — тут корейшиты сочли, что он говорит о рахмане йемамском, т. е. о Мусейлиме. Корейшиты вообще считали Мусейлиму вдохновителем Мухаммеда.

Мнения о Мусейлиме: грубый фокусник — показывал яйцо в бутылке с узким горлышком; изрекал, отменяя молитвы и разрешая пьянство и прелюбодеяние. И напротив: разрешал своим последователям совокупление лишь в той степени, в какой нужно потомство; если родится сын, то совокупление разрешал лишь в случае, если сын умер. Приписываются слова: «Вы к женщинам не идите, вина не пейте».

Вади Ханифа, проходивший через всю Йемаму, называют либо ал-Ырд, либо по имени главного города области. Полит. центр — селение Джау («место впадины») или Хидрима...

Главные селения Бену-Ханифа — на краю пустыни, отделяющей пограничную Йемаму от приморского Бахрейна (?). Земледельцы, над ними издевались кочевники. «Ваше место в Йемаме, возделывайте ее. Первый и последний из вас — рабы».

Но ханафиты были стратифицированным об-вом. Как во всей Аравии, даже перейдя к сельской и городской жизни, были традиции родового и племенного строя, не позволившие им превратиться в мирных земледельцев. Вели постоянные войны с северными соседями-кочевниками темимитами. Имело место различие между простолюдинами и благородными воинными (шериф, мн. ч. ашраф).

Как область восточной Аравии, Йемама входила в систему персидской государственности: в то же время йемамцы, как и другие арабские вассалы персов в Хире (на севере), подчинялись влиянию христианства. Йемама — на пути между христианской Хире и христианским Неджраном. С проповедью христианства был связан идеал аскетизма, с представлением о церкви соединялся не священник, а монах. Слова «монастырь» и «церковь» — синонимы.

Сложность жизни в Йемаме под влиянием трех разнородных факторов: персидская администрация, арабские нравы и христианский аскетизм. Главные города — Хаджр и Йемама, расстояние — суточный переход, а влияние этих факторов очень различно. Классический поэт Йемамы — ал-Аша, сначала близко стоявший к христианским деятелям, а затем сочинивший оду в честь Мухаммеда, изрядный путешественник, побывал и в Иерусалиме, и в Сирии, и в Эфиопии. В ранних стихах прославил тогдашнего главу племени

ханифидов (Бену-Ханифа), царя, поэта и оратора Хаузу ибн-Али. Жил Хауза в гор. Хидриме (он же Йемама), первом на пути с востока, из Бахрейна. Хауза в праздник пасхи отпустил пленных темимитов, северных бандюг.

Было так. При Хосрое Ануширване (?—579), царе Ирана с 531 г.: самый расцвет могущества государства Сасанидов,— завоеватель Йемена Вахриз отправил своему царю через Бахрейн караван с золотом и драгоценностями. Караван был разграблен темимитами. По другой версии все произошло позже. Вместо Хосроя Ануширвана и Вахриза называются соответственно Хосрой Первый (?—628), шах Ирана с 581, завоеватель вост. и южн. провинций Византии, и Базам, последний наместник Персии в Йемаме, после смерти своего шаха подчинявшийся Мухаммеду. Эту вторую версию и подсунул Мусейлима-Агасфер поэту ал-Аше.

Глава ханифидов Хауза захватил бандитов по поручению персидского наместника Бахрейна, но, несмотря на смертельную вражду к темимитам, отпустил их, надеясь заслужить милость христианского бога. Темимиты оказались чудовищно неблагодарны, но, впрочем, Хуаза получил от персидского царя благодарность — почетную одежду и венец, за что и был прозван в Аравии «венценосцем».

Далее по мусульманскому преданию:

Мухаммед посылает Хаузе предложение принять его веру.

Хауза в ответном послании поставил условием, чтобы Мухаммед признал его соправителем или преемником.

Мухаммед отказался и воззвал к Аллаху, чтобы тот избавил его от Хаузы.

Хауза умирает.

Сроки:

Март-апрель 628 года (зуль-хиджжа, 6 год хиджры) в Худайбии Мухаммед заключает перемирие с корейшитами.

Апрель—май 628 года Мухаммед отправляет посольство к Хаузе.

Середина года 629 (8 год хиджры) Хауза умирает.

Мусейлима еще при жизни Хаузы получил среди ханифидов известность как политик, был при Хаузе советником. После смерти Хаузы его без всякой революции избрали властителем как самого достойного и популярного человека. Лишь тогда он стал проявлять себя религиозным реформатором.

Правда, поэт ал-Аш о нем не упоминает, но не упоминает он и о другом лице, соправителе Хаузы, гауляйтере восточной Йемамы, а может быть, и со-царе Сумаме. А история такова.

Мухаммед послал свое предложение о переходе в мусульманство и этому Сумаме. Сумама спросил посланника Хидрами: «Ты — посол Мухаммеда?», получил утвердительный ответ и сообщил: «Я вовеки не присоединюсь к нему». Его дядя Амир его горячо поддержал. Тогда Мухаммед произнес молитву: «Аллах, поставь на истинный путь Амира и дай мне власть над Сумамой». И что же? Еще до 630-го года Амир принял ислам, а Сумаму захватил отряд Мухаммеда в Неджде. Сумаму приволокли в Медину и предложили принять ислам, он сначала отказывался, требуя, чтобы его либо отпустили, либо по обычаю взяли выкуп. Мухаммед велел его отпустить, и он тогда добровольно явился к Мухаммеду и произнес символ веры, причем сказал пророку: «Твое лицо было для меня ненавистнейшим из лиц, теперь оно милее всех лиц». С разрешения Мухаммеда Сумама совершил паломничество в Мекку (все происходило еще до взятия Мухаммедом этого города в 630 году). Сумаму сначала хотели прирезать за принятие ислама, но отпустили, ибо Мекка нуждалась в йемамском хлебе. Сумама, покидая Мекку, предупредил корейшитов, что не пришлет им ни зерна иначе, чем с разрешения пророка. Так и случилось — только после прямого предписания Мухаммеда он стал посылать караваны зерна в голодающий город. Сумама остался верен исламу и после смерти Мухаммеда сражался против своих земляков. Еще до исхода этой борьбы он присоединился к отряду ал-Ала ибн-ал-Хидрими, покорявшему Бахрейн. Там он присвоил плащ одного из убитых бахрейнских вельмож, мстители решили, что это он и убил, и зарезали его.

Мусейлима происходил из селения Хаддар, там он родился, вырос и впервые выступил пророком; там ему принадлежал участок земли с колодцем. О нем услышали ханафиты, пригласили его к себе письмом и поселили его в Хаджре (видимо, западный из пары Хаджр — Йемама).

(М. б., обыграть ситуацию: упомянутые различия между этими двумя столицами на расстоянии суточного перехода одна от другой, причем в Хаджре царит Хауза, а в восточной Сумама?)

Видимо, приглашение Мусейлимы в Хаджр прошло не так гладко. Мало того что впоследствии Мусейлиме пришлось бороться с частью ханафитов, впрочем, не очень значительной, которой предводительствовал Сумама. Есть свидетельство поэта Али ибн-Хаузы, сына Хаузы: он пережил разгром своего племени и защищает перед мусульманами ханафитов от попреков за отпадение от веры. Ссылаясь на то, что такими же «кафирами» показали себя в то время и другие племена (амир, гатафан, асад и др.), он утверждает, будто ханафиты искренне считали правдой ложь, за которую сражались: «Мы были людьми обольщенными, считали свое заблуждение правотой, верили, как верил наш обманщик (Мусейлима),— о, если бы у его родителей не было детей!» Ясно, что самому поэту подчинение Мусейлиме не было делом религиозного убеждения: как и прочие «шерифы» (благородное сословие у ханафитов), он примкнул к Мусейлиме по внешности и воспользовался первым случаем перейти на сторону его врагов, лишь постаравшись выговорить самые лучшие условия для своего племени у победителей.

Продолжительность деятельности Мусейлимы. Суйути (15 в.) утверждает, будто Мусейлима жил полтораста лет. А Сухейли (14 в.) рассказывает, что Мусейлима называл себя рахманом еще до рождения Абдаллаха, отца Мухаммеда. Но нет свидетельств, что деятельность Мусейлимы имела в то время политическое значение хотя бы в пределах одной лишь Йемамы.

Вместе с исламом движение Мусейлимы было одним из последних эпизодов борьбы между язычеством и единобожием (ханифизмом) на арабском полуострове, борьбы не только в области религиозных идей, но гл. обр. в области социальной.

Из религиозных движений, современных исламу, но возникших независимо от него и вступивших с ним в борьбу, выдается деятельность двух проповедников, которые только и называет «рахманами» мусульманское предание: Мусейлимы, рахмана Йемамского, и Асвада, рахмана Йеменского, хотя связи между ними, очевидно, не было. Легенда: Мухаммед увидел однажды во сне, будто на него надели два золотых браслета, он счел было их драгоценными, но они рассыпались, когда он подул на них. Мухаммед якобы отнес этот сон к Мусейлиме и Асваду. Видимо, это отражение того факта, что Мухаммед некоторое время верил в миссию обоих рахманов. Асвад выступил в последний год жизни Мухам-

меда (632), о более ранних его выступлениях не известно. Мусейлима был известен корейшитам как рахман еще до бегства Мухаммеда из Мекки в Медину (622).

Слово РАХМАН («милостивый») как эпитет бога устанавливало более резкую грань между единобожием и язычеством, чем слово «Аллах». Слово «РАХМАН» до Мухаммеда в Мекке было не известно, а Аллахом называли бога и в языческой Мекке. Рахманом называли бога евреи талмудического периода; в Йемене РАХМАН встречается в христианских надписях для обозначения бога-отца; возможно, Мухаммед первоначально отличал РАХМАНа от Аллаха, имея в виду Иисуса Христа. Но впоследствии слово РАХМАН было вытеснено словом Аллах.

Но сам Мусейлима рахманом себя не называл и не считал, а считал себя в лучшем случае посланником, пророком. Апокрифический диалог между Мусейлимой и арабом из родственного ханафитам племени:

— Кто приходит к тебе?

— Рахман.

— При свете дня или в темноте?

— В темноте.

— Ты лжешь, я свидетельствую. Мухаммед говорил правду. Но лжец из рабиитов мне милее говорящего правду из мударитов (горожан?)...

И еще: «Рабииты не перестают сердиться на Аллаха, что он послал своего пророка из мударитов».

Видимо, Мусейлима прожил в своей деревне до старости и не делал никаких попыток захватить власть, и лишь в последние годы своей жизни был призван в столицу Хаджр самим народом. Факт же этого призвания указывает на резкую перемену в мировоззрении ханафитов по сравнению с временем Хаузы. А это шло от перемен в исламском центре, от договора Мухаммеда с корейшитами в Худейбии в 628 году и взятии им Мекки в январе 630 г. А это в свою очередь — вот отчего.

29 февраля 628 г. был убит в Персии Хосрой 2-й, и там начался дикий бардак. В этом все (и не только в Аравии) увидели безнадежное крушение сасанидской монархии, носительницы традиций не только в области религии, но и в области культуры и сословного строя. В Мекке увидели, что дело язычества проиграно; Мухаммед

победил; но он уже настолько отошел от своих прежних идей, близких к христианству, что соглашение с ним стало вполне возможно для самых ярых его противников из представителей арабской знати, особенно для корейшитов, и даже для персидской аристократии в Йемене. Но и не все мусульмане проделали такую же идейную эволюцию как их предводитель с года хиджры (622), и они с изумлением узнали об уступках, кот. он сделал главным врагам ислама, корейшитам. Впрочем, искусный политик Мухаммед с его огромным и несомненным личным обаянием сумел примирить противоположные интересы. Но в более отдаленных от Мекки и Медины областях должно было активно проявиться стремление охранить чистоту ислама, если нужно, даже против самого основателя ислама.

В этой связи: согласно преданию в свое время Мусейлима, как прежде Хауза, потребовал, чтобы Мухаммед объявил его своим преемником. Якобы Мухаммед согласился, и именно нарушение этого соглашения стало несколько лет спустя, после смерти Мухаммеда, причиной войны между Мединой и Йемамой (при Абу-Бекре). Это не очень правдоподобно согласно общему духу уже сформировавшегося к тому времени Корана.

Наверное, события развивались по-иному.

Был некто Нахар ибн Унвуфа по прозвищу Раджжаль или Рахаль («много ходящий пешком», «много путешествующий», а по-нашему — «путешественник» или даже «странник», а то и «бродяга»). По одним данным он был в депутации ханафитов к Мухаммеду в последние годы его жизни; по другим — он задолго до того переселился к пророку в Медину, читал Коран и утверждался в исламе. Мухаммед в конце концов послал его своим миссионером в Йемаму наставлять ханафитов в истинной вере, противодействуя Мусейлиме, а он возьми и перекинься к Мусейлиме, да еще свидетельствуя, будто сам слышал, как Мухаммед называл Мусейлиму своим товарищем по пророчеству.

По другой легенде, рассказанной неким Абу-Хурейрой, между вхождением Раххаля к пророку и уходом к Мусейлиме прошло много времени. Якобы однажды пророк сидел в окружении учеников, среди которых были и Раххаль и Абу-Хурейра, и пророк сказал: «Среди вас есть человек, зубы которого в огне превзойдут гору Оход» (т. е. осужденный за грядущий грех на адские муки). И вот все уже

присутствовавшие тогда мирно умерли, остались только Раххаль и Абу-Хурейра. И этот Абу уже начал беспокоиться, не ему ли предстоит гореть в аду, когда узнал о преступлении Раххаля, признавшего пророком Мусейлиму.

Раххаль полностью предался Мусейлиме и даже подчинил его своему влиянию. Он объявил, что йемамцы обязаны каждый защищать Мусейлиму против любого врага, даже и против Мухаммеда (если тот не заключит предложенного Мусейлимой соглашения). По его предложению боевым девизом приверженцы Мусейлимы избрали Вторую суру Корана (позже известную под названием Суры Коровы). Одним словом, Мусейлима и его приверженцы, в первую голову Раххаль, выступили против изменившего своим первоначальным идеалам, близким к христианству, вступившего в соглашение с мерзкими торгашами-корейшитами Мухаммеда.

А пропо: боевым кличем мусульманского войска под командованием корейшитского полководца Халида, разгромившего впоследствии Йемаму, было «О Мухаммед!». В стихах же ханафитов это войско называлось «войском Мухаммеда» или просто «корейшитами».

Если Мусейлима выступил со своей проповедью еще до 622 или скоро после, тогда Мухаммед увидел в проповеднике учения о РАХМАНе своего союзника и послал первоначально Раххаля не для противодействия, а для помощи Мусейлиме, но Раххаль продолжал помогать Мусейлиме тогда, когда это перестало быть желательным для пророка. Если приглашению Мусейлимы в Хаджр предшествовал переворот, то, скорее всего, переворот этот был устроен Раххалем. Сам Мусейлима не обладал качествами политического вождя, в его действиях не отмечено никаких признаков таланта правителя или полководца; предложенный им наивный способ примирить христианский идеал аскетизма со стремлением араба к мужскому потомству тоже не говорит в пользу его, как правителя.

Деятельность Мусейлимы, когда он был пророком и правителем Йемамы в одном лице, известна не очень. Провокационные слухи, будто каждый ребенок, каждый колодец, каждый участок земли, получивший благословение от Мусейлимы, гибли.

А вот:

В марте 630 года некий Амр ибн-ал-Ас, будущий завоеватель Египта, был назначен Мухаммедом (?) наместником Омана и на

пути туда посетил Мусейлиму. После смерти Мухаммеда в 632 он вернулся в Медину, где на всем пространстве от Даба в Омане до самой Медины видел якобы приготовления к борьбе против мединцев. На этот раз Амр поехал через Бахрейн, не заглянув в Йемаму. Но вот двое его приближенных, Хабиб ибн-Зейд и Абдаллах ибн Вахб ал-Аслами, были захвачены якобы Мусейлимой. Амр по возвращению в Медину сообщил, что хотели схватить и его (врал, наверное), но ему якобы удалось ускользнуть. Так вот, Мусейлима отпустил Абдаллаха, а Хабибу отрубил руки и ноги. Это либо вранье, либо...

Ежели Хабиб был агентом Мухаммеда и отравлял детей, колодцы и землю, получившие благословение от Мусейлимы, то это возмездие — дело рук Раххаля? Выследил, удостоверился и того... даже без ведома смиренного и не от мира сего Мусейлимы.

А пропо: мамаша Хабиба дала клятву, что не будет мыться, пока не будет убит Мусейлима, и впоследствии сражалась в войске Халида, погубителя Йемамы. В последней битве она потеряла руку и получила 12 ран.

Мусейлима устроил себе обширную резиденцию в месте Убад между Аммарией и Акрабой, это и стало местом его последней битвы, где он погиб сам и множество его приверженцев в битве с Халидом и его корейшитами.

Место это представляло собой обширный сад с пальмами, выше которых нигде не было. Считалось оно для всех «харамом», т. е. запретным местом. Впоследствии этот «харам» стал называться «садом смерти». На территории «харама» имели место деревушки маленького вороватого племени Бену-Усай-ид, неполноправного члена племенной организации йемамцев-ханафитов.

Эпизод:

Эти усайдиты то и дело совершали воровские набеги из «харама» на окрестные пальмовые рощи йемамцев. В случае отпора, они возвращались в «харам» и чувствовали там себя в безопасности. И пришли йемамцы к Мусейлиме с жалобой. Он сказал: «Я подожду того, кто приходит ко мне с неба, пусть он рассудит». Затем откровение: «Клянусь темной ночью, черным волком и горным козлом, не захватили усайдиты запрещенного». Ему сказали: «Но ведь запрещено злоупотреблять харамом и грабить имущество». Когда грабежи возобновились, Мусейлима снова сказал: «Я подожду того,

кто приходит ко мне» и снова получил откровение: «Клянусь ночью мрачной и волком смелым, не отрезали усайдиты ни влажного, ни сухого». Ему сказали: «Но они лишили пальмы влажных плодов, а сухие стены разрушили». Он ответил: «Уйдите к себе домой, нет за вами права». Выходит, собственники были недовольны (естественно!) тем, что Мусейлима покрывал посягательства неимущих.

Откровение в пользу земледельцев (грамматически — женщин, которые исполняли, как видно, все полевые работы и печение хлеба): «Засевающие пашню, собирающие жатву, молотящие пшеницу, мелющие муку, пекущие хлеб, разрезающие его на куски, съедающие куски с жиром и топленым маслом,— вы лучше людей войлока (кочевников) и не хуже людей глины (горожан); свои пашни обороняйте, ищущему милости давайте убежище, дерзкого прогоняйте». Под людьми войлока и дерзким Мусейлима имел в виду кочевников-темимитов, располагавшихся к северу от Йемамы (они в свое время были облагодетельствованы покойным Хаузой, но, разумеется, снова принялись хулиганить). Однако Мусейлима вместе с тем продолжал упорно стремиться заменить извечную вражду между ханафитами и темимитами тесным союзом. Выдал откровение: «Бену-Темим — племя чистое, благородное, нет им обиды, нет с них подати. Пока мы живы, будем им хорошими соседями, будем защищать их от каждого человека; когда умрем, пусть о них позаботится рахман» (кстати, еще одно доказательство, что Мусейлима себя рахманом не считал).

Итак, вскоре после смерти Мухаммеда (632) первый халиф ислама Абу-Бекр, он же тесть Мухаммеда, приступил к усмирению Йемамы. (Халиф значит преемник, заместитель.)

Мусейлима не готовился к обороне, и Абу-Бекр, по-видимому, рассчитывал на быстрое окончание кампании. Он послал на Йемаму отряд под командой Икримы ибн-Абу-Джахля в расчете на то, что, свернув голову Мусейлиме, этот вояка пойдет дальше на покорение Омана и затем свернет на юго-запад для покорения Хадрамаута и дальше на запад для расправы со вторым рахманом, йеменским Асвадом. Но первые же движения Икримы встретили некоторое противодействие уже на границах Йемамы, и Абу-Бекр послал за ним второй отряд под командой Шурхабиля ибн-Хасана. Узнав об этом, Икрима поспешил в решительный бой, но потерпел неудачу, хотя отряд и сохранил.

Тем временем в самой Йемаме разгорелась по-настоящему борьба между сторонниками Мусейлимы и сторонниками Мухаммеда, возглавляемыми уже упоминавшимся Сумамой. Впрочем, Сумама успел только развернуть пропаганду ислама, после чего был выбит в Бахрейн (после стычки чуть ли не под стенами Хаджра), где влился в отряд корейшитов под командой ал-Ала ибн-ал-Хидрими. Очевидно, число ханафитов, сплотившихся вокруг Сумамы, было слишком ничтожно, чтобы его отряд мог действовать самостоятельно.

И вот тут-то появилась Саджах из Джезиры (Месопотамии). Она была пророчица из христиан («крепка в христианстве», которое восприняла от веры племени своей матери — таглибитов). Отец ее был из племени тамим, темимитов.

Возглавив каким-то образом темимитов, она набросилась на Йемаму с севера и дошла до Хаджра, где и встретилась с Мусейлимой. Надо помнить, что в это время Йемаме угрожали: с запада Шурхабиль, с востока, от Бахрейна, ал-Ала ибн-ал-Хидрими с Сумамой, а с юга мог подойти отбитый Икрима. Мусейлима и Саджах договорились о союзе. По этому договору темимиты получали половину урожая будущего года от Йемамы и оставляли для обороны Йемамы несколько отрядов. Оставив эти отряды, Саджах со своими приверженцами вернулась в Месопотамию. Вряд ли Мусейлима путался с Саджах, это противоречило бы его учению. А вот Раххаль-Агасфер, правая рука и всесильный министр Мусейлимы — он мог бы.

И вот тут на смену нерешительным шляпам Шурхабилю, ал-Але и Икриме подошли от Медины главные мусульманские силы под командой лучшего корейшитского полководца Халида ибн-ал-Валида.

Прежде всего он купил вождей независимых темимитов и натравил их на отряды темимитов, оставленные пророчицей Саджах для защиты Йемамы. В помощь предателям он придал, по-видимому, либо отряд ал-Алы, либо свой авангард.

С дисциплиной у арабов было тогда слабовато. Узнав о приближении Халида, честолюбец Шурхабиль возревновал и бросился очертя голову на войска ханафидов и был разбит вдребезги, после чего явился весь в белом к Халиду и был подвергнут выволочке.

Халид встретился с противником в миле от города Йемамы (напомню: одна из двух столиц Йемамы; вторая — Хаджр; город Йемама — бывшая резиденция изгнанного Сумамы).

Если попытаться свести в более или менее стройную картину страшно запутанные и противоречивые показания арабских и иностранных источников, картина войны выглядела примерно так:

Авангард мусульман во главе с самим Халидом вышел на финишную прямую на подступы к гор. Йемаме (эскадрон в 200 всадников), когда вдруг из-за холма навстречу ему выскакал отрядик йемамцев в 23 человека во главе с неким Муджжей ибн-Мурара. Посчитав этот отряд за дозор, имеющий задачей известить своих о приближении мусульман, Халид набросился на него со всею фурией и изрубил всех в куски, оставив в живых только одного Муджжу, первым сдавшегося в плен. Муджжа объявил Халиду, что а) он из «шерифов», т. е. принадлежит к йемамской аристократии и б) он давно в сердце своем почитатель Мухаммеда. На вопрос о том, почему же он, по примеру Сумамы, не отделился от Мусейлимы и не перебежал к Халиду раньше, Муджжа ничего не мог ответить и только просил прощения.

Именно от него изумленный Халид узнал, что ханафиды понятия не имеют о начавшемся наступлении мусульман, а отрядик Муджжи — никакой не дозор, а карательная экспедиция против какого-то микроскопического проворовавшегося племени. Впрочем, Халид не очень-то поверил изменнику и до самого окончания войны держал его в оковах.

Все, видимо, происходит в 634 году.

Через несколько дней после первой стычки произошла первая настоящая битва. Возможно, Халид шел прямо на «харам» Мусейлимы: под селением Акраба его встретили основные силы Мусейлимы под общим командованием единственного его сына (он был верен своим заветам), носившего то же имя, что и незадачливый командир корейшитского отряда Шурхабиль. Войско было разделено на два полка, которыми командовали Раххаль и Мухакким ибн-Туфейль. Перед боем Шурхабиль ибн-Мусейлима (назову его так) обратился к войску с призывом сражаться за своих жен и свою честь, о вере же он даже не упомянул.

Битва была свирепая. Раххаль и сын Мусейлимы погибли в самом ее начале. Йемамцы бились бешено и даже погнали Халида до

его лагеря, истребив множество корейшитов, но затем что-то случилось, боевое счастье от йемамцев отвернулось, они побежали. Халид вступил в Акрабу и спалил ее дотла. Об этой битве рассказывают много легенд, причем часто приводят слова Мухаммеда о Мусейлиме, что-де при Мусейлиме постоянно был дьявол, и Мусейлима ему повиновался и потому преуспевал во зле. (В битве при Акрабе «дьявол» Раххаль погиб, и Мусейлима стал терпеть поражения.)

Командование над йемамцами принял Мухакким, он кое-как организовал отступление и направил всех уцелевших в место Убад, в «харам» Мусейлимы. Он прикрывал отступление и на пути в «харам» был убит стрелой, пущенной сыном Абу-Бекра, халифа, Абдар-Рахманом. Шурином покойного Мухаммеда.

Бедняга Мусейлима был убит на пороге своего «харама», отступающие еще не успели закрыть ворота. Да и когда закрыли, все было втуне. Мусульмане были ребята бойкие. Один из их офицеров, Бара ибн-Малик, брат известного слуги пророка и передатчика преданий Анаса ибн-Малика, приказал своим бойцам перебросить его через стену-ограду. Разъяренные ханафиды кинулись к нему, но он отбился, открыл ворота и впустил свой отряд, после чего снова запер ворота и перебросил ключ за стену. Взял, так сказать, все на себя. Началась ужасная резня. Мусульмане перебили в «хараме» всех — и йемамцев, и несчастных воришек-усайедитов, которые по-видимому тоже ввязались в драку.

Конец. Ханафиты потеряли 10 тыс. человек и кончились как племя.

Но и мусульманам досталось: список одних только знатных достигает 1200 чел. В их числе — Зейд, старший брат будущего халифа Омара.

Убийцей Мусейлимы признают абиссинца Вахшия ибн-Харба (им. падеж), он же убил при Оходе дядю пророка, Хамзу. Этот Вахшия объявил: «Я убил лучшего из людей и худшего из людей». (Какой пророк? Мухаммед?)

После боя Халид отправился разыскивать среди трупов Мусейлиму. Он ходил в сопровождении предателя Муджжи. Сначала набрели на труп мощного красавца Мухаккима, командира одного из полков. «Этот?» — спросил Халид. «Нет,— ответствовал Муджжа.— Этот, клянусь богом, лучше и благороднее его. А это — Му-

хакким Йеменский». Потом вошли в ворота и нашли труп человека малорослого, желтого и тупоносого, и Муджжа сказал: «Это и есть ваш враг, и вы избавились от него». Халид: «Неужели этот сделал с вами то, что он сделал?» Муджжа: «Так было, Халид, но, клянусь богом, против вас вышли только передовые застрельщики из людей, а по-настоящему именитые остались в крепостях, и вам с ними не просто будет справиться».

(Мусейлима, как его описывают йемамские шейхи, был низкорослым, очень желтым и тупоносым; м. б., его путали с Раххалем? Даже его муэдзин по имени Худжейр во время призыва к молитве восклицал оскорбительно: «Я свидетельствую, что Мусейлима утверждает, будто он — посланник божий». Отсюда пошли в поговорку слова: «Хорошо сказал Худжейр»!)

Будем считать, что далее события развивались так:

Халид развернулся на Хаджр и другие оставшиеся крепости ханафитов. Слова Муджжи насторожили его, хотя он и не очень доверял показаниям предателя. Впрочем, когда он послал в Хаджр Муджжу с предложением о сдаче, на крепостной стене оказалась огромная масса воинов — это были женщины в воинских доспехах. Халид не знал, что это женщины, и условия капитуляции были смягчены: мусульмане получили только золото и серебро («желтое и белое» по тогдашнему жаргону), кольчуги, коней и четвертую часть сдавшихся (сначала Халид требовал половину сдавшихся). Когда же ворота крепостей открылись и в стенах обнаружились только женщины и дети, Халид в ярости заорал на Муджжу: «Ты обманул меня!», на что тот смиренно ответствовал, что поступил так ради своего народа.

Соглашение (о «самороспуске» йемамцев и полном их подчинении Медине) было заключено, однако кое-кто из «шерифов» ему не подчинился. Началась (мне так ка-аца) партизанская война. Одним (и наиболее видным) ее вожаком был некто Сельма ибн-Умейр, утверждавший, что надо созвать сельских жителей и рабов, запереться в крепостях и отсидеться. Сельма, видимо, был крупной фигурой, в тексте соглашения его имя стоит на втором месте после Муджжи, который, видимо, считался главой представительства поверженных ханафидов. Можно считать, что Муджжа был главарем «шерифов», а Сельма — вождем народной партии. Кончилось тем, что после заключения соглашения Сельма встал на

тропу терроризма, несколько раз пытался пробраться в лагерь Халида и убить его. В последний раз стража загнала его в глухой угол, окруженный непреодолимыми стенами, и тогда он перерезал себе жилы и бросился в колодец. Так-то. Борец за демократию до конца. Народоволец.

(Смущает, что эти события отмечаются годом 663-м. Хотя, м. б., это нам и на руку. Тогда получается: борьба мусульман за Йемаму продолжалась целых тридцать лет... В общем, похоже на то... Ни на что это не похоже: мусульмане овладели Аравией полностью к времени воздвижения на трон халифа второго после Абу-Бекра — Омара (634). Впрочем, хрен с ними обоими.)

Вот и сказочка вся.

Вопрос о том, оставило ли движение Мусейлимы какие-нибудь следы в дальнейшей жизни мусульманского мира, пока (на 1925–1987 гг.) не может быть выяснен.

Сохранились в архиве и наработки сюжетных ходов (как реализованных, так и не) или характеристик основных персонажей:

Эволюция героя (схема):

Непонимание. Понимание и ужас. Попытка к бегству. Возвращение. Предложение выкупить собой.

В один из этих этапов Агасфер приносит Астрономический журнал, где все, как герой желал. Но герой отказывается подписать контракт. Сцена.

Агасфер приносит астрономические журналы, подтверждающие правоту Манохина.

— Ну как, заключим договорчик?

— Нет. Мне это больше не надо. Не интересует.

Древнерусский город Кснятин на р. Сула. Ныне Лубны? Лохвица? Ромны? Место выбрал Владимир Красное Солнышко Святославич (?–1015), закончил Ярослав Владимирович.

«Киш мири ин тухес, менш, унд зай гезунд». («Поцелуй меня в задницу, человек, и будь здоров».)

Герой и мученик конформизма. Ужас перед переменами. «Уничтожь меня, но не трогай их...» Они привыкли, им хорошо, хоть и не сознают они этого хорошего, но что ты от них хочешь? Демиург планирует перемены даже самые благородные, но герой в ужасе. Это будет потрясение, которого миллиарды не смогут пережить.

Опять Армагеддон! Генерал со стальными волосами, спокойный и сдержанный, с картой и указкой. Неутоленное честолюбие, не дали по-настоящему отличиться, а время идет, скоро старость. Отчетливо выделяет момент «Ч» в Апокалипсисе. Обосновывает. (Это момент времени 1985 года, через 2 тыс. лет после Апокалипсиса. И развертка от «Ч» в будущее.) В антихристы себя не предлагает. Желает быть только полководцем, все равно на чьей стороне. Желает состояться.

Демиург — материализованная сила человеческого нетерпеливого стремления кратчайшим путем добиться совершенного социально-психологического устройства, наделенная всемогуществом и по необходимости довольно невежественная. Агасфер-Иоанн — мистическая, непознаваемая компонента Универсума.

Исходная идея — текст из «Гиперболоида» (глава 86):

«Покуда коммунизм будет волочь на себе все человечество на вершины культуры, я это сделаю в десять лет... К черту! — скорее, чем в десять лет... Для немногих... Но дело не в числе...»

Ощущая свое невежество, Демиург обращается за помощью к человеческим идеологам. Это и есть процесс, описываемый в повести. Почти все он отвергает — слишком громоздко, а главное — основную работу, самую грязную, идеологи норовят взвалить на него, Демиурга.

Он Демиург не потому, что уже создал человеческую Вселенную, а потому, что намерен создать.

Он сомневается (это ему рассчитали) в неизбежности колоссальных жертв и мучений, тем более что уже был неудачный эксперимент с Христом, но ему безразлично, умрут ли сто человек один раз или умрет один человек сто раз. Таков расклад, таков закон игры, социальной природы: сумма мучений в мире преображаемом и сущем есть величина постоянная. И еще: заданное Приро-

дой Вещей твердое соотношение между темпами реконструкции и количеством страданий.

Мы должны описывать мир в процессе СТАНОВЛЕНИЯ, описывать момент, когда СТАНОВЛЕНИЕ едва зарождается, ВСЯ ИСТОРИЯ ВПЕРЕДИ, а то, что было, это хаос, бестолковые метания человечества, как слепой кутенок ищет соски у суки-матери.

Люди принимают Демиурга кто за Бога, кто за Дьявола, кто за Антихриста, а в общем людям на эго наплевать, им лишь бы всемогущий.

Сцена: Демиург, Бог, Всемогущий, Альфа и Омега,— плачет от сознания своего бессилия. Картина.

Ссора-спор между Демиургом и Агасфером-Иоанном.

— Торопишься, скупаешь, сволочь, страшишься, хочешь ухватить побольше до Светопреставления...

— А ты? Не торопишься? Тоже боишься не успеть, пока они сами себя не прикончат какой-нибудь ядерной зимой?

Агасфер-Иоанн (на манер Махно у А. Толстого): В 67-м у Латинских ворот меня варили живьем в кипящем масле... Так выковываются вожди душ человеческих. Понятно?

По повестке явился однажды культурный атташе заокеанской державы. Разговор с реминисценциями из «Псалма Лейбовицу» Миллера[1]. Принес виски и сигареты.

Следом в сопровождении дворника явился Гражданин в кепочке. Тоже может быть интересный разговор.

Явилась девица и продала, не сходя с места, душу за посвящение в ведьмы. Живет с Манохиным. Ссорятся. Она доносит в милицию. Является милиционер, его доводят до обалдения.

— Он прислужник сатаны! Он меня хотел изнасиловать!

— Кому она нужна? Она же хвостатая, кусается!

---

[1] Имеется в виду, конечно, роман У. Миллера «A Canticle for Leibowitz», известный в русских переводах под названиями «Страсти по Лейбовицу», «Гимн Лейбовицу», «Кантата для Лейбовица» и «Песнь для Лейбовица».— *В. Д.*

Проверка документов.

Демиургу это надоело. Однажды Агасфер утром показывает Манохину барельеф на стене — Ведьма в натуральную величину. Манохин ужасается. Но уже вечером ведьма звонит, просит прощения, просится обратно. Ее не пускают. Она все время ошивается возле дома.

Вот идея: Демиург ищет 7 праведников. Если найдет в мире семь праведников, то спасет мир.

Не стоит село без праведника.

М. б., Демиург ищет праведника?

М. б., Иисус был таким праведником и спас в свое время мир?

А теперь Манохин?

1. Мир, лишенный страха.

2. Рагнарады для властителей — властители делаются гнойными и прокаженными.

По-прежнему продолжается 11-е ноября. По-прежнему на дворе слякоть и дождь вперемешку со снегом. Если я не просчитался, двадцать второй день.

Шестиэтажный дом напротив. Пятый этаж, четвертое окно от левого угла.

Почта.

Ведьма.

Журналы с подтверждением гипотезы Манохина.

Попытка к бегству.

Продолжение биографии Агасфера-Иоанна.

Описание типического дня, с утра до вечера.

В ванной обнаружил говорящего крокодила. Или уж прямо взять спрута Спиридона?

Смотрят «Капитана Клосса» («Ставка больше чем жизнь») и выпивают по рюмке за каждого застреленного. Потом «Ставка» кончается и начинают показывать 3-ю серию «Войны и мира». Бородинскую битву. Очнулись наутро под столом. Экран мерцал бессмысленно.

И еще:

Нет, никаких апокалипсисов он не писал. Он и писать-то тогда не умел, тем более по-гречески. Но не прошло ему даром купание в кипящем масле, да и скудная жизнь на голом островке давала себя знать, диковинные видения посещали его во сне, а иногда и среди бела дня, и он, принужденно похихикивая в нечистую бороду, излагал их верному Прохору, и Прохор благоговейно, страшась упустить хотя бы слово, заносил все на свои пергаменты, на ходу переводя с арамейского на греческий. (Тут нелишне заметить, что бывший ученик писца арамейский знал весьма посредственно, многие тонкости галилейского просторечья, осложненного имперским воровским жаргоном, остались для него непонятны, и неясные места он обильно восполнял недюжинным своим воображением.) В свободное от занятий время они собирали ракушки, коптили рыбу на кострах из колючек и плавника, иногда воровали у фригийцев козий сыр. Они обросли и невероятно обтрепались, и в один ненастный день Иоанн вооружился дубиной и отправился в поселок, и вернулся с тюком невыделанных козьих шкур на плечах. Прохор ни о чем не спросил своего возлюбленного учителя и господина, но Иоанн все же проворчал: «Мужичье вонючее, всяк сам за себя. Одного волтузишь, остальные стоят и смотрят. Одно слово — пастухи. Да еще и азиаты вдобавок». Они облачились в шкуры, препоясались обрывками каната, выброшенными морем, и с тех пор Иоанн зачастил к фригийцам, причем возвращался почти всегда с дарами, как он это называл: то с бурдюком простокваши, то с плоским желтоватым сыром, а то и с добрым ломтем вяленой козлятины. Однажды вечером, ковыряя после ужина в зубах, Иоанн, покосившись на ученика, произнес: «Тебе бабу не привести? Что ты все с козами да с козами, естество испортишь...» Прохор только молча покачал головой.

Нет, ему было не до баб. Плоть его мучила, но когда становилось совсем нетерпеж, он убегал к пастбищам и подстерегал отбившуюся от стада козу, и этого ему вполне хватало. Иоанн посме [Далее отсутствует.— *С. Б.*]

Сохранилась черновая разбивка порядка чередования в ОЗ дневника Мытарина и рукописи Манохина:

Дневник		Рукопись «ОЗ»
стр. 1–4. Необходимые пояснения стр. 31–33. 10 июля. Патруль		
	1–3	стр. 1–12, 29–32, 12 (переход). Дом, Аг. Л. (1), приемная
стр. 5–10. 12 июля. Флора.		
	4	стр. 12 (переход), 12–25. Аг. Л. (2)
стр. 11–13. 14 июля. Концерт Джихангира		
	5–9	стр. 25–29, 109–110. Колпаков. Разговоры об истории. стр. 32–37, 38. Парасюхин, Сталин
стр. 14–23. 16 июля. Мэр, Ревекка стр. 24–27. 17 июля, утро. Наркомафия стр. 27–30. 17 июля, вечер. Гормилиция		
	10–14	стр. 38–45. Иоанн (1) стр. 45–52. КГБ
стр. 34–35. 18 июля, утро. Рассуждения стр. 35–43. 18 июля, вечер. Начало кампании, пикеты, диспут в столовой		
	15–18	стр. 52–55. Драка богов стр. 55–56. Гершкович (еврей) стр. 56–62. Мир [1 слово нрзб — *С. Б.*]
стр. 43. 19 июля, утро. О Леме стр. 43–51. 19 июля, 20.30. Статья Г. А.		

Дневник		Рукопись «ОЗ»
	19–22	стр. 63–69. Иоанн (2) стр. 69–73. Картина-мотоцикл стр. 73–77. Иоанн (3)
стр. 52–55. 20 июля, ночь. Разговор с Ваней стр. 55–59. 20 июля, утро. Осада		
	23–25	стр. 77–81. Быт апостолов стр. 104–109. Гипотезы о Демиурге стр. 82–88. Арабы (1)
стр. 59. 20 июля, 13.00. Отъезд Мишеля стр. 59–61. 20 июля, 15.00. Посещение Первого стр. 61–65. 20 июля, 17.30. Г. А. с предателями стр. 65. 20 июля, 19.00. Конец осады		
	26–27	стр. 88–98. Арабы (2)
стр. 66. 20 июля, 24.00. Нуси стр. 66. 21 июля, 2 ч. ночи. О сыне Г. А.		
	28–29	стр. 98–103. Иуда стр. 110–113. Конец
стр. 67–69. Необходимые заключения		

ЧЕРНОВИК

Черновик ОЗ, сохранившийся в архиве, представляет собой два машинописных текста — рукопись Манохина (113 страниц) и дневник Игоря Мытарина (69 страниц). Практически каждая страница содержит рукописную правку, причем, судя по тому, что правки производились то карандашом, то авторучкой, то шариковой ручкой (цвет пасты при этом тоже варьируется — синий,

черный, фиолетовый), правился черновик не единожды и даже не дважды.

Некоторые описания из рукописи Манохина Авторы переносили в другое место. К примеру, описание приемной (мебель, книги, кресла, телевизоры, телефоны) и уборки в ней ранее располагалось не сразу после первого знакомства Манохина с Агасфером Лукичом и перед эпизодом с шофером Гриней, а после приема Демиургом Колпакова. Описание же разговоров с Агасфером Лукичом об истории первоначально находилось в самом конце рукописи — после эпизода с появившемся в квартире Демиурга Иудой. Рассказ об астрономическом журнале, где подтверждалась теория Манохина, и последующий разговор Агасфера Лукича с Манохиным относительно переживаний последнего насчет службы у Демиурга в черновике располагался не между размышлением Манохина о проникающем в него всезнании и появлением Муджжи ибн-Мурары, а после появления Иуды и перед посещением Парасюхиным мира его мечты.

Есть и некоторые интересные эпизоды, отсутствующие в окончательном варианте. К примеру, когда Агасфер Лукич выдвигал «пути излечения моей хвори», как описывал Манохин свое состояние по поводу ошибки в астрономических расчетах, давались еще такие варианты:

Первый и наиболее простой, наиболее естественный путь предполагал трансформацию моей духовной сущности. Не составило бы труда, например, сделать так, чтобы все интересы мои целиком и полностью переключились, скажем, на энтомологию (тем более что степь вокруг полна насекомых, многие из которых никем не описаны); соответствующие публикации, умеренный почет и вообще доброжелательное отношение со стороны профессионалов при этом гарантировалось. Предлагалось и еще более простое решение: крошечная операция на психике, и нынешние мои непереносимые муки совести и гордости просто исчезнут без следа, подобно тому как невозвратимо исчезли и вызывают сейчас лишь снисходительную усмешку все мои ужасы, когда как-то зарыл я от мамы под кустом свой табель с двойкой и двумя тройками.

Этот путь я отклонил почти без размышлений. Я не слишком высокого мнения о своей личности, но и менять ее вот так, за здо-

рово живешь, при первой же серьезной неприятности я не собирался.

Впрочем, второй путь был и того хлеще. Предлагалось ни много, ни мало затормозить весь участок науки, имеющий касательство к теории «звездных кладбищ». Разумеется, не навсегда, а лишь только на время моей жизни. План предусматривал прежде всего создание, внедрение и распространение мнения о том, что работы Манохина совершенны и не требуют более никаких уточнений; буде обнаружатся колеблющиеся или скептики, предусматривалось такое воздействие на наблюдательную их аппаратуру, которое самого скептического скептика приведет к мысли заняться лучше чем-нибудь другим; и, наконец, самые упрямые маловеры, энтузиасты и галилеи нейтрализуются отфутболиванием их вверх, на хорошо оплачиваемые административные посты, далекие от наблюдений.

Этот второй путь был гордостью Агасфера Кузьмича, он мне не излагал его, он его пел, как скальд, как бард, как ашуг или менестрель. Чувствовалось, что это дело он знает особенно туго. И он был очень обескуражен, когда я решительно отказался и от этого пути...

При вынесении приговора Иакову и Иоанну в черновике добавка: «Тут господин следователь ощутил очередной приступ недомогания». Пойло, которое им вливали в рот, сначала описывается как «омерзительное», позже правится на «смертельное». И процедура с кипящим маслом: «это было неописуемо больно» правится на «это было невыносимо больно». Но о стилистической правке позже.

И в рассказе о Саджах («Она была христианка») в черновике еще было: «...и нюансы ислама ее не интересовали...»

Много в черновике фактической правки.

Агасфер Лукич в первом варианте черновика имел другое отчество — Кузьмич. Изменялись фамилии астрономов: Исикава, а не Нисикава; Де-Прагес, а не Де-Спрагис. Рабби в черновике назывался Равви.

В конце «Необходимых пояснений» идет подпись: «Игорь К. Мытарин», в рукописи Мытарин называется Игорем Всеволодовичем, перед «Необходимым заключением» идет примечание

«Игоря В. Мытарина». Эта опечатка Авторов («К.» вместо «В.») из черновика проникла в некоторые издания.

Первый диалог Демиурга и Агасфера Лукича отличался большей... жестокостью, что ли, по отношению к человечеству. Если в окончательном варианте в словах Демиурга присутствует некая описательность и размышления:

— Какая тоска! — произнес он словно бы сквозь стиснутые зубы.— Смотришь — и кажется, что все здесь переменилось, а ведь на самом деле — все осталось, как и прежде...

<...>

— Зато как ВЫ изменились, Гончар! — откликнулся он наконец.— Положительно, вас невозможно узнать! Да вас и не узнает никто...

Тот, что стоял у окна, хмыкнул. Дрогнула косичка. Колыхнулись крылья черной хламиды.

— Я говорю не об этом,— сказал он.— Вы не понимаете.

<...>

— Вы и не можете понять,— продолжал тот, что стоял у окна.— Все это время вы торчали здесь, и вам здесь все примелькалось... Я же смотрю свежим глазом. И я вижу: какие-то фундаментальные сущности остались неколебимы. Например, им по-прежнему неизвестно, для чего они существуют на свете.

то в первоначальном варианте намечается план действий:

— Какая тоска! — произнес он словно бы сквозь стиснутые зубы.— Может быть, махнуть на все рукой и начать сначала?

<...>

— Махнуть рукой? — переспросил он наконец.— Какая странная идея!

Тот, что стоял у окна, хмыкнул. Дрогнула косичка. Колыхнулись крылья черной хламиды.

— Вы правы,— сказал он.— Точнее было бы сказать — плюнуть на всё. С высокой колокольни.

— Блистательная идиома,— рассеянно сказал серый человечек.

<...>

— Да-да, Гончар,— продолжал он, отвлекшись от своего занятия. Он заложил блокнот толстым пальцем и стал смотреть в спину

стоявшего у окна, в гладкое черное пространство под косицей.— Это очень неплохо у вас получилось — насчет высокой колокольни. Вы на редкость быстро осваиваете язык. Я это и раньше замечал за вами. Что же касается содержательной части вашего заявления...

— Какие-то фундаментальные принципы тут подорваны,— не слушая его, проговорил стоявший у окна.— Как будто неизвестно, для чего они существуют на свете.

Далее Демиург упоминает тайну за семнадцатью замками, а Агасфер Лукич поправляет: «За семью печатями...», с чем Демиург соглашается. В черновике последний не только соглашается, но и добавляет: «Уж это-то мне следовало бы помнить».

Когда Демиург спрашивает об оплате Манохину («...что он просит. Цена!»), Агасфер Лукич отвечает: «Я в этом ничего не понимаю». Авторы правят: «Я в этом плохо разбираюсь», ибо далее по тексту можно узнать от Манохина, что Агасфер Лукич «понятлив и догадлив».

«О, мой отец — существо необыкновенное...»,— говорит Агасфер Лукич в черновике и переводит разговор на другую тему. Хотевшему казаться простым, Агасферу Лукичу такие загадочные ответы не свойственны, и Авторы изменяют: «О, мои родители — они были так давно...» Но вместе с тем речь его неординарна, поэтому привычное выражение «глазом моргнуть не успеешь» в его речи Авторы правят на «чихнуть со вкусом не успеешь».

Первоначально Демиург, обращаясь к Манохину, называет его Сережей. Авторы правят везде Сережу на Сергея Корнеевича: Демиург вежлив и велеречив.

Правят Авторы и стоимость водки, причем правят «с запасом», в расчете на дальнейший рост цен. Было: «Четыре двенадцать. А повезет, так и три шестьдесят две». Стало: «Семнадцать тридцать пять. А повезет — так десять с маленьким».

Исправлены и фактические ошибки (такое уже было в ЗМЛДКС): прокуратура или следствие, районный судья или следователь (в древней Александрии, о нем же сначала «большой антисемит», затем — «завзятый антисемит»),

«Потому и верю я, что это бессмысленно» — эти слова АБС сначала неверно приписывают Блаженному Августину, потом ис-

правляют на «достославного Квинта Септимия Тертуллиана, епископа Иверийского» (эта ошибка проникла в журнальное издание). Хабар подельники прогуливали на окраине Иерусалима, затем Авторы заменяют на окраину Александрии.

Собак, которыми их пытались травить, Прохор и Иоанн съели: «поджарив на костре» — в черновике, «зажарив на угольях» — позже. Прохор провел в окружении прикахтов: в черновике «почти три десятка лет», исправлено на «четыре десятка лет».

Торговую компанию по закупке и продаже теней Иоанн-Агасфер планирует: «Создание рынков сбыта в Риме, в Александрии, в Дамаске, выход по «шелковому пути» в Индию и дальше, в Китай...» «В Индию» исправляется на «к парфянам».

«Ведь Иоанн не старился, он так и оставался крепким тридцатипятилетним мужиком...» ТРИДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ правится на СОРОКАПЯТИЛЕТНИЙ.

«Библия в издании Московской епархии». ЕПАРХИИ исправляется на более верное ПАТРИАРХИИ.

В описании кабинета Парасюхина упоминается «огромный письменный стол с огромным письменным прибором» и тут же подается недоумение Манохина. Причем в рукописи оно звучит так: «...представления не имею, откуда он это-то припер...», а в изданиях: «...представления не имею, откуда прибор...» То есть в первом случае недоумение по поводу стола и прибора, а во втором — только по поводу прибора. Оторвавшаяся пуговица с манжеты рубашки Манохина в черновике ускользает в унитаз, что несколько странно и маловероятно, а вот правка «в рукомойник» ставит все на свои места: вполне можно расстегивать манжеты, чтобы помыть руки, и уронить оторвавшуюся при этом пуговицу в рукомойник.

Мордехай Мордехаевич (Матвей Матвеевич) в черновике значится как Мордка Мордухаевич[1]. О нем же говорится: «Он из тех знаменитых евреев, которые способны вызвать приступ острого антисемитизма у самого Меира Кахане или даже у теоретика сионизма господина Теодора Герцля». В черновике вместо Кахане и

[1] Согласно весьма жесткой еврейской традиции сына никогда не называют тем же именем, что и отца. Видно, Авторы мало в этом разбирались. — *В. Д.*

Герцля значатся Шимон Перес и Жаботинский. И названы в черновике фамилии во фразе: «В кухне становится черным-черно, как в известном письме известного писателя известному историку». Это Астафьев и Эйдельман.

Бальдур Длинноносый в черновике назван Бальдуром Одноруким, а река Ташлица — Ташлинкой. Мэр ошибочно называет Мытарина не Васей, а Сашей Козловым.

В классификации неедяк о классе «Отшельников» говорится: «Желающие слиться с природой. Торо и прочее». Авторы правят окончание: «Руссо, Торо, все такое».

Орудие, которым Мытарина били по уху «дикобразы», описывается в черновике так: «Возьми велосипедную цепь. Туго обмотай изолентой в четыре-пять слоев». Авторы правят количество слоев изоленты — «десять-пятнадцать».

Мэр заявляет Носову, что беспорядки после концерта Джихангира оцениваются в общем и целом: первоначальный черновик — «тысяч на двадцать пять», правка черновика — «тысяч на двадцать», публикации — «тысяч на пятнадцать».

Итэдэшники первоначально назывались индивидуалами.

Несколько раз в черновике Георгий Анатольевич Носов называется Георгием Антоновичем. А обращается он в черновике к Мытарину не «ваша светлость», а «князь Игорь». Повар Ираклий Самсонович в черновике зовется Самсоном Амазасповичем и приносит он не «белый соус к биточкам», а «соус ткемали».

Костюмчик на хомбре был не «ворсовый», а «варсовый». Может быть, АБС попытались придумать какую-то новую ткань, но «бдительный» корректор это исправил?[1]

Агасфер Лукич, появившийся у Носова, описывается в черновике и в окончательном вариантах по-разному. В черновике:

Собственно, это маленький, кругленький, лысоватый, грязноватый человечек с огромным, нарочито огромным потрепанным портфелем. Манеры — приторные до подхалимства. Физиономия совершенно бесцветная. Одно ухо красное, другое желтое.

Они с Г. А. скрылись в кабинете, а я все никак не мог разобраться. Немыслимый скрученный галстук с узлом под левой зеб-

[1] Имеется в виду «слэнговая» характеристика костюма: попсовый, забойный... варсовый. Новояз.— *БНС.*

рой. Пиджачная пуговица на сытом животике висит на последней нитке. И штиблеты. Где он взял такие штиблеты? У одного только Чарли Чаплина были такие штиблеты. И тут меня осенило: человечек этот, весь как есть, вывалился к нам в лицей прямиком из какой-то древней кинокомедии прошлого века. Еще черно-белой. Весь как есть, даже не переодевшись.

В изданиях:

Физиономия совершенно бесцветная. Манеры — приторные до подхалимства. Одно ухо красное, другое желтое. Пиджачная пуговица на сытом животике висит на последней нитке. И штиблеты! Где он взял такие штиблеты? Не туфли, не мокасины, не корневища, а именно штиблеты. У одного только Чарли Чаплина были такие штиблеты. И тут меня осенило: человечек этот, весь как есть, вывалился к нам в лицей прямиком из какой-то древней кинокомедии. Еще черно-белой. Еще немой, с тапером... Весь как есть, даже не переодевшись.

Телефон с запоминающим устройством в квартире Демиурга сначала на двадцать пять номеров, затем — на двести пятьдесят шесть.

Изменены и слова Г. А. после встречи с Агасфером Лукичом. В черновике: «“Вообще-то он страховой агент,— сказал Г. А.— Формально! А на самом деле... Ладно, там видно будет”». В окончательном варианте идет диалог: «“А тебе этот человек никого не напоминает?” — спросил он. Я сказал, что Чарли Чаплина. “Чарли Чаплина? Вот странная идея”,— произнес Г. А., и разговор наш на этом закончился».

Как пример, что невозможно было Иоанну объяснить полученное знание будущего, приводится сын «вольноотпущенника и галльской рабыни». Исправляется на «вольноотпущенника от иберийской рабыни».

В офлайн-интервью, ведущемся на сайте «Русская фантастика», где любой желающий может задать вопрос БНу и даже (если вопрос будет интересный) получить на него ответ, немало вопросов звучит от молодых авторов по поводу техники творчества. На

вопрос «Много ли времени или усилий Вы уделяете отделке языка ваших произведений?» БН отвечает так: «Много. Половину всего времени работы над текстом». А на вопрос: «Можно ли сказать, что со временем Вы набили руку, и эта отделка стала даваться легче?» ответ такой: «Ни в малейшей степени. Наоборот: чем дальше, тем труднее».

Слово «труднее» в ответе БНа можно объяснить растущей требовательностью к своему тексту маститого автора. Там, где раньше автор прошел бы мимо неточно употребленного слова или избитой частым употреблением фразы, теперь он старается сделать текст не только максимально точным, зримым, но и неординарным, своеобразным.

Ниже перечислены лишь наиболее яркие примеры такой правки.

В самом начале рукописи Манохин описывает дом, в котором ему пришлось обитать, и, рассказывая о подъезде, он пишет: «...стекла окон были чисты и прозрачны...» Авторы правят ЧИСТЫ на ВЫМЫТЫ. Тринадцатый подъезд, где обитала странная компания, первоначально в рукописи был двадцать третьим, а дверь в вестибюль этого подъезда была с «крашеной» (первоначально — «дубовой») ручкой. Тут же, на четвертом этаже лежал полураскрытый «портфель» («чемоданчик» — правят Авторы) с высовывающимся из него вафельным полотенцем.

В описании внешнего вида Агасфера Лукича «ПОТНЫЕ белесые волосенки прилипли к черепу» правится на «ВЛАЖНЫЕ белесые волосенки прилипли к черепу». Рот у Демиурга искривлен «то ли застарелым инсультом, то ли жестоким страданием». ИНСУЛЬТОМ Авторы правят на ПАРЕЗОМ. Часто по всему тексту там, где Агасфер Лукич называется «человеком», Авторы правят ЧЕЛОВЕК на ЧЕЛОВЕЧЕК, подчеркивая как его рост, так и его стремление быть маленьким, незаметным. Еще об Агасфере Лукиче говорится, что он «больше всего напоминает артиста Леонова (Евгения), играющего закоренелого холостяка». Авторы уточняют: вместо ИГРАЮЩЕГО — В РОЛИ. Он же, по мнению Манохина, «оказался человеком чрезвычайно легким и приятным в общении». Авторы находят более правильное выражение: «...проявил себя как человек чрезвычайно легкий и приятный в общении».

Странности Агасфера Лукича описываются так: «Например, эта поразительная его записная книжка... или тот случай, когда

он говорил в отключенный телефон... но это ладно, это потом». Авторы исправляют неудачное «тот случай, когда он говорил» и добавляют странностей, как бы перечисляя их: «Например, эта поразительная его записная книжка... или манера класть на ночь свое искусственное ухо в какой-то алхимический сосуд... или другая манера — бормотать что-то неразборчивое в отключенный телефон... но это ладно, это потом. И я уже не говорю про портфель его!» Предложение Агасфером Лукичом услуг: «рассыпал <...> бисер всех услуг, которые предоставляет...» Авторы добавляют: «роскошный бисер».

«Прямой» вопрос о родителях Агасфера Лукича Манохин задавал, объясняя неудобностью спрашивать у «незнакомого» человека, откуда у него такое странное имя. Авторы уточняют: вместо «прямой» — «облический», вместо «незнакомого» — «малознакомого».

Вид Агасфера Лукича, говорившего в отключенный телефон непонятные слова и фразы, сначала заинтриговал Манохина, затем это действие его смешило. Когда же он увидел это тайком, то впечатление свое он описывает так: «Страшно это было, а не смешно...» Авторы добавляют выразительности: «Страшно это было, до обморока страшно, а вовсе не смешно...»

За дверью в Кабинет видна была «космическая тьма». «Космический мрак» — правят Авторы. Необозримая кровать, описываемая Манохиным в приемной, «на которой лежат двенадцать полумягких стульев, а могло бы лежать двенадцать десантников со своими девками». Авторы убирают повтор и одновременно находят более точное слово: не ЛЕЖАТЬ, а ВАЛЯТЬСЯ.

Один из клиентов Демиурга «пришел просить для нашего рубля статуса свободно конвертируемой валюты». Авторы правят: не ПРОСИТЬ, а ВЫПРАШИВАТЬ,— и уточняют: не просто «нашего рубля», а «нашего советского рубля». Телепередача о том, как восстанавливать и затачивать иголки для примуса, сначала называется «наглядным уроком», затем «практическими уроками».

О содержимом платяного шкафа Манохин пишет: «Можно найти там...» Но НАХОДЯТ обычно тогда, когда ИЩУТ. Авторы находят более точное: «В шкафу можно обнаружить...»

«Решительно не запомнилось мне...» — так описывает Манохин окончание разговора Агасфера Лукича и шофера Грини. Авторы правят: «Решительно не сохранилось в моей памяти...»

«Странно и дико устроен человек»,— рассуждает Манохин. Авторы находят более точное слово: «Дико и нелепо устроен человек».

Движения Колпакова описываются как «замедленные»; Авторы уточняют: «плавно-замедленные», и добавляют: «Умеренность — его лозунг». Правят Авторы и разговор Колпакова с Демиургом. Колпаков отзывается «без промедления» (добавлено: «без малейшего промедления»). Демиург отвечает цитатой «бархатным, раскатистым голосом профессионального актера старой школы» (добавлено в начале фразы «нарочито»). Отвечает Колпаков после правки не просто произнося, но произнося «с напором».

В речь Парасюхина Авторы тоже вносят дополнения: «Учитывая угрожающее размножение инородцев... учитывая, что великоросс не составляет уже более абсолютного большинства...», «Право же... мне немножко дышать... неудобно...», «Третья мировая уже идет... сионизм против всего мира...». Но убирают при описании Колпаковым переселения евреев на Таймыр заявление: «Никаких школ, никаких больниц...» И убирают предположение Манохина о пропавшей шляпе Парасюхина: «...улетела в пролет, что ли?» Тут же визг Парасюхина Манохин сравнивает — «как баба». Манохин — интеллигент, поэтому Авторы правят — «как женщина». Когда Парасюхин появляется перед Демиургом, Манохин пишет: «Никаких тезисов на столе перед ним не было...» Вместо «не было» Авторы ставят «не усматривалось».

Демиург замечает с сожалением о посетителях: «Все они заговорщики или сбиры. Никто из них не знает Тайны». И тут же, в рукописи, Авторы правят: «Все они хирурги или костоправы. Нет из них ни одного терапевта»[1].

Иоанн и Иаков в детстве описываются как «хулиганы и гопники»; ГОПНИКИ исправляются на ШКОДНИКИ. И добавляется:

---

[1] Авторы сперва сделали явную отсылку к «Виконту де Бражелону» Дюма. Вот точная цитата из перевода под редакцией И. Гликмана (часть 3, глава 34): «Все эти люди — шпионы или же сбиры; ни один из них не годится в генералы; все они пооткрывали заговоры, никто не выведал тайны». Но потом, видимо, решили, что в устах Демиурга — это слишком «светская» цитата. К тому же сюжетное сходство между сценой

«Срань господня». О Каифе Иоанн вспоминает, что тот «тоже давно подох». Авторы правят ПОДОХ на ОТКИНУЛ КОПЫТА.

Сначала Авторы так и называют последний ужин с Христом «тайной вечерей», затем правят — «той последней трапезы». И об Иоанне пишут сначала «почудилось ему вдруг», затем исправляют на «помстилось ему вдруг».

Спокойствие Смирнова, майора госбезопасности, сравнивалось: «будто в гости пришел в семейный дом чай пить». «Чай пить» Авторы правят на «коньячок пить и лимончиком закусывать».

«Вы — человек?» спрашивает майор Демиурга. Авторы правят на более пространное: «Но вы, я полагаю, человек?» И далее он же говорит: «Мне приходится сделать вывод, что вы все-таки не человек». И опять правка: «Прикажете мне сделать вывод, что вы все-таки не человек?» И в конце Демиург не просто ответил, а «прогрохотал».

«Когда он трупом лежал в луже собственной блевотины» — пишется об Иоанне. ЛЕЖАЛ заменяется на более точное ПЛАВАЛ.

«Он бы только подивился неожиданной мысли» — пишется об Иоанне. «Неожиданному баловству мысли» — находят Авторы более точное выражение. «Лингвистическое удушье» (кстати, великолепно сказано!) ощущается Иоанном СТРАШНО, исправляется на МУЧИТЕЛЬНО. О законах генетики Иоанн пытается рассказать, сплетая и расплетая пальцы, чтобы «показать механизм» — исправляется на «продемонстрировать механизмы». А учится рассказывать о полученном знании Иоанн, чтобы получать от этого ИСТИННОЕ (позже — ИСЧЕРПЫВАЮЩЕЕ) наслаждение. Прохор, записывая рассказы Иоанна, дополнял их своими пояснениями: «с неописуемым простодушием и уверенностью» — в черновике, «с самоуверенностью первого прозелита» — в изданиях. Апокалипсис характеризуется Авторами как «остросовременный политический памфлет», затем добавляется еще и оп-

---

Дюма (смотром соискателей должности генерала ордена иезуитов) и сценой АБС (смотром Демиургом реформаторов человечества) невелико и потому вполне резонно заменили цитату приблизительную — скрытой, аллюзией даже, которая в то же время более прозрачно раскрывает суть посетителей Демиурга: «Нет из них ни одного терапевта».— *В. К.*

ределение «сверхзлободневный». А «первые толкователи» Апокалипсиса описываются как «первые яростные толкователи».

Агасфер Лукич называет принесенную Манохиным картину поначалу просто «картиной». Авторы правят на более изысканное: «Это живописное произведение...»

Во время разговора с проституткой Парасюхин упоминает «желтого» (в изданиях исправлено на «косоглазого») азиата, а шлюха курит длинную «дамскую» (исправлено на «шведскую») сигарету.

Возглас Демиурга, прервавший разговор Агасфера Лукича и Манохина о тяжелой судьбе Демиурга, в черновике звучал так: «На кухне! Из восьмого котла утечка! Опять хвостами трясете?» Авторы правят: вместо ВОСЬМОГО — ЧЕТВЕРТОГО, а вместо фразеологизма «хвостами трясете» — «под хвостами выкусываете».

Появившегося Муджжу ибн-Мурару Манохин сначала называет просто «стариком», Авторы правят на «этого жирного старца». А вот относительно времени в черновике Авторы были более точны. В черновике во время разговора Муджжи и Агасфера Манохин замечает: «Однако к этому моменту я понял, что не пропустит [Муджжу к Демиургу — *С. Б.*]». Правка: «Однако ДОВОЛЬНО СКОРО я понял...» размывает точность, когда Манохин это понял. А вот в черновике все ясно — после последней фразы Агасфера Лукича.

Имя «Мусейлима» по отношению к первоначальному «Маслама» Авторы переводят на русский как «Масламишка паршивый». Позже правят ПАРШИВЫЙ на ЗАДРИПАННЫЙ.

В надписях на комбинезонах абитуриентов («БАМСТРОЙ, ТАМСТРОЙ, СЯМСТРОЙ») в черновике Авторы используют противопоставление не «там — сям», а «там — тут»: «БАМСТРОЙ, ТАМСТРОЙ, ТУТСТРОЙ». Сами же юнец с юницей взирали на происходящее: в черновике «с ужасом и жадным любопытством», исправлено на «с трепетом и жадным любопытством».

Много стилистической правки и в дневнике Мытарина.

В «Необходимых пояснениях» Мытарин пишет: «...вместо того, чтобы просто рассказать правду...» ПРАВДУ Авторы изменяют на ТО, ЧТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ, ибо правда — понятие относительное, у каждого своя. Далее Мытарин оправдывает свое предисловие: «...рукописи, составляющие книгу. Они, на мой

взгляд, несомненно требуют некоторых пояснений». Снова идет правка: изменяется НЕСОМНЕННО на БЕЗ ВСЯКОГО СОМНЕНИЯ, НЕКОТОРЫХ на ОПРЕДЕЛЕННЫХ. Первую рукопись Мытарин характеризует так: «Это мои заметки, черновики, наброски, кое-какие цитаты, записки, в том числе и дневникового характера, для отчет-экзамена по теме "Учитель двадцать первого века"». В ТОМ ЧИСЛЕ И правится на ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ. О своем же дневнике в черновике Мытарин замечает: «Я почти не исправлял эти заметки». Вряд ли юный Мытарин писал столь литературно, поэтому Авторы меняют эту фразу на: «Я основательно отредактировал эти записи». Дальше Мытарин пишет: «Все-таки эта книга о нем, а не обо мне». И опять уточняющее: «Все-таки эта книга прежде всего о нем, и только потом уже — обо мне». О названии второй рукописи Мытарин размышляет: буквы это, ОЗ, или все-таки цифры, телефон «Скорой помощи», «и странное название вдруг обретает особый и странный смысл». Вновь Авторы уточняют: не СТРАННЫЙ, а ДАЖЕ ЗЛОВЕЩИЙ. О Манохине Мытарин пишет: «личность вполне реальная». РЕАЛЬНАЯ правится на ИСТОРИЧЕСКАЯ. О самой рукописи Мытарин пишет, что в ней фантастика переплетена с реальностью: в черновике — ТЩАТЕЛЬНО, позже — ЗАТЕЙЛИВО. Но это по смыслу — предисловие Мытарина, написанное много позже.

Дневник же Авторы правят исходя из наибольшей стилизации под молодежную (мало того! молодежную будущего) речь.

«Загнать с глаз долой» — «ПРОПЕРЕТЬ с глаз долой». «Что ты мне про него говоришь?» — «Что ты мне про него БОЛБОЧЕШЬ?». «А я про подонков тебе!» — «А я про НИЩЕДУХОВ тебе!». «Это же совсем другое дело» — «Это же совсем ДРУГОЙ ОБРАТ».

Папку с рукописью Мытарин описывает как «старообразного вида» (Авторы правят — «музейного вида») и предполагает в ней дневник какого-нибудь «кроманьонца» (Авторы правят — «древлянина»).

В описание стойбища Флоры во фразе «А в отдалении, сцепившись рогами, пасется целое стадо мотоциклов» ПАСЕТСЯ правится на ТЕСНИТСЯ.

Сленг Флоры описывается сначала как «адская смесь исковерканных русских, английских, немецких, японских слов...».

АДСКАЯ правится на УЖАСНАЯ, ибо в произведении много религиозных моментов в прямом смысле. А вот в рукописи перечень языков был полнее, там присутствовал еще и польский язык. По той же причине религиозности многих глав ОЗ, вероятно, было заменено восклицание мэра «Дьявол!» на «Йокалэмэне!».

Описание самих фловеров: «Да, некоторые их них были грязноваты. Некоторые были грязны до неприятности». Авторы одновременно убирают повтор и добавляют пожелание, заменив слово ГРЯЗНОВАТЫ словом НЕУМЫТЫ (как будто Мытарину так и хочется их всех умыть — Учитель ведь будущий!).

Об одном из фловеров: «Пришел, уселся, отцепил флягу, полил свои корневища водичкой...» Обычное ВОДИЧКОЙ Авторы правят на изысканное ВОДИЦЕЙ.

Описывается «зеленый шум». Затем: «И видно, что им это очень нравится. На лицах улыбки, и даже глаза блестят». Авторы вставляют предложение после «нравится»: «Всем без исключения», добавляют определение: не просто улыбки, а «блаженные» улыбки.

В статье газеты «Молодежные новости» приводится фраза: «Мы надеемся, что милиция с помощью общественности...» НАДЕЕМСЯ правится на УВЕРЕНЫ.

О Ревекке Самойловне Мытарин пишет: «Она немолодая, но по-моему очень красивая». Авторы делают впечатление Мытарина более эмоциональным, заменяя «по-моему очень» на «сногсшибательно».

Когда Мытарин рассуждает о теории подготовки воспитателей, о том, что она появилась, вероятно, из-за нужды в воспитании, он пишет: «Иначе теория ПВП никогда бы не пробилась через джунгли Академии педагогических наук. И не была бы создана система лицеев. И Г. А. был бы сейчас в лучшем случае заурядным учителем в заурядной 32-й ташлинской средней школе». Авторы добавляют к джунглям определение «реликтовые» и заменяют «заурядного учителя» на «передового».

После ночного инцидента в университетской лаборатории «Серафима Петровна вызывала Михея, кормила меренгами и допрашивала с пристрастием». Авторы дополняют «к себе в кабинет» и меняют КОРМИЛА на УГОЩАЛА.

Мытарин описывает свою работу в больнице, в том числе «вел лечебную физкультуру в третьей, седьмой и двенадцатой палате». Авторы обобщают: «по всем палатам третьего этажа».

Мытарин предполагает о Г. А., что «атлетического хомбре и прочих студентов вывел из-под удара именно он». СТУДЕНТОВ Авторы заменяют на СТУДИОЗУСОВ.

Иришка в споре говорит: «А будешь много спорить...» СПОРИТЬ заменяется на ТЯВКАТЬ.

Впечатление Мытарина от газеты «Молодежные новости» в черновике: «Терпеть не могу эту газету». В публикации Авторы заменяют эту фразу вроде бы полностью противоположной: «Замечательная газета», но на фоне слов до и слов после ясно, что это ироническое замечание.

Когда Г. А. утешает начальника телецентра, он напоминает ему, что «было еще хуже». Авторы правят: «...все закручивалось и похлеще».

А вот размышления Мытарина по поводу реагирования сердечников на изменение погоды (когда он размышляет о жизни на переломе истории) Авторы делают более эмоциональными. В перечислении хорошей погоды («солнце, тепло, благорастворение воздухов») вместо СОЛНЦЕ вписывают СОЛНЫШКО СИЯЕТ, а о воздействии перемены погоды («давление начало меняться, и сердечник реагирует») вместо РЕАГИРУЕТ — ХВАТАЕТСЯ ЗА СЕРДЦЕ.

Правят Авторы и рассказ об инциденте с участием детишек в демонстрации против Флоры. Рассказывал об этом Ваня Дроздов, записывал потом впечатление Игорь Мытарин — молодые, неравнодушные люди,— поэтому правка идет по пути усиления эмоций: вместо МЕРЗАВЦЫ — ХАМЫ, вместо РЕВЕЛИ — БЕСНОВАЛИСЬ. Точно так же добавляется эмоций в общие описания Мытарина. После эпизода «Объявилась библиотекарша. Сделала мне выговор, что не вернул на место сегодняшние газеты. Нагрубил ей» добавляют: «Хамло я этакое». После фразы «Аскольда видеть не хочу» идет замечание в скобках «что плохо», Авторы правят — «что дурно».

Обращают внимание Авторы и на жаргон фловеров, поэтому фразу «Он обсохнет к дождеванию» они правят на «Он выцветет к дождеванию».

В большинстве случаев при рассмотрении правки других черновиков можно видеть, что Авторы сокращают, убирают лишние с их точки зрения подробности, ненужные слова, фразы, эпизоды. С черновиком же ОЗ происходит наоборот: Авторы вставляют слова, фразы, эпизоды, которые более оттеняют текст или добавляют ему выразительности.

«Не капризничайте»,— говорит Агасфер Лукич Демиургу. Авторы добавляют: «Раньше вы не капризничали!»

«Хорошо, хорошо, мы уже говорили об этом... Человек разумный — это не всегда разумный человек...» — замечает Демиург. Авторы усиливают: «Хорошо, хорошо, мы уже говорили об этом... Все это я уже от вас слышал: человек разумный — это не всегда разумный человек...»

Распоряжение Демиурга по телефону вначале звучало так: «Постельное белье опять сырое. Потрудитесь заменить». Фраза звучит странно, можно подумать, что Демиургу нужно постельное белье и что Манохин собственноручно перестилает ему постель. Авторы правят: «Постельное белье в номерах опять сырое. Проследите».

О телефонных приказах и просьбах Демиурга Манохин пишет: «Логики во всем этом я давно уже не ищу». Авторы усиливают: «Смысла или хотя бы простой логики...»

В начале рассказа о шофере Грине Авторы уточняют: «Дело было еще в Ташлинске». А в рассказе о Суслопарине добавляют: «Никаких субстанций, никаких религиозных представлений — ничего этого он признавать не желал» и «с чадами и домочадцами». Рассказывая о директоре обсерватории, Манохин упоминает, что ему присуща «сухая» логика. Авторы правят: «жесткая» логика. И о себе Манохин пишет: «Надоело быть вдумчивым и осторожным ученым». Авторы находят более точное и эмоциональное: «До смерти надоело числиться вдумчивым и осторожным ученым».

Астрономическая теория, по словам Манохина, «могла быть ложной, она могла быть истинной, но она никак не была абсурдной». Даже предположить, что Манохин занимался бы абсурдной теорией, трудно, поэтому Авторы правят «не была абсурдной» на «не могла быть названа невозможной».

Манохин предлагает Агасферу Лукичу: «Редкость. Особое сочетание физических условий. Вот и с моими «кладбищами»

пусть будет так же». Авторы во время правки черновика добавляют: «Только пусть они будут (если их нет)», — тем самым показывая, что Манохин до сих пор верит в их существование.

Позже, уже при подготовке к печати, Авторы в речи Агасфера Лукича, обращенной к Колпакову после его разговора с Демиургом, делают вставку: «Ведь пришлось бы руку поднять на отечество свое, на все человечество!»

На пояснение Демиурга «я вовсе не имел в виду вас персонально», майор госбезопасности в черновике отвечает: «Тогда так. Все, чего мы хотим, изложено в Программе Партии». Потом Авторы уточняют и дополняют ответ майора: «Ах, вы имели в виду... Знаете, все, чего мы хотим, изложено в Программе Партии. Прочтите, там все написано». И позже, когда Демиург говорит Манохину: «Ведь ваша эпоха — это эпоха могущественных организаций, а я по старинке все вожусь с отдельными фигурами», то в черновике добавляет: «Надлежит подумать». Позже Авторы исправляют: «Вы навели меня на мысли, благодарю вас».

В справке по поводу странных замечаний майора (о жене и дочери Манохина) первоначально идет: «Не было и нет среди моих знакомых женщин с именем Соня...» И опять Авторы усиливают: «Не было и нет среди моих близких и друзей, а также среди знакомых женщины с именем Соня...»

Позже, когда Манохин описывает телефонный разговор с майором, говорится: «Он был приветлив, но от встречи уклонился...» Авторы уточняют: «Он был приветлив и вполне дружелюбен...»

Разговор между Демиургом и Агасфером Лукичом происходит «на каком-то сугубо экзотическом языке...». Авторы добавляют: «...которого я никак освоить не могу...» А вот визг Агасфера Лукича при дальнейшей ссоре Манохин описывает так: «Визг этот был не животный и не механический». И вновь добавка: «...и не электронный».

В описание Матвея Матвеевича при первом появлении его у Демиурга Авторы также добавляют: «И этот ужасающий местечковый акцент!..» В речи же Матвея Матвеевича, когда он критикует учение Христа, вместо чернового «надлежит любить врага своего и подставлять ему вторую щеку» — «надлежит любить врага своего и подставлять ему все новую и новую щеку». «Око за око, зуб за зуб» сначала называется — КЛИЧ, потом правится

на ЛОЗУНГ. Во фразе «Обидчики и нападатели вольготно разгуливают по жизни» ВОЛЬГОТНО заменяется на ПРИВОЛЬНО. И все эти свои измышления Матвей Матвеевич «внушал нам», как пишет Манохин; позже правится на «втолковывал нам».

Самосвал, который обдал грязью Манохина, сначала описывается просто — «промчался»; Авторы добавляют звук: «Грохоча и лязгая, промчался...» И остановившись, самосвал стоял «с распахнутой дверцей»; исправлено на «стоя совершенно наперекосяк». Описывая странную картину, как все прохожие улыбаются и приветствуют друг друга, Манохин предполагает: «Можно было подумать, что нынче утром <...> власть в городе захватили исступленные славянофилы...» СЛАВЯНОФИЛЫ исправлено на ПОЧВЕННИКИ. Кассиршу Аэлиту («Чего вы все лезете со своими десятками? Нет у меня рублей, не видите, что ли?») Авторы тоже правят: вместо обычного «не видите» ставят более грубое «ослепли». А в речи грузчиков: обычное «подбери ноги-та» — на «подбери корпуса». А вот бывшее в рукописи и относящееся к Манохину грубое слово «вырубился» изменяют на более нейтральное «отключился». (Кстати, позже, когда Агасфер Лукич зарезал Муджжу, Авторы в отношении Манохина делают обратную правку — «отключился» на «вырубился».)

При описании острова Патмос вначале в черновике только сообщалось, что его населяло несколько десятков диких фригийцев. Затем Авторы правят черновик и добавляют: «И сотня ссыльных». А позже исправляют и эту фразу: «Кроме фригийцев и коз из крупных млекопитающих обитали там также и ссыльнопоселенцы».

Матвей Матвеевич не просто (как в черновике) в который уже раз перечитывает роман, а перечитывает «с наслаждением». А вот роман Ивана Шевцова, который он перечитывает, в черновике не «Во имя отца и сына», а «Тля». После описания обиталища Матвея Матвеевича и перед описанием его идейных принципов Авторы вставляют: «В этом весь Матвей Матвеевич». И чуть позже, когда описывают его теоретическую беспощадность и мстительность, добавляют: «Как сам Иегова».

Речь Матвея Матвеевича на кухне слушают Парасюхин и Колпаков. Парасюхин взбешен, а вот о Колпакове говорится только, что он «вежливо улыбается и корректнейше кипятит себе молоко

в кастрюльке». Позже Авторы добавляют: «Видимо, он глубоко и тщательно обдумывает вопрос, куда ему отнести Матвея Матвеевича. К злакам или к плевелам? К агнцам или к козлищам? Истребить его в запланированном армагеддоне или, наоборот, возвысить?» И после описания ссоры (когда к ней еще подключился Агасфер Лукич) снова в черновике идет только: «Петр Петрович Колпаков неопределенно улыбается», а в изданиях добавлено: «...видимо, размышляя, куда ему отнести Марека Парасюхина».

И далее Авторы продолжают вставлять определения. «Происходит взрыв» — «Происходит ДВОЙНОЙ взрыв», «усматривает в дурацкой частушке Агасфера Лукича выпад» — «усматривает в дурацкой частушке Агасфера Лукича ЗЛОБНЫЙ выпад», «начисто лишен чувства юмора» — «начисто лишен ДАЖЕ САМОГО ЭЛЕМЕНТАРНОГО чувства юмора».

Добавлены определения и в упреках Агасфера Лукича по поводу душевных терзаний Манохина. Демиургу при подвижках пространства грозило не просто небытие, а АБСОЛЮТНОЕ небытие. Астрономическая теория, излившаяся с кончика шкодливого пера не просто избалованного теоретика, но и КАПРИЗНОГО. А сами слова Агасфера Лукича в черновике подаются как «град его упреков и репримандов». РЕПРИМАНДОВ позже заменено на ДИАТРИБ. Себя же Манохин называет УБЕЖДЕННЫМ (позже исправлено на ЗАКОРЕНЕЛЫМ) атеистом. В размышления Манохина добавлено «Я не люблю без гипотез, я не умею без них», и пару раз добавлено вводное «сами понимаете» — для придания разговорности стилю.

Даже в перечисление, довольно обширное, определений, дающихся в черновике по отношению к собранным в квартире Демиурга личностям («всех наиболее омерзительных, безапелляционных, неисправимых носителей разнообразного зла») Авторы добавляют еще и НАСТЫРНЫХ.

Проживающие у Демиурга вываливают в коридор, услышав скандал (разговор Агасфера и Муджжи). В черновике об этом пишется: «Ифриты и джинны были тут как тут». Позже добавлено: «Вся бригада в полном составе». И тоже позже добавлен еще один член этой «бригады»: «...даже Селена Благая».

В рассказ Иуды о Петре («Петр только и делает, что сердится да нудит. Сядет, бывало, утром на задах по большому делу, по-

ставит перед собой и нудит, нудит, нудит...») Авторы повтором усиливают впечатление: «Петр только и делает, что сердится да нудит. Сядет, бывало, утром на задах по большому делу, поставит перед собой и нудит, нудит, нудит... тужится, кряхтит и нудит».

После окончания рукописи Манохина в примечании Мытарина говорится: «Я вполне допускаю, что вся изъятая часть рукописи посвящена главным образом Г. А. Разумеется, возможны и другие объяснения». Позже Авторы добавляют: «Их даже несколько».

В описание дороги на Ташлицу Авторы добавляют: «Пыль за машиной поднимается до самого неба».

Размышлений Г. А. о ненаказуемости преступника в первоначальном черновике нет. Есть лишь рукописная добавка, но и она не полна (выделенное добавлено уже при публикации): «Наказанию подвергается ВСЕГО ЛИШЬ тварь дрожащая — жалкая, перепуганная, раскаивающаяся, НИСКОЛЬКО не похожая на того НАГЛОГО, ЖЕСТОКОГО, БЕЗЖАЛОСТНОГО мерзавца, который ТВОРИЛ НАСИЛИЕ МНОГО ДНЕЙ НАЗАД (и ГОТОВ БУДЕТ ТВОРИТЬ НАСИЛИЕ ВПОСЛЕДСТВИИ, ЕСЛИ ЕМУ ПРИВЕДЕТСЯ УЙТИ ОТ ВОЗМЕЗДИЯ). ЧТО ЖЕ ПОЛУЧАЕТСЯ? ПРЕСТУПНИК КАК БЫ НЕНАКАЗУЕМ. Он либо уже не тот, либо еще не тот, КОГО СЛЕДУЕТ СУДИТЬ И НАКАЗЫВАТЬ... СЛАВА БОГУ, ЧТО ХОТЬ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ У НАС ОТМЕНЕНА!»

После описания, как у него схватило живот, в черновике Мытарин замечает: «Нет, наверное, надо мне все-таки этим заняться по-серьезному».

Атмосфера в городе по поводу Флоры удивляет Мытарина. В описание того, как выглядит город, Авторы добавляют: «Такое впечатление, будто никто сегодня не пошел на работу».

В мысленный разговор с Аскольдом Авторы добавляют после «гении тоже ошибаются»: «Ньютон... Толстой... Эйнштейн...», после «мы должны иметь свою голову на плечах»: «...хоть мы и не гении». В слова Мытарина: «Лечить! Всех!»

Приводят Авторы и время действия повести к описываемому будущему. К описанию ревнителей доброй старины, спесивых свидетелей времен очаковских и покоренья Крыма Авторы добавляют еще один синоним: «...старые драбанты Перестройки». А бывшие в черновике лозунги: «Узким брюкам — бой! Широ-

ким брюкам — бой! Женщинам в брюках — бой! Длинные волосы — с корнем! Бороды с корнем!» — заменяют на почти современные и придуманные будущие: «Тяжелому року — бой! Не нашей культуре — бой! Цветоволосы — с корнем! Синхролайтинги — с корнем!»

ИЗДАНИЯ

Впервые ОЗ были опубликованы в журнале «Юность» (1988, № 6, 7). Практически одновременно с этим изданием появились фрагменты повести в журнале «Советская библиография» (1988, № 3). Фрагменты включали в себя самое начало рукописи Манохина (описание дома и разговора Демиурга с Агасфером Лукичом) и инцидент в подъезде (встреча и последующая драка Парасюхина и Манохина). Затем ОЗ вышли отдельной книгой в серии «Новая фантастика» (М.: Прометей, 1989) и в авторском двухтомнике «Избранное» (М.: Московский рабочий, 1989; М.: Вся Москва, 1989) вместе с произведениями АБС о современности (ЗМЛДКС, ВНМ, ГО). Двухтомник потом переиздавался в 1990 году в двух видах — тот же двухтомник и в виде трехтомника, где ОЗ публиковалось вместе с ГО, причем на обложке этого тома была любопытная опечатка: «Отягощенные Злом, или Град обреченный. Сорок лет спустя». Затем пришел черед публикаций в собраниях сочинений.

И если публикации в «Юности», «Новой фантастике» и «Мирах братьев Стругацких» были взяты из одного источника, то текст ОЗ, вышедший в собрании сочинений издательства «Текст», отличается мелкой, но частой правкой. Дальнейшие издания частично повторяют вариант разночтений «Юности», но чаще — вариант «Текста».

Разночтения эти мелкие. К примеру (первым дается вариант «Текста»), инициал Мытарина («В.» а не «К.»), «человек» или «человечек» (по отношению к Агасферу Лукичу), «никого не удивляет тот ернический тон» — «никто не удивляется тому ерническому тону», «оживились комары» или «объявились комары», «имен своих клиентов Агасфер Лукич старательно бежал» — «имена своих клиентов Агасфер Лукич старательно скрывал», «и

ежели где чего прибавится, то тут же соответственно другого и...» «убавится» или «убывает», «отменена» или «упразднена», костюмчик у хомбре «варсовый» или «ворсовый», «верю» или «верую», «Иоанн отдался ему без остатка» — «Иоанн отдался ему всей душой», «говноед» или «дерьмоед», «антисемит» или «юдофоб», «неслышные» или «беззвучные», «заболтали» или «заболботали», «Ибн-Куттабы» или «Ибн-Кутейбы» (или даже «Ибн-Кутабы»), «бутон лямур» или «бутон д`амур», «счастлив, как птичка» — «счастлив, как пчелка». В издательстве «Текст» почему-то изменили количество дочек у рыбака Заведея (десять, а не девять).

А вот название того, что напевал Парасюхин, поднимаясь по лестнице, в изданиях представлено даже тремя вариантами: «Рассвет над Москвой-рекой» — «Рассвет над Москва-рекой» — «Рассвет на Москве-реке».

Жаль, что корректоры «Миров» перестарались и исправили «вьялый» на «вялый» («Юрий Павлович Герман называл таких людей "красивый, но вьялый"»). Также в обращении «Врачу, исцелися сам. Педагоге, воспитай себя...» в «Мирах» не к месту заменили звательный падеж дательным: «Педагоге» на «Педагогу»[1].

В основном же разночтения в изданиях минимальны и практически совпадают с двумя чистовиками — пришло время свободы в издательствах, ушли цензоры, и главной опасностью для авторского текста остались лишь излишне ретивые редакторы да небрежные наборщики.

---

[1] В старорусском языке выделяют различные типы существительных, и звательный падеж от слов типа «конь» и «врач» образуется суффиксом -у (-ю): «коню», «врачу». А от слов типа «друг», «враг» — с помощью суффикса -е, причем имеется постепенный исторический переход «-ге» — «-же». Таким образом, наиболее точно: «педагоже». Ну, в крайнем случае, «педагоге». (Источник: Н. Д. Русинов, «Древнерусский язык». М., Высшая школа, 1997.) — *В. Д.*

«ЖИДЫ ГОРОДА ПИТЕРА»

Это последнее произведение братьев Стругацких после выхода в свет большинство читателей и критиков посчитали острозлободневным, сиюминутным, очень важным для текущего момента. Много было высказано сожалений по поводу этого, мол, вот пройдет некоторое время — оно перестанет быть актуальным и интерес к нему спадет до нуля. Затем, чуть позже, об этом действительно заговорили и считали, что время ЖГП ушло безвозвратно. Но минуло еще несколько лет, появилась угроза несвободы — и ЖГП снова стали актуальны.

Собственно, для любого государства в его устройстве существует две крайности — тоталитаризм и анархия (то, что сейчас любят называть демократией). Обычно государство балансирует между этими двумя крайностями, склоняясь то к одному, то к другому краю. И всякий раз, когда Россия будет сдвигать свой вектор хоть чуточку в сторону тоталитаризма, ЖГП вновь будут становиться актуальными.

Какие-либо материалы по ЖГП в архиве отсутствуют — ни черновика или хотя бы черновых набросков, ни разработки сюжета. Поэтому здесь будут рассматриваться только издания ЖГП.

АБС завершили работу над окончательным текстом ЖГП 7 апреля 1990 года, и в том же году в осеннем (№ 9) номере журнала «Нева» пьеса была впервые опубликована. Затем были публикации в 1991 году — в «Библиотеке журнала "Нева"» вместе с романом «Слепящая тьма» А. Кёстлера; во втором выпуске фантастического альманаха «Завтра», после пришла очередь публикаций в собраниях сочинений.

В одних изданиях название «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах» имело подзаголовок «пьеса», в других — «комедия в двух действиях». Сам же текст правился при переизданиях мало.

Уточнялись отдельные слова («цветистая» или «цветастая», «брюки» или «брючки», «неуклюжий» или «неухоженный», «абонентный» или «абонементный», «превосходительство» или «высокопревосходительство», «острить» или «шутки шутить», «погрязли» или «увязли»), добавлялись некоторые определения (что Базарин отвечает «кротко»; что не просто «носки надо обязательно взять», а именно «шерстяные»), изменялась интонация (на укоризненное «Шура!» Пинский отвечает не «Что такое?», а «Ничего не Шура!»).

Некоторые изменения более информативны. К примеру, в монологе Кирсанова о власти после слов «Ну какая же все-таки подлая страна! Ведь силища же огромная, ни с чем не сравнимая, из любого человека может сделать мокрое пятно...» появляется вставка: «...из целого народа может сделать мокрое пятно!..» В некоторых изданиях говорится, что в ссылке в Карабутаке Зоя Сергеевна была не в сорок девятом, а в тридцать девятом году. А вот когда Артур отвечает насчет предположительного прихода власти и за ними, молодыми («Зачем, спрашивается, им с нами связываться? Мы опасны. С нас гораздо спокойнее взять деньгами»), ВЗЯТЬ заменяется на СНЯТЬ.

Гораздо интереснее оказалась эпопея с названием пьесы при постановке в различных театрах. После публикации пьесы к АБС звонили из многих театров с одинаковой просьбой: снять первое название пьесы, оставив лишь «Невеселые беседы при свечах». Объясняли они это свое желание по-разному. Ниже приводится отрывок из беседы группы «Людены» с БНС в 1992 году.

БНС. Сколько я пережил по этому поводу, сколько мне звонили литработники театров и на коленях умоляли убрать название. Мне звонил лично товарищ Горбачев. Не тот, а из Пушкинского. И своим пропитым голосом говорил, что он — старый дворянин, говорил он, что «в моем обществе принято говорить любые слова, в том числе и матерные», чему я охотно поверил. (Смех.) «Но чтобы слово «жид» употреблялось — этого не было. Я вас очень прошу...»

Ю. Флейшман. А что он предлагал? Просто «Невеселые беседы...»?

БНС. Да. «Давайте это выбросим. Зачем это нам надо? Ну представьте, как это будет выглядеть на афишах по всему городу». Он сказал: «Ну хорошо, я сейчас передам трубку режиссеру, который будет это ставить. Его зовут Израиль Моисеевич». (Смех.)

Ю. Флейшман. Надо сказать, что в Пушкинском уже второй сезон идет, так и не сняли.

<...>

БНС. Я знаю, что брали эту пьесу много театров. Я думаю, штук двенадцать.

С. Бережной. Еврейское общество протестовало против этих...

БНС. Да-а... Вот из Киева мне звонило именно еврейское общество. «Ведь сейчас, Борис Натанович, мы боремся с антисемитизмом. Подумайте, какое это произведет впечатление...» Я разрешил им назвать пьесу «Жиды города Киева...» Вот это я им разрешил.

«ПОДРОБНОСТИ ЖИЗНИ НИКИТЫ ВОРОНЦОВА»

О ПЖНВ БНС пишет в «Комментариях»: «Примерно в то же время [1972–1975 гг.— *С. Б.*] мы придумали сюжет про человека, сознание которого крутилось по замкнутому кольцу времени. В этом сюжете изначально было много любопытных позиций: тщетные попытки героя вмешаться в историю... предупредить генералиссимуса насчет войны... Жданова — насчет блокады... ну хотя бы родного отца — насчет ареста! Идея неслучайности, предопределенности, неизбежности истории мучила нас, раздражала и вдохновляла. Сохранилась запись в дневнике, относящаяся к второй половине 1979 года: «Человек, проживший много жизней. Давно понял, что историю изменить нельзя. Сейчас находится в стадии активного альтруизма — спасает отдельных хороших людей. Но ничего в людях не понимает и спасает подонков и ничтожеств...» Ничего подобного напечатать в те времена, разумеется, было нельзя, и тогда АН взял этот сюжет и написал все, что только и можно было в те времена написать,— историю Никиты Воронцова. И это было — второе произведение С. Ярославцева».

Какие-либо черновые материалы по ПЖНВ в архиве БНС отсутствуют. Как и по работе над ДСЛ — вероятно, они находятся в архиве АНС в Москве. Но если ДСЛ был опубликован только в 1993 году, и это и последующие издания ДСЛ практически не отличались друг от друга, то первая публикация ПЖНВ («Знание — сила», 1984, №№ 6, 7), хотя и была написана, как пишет выше БН, о том, о чем можно было писать, дает яркий пример правки текста в угоду цензуре.

Наибольшим сокращениям подверглись упоминания о спиртном.

Название главы «Холостяцкий междусобойчик» был изменен на «Дождливым вечером». Убираются эти же слова из реплики Варахасия: вместо «Холостяцкий междусобойчик, ты да я» остается только «Ты да я».

Убрано окончание телефонного разговора Алексея Т. с Варахасием:

— Случай — это, конечно, да,— сказал он.— Только льет же ливмя... И в дому у меня хоть шаром покати, а магазины уже...

— Ни-ни-ни,— закричал Варахасий.— У меня все есть! Гони прямо ко мне! И не боись, не растаешь...

И сразу после прихода Алексея Т. к другу убирается то самое «у меня все есть»: «и раскрыты были консервы (что-то экзотическое в томате и масле), и парила отварная картошка, и тонкими лепестками нарезана была салями финского происхождения, и выставлены были две бутылки «Пшеничной» с обещанием, что ежели не хватит, то еще кое-что найдется...» Поэтому несколько странным выглядит начало следующей фразы: «Что еще надо старым приятелям?» И убирается, что друзья поглядывали друг на друга умиленно «через стол» — ни стола, ни на столе...

Поочередно убираются «После первой», «После второй, опустошив наполовину банку чего-то в томате и обмазывая маслом картофелину», «Хлопнули по третьей», «После четвертой», «и открыл вторую бутылку»... Убирается невозможность для пьяного Варахасия произнести слово «экспонента»: «...по экс... экспо... в общем, в геометрической прогрессии». («По экспоненте,— выговорил наконец он, разливая по пятой.— Черт, я совсем нить потерял. О чем бишь мы?») «Держа перед собой стопку, как свечу...»

И продолжается вымарывание всех упоминаний о спиртном. Убирается «Неудержимо надвигалась меланхолия, и после шестой...» и даже целые отрывки:

Варахасий, усмехаясь, потянулся было к нему с бутылкой, но он помотал головой, накрыл свою стопку ладонью и повторил:

— Еще разок...

И спел Варахасий еще разок, а затем опять взялся за бутылку и взглянул на приятеля вопросительно, но Алексей Т. опять помотал головой и сказал:

— Пока не надо. Давай лучше чайком переложим.

<...>

— Ты трезвый?

Алексей Т. прислушался к себе — выпятил губы и слегка свел глаза к переносице.

— По-моему, трезвый,— произнес он наконец.— Но это мы сейчас поправим...

Он потянулся было к водке, но Варахасий его остановил.

— Погоди,— сказал Варахасий Щ., следователь городской прокуратуры.— Это успеется.

<...>

(Алексей Т. торопливо закивал, показывая, что да, он согласен, налил в стопки водку, опрокинул свою и запил остывшим чаем, после чего произнес севшим голосом:

— Давай читай...)

— Ладненько,— произнес Варахасий, тоже опрокинул свою и тоже запил остывшим чаем.— Будем читать.

<...>

— Давай,— согласился Алексей Т.— Только сначала прикончим эту благодать.

И он потянулся за бутылкой, в которой оставалось еще стопки на две, а то и на все три.

<...>

И междусобойчик получился на славу, как ты находишь?

— На славу,— согласился Алексей.

Даже убирается из рассказа Веры Самохиной, что на какой-то вечеринке она «опьянела сильно».

Правке подвергались и различные политические моменты.

«Довольно известного в Отделе культуры ЦК писателя Алексея Т.» делают просто довольно известным писателем — упоминать ЦК, а тем более какой-то «отдел» не следует. А вот во фразе «И написал в ЦК, в Отдел культуры» убирается только «в ЦК».

Вспоминая тещу, Варахасий перечисляет, что она пережила «первую мировую войну, революцию, гражданскую войну, раз-

руху и голод, затем террор, затем Великую Отечественную и так далее». ЗАТЕМ ТЕРРОР — убирается.

Убирается и такой вот факт: «...а Алексей Т., чтобы не ударить лицом в грязь, поведал Варахасию, как одного сотрудника Иностранной комиссии уличили в краже бутылок с банкетного стола».

Убирается излишний (с точки зрения мнения о настоящем советском писателе и советском следователе) пессимизм в описании впечатления от песни, спетой Варахасием. Осталось только начало: «И ощутилось беспощадно, что им уже катит за пятьдесят и не вернуть больше молодой уверенности, будто все лучшее впереди, и пути их давно уже определились до самого конца...», — а вот продолжение было вычеркнуто: «...и изменить пути эти может не их вольная воля, а разве что мировая катастрофа, а тогда уже конец всем мыслимым путям».

В возмущении Алексея Т. («Всякий чиновник-недолитератор будет мне указывать, о чем надо писать, а о чем не надо!») изымается часть слова — «чиновник».

А в воображаемом интервью с Воронцовым от диалога:

— Потому что всякий раз впереди война, вселенское злодейство, вселенские глупости, и через все это мне неминуемо предстоит пройти.

— Неминуемо? Всякий раз?

— Да. Это обстоятельства капитальные, они составляют непременный фон каждой жизни.

остается только: «Потому что война. Это обстоятельства капитальные». И далее убрано: «Три раза меня расстреляли, а однажды убили прямо на улице железными прутьями, минут десять убивали, было очень мучительно». А вот в упоминание «Один раз сгнил в концлагере» добавлено, что именно в ФАШИСТСКОМ концлагере.

Не остаются без внимания и непозволительные, с точки зрения цензуры, вольности в описаниях.

Алексей Т. и Варахасий в начале телефонного разговора обмениваются «обычными, не очень пристойными приветствиями». НЕ ОЧЕНЬ ПРИСТОЙНЫМИ — убрано. «Я своих баб тоже в Ялту отправил», — говорит Варахасий. БАБ — убирается.

В описании концерта зарубежной эстрады убирается, что «выступали немцы» (почему — непонятно), хотя дальше вместо «Ах, это немецкое, неизбывное со времен Бисмарка, нагло-благонамеренное! Вертлявые девицы в панталонах и клетчатые пошляки, а за ними — мрачная харя под глубокой железной каской. Абахт! И выпученные солдатские зенки, как у кота, который гадит на соломенную сечку» идет опять же о немцах: «Почему-то вспомнились слащавые фильмы с Марикой Рокк... Ах, это в старом прусском стиле неизбывное со времен Бисмарка! Вертлявые девицы в панталонах и клетчатые пошляки».

Убирается отрывок о родинке, рассказанный Верой Самохиной:

«Например, что есть у вас очаровательная родинка на...» И называет, простите, местечко на теле, которое и родному мужу не часто показываешь. Я обмерла, рот разинула, не знаю, то ли пощечину ему дать, то ли еще что, а он встал и ушел. Совсем ушел с вечеринки...

— Но родинка есть?

— В том-то и дело, что есть... И на том самом месте!

И позже Алексей Т. спрашивает о Вере Самохиной не «Интересно, где это была у нее родинка?», а «Интересно, что он еще о ней знает?» От ее же заявления «Когда Валька рассказала мне, что сошлась с ним...» осталось только «Когда Валька рассказала мне...»

Убирается сравнение джек-лондоновского «Скитальца», который в своей смирительной рубахе носился из эпохи в эпоху, «как страдающий поносом из сортира в сортир». Убирается из размышления Варахасия: «Недаром, недаром поется в старинной песенке (слова народные): "Лучше сорок раз по разу, чем за раз все сорок раз"».

Убираются «сукин ты сын», «не дай бог, пупок развяжется»...

Украинская песня, которую пел Варахасий и которая, как рассказывал группе «Людены» Александр Исаакович Мирер (и даже учил петь!), являлась одной из любимых песен АНС, в журнальном издании была кем-то ошибочно атрибутирована: «Слова Слипченко В. В.» На самом деле в основе песни — стихи украинского поэта Николая Томенко. БНС в офлайн-интервью, когда его спро-

сили, почему многочисленные цитаты в произведениях АБС являются скрытыми (не указывается источник), ответил так: «Этот прием называется «скрытое цитирование». Прием, достаточно распространенный и весьма эффективный. Приводить в подобных случаях точную ссылку означало бы несколько снизить уровень художественности текста,— взгляд квалифицированного читателя спотыкается, как правило, на такую ссылку, и это, пусть на мгновение, но отвлекает его от текста и снижает градус сопереживания. Во всяком случае, со мной это происходит именно так, и мне очень не нравится, когда в романе появляется прекрасное, созвучное событиям стихотворение — и тут же, вдруг, ни с того, ни с сего, ни в лад, ни в попад: «звездочка» и — внизу страницы — ссылка: «Шекспир, сонет номер пятнадцать, перевод Шишкиной-Коперник». На кой черт, спрашивается, надо мне сейчас, именно сейчас, когда я вместе с героем плачу над прекрасными строками, узнавать, чьи это именно за строки и чей перевод? АБС, как правило, пользовались именно «скрытым цитированием», хотя — под давлением редакторов — приходилось иногда делать и сноски, что нам всегда чрезвычайно не нравилось».

ЗАМЫСЛЫ

Как было показано в этом исследовании, АБС старались не оставлять написанные ими материалы неиспользованными, и то, что со временем не удавалось воплотить в отдельное произведение, шло в дело: пусть то были отдельные отрывки, интересно задуманные герои или нетривиальные ситуации.

Конечно, что-то так и осталось нереализованным, и некоторые заметки попали в папку архива с надписью:

Огрызки черновиков: ТББ, ВНМ, Кракен
Замыслы (Три богатыря, Повесть о Горбовском, Родился завтра)

Материалы по ТББ и ВНМ рассматривались в соответствующих разделах этого исследования. «Кракен» — незаконченная повесть «Дни Кракена» и план сюжета раннего варианта этой повести — был помещен в 11-й том собрания сочинений АБС издательства «Сталкер» (в раздел «Неопубликованное»). «Три богатыря» (заметки для исторической повести, которую хотели написать Авторы) и «Повесть о Горбовском» («Родился завтра») рассматриваются здесь.

«ПОВЕСТЬ О ГОРБОВСКОМ»

Материалы к «Повести о Горбовском» («Родился завтра»), сохранившиеся в архиве, интересны не только сами по себе (ознакомившись с ними, можно представить себе, о чем было бы написано еще одно произведение АБС), но и тем, что с их помо-

щью можно проникнуть на кухню писателей, узнать, как сочинялись сюжет и фабула, продумывались основные персонажи, строилась последовательность изложения и, конечно, какие идеи думали обозначить Авторы в этой повести, а значит, и какие вопросы интересовали их в то время.

Сохранилось описание общей фабулы:

К ПОВЕСТИ О ГОРБОВСКОМ

Только пусть это будет не тот Горбовский. Надо создать немного другой образ.

Надо изыскать случай, по которому к Горбовскому одновременно собираются несколько человек — либо день рождения Горбовского, либо день его похорон, либо день его торжества, либо его судилища.

Как бы то ни было, к Горбовскому собираются к примеру пять человек: трое мужчин и двое женщин. Назовем их:

1. Марта.
2. Катерина.
3. Поль.
4. Иван.
5. Кобольд.

Из них:

1. Поль — приятель юношеских лет Горбовского. Не виделись уже тридцать лет, но переписываются и любят друг друга. Никого из собравшихся не знает.

2. Марта — женщина, любившая Горбовского и отвернувшаяся от него из-за его трусости, как ей показалось. Любит его до сих пор. Из самолюбия ошибки своей не признает. Никого из собравшихся не знает.

3. Иван — верный друг Горбовского, ученик его, пришел почтительно приветствовать. Знает Катерину. Вместе летали.

4. Катерина — бывшая жена Горбовского. Ушла от него, не выдержав напряжения от его вечных полетов за гибелью. Не понимает Горбовского. Сидит на покое, ростит сыночка от Горбовского. Знает Ивана и не любит его. Знает Кобольда.

5. Кобольд — человек «надо». Без поэзии. Сухая железная вера в науку, все, что ей «надо» — добыть любой ценой. Жертвами и прочим.

И сам Горбовский, человек с удивительной биографией, которую надо придумать.

Можно так: начать с того, что все одновременно собираются у Горбовского, ждут чего-то. Тут читатель знакомится с ними и получает их первые характеристики.

Писать это так, чтобы сначала не было понятно время — наше или будущее. Не называть по возможности имен звезд и планет, давать их условно. Цель: дать читателю понять, что это люди — не чета ему. Они чище, благороднее, убежденнее, сильнее.

Биография Горбовского:

1. Интернат — Поль.

2. Стройка в пустыне — Марта. («Зачем рисковать, когда и без этого можно обойтись?»)

3. Что-нибудь а-ля «Десантники» — Катерина.

4. Провал Горбовского — не сговорился с людьми долга, с Кобольдом, и остался один. А один — ни черта не может.

5. Горбовский-учитель — Иван.

Но здесь треба дать мощную психологическую разработку, и не прямую, а вывернутую и запутанную. Так, напр.: Марта любит, знает, что это не трус, но продолжает презирать — в отместку за испорченную любовь. Кобольд — чувствует свое превосходство, тупое превосходство носорога, но растерян и теряется в присутствии Горбовского. Иван — восхищен Горбовским на всю жизнь, но не прощает ему преклонения перед безопасностью. Иван — идейный последователь Юрковского. Катерина — страшится и думать о временах, когда ждала Горбовского из полетов, но страшно и жестоко наказывает сына за трусость. А Поль? Подумать.

Одним словом, эти пятеро, во-первых, служат прожекторами, освещающими переменчивую и противоречивую суть Горбовского, во вторых — каждый сам по себе является антиподом ему, одной из его сторон, и считает недостижимым идеалом какую-то сторону.

Думать надо.

На листах поверх машинописи есть рукописные заметки: «Алехин Сергей Николаевич» (вероятно, ФИО «другого» Горбовского), «Генеральная идея: жить для других». Далее идет уже полностью рукописный текст:

Дни рождения
Коммунар

Сергей Алехин.

Шесть дней рождения. Памятных, и все свидетели и участники являются на шестой. Ждут.

25 января	возраст	кто
1960	15	Поль — юность.
1963	18	Марта — Алехин-лаборант восстает против рискованного эксперимента. Человек ни черта не может сделать один.
1970	25	Катерина — любовь, развод.
1975	30	Иван — в туземной стране, во время мятежа.
1980	35	Кобольд — история с таинственным убийством на Венере.
1985	40	Сергей Алехин — командир предприятия, экспедиции — не знаю. Или отец. Или муж.

Итого: для начала написать 6 биографий.

В 1985 г. Алехин возвращается, повидавшись с сыном от Катерины. Это новый Алехин, ему 14 лет. И ему некогда. А старый Алехин возвращается от сына. Огорченный. Он забыл, что у него день рождения.

И без штампов, без фальши, ради бога.

Итого: 2-я очередь — шесть новелл сплошных и одна вразрядку.

М. б.— главное — вопросы воспитания? Пронизать мыслью, что самое главное — воспитание молодого поколения.

Учи их не преклоняться перед авторитетами, но изучать их и сверять полученные знания с жизнью. Учи их не слишком доверять опыту бывалых людей. Учи их презирать мещанскую мудрость. Учи их, что любить — не стыдно. Учи их, что скепсис и цинизм — это самая дешевая игра, а вот если скептика и циника распять и снять с них заживо шкуру — то-то взвоют! Учи их с доверием относиться к движениям души своего ближнего. Учи, что лучше двадцать раз ошибиться, чем всегда недолюбливать людей. Учи, что дело не в тебе, а в твоем влиянии на других. Не в том, как на тебя влияют другие. Учи, что один человек ни черта не сделает.

Следующая страница имеет заглавие «Год рождения 2017», но сбоку от него написано новое название «Родился завтра» и присутствует замечание: «Симметричная особа». Сама же страница представляет собой описание биографии главного героя:

Алёхин Антон Николаевич. Родился в Л-де в 2017 г. Отец — историк-архивариус, мать врач, ларинголог. Старший брат — 2012 [или 2002 — *С. Б.*] г.— лепролог, живет на о-ве Н. (группа Соломоновых). Младшая сестра — 2020 г.— химик-полимерщик.

8 лет — попал в Ленобловский интернат. Приятели детских лет: [«Марта Вайсс» — забито — *С. Б.*] Анка Волина и Павел Зубов. Эпизод на озере. Арбалет с инфракрасным прицелом. Радио-пуговицы, любовь. 16-ти лет уходит из интерната, поступает на завод полупроводниковых аккумуляторов. 19-ти лет поступает в институт дорожного машиностроения, одновременно работает лаборантом в том же институте. В 20 лет — трагедия в лаборатории, захотелось славы, взрывает здание. Его порицают. Не лезь, мол, один. А он пошел на это главным образом от злости. Институту не давали заказанных приспособлений. Война между институтами. Вспоминает об этом его тогдашняя сотрудница и любовь Катерина Травинская. Она от него тогда понесла. Его выгоняют из института. После этого он два года таскается коллектором или шофером с археологами. Там знакомится с будущими героями венерианской драмы. В 25 лет поступает на строительство трансгобийской магистрали. Схватка Антона с администратором, сторонником прямолинейности. Мертвый город. Рассказ от лица Анки, которая тоже там работает. Антона выгоняют со строительства. Анка уходит с ним. Археолог, прибывший слишком поздно, беседует с начальником, разрушившим город: что же ты сделал? «Я проложил прямую дорогу»,— угрюмо сообщает тот. Уйдя с работы, Антон поступает в институт дорожного машиностроения и за пять лет оказывается на пути создания лучших в мире дорожных машин для Меркурия и Венеры. Но тут — Павел ослеп. И он бросает все и мчится к нему, и два года возится с ним, не отступает ни на шаг до дня прозрения, а затем уходит. Говорит: «Надоело мне с тобой возиться! Можно, я поеду? А то меня вот зовут». И он улетает на Венеру. И через два года на Венере он предсказывает невиновность Администратора, с которым восемь лет назад схватился в Гоби.

Отводит в сторону Павла: «Паша, друг, сходи к соседям, позвони по этому номеру и скажи, что я сегодня не приду».

Есть и страница с перечнем основных идей повести:

1. Цель жизни: жизнь имеет смысл, если живешь так, чтобы было полезно и интересно другим.

2. Основная движущая сила при коммунизме: стремление масс максимальным образом удовлетворить свои духовные потребности. Противоречие между вечным недостатком материального потенциала об-ва и вечным избытком духовного потенциала.

3. Коммунизм — эпоха активного добра. Может ли добро быть активно?

Эпиграф: дело писателя — думать и писать. Дело читателя — читать и думать.

4. Использовать фразу: то было время, когда выживали не самые лучшие, а самые приспособленные.

Эстетические взгляды Алехина. Любовь к книге. Споры о форме в искусстве. Искусство может быть данному конкретному человеку дано и не дано. Существуют произведения, которые понятны всем, но не существует произведения, которое вызывало бы у всех одинаковые эмоции.

На всем своем пути Алехин сеет в друзьях и товарищах сомнение в безусловной правоте, вообще во всякой уверенности обывательского типа.

Сохранилось в архиве и начало одного из рассказов о главном герое:

Прямая дорога

Антон остановил вездеход под брюхом свайного танка. В свете фар брюхо выглядело очень неопрятно. Антон, задрав голову, рассматривал его сквозь мутный от пыли спектролитовый фонарь кабины. С брюха свисали грязные сталактиты раствора, оно было заляпано жирной грязью графитовой смазки, в которую влипли

фестоны мелкого щебня и песка, и все это было покрыто скрученными фестонами вырванного с корнем саксаула.

— Саша,— позвал Антон в микрофон.

— Да,— отозвался Саша. Он сидел в рубке управления танка где-то в двадцати метрах над головой Антона.

— Саша, ты хочешь кушать?

— Спрашиваешь! — сказал Саша.— Это ты, Антон? Четыре желудка из пяти у меня пусты.

— Ну вот и хорошо,— сказал Антон.— Ваша мать пришла, молочка принесла. Открой ротик, Саша.

Брюхо танка раскрылось пополам. По спектролиту забарабанили осколки сталактитов. Антон подал вездеход вперед и, приподнявшись на сидении, оглянулся. Из угольно-черных недр танка высунулись, блестя в свете прожектора, стальные трубы с магнитными присосками, впились в переднюю цистерну и рывком подняли ее.

— Ну как? — спросил Антон.— Вкусно?

Было слышно, как Саша пыхтит, манипулируя механической рукой. На освободившуюся платформу грохнулась пустая цистерна. Автопоезд качнулся. Антон, не глядя, подал вездеход еще немного вперед. Снова блеснули стальные трубы, и вторая цистерна исчезла в брюхе танка.

— Еще? — спросил Антон.

— Давай еще,— отозвался Саша.

— Только не грохай так порожняк,— попросил Антон.— Ты мне платформы разобьешь.

Саша с грохотом сбросил вторую пустую цистерну и сказал:

— Платформы — это мертвая материя. Почему мы все так заботимся о мертвой материи и забываем о живой?

Антон присвистнул. Саша втянул в танк третью цистерну и продолжал:

— Даже ты. Ты же отлично знаешь, что я умею работать. Ты прекрасно знаешь, что я не роняю порожняк, а бросаю. Но беспокоят тебя только платформы, коим цена — дерьмо.

Третья порожняя цистерна аккуратно легла на платформу. Автопоезд даже не вздрогнул.

— Ты опять собой недоволен? — спросил Антон сочувственно.

Брюхо танка закрылось.

— Спасибо,— сказал Саша.— Заезжай.

Антон тронул вездеход и повел автопоезд между двумя рядами бешено вращающихся буров. Двенадцать буров, по шесть с каждой стороны. И каждый выгрызает колодец глубиной в двадцать метров, а потом в колодец заливается воняющий тухлыми яйцами раствор, который застывает, образуя гигантскую сваю. Вся магистраль Трансгобийского шоссе будет стоять на этих сваях — сто свай на километр. Танк пожирал невообразимые количества раствора — в хвосте колонны медленно тащился передвижной завод, непрерывно изготовляющий раствор.

Поезд выехал из-под танка. Поперек магистрали свирепый ветер нес тучи песка и пыли вперемешку со снегом. Гусеницы вездехода лязгали по неровному застывшему бетону, уминая черные от окалины железные прутья. Сквозь мутную мглу далеко впереди маячили красные хвостовые огни плитоукладочного агрегата. По сторонам трассы еле видные в темноте, громоздились черные кучи щебня. По ним что-то ползало, светя маленькими фонариками.

«К плитоукладчикам мне, пожалуй, и не нужно,— думал Антон.— Цемент им завезли вчера». И вдруг ему очень захотелось к плитоукладчикам. Там работали девушки, и они очень любили его. «Минут на десять можно,— решил Антон.— Заброшу им немного шоколаду». Интересно, что опять приключилось с Сашкой? Впрочем, он всегда такой — недовольный. Только один раз я видел его довольным. Нет два раза. Первый раз, когда он нашел дохлого олгой-хорхоя. А второй — когда Галина позволила ему поднести чемодан. Но все же, зачем платформы ломать? «А в этом ведь что-то есть,— подумал он.— Нам всегда прежде всего бросается в глаза внешние результаты поведения человека, даже когда он ведет себя через машину. Интересно, научатся когда-нибудь люди точно определять душевное состояние человека по характеру разрушений, которые этот человек наносит окружающей мертвой материи?»

В лучах фар вдруг появилась черная фигура, ужасно размахивающая руками. Антон изо всех сил нажал на тормоза и успел только мимолетно подумать: «Ну, теперь всему конец». Но он не зажмурился и, только вцепившись в руль, изо всех сил откинулся на сидение. Он услышал, как позади загрохотали цистерны. Вездеход занесло и поставило поперек дороги. Человек исчез — может быть, под гусеницами. «Сволочь»,— подумал Антон, с трудом отклеиваясь от спинки сидения. Он был весь мокрый от напряжения и ужа-

са. В фонарь забарабанили. Антон непослушной рукой откинул дверцу, и в кабину сейчас же ворвался ледяной ветер. На зубах захрустела пыль. В дверь всунулся человек в полушубке в меховом капюшоне, надвинутом на глаза. Нижняя часть его лица была закутана пестрым шарфом.

— Браток,— сказал человек хрипло.— Закурить есть?

Антон застонал, взял человека за яркий шарф и втащил его в кабину.

— Что, дует? — участливо спросил человек.— Так ты закрой, закрой фонарь. Я не тороплюсь.

— Что же это ты? — сказал Антон шепотом.— А?

Человек, вертя головой, выпростал подбородок из шарфа.

— Тут впереди завальчик,— сказал он добродушно,— сейчас мы его раз-два разберем, и поедешь дальше.

Антон посмотрел на шоссе. Там ничего не было видно, кроме беложелтых струй метели.

— Ну что мне с тобой делать? — спросил он спокойно.

— Тормоза у тебя неважные,— сказал человек.— Тормоза должны быть — нажал, и стоишь, как столб. Высокий, и стройный, и вкопанный.

— Откуда завал? — спросил Антон.

— Опрокинулся там один.

— Наверное, ты его останавливал,— сказал Антон.

— Нет, сопляк какой-то. Занесло на ровном месте. Так как насчет закурить?

— Я не курю,— сказал Антон.

— Понимаю. Жаль. А что если мы сделаем так? Вездеход у тебя хороший, отцепим его и растащим этого товарища, который завалил дорогу.

— Да кто он такой?

— Заправщик, вроде тебя.

Антон подумал.

— Нет,— сказал он.— Свяжись с диспетчерской, пусть вышлют тягач. Меня ждут.

— Та-ак.— Человек принялся натягивать шарф на физиономию.— В диспетчерскую мы звонили. Тягачи в разгоне. Ну да ладно, приятель. Спасибо за ласку.

Он стал шарить рукой дверь.

— Выпусти-ка меня.

Антон опустил дверь.

— Прощай, голубок,— сказал человек и полез вон. Антон подождал, пока он спрыгнет на дорогу, и закрыл фонарь.

«Все-таки надо было дать ему по зубам,— думал Антон, разворачивая вездеход.— Дурак и нахал». Он осторожно объехал вездеход, лежащий на боку. «Ну так и есть — Гришенька Скворцов. Опять трепался по радио со своими кисками».

— Скворцов,— окликнул он в микрофон.

— Я,— угрюмо пробасили в ответ.

— Где твой поезд?

— Под плитоукладчиком остался.

От опрокинутого вездехода отделилась темная фигура. Фигура слегка хромала.

— Кого подвозил? — осведомился Антон.

— Да понимаешь,— Скворцов забрался на гусеницу и приплюснул лицо к спектролиту снаружи.— Девчонки, понимаешь, упросили. Отвези мол к Саше...

— Отвез?

Скворцов только вздохнул.

— Павел узнает — выгонит с трассы,— сказал Антон.— Шляпа ты, Скворцов.

— У меня нежное сердце,— угрюмо сообщил Скворцов.— Я не могу отказывать девушкам.

— Что это за кретин там с тобой?

— Это? — Скворцов оглянулся и несколько секунд смотрел куда-то в темноту.— Это журналист один из Москвы.

— То-то я его никогда не видел,— сказал Антон.— Что ему надо?

— Не знаю. Таскается по трассе со вчерашнего дня. Подвиги ищет.

— А ты бы его подальше...

— Да ну, связываться еще. Слушай, Тоша, у меня к тебе громадная просьба. Когда будешь возвращаться, оттащи мой порожняк к хвосту.

— Хорошо,— сказал Антон и включил двигатель.— Шляпа ты все-таки,— повторил он.

— А ты бы что — не подвез?

— Я бы подвез, но я бы не опрокинул вездеход.

— А я что виноват, что он из-под гусениц, видите ли, выскочил — закурить ему захотелось!..

Антон выключил мотор.

— Слушай,— сказал он и отодвинул колпак.— Пойдем набьем ему морду.

И на последней странице, посвященной этому произведению, схематично изображен плитоукладчик и перечисляются главы повести с хронологическими пометками:

Стрелки из арбалета	15 лет	2032 г.
Трагедия в лаборатории	20 лет	2037 г.
На магистрали	25 лет	2042 г.
Слепая Анка	30 лет	2047 г.
Тайна Венеры	35 лет	2052 г.
День рождения	40 лет	2057 г.

Насколько эти материалы соотносятся с миром Полудня, к описанию которого относится треть творчества АБС, рассказывает Евгений Шкабарня:

ГОРБОВСКИЕ

Поздравим себя: Горбовских в Мире Полудня становится все больше.

Горбовский Леонид Андреевич (ЧПП, ПХХПВ, ПКБ, «Беспокойство», ДР, «Малыш», ЖВМ и ЖВМ-с, ВГВ). Звездолетчик. Десантник. Капитан «Тариэля» и «Тариэля-Второго». Открыватель цивилизаций. Создатель Большого КОМКОНа. Член Всемирного совета. Эпоха и живая легенда. Дедушка Горбовский...

Правда, относительно Горбовского из ЧПП есть сомнения: это НАШ Горбовский или какой-то другой, родственник, например? Трудно объяснить, как НАШ Горбовский мог уходить во Вторую звездную экспедицию раньше Вали Петрова, по возрасту не сходится... Проблема «казуса Горбовского» давняя. Еще в 90-м году прошлого века Сергей Лифанов, «люден», говорил: «Горбовский из ЧПП не наш общий любимец. Я по-прежнему убежден, что Горбовских двое, что создает еще одну проблему: почему тогда фами-

лия Леонид Андреича не вызвала у Кондратьева никаких ассоциаций? [Имеется в виду разговор Горбовского с Кондратьевым в новелле «Возвращение», ПХХIIВ.— *Е. Ш.-Б.*] Я в принципе не против версии одного Горбовского на весь Цикл. Да и сами АБС наверняка думали об одном Горбовском... Но меня абсолютно не устраивает то, что они с Кондратьевым почти ровесники. Почему Кондратьев его не знает? Ведь они практически одновременно должны были учиться в ВШК? Нет, права Светлана [Бондаренко — *Е. Ш.-Б.*] — разные это люди. Вот разве что одного корня... Но то, что один Горбовский явный родственник другого, сомнений не вызывает. А Инна [Кублицкая — *Е. Ш.-Б.*], например, так прямо про три лица и выдает: мол, Горбовский в них един — Горбовский до XXII века, Горбовский до ДР и Горбовский после ДР».

Могут ли материалы по ненаписанным «Повести о Горбовском» и «Родился завтра (Год рождения 2017)» как-то прояснить эту проблему? Вообще, как эти тексты ложатся в Мир Полудня, в общую его хронологию: что подтверждается, что противоречит (общий мир, который АБС держали в своей голове, изредка выдавая оттуда кусочки)? Какие реалии Полдня являются общими для этих отрывков (планов), а какие можно почерпнуть в дополнение именно из этих текстов? Если коротко, то перед нами, вне всяких сомнений, тексты Полуденного цикла.

«История с таинственным убийством на Венере (1980 г.)». Отголоски какой-то трагедии, предшествовавшей гибели в 80-х годах XX века на Вените Екатерины Ермаковой, жены Анатолия Ермакова, мы встречаем в СБТ: «Жена Ермакова была первым человеком, высадившимся на естественном спутнике Венеры. И там произошло какое-то несчастье. Никто об этом не знает ничего толком — какое-то столкновение между членами экипажа. С тех пор женщин перестали брать в дальние межпланетные рейсы...» Не об этом ли «таинственном убийстве» идет речь? Гоби, олгой-хорхой тоже реалии СБТ.

Строительство трансгобийской магистрали (2042 г.) отсылает нас к ХВВ: «Рюг и Лэн пришли ко мне после уроков, и Лэн сказал: "Мы уже решили, Иван. Мы поедем в Гоби, на Магистраль"». [В каноническом тексте этого нет.— *Е. Ш.-Б.*]

Об освоении Венеры у АБС говорится много и подробно, но вот «создание Институтом дорожного машиностроения лучших в

мире дорожных машин для Меркурия (2047 г.)» это новый, пусть и небольшой, штрих к картине XXI века: земляне уже не просто «привыкли к ледяным пропастям и добела раскаленным горным плато на Меркурии», как было во времена СБТ, но и активно осваивают планету.

Разрушение мертвого города в Гоби и работа Антона Алехина у археологов напоминают реалии «Извне», а Ленобловский интернат и «Стрелки из арбалета» — мостик к прологу ТББ. Возможно, такими могли быть фамилии героев повести — Антон Алехин, Анка Волина и Павел (Пашка) Зубов.

Гришу Скворцова, водителя вездехода, в текстах мы больше не встретим, зато будут Толя Скворцов, сверлильщик Китежградского завода маготехники (СОТ-1), а в Мире Полдня — Федя Скворцов, мальчик с фермы «Волга-Единорог» (ПХХIIВ)...

Однако как быть с Горбовским? Что если «Повесть о Горбовском» и «Родился завтра» представляют собой некий черновой набросок родословной НАШЕГО Горбовского? «Только пусть это будет не тот Горбовский. Надо создать немного другой образ». Отлично. «Не тот» Горбовский нам-то как раз и нужен. Посмотрим, как в таком случае все это могло выглядеть.

«— Как вам это нравится, Валентин Петрович? — вскричал лжештурман.— Самозванцы, а?»

ГОРБОВСКИЙ-I (дед) — Горбовский (Алехин) Сергей Николаевич. Родился 25 января 1945 г. «Человек с удивительной биографией, которую надо придумать». К 1985 г.— командир предприятия (или экспедиции). Бывшая жена — Катерина. Сын.

ГОРБОВСКИЙ-II (сын Сергея Николаевича) — имя неизвестно. Родился в 1970 г.

(«— Товарищ Фарфуркис, я попрошу вас занести в протокол, в констатирующую часть, что Тройка считает полезным принять меры к отысканию сына Бабкина Эдуарда Петровича на предмет выяснения его имени. Народу не нужны безымянные герои. У нас их нет».)

Поэтому, назовем его условно Александром, в честь наиболее цитируемого АБС автора — Алехин (Горбовский) Александр Сер-

геевич. И пусть он будет межпланетником. Стоп. Так это же «Горбовский» — капитан «Тариэля» и командир Второй звездной, стартовавшей к звезде Тайя в 2017 г. (если следовать варианту ЧПП, опубликованному в сборнике «Альфа Эридана»). Это о нем рассказывал Валя Петров: «Один из бакенов в ответ на наш вызов просигналил: "Был здесь. Четвертый локальный год. Горбовский"».

Понятно, почему фамилия Леонида Андреевича не вызвала у Сергея Кондратьева никаких ассоциаций, и Кондратьев его не знает. Во-первых, Кондратьев не мог знать Л. А. Горбовского, родившегося спустя два десятилетия после старта «Таймыра» (2017 г.). Во-вторых, предка Л. А.— Горбовского-II — Кондратьев если и знал, то не как Горбовского. Он его знал как Алехина.

А вот с Алексеем Быковым Горбовский-II, принимая во внимание его возраст, очень даже мог пересекаться — в ВШК, например, в первой половине 90-х годов XX века. И так ли случайно упоминание Авторами в тексте фамилии Быкова: «Г. Ф.— это восстание против трезвой уверенности Быкова»?

ГОРБОВСКИЙ-III (внук Сергея Николаевича и сын Александра Сергеевича) — Алехин (Горбовский) Николай Александрович. Родился около 1991 г. Историк-архивариус; жена — врач, ларинголог.

ГОРБОВСКИЕ-IV (правнуки Сергея Николаевича и дети Горбовского-III):

Старший сын — Алехин (Горбовский) Андрей (условно) Николаевич. Родился, скорее всего, в 2012 г. Лепролог. Жил на острове Н. (группа Соломоновых).

Вариант А: Андрей Николаевич — отец НАШЕГО Леонида Горбовского.

Младший сын — Алехин (Горбовский) Антон Николаевич. Родился в 2017 г. Главный герой повести «Родился завтра». Дядя Л. А. Горбовского.

Дочь — имя неизвестно. Родилась в 2020 г. Химик-полимерщик.

Вариант Б: Леонида Николаевна Алехина (Горбовская) — мать Л. А. Горбовского. (Сомнительно, чтобы скромнейший Леонид Андреевич согласился с тем, что открытую им планету назовут в его же честь. А вот в честь мамы, пожалуй, да...) Мать Л. А. в на-

чале XXII века еще была жива и провожала сына на Цифэе, когда Горбовский и Бадер уходили к Трансплутону. «“Август, а у вас есть мама?” Да, он так и сказал: “мама”. Не мать, не муттер, а мама».

ГОРБОВСКИЙ-V — НАШ Леонид Андреевич Горбовский. Родился во второй половине 2030-х годов. Такая дата рождения Л. А. (а не, скажем, 80-е годы XX века), помимо ссылок на его возраст в ДР и в ВГВ, косвенно подтверждается еще одними словами из ВГВ: «Странники, Странники,— почти пропел Горбовский. Он лежал теперь, натянув на себя плед до самого носа.— Надо же, сколько я себя помню, с самого детства, столько идут разговоры об этих Странниках...» Заметим, что слово «Странники» впервые было произнесено около 2026 г., когда в недрах Марса земляне обнаружили пустой тоннельный город из янтарина.

Конечно, такая реконструкция «рода Горбовских» не более чем версия. Вольная трактовка данных черновика с домысливанием недостающих звеньев. Тема для дискуссии, коей, повторим, много лет... «Предков всегда интересует, какими они будут, а потомков — как они стали такими».

И еще: «Он был как из сказки: всегда добр и поэтому всегда прав. Такая была его эпоха, что доброта всегда побеждала. “Из всех возможных решений выбирай самое доброе”».

Почему — был? Горбовский есть. И будет. Пока будут Полдень и живущие в нем (и им) люди. И только потом, если не появится Петр Петрович, откроем люки.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

В различных интервью АБС неоднократно высказывали свое желание написать добротный исторический роман. При этом они указывали на похожесть исторической и фантастической литературы (АБС. От чего не свободна фантастика.— Литературное обозрение.— 1976.— № 8):

В известном смысле она [жанровая специфика фантастики — *С. Б.*] сродни специфике исторического романа. Исторический

роман, как правило, рассказывает о том, что и как могло бы произойти, но в рамках определенных исторических и социальных представлений. Фантастический роман тоже рассказывает, что и как могло бы произойти, но в рамках определенной фантастической гипотезы или фантастического допущения. Для обоих жанров характерно возрастание меры и роли условности (по сравнению, скажем, с бытовым романом), что объясняется, во-первых, принципиальным недостатком информации у автора, и, во-вторых, необходимостью приблизить описываемые события к читателю-современнику, к его реальной жизни, его мировоззрению и мироощущению.

Неоднократно Авторы обговаривали повесть о жизни отца: «Еврей Натан» — роман в манере Фейхтвангера о революции, гражданской войне и Большом Терроре. Дальше разговоров дело так и не пошло, хотя книга, основанная на биографии отца братьев Стругацких была бы и интересна, и поучительна. Как рассказывал об отце БН в «Комментариях»: «Он был честнейшим и скромнейшим человеком. Он был верным большевиком-ленинцем, безукоризненно выполнявшим любую работу, на которую бросала его партия. Никаких особо высоких постов никогда не занимал, но во время и сразу после Гражданской, по утверждению мамы, «носил на френче два ромба. По тому времени это чин генерала». Потом в Батуми, после демобилизации, был редактором газеты «Трудовой Аджаристан». Потом в Ленинграде — сотрудником Главлита. Потом в 1933 (в день моего рождения!) брошен был на сельское хозяйство — начальником политотдела Прокопьевского зерносовхоза в Западной Сибири. А в 1936 году назначен был «начальником культуры и искусств города Сталинграда». (Видимо, заведующим отдела культуры то ли горкома партии, то ли горисполкома.) Здесь в 1937 году его исключили из партии — формально за антипартийные и антисоветские высказывания («заявлял, что Н. Островский — щенок по сравнению с Пушкиным, и утверждал, что советским художникам надо учиться у иконописца Рублева»), а фактически за то, видимо, что стоял у тамошнего начальства поперек горла: «запретил бесплатные ложи и первые кресла для начальства, ввел для начальства платный вход в театр и кино, отменил всяческие начальственные льго-

ты, изучил бухгалтерию, обнаружил незаконные перерасходы, ложные накладные» и пр. Как я теперь понимаю,— чудом избежал ареста и уничтожения, ибо сразу же уехал в Москву хлопотать о восстановлении и хлопотал об этом всю оставшуюся жизнь. В июне 1941-го пришел в военкомат, но в действующую армию его не взяли — 49 лет и порок сердца. А в ополчение — взяли, уже в конце сентября, когда блокада стала свершившимся фактом, и он успел еще повоевать на Пулковских высотах, но в январе 1942-го был комиссован вчистую — опухший от голода, полумертвый, с останавливающимся сердцем».

Хотели они написать и «современную былину» в манере популярного теперь Михаила Успенского — о приключениях былинных богатырей в реальных исторических реалиях. Этот исторический роман Авторами тоже не был написан. Но в архиве АБС сохранились заметки, проливающие свет на замысел «былины»:

Выехали в 1146 г., когда после смерти черниговского узурпатора Всеволода II Ольговича (1139–46) в Киеве началась резня. Попали в Галич при Владимирко Володаревиче (Галицкое кн-во) (1141–1153). Затем направились в Краков. В Кракове встретились с арабом Идриси (стр. 435). Здесь княжит Владислав II (по Статуту Болеслава Кривоустого 1138 г.), внук по матери Святополка (киевского). Бежал из Польши как раз в это время. Они встретили его кавалькаду. В Опаве сталкиваются с маркграфом моравским, затем едут в Прагу, где княжит Владислав II — готовится стать королем. Но сам князь таскается с Барбароссой в Италии, вымаливает себе королевский титул. Масса немцев в Праге. В Германии императорствуют Штауфены (Гогенштауфены) из герц. Швабия.

Рассказы:
о саксонских восстаниях
об отражении тевтонов у зап. славян
о крестовом походе бедноты

Встреча с молодым Барбароссой (род. 1125) в Страсбурге. Столкновение с Конрадом III, ведущим 2-й крестовый поход. Конрад — основатель Гогенштауфенов (1093–1152).

Во Франции — сожжение на кострах.

Веселые жонглеры
Турниры?
Миракли
стр. 353
«Рим и всех, и каждого
Грабит безобразно;
Пресвятая курия —
Это рынок грязный».

Встреча с автором рыцарских романов Кретьеном де Труа.

Людовик VII (1119–80). Плохо живет с женой, Алиенорой Аквитанской. Вот их папаша, Людовик Толстый, это да. А у этого фактическим правителем аббат Сугерий (1081–1151). Сочинитель. Поддерживал города.

Нестор (ему ок. 80 лет) — сидит в Киево-Печерской лавре.
«Повесть временных лет»
«Чтение о князьях Борисе и Глебе»
«Житие Феодосия»
[последние две строки обведены скобкой и написано: «против распрей князей, против Византии» — *С. Б.*]

1. У Нестора в келье. Алеша и Добрыня беседуют со старцем. Приходит Илья. В Киеве резня.
Этот паразит Всеволод Второй.
Решение ехать на Запад.
Алеша — за знаниями. Добрыня — за женой и богатством. Илья — надоело служить этим паразитам князьям.

Авторами были сделаны и две карты к этому роману. Первая — поход от Киевского княжества до Чехии через Изяславль, Торебовль, Галич, Перемышль, Бохию, Краков, Освенцим, Ратибор. Вторая — от Опавы до Хеба через Литомышль, Кутка-Тору, Прагу (Вышеград), Пльзень[1].

[1] Карты приведены во вклейке.— *С. Б.*

Проработка Авторами последних десятилетий XII века потом отразилась в предисловии АНС к «Сказании о Ёсицунэ», озаглавленному «Инструкция к чтению»:

Время действия — последние десятилетия XII века.

Небесполезно вспомнить, что происходило в это время в мире.

Русь. Грандиозная держава, созданная столетие назад Владимиром Мономахом, распалась. Грозные междоусобицы сотрясают страну. В 1169 году галичане, владимирцы и суздальцы громят Киев.

Китай. Устоялась граница по великой реке Янцзы между чжурчженьским государством Цзинь и китайской Южно-Сунской империей. Цзинь грызется с Южным Суном, а над их головами, в междуречье голубого Керулена и золотого Онона, свирепый Темучжин[1] уже ломает «бескровно» хребты непокорным родичам и вождям татар и меркитов.

Европа. Пошел третий крестовый поход. Потея от жары и страдая от паразитов под миланскими панцирями, высаживаются в многострадальной Акре Ричард Львиное Сердце, Филипп-Август и Фридрих Барбаросса. Поздно. Уже потеряно графство Эдесса и королевство Иерусалим, а там на очереди остров Крит и (правда, столетие спустя) графство Триполи, и княжество Антиохия, и все прочее.

Америка, Африка... Автор извиняется перед читателем: не хватает эрудиции. Впрочем, надо думать, там тоже громят, режут и жгут...

«БЕЛЫЙ ФЕРЗЬ»

Замысел романа «Белый ферзь» (другое название — «Операция "Вирус"») был загадкой для любителей творчества АБС (а особенно — для исследователей мира Полудня) много лет. Читатели, не хотевшие поверить, что этот роман так и не написан, атаковали Авторов вопросами о нем постоянно, до тех пор, пока БНС не изложил идею, основной сюжет (и главное — финал) ненаписанного романа в сборнике «Время учеников». Позже этот же текст был дан в «Комментариях» БНа в собрании сочинений АБС «Сталкера»:

[1] Впоследствии Чингисхан.— *АНС.*

Осталась <...> недописанной одна из задуманных в рамках Полуденного цикла историй — история проникновения Максима Каммерера в таинственные недра страшной Океанской империи.

Об этом ненаписанном романе среди фэнов ходят легенды, мне приходилось слышать рассказы людей, которые точно знают, что роман этот был по крайней мере наполовину написан, пущен авторами «в народ», и кое-кто даже лично держал в руках подлинную рукопись... Увы. Роман этот НИКОГДА НЕ БЫЛ НАПИСАН, он даже придуман не был как следует. Вот как выглядит его самый общий предполагаемый план:

1. Пролог. Гнилой Архипелаг.
2. Ч. I. Прибрежная зона.
3. Ч. II. Леса и поля.
4. Ч. III. Солнечный круг.
5. Эпилог.

Действие романа должно было происходить где-то вскоре после событий «Жука в муравейнике», лет через пяток после этого и задолго до времен Большого Откровения. Пролог разработан действительно в деталях. БН мог бы написать его за несколько дней (это всего десяток страниц), но ему не хочется этим заниматься: неинтересно, да и ни к чему. Часть I продумана хорошо, известны основные эпизоды, но без многих и многих существенных деталей. Часть II — ясна в общих чертах и с некоторыми эпизодами. Часть III — в самых общих чертах. Известен только один эпизод из этой части, заключительный (см. ниже — из предисловия БН к сборнику «Время учеников»). Что же касается эпилога, то это по идее должно было быть что-то вроде итогового комментария, скажем, Гриши Серосовина (или другого какого-нибудь комконовца) по поводу всего вышеизложенного. Но здесь нет даже самых общих наметок.

В предисловии к сборнику «Время учеников» БН писал об этом романе примерно следующее:

«В последнем романе братьев Стругацких, в значительной степени придуманном, но ни в какой степени не написанном; в романе, который даже имени-то собственного, по сути, лишен (даже того, о чем в заявках раньше писали «название условное»); в романе, который никогда теперь не будет написан, потому что братьев Стругацких больше нет, а С. Витицкому в одиночку писать его не

хочется,— так вот в этом романе авторов соблазняли главным образом две свои выдумки.

Во-первых, им нравился (казался оригинальным и нетривиальным) мир Островной Империи, построенный с безжалостной рациональностью Демиурга, отчаявшегося искоренить зло. В три круга, грубо говоря, укладывался этот мир.

Внешний круг был клоакой, стоком, адом этого мира — все подонки общества стекались туда, вся пьянь, рвань, дрянь, все садисты и прирожденные убийцы, насильники, агрессивные хамы, извращенцы, зверье, нравственные уроды — гной, шлаки, фекалии социума. Тут было ИХ царствие, тут не знали наказаний, тут жили по законам силы, подлости и ненависти. Этим кругом Империя ощетинивалась против всей прочей ойкумены, держала оборону и наносила удары.

Средний круг населялся людьми обыкновенными, ни в чем не чрезмерными, такими же как мы с вами — чуть похуже, чуть получше, еще далеко не ангелами, но уже и не бесами.

А в центре царил Мир Справедливости. «Полдень, XXII век». Теплый, приветливый, безопасный мир духа, творчества и свободы, населенный исключительно людьми талантливыми, славными, дружелюбными, свято следующими всем заповедям самой высокой нравственности.

Каждый рожденный в Империи неизбежно оказывался в «своем» круге, общество деликатно (а если надо — и грубо) вытесняло его туда, где ему было место — в соответствии с талантами его, темпераментом и нравственной потенцией. Это вытеснение происходило и автоматически, и с помощью соответствующего социального механизма (чего-то вроде полиции нравов). Это был мир, где торжествовал принцип «каждому — свое» в самом широком его толковании. Ад, Чистилище и Рай. Классика.

А во-вторых, авторам нравилась придуманная ими концовка. Там у них Максим Каммерер, пройдя сквозь все круги и добравшись до центра, ошарашенно наблюдает эту райскую жизнь, ничем не уступающую земной, и общаясь с высокопоставленным и высоколобым аборигеном, и узнавая у него все детали устройства Империи, и пытаясь примирить непримиримое, осмыслить неосмысливаемое, состыковать нестыкуемое, слышит вдруг вежливый вопрос: «А что, у вас разве мир устроен иначе?» И он начинает го-

ворить, объяснять, втолковывать: о высокой Теории Воспитания, об Учителях, о тщательной кропотливой работе над каждой детячьей душой... Абориген слушает, улыбается, кивает, а потом замечает как бы вскользь: «Изящно. Очень красивая теория. Но, к сожалению, абсолютно не реализуемая на практике». И пока Максим смотрит на него, потеряв дар речи, абориген произносит фразу, ради которой братья Стругацкие до последнего хотели этот роман все-таки написать.

— Мир не может быть построен так, как вы мне сейчас рассказали,— говорит абориген.— Такой мир может быть только придуман. Боюсь, друг мой, вы живете в мире, который кто-то придумал — до вас и без вас,— а вы не догадываетесь об этом...

По замыслу авторов эта фраза должна была поставить последнюю точку в жизнеописании Максима Каммерера. Она должна была заключить весь цикл о Мире Полудня. Некий итог целого мировоззрения. Эпитафия ему. Или — приговор?..»

Пытливые читатели и после этого не оставили БНа в покое, задавая ему в офлайн-интервью на сайте «Русская фантастика» многочисленные вопросы о «Белом Ферзе». И если вопросы, касающиеся авторства «Белого Ферзя», сошли на нет (БН как-то упомянул о том, что у одного из авторов «Времени учеников» есть желание написать эту повесть вместо Авторов), то из ответов на другие вопросы можно узнать еще о некоторых подробностях этого замысла:

По поводу Белого Ферзя и ВГВ. Насколько я понимаю, хронологически ВГВ следует за БФ (Максим уже и Биг-Баг, и Ферзь). Судя по «Комментариям...», БФ должен был «закрыть» собой цикл о Мире Полудня — после такого финала («Боюсь, друг мой, вы живете в мире, который кто-то придумал») развивать эту тему уже нельзя. С одной стороны. С другой стороны, насколько я понял из тех же «Комментариев», «Белый Ферзь» продолжал обсуждаться и после написания и издания ВГВ. Которая сама по себе звучит последним аккордом. Не могли бы Вы объяснить эту, на первый взгляд, нестыковку — что хронология описываемых событий оказалась разорвана в «логической цепи прочтения»?

Андрей Быстрицкий. Quebec, Canada — 08.02.00

БНС: Нет, мы не видели здесь никакой нестыковки. Действие БФ должно было происходить через пяток лет после событий ЖВМ и лет за 20 до событий ВГВ. По нашему замыслу, в центре Островной Империи Мак испытал сильный психологический шок и не любил об этом вспоминать, а тем более — рассказывать. Но — не более того. Мы много ломали голову, пытаясь найти наиболее выигрышную форму для БФ: завещание Максима; или засекреченный в свое время отчет его; или композиция из сухих отрывочных рассказов Мака самым ближайшим из своих друзей... Теперь это уже неважно. Ясно только, что никакого хронологического «скачка» мы бы, разумеется, не допустили.

О прологе БФ более подробно БНС рассказывал «люденам» в 98-м году:

Там ведь как эту операцию «Вирус» собирались проводить? Создали наведенное сознание у нашего несчастного Максима. Сделали его жителем... <...> Пересадили ему сознание пандейского инженера по счетно-аналитическим машинам, который потерпел кораблекрушение в океане и оказался спасен какими-то странными людьми, совершенно непонятными. Один из которых как две капли воды был похож на Абалкина: длинноволосый и так далее и так далее. И вот этот самый... как его... Капсукас зовут? И вот этот самый несчастный Максим. Хохма заключалась в том, что этот самый Капсукас, инженер, он страшный трус. Патологический трус. Да еще и испытавший страшное совершенно потрясение во время кораблекрушения. Он сидит и всего боится. Ему страшно на этом острове. Это островок в так называемом Гнилом Архипелаге, южная часть Островной Империи. Кругом гниющее море на многие десятки километров вокруг. В зарослях бродят совершенно жуткие дикари, беспощадные, как капкан, готовые в любой момент прийти. У него в сознании сидят эти самые таинственные люди, которые его вытащили из пучины моря и у которых здесь вот, в хижине, в самодельной хижине загадочная и таинственная лаборатория с какими-то мигающими экранами, в которых он, инженер, ничего не понимает. И он там сидит, боится в хижину идти. Жратва есть только в хижине, консервы. Он туда идет, только когда умирает от голода, а в остальное время сидит на берегу и ждет, что, может, по-

дойдет судно какое-нибудь... кто-нибудь его спасет... И вот в один прекрасный момент из этого гнилого моря вдруг поднимаются две [1 слово нрзб — *С. Б.*]. Это офицеры-подводники. Белая субмарина. Эти офицеры-подводники подходят к этому Капсукасу и начинают обращаться с ним так, как офицеры-подводники Океанской Империи обращаются со всеми неокеанцами. И в тот самый момент, когда ужас Капсукаса достигает неописуемого уровня, по всем законам наведенной психики происходит срыв — он превращается в Максима. Это надо было сделать для того, чтобы не успели убить. Океанские офицеры оказываются, естественно, землянами, которые проводили этот эксперимент только для того, чтобы выяснить, насколько высок этот самый уровень. Уровень оказался слишком низким. Капсукас настолько труслив, что его сознание исчезло в тот момент, когда жизни его еще ничего не грозило. Ну вот и они его, этого самого Максима, снова в этой самой хижине... снова загоняют ему Капсукаса в мозг, снова они уходят в море, а Капсукас остается ждать своей страшной участи. И вот начало... вот такой пролог, который в принципе можно было написать, там на десять страниц текста всего. После чего приходит настоящая подводная лодка, которая его забирает. Его отвозят в Океанскую Империю, доставляют в штаб, естественно, в контрразведку, где ему делают немедленно ментоскопирование и, рассматривая его ментограммы, видят там Абалкина. В его воспоминаниях видят Абалкина, искусственного Абалкина. Они ведь знают Абалкина, они помнят эту историю, таинственную, загадочную историю, когда шифровальщик штаба флотилии «Ц» вдруг оказался шпионом.

Ну вот с этого момента начинается раскрутка. Начинают его раскручивать. А раскручивают его очень простым образом: ему дают прослушивать магнитофонные записи, его допрашивают, и постепенно Максим понимает, что там происходило.

По идее, дальше офицер должен был оказаться садистом, который хочет выкачать всю информацию из этого самого Капсукаса, хочет с ним подразвлечься, и в этот момент ментомаска Капсукаса исчезает, Максим становится Максимом, судьба офицера ужасна... А Максим через пролив, отделяющий береговой остров от следующего большого острова, через залив, населенный всякой ядовитой сволочью... Там даже висят огромные плакаты, предупреждающие не погружаться в воду: «Твоя жизнь нужна Империи»... Максим переправляется, и вот там начинается его путешествие...

В офлайн-интервью БН писал о предполагаемом авторе «Белого Ферзя»: «Я передал ему те (немногочисленные) заметки, которые у меня сохранились, но я вовсе не уверен, что эти заметки будут хоть как-то использованы».

Неизвестность об использовании сохранившихся заметок, как и неизвестность вероятности выхода этого романа вообще позволяет опубликовать эти материалы в настоящем исследовании. Их действительно очень мало:

ОПЕРАЦИЯ «ВИРУС»

Три вопроса повторяются неизменно: что в человеке является собственно человеческим? Как он приобрел это человеческое? Как можно усилить в нем эту человеческую сущность?

Дж. Брунер «Психология познания»
(Изд-во «Прогресс», Москва, 1977, стр. 387)

Глава I. Гнилой архипелаг

...Окна забраны крашеными металлическими решетками. Выходят на проспект Пограничных войск. Второй этаж. Два светлых зала. Шесть сортировок, четыре довоенных хонтийских мультипляйера, четыре табулятора (огромные черные электрические арифмометры... бегемоты-саркофаги... железное чавканье вращающихся двенадцатиразрядных счетчиков... чвак-чвак-чвак и — гррумдж! — печатающее устройство). Гррумдж, гррумдж... И пронзительно, словно в истерике, хохочет Мелиза Пину,— смешливая, хорошенькая и глупая, как семейный календарь...

Иллиу Капсук поднимает тяжелую голову, озирается. Ничего не изменилось вокруг. Здесь никогда ничего не меняется. Только день превращается в ночь, а ночь, мучительно переболев темной, влажной жарой и москитами, переходит в день, больной слепящей влажной жарой и гнусом. Маслянисто гладкая жирная вода впереди, насколько хватает глаз, мертвое вонючее марево над болотом позади — двести шагов до края джунглей, до неподвижной пестрой стены, красно-белесо-желтой, как развороченный мозг...

Гнилой Архипелаг. Мертвое, сожранное водорослями море. Мертвая, сожранная, убитая джунглями и соленой трясиной суша...

«Иллиу Капсук. Иллиу Баратма Капсук...»

Он снова ловит себя на том, что все время повторяет свое имя. Он словно боится его забыть. Вполне обоснованное опасение. Он знает, что уже забыл многое и многое. Он болен. Здесь все вокруг больное. А все здоровое, что попадает сюда, становится больным. Гудит, звенит и кишит гнусом влажный больной воздух. И больная кровь гудит, звенит и кишит какой-то дрянью — в голове, в жилах, в распухших ушах...

Описание аварии теплохода-лайнера.

Описание Гнилого архипелага — тянется на шестьсот миль с юга на север до самой Островной Империи.

Описание острова — странный Дом. Аборигены-островитяне, вооруженные отравленными метательными дисками, охотники на людей, окраинная стража Империи.

Цель эксперимента — проверить психовыключение: ужас смерти должен возвращать Максиму личность.

Они вошли в воду. Буро-коричневая каша водорослей неохотно раздавалась под ногами. Она воняла. Это не было похоже на море. Это не похоже было даже на застоявшуюся вековую трясину. Это был разлив лопнувшего городского коллектора.

Тот, что был помоложе, натянул на лицо маску и обернулся. На прощанье. Заместитель заведующего расчетным отделом фирмы «Пиво АРОМА» по-прежнему сидел на вонючем песке, в прежней нелепой позе и трусливо, искоса, так, чтобы было незаметно, наблюдал за ними.... Иллиу Капсук. Иллиу Баратма Капсук. Инженер-эксплуатационник по счетно-аналитическим машинам из Мелиты... Глаза у него были, как два издыхающих головастика.

— Господи,— сказал тот, что был помоложе.— До чего же это страшно, если подумать...

— А ты не думай,— сказал тот, что был старше. Он сказал это сердито: он натягивал свою маску, и борода мешала ему — цеплялась и путалась в пальцах, словно живое упрямое и непокорное существо.

ОТЧЕТ
Операция: «ВИРУС»
Статус: ИСПОЛНИТЕЛЬ
Имя: МАКСИМ КАММЕРЕР

Псевдоним постоянный: —
Псевдоним временный: БЕЛЫЙ ФЕРЗЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Постановка задачи.
2. Подготовка.
3. Операция, фаза 0.
4. Операция, фаза 1.
5. Операция, фаза 2.
6. Операция, фаза 3.
7. Выход из операции.
8. Выводы.

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Основными посылками подготовки операции были, во-первых, полное отсутствие ясности в истории гибели .....— псевдоним Тристан,— и во-вторых, систематическая нехватка информации относительно Островной Империи, будь то информация о социальном и административном устройстве, экономическом положении, внешней и внутренней политике, религии, науке, культуре — фактически обо всем.

В соответствии с этими посылками, а также учитывая исключительную сложность и опасность любой попытки внедрения и даже просто самого поверхностного сбора информации, была установлена следующая приоритетность в постановке задач:

А. Выяснение обстоятельств гибели Тристана.

Б. Попытка собрать новейшую информацию о Побережье, в пределах военной зоны.

В. Попытка проникновения вглубь территории Империи и попытка сбора любой информации относительно внутренних районов.

Поскольку относительно реалистичным считалось только решение задачи А (задача Б могла быть решена лишь в случае исключительно удачного стечения обстоятельств, задача же В изначально рассматривалась лишь как фантастическая), все разработки по подготовке операции сосредоточены были именно на этой задаче.

2. ПОДГОТОВКА

Для создания предпосылок успешного решения задачи А надлежало предусмотреть выполнение следующих необходимых условий:

1. При первом контакте исполнителя с имперскими служащими не происходит боевого столкновения, которое означало бы провал операции в самом ее начале. С подавляющей вероятностью такими служащими должны были оказаться имперские подводники, реакция которых на любого чужака практически однозначна — желание унизить и уничтожить. Однако и при контакте с другими служащими (рыбачьи команды, охотники, дикие пограничники) опасность превращения первого контакта в боевое столкновение чрезвычайно велика.

2. В случае мирного исхода первого контакта (исполнителя не пытаются убить, а просто берут в плен) у имперских служащих возникает желание (необходимость) передать пленного службе безопасности. Если пленного, например, превратят в раба, это хотя и не прервет операцию, но значительно ее осложнит.

3. Служба безопасности после первого же ментоскопирования пленного должна заинтересоваться им, причем, именно в плане случая с Тристаном. Представляется чрезвычайно маловероятным, чтобы случай с Тристаном (провал Гурона) не оставался бы загадкой для имперской СБ и по сей день.

Оптимальным образом эти условия могли быть удовлетворены применением соответственно подобранной ментальной маски.

Натурщик — Иллиу Баратма Капсук. Гражданин Пандеи. 39 лет. Женат, двое детей. Инженер-эксплуатационник по счетно-аналитическим машинам. Заместитель заведующего расчетным отделом фирмы «Пиво АРОМА», Пандея.

Спасен при кораблекрушении. Патологический трус, вдобавок еще слегка повредившийся от пережитого ужаса.

Контрольный тест: «Этот человек выдает себя за вас. Попробуйте каверзными вопросами разоблачить его».

Треть ответов: не знаю, не помню, что-то брезжит, но точно ответить не могу. Треть: правильные, но с изъянцем. Треть: абсолютно верные, причем о таких вещах, которые никому постороннему не могут быть известны. Диагноз: человек, страдающий частичной потерей памяти, как следствие мощного стресса.

На маску Капсука наложены фальш-воспоминания, в которых фигурирует Гурон-Абалкин.

Остров оборудуется фальшь-лабораторией. Лже-Капсукас убежден, что его спасли и привезли на этот остров некие странные люди

(в том числе и Гурон). Последний раз они были здесь на острове три недели назад, с тех пор Капсукас их не видел -- воровал из лаборатории-пещеры консервы, но сам там жить боялся, отсиживался в хижине на берегу.

(Почему дикари-пограничники не видели «странных людей»? Вышли на это место с опозданием? А может быть, куплены странными людьми? А может быть, перебили их, а теперь скрывают, боясь наказания? К сожалению, ментоскопирование дикарей не дает однозначных результатов. Да и заполучить их на ментоскопирование не просто!)

На самом деле, дикари-пограничники ВИДЕЛИ странных людей, причем один из них выглядел как Гурон -- это были прогрессоры, занимавшиеся оборудованием пещеры-лаборатории. Другое дело, что информация по этому поводу у СБ только вербальная, дикари плохо поддаются ментоскопированию.

«ЭКСПЕДИЦИЯ В ПРЕИСПОДНЮЮ»

ЭВП принято считать современной сказкой — такие сказки могли бы сочинять в Мире Полудня. Хотя на самом деле ЭВП дает более широкую картину. Когда ЭВП появилась в печати, многие, вероятно, ломали голову над ее загадками: профессор Ванькингартен — ЗМЛДКС, «прен-цен-дент» — ПНВС, многочисленные отсылки к Миру Полудня... Многие считали, что Ярославцев — это не АБС, а какой-то талантливый пародист, который «прошелся» по всему творчеству АБС.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Как известно, ЭВП реализовалась из задумок сценария мультфильма, так и не сделанного. БНС в «Комментариях» пишет: «В январе 1972 года мы начали писать сценарий мультфильма под названием «Погоня в Космосе». Сценарий этот сначала очень понравился Хитруку, через некоторое время — Котеночкину, но потом на него пала начальственная резолюция (в том смысле, что такие мультфильмы советскому народу не нужны), и он перестал нравиться кому бы то ни было. И вот тогда АН взял сценарий и превратил его в сказку».

В архиве сохранилась заявка от Авторов:

В киностудию «Мультфильм»
от А. Стругацкого и Б. Стругацкого

ЗАЯВКА

Предлагаем заявку на сценарий полнометражного рисованного цветного фильма «По следам “Космического Негодяя”» (назв. условное).

Насколько нам известно, полнометражные мультфильмы пока еще большая редкость в отечественной, да и в мировой кинематографии. Причина этому, думается, состоит в том, что в рисованном варианте трудно разработать сюжет и создать образы героев, которые могли бы держать зрителя в неослабном напряжении на протяжении всех шестидесяти-семидесяти минут. Кроме всего прочего мультипликация, по нашему глубокому убеждению, является жанром по преимуществу ироническим, что тоже ослабляет дело, о чем свидетельствует вся история мировой культуры: мы с трудом насчитали два десятка достаточно объемистых произведений, с начала до конца проникнутых духом сатиры, иронии, юмора, который воспринимался бы не только современниками авторов, но и в наши дни.

Отдавая себе отчет во всех этих трудностях, мы тем не менее берем на себя смелость обратиться в студию с предложением создать сценарий полнометражного фильма-мультипликации. В отношении острого сюжета и достаточно интересных и необычных героев мы рассчитываем на свой опыт писателей-фантастов, а успех нашей юмористической повести «Понедельник начинается в субботу» позволяет нам надеяться на положительный результат в смысле насыщения сценария веселыми ситуациями.

Ниже приводятся литературные характеристики предполагаемого сценария, а также некоторые комментарии, показавшиеся нам необходимыми для уточнения этих характеристик.

ЖАНР. По жанру предполагаемый сценарий должен соответствовать в литературе научной фантастике. Строгого определения научной фантастики не существует, но в данном случае мы обозначаем этим термином вид литературы, сюжетный строй которой организуется на основе воображаемых необычайных сил природы и воображаемых необычайных достижений науки и техники (в отличие от сказки, где сюжет держится на волшебных, мистических, потусторонних силах). Разумеется, здесь усматривается определенная трудность. В мультфильме, как известно, «все возможно», и потому не так просто провести отчетливую грань между сказкой, научной фантастикой и просто мультипликационной условностью или шуткой. Однако нам представляется, что эту трудность при известном такте преодолеть будет легко.

СЮЖЕТ. Сюжет предполагаемого сценария должен быть очень простым и по возможности острым, изобилующем критическими, смешными и поражающими воображение ситуациями. В первом

приближении он мыслится следующим образом. Межзвездные пираты-работорговцы на летающем блюдце «Космический Негодяй», рыская в поисках добычи по космосу, натыкаются на нашу Землю. Пользуясь фантастическими техническими возможностями, они похищают Девушку. В погоню бросаются Ученый, Спортсмен и Офицер. После целого ряда фантастических перипетий им удается, конечно, настигнуть пиратов, разгромить их и освободить Девушку. Борьба весьма тяжелая: на стороне пиратов невероятные технические ухищрения (они способны проникать в помещения через экраны телевизоров, останавливать время, свертывать пространство и т. д.), на стороне людей — мужество, верность, любовь. Разумеется, у пиратов «Космического Негодяя» есть свои слабые места (напр. они вынуждены жить и действовать при очень низких температурах, так как боятся протухнуть), но в общем — это борьба человека против техники, и человек побеждает.

ГЕРОИ. Положительных героев четверо. Девушка, Ученый, Спортсмен и Офицер. Мужские роли олицетворяют охранителей человечества-Девушки. Желательно, чтобы образ Девушки, при всей гротескности, обусловленной мультипликационной системой, был максимально привлекателен. Мужчины, каждый в своем роде, ограничены, но все вместе должны представлять собой великолепную необоримую силу. Отрицательные герои — командир «Космического Негодяя» и его заместитель по техническим вопросам. В них воплощается все зло нашего времени — эгоизм, корыстолюбие, мещанство. Мы считаем важным подчеркнуть, что борьба за человечество-Девушку есть борьба мысли и чувства против брюха. В этом состоит идейное содержание предполагаемого сценария.

СТИЛИСТИКА. Мультипликационный фильм по природе своей ироничен. Вообще самые удачные произведения человеческой культуры основаны на известном принципе «ирония и жалость». Предполагаемый сценарий будет строиться на пародийной основе. Кажущееся сюжетное разнообразие мировой фантастики при близком рассмотрении сводится вообще-то к весьма неширокому кругу сюжетных ситуаций. (У известного писателя-фантаста С. Лема нет ни одного самостоятельного сюжета.) Наиболее распространенные в нынешней научно-фантастической литературе сюжетные ситуации лягут в основу сюжетных узлов сценария (повторяем, в пародийной форме) и, как мы надеемся, чрезвычайно облегчат зрительское восприятие фильма.

Таковы художественные характеристики сценария, на который мы делаем заявку.

Полагаем, что сценарий может быть представлен на студию через три-четыре месяца после подписания договора.

Москва, 10.08.71

А. Стругацкий
Б. Стругацкий

В заявке уже присутствует троица «мушкетеров» и будущая Галя — пока еще не «мушкетер в юбке», а лишь в виде символа человечества. По сохранившихся материалам архива можно видеть, как постепенно вырисовывался сюжет ЭВП, которую мы знаем, и появлялись привычные герои.

Первоначально Авторы планировали перенесение сюжета известного романа Стивенсона в космос, называли свои наработки «Карта капитана Флинта» или прямо — «Остров сокровищ».

Пираты в Космосе.
Пролог: Таверна «Три паука»
Исчезновение карты Оплеуха
Титры:
Место действия
Время действия
Действующие лица.
1. Пираты в Космосе. Песня.
Оплеухи.
Та же ситуация, что на карте, но в натуре на планете Земля.

Цепочки для собачек, ошейники.
Куда делось золото?

Первый вариант сценария:

КВАРТЕТ «НЕХМУРЫЕ РЕБЯТА»

Пролог

1. Послеобеденный концерт четверки. Плакат «Тихо, идет репетиция».

2. Все это на экране, помыслы пиратов, годны или нет.

3. Луна, снижается корабль.

Титры

1-я часть. Похищение

4. Утро, домой возвращается кот во фраке с цветком. Эпизод с рыбкой.

5. Рыбка превращается в кость. Пес (в гамаке) ее учуивает, тоже прыгает.

6. Мальчишка спит в другом гамаке, подходит робот, будит его: пора вставать. Мальчик спросонья выключает. И тут же пробуждается от подземных воплей кота и пса. Бежит на поляну; лапы из-под земли его утягивают.

7. Вылезает жаба, берет робота и инструменты под мышку и проваливается сквозь землю.

8. Корабль взлетает на утреннем солнце. Остается хижина, ветер, тайфун, скрипит дверь опустевшего дома.

2-я часть. Путь на планету Негодяев

9. Внутренность корабля. Все связаны, кто как, робот разобран.

10. Корабль мчится среди звезд.

11. Процедура перехода в подпространство. Рулевой, команды. Световой барьер. Ускорение, все сплющивается.

12. Обезьяна: два аншлага. 1-й — Сегодня и ежедневно...

Робот говорит о нарушении закона. Пират показывает ему 2-й: приказ Великого Спрута — всем вольным пиратам хватать и везти на конкурс-концерт музыкантов, гимнастов и чтецов-декламаторов со всей Вселенной. (Песня пиратов.)

13. Вопль рулевого-впередсмотрящего: Впереди Черный Пожиратель! О, этот ужас безмолвных глубин Подпространства, где нет ни расстояний, ни направлений, ни скоростей! Мы пропали, еще никто не уходил от Пожирателя!

Торпеда. Черный Пожиратель ее выплевывает.

Ультразвук. Черный Пожиратель умывается.

Появляется второй, корабль между ними.

На вычислителе приказ: «Скорость».

Корабль на бешеной скорости летит между Пожирателями, которые сжирают друг друга, а корабль кувыркается между звезд.

14. Опять все связаны, пират благодарит, но ничего не поделаешь: все стоит денег. Пупс говорит: Нечестно. Жаба: Нечестно?

Обезьяна: Нечестно? Капитан: Как нечестно? Корабль туда — деньги, обратно — деньги, кто платить будет? А где наша пиратская гордость? Опять плюходействие.

3-я часть. Освобождение

15. Спуск «Пирайи» на космодром Планеты Негодяев. Черное солнце. Зарево. Какие-то вопли. И вообще лейтмотив Планеты Негодяев.

16. Полиция Великого Спрута — огромные мохнатые пауки-крестовики, фаланги, досмотр. Откидывается трап — они взбегают туда. Дула пистолетов. «Пароль!» — «Кровь и золото!» — «Товар!» — «Музыканты для Великого Спрута».— «Документы!» — пропуск, печать — бум!

17. Пираты и пленники идут по столице Планеты Негодяев. Кабак: надпись «Кабакъ», «Pub», по-немецки, по-японски и на непонятных языках. Пираты намерены пройти, только косятся, но выдвигается механическая рука с полной кружкой под нос капитану, и капитан послушно, как осел за сеном, идет за этой кружкой в кабак. И все за ним следом. Кабак переполнен. Втискиваются, а из окон вываливаются. Из окна торчит меланхолическая харя с полузакрытыми глазами, жует жвачку. Парень подставляет к зубам веревку и освобождается.

18. Время от времени проходят пираты, волочащие за собой разнообразных пленников с роялями, арфами, трубами на спине. «Нехмурые» идут за ними.

19. Фасад дворца, очередь. Втягивают упирающихся. Вылетают из окна инструменты.

20. Сцена в аудитории Великого Спрута. Палач. Начинаются выступления.

1. Отличный выход балерины. Два пальца.

2. Петух, с цилиндром. Три пальца.

3. Чудовищный жонглер гирями. Гиря отшибает ногу, силача просят пройти в...

21. Входят «Нехмурые». Два номера: первый номер — бессмыслица, джаз-головье, поп-артовские. Великий одобряет, и палач в недоумении останавливается. Второй номер — колыбельная. Палач и Великий засыпают, а «Нехмурые» на цыпочках удаляются.

22. Проход по дворцу Спрута. Робот непрерывно вертит головой с локаторами. Встреча с хулиганами-крысами. Мальчик — Кот идет навстречу, страшно кричит, и те удирают.

Пес унюхивает переворачиваемую плиту пола. Копьем латника пробует. Потом все перескакивают с разбега. И оттуда из тьмы кто-то сверкнул глазами. Пес зарычал, стал кидать лапами землю, и чудище исчезло.

У дверей радиостанции робот охмуряет роботов: «Песнь о несчастных роботах». Роботы плачут свинцовыми слезами, из них идет дым, они распаиваются.

23. Мальчик кидается в радиорубку и начинает отстукивать призыв: «Земля Земля СОС координаты и пр.»

4-я часть. Разгром

24. Спит Спрут, спит палач. Вбегают несколько пауков, кричат, что к Планете Негодяев идет огромный неприятельский флот. Спрут командует всем в ружье, к бою!

25. Завывает тревога. Консерватория превращается в боевую рубку Спрута. На экране — космодром, пираты бегут к кораблям. Громовой голос землян: Сдавайтесь. Пираты останавливаются, но Спрут визжит: Вперед, трусы! Умели кататься, умейте и санки возить! Пираты стартуют.

26. Сражение в космосе. Пиратский флот разбит. Стройные боевые порядки Земли и остатки пиратских кораблей. Флот высаживается на планете.

27. Боевые треножники пауков. Лазеры землян их подрезают. Пауки рушатся, ковыляют, разбегаются.

28. Мальчик в радиорубке. В дверь ломятся, робот ее припирает. Мальчик: Во дворец, во дворец, Великий Спрут здесь! Осторожно, не заденьте музыкантов.

29. Спрут, видя, что все пропало, орет: «Одноглазого ко мне!» Возникают четверо пиратов. «На корабль! Спасаться, живо!» Все переглядываются, в обратном порядке. Спрут бросается на эстраду, орет: Предатели!

Палач стоит, разинув рот. И тут Пупс показывает ему два пальца. Палач берет Спрута за шиворот, кидает в клетку, бьет ногой по воздуху и, увлекаемый инерцией, вылетает за окно.

30. Спрут за решеткой, «Нехмурые» освобождают пленников.

31. Гимн Солнцу и счастью, раскалывается затмение, выплывает Солнце. Все пиратское тает и исчезает как дым. Апофеоз.

32. Снова остров. Играет оркестр. Пираты под охраной добродушного милиционера, все наголо обритые, отбывание пятнадца-

ти суток: метут остров. Пупс вдруг видит рыбку, кидает ее между музыкантами. Кот с мявом бросает инструмент и удирает. Конец.

Второй вариант сценария:

На черном фонс — овальный экран. На экране, среди звездных россыпей, медленно вращается наша голубая Земля. Время от времени экран заслоняют уродливые черные силуэты пиратов: Одноглазого Бонса, одноногой обезьяны Сильвера и пузатого ящера с жабьей мордой Хама. Земля приближается, увеличивается, заполняет собой экран. Тем временем мерзкие голоса пиратов произносят реплики, из которых следует, что: а) на этой проклятой планете золото под ногами не валяется; б) что языка-то они возьмут, но от Великого Спрута много не разживешься, кинет по монетке, и дело с концом; в) что и так подгреб, старый паразит, под себя все золото в обозримой Вселенной, а жаден и скареден ужасно. Между тем Земля уже заняла весь экран. Проносятся спутники удивительной конструкции. Затем пиратский корабль, видимо, проходит атмосферу: на экране появляются поля, леса, горы, прекрасные города. Свирепый голос Бонса: «Не то, не то... здесь людей вообще нет... а здесь слишком много... Ищите одинокое жилище». На экране появляется хорошенький домик, на веранде которого играют в шахматы старый Дед-космонавт и его внук Сашка. Под столом ходит, трется об их ноги великолепный кот. «Вот оно, то, что нам надо!» — ревет Бонс. На экране немедленно возникают риски, как в артиллерийском прицеле. «Которого будем брать? Мальчишку?» — «Нет, сопляк, наверное, ничего не знает. Надо брать старика». И тут Бонс хрипит восторженно: «Придумал! И Великому Спруту послужим, и сами в накладе не останемся!» Хам по обыкновению гогочет, гогот его по обыкновению прерывается увесистой оплеухой, затем слышится еще один шлепок, и тоненько обиженно пищит невидимый в темноте Пупс, шпион, которого носят с собой. В этом эпизоде пиратов мы не видим, только слышим их голоса, звуки затрещин, и время от времени наблюдаем на фоне земных картин их уродливые силуэты.

Вечер. Дед-космонавт и Сашка ужинают на веранде. Кот лакает молоко из блюдца. Ложатся спать. Над домиком восходит огромная луна. На фоне луны с неба бесшумно спускается диковин-

ный, похожий на огромный шуруп, корабль пиратов. Приземляется на хвост перед домиком на лужайке, затем со страшной скоростью, скрипом и свистом ввинчивается в землю. Слышится хриплый рык Бонса: «Пупс, на выход!» Комната Сашки. Мальчик спит, в ногах его дремлет кот. В раскрытом окне на фоне лунного света появляется пушистый силуэт Пупса. Кот приоткрывает один зеленый глаз, и Пупс моментально исчезает. Комната Деда. Пупс неслышной тенью проскальзывает через раскрытое окно, подхватывает Дедову трубку и выскакивает наружу. Тенью мчится на круглую поляну перед домиком и внезапно исчезает. Хриплый голос Бонса: «Готово. Наживка есть. Готовь удочку, Сильвер!» Опять хохот Хама, и опять треск пощечины. Над поляной взлетает сноп искр.

Раннее утро. Легкий туман, неяркое ласковое солнце. На крыльцо, позевывая, выходит кот и вдруг настораживается. Посередине круглой поляны лежит Дедова трубка. Кот крадучись подходит к ней, трогает лапой. И мгновенно исчезает. Секунда — затем раздается адский мяв, испуганный вопль Сильвера, хриплая ругань Бонса. Земля на поляне так и ходит ходуном. Затем из середины поляны вылетает взъерошенный кот, несется прочь и взбирается на дерево. На крыльцо выскакивает Дед-космонавт в пижаме, удивленно оглядывается, зовет: «Кис-кис-кис!» И видит посередине поляны свою трубку. Удивлен. Подходит к ней, нагибается, берет в руки и... исчезает. Хриплый рев Бонса: «Дело сделано! Стартуй, Сильвер!» Поляна начинает вращаться, все быстрее и быстрее, и вот из-под земли вылезает весь корабль пиратов и устремляется в небо. Сашка, выбежавший на крыльцо, оторопело провожает его глазами. И тут к ногам его падает конверт. Сургучная печать с черепом и скрещенными костями. В конверте золотая монета и письмо: «Мы, Вольные пираты Глубокого космоса похитили Деда. Требуем выкуп 1 000 000 (один миллион) золотых монет. Выкуп доставить на астероид Бамберга к 12.00 завтра же. Иначе Деда больше не увидите. Подпись: Бонс, Сильвер, Хам, Пупс».

Сашка бросается в дом, хватает микрофон радиопередатчика, кричит: «Всем! Всем! Всем! СОС! Похитили Деда-космонавта! Пираты похитили Деда-космонавта! На помощь! На помощь!» Земля загудела, как потревоженный улей. Одна за другой быстро сменяются картины: двое молодых рабочих у пульта автоматического завода — «Как, похитили нашего Деда-космонавта?»; ученый в

лаборатории у приборов — «Какое неслыханное безобразие!»; геолог в скафандре по колено в пылающей магме — «Отвратительные хулиганы!»; девушка в меховой одежде в глубоком снегу Антарктики у метеорологического домика — «Немедленно в погоню!»; старик в качалке — «Ну и времена пошли нынче! Позавчера кто-то палец вывихнул в Америке, сегодня уже Деда похищают!..» Распахиваются и начинают бешено вращаться глаза-уши локаторов, грозно поднимаются к небесам острые носы ракет, бегут по космодрому, на ходу застегивая скафандры, молодые космонавты.

В здании Всемирного Совета. Совещаются члены Совета — Молодой, Пожилой и Женщина — совещаются за круглым столом в зале, стены которого заставлены экранами всеобщей связи. Сообщения с мест: «На след пирата напасть пока не удалось!»; «За астероидом Бамберга установлено наблюдение»; «Первый космический флот приведен в готовность»; «Второй космический флот приведен в готовность»... Члены Совета изучают письмо и золотую монету. Ничего не понимают. Что такое золото? Да это есть металл такой, идет иногда на украшения, иногда применяется в некоторых приборах[1]. Зачем им это золото? Что такое «монета»? Сашка сидит тут же. Решение: надо, чтобы поиск и спасение Деда-космонавта возглавил один человек, передать ему все полномочия. Кого назначить? Запрашивают стоящую тут же огромную кибернетическую вычислительную машину. Ответ механическим голосом: «Логичнее всего — самого умелого, самого развитого, самого быстрого из всех людей». Кто это? «Победитель всемирной олимпиады этого года в максимальном числе соревнований Люда Зайцева». Позвать сюда Люду Зайцеву. Появляется Люда — красивая стройная девушка, остриженная коротко, со спортивной выправкой.

Люда принимает предложение, но несколько смущена. Для такого дела непременно нужен детектив, а где же взять детектива на планете, где уже сотни лет не совершается преступлений? Тогда члены Совета предоставляют в ее распоряжение кибернетическую машину. Люда спрашивает ее, какой способ действий оптимальный; машина с тупой механической монотонностью ответствует,

[1] В электронике без золота не обойдешься. По крайней мере, без золоченых контактов, известных еще со времен корейской войны. Впрочем, давно замечено, что электроника в Мире Полудня развита не очень.— *В. Д.*

что необходимо изготовить требуемое количество золотых монет, доставить их на астероид и ждать там пиратов. Люда отдает приказ по планете: «Всем! Всем! Всем! Ищите золото и доставляйте его на фабрику брошек и ожерелий! Фабрика брошек и ожерелий, приготовьтесь изготовить миллион предметов, именуемых «золотая монета», сегодня же к вечеру!»

Громадные неуклюжие роботы на земле и на дне океанов роются в свалках металлолома, отыскивая золото. На фабрике брошек и ожерелий золотой лом плавят и чеканят из него золотые монеты. К вечеру три мешка золотых монет отвезены на космодром[1]. Люда дает последние указания командирам кораблей, сама тоже лезет в один из космолетов. Сашка просится, чтобы его взяли, он хочет скорее увидеть деда, но ему отказывают. Тогда он тайком забирается в один из мешков с золотом. Роботы грузят его в трюм космолета, который ведет сама Люда.

Бамберга, каменная гора, несущаяся в пространстве вокруг Солнца уже миллиарды лет. Три космических корабля землян пристают к ней, выгружают мешки с золотом и отходят. Изображение отодвигается, и мы видим, что оно — на знакомом уже нам овальном экране пиратского корабля. Бонс хохочет: «Клюнули! Дело сделано... Сильвер, готовь удочку!»

Люда и космонавты, вооруженные охотничьими ружьями и спортивными пистолетами, напряженно ждут у иллюминатора космолета. И вдруг все вскрикивают: Бамберга исчезла! Прошло еще несколько секунд, и небесная гора появилась снова. Все корабли устремляются к ней. Да, мешков с золотом нет, а вместо них конверт с печатью, на которой изображен череп со скрещенными костями. Вскрывают конверт: «Мы ловко обвели вас вокруг пальца, дураки-земляне! Но так и быть: мы вернем вам вашего Деда, если вы доставите на эту же Бамбергу еще 1 000 000 (один миллион) золотых монет. Теперь можете не торопиться: мы вернемся за золотом не раньше чем через неделю. Привет! Вольные пираты Глубокого космоса Бонс, Сильвер, Хам и Пупс».

В рубке пиратского корабля на куче золота сидит Сашка и растерянно оглядывается. Вот они перед ним, все четверо: главарь

[1] Если считать монету Бонса размером с царскую золотую десятку, т. е. примерно с советские две копейки, то миллион таких монет будет весить около 4,5 тонн, по полторы тонны на мешок.— *В. Д.*

Бонс в облегающем черном трико, с двумя пистолетами в кобурах, правый глаз перевязан черной тряпкой; его квартирмейстер Сильвер, отвратная обезьяна с деревяшкой вместо правой ноги; еще более отвратный ящер Хам, с длинным хвостом, жабьей мордой и широким поясом по взбухшему брюху; и маленький пушистый Пупс. Бонс: «Ага, славный улов. Мальчишка будет у меня домашним зверьком, а потом я его продам кому-нибудь. Посиди в уголке, мальчик, пока мы считаем деньги».

Бонс подходит к невероятно загаженной, затянутой паутиной и заляпанной всякой дрянью штурманской машине, бьет ее с размаху ногой и орет: «Эй, ты, старая жестянка! Ложись на обратный курс, живо!» Машина скрипит, кряхтит, жалобно стонет, с трудом мигает огоньками на грязном пульте.

Пираты принимаются считать деньги. Сильвер украдкой сует в пасть горсть золота, но Бонс замечает это, хватает его и, запустив руку ему в глотку, извлекает последовательно: логарифмическую линейку, пулеметную ленту и наконец золото. Затем с возгласом: «Ворюга проклятый!» дает Сильверу затрещину. Хам, натурально, гогочет, Сильвер дает затрещину ему. Хам со злости пинает Пупса, который, жалобно пискнув, отлетает к Сашке. Сашка вступается за Пупса, происходит драка, в которой Сашка демонстрирует таланты рядового мальчишки коммунистического будущего. В частности, привязывает хвост Хама к креслу, в котором сидит и наслаждается спектаклем Бонс, и Хам, устремившись за Сашкой, выбрасывает Бонса из кресла. Этот эпизод понадобится в дальнейшем. А пока результат — Пупс привязался к Сашке как к защитнику.

Летит к неведомой для Сашки цели космический корабль пиратов. Сами пираты нажрались и спят. В рубке стоит густой храп. Сашка, сжавшись в комок, прикорнул в углу. У него в ногах лежит Пупс. Снова застонала машина, жалуется, что ей очень плохо, что все проржавело, и сил нет больше так жить и работать. Сашка не выдерживает: он тихонько встает и принимается ее протирать, смазывать и подвинчивать, доставая инструменты из своих по-мальчишески бездонных карманов. Машина облегченно вздыхает, затем скрипучим голосом спрашивает: «Что, бедняга, попался? Эти мерзавцы за золото на все готовы...» Сашка просит ее рассказать, что происходит. Машине легче показывать, чем рассказывать, и вот на ее экране Сашка видит удивительную историю Планеты Негодяев.

Была когда-то цветущая планета с фиолетовым солнцем, изумрудным небом, красными лесами и лугами и оранжевыми морями. Затем напали пираты, перебили и перетоптали все, что можно, а фиолетовое солнце навеки затмили, и стала она планетой вечного солнечного затмения. Все на ней умерло. Предводитель пиратов, Великий Спрут, страшно жадный носитель разума, решил захватить все золото во Вселенной. Картины грабежей, работорговли, опустошительных набегов. Добрался Великий Спрут и до Земли. Но на Земле его шпионы золота не обнаружили. Спрут решил, что золото просто хорошо спрятано, и велел Бонсу захватить языка. Теперь язык захвачен. Спрут будет его мучить, пока тот не выдаст, куда земляне спрятали золото, и тогда пираты совершат налет на Землю.

Сашка в отчаянии. С одной стороны, надо найти Деда и помочь ему, а как — неизвестно. С другой стороны, надо известить родную планету и подготовить ее к обороне, а как — тоже неизвестно. Сашка пытается пробраться в радиорубку, но к ее дверце привалился огромной тушей храпящий Хам. Сашка возвращается в свой угол и плачет. Маленький Пупс сидит у него на плече, гладит по голове и вздыхает от огорчения.

Между тем на Земле Люда готовится к дальнейшим действиям. Она работает с вычислителем. Вычислитель дает логические выводы и советы: пираты неспроста взяли одного человека и удрали, видимо, они собираются напасть, а человека взяли, чтобы выведать у него состояние обороноспособности Земли; вывод такой, что надо готовиться к военным действиям, но, к сожалению, на Земле, которая не воевала несколько веков, нет ни солдат, ни оружия. Как это нет солдат? — раздается громовой голос, и в залу Совета строем входят старики-ветераны в орденах и ремнях. Как это нет оружия? — раздается громовой голос, и настежь распахиваются ворота огромного Музея Истории оружия. Под руководством ветеранов из ворот выкатываются пушки, танки, лазерные излучатели. Покидают свои рабочие места рабочие, ученые, инженеры. Гигантская ракета переоборудуется под космический дредноут, на нее ставятся танковые башни, монтируются торпедные аппараты, в иллюминаторы высовываются стволы излучателей...

Люда с тенями под глазами от усталости сидит у приемного пульта в зале Совета, отдает распоряжения, спорит о чем-то с астрономами над чертежом Солнечной системы.

Дальнейшее развитие действия:

1) Пираты выуживают обитателей дачи при помощи приманок.

2) На борту пиратского корабля Юл издевается над мальчиком, а тот над Юлом, за что и попадает в карцер.

3) Попытка договориться с электронной машиной — ни к чему, у нее есть дублер, так что хоть мальчик ее и вычистил, ее отстраняют.

4) Попытка проникнуть к радиопередатчику, не выходит.

5) Пираты прибывают на планету, тащатся в кабак и тащат с собой мальца. Драка, малец, воспользовавшись суматохой, удирает.

6) Пробирается в личную резиденцию Великого и дает радиосигнал.

7) Не позволяет Великому взорвать планету.

Дополнение к варианту:

Бродячие музыканты — пираты не подают пьяному бродячему артисту, а мальчишка, сбежав от них, берет кота и пса и переодевается в бродячие одежды, после чего проникает во дворец Великого Спрута вместе с Пупсом. Песня, размагничивающая роботов охраны. Пупс выведывает, где радиостанция Великого Спрута.

Третий вариант сценария:

1. Приближается, вращаясь, Земля, как она бывает видна из космоса. Голос Двуглавого: Помнишь, Сильвестр, как мы были здесь пятьсот лет назад. Тогда я потерял свой глаз. И еще двести лет назад, тогда ты потерял ногу. Право руля, а то мы потеряем головы!

Проносится спутник, бибикая.

Земля уже совсем близко. Проплывает панорама города будущего. Нет, не здеєь. Здесь их слишком много.

Океан. И не здесь. Здесь их слишком мало. Зеленые леса, реки. Коттедж одинокий у дороги. Все приближается. Виден Дедушка, который возится у персональной ракеты. Бабушка, которая вяжет.

Здесь! Это как раз то, что нам нужно. Приготовиться к тайной посадке, боевая готовность номер один.

2. Дедушка под ракетой (МОП 24—31, «Не уверен — не обгоняй» и т. д.), Бабушка вяжет. Слышится песня. Идет Мальчик, Пес

и Кот, с рыбалки. У Мальчика на плече удочка с оптическим прицелом и кукан с рыбой. Пес впереди, очень важный. Кот следом, ворует рыбку. Все поют — Пес и Кот подмявывают и подгавкивают. (Пес с гитарой?) Подходят к веранде, Мальчик показывает Бабушке пустой кукан, с негодованием оглядывается. Кот делает благочестивую морду. Дед вытирает руки ветошью. Бабушка: Ужинать!

Все за столом, едят и пьют. Пес и Кот гложут кости и пьют молоко.

3. Пираты наблюдают. На веранде горит свет. В оптическом кругу Дед.— Это кто? Это Дедушка. Что он делает? Курит трубку. Он любит трубку? Да. Отлично. Круг схватывает Бабушку. Это кто? Бабушка. Что она делает? Вяжет шерсть. Любит? Да. Отлично. В кругу Мальчик. Это? Мальчик. Мал больно. Не стоит возиться. Итак, займитесь трубкой и шерстью.

4. Спит коттедж. Спит Мальчик. Спит Кот у него в ногах. Рядом на ковре — Пес. В другой комнате — Бабушка и Дедушка. Лунный свет.

Луна над коттеджем. Бесшумно снижается корабль, вращаясь, зарывается под землю. Голос: Ятуркенженсирхив, наверх!

Комната Мальчика. Слышится легкий топот мягких лапок. Пес, не просыпаясь, настораживает уши. Над подоконником поднимается маленькая лохматая головка, вспыхивают огромные глаза. Кот приоткрывает огромный зеленый глаз. Головка пропадает. Появляется над подоконником в спальне Бабушки. Маленькое тельце перемахивает через подоконник. Маленькая лапка схватывает трубку, затем клубки шерсти.

5. Утро, солнце. Дедушка выходит на крыльцо, потягивается. И вдруг видит: в середине круглой лужайки перед домом — трубка и клубки шерсти. Удивлен. Подходит, нагибается и... исчезает. Последнее, что мы видим, изумленное его лицо. То же с Бабушкой. Но Бабушка в сопровождении Пса. Когда она исчезает, Пес с лаем бросается и будит Мальчика. Все бросаются. Пес удерживает Мальчика, а Кот подходит к трубке и клубкам. И тоже исчезает. Секунда тишины... затем отчаянный мяв и рассерженный рев, лужайка колышется, словно под травой — волны. Еще секунда — Кот снова возникает — взъерошенный, с мявом и выгибая спину мчится прочь и влезает на дерево. Корабль пиратов, разбрасывая дерн, начинает подниматься. Устрашающее зрелище. Слышны крики

Бабушки и Деда: Что вы делаете! Как вы смеете! Андрюшенька-а-а! Сатанинский хохот.

Кот мчится с дерева вниз. Мальчик секунду смотрит, затем с криком: Бабушка! Дедушка! сбегает с крыльца. Мчится в ракету деда. Кот норовит удрать, но Пес загоняет его в люк. Ракета взлетает в погоню.

6. В Космосе, заметив преследующую их ракету, пираты захватывают Мальчика, Пса и Кота, чтобы помешать им сообщить о похищении. Через экран внешнего обзора?

7. В захламленной рубке пиратского корабля Мальчик, Кот и Пес видят перед собой Юла Двуглавого. Это существо — тяжко страдающее от скуки. Мальчик требует, чтобы вернули Бабушку и Дедушку. Ему показывают за стеной клетку, в которой они заключены. Он к ним бросается, но натыкается на стену. Сильвер хохочет и появляется на своей деревяшке. Это садист, который любит мучить животных (на словах) и Плюшкин (у него из пасти извлекаются часы на цепочке, логарифмическая линейка и, наконец, золотая монета, которой Юл пытался играть с Мальчиком). Третий — стрелок-радист Жаба. Ржет в самых неподходящих местах, получает по морде и облизывается. Шпион, которого носят с собой.

Мальчик пытается резать стену, высовывается, там Юл. Щелкает его по носу и рукой заглаживает дыру.

а) Представляется. Кто ведет корабль? Этот железный ящик.

а-1) Игра.

б) Пьянка и пиратские песни.

в) Осы и носы Юла.

г) Все уходят.

д) Пропиливание стены.

е) Контакт с вычислителем. Это подслушивает Ятуркенженсирхив.

8) Рассказ Ятуркенженсирхива о цели пиратов.

Перебой: Пес и Кот остаются в ракете, лают и мяучат морзянку, передавая про похищение. И Земля ощетинивается ракетами.

9) Перебой: Великий Спрут у себя. Обозревает свой зоопарк. Заключенные — люди-цветы, люди-бабочки и т. д. Идут пустые клетки. Где этот бездельник Юл?

На подходе.

10) Планета Негодяев, где вечное солнечное затмение.

Ужасные пейзажи. Развалины городов. Зенитные пушки. Кабаки.

Спускается корабль пиратов. Из люка вытаскивают клетку с Дедушкой и Бабушкой. Мээс расплачивается с Юлом.

Юл и гопа, ведя на веревочке Мальчика, направляется в кабак.

В суматохе Мальчик бежит, ему помогает Ятуркенженсирхив.

Прокрадываются в резиденцию Спрута. Страшные переходы. Ищут радиорубку.

На страже — чудовищный паук. Ятуркенженсирхив заманивает паука, а Мальчик быстро сориентировался в рубке и дает пеленг на Землю.

Рукопашная схватка с пауком. Паука надо победить.

Тревога. Земная эскадра осаждает планету.

Сражение в космосе, пиратский флот разбит.

Эскадра садится. Нападение треножников. Отбито.

Земляне раскалывают затмение. Ужас среди пиратов.

Спрут, Юл и гопа бегут на свой корабль.

Все пиратское тает под солнцем, разваливаются казематы, клетки, пленники выбегают наружу.

Феерический бал освобождения в расцветающем на глазах мире, братание со спасителями.

Мальчик возле издыхающего паука, набегают собака и кот. Командир эскадры — в погоню!

Видят корабль Юла.

Корабль уже вывинчивается, но вдруг останавливается и начинает ввинчиваться.

Спрут гневно орет, Юл и пираты избивают электронную машину.

И вдруг: — Кто здесь так называемый Великий Спрут?

В люке стоит Командор, Мальчик, Пес и Кот.

Спрут выталкивает вперед Юла, тот — Сильвера, тот Жабу. А Жаба, поискав Ятуркена, вдруг ревет и бьет по морде Сильвера, тот — Юла, тот — Спрута.

— Вы арестованы, следуйте за мной!

Апофеоз танцев и песен.

11) И снова Земля, коттедж, Дедушка чинит ракету, бабка вяжет. И с песней идут на рыбалку Мальчик с Ятуркеном на плече, Пес и Кот.

Ятуркен вспоминает о том, как прекрасна была его планета. Мальчик: Да, но Земля лучше.

У Юла одна голова все время зевает со страстным прискуливанием, другая — с окурком на прилипшей губе.

Мальчишка: карманы набиты механической всячиной, а также он ловит двух ос и прячет в коробок.

Четвертый вариант сценария:

1. Пираты у обзорного экрана — оставить.

2. Дед и внук на острове, на метеостанции (или ветеринар?) — лечит тюленей и китов.

3. Пираты приземляются, мы видим их в рубке — грязно все, запущено. Совещаются.

4. Пустили на разведку Хама и Пупса, постоять на шухере, чтобы никто не помешал. Тем временем Сильвер с Бонсом забрасывают на удочке золотую монету. Сашка проходит и небрежно отбрасывает ее ногой. Монета взлетает и падает к ногам Хама. Хам бросается на нее и... оказывается в корабле пиратов. Ему дают по зубам и снова выгоняют.

5. Видят, как Сашка удит рыбу с оптическим прицелом. Забрасывают рыбку. Хватает кот. Исцарапанный Сильвер с отвращением выбрасывает кота.

6. Напускают Пупса, который ворует трубку. Пес гонится за Пупсом, но тот пропадает. Подбрасывают трубку деду, тот ловится. Его сейчас же начинают допрашивать. Он ничего не знает. Пытка репортажем о футболе, концертом джазовой музыки, еще чем-то. Все пираты до крайности изнурены, деду хоть бы что. Его запирают в карцер. Отвезем к Великому Спруту, там заговорит.

7. Бонса осеняет. Выкуп! Письмо, запечатывают сургучом из пальца Хама, печать [рисунок черепа с костями — *С. Б.*]. Пупс подбрасывает письмо мальчишке.

8. Сашка умелец, пытается дать радиограмму людям, но пираты установили силовой экран. Радиопередатчик со вздохом говорит: ничего не могу сделать. Тогда Сашка отправляет письмо с тюленем и принимается плавить металлолом и чеканить монеты из железа.

9. Ночью, кряхтя, тащит мешок на поляну в сопровождении кота и пса. И все оказываются в плену. Бонс пробует монету на зуб и перекусывает ее. Взбешен. Грозится, дает пинка Саше, в него вцепляется пес, Сильвер мучит пса. Бонс орет, показывает приличную монету: «Золото! Понимаешь, сопляк? Где золото?» Швыряет монету на пол. Монета катится, Сильвер ее хватает, дальше сцена

Постепенно появляются знакомые имена:

1. Пес-охранитель.
2. Мальчишка-потребитель.
3. Отец, мать, дед — в глуши, станция.

Мальчишку выманивают, чтобы украсть родителей. Боятся собаку.

4. Цель — зоопарк.

Пес спасает Мальчика, Ятуркен — помогает ему подать сигнал.

Рукопашная.
Большое сражение по всем правилам современной техники.

Рассказ Ятуркена о своей прекрасной планете.

Зловещий демон, руководитель пиратов.
Диктатор Планеты Негодяев, правая рука Великого Спрута.

1) Билли Бонс — Юл.
2) Джон Сильвер — обезьяна с деревянной ногой, Ятуркен все время сидит на плече.
3) Жаба — когда я служил под знаменами.
4) Яшер.
5) Морская Звезда.

Отец и мать спасены и очухиваются только на Земле. Одно только доказательство: зверек сидит на плече. А пес ложится на свое место и тяжко вздыхает.

Планета Негодяев — бывшая родина Ятуркена. Вечное солнечное затмение.

Ностальгия Мальчика: хочу домой!

И вот уже отличимое лишь в деталях...

1

В нижнем правом углу Малого Магелланова Облака есть ничем не примечательная звездная пара, которая состоит из кроваво-красного гиганта Протуберы и мертвенно-синего карлика Некриды. А вокруг этой пары или, точнее, вокруг центра масс этой двойной звезды обращается сравнительно небольшое небесное тело, именуемое Планетой Негодяев. Вероятно, в свое время у этой планеты было более достойное название, но она с давних пор служила прибежищем для всех прохвостов, подлецов и подонков, уродившихся в нижнем правом углу Малого Магелланова Облака, и потому значилась Планетой Негодяев даже в космических лоциях. В кроваво-красном блеске Протуберы и мертвенно-синем сиянии Некриды привольно жили-поживали и добра наживали торговцы живым товаром, скупщики краденого, кровожадные пираты и содержатели отвратительных притонов. Здесь замышлялись дерзкие набеги на беззащитные миры, заключались зловещие сделки, с громовыми скандалами пропивалась добыча. Звенело золото, рекой лились всевозможные напитки, и сотни тысяч захваченных рабов томились в мрачных подземельях, ожидая своей участи. Словом, это была настоящая Планета Негодяев.

Однажды Великий Спрут, один из самых выдающихся мерзавцев под кроваво-красной Протуберой и мертвенно-синей Некридой, в высшей степени деловой носитель разума, владелец ядерных, бактериологических и химических комбинатов, на которых трудились тысячи высококвалифицированных рабов и роботов, шеф научно-исследовательских институтов и лабораторий, в которых работали сотни знаменитых профессоров и жаждущих славы лаборантов, адмирал флота из пяти сверхдальних звездолетов, на которых верой и правдой служили ему десятки отъявленных космических головорезов, содержатель множества притонов, где выпивались тысячи литров серной кислоты, высокооктановой нефти и сжиженного метана... Словом, однажды Великий Спрут предавался короткому послеобеденному отдыху. Он нежился в золотом бассейне, наполненном крепким раствором медного купороса,

и четверо грустных одноглазых рабов с робкой планеты Бамба массировали его раздутую пятнистую тушу электрическими щетками под напряжением в пятьсот пятьдесят вольт. Великий Спрут сжился и содрогался от удовольствия, но и при этом не забывал о делах — слушал доклад своего верного клеврета и исполнителя самых своих тонких поручений Мээса, который висел перед ним вниз головой, закутавшись в широкие кожистые крылья. Кстати, Мээс — это было прозвище, и означало оно просто Мерзкий Старикашка.

Вероятно, именно эту минуту следует считать началом удивительных и страшных событий, впоследствии потрясших до основания мир, озаренный кроваво-красным светом Протуберы и мертвенно-синим светом Некриды, ибо именно в эту минуту грянул звонок телевызова.

— Кто там еще...— проворчал Великий Спрут.— Впусти!

Мээс вытянул длинный белый хобот и включил экран, и перед Великим Спрутом появилось неприглядное изображение его давнего приятеля и соперника Великого Лангуста, другого выдающегося мерзавца Планеты Негодяев, тоже владельца, шефа, адмирала, содержателя и прочая, и прочая.

— Здравствуй, Великий! — приветливо проскрипел Великий Лангуст и просунул сквозь экран жуткого вида иззубренную клешню.

— Привет, Великий,— отозвался Великий Спрут и небрежно пожал протянутую клешню жуткого вида щупальцем, усаженным шевелящимися присосками.

— Скребешься? — завистливо произнес Великий Лангуст. У него всегда чесалась спина, но увы! — твердый панцирь не давал ему возможности почесаться, и потому он всегда завидовал мягкотелым. Даже рабам.

— Как видишь,— проворчал Великий Спрут.— Бородавки одолели, все зудит. Зачем пожаловал?

— Сейчас все объясню,— сказал Великий Лангуст и устроился поудобнее, положив клешни на край экрана.— Мы с тобой старые приятели, Великий,— начал он.— Мы знаем друг друга тысячи лет. И когда мы не сражались друг против друга, мы всегда сражались плечом к плечу. И это старинное знакомство, эти раны, которые мы нанесли друг другу и которые нанесли мы нашим с тобой общим врагам, а равно и раны, которые наш с тобой общий враг на-

нес нам, дают мне право надеяться, что ты поможешь мне в одном небольшом дельце.

— Выкладывай,— сказал Великий Спрут.

— Я заранее прошу снисхождения к моим маленьким слабостям.

— Выкладывай, тебе говорят, старый болтун! — рявкнул Великий Спрут. Он был в высшей степени деловым носителем разума и не терпел пустой траты времени.

Тогда Великий Лангуст просунулся в экран и проговорил, понизив голос:

— Мне нужна зеленая планета.

— Какая? — не понял Великий Спрут.

— Зеленая.

Великий Спрут озадаченно закрыл правый глаз и широко раскрыл левый.

— Разве такие бывают? — недоверчиво осведомился он.

— Оказывается, бывают,— грустно ответил Великий Лангуст.— И мне позарез нужна небольшая благоустроенная зеленая планетка.

— Но ведь зеленая... это значит кислород?

— Да.

— Хлорофилл?

— Вот именно.

— Вода?!

— Правильно!

— Красная кровь?!!

— Ты угадал.

Скорчившись от отвращения, Великий Спрут погрузился в раствор медного купороса и снова всплыл.

— Ты угадал, Великий,— повторил Великий Лангуст.— Все именно так и есть. Кислород, хлорофилл, вода и красная кровь. Потому-то я и просил у тебя снисхождения к моим маленьким слабостям.

— Не могу поверить, что на свете существует такая гадость,— честно признался Великий Спрут.

— Мне тоже это в голову не приходило,— уныло сказал Великий Лангуст.— Но вчера мне доставили новейший и самый полный каталог планет обозримой вселенной, и я узнал, что зеленые планеты существуют не только в научных теориях.

Теперь Великий Спрут понял, о чем речь. Дело в том, что Великий Лангуст, который тоже был весьма деловым носителем разу-

ма, имел одну маленькую слабость. Великий Лангуст был коллекционером. Он был страстным коллекционером. Он был коллекционером-тиффози. Великий Лангуст коллекционировал миры. Он скупал, крал или захватывал приглянувшиеся планеты, запускал их вокруг подходящих звезд и, когда позволяли дела, сутками напролет жадно и любовно обозревал их. Само собой разумеется, что разумных обитателей этих планет он, во избежание осложнений, либо начисто истреблял, либо обращал в рабство. Он страшно гордился своей коллекцией и хвастался, что она у него полная. И вот он узнаёт, что существуют зеленые планеты, а в его коллекции ими и не пахнет...

— Так чего тебе от меня надо? — спросил напрямик Великий Спрут.

— Достань мне хотя бы одну зеленую планету,— тоже напрямик ответил Великий Лангуст.

— А почему ты обратился именно ко мне? — с любопытством, как и подобает в высшей степени деловому носителю разума, осведомился Великий Спрут.

— Я выяснил, что в радиусе полутора тысяч парсеков нет ни единой зеленой планеты,— объяснил со вздохом Великий Лангуст.— Ты сам знаешь, что я работаю только на близких дистанциях. А Великий Крокодил и Великий Сороконог ободрали бы меня как липку. Ну как, по рукам?

Великий Спрут взглянул на Мээса. Мээс медленно опустил голые веки.

— Сколько? — спросил Великий Спрут.

— Сто миллиардов,— твердо сказал Великий Лангуст.

— Сто миллиардов? — изумился Великий Спрут.

— Сто миллиардов.

— Сто миллиардов за благоустроенную зеленую планету?

— Именно.

— Сто миллиардов за кислород, хлорофилл, воду и красную кровь?

— Разумеется. Кто тебе предложит больше за такую гадость, Великий? Это уж только для тебя...

— Но ведь ее еще надо найти...

— Эх, Великий,— сказал Великий Лангуст.— Да если бы ее не надо было искать, разве я стал бы беспокоить тебя? Сто миллиардов пригодились бы и мне самому.

Великий Спрут по опыту знал, что торговаться с Великим Лангустом бесполезно. Да и сто миллиардов, что ни говори, хорошая цена.

— Ладно,— сказал он.— Найдем. Пришли мне договор. В залог я беру твой платиновый астероид.

2

Найти зеленую планету! Оказалось, что сказать это легче, чем сделать. Множество дней и ночей рылись секретари Великого Спрута в старых бортовых журналах сверхдальних звездолетов; столько же дней и ночей охранники Великого Спрута допрашивали рабов и пленников с самых отдаленных миров; столько же дней и ночей тайные агенты Великого Спрута терлись в притонах и тавернах среди пропившихся забулдыг. Увы! В старых бортовых журналах ничего не говорилось о зеленых планетах. Из всех рабов и пленников только один, принадлежащий к расе разумных амфибий, обитающих в системе далекого Серого Солнца, припомнил, что точно, была когда-то зеленая планета поблизости от его родины, но ее пустили под полигон для испытаний новых видов истребительного оружия, и зелень с нее сошла уже давным-давно. А пропойцы-бичкомеры в притонах и тавернах демонстрировали готовность поглощать даровое угощение в неограниченных количествах и потому рассказывали о зеленых планетах много и с подробностями, причем все время врали.

В конце концов Великий Спрут потерял терпение и совсем было уже решил отказаться от этого смутного предприятия, ста миллиардов и полученного в залог платинового астероида, но тут к нему в кабинет впорхнул самый верный его клеврет и исполнитель самых тонких его поручений Мээс. Он был единственный, кого Великий Спрут допускал к себе без доклада. По обыкновению повиснув вниз головой, Мээс закутался в кожистые крылья и прикрыл глаза голыми веками.

— Говори,— разрешил Великий Спрут.

— Будь здоров, Великий,— сказал Мээс.— А известен ли тебе некий двуглавый Юл?

— Да,— ответил Великий Спрут.— Знаменитый вольный пират. Что о нем?

— Он только что вернулся из глубокого Космоса.

— Так.

— Он узнал, что нам нужны сведения о зеленых планетах.

— Так!

— Он знает кое-что об одной зеленой планете.

— Так!!

— Он готов побеседовать лично с тобой.

— Так!!!

— Сегодня вечером он ждет тебя на борту своей «Пирайи».

— Угу...

Кого-нибудь другого на месте Великого Спрута, скажем, того же Великого Лангуста, такое бесцеремонное приглашение наверняка оскорбило бы. Ему, Великому, тащиться в гости к простому пирату, у которого ничего за душой нет, кроме нахальства и потрепанного звездолета! Но Великий Спрут был не из тех, кто считается визитами.

— Отлично,— проворчал Великий Спрут.— Сообщи ему, что мы будем после захода Протуберы.

Поздно вечером, когда кроваво-красная Протубера скрылась за острыми пиками Хребта Страданий и в фиолетовом небе остался только мертвенно-синий диск Некриды, длинный закрытый ракетомобиль Великого Спрута вкатился на космодром. Ах, каких только кораблей нельзя было увидеть на главном космодроме Планеты Негодяев! Ионолеты, атомолеты, нейтронолеты, гравилеты, летающие тарелки, летающие кастрюли, летающие бидоны, летающие самовары, большие и малые, новенькие с иголочки и изрытые метеоритными шрамами, корабли нападения и корабли обороны, откровенно-грозные космические линкоры, ощетиненные смертоносным оружием, и притворно-беззащитные корабли-ловушки, упрятавшие смерть в глубоких трюмах... Впрочем, никакого движения не было заметно между этими бронированными чудовищами, так как их экипажи по вечернему делу все поголовно пьянствовали и играли в кости в портовых кабаках.

Ракетомобиль Великого Спрута пролетел в самый дальний угол космодрома и остановился перед приземистым летающим блюдцем цвета вороненой стали. Это и была наводящая ужас «Пирайя», зловещая бригантина Двуглавого Юла. И едва четверо угрюмых шестируких и десятиглазых гигантов-телохранителей извлекли из ракетомобиля носилки, в которых возлежал Великий Спрут, как

усиленный динамиком двойной голос знаменитого пирата прогремел:

— Будь здоров, Великий. Я жду тебя.

Мээс, топорща кожистые крылья и переваливаясь на коротких лапках, первым вступил в распахнувшийся люк; телохранители с носилками взошли на борт «Пирайи» следом за ним.

Конечно, Великий Спрут мог свободно передвигаться и без посторонней помощи, но, будучи в высшей степени деловым носителем разума, он справедливо полагал неразумным вводить в соблазн знаменитого пирата. Носилки были достаточно благовидным предлогом иметь телохранителей подле себя, а телохранители у Великого Спрута были существа свирепые, не совсем разумные и чрезвычайно преданные, и шутить шутки в их присутствии не рискнул бы даже такой лихой парень, как этот двухголовый мерзавец. Даже ради миллиардного выкупа.

Двуглавый Юл принял гостей в своей обширной кают-компании с круглым столом посередине и с большим холодильником, на котором торчало чучело какого-то маленького зверька. Пират стоял у стены напротив двери, широко расставив длинные тощие ноги и привычно положив руки на кобуры пистолетов, свисавшие ему на бедра. Правая голова, с черной повязкой через правый глаз, курила сигарету; глаза левой головы холодно и бесстрастно разглядывали Великого Спрута.

Телохранители поставили носилки на стол, отступили в углы и стушевались. Мээс поискал взглядом на потолке, за что бы уцепиться ногами, не нашел и остался стоять рядом с Великим Спрутом. Двуглавый Юл предложил Великому Спруту глоток ртутного коктейля, но тот отказался.

— К делу, Двуглавый,— проворчал он.

— К делу так к делу,— согласился пират.

— Мне нужны зеленые планеты,— сказал Великий Спрут.— Я не знаю, где найти зеленые планеты. Мне сообщили, будто ты знаешь кое-что об одной зеленой планете. Это правда?

— Правда,— ответила левая голова.

— Ты знаешь, где она находится?

— Знаю.

— Но это точно зеленая планета?

— Точно.

— Кислород, хлорофилл, вода, красная кровь?

— Все так. И многое другое.

— Другое меня не интересует. Сколько ты хочешь за ее координаты?

Правая голова выплюнула окурок и негромко засмеялась.

— Прежде скажи мне, Великий, что ты собираешься с нею делать?

— Это тебя не касается.

Головы переглянулись, затем Двуглавый Юл пожал плечами.

— Как угодно,— сказала левая голова.— За координаты я возьму с тебя недорого — всего сто тысяч. Но за остальное я полностью снимаю с себя ответственность.

Великий Спрут, в высшей степени деловой носитель разума, озадаченно воззрился на двухголового и проворчал:

— Что это ты имеешь в виду?

— Видишь ли, Великий, я открыл эту планету, я тайно исследовал ее, я знаю ее. Если ты скажешь, что ты собираешься с нею делать, я дам тебе полезный совет. Но это уже будет стоить миллион.

Великий Спрут покосился на Мээса. Тот медленно опустил голые веки.

— Будь по-твоему,— проворчал Великий Спрут.— Вот что я хочу с нею сделать. Я намерен перекатить ее сюда, к нам.

Двуглавый Юл ухмыльнулся и отрицательно помотал обеими головами.

— Не выйдет, Великий,— злорадно сказала левая голова.

— Это еще почему?

— Тебе не позволит Человечество.

— Че... Что? Как ты сказал?

— Человечество. Эту планету населяет так называемое Человечество. Люди.

— И ты полагаешь, что меня может остановить население какой-то паршивой зеленой планетки? Меня? Великого Спрута? Да я их там в порошок сотру, в ступе истолку, прахом пущу!

— Не так это будет легко, Великий. Люди храбры!

— Тем лучше. Мы истребим их всех, и мне не будет нужды возиться с миллионами пленников, у которых красная кровь.

— Они стеной стоят друг за друга!

— Тем лучше. Когда мы начнем истребление, они сами полезут в мясорубку, и мне не будет нужды ползать по этой их планете в поисках укрывшихся.

— Они умеют драться!

— Тем лучше. Мои головорезы застоялись без настоящего дела, и мне будет приятно посмотреть, как они отрабатывают свой хлеб.

— Слова, слова, Великий! А вдруг они всыпят тебе?

Потрясенный этим ужасающим предположением, Великий Спрут соскочил с носилок и забегал по кают-компании.

— Конечно,— продолжал Двуглавый Юл,— ты можешь попытаться отравить их отвратительную кислородную атмосферу, выпарить их ужасающие водяные океаны, погасить их возмутительное желтое солнце... Хотя я не верю, что это удастся. Люди — это тебе не говорящие лягушки из системы Серого Солнца и не трусливые коты с Цирцеи, которые притворяются мертвыми едва к ним прикоснешься...

— Короче,— хрипло прорычал Великий Спрут.— Что ты предлагаешь?

Двуглавый Юл протянул руку.

— Где мой миллион?

Великий Спрут взглянул на Мээса. Тот длинным белым хоботом извлек из носилок мешок с золотом и бросил его к ногам пирата.

— Зеленую планету нельзя захватить,— медленно произнес Двуглавый Юл.— Ее нужно у к р а с т ь.

Воцарилось молчание. И вдруг Мээс развернул свои кожистые крылья и захлопал ими, гогоча во все горло.

— Совет стоит миллиона,— раздумчиво сказал Великий Спрут.

— Тогда выслушай еще один совет — даром,— сказал Двуглавый Юл.

— Говори,— проворчал Великий Спрут. Как в высшей степени деловой носитель разума, он не очень-то доверял даровым советам.

— Твои головорезы умеют только жечь и грабить, такая тонкая работа им не по плечу. Поручи это дело мне. Я со своими ребятками обстряпаю это дельце чистенько. К таким делишкам мы, вольные пираты, приучены с младых ногтей.

— Сколько? — сейчас же спросил Великий Спрут.

— Потом сторгуемся. Но одно условие. Мне нужен твой Уникон.

— Мой Уникон? — взревел Великий Спрут.— Ты просишь у меня мой Универсальный Контрактор? Да ты с ума сошел! Он стоит миллиард! Он стоит десять миллиардов!

— Без него ничего не выйдет. И потом я верну его. Как я понимаю, украсть зеленую планету можно будет только по частям!

И опять Мээс захлопал кожистыми крыльями, наполняя кают-компанию ветром, и загоготал.

— Хорошо,— проворчал Великий Спрут.— Будет тебе Уникон.

— Сделка заключена,— объявил Двуглавый Юл.— А теперь позволь представить тебе мою команду.

— Позволяю,— сказал Великий Спрут.

— Экипаж! Стройся! — скомандовал Двуглавый Юл.

Вот это был сюрприз. Круглый стол посередине кают-компании изогнулся, сбросил с себя носилки и, обернувшись голенастым ящером, вытянулся перед Двуглавым Юлом. С потолка, еще храня на теле его шахматный узор, сорвалась разлапистая морская звезда и пристроилась рядом с ящером. Распахнулась дверца холодильника, и мохнатая обезьяна, окутанная облаком пара, выскочила оттуда и встала рядом с морской звездой. И чучело зверушки на холодильнике соскользнуло на пол и замерло подле обезьяны.

— Моя команда! — провозгласил Двуглавый Юл.— Самые отчаянные и хитроумные ребята во всей обозримой вселенной. Это Ка,— показал он на ящера.— Может принимать любой облик и прикидываться любым предметом. Это Ки,— он показал на морскую звезду.— Обладает замечательным даром мимикрии. Способен в две секунды слиться с обстановкой и стать невидимым. Это Ку,— он показал на обезьяну.— Особыми талантами не блещет, к тому же вынужден большей частью жить в холодильнике из страха протухнуть. Но зато может сколь угодно долго работать в безвоздушном межзвездном пространстве без скафандра. И, наконец...— Он показал на ни на что не похожего малыша.— Это мой знаменитый малыш Ятуркенженсирхив, вор, которого носят с собой.

— Рад сделать знакомство,— демократически сказал Великий Спрут, любезно улыбаясь.

— Экипаж, слушай команду! — рявкнул Двуглавый Юл.— Нашему новому хозяину — привет!

— Будь здоров, Великий! — гаркнул экипаж в четыре глотки.

— Вольно,— сказал Великий Спрут и полез в носилки.

И уже устраиваясь поудобнее, подбирая под себя жуткого вида щупальцы, он спросил:

— А как называется эта зеленая планета?

— Земля,— проговорили сквозь зубы обе головы Двуглавого Юла.

3

На другом конце Галактики, за миллионы парсек от Магеллановых Облаков, беспечно и неутомимо неслась к созвездию Геркулеса прекрасная желто-золотая звезда Солнце, и беспечно и неутомимо кружилась вокруг нее прекрасная зеленая планета Земля, населенная Человечеством. Давным-давно исчезло там угнетение, отгремели последние войны, а голод превратился в приятное ощущение перед хорошим обедом. Новый мир, выстраданный поколениями борцов и тружеников, утвердился наконец на этой планете, и Человечество составляли теперь миллиарды мастеров, ученых и спортсменов, которые жили в свое удовольствие, предаваясь творческому труду на радость себе и всему живому вокруг себя. Здесь создавались неописуемо прекрасные произведения искусства и конструировались неслыханно могущественные механизмы; замышлялись дерзкие походы к самым истокам вещества и планировались чудесные превращения живой материи; развивались замечательные возможности человеческого организма и доводилась до совершенства красота человеческого тела. Словом, это была поистине прекрасная планета.

В небольшом поселке на берегу некогда студеного, а ныне и навеки теплого моря жили-были три закадычных друга — мастер, спортсмен и ученый, которых мы в память о знаменитых мушкетерах будем называть здесь соответственно Атосом, Портосом и Арамисом. Дело в том, что настоящие их имена большого значения не имеют, а самое главное — их и действительно часто называли так, ибо они были неразлучны, готовы друг для друга на любые подвиги и дружбу свою ставили превыше всего, так что если кто-нибудь из их знакомых говорил: «Я вчера видел наших мушкетеров», все сразу понимали, о ком идет речь. В довершение сходства со знаменитыми мушкетерами они были очень разные люди. Как-то каждому из них задали один и тот же вопрос: «Что тебе интереснее всего, когда перед тобою цель?» Спортсмен Портос, не задумываясь, ответил: «Конечно, добиться этой цели во что бы то ни стало».

Мастер Атос пожал плечами и ответил: «Пожалуй, искать средства для достижения этой цели». А ученый Арамис произнес своим обычным тихим голосом: «Наверное, узнать, что будет после того, как я достигну этой цели». А вообще-то это были самые обыкновенные и ничем не выдающиеся в грядущих столетиях члены общества. Как и остальным миллиардам людей, им вечно не хватало времени; как и остальные миллиарды, они любили работать и не любили отдыхать; как и для остальных миллиардов, самыми сладкими минутами их жизни были минуты свершения. Такие это были обыкновенные люди — мастер Атос, спортсмен Портос и ученый Арамис.

Появляется третья часть:

Экспедиция в преисподнюю
Ч. 1. «Погоня в космосе»
Ч. 2. «Операция "Итай-Итай"»
Ч. 3. «Нейтронный ад».

— А знаете, за что Искусника Крэга изгнали из его мира нейтронной звезды? — пропищал Мээс.

— За что?

— За доброту.

Воцарилось молчание.

— Интересно было бы взглянуть на мир, где Искусника Крэга считают добрым,— пробормотал Атос.

Мээса помещают на Серную Скалу.

— Палачи! — кричит он. С тюленями не дружит.

Двуглавый Юл помогает дядюшке Витеме.

Вся гопа: флагман, Атос, Портос и Арамис, Галя, Двуглавый Юл и Ятуркенженсирхив прикрывают эвакуацию рабов.

Огонь, железные чудища, крушение скал. Двуглавый Юл в восторге: стреляя, говорит: а вот это был Бродяга Дик, он разорил планету двух солнц... А вот это был Присосок Пан, он сжег межпланетный город Ойю... А вот это был...

Доктор Итай-Итай перевязывает.

Но вот уже конец, кончились боеприпасы и тут земная эскадра.

После победы Двуглавый Юл ворчит: Как же можно полагаться на ваше слово, флагман? Тот хохочет.

Левый нижний угол Магелланова облака, вот и все, что мы знаем. Это миллионы звезд, десятки миллионов миров.

Носился с такой скоростью, что нельзя было рассмотреть, какого он цвета: когда убегал от вас, то казался вроде бы красноватым, когда бежал вам навстречу, то ударял больше в синеву; если же бежал поперек вашего пути, то не только цвета его, но и очертаний телесной формы разобрать совершенно не было никакой возможности.

Доработка:

г. На пути к Планете Негодяев. Флагман рассказывает свою историю: как у него в роду уже три века детей по завещанию прапрабабки учат обращаться с огнестрельным оружием.

«Пирайя» за три года стоянки на Луне с открытыми настежь люками хорошо проветрилась.

д. Подпространство. Место, где нет ни времени, ни направлений, ни расстояний. Видения странных миров прошлого и будущего, самых отдаленных и самых близких.

е. Спуск на Планету Негодяев. Космодром, Протубера и Некрида, кабак. Еще на подлете — разговор с Великим Спрутом. Юл сообщает, что потерпел страшную неудачу, потерял экипаж, с трудом спасся сам, но образцы разумной фауны все же привез. Спрут его материт, приказывает явиться с образцами через двадцать четыре часа. Юл заводит разговор о Докторе: он-де опасно ранен, необходимо ему медобслуживание. Там посмотрим, ответствует Великий Спрут.

Космический кабак «Дружные ребята». Юла все приветствуют. Пьянка и драка.

Да, у Юла нет оружия. Все оружие у флагмана Макомбера. Так что когда Юл откроет огонь из глаза, это будет полной неожиданностью, [низ листка оборван — *С. Б.*]

ж. Юл в дурном настроении бродит в сопровождении флагмана Макомбера и Атоса по невольничьему рынку. К флагману и Атосу

приценяются, но он называет такие цены, что все шарахаются. «Вот продают провинившихся рабов Великого Спрута» — равнодушно замечает Юл. Макомбер и Атос настораживаются. «Великий Спрут капризен, говорят, что он очень деловой и редко казнит рабов. Чаще всего продает. Иногда по десятку в день». Макомбер и Атос заставляют Юла купить одного из рабов, на вид самого упитанного. «Ишь, отъел брюхо на барских хлебах!» — замечает Юл.

з. Допрос раба Икс — триста четырнадцать тысяч восемьсот семьдесят семь — А. Он принадлежал внутренним апартаментам Великого Спрута, провинился, и теперь его продают желающим. Но у него блокирована речь — не способен рассказывать о том, что было у Спрута. Только начнет говорить — синеет и падает в обморок. Арамис его разблокирует. Раб сообщает о местонахождении Итай-Итая.

и. Вернее, рассказывает, что когда Мээс занемог, Спрут долго ломался, а потом отослал с ним к доктору одного из своих верных телохранителей-шестируких.

к. Захват Мээса (он явился, чтобы конвоировать Юла к Великому Спруту). Атос выясняет, что телохранители — не живые существа, а роботы. Бешеная перестройка программы телохранителей.

— Да, немного мы узнаем от этого раба.

— Все-таки кое-что.

Арамис смотрит в перископ.

— Он мохнатый и с крыльями, как у летучей мыши?

— Да.

— И у него длинный белый хобот?

— Да.

— И кожа, вернее, шкура сизого цвета?

— Да.

— И низкий лоб, и маленькие выпученные глаза?

— Да.

— В таком случае, этот тип приближается к люку «Пирайи» в сопровождении четырех шестируких негодяев.

— Черт, это уже за мной,— расстроенно говорит Юл.— Надо собираться, а мы так ничего и не выяснили.

— Не знаю, не знаю... Флагман Макомбер?

— Понял.

— Атос?

— Попробуем.

Далее захват Мээса и приведение к порядку роботов-шестируких.

л. «Хобот оторву!» — шипит Юл. Они проникают в подземелье, где обитает Великий Спрут. Мрачные стражи, пулеметы и огнеметы в стенах. Лифт и стремительный спуск в самый нижний отсек, где заточен Итай-Итай. Погоня. Юл бормочет: «Во главе Бурдюк-Пропойца». Гигантские подвалы со всевозможными напитками. Флагман Макомбер расстреливает бочки. Хлынула, пенясь, жидкость. Охрана останавливается: «Ребята, а куда это мы, собственно, спешим? Никуда они от нас не уйдут».

м. Итай-Итай, не говоря лишнего слова [добавка: «Увидел пустые кобуры на боках у Двуглавого Юла и все понял» — *С. Б.*] окинув всех взглядом, ставит немедленный диагноз Юлу, Атосу, Арамису, Макомберу, Портосу, Мээсу... Юл первый. Ему ждать вредно. Портос пролежал в ящике три года, еще часок полежит. У остальных троих ничего серьезного. А вас я лечил, у вас просто медвежья болезнь. Принимается за работу. Трое отстреливаются. Итай-Итай морщится: очень шумно, не слышу пульса. Прекратите этот шум на минутку. Так... Благодарю... Можете продолжать. Затем оживление Портоса, и тот немедленно начинает драться — с того момента, как он погиб, он считает, что бой продолжается. Юлу достается по зубам. Но все быстро объясняют и продолжают сопротивление. Портос, потеряв терпение, швыряет свой стальной гроб и сшибает с ног сразу десяток бандитов. Раскрывается люк в тылу, врываются новые бандиты, и тут их срезает через глаз Юл. «Молодчина, пират! Бежим!»

Идут через тыловой люк, Юл тянет за собой за хобот обеспамятевшего от страха Мээса. Люк захлопывают перед носом преследователей.

н. А наверху идет немыслимая суматоха. Неведомо какими путями в казармы рабов проникла весть о том, что инопланетные пришельцы штурмуют дворец Великого Спрута. Идет сражение с охраной и с пиратами. Врагов избивают сотнями, сами ложатся тысячами.

Пираты пытаются прорваться в космопорт, но им навстречу валом валят рабы, вырвавшись из подземных мастерских Крэга. Флагман, мигом оценив обстановку, начинает командовать вос-

ставшими. Атос, Портос и Арамис, совершив чудеса храбрости, сдерживают нападение охраны. «Все в космопорт! — командует флагман.— Спасайся, кто может!» [Весь пункт перечеркнут.— *С. Б.*]

Где мастерские Крэга? — рычит флагман. Мээс указывает. Флагман швыряет атомную гранату. Мы еще вернемся, ребята! — кричит он испуганным рабам, отступая к космопорту. Туда уже начинают сбегаться пираты. Наши мчатся по веселым кварталам, расшвыривая в окна кабаков гранаты. Добегают до космодрома, вскакивают в «Пирайю» и стартуют. Вдогонку летят несколько разрозненных ракет, но тщетно.

А м. б. на «Пирайе» оставался Атос, который прикрыл всех огнем. Подумать.

— Мы еще вернемся, мы вам еще покажем!

Но когда боевой флот Земли явился к Планете Негодяев, она была пуста.

Куда вставить бы, что Искусник Крэг был изгнан с родной планеты за доброту.

И интересная деталь:

Для мультфильма.

Заэкранный голос комментатора-переводчика. Диапазон от эпического тона типа «Давным-давно, в некотором царстве...» до темпа и отрывочности комментатора футбольного матча: «Хватает лазер, прицеливается... Ну куда, куда! Эх, мазила... Футбол есть футбол».

Нельзя, конечно, сказать, что сюжет ЭВП развивался именно в такой последовательности. Материалы, приведенные выше, можно расположить и иначе, но они прекрасно иллюстрируют работу АБС над сюжетом.

ИЗДАНИЯ

ЭВП впервые была опубликована: первые две части — в журнале «Памир» и «Мире приключений» (обе — в 1974 году), тре-

тья часть — в журнале «Уральский следопыт» (в 1984 году). Затем в 88-м году ЭВП вышла полностью в издательстве «Московский рабочий» отдельной книгой. В 1993 году вышла книга С. Ярославцева «Дьявол среди людей» (издательство «Текст» серия «Альфа-фантастика»), включающая все его произведения — ЭВП, ДСЛ, ПЖНВ.

Как это получилось и с текстом ПИП, текст ЭВП в первом журнальном издании («Памир») оказался наиболее полным и не исправленным «для детского восприятия» вариантом. Наиболее интересные моменты, которые присутствуют только в «Памире», приведены ниже.

Портос называл Галю не «малышка», а «старуха» (молодежное обращение к подружке, сейчас уже вышедшее из обращения). Значение слова «преступление», которое не мог вспомнить Портос, Галя объясняла не как «Это когда открывали без спроса сундуки с сокровищами, отбирали у голодных последний кусок, убивали без причин», а «Это когда сбрасывали бомбы на женщин и детей, сжигали города, травили людей газами...» Вместо «война» в рассказе Юла: «...страшная междуусобица, люди избивали друг друга с такой беспощадной свирепостью и так умело, что даже мне стало не по себе».

В «памирском» издании еще встречаются «недетские» слова. Пол в рубке «Пирайи» был не просто «усыпан какими-то гнющими отбросами и раскисшими сигаретными окурками», но и «заслякощен». О Крэге повествуется как о «проклятом» пауке, а о его лабораториях как о «гнусных». Убрано из последующих изданий определение «бичкомеры» в словосочетании «пропойцы-бичкомеры». Убрано, что приветствие экипаж «Пирайи» орал «в четыре глотки». Убраны заявления Мээса: «Во-первых, я лично непьющий...», «Но все равно, можете мне поверить: алкоголизм — общественное бедствие». Убрано обращение Макомбера «эй, гражданин».

Гундосый Клоп превратился позже в Веселого Клопа, Пропойца Дик — в Элегантного Дика, «спектролитовый гроб» с мертвым Портосом — в «спектролитовую капсулу». «Каратели» — охрана в подвалах Великого Спрута — превратились в «тарантулов», а их оружие (огнеметы) — в лучеметы. Шестирукие роботы после обездвиживания были не «обработаны» на славу, а «вы-

потрошены». Свободные от дежурства охранники в кантине не «развлекаются», а «пьянствуют». Эти же охранники назывались «выпивохами и обжорами». А «похожая на термитник коническая башня из железных опилок» была «широким приземистым танком».

Из битвы мушкетеров с экипажем «Пирайи» позже убрано малоаппетитное: «При каждом ударе морская звезда звучно икала, и от нее летели во все стороны какие-то неопрятные клочья». Из жалостливой речи Ятуркенженсирхива: «...и ножки у меня жиденькие...» Из восстановительных процедур для вызволенной из плена Гали: «...через десять минут сделаем ей промывание желудка, поставим питательную клизму...» Из описания радиста Ка («интересовался исключительно карточной игрой»): «...хотя играть умел лишь в "пьяницу" и в "простого дурака"». Из описания Арамиса, появившегося у дядюшки Витемы, позже убрано то, что костюм у него был темный «от пота». Что Арамис прививал морской звезде Ки навыки не просто общежития, а «социалистического» общежития. А Мээс улепетывал по коридору, «оставляя за собой по полу мокрые пятна». Убрано из повествования о борьбе тарантулов с мушкетерами: «Как говорится, чего хотели — на то и налетели».

Только в этом издании присутствует в отношении плененного Юла: «Не подвергать же его, в самом деле, допросу третьей степени!» И в гневной речи Макомбера к Гале, пожалевшей Юла: «Или этот двухголовый преступник не соврал, и машина на мозгах разумных существ действительно привиделась вам в бреду?»

Вместо «Галя проснулась от глухого свирепого рева» в этом издании было: «Гале приснилось, будто Двуглавый Юл заставил ее играть в странную игру: ловить ее собственную голову, которую он таскал на веревочке по грязному вонючему ковру. В конце концов она изловчилась и поймала-таки голову за волосы, но Двуглавый заорал своим глухим свирепым голосом, и она проснулась».

Речь Юла в этом издании еще не исправлена ретивыми цензорами. Поэтому только здесь можно услышать от Юла: «Теперь сиди и не рыпайся», «Нашла дурака, тоже мне...», «Ладно, черт с ним! Где наше не пропадало, верно?», «Назло мне оклемается», «Явились, не запылились», «Загибаюсь я», «Начал было куде-

сить», «Вот такое дело, ребята», «У вас головы большие и не пробитые», «Вы его по хоботу!», «Живут же люди!», «Дай же я тебя лобызну!»... Здесь же можно прочесть монолог уже излеченного Юла во время воскрешения Портоса:

— Ну чего, в самом деле, сгрудились? — заорала вдруг левая голова Двуглавого Юла полицейским голосом.— Чего не видели? Отойдите, не мешайте! Работать ведь невозможно! Лезут тут под руку всякие, работать мешают... Человек предка своего, можно сказать, воскрешает, а они под руку лезут, верно, доктор?

Отрывок:

— А суть, ребята, вот в чем,— понизив голос, проговорил Двуглавый Юл.— Неохота мне помирать, вот в чем суть. И ведь не то чтобы я смерти боялся. Видел я ее во всех видах: и огненную, и ледяную, и голодную... И сам убивал немало, и меня убивали... Нет, на смерть я нагляделся и ничуть ее не боюсь. Но умирать мне все-таки не хочется.

Двуглавый Юл даже зажмурился от сочувствия к самому себе.

— И вот теперь,— продолжал он и то ли хихикнул, то ли всхлипнул тихонько,— остался у меня один-единственный шанс на спасение.

в первоначальном варианте выглядел так:

— А суть, ребята, вот в чем,— понизив голос, проговорил Двуглавый Юл.— Неохота мне помирать, вот в чем суть. И ведь не то чтобы я смерти боялся. Нет, смерти я не боюсь. Я ее, костлявую, миллион раз видел. Вот прямо так, как вас перед собой вижу. Поставишь, бывало, к стенке десяток-другой каких-нибудь со щупальцами, вынешь пистолеты и раз-раз-раз! — все лежат и даже лапками не дрыгают... Нет, ребята, на смерть я нагляделся и ничуть ее не боюсь. Но умирать мне все-таки неохота.

Слыша это, Галя в ужасе закрыла глаза, лицо у флагмана Макомбера было каменное, совершенно равнодушное; но мушкетеры побледнели и спрятали за спины сжатые кулаки.

— И вот, ребята,— продолжал, ничего не замечая, Двуглавый Юл,— остался у меня один-единственный шанс на спасение.

А монолог Юла: «Что воображает этот флагман-командующий? Как он смеет тыкать ему, Двуглавому Юлу, в спину всяким железом? Что у него за манеры и имеет ли он понятие о хорошем воспитании? Если у него чешутся руки, пусть он тычет своим железом в спину всяким землянам!» был таким: «Что себе воображает этот флагман-командующий? Как он смеет тыкать ему, Двуглавому Юлу, в спину всяким железом? Пусть этот флагман-командующий зарубит себе на носу, что это на вонючей Земле он флагман-командующий, а здесь, на Планете Негодяев, он даже не срам собачий! Пусть этот флагман-командующий тычет своим железом в спину всяким соплякам-мушкетерам!»

И не исправлено еще в его речи «рвать когти» на «исчезнуть без следа», «на кой ляд...» на «на что...», «жрать» на «питаться», «эту замороженную падаль» на «мертвецов», «Повис, понимаешь, у нас на хвосте какой-то одинокий фрукт и нипочем не слезает» на «Повис, видишь ли, у нас на хвосте какой-то наглец и не отстает», «будет у нас с ним морока» на «будет у нас с ним история», «жри» на «ешь», «не укупишь» на «не всем по карману», «вонючая планетка» на «фторовая планетка», «каналья» на «паразит». А вот обращение Юла к Атосу («враг мой») в этом издании издевательское: «сынок».

Присутствуют в «памирском» издании и просто отрывки, позже убранные. К примеру, первоначально мысли Атоса, когда он с Арамисом обнаружил тело Портоса, были такими (убранное позже — выделено): «Мы ведем разведку боем, а за нашей спиной уже ПОДНИМАЕТСЯ ВСЁ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, поднимаются такие силы, о которых даже мы не имеем представления, и как же худо им придется, этим космическим ворам, бандитам, убийцам...» Убрано также и из других фраз. О Планете Негодяев: «...так как их экипажи ПО ВЕЧЕРНЕМУ ДЕЛУ все поголовно пьянствовали...» А в предположении о цивилизации Мээса было и такое: «... и были у них войны и революции».

Более подробным было и описание толпы у «Пирайи» во время появления Мээса:

К этому времени место спора окружило плотное кольцо зевак — праздношатающиеся вольные пираты и наемные головорезы, отпущенные из казарм в увольнение, пропойцы-бичкомеры и тор-

говцы наркотиками вразнос, слуги в потертых ливреях и калекинищие на многочисленных костылях. Этот кошмарный сброд кишел, копошился и пучился, густые волны сернокислого и ртутного перегара темным туманом поднимались над ним, застилая кроваво-красный диск Протуберы и мертвенно-синий шарик Некриды, шипящие, щелкающие и скрежещущие голоса сливались в сплошной гул, из которого то и дело вырывались пронзительные возгласы: «Да это же Двуглавый Юл вернулся!», «Эй, Двуглавый, ты вернулся, что ли?», «Юл, да ты никак вернулся?» И даже видавший виды прославленный космолетчик Макомбер дрогнул и невольно сплюнул, заметив, как огромный жирный паук с пистолетами за широким поясом под шумок подобрался в этой толпе к какому-то зазевавшемуся носителю разума, похожему на гигантского кузнечика, быстро-быстро оплел его паутиной и упрятал к себе под брюхо — несомненно, чтобы потом закусить на досуге.

<...>

— Но пусть все вольные пираты будут свидетелями, что Великий Спрут обязался не только заплатить мне, но и обеспечить меня квалифицированной медицинской помощью. А тем из них, кто не понимает таких длинных слов, я поясняю, что Великий Спрут обязался дать мне доктора, который залечит мои раны и контузии, полученные мною у него на службе. Все слышали?

— Все! Все! — заревели сотни глоток.

— Все поняли?

— Все!

— Аминь.

<...>

Флагман Макомбер поглядел в иллюминатор. Там по-прежнему кишела, копошилась и пучилась толпа носителей разума, словно бы сбежавшихся сюда из самых древних и темных миров человечества.

И более подробно рассказывалась история профессора Ай Хохо:

Он понятия не имеет, где находится и зачем понадобился пиратам, тем более что специальность у него самая мирная — физика, превращение материи в лучистую энергию. Когда его доставили

сюда, он имел продолжительную и довольно мучительную беседу с каким-то громадным двенадцатиглазым пауком, требовавшим от него согласия на разработку совершенно бредовой затеи. Насколько он помнит, смысл этой затеи сводился к теоретическому обоснованию цепных ядерных реакций в планетарных масштабах. Разумеется, от самой постановки вопроса за версту несет шизофренией, и как честный гражданин планеты Мокса он так и объявил двенадцатиглазому, после чего его немножко побили и оставили в покое. Его даже снабжают бумагой и карандашами, хотя все записи и расчеты, которые он здесь производит от нечего делать, регулярно изымаются. Кормят здесь отвратительно, вода явно синтетическая. Он дважды пытался бежать, и оба раза его ловили, причем каждый раз пребольно кусали за круп...

Про свой многострадальный круп профессор Ай Хохо досказывал уже в мрачных недрах винных погребов Великого Спрута. Принимая во внимание обстоятельства, слушали его довольно рассеянно. Только Арамис поинтересовался, какие, собственно, расчеты производил профессор, томясь в заключении.

— Видите ли,— охотно объяснил профессор, поспешая дробной рысью за летающей платформой,— мне пришел в голову необычайно простой и эффективный способ сдувания с атомов электронных оболочек. Особенно привлекательным мне представляется результат такой процедуры на макроскопических массах вещества. Вы понимаете, вещество мгновенно как бы проваливается внутрь себя, превращается в сплошную ядерную массу без всяких химических признаков...

— Экая ученая дубина,— пробормотал флагман Макомбер.

Впрочем, услышали его только Мээс да Ятуркенженсирхив, а поскольку им было не до проблемы ответственности ученого перед Братством Разума во Вселенной, это вполне справедливое замечание прославленного космолетчика пропало втуне.

Есть в этом варианте и продолжение монолога Мээса: «...и вообще он, Мээс, никак не возьмет в толк эти странные инсинуации со стороны прославленного космолетчика и склонен рассматривать эти странные инсинуации как очередной акт недружелюбия со стороны представителей расы, к которой руководство Планеты Негодяев всегда испытывало чувства исключительного дружелюбия и безграничного уважения...»

Доктор Итай-Итай, рассказывая историю Планеты Негодяев, позволяет себе выражение «выдавить гнойник», исправленное после на «вырезать эту опухоль».

По-другому звучала и пословица «Слона не задевай спящего, льва не задевай голодного, а землянина не задевай никогда»: вместо слона упоминалась змея, а вместо льва — скорпион.

Только в этом издании можно узнать, что дразнилка Юла поется на мотив «По улице шагает веселое звено». А вот чаем Итай-Итай угощает гостей не просто великолепным, но и «грузинским». И в конце общения, после всех прощаний, после слов «отступил на середину рубки и исчез», здесь присутствует добавка, присущая обычно сказкам: «...словно его и не было».

Одновременно в этом варианте присутствуют и моменты, позже поправленные (ошибки, опечатки и просто стилистические погрешности). К примеру: «НИКАКОГО значения не имеют» позже правится на «БОЛЬШОГО значения не имеют»; при обстреле из танка падают поперек дороги не СТОЛБЫ, а СТВОЛЫ; крылья у реактивного самолета выдвигаются «с ГРОМКИМ лязгающим звуком», а не ГЛАДКИМ; пьют пираты не ВЫСОКОАКТИВНУЮ, а ВЫСОКООКТАНОВУЮ нефть; Радужный Берег, заточенный в машине, имеет «зеленый ПЕСОК, коричневые рощи и фиолетовое море», а не ПОСЕЛОК; «ЧАШКА превосходного черепашьего бульона», а не ЧАРКА; глаза у Гали ЗЕЛЕНЫЕ, а не просто ТЕМНЫЕ.

Двуглавый Юл возмущается: «Я в двести раз старше тебя, ты по сравнению со мной вообще еще ВИБРИОН...» В следующих изданиях правится — ЭМБРИОН, ибо «эмбрион» — это зародыш, а вот «вибрион» никакого отношения к возрасту не имеет, поскольку представляет собой бактерию определенной формы.

После описания, как исчезают звуки долины при работе контрактора («Смолк звон близкого ручейка. Резко, как обрубленный, стих ленивый лай собаки. Оборвалась на полуслове далекая песня...»), позже Автор добавляет: «И только негромко, зловеще ровно гудел чудовищный механизм на дороге». А в описание таверны дядюшки Витемы уже после этого издания вставлено: «Да, друзья мои. Жизнь прекрасна». И в речь Юла вставлено позже «моя бригантиночка».

Особое произношение Юлом слова «прецедент» в «памирском» издании («прен-цен-дент») сразу напоминает читателю о другом персонаже, Выбегалле.

Отличаются в этом издании и некоторые числа. Арамис рассказывает, что «преступлений, связанных с применением громадных энергий и мощной техники, на нашей планете и в ее окрестностях не случалось уже лет двести». В «Памире» — «триста». Массирование туши Великого Спрута производится электрическими щетками под напряжением не в пятьсот пятьдесят (как в других изданиях), а в пятьсот вольт.

Танк — «последнее слово земной истребительной техники» — был создан семьсот лет назад (издание «Памира»), двести лет назад (издание «Московского рабочего»), триста лет назад (остальные издания).

А вот именно название различных чисел в этом издании употреблялось правильно: «120», «121» — не «цифра» (как в последующих изданиях), а «цифры». И уточняется в тексте: везде не просто «колчедан», а «серный колчедан».

Выше приведены изменения текста ЭВП (первой и второй части) в издании «Мира приключений» по сравнению с изданием «Памира». ЭВП в «Московском рабочем» печаталось по тексту «Мира приключений» (первая и вторая части) и «Уральского следопыта» (третья часть).

При публикации ЭВП в издательстве «Текст» за основу брался текст «Московского рабочего», но редакторская правка была очень тщательной. Описывается эмоциональное состояние Гали, в том числе: «Кулачки были сжаты так, что побелели костяшки». Три публикации до этого соглашались со словом «костяшки», но здесь правится на «косточки». Глаза «натруженные огнем» — правится на «уставшие от огня». Юл идет к креслу — «перешагнув через Галю». К этому эпизоду Галя уже встала с пола и даже подошла к иллюминатору, поэтому здесь совершенно справедливо правится на «оттолкнув Галю». Чтобы сохранить равновесие в раскачивающемся от малейшего движения карцере, Галя бежит «размахивая руками». Здесь правится — «расставив руки». Тело Ятуркенженсирхива «было до ушей забито инстинктом самосохранения». ЗАБИТО правится на НАБИТО. «Черную Пирайю» «прибуксировали к Луне». Правится — «отбуксировали». Описание Атоса («косая сажень от плеча до плеча») тоже правится — «косая сажень в плечах». В словах дядюшки Витемы «а я подумаю, чем вам угодить»: «вам угодить» правится на «вас

угостить». Правится, что госпиталь Итай-Итая был взорван не атомным детонатором, а атомным зарядом. Арамис вслух размышляет, что Великий Спрут прислал Мээса к «Черной Пирайе» «для переговоров с последующим предательством». Последние слова звучат двусмысленно — кого Мээс будет предавать, Юла или самого Спрута? Поэтому «с последующим предательством» правится на «и рекогносцировки». Правятся и слова песни, доносящейся из кантины. До этого издания рифма отсутствовала:

Звездный блеск и черный космос —
Жизнь недорога, эгей!
Там — спина к спине — под дюзой
Отражаем мы врага...

Становится ясно, что, перенося текст рукописи в первом еще издании, перепутали порядок двух слов. Здесь же исправили:

Звездный блеск и черный космос —
Жизнь — эгей — недорога!
Там — спина к спине — под дюзой
Отражаем мы врага...

Сокращение текста в этом издании идет еще дальше. Убрано о коне Гали, что он «свирепо заржал», когда та его резко осадила. Когда Портос и Галя появляются в мастерской Атоса, они его окликают. Портосово «эгей!» осталось, а вот «Атос! — чистым и звонким голосом крикнула Галя» — убрано. Убрана и реплика флагмана Макомбера: «Должен быть какой-то выход, Мээс. Не может быть, чтобы не было никакого выхода. Думайте, Мээс! Здесь ваша территория. Вы же понимаете: либо вы спасетесь вместе с нами, либо вместе с нами погибнете». От нее осталось только «либо вы спасетесь вместе с нами, либо вместе с нами погибнете». Убрано, что на Гале был «рваный ночной халатик».

Иногда в издании «Текста» случаются и досадные пропуски. К примеру, из штурманской рубки «загремели раскаты свирепого баса Двуглавого Юла». Слово «баса» в этом издании пропущено, получается, что не бас был свирепым у Юла, а он сам был таким.

Некоторая правка в издании «Текст» продолжает «облагораживание» повествования. К примеру, слезы катятся из глаз профессора Ай Хохо: из «добрых глупых глаз» — до этого издания; из «добрых грустных глаз» — в этом издании и далее. Воровское «хаза» заменяется на «логово»...

Издание «Миров» и на этот раз отличилось большим количеством опечаток, иногда — по несколько на странице: «генеалогия» Итай-Итая — как «генералогия», планета Тзаны «Бангу» — как «Банку» (кстати, в «Уральском следопыте» родиной Тзаны была Оаба, планета Мхтанда), «менее стабильная» вселенная становится «менее стальной», ящер Ка становится «ящеркой», а «присутствие» Макомбера — «отсутствием». «Три закадычных друга: мастер, спортсмен и ученый» превратились в «три закадычных труда». Команду Двуглавого Юла ссылают не на Марс, а на Маркс...

При подготовке текста ЭВП в собрании сочинений издательства «Сталкер» за основу было взято издание «Миров», в котором были исправлены многочисленные опечатки и добавлены, в основном, более «взрослые» варианты «Памира». Вот только «...через десять минут сделаем ей промывание желудка, поставим питательную клизму...» было решено не возвращать — уж слишком фантастическими представлялись эти процедуры в невесомости.

«ПОИСК ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ»

Влияние НТР на архивы писателей велико. Если раньше (до изобретения печатной машинки) архивы были в основном рукописными, то позже становятся в значительной степени машинописными (хотя планы сюжетов, фабулу и замечания по тексту авторы предпочитали все-таки писать от руки). После того как компьютер стал основным орудием труда большинства авторов, боюсь, мы вряд ли сможем изучать черновики, ибо редчайшие из авторов будут сохранять у себя в компьютере ранние варианты произведений. Не говоря уже о том, что «зарисовки на полях», знакомые нам еще по рукописям Пушкина, тоже исчезнут — вряд ли какой-либо из писателей, который даже и хотел бы, размышляя, изобразить героя в профиль, план местности или придуманную им самим какую-нибудь фантастическую «штучку», будет ради этого покупать планшетку и электронный карандаш...

АБС работали не «по старинке» (как некоторые писатели до сих пор пишут свои произведения от руки), а в соответствии с эпохой — печатая свои рукописи на машинке, причем — под копирку, чем и объясняется такая хорошая сохранность их архива: первый экземпляр часто шел в дело, копия же сохранялась в архиве.

БНС давно (еще на заре компьютерной технологии) был знаком с ЭВМ, а когда появилась возможность — заимел персональный компьютер дома. Произведения С. Витицкого писались уже при помощи компьютера. О самой задумке романа БНС рассказывал «люденам» в 98-м году:

БНС. Роман «Поиск предназначения» не о человеке, который мог влиять. Исходник там был совсем другой. В «Комментариях» я

привожу там первые тексты исходника. Исходником был роман под названием... Задуманный роман, когда Аркадий Натанович еще был жив. Это летом этого страшного 91-го года я, по-видимому, начал первые записи делать. Аркадию Натановичу я так и не успел ничего рассказать об этом событии. Роман, который я собирался написать, условно назывался «Путешествие из Петербурга в Москву». История человека, который, как в четвертой части ПП: человек, узнающий о том, что умирает от инфаркта его друг в Москве. И он мчится его спасать. Действие происходит где-то в начале XXI века. Условно говоря, 2010-й год. И он испытывает массу всевозможных приключений, свернув с шоссе. Вот с этого все началось. По сути дела — с конца.

Ю. Флейшман. Если он развернулся с конца, то писался он от начала к концу или от конца к началу?

<...>

БНС. Не сохранились все эти компьютерные разработки и сейчас очень трудно вообще вспомнить, с чего начиналось и в каком порядке это происходило. Сначала была довольно подробная разработка той части, которая стала потом четвертой. Потом я вернулся в начало, потому что мне надо было историю этих двоих людей написать. Тем более я понял, что самое интереснос будет, если история будет изложена. И потом, в какой-то момент, уже написал определенное количество страниц компьютерных, я вот пришел к этой мысли насчет идеи о том, что не случайно наши герои остались живы. Выжили не случайно.

В. Казаков. То есть вам ясно надо было увидеть начало и конец...

БНС. Я находился в очень выгодном положении, потому что я сначала придумал конец. Это замечательно, это идеальный вариант, когда известно к чему ты тащишь текст.

Бумажного от ПП не сохранилось ничего, но на компьютере БНС сохранились два файла черновых заметок, текст которых он приводит в «Комментариях». Первый файл назывался «IZPTRBVM» (сокращенное «Из Петербурга в Москву») и был закончен 22 июня 1991 года:

Герой в прошлом: научник, писатель, бизнесмен, издатель. Ныне — богатый человек, миллионер, глава издательского концерна,

культуртрегер. Поздно вечером пришло извещение: в Москве умирает друг. Очередной (пятый) инфаркт. Наш герой обладает свойством вытаскивать его из комы.

— Стоит ли ехать? Есть ли шанс?

— Да как тебе сказать? Буду позванивать...

Но герой уже начинает шуровать насчет билетов. Никакого энтузиазма, это просто чувство долга. Билеты ни за что не достать. Самолеты: забастовка. Поезд — уже ушел. Автобус: через три часа. Такси — отказываются ехать. Тогда — автомобиль, но шофер пьян. Шофера — на заднее сиденье отсыпаться, сам за руль.

В районе ..... (километров 70 после Новгорода) гигантская автокатастрофа (м. б., с участием военных?). Объехать невозможно. Попытка договориться с милицейским вертолетом («четыре белых — и все будет нормалек...»), но вмешивается подъехавший майор: «Воображаете, что все можно за деньги купить? Не выйдет». Съезжает с магистрали и пытается прорваться через глубинку.

Оцепление. Совхозы, колхозы — там остались только алкаши да тунеядцы — превратились в малины и банды. Фермы — крепости, блиндажи, проволока, специально выведенные псы — БАСКЕРы. Война. Везде разъезжают на бронеавтомобилях восточные люди — меняют оружие на с/х продукцию.

Фабрика-лаборатория: выводят природу, способную противостоять напору цивилизации. Раз невозможно сохранить «природную» природу, то, может быть, можно вывести компромиссную, альтернативную, годную и для существования людей, и для существования технологической цивилизации.

Удирая, сходу влетают с грунтовой дороги на асфальт, ведущий в заросли. Сквозь шлагбаум. Вскоре обнаруживают, что заросли СМЫКАЮТСЯ за ними — они в заповеднике НОВОЙ природы. Приключения там. Там же, может быть, живут и Новые Люди (мокрецы?). Они пытаются вывезти героя на автостраду — нападение — гибель мокреца — голый одинокий герой.

Машину отбирают. Телохранитель предает. Последняя радиограмма: еду, еду, я уже на Кольцевой, дождись во что бы то ни стало. Повесть о том, что все умерло, все потеряло смысл, но вечны Дружба, Любовь (жена) и Работа. Герою 78 лет. На дворе 2011-й.

В самом начале он мчится по шоссе, не обращая внимания на голосующих. В том числе — абсолютно голый человек на коленях

умоляет подобрать его — некогда, некогда, куда мне его девать... «В жопу, в жопу — летом, летом...» Скользко, страшно, метель слепит... А в конце — он, ограбленный, голый, в одних подштанниках выбирается на шоссе, и мимо мчат лимузины, возвращающиеся в Москву от места аварии — некогда, некогда, не до тебя... И метель, и холод, и смерть...

В районе — колония для дефективных людей и детей. Жуткие типы окружают машину — остров доктора Моро. Чудовищный урод с гнойным плевком вместо левого глаза доверительно сообщает герою: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!»

Идея: на шоссе — Америка, XXI век; в сельской местности — жуть, мрак и бредовая антиутопия — чужая планета...

Второй сохранившийся файл имеет название «SUDBA» («Судьба»):

Человек обнаруживает (заподозривает), что некая сила ведет его по жизни, оберегая от опасностей и направляя в некоем (непонятном) направлении.

1941, август. «Взорвался» следователь, который вел дело Амалии Михайловны — хотел ее засадить, а ее судьба — спасти мальчика. С этого эпизода и начинается расследование.

1942, январь. «Счастливый мальчик». Людоед разорван в клочки — все думают, что от прямого попадания, но мальчик-то знает, что ни снаряда, ни осколка не было. Эта история прошла мимо следствия, но послужила толчком для понимания ситуации мальчиком.

1950, август. Поступление на физфак. Единственный преподаватель, который настаивал (и настоял бы!) на приеме, вдруг — у окна — разлетается на куски. Всех потом посадили за теракт. Но герой в атомщики не попал и, следовательно, уцелел.

1958, ноябрь. Страшно и непонятно («словно бомбу проглотил») погиб писатель Каманин (значительная фигура в Ленинграде), пришедший в восторг от его рукописи. И герой не стал писателем. На писателя и рукопись выходят через редакцию журнала «Красная заря», куда герой отнес рукопись. Рукопись — роман-воспоминание на тему «Как, собственно, удалось мне уцелеть?» Эпизоды см. ниже.

1965, декабрь. То же произошло с ученым, которому передал шеф героя по матинституту его работу. Ученый, побеседовав, решил двигать героя на международные конференции и «взорвался»...

Впервые ПП был опубликован в журнале «Звезда» в 1994—95 годах. Затем он печатался в собраниях сочинений (издательства «Текст» — в дополнительном томе; «Мирах братьев Стругацких», издательства «Сталкер»). Были и отдельные издания, но крайне редкие. Тексты этих изданий практически отличий не имеют, разве что журнальный вариант немного сокращен.

«БЕССИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО»

БМС, пожалуй, самый трудный роман из всего, написанного АБС, для понимания после одноразового прочтения. Мозаика повествования, наложенная на мозаику персонажей (пара часов из жизни одного персонажа, пара часов из жизни другого, потом о ком-то вообще третьем и четвертом, где только упоминается первый...), причем даже персонажей зачастую нужно угадывать (там было имя, здесь — прозвище, а потом вообще — только по манере поведения угадывается снова он же), задает читателю не одну загадку. И прочитав роман в первый раз, видишь, скорее, яркие эпизоды, искрометные фразы, кусочки глубоких рассуждений, но затрудняешься не то что выделить главную идею, а даже определить основную линию повествования. О ком этот роман? О Вадиме? Или о сэнсее? О чем этот роман? О победе или поражении? Вообще — пессимистичен этот роман или, наоборот, оптимистичен? Ведь удалось же Вадиму повернуть свою «трубу»!..

И только перечитав (и не один раз), подумав, отложив на время и перечитавши заново, понимаешь и главную идею романа, и множество других, второстепенных, но не менее важных... Угадываешь даже причины, породившие этот роман.

Пожалуй, главная причина, из-за которой Автор взялся за этот роман,— это разочарование. Разочарование от несбывшихся надежд. И от общесоциальных — казалось, что, обретя свободу, наш народ теперь семимильными шагами устремится к лучшему будущему — увы, пятнадцать лет прошло, а где мы? И руководители нашлись грамотные, знающие, видящие далеко вперед и рисующие правильный путь — но за полтора десятка лет они так и не нашли общего языка не то что с народом — даже друг с другом!

Вероятно, какую-то часть этого общего разочарования добавили и «семинаристы» (члены литературного семинара, который не один и не два десятка лет ведет БНС). Даже, может быть, не именно «семинаристы», а вообще — сегодняшняя литература. Тогда, при давлении советской власти, при несвободе, при невозможности сказать прямо то, что думаешь, казалось — дай этим творцам условия, и один за другим будут появляться шедевры, один другого краше, один другого глубже... Увы! Удачные произведения есть, а вот потрясающих...

И вспоминаются (по аналогии с самим романом, битком набитым скрытыми цитатами) почему-то: «На сколько лет Россия отстала от Японии в компьютерных технологиях? — Навсегда». И уже не смешно, а страшно становится от известной фразы Жванецкого: «Большая беда нужна». Ведь в романе именно по Жванецкому: жил себе Вадим, не тужил, поглядывал в свою трубу да удивлял окружающих... Пока не пригрозили физической болью да увечьями. Тогда напрягся и сделал то, что считал для себя невозможным. Даже сам сэнсей не очень-то напрягался, пока не появилась Злобная Девчонка.

И понимаешь, что ничто уже этот мир не спасет — ни опекуемый Вова (будет он за большие деньги ставить диагнозы избранным; даже лечить — это уже лишнее, и на диагнозах можно хорошо заработать, чтобы комфортно жить), ни будущий Учитель Алик (и этот устроится в какой-нибудь супер-элитной школе, чтобы учить опять же детей избранных; если не сопьется или не ударится в какой-нибудь меньший талант, как Великий Математик).

Казалось бы, роман насквозь пессимистичен — ничто не поможет, никто не спасет... «О проклятая свинья жизни!..» Но большая литература тем и отличается от «легкого чтива», что ставит перед читателем проблему, толкает его на размышления по этому поводу, не дает ему чувствовать себя комфортно.

Так, может быть, об этом и роман? И обращение к читателю можно было бы сформулировать так: «Если ты с какого-то периода времени чувствуешь себя комфортно, берегись — ты застрял на какой-то ступеньке (которая мягкая и где не дует), а ведь ты способен на гораздо большее, ты не исчерпал своих возможностей, остановкой ты хоронишь свой талант...» И именно поэтому БМС нельзя считать пессимистическим романом, одой разо-

чарованию. Он дает импульс к дальнейшему развитию, не дает застыть, остановиться, успокоиться...

СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ БМС

Поскольку произведения АБС читаны и перечитаны неоднократно Уважаемым Читателем (во всяком случае, тем читателем, которому предназначаются все четыре тома «Неизвестных Стругацких»), было бы глупо перед рассмотрением изменений в рукописях и публикациях очередного произведения напоминать читателю фабулу, сюжетную линию или перечислять основных действующих лиц рассматриваемого текста. «Это и так все знают!» было бы реакцией на попытку объяснить очевидное.

Для БМС сделано исключение по двум причинам. Во-первых, это самое свежее, недавнее произведение, которое было опубликовано уже в период перенасыщенности книжного рынка, когда даже ознакомиться со всем, что хотелось бы прочесть, не хватает времени. (Предлагаю вспомнить Уважаемому Читателю, часто ли он перечитывает даже понравившиеся ему книги.) Во-вторых, произведение действительно настолько мозаично построено, что порой трудно сразу сообразить «кто, куда и зачем».

Для читателя, который сам разобрался во всех хитросплетениях сюжета и с легкостью соотносит все ФИО персонажей романа с их прозвищами и умениями, эта главка окажется лишней, и он может далее сразу переходить к «Архивным материалам». Для тех же, кому не мешает напомнить,— нижеследующее.

ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Если в первом романе С. Витицкого присутствовал главный герой, а остальные персонажи, события и само время соотносились с ним, определялись по нему, то в БМС главного героя как такового нет.

Условно основных персонажей БМС можно разбить на три группы.

Это люди («Да полно, люди ли это?»), связанные с экспериментами сталинской эпохи:

— сэнсей, он же Стэн Аркадьевич Агре, он же Сынуля, испытуемый «на бессмертие». В настоящее время (время событий повести) он продолжает «жить вечно» (замедленное старение) и пользоваться еще одним талантом, пробужденным экспериментами: возможностью видеть в детях зачатки их талантов;

— Алексей Добрый, он же Колошин Алексей Матвеевич, он же Великий Целитель, он же Лешка-Калошка, тоже один из испытуемых. В результате экспериментов «жить не старея» не получилось, однако появился талант — лечить людей, даже поднимать полумертвых людей на ноги. Внешне напоминает Салмана Радуева;

— Страхагент, он же Лахесис, он же главврач спецлаборатории, где проводились эксперименты, в настоящее время он предстает владельцем хосписа, где содержится супруга сэнсея. Он же пытается уговорить сэнсея принять участие в открытии таланта Злобной Девчонки (будущего Сталина или Гитлера).

Вторая группа персонажей — оттестированные сэнсеем люди, за которыми он потом наблюдал, способствовал развитию их таланта (вплоть до назначения воспитателя). В основном, эта группа активно общается между собой (раньше — чаще, сейчас — поменьше), но есть и исключения. Компания бывших учеников сэнсея (драбанты, спецназ, старая гвардия, деды), поддерживающая контакт между собой:

— Резалтинг-Форс, он же Христофоров Вадим Данилович. Талант — видеть «волю народа», составляющую миллионов воль. Умением в профессиональной деятельности не пользуется. Работает астрономом;

— Полиграф, он же Костомаров Юрий Георгиевич. Талант — со стопроцентной вероятностью определяет, ложь говорят или правду. Талантом пользуется в своей работе. Работает в частном детективном агентстве «Поиск-стеллс»;

— Винчестер, он же Пачулин Роберт Валентинович, он же Боб, Робби, Робин. Талант — абсолютная память. Работает секретарем (сиделкой, поваром и т. п.) у сэнсея;

— Тенгиз, он же Психократ, Сверхбоец, Великий Мэн. Главный талант — умение гипнотически повелевать человеком;

— Страхоборец, он же Белюнин Андрей Юрьевич. Основной талант — бесстрашие, основанное на инстинктивном выборе правильного, наиболее безопасного пути;

— Благоносец, он же Богдан. Талант — приводить человека в здоровое состояние духа и тела;

— Велмат, он же Вул Матвей Аронович, он же Великий Математик. Основной талант (математика) сменил на другой — диссидента;

— Вельзевул, он же Костя, он же Вэлвл, Главатль, Дуремар, Повелитель Мух, Рмоахал и Тольтек. Талант — повелевать животными;

— Мариша, Маришка, она же Мать. Талант — идеальный воспитатель дошкольников.

Остальные бывшие «ученики», которые с общей компанией почти или вообще не общаются:

— Ядозуб, он же Петелин Григорий, он же Олгой-хорхой. Талант — убивать ненавистью;

— Эль-де-през, он же Сергей Вагель, он же Серж, Серега, Серый, Щербатый, он же идеальный бодигард. Талант — чувствовать опасность. Работает охранником у Аятоллы;

— Аятолла, он же Хусаинов Хан Автандилович. Талант — психократ с последействием. О его принадлежности к «ученикам» никто из компании даже не подозревает.

СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ

Сам роман состоит из трех сюжетных линий.

Основная линия, которой посвящено в романе более всего места,— появление у Резалтинг-Форса (Вадима) таланта не только видеть предпочтения народа, но и изменять их. Аятолла по просьбе сэнсея «наезжает» на Резалтинг-Форса с требованием изменить голосование по будущему губернатору. Вадим, не подозревая о таком своем умении, зовет на помощь «драбантов» — защитить и уберечь от расправы. Каждый помогает по-своему: Тенгиз (Психократ) пытается узнать подходы к Аятолле у его подчиненных; Страхоборец собирает информацию о том же Аятолле (предпочтения и фобии); Велмат заботится о впавшем в отчаяние Вадиме; Благоносец с помощью своего опекуемого Вовы приводит Вадима в адекватное психическое и физическое состояние; Вельзевул напускает на Аятоллу разных (но страшных для Аятоллы) насекомых; Мариша координирует и вдохновляет всех на общем собрании, посвященном проблеме Вадима. Винчестер

сообщает «драбантам» резюме по сэнсею: помогать Вадиму он не будет. Полиграф подтверждает (оценивает на правду) заявление Аятоллы, что Вадима он трогать более не будет.

Сам же Вадим спокоен и весел не из-за помощи Благоносца или психического воздействия Аятоллы — он «повернул трубу», он изменил «волю народа», в губернаторы выбирают не Генерала, а Интеллигента, хотя стать губернатором ему не суждено. Несмотря на охрану во главе с Эль-де-презом, предоставленную Аятоллой, Интеллигента убивает Ядозуб, на которого подействовали не столько страдания Вадима, сколько разговор с Тенгизом и копящаяся в нем ненависть, готовая выплеснуться на кого угодно.

Вторая сюжетная линия тоже рассказывает о «наезде». В этом случае Страхагент требует от сэнсея всерьез заняться Злобной Девчонкой, в которой сэнсей видит будущего диктатора. Страхагент уверен в том, что она спасет мир (по его мнению, современному миру необходим диктатор), сэнсей — что она мир погубит. Страхагент обещает сэнсею в случае согласия вылечить его супругу. Сэнсей же видит спасение мира только в новом подопечном, сыне Аятоллы, будущем Великом Учителе. Поэтому обращается за помощью супруге к Алексею Доброму — когда-то они вместе были подопытным материалом в спецлаборатории.

Третья линия — почти незаметная (какой, собственно, ей и положено быть) посвящена интересу тайных государственных спецслужб к сэнсею. Герман Тихонович — представитель «конторы» (компетентной организации), заказавший Винчестеру текст, информацию о сэнсее — упоминается в романе только один раз: с напоминанием об этом приходит отец одного из детей, оцениваемых сэнсеем. Но в романе немало места уделяется самим запискам Винчестера о сэнсее.

Можно сделать вывод, что спецслужбы интересуются не только и не столько сэнсеем, сколько вообще результатами когда-то проводимого эксперимента, но это уже из другой области. Из области предположений, а уж чего-чего, а этого (возможности предполагать) роман дает предостаточно.

СТРУКТУРА РОМАНА

Сам роман состоит из одиннадцати глав и шести лирических отступлений (после 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 6-й и 10-й глав). Каждая гла-

ва имеет, помимо нумерации, два заголовка. Первый сообщает о времени происходящего, второй — либо сообщает об основном персонаже этой главы, либо представляет собой то, что вообще-то и принято считать названием.

Только пробежавшись по заголовкам, можно выяснить, что, кроме первой главы, действие которой происходит в сентябре, все остальные главы рассказывают об одной неделе декабря (со второго понедельника до третьего).

«Глава первая. Сентябрь. Вадим Данилович Христофоров по прозвищу Резалтинг-Форс». Резалтинг-Форс в экспедиции на Кавказе. К нему прибывают люди от Аятоллы (Эраст Бонифатьевич, Кешик-Голем и Лёпа) со вторым напоминанием-предупреждением о том, чтобы на выборах губернатора победил не Генерал, а Интеллигент.

«Лирическое отступление № 1. Отец Тимофея Евсеевича». Рассказы Тимофея Евсеевича (напарника Резалтинг-Форса по экспедиции) об отце, записанные Резалтинг-Форсом в свой дневник.

«Глава вторая. Декабрь. Второй понедельник. Юрий Георгиевич Костомаров по прозвищу Полиграф Полиграфыч». Описывается рабочий день Полиграфа. Разговор Работодателя с «бой-бабой» от клиента, разбитого радикулитом, и разговор Работодателя с Епанчиным о марках Полиграф проверяет «на правду».

«Лирическое отступление № 2. Отец Тельмана Ивановича». Рассказ о встрече Епанчина-отца со Сталиным и последующих за этим действиях Епанчина, связанных с марками.

«Глава третья. Декабрь. По-прежнему второй понедельник. Малое Мотовилово». Продолжение рабочего дня Полиграфа — поездка в Малое Мотовилово к Алексею Доброму и рассказ последнего о спецлаборатории в сталинские времена.

«Лирическое отступление № 3. Главврач, Папаша Сынули». Рассказ о беседе главврача спецлаборатории с Большим Начальником (наблюдающим за спецлабораторией генералом).

«Глава четвертая. Декабрь. Среда. Ночь патриарха». Записки Винчестера о сэнсее (описываются его привычки, родственники, друзья), которые читает сам сэнсей ночью и делает поправки.

«Глава пятая. Декабрь. Четверг. Роберт Валентинович Пачулин, по прозвищу Винчестер». День работы сэнсея и Винчестера. Сэнсей знакомится с Аликом, сыном Аятоллы. Во время обеда,

рассуждая, кого можно было бы назначить опекуемым Алика, сэнсей и Винчестер упоминают многих драбантов, кратко характеризуя их.

«Лирическое отступление № 4. «Чия-то дочь» и немного статистики». Тут идут воспоминания Винчестера о Злобной Девчонке и знакомстве со страхагентом.

«Глава шестая. Декабрь. Тот же четверг. Григорий Петелин по прозвищу Ядозуб». Ядозуб выпроваживает Резалтинг-Форса и принимается за любимое дело — разбирать старые письма. А затем выводит гулять собаку. После прогулки, во время которой он рассматривает резиденцию Интеллигента и испытывает приступ ненависти, ему звонит Тенгиз и приглашает на общий сбор. Тут же описывается Тенгиз дома, где его подруга расспрашивает о Ядозубе, об ошибке сэнсея (он не учил его ненависти, так получилось) и о детях «драбантов».

«Лирическое отступление № 5. Отец Ядозуба, или Большие дети — большие неприятности». Здесь следует рассказ о кончине отца Ядозуба после того, как он узнал о низких стремлениях сына и вздумал его учить. Собственно, здесь ясно видится, почему Ядозуб круглый сирота и предпочитает ни с кем не общаться.

«Глава седьмая. Декабрь. Пятница. Некоторые подготовительные мероприятия». Велмат нянчится с Резалтинг-Форсом, Тенгиз в кафе обихаживает охранников и секретарш из резиденции Аятоллы, Страхоборец ведет беседу с Есаулом, человеком, владеющем информацией обо всех, в том числе и о Аятолле.

«Глава восьмая. Декабрь. Все еще пятница. Команда в сборе». Если представить себе весь роман в виде кроссворда, где по горизонтали главы, а по вертикали персонажи, то эта глава — самое длинное слово в кроссворде, с которым пересекаются почти все основные персонажи. Здесь описывается вечеринка и одновременно собрание воспитанников сэнсея по поводу проблемы Резалтинг-Форса.

«Глава девятая. Декабрь. Суббота. Закрытый перелом». Сэнсей беседует с отцом одного из определяемых. Затем тот же отец предстает перед Винчестером в качестве человека от госструктур. Позже появляется Резалтинг-Форс, излеченный Благоносцем и желающий поговорить с сэнсеем. В этот самый момент ожидающий появления сэнсея Резалтинг-Форс и обнаруживает, что

изображение в воображаемой трубе исчезло (Генерала там больше нет, Генерал губернатором не станет, не выберут его). Поэтому разговор с сэнсеем получается совсем другой, и Резалтинг-Форс стремится домой, выпроваживая Велмата,— ему уже ничего не грозит. Тут же описывается беседа Страхоборца с Эль-де-презом, где разговор идет в основном о Аятолле и Интеллигенте.

«Глава десятая. Воскресенье. Финал». К Резалтинг-Форсу домой приходит сам Аятолла, после их разговора (где можно по ощущениям Вадима ясно понять, как воздействует на психику Аятолла) заявляется и вся компания, страждущая выручить приятеля из беды, но оказывается, что все уже в порядке. И в этой же главе описывается убийство Интеллигента Ядозубом: Эль-де-през реагирует на опасность, но не может понять ее. Сам Ядозуб в момент испускания смертной волны умирает тоже.

«Лирическое отступление № 6. Жизнь продолжается». Снова квартира сэнсея. Снова записки Винчестера о сэнсее, отрывки из последней статьи сэнсея и краткий разговор Винчестера с сэнсеем о Резалтинг-Форсе.

«Глава одиннадцатая. Декабрь. Третий понедельник. Совершенно нет времени». Тенгиз и Винчестер сопровождают сэнсея к супруге в больницу (хоспис). Там же появляется Алексей Добрый, пытающийся вылечить (хотя бы поднять на ноги) супругу сэнсея, и в самый напряженный момент — страхагент с заявлением, что он купил это заведение. И, возвращаясь домой, сэнсей просит Винчестера назначить встречу с будущим Великим Учителем на более ранее время — ждать нельзя, злые силы уже близко...

РОМАНЫ В РОМАНЕ

БМС изобилует различными вставками как устного, так и письменного характера. Это отрывки из дневника Резалтинг-Форса (где, опять же, присутствуют не только реальные описания-впечатления самого Вадима, но и выдуманный им сюжет), записки Винчестера о сэнсее, отрывки из интервью и статьи самого сэнсея, архивные письма Ядозуба и устные рассказы филателиста Епанчина, Алексея Доброго... Мало того — роман перенасыщен скрытыми и явными цитатами. Все цитируют всё. Восток — и у драбантов, и у сэнсея, и у будущего Учителя. Пушкин — у Резал-

тинг-Форса и у Винчестера. Культурологией Смирнова щеголяют драбанты (без идентификации) просто по случаю пира. Да и сам пир назван по имени пьесы Солженицына пиром победителей. Цитируют не только классику или модную ныне литературу, но даже рекламные слоганы и анекдоты.

Виктор Курильский, давно занимающийся поиском и атрибуцией цитат в книгах Стругацких[1], после первого прочтения БМС высказался так: «Тексты АБС всегда или почти всегда включали в себя цитаты других авторов очень органично, сюжетно-оправданно. Чужая строчка, закавыченная или раскавыченная, являлась неким островком, знакомой почвой, точкой опоры, ступенькой в понимании — можно долго перечислять аналогии, близкие или далекие. Конечно, нельзя оставлять без внимания и элемент литературной игры, мистификации, наконец (псевдоцитаты). В ОЗ и ПП иногда заметен перехлест в цитировании, целые гирлянды из цитат, штампов. Но в БМС использование чужого доходит буквально до эпатажа, перегруз запределен, вещь, идея просто тонут в этом чужом. А может быть, этот эпатаж — замысел автора? И эти раздражающие рекламные слоганы, бесконечный дзен и мечтающие о смерти самураи и должны раздражать? И это раздражение должно стать некой ступенькой в понимании вещи?»

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Возможно, начиная второй роман, С. Витицкий хотел воспользоваться какими-то заметками к первому роману. Или, может быть, какие-то эпизоды, намеченные для ПП, но не использованные в нем, понадобились при работе над БМС. Есть и такая версия, что С. Витицкий хотел бы оставить черновик, к примеру, ПП, но принтер в то время был дорогим удовольствием, поэтому распечатать было не на чем. Известен только результат — в отличие от архива ПП, бумажный архив БМС существует.

В архиве БНС находятся две папки, озаглавленные просто «БМС» (с компьютерной распечаткой последней редакции рома-

[1] Полный цитатник В. Курильского к произведениям АБС можно найти в Интернете по адресу: http://rusf.ru/abs/ludeni/predi.htm — *С. Б.*

на) и «Материалы по БМС» (с заметками — рукописными и компьютерными,— с распечаткой раннего варианта текста и даже с машинописными страницами).

Есть компьютерная распечатка удачных выражений, ярких эпизодов, цитат:

— ...Тебя все равно убьют. Не люди, так вирусы. А в самом лучшем случае — время. Время самый надежный киллер. И самый профессиональный — ничего личного.

— Самый профессиональный киллер — господь Бог. Он не промахивается.

И на груди его широкой блестит «полтинник» одинокой...

Гробозоры! (Осквернители могил.)
Ликантропы — оборотни.
Ветрилоквия — чревовещание.

Эникейщики (от any key) — рядовые операторы на ПК в офисах.

— Люди не способны видеть будущее, потому что ни черта не видят настоящего.

— Я старый хакер, и я точно знаю, что нет на свете программы, которую нельзя было бы улучшить. Другое дело: что значит «улучшить», когда речь идет о ДНК?..

Банда (шайка) богов.

— Как и всякий истинно порядочный человек, он был начисто лишен тонкости и сложности.

— Евреев, конечно, не любите?
— А кто их любит? Они сами себя терпеть не могут.

— «Вертолеты, эти души подбитых танков...» (пример поэтического мышления).

— Я не хожу на компромиссы.

— Хлопец гарный тай моторный.

«...Человек почти не меняется на протяжении всей своей жизни, он просто становится все больше похожим на самого себя» (Роберт Монро, «Окончательное путешествие»).

«Эволюция уничтожает породившие ее причины» (Пригожин, близко к тексту).

Искусство это отбор (перебор?) озарений.

— А разок?
— Буду рад.
— А пару?
— Умру от счастья.
— А три?
— Можно четыре.
— А пять?
— Как дома побывать.
— А шесть?
— По уставу не положено.

Альтруист это благородный эгоист.
Альтруизм есть эгоизм благородного человека.

— Один остроумный человек сказал: «В России действуют только два закона: закон сохранения энергии и закон неубывания энтропии,— да и те по мере необходимости нарушаются».

...За взрывчатый характер прозванный нитроглицерином.

— Пельмени должны стать серые, как майка после тренировки.

— Караул! Праздник кончился!

— ...127 математиков-физиков (или 128?). Трое врачей, все — кардиологи (почему, кстати?). 112 инженеров-управленцев... и ни

одного учителя. Ни единого! И ни одного политического деятеля.

— Что такое? Укол? Темно же!
— В такую мишень трудно промахнуться.
— Это правда...

Разочарование — горестное (скорбное) дитя (чадо) надежды.

— «Тебе говорю: встань, возьми постель свою и иди в дом твой» (от Марка, гл. 2, 11).

...Висела картина Пиросманишвили под названием «Холодный пиво». Больше всего ему нравилось именно название — крупными печатными буквами.

— Вэл'вл!
— Что, горе мое?
— Хватит врать!
— Никогда!

— Пусть мной управляют. Не возражаю. Но так, чтобы я этого не замечал!

Лягушка квакает,
Сияет ночь,
И утка крякает,
Чия-то дочь.

Как сказал с простотой и гениальностью митька Владимир Шинкарев: «Когда я думаю, что пиво состоит из атомов, мне не хочется его пить».

Абсолютная беззащитность таланта и даже гения перед реальностью. Побеждает, одолевает всегда кулак, злоба, подлость, хитроловкость. Природе не нужны ни таланты, ни гении.

— Один мой знакомый пожелал перенестись в будущее на 20 лет вперед. И оказался в аду.

— Боги молчат, значит, не возражают.

Вельзевул «уговаривает» тараканов в ванной.

— Не загаживай природу: тебе в ней лежать (ученик 4-го класса).

— Столько сил положили на то, чтобы научить нас ходить и говорить, а теперь все время требуют, чтобы мы сидели смирно и молчали.

— Иди один и исцеляй слепых, чтобы узнать в тяжелый час сомненья учеников злорадное глумленье и равнодушие толпы...
— Это не про него. Это — про меня...

«Мы стали обсуждать, каким образом принадлежать друг другу».

Потревоженные помидоры сейчас же панически запахли. (Прикосновение к помидорной рассаде на подоконнике.)

Хронический фурункулизм правого полужопия.

Было видно, как до него доходит. Медленно, даже торжественно. Постепенно.
— Я понимаю медленно, но всегда.

— Система, пока живет, всегда побеждает. Систему может одолеть только другая система. Или — хаос. Впрочем, хаос не считается. Хаос одолевает всех.

— Это жизнь должна быть тяжелой и долгой. А вот смерть пусть будет легкой и быстрой!

Хищные жертвы века.

«ИСТОРИЯ ДЗЭН БУДДИЗМА», Генрих Дюмулен (ОРИС, СПБ, 1994).

Бодхидхарма экзаменует своих учеников и говорит им:

— Ты получаешь мою кожу...
— Ты получаешь мою плоть... мои кости...

Нету лучшего приема, чем сидеть все время дома. (Зоя Эзрохи.)

— Ну и катись на свою идеологическую родину.

— Что-то кого ни послушаешь, все рассказывают, что товарищ Сталин был в хорошем настроении, и добрый, и доброжелательный...
— Это потому, что все, кто видел его в плохом настроении, не выжили. Называется: селекция наблюдений.

— Со мной никогда ничего смешного не происходит.
— Это потому, что смешные происшествия случаются только с теми, у кого есть чувство юмора. Обратное, впрочем, неверно.

— На копейку луку, а на рубль — бздуку.

Есть список ударных концовок из анекдотов:

1. «Открывает жена — руки опущены... подбородок открыт...»
2. «Ну рассказывай, как обгонял, как подрезал...»
3. «Маша! Родила? Сколько? Трое? Мои есть?»
4. Экзамены. «Иванова! У тебя сын родился!»
5. Дирижер оркестра: «Ну и кто это сделал?»
6. После показа порнухи. Жена: «Ваня, я так и не поняла — они поженились?»
7. Приползла на коленях: «Вылезай из-под кровати, подлый трус!»
8. «Женился Иван Дурак на Василисе Прекрасной, и стала она Василиса Дурак».
9. «Если 1 кг повидла смешать с 1 кг говна, то получится 2 кг говна».
10. «В баню я не хожу. В женскую — не пускают, а в мужскую неинтересно».
11. Новый русский в Эрмитаже. «Бедновато, конечно. Но ничего, ничего — чистенько...»
12. «Евреи! Не жалейте заварки!»

И в этом же перечне анекдотов рекламное: «Так выглядит под микроскопом трудновыводимое пятно».

Есть перечень понравившихся «законов»:

Закон Либермана: «Врут все, но это не имеет никакого значения, потому что никто никого не слушает».

Принцип Алинского: «Наиболее высоконравственны те, кто дальше всех от решения задачи».

8-й закон Леви: «Если некто, безмерно всеми уважаемый, погружен в особо глубокие размышления, наиболее вероятно, что он размышляет об обеде».

Закон Мейера: «Усложнять — просто, упрощать — сложно».

Бритва Хеллоне: «Не усматривайте злого умысла в том, что вполне объяснимо глупостью».

Правило: «Когда не знаешь, что именно ты делаешь, делай это тщательно».

8-е правило Фингейла: «Работа в команде — отличная штука. Всегда можно свалить вину на другого».

Кредо Фингейла: «Не позволяйте фактам вводить вас в заблуждение».

I постулат Пардо: «Все, что есть хорошего в жизни, либо аморально, либо незаконно, либо ведет к ожирению».

Все приятное чревато неприятностями.

Есть заметки по характеристике персонажей.

Андрей — Страхоборец (Андрей Юрьевич Белюнин).

У него довольно странный Главный Талант. Он начисто лишен страха. Отсюда, видимо, его образ жизни: спорт, приключения, путешествия. Альпинист, акробат, полярный лыжник, искатель Шамбалы... Замечательно, что отсутствие страха сочетается в нем, видимо, со звериной точностью поступков — каждый раз он инстинктивно выбирает самый правильный маршрут, самый точный финт, чтобы миновать опасность. Может быть, именно эта звериная точность выбора и есть его основной талант, а бесстрашие — только следствие. Поразительно моложав. Один лишь сэнсей знает в точности, сколько ему на самом деле лет, а на вид — лет тридцать (как и всем прочим). «Его боится сама бабушка Старость и

сама госпожа Смерть». Замкнут. Совсем без друзей. Его уважают в кругу драбантов и побаиваются коллеги по приключениям. Отлично поет и недурно бренчит на гитаре. Несколько раз был женат, всегда разводился, и всегда инициаторами были женщины. Имеет детей и даже внуков. Не любит о них говорить. Вообще молчалив, разговаривает, как правило, анекдотами, всегда очень точными. Сухой, жилистый, всегда загорелый, всегда с коричневой лысиной (сплошной лоб от бровей до затылка). Анекдотчик.

Богдан — Благоносец (Богдан Устинович Устинов).
Всем завидует.

Вадим — Резалтинг-форс (Вадим Данилович Христофоров).

Костя — Вельзевул (Константин Всеволодович Чеховской), Повелитель Мух (а также Рмоахал, Главатль и Тольтек — расы древних атлантов, управлявшие животными, растениями и людьми — словом и мыслью).

Матвей — Вел. Мат. (Матвей Аронович Вул).

Маришка — Воспитатель (Марина Осиповна Горовец, урожденная Латышева).

Роберт — Винчестер (Роберт Валентинович Пачулин).
Жена Александра (Сашка) — строгая деловая женщина, старше его на три года. Дочь Валюшка (Валяка, Валенник, Ляпа, Кутя и т. п.) — двух лет, очень способная: говорит, рисует, пользуется телефоном и компьютером.

Тенгиз — Психократ (Тенгиз Бернардович Шах).
Всех презирает.
Рослый красавец 30–40 лет. Узкое смуглое лицо, небритое по моде. Черты лица тонкие, но общее впечатление — неприятное и даже отталкивающее. Тяжелый взгляд, нижние веки всегда закрывают радужку наполовину. Говорит отрывисто, как бы задыхаясь. Практически никогда не улыбается и уж точно никогда не смеется. Холост. Живет в двухкомнатной (бывшей родительской) кварти-

ре один. Иногда ночует у своей любовницы, Ольги, женщины легкомысленной и даже развратной. На нее совершенно (почему-то) не действуют его психократические свойства, и может быть, именно поэтому он влюблен в нее, как мальчишка: смотрит в рот, стелется, угождая желаниям, прощает (не видит) измены, молит пожениться и завести ребенка. «Не знаю более тягостного и душераздирающего зрелища, чем Тенгиз, умоляющий эту шлюху пойти с ним в театр... Можно себе представить, что она с ним делает в окрестностях постели».

Юрий — Полиграф (Юрий Георгиевич Костомаров).

Новичок — опекуемый (чей?).

Сергей Щербо — эл де през — лучший друг Президента (Вагель?).

Хан Автандилович Хусаинов.

Потом, вероятно, был сделан текст распечатки, где уже присутствуют наметки к сюжету. В конце текста запись рукописно: «Распечатка на 12.02.1998».

БЕССИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО, или СУЩЕСТВОВАНИЕ НА ИЗЛЕТЕ

«...Мы переходим сейчас в новую фазу культуры, в которой ответом на вопросы будут не утверждающие высказывания, а новые, более глубоко сформулированные вопросы».
В. В. Налимов «Канатоходец»

Героя зовут Стэн Аркадьевич Агрэ.
Стэн — это «СТалин-ЭНгельс».

Гипотеза 1.
Это история Учителя-чародея, который возомнил себя способным породить новое племя людей — знающих свой главный талант, а потому бескомплексных, спокойных, уверенных, самодостаточных, добрых.

Он плодил их десятками ежегодно и не сразу понял, что жизнь перемалывает их своими железными челюстями: сгибает, ломает, покупает, убивает.

Герой — «открыватель талантов». Беседует с пациентом и находит его главный талант: музыка, слово, рукомесло, человекоуязвление и т. д. (Реакция на открытие, что главный талант — умение убивать.)

Он мечтал наполнить мир талантами, а пуще всего искал такого, как он сам — умеющего извлекать талант.

Все, что он может: делать способных лучше.

Пусть человеку не нравится: убивать; лгать; портить соседу жизнь.

В молодости он находил в своих пациентах творческие потенции — остроумие, любознательность, жажду знания, желание творить добро... А теперь все больше — злобу, умение ненавидеть, изворотливость, хитрость...

Гипотеза 2.

Может быть, это человек, ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ в том, что он ТВОРИТ будущее? Мужеска пола Мойра. (Клото — прядет нить судьбы; Лахесис — проводит человека через превратности; Атропос — перерезает нить.)

ДЕЛАТЕЛЬ БУДУЩЕГО. Не просто прорицает, не просто угадывает, а делает его? То, в чем подозревают Вадима? Он скрывает свой дар, и боится его, и пытается помешать сам себе.

— Вы знаете будущее?

— Я не знаю будущего. Я его делаю.

Гипотеза 3.

А может быть, он Прогрессор иной цивилизации, который тщится хоть что-то изменить в ходе истории? Им давно уже известно, что изменить ничего нельзя, но отдельные безумцы все еще пытаются. (Жена его — оттуда же. Когда заболела, отказалась вернуться, шел 1991 год, не до того было, вот и сожрала ее болезнь, а потом сошла с ума — забыла, где находится — говорит на своем языке, перестала узнавать мужа...)

Изменить ход истории нельзя. Можно только попытаться изменить Человека. Но как? И НА ЧТО? Что в нем поменять на что?

Сделать добрыми? Но доброта делает пассивным.

Сделать умными? Но это возможно не с каждым, как не каждого можно сделать бегуном-разрядником.

Сделать терпимыми? Так нет ясной грани между терпимостью и равнодушием. Терпимость на практике есть равнодушие в девяти случаях из десяти.

Прогрессоры здорово поработали в 19 веке: попытка двинуть вперед технологию, смягчая технический прогресс мощным развитием гуманитарии (Пушкин, Достоевский, Толстой, Диккенс, Дарвин, Фрейд и пр.) Ничего не вышло — победила звериная дикость толпы.

Гипотеза 4.

История аггела — исполнителя воли Бога на Земле. Раздавателя ударов и наград. Мерзостей много, доброты — мало. Все заряды давно растрачены, а наград — полный шкаф: раздавать их некому и не за что. Не раздавать ли всем подряд — ведь каждый грешник и праведник тоже?

Но во всей Вселенной нет никого, кроме мечущегося, мучающегося, страдающего и побеждающего человека.

Гипотеза 5.

Результат опытов по продлению жизни.

Греческие боги часто вмешивались в ЛИЧНУЮ жизнь смертных, но никогда даже не пытались повлиять на ход истории, на прогресс. А теперь и людей стало слишком много — боги не успевают следить за всеми и каждым.

Фабула — борьба за очередного гибнущего ученика, на которого положили глаз ФСБ и мафия, воображающие, что с его помощью можно изменить будущее (результаты референдума? выборов?).

Аносматик — человек с повышенным обонянием.

УЧЕНИКИ:

1. Человек, «воля» которого всегда совпадала с Ходом Истории — «равнодействующей миллионов воль». (Ученик по имени Вадим — Великий Прогностик.)

2. Человек, который способен был «отдавать добро» — делать других добрыми. Сам же он при этом становился все злее и злее. (Ученик по имени Богдан — Великий Благоносец.)

3. Сверхбоец, психократ — утомленный борьбой со злом страстный филателист. «Бороться со злом — бороться с клопами поодиночке: противно, нетрудно и абсолютно бесполезно». (Ученик по имени Тенгиз — Великий Маг.) Учитель использует его, когда надо удалить препятствие: заставить забыть. Тяжелый взгляд исподлобья, веки надвинутые на половину глазного яблока.

4. Человек, внушающий страх своим бесстрашием. (Ученик по имени Андрей — Великий Страхоборец.) Учитель подозревает в нем нового Вечного Жида — бессмертного человека. «Его боится даже старость». Самый старый из учеников, ему уже за пятьдесят, а выглядит он двадцатилетним.

5. Чистый как хрустальный бокал талант математика. Мальчик Мотл. Имя — Матвей. (Великий Математик.) Еврей, узкогрудый, сутулый, бледный, горбоносый, с ушами без мочек — иллюстрация к определителю евреев из газеты «Народная правда» (?) В первом классе решил ...ую проблему Гилберта (уже решенную до него), а в седьмом классе — ...ую проблему, никем еще не решенную. Утрированное до абсурда чувство справедливости. Подписал письмо в защиту Гинзбурга-Галанскова. Потом — Солженицына. Потом — Сахарова. Был объявлен невыездным, отовсюду вычищен, превратился в профессионального диссидента, забросил математику и сгнил в тюрьме. Талант диссидента оказался сильнее таланта математика.

Теперь он сутулый и лохматый, как шмель-трудяга.

6. Талант систематизатора, библиографа, коллекционера — Роберт (Великий Референт), работающий у него секретарем. Но у него еще и талант УЧЕНИКА — фанат, безудержно влюбленный, готовый все отдать за Учителя, но и требующий от него стопроцентной отдачи. Он не понимает, что Учитель иссяк уже и не тот, что раньше.

7. Юрий. Красавец. Лентяй. Великий Полиграф, «Детектор лжи» — чует ложь (по голосу, по мимике, по дыханию, по пальцам...). Работает в ФСБ. Начинал в Угро. «Видный деятель чекизма-кагебизма...» Через него М. А. выходит на людей ФСБ, которые интересуются Вадимом. Жуткий матершинник, каждое второе слово «блин». Бабник, меняющий женщин еженедельно. Безнадежно влюбленный в лживую, кокетливую шлюшку.

А может быть, все они уже старые — 50–60 лет. Вадим самый молодой среди них, общий любимец, и они решили отомстить за него Аятолле. А потом выясняется, что и Аятолла один из них, а сын его — гений, Новый Учитель.

РАЗНЫЕ ТАЛАНТЫ:

талант к размножению — идеальный самец-производитель;

талант к охоте — выслеживание, фантастическая наблюдательность, охота за деталями;

талант к галлюцинациям — потенциальный шаман, бард, прорицатель, поэт, художник;

талант видеть все под неожиданным углом — талант изобретателя и открывателя новых связей;

талант любви — способность отдать себя целиком ближнему, раствориться в нем без остатка.

В конце: находит художника, который пишет абстрактные картины — структуры людей, и понимает — перед ним его ученик, может быть, последний.

Работа героя: он задает вопросы, и с ответами из пациента уходит зло.

— А Семен-Ваныч сказал...

— Да в интимные отношения я вступал с твоим Семеном Ивановичем! При чем тут Семен Иванович?

Начинается с того, что крупный мафиози приводит к нему своего великовозрастного сыночка, имея подлинной целью выявить все об ученике нашего чародея — человеке-равнодействующей.

Человек-равнодействующая сидит в это время на Харбасе, в экспедиции — ищет место для телескопа. Наш герой приезжает туда.

Звонок: «Вы меня не знаете. Я очень ищу Вадима. Где он?!» Холодное предчувствие заставляет его соврать.

Жена: «Встретила сегодня Соню. Она приставала, куда девался Вадик. Я сказала, что не знаю. А куда он подевался?»

Наконец, позвонив, приходит Богдан и, рыская глазами, просит за Сергея Серафимовича (кличка Аятолла, крестный отец питерской мафии). И Аятолла приходит — с сыном и телохранителем. Процедура «прослушивания» комнаты. Разговор с сыном. И снова — где Вадим?

Герой едет к Вадиму. Горная станция. Грузовик-фургон с шофером Вовой, Митей Говоровым и странным тихим юношей с винтовкой. Сцена в корчме. Дождь, перевернувшийся грузовик, разговор с тихим юношей о местных ужасах. Беседа с Вадимом — о приближающихся выборах, о непонятности магистрального пути, о муках выбора направления равнодействующей. Чего хочет Аятолла (чтобы избрали президентом Жирика). Почему этого нельзя делать, хотя равнодействующая тянет именно в ту сторону. Беспомощность человека и мага.

Приближается некий Референдум, который определит судьбу страны.

...несчастное выражение глаз, какое бывает у собак, когда они справляют естественную надобность.

«Ни одно слово, произнесенное с момента появления человеческой речи, не исчезло бесследно, хотя и не все записывались».
Рекс Стаут, т. 12, стр. 110 («Ловушка для матери»).

Приходит репортер брать интервью — о методах работы, успехах, планах, а в конце — мягко: как бы выйти на Вадима и поговорить с ним?

— Ты что, с Анютой поцапался?
— Да.
— Она хочет ехать, а ты нет?
— Да.
Я представления не имею, почему я все это знаю. ЗНАЮ.
— В Париж.
— В Париж,— говорит он покорно.
— Кто у нас следующий? Вызывай. Заработала машина.

— Аятолла.
Это неправда. Подкуплен?
— А на самом деле кто?
Надо принять Аятоллу. Он страшный человек.

Герой — с двух точек зрения. Сам о себе: гниение, умирание, бессмысленность, безысходность. Секретарь: ожидание чуда, зарядка аккумулятора, неисчерпаемость волшебства.

Все люди — слабы. Все, без исключения. И особенно слабы так называемые супермены. Они не способны справиться с собой и отыгрываются на других. Правда, иногда человек не знает, что он слаб. Таких называют самодостаточными.

— Ну, как прошел вечерок?
— Да ничего. Обошлось. Жертв и разрушений нет.

— Вцепился как бульдог в штанину...

...Сегодня день рождения Яков-Кондратьича. Надо бы позвонить, но ведь уж, наверное, помер. Старый он, и всегда был старый, сколько я его помню. Никогда я не любил стариков. Вот странно. Ну, пока я сам был молодой, заносчивый — понятно. За что мне их было любить? А вот сейчас почему? Когда сам в том возрасте, когда «пожилой» — сказать о тебе будет слишком мягко, а «старый пердун» — слишком, пожалуй еще, жестко... Они мне неинтересны, вот в чем все дело. Как какая-нибудь умная, толстая, многословная книга: скопление сведений, вполне может быть достойных внимания, но — скучных, ни за что в тебе не цепляющих, а плывущих себе мимо.

Вопросы из рассказа Конан-Дойла «Обряд Мэсгрейвов».

Обещал быть через 20 минут.
— Двадцать минут промелькнули как один час...

Исчезают люди. Оказывается, их отправляют в будущее. По какому-нибудь странному, неожиданному принципу. (Обнаружен

летальный ген человечества, распространяющийся как пожар. Пытаются спасти хоть кого-то.)

Решение районного Страшного суда было утверждено в городском Страшном суде, но опротестовано в Страшном Верховном.

Бродит по городу Сатана, пытается продать души. У него есть лишние. Но никто не берет. Бесполезная вещь.

А в окне белым-бело —
Это снегу намело,
А в окне черным-черно —
Это ночь глядит в окно...
Черно-белое кино
Надоело мне давно,
Но.

Очарователен, как умывающийся котенок.

Простой, как портянка.

Одинокий как километровый столб в степи, где на одной дощечке написано 2363, а на другой — 1172.

— ...В человеческом обществе, как и в естественном мире, свои базовые понятия. Там — масса-энергия. Здесь — деньги-власть. Одно переходит в другое. Одно эквивалентно другому по какой-то формуле «е равно эм це квадрат», и все это плавает в общем законе сохранения, которого мы не знаем пока (сохранения чего?) и «второго закона термодинамики» — общество развивается так, что производительные силы возрастают...

В это утро он вдруг обнаружит, что у него не стало бровей.

То есть они и раньше у него были не как у Брежнева. И даже не как у Никсона. Но теперь над правым глазом топорщились длинные, слегка завивающиеся жесткие волоски, числом четыре, и больше, можно сказать, не было ничего — какой-то почти невидимый русый пух. Не как у Никсона, нет, отнюдь... Напевая (на манер «ку-

карачи») «Не-как-у-Никсона, не-как-у-Никсона...» он направился в кабинет и распахнул дверцы архивного шкафа. Тысячи папок глянули на него плоскими, рыжими, белыми и красными обложками своими, и запутанные щупальца тесемок шевельнулись, потревоженные. И речи быть не могло найти тут что-нибудь.

Он искоса глянул на Роберта. Тот сидел за своим компьютером в состоянии каталептической ненависти.

Спросить у Татианы? Он вспомнил ночь, и убогую сцену старческой любви, и не захотелось не то что разговаривать — видеть. Стыд. Невозможно отучиться стыдиться.

Всю неделю раздавались какие-то странные звонки и затевались неожиданные разговоры. Всех вдруг чрезвычайно заинтересовало, где Вадим. Позарез нужен был Вадим — всем сразу и совершенно непонятно зачем. «Не знаю я, где Вадим,— втолковывал я.— Разве я сторож Вадиму моему?..» Шутки мои не принимались. Вадим был очень нужен. Зачем? Этот простой вопрос почему-то ставил всех ищущих в тупик. Невнятное бормотание и неловкая ложь были мне ответом...

— Ты не знаешь, где Вадим? — спросил я Роберта.

Я кончил читать газеты и смотрел в окно. За окном было первое сентября, Нева, туман, дождик накрапывал. Только что у Петропавловки стукнула полуденная пушка.

— Я не знаю, где Вадим,— сказал Роберт голосом, бесцветным от ненависти.

Он сегодня с самого утра меня ненавидел. Сидел за своим столом в окружении телефонных аппаратов, факсов, мониторов и прочих модемов — строгий, тощий, сероволосый,— смотрел мимо меня белесыми глазами и заходился в тихом бешенстве.

— Для чего же ты не знаешь, где Вадим? — спросил я, не глядя на него.— Только турки и жиды не знают, где Вадим...

Терпеть он не может, когда я занимаюсь «цитатоблудием» (термин — его). А мне доставляет удовольствие взвинчивать его, когда он бесится. Мне хочется довести его до предела. Мне интересно иногда, есть ли предел его ненависти к старому, неряшливому, ленивому бездельнику, бездарно растрачивающему жалкие остатки

своего, некогда великого, таланта на чтение газет и тупые перебоpы клавиш компьютера. То есть — ко мне.

Предела нет. Я уверен, что он никогда не сорвется. Он будет смотреть мимо. Говорить кратко и тихо. Отказываться от обеда. Вместо того, чтобы есть вместе с нами жареную курицу с соевым соусом, он будет делать вид, что перепечатывает какой-то отчет, а на самом деле — изливать будет свою ненависть в незамысловатые тексты, не лишенные, впрочем, чувства и информативности.

Все здесь написанное — правильно. Ненависть обостряет наблюдательность, глаз делается острым, а перо — точным. Это я знаю по себе. Только он врет, что я им помыкаю. Я никем не помыкаю. Это мною все помыкают. Или пытаются помыкать,— что, впрочем, одно и то же...

Не хочу об этом думать. Мне скучно и тошно об этом думать. Мне вообще — и уже довольно давно — скучно и тошно. С тех пор, наверное, как я пережил свой двадцать второй приступ профессиональной импотенции и понял вдруг, что это теперь — навсегда...

Не помню, когда я осознал это впервые и окончательно. Помню только, что это было как открытие в себе семени смерти — вдруг понимаешь, что ты смертен и ждать осталось не так уж и много: ну пятнадцать лет, ну двадцать... А ведь только вчера ты считал себя (а значит и был) бессмертным! Что такое двадцать лет жизни по сравнению с бессмертием? Что такое скупые дозы... приступы... пароксизмы вдохновения, сделавшегося отвратительно редким, в сравнении с тем ликующим сознанием мощи, которое, помню, сотрясало меня еще совсем недавно, какие-нибудь десять лет назад... Ощущение всемогущества. Ощущение Бога в груди — вот здесь, под самой ямочкой, под ключицами, где теперь никогда не бывает никаких ощущений, кроме, разумеется, тупой ишемической боли, если вздумаешь как встарь догнать уходящий троллейбус...

Иногда я желчно завидую людям, которые могут реализовать свой профессионализм в любой момент, когда им только захочется. Художникам завидую. Музыкантам... Акробатам. Захотелось тебе сделать сальто назад — напружинил мышцы, присел, вскинул тело, перевернул себя в воздухе и снова стал на ноги — прочно и точно, как влитой. Или — ударил по клавишам и родил мелодию,

которой только что не было и которая вдруг стала быть... Как только тебе захотелось. Пришло в голову. Зачесалось.

И очень сочувствую сочинителям всех родов. Потому что то, что я делаю, то единственное, что я умею лучше многих, а может быть и лучше всех — это тоже своего рода сочинительство. Изобретение не существовавшего без тебя и помимо тебя. Открытие, повторяющееся вновь, и вновь, и вновь — в конечном счете открытие себя в себе, знания о человеке, который перед тобой — сидит, и ничего не понимает, только глаза на тебя таращит, и в голову даже не берет, что во мне уже СЛУЧИЛОСЬ, и я вижу не его, глазами лупающего, не оболочку его бренную, а суть, подноготную, душу. Сущее его и будущее, на многие годы вперед, аминь...

...Телефон курлыкнул, я не стал поворачивать к нему голову, и слушать не стал, что там Роберт бурчит в трубку. Меня это не касалось. Я все прислушивался к своей тошноте, к томлению души и тоске немощи своей. Только одно я и слышал сейчас в себе. Только одно. НЕУЖЕЛИ НИКОГДА БОЛЬШЕ? НЕУЖЕЛИ НИКОГДА...

Роберт сказал:

— Марат Александрович, это — Саша Буре. Очень просит.

Я вздохнул. Тут ничего нельзя было сделать. Я отказал бы сейчас кому угодно, хоть президенту, но я не мог отказать любимому ученику. Я взял отводную трубку.

— Саша? Ну, здравствуй.

— Марат Александрович, извините Бога ради...

— Брось, ты прекрасно знаешь, что тебе — можно. Слушаю тебя внимательно.

Оказывается, его интересовало, не знаю ли я, где сейчас Вадим. Это показалось мне совсем уже странным.

— Это ты меня спрашиваешь, где сейчас твой Вадим? Ты — меня?

— Да. Он пропал с концами. Никто не знает, я его ищу...

— А мама?

— Она говорит, что он уехал еще в начале августа, когда она была в санатории. И с тех пор не пишет, и ничего...

— И записки не оставил? Матери?

— Записку оставил. «Уехал на заработки. Не беспокойся. Подробности письмом».

— И все?

— И все.

— Хм. Вообще-то это на него, согласись, похоже. А?

— Похоже,— согласился Саша.— Но тут дело не в том, что я там беспокоюсь или что... Ничего с ним не будет. Просто он нужен, вот в чем дело.

— Тебе?

— М-м-м... Не совсем. Но и мне тоже.

— Зачем?

— Н-ну...

— Не врать!

— И не думаю! Просто это наши с ним дела...

Облака бежали по небу неестественно быстро, устрашающе быстро, как это иногда бывает в кино, и он придумал загадку: «Ног нет, а бегут быстро — что это такое?» Вопрос получился, но это был ненастоящий вопрос. Очередной ненастоящий вопрос. Пустышка. Впрочем, никто никогда не может сказать, будет от вопроса толк или нет. Надо пробовать. Метод проб и ошибок. Истерических проб и угрюмых ошибок.

Он записал: «Что это такое — ног нет, а бежит?»

Все это — история умирания в человеке добра и доброты. И он знает об этом.

Аятолла оказывается учеником Стэна — одним из первых, давно забытым — походил, походил на занятия, показал себя блистательным аналитиком да и слинял навсегда. А теперь — вот какой!

Звонок в ад. Умирает от рака приятель-сотрудник-напарник.

— ...Стэнни, милый... Это такая мука... такая мука... Брось все, забудь. Не наше это дело... Такая расплата... (И видение темной, черной, наглухо закупоренной комнаты. Черный платок на ночнике. Белое пятно света на простынях. Удушье. Страх. Боль. Смерть.) ВОПРОС: Что надо «бросить, забыть»? Что это за «не наше дело»?

— Смерть больше любого горя.

Мальчишки ходят по квартирам — просят клей «Момент», якобы заклеить велосипедную камеру (отрыжки представлений первой половины века), а на самом деле, чтобы нюхать.

ГЛАВА 1. Письменный отчет Роберта органам. Ночь патриарха.

«...Я согласился писать о нем не потому, что испугался вас. И уж, конечно, не потому, что хочу помочь вам. Вообще — не потому, что усматриваю в этом занятии хоть какой-нибудь корыстный смысл.

Я начал эти записки потому, что, кажется, понял: после меня в мире не останется ничего, кроме этих записок. Более того: и после НЕГО не останется ничего, кроме этих моих записок. Да нескольких слухов, напоминающих уже легенды. Да великого множества интервью, раздражающих воображение и порождающих новые слухи, и новые легенды.

О нем до сих распускаются странные слухи и рассказываются сочные легенды. Полагаю, в вашем департаменте, их кто-нибудь старательно собирает, сортирует (высунув набок язык) и дотошно анализирует. Вполне допускаю даже, что часть этих слухов придумана и распространена именно вами... Но две легенды я здесь приведу. Одну — потому, что она кажется мне совершенной, отшлифованной в пересказе до состояния готовой новеллы. А вторую — потому, что сам был свидетелем события и имею возможность на этом примере наблюдать, как скромно-затрапезная куколка факта трансформируется в роскошную бабочку легенды.

Итак, история первая.

Идет троллейбус, по дневному времени — малонаселенный, все сидят. Все тихо, мирно. На заднем сиденье расположился неопределенной конфигурации дядек, про которого одно только и можно было поначалу сказать, что он с большого пролетарского бодуна. Скорее всего, именно поэтому сидит он в полном одиночестве, и ему, видимо, скучно. И он начинает говорить.

— На следующей остановке,— говорит он,— выйдут двое, а войдет один... А вот на следующей никто не выйдет, а войдет мама с ребенком... А уж на следующей — выйдут четверо, а войдут трое...

На все эти заявления сперва мало кто обращает внимание, но однако довольно скоро народ обнаруживает, что все предсказания странным образом сбываются.

Все. До единого. И абсолютно точно.

— ...На следующей трое выйдут, а двое войдут — мужчина и женщина.

Точно.

— Какая там следующая? Московский? Двое выйдут, двое войдут...

Absolutely!.. Рты помаленьку раскрываются, глаза выкатываются. Теперь уже все его слушают, все равно как Жванецкого, кроме какой-то тусклой девицы, углубившейся в яркий детектив. Остальные слушают жадно со сладким ужасом, причем никто оборачиваться не рискует, только уши у всех настропалены как у битого кота.

— ...А на следующей войдет один, и один выйдет.

Точно: один входит (и сразу же настораживается — туда ли он попал и что тут за дела?), но вот не выходит — никто! Троллейбус стоит с открытыми дверями, часики тикают, уже несколько злорадных рыл поворачивается к похмельному пророку, уже створки дверей начинают смыкаться, но тут тусклая девица захлопывает вдруг свое чтиво и с воплем «Ой-ей-ей...» (или что-то в этом же роде) продирается сквозь соседа по сиденью и без малого застревает в дверях, но успевает-таки выскочить.

По троллейбусу проносится задавленный вздох. Все ждут, что будет дальше, но дальше ничего не происходит: пророк молчит. А когда троллейбус останавливается в очередной раз, он поднимается со своего места — маленький, неряшливый, кривоногий — спускается на ступеньку, чтобы выйти, и напоследок объявляет:

— В девяносто шестом переизберут Ельцина, а в девяносто восьмом будет ядерная война...

Это — про него. Хотя он не маленький, а скорее рослый, не неряшливый, а очень даже ухоженный, и никогда не напивается до похмелья. (Он вообще не любит быть пьяным. «Чего это ради я буду напиваться? — спрашивает он мрачно.— Мне и так весело».)

Еще история: как он оживил человека — 90-летнего старца, которого он качал некогда на коленях и который его вдруг узнал: «Дядя Стэн! Это же я — Валек! Помните?..» Много историй про оживших людей — все приписываются ему.

Однажды на него напали «козлы». Он сказал главному: «Немедленно. Завтра же. Найди книжку — автор Артур Майлз. Называется «Как стать собой». Ищи». Парень пошел искать. Не нашел, естественно, но пристрастился к чтению. Ищет эту книгу до сих пор.— Это легенда. На самом деле мы с Майклом подоспели, отбили его. Так они лежали на лестничной площадке — он и этот козел. А потом он действительно сказал: «Найди книгу и прочти». Но я не помню ни автора, ни названия, помню, что ни о чем они мне не говорили.

Эпидемия (или зигзаг эволюции?) — появились странные люди, уничтожающие лжецов. Почему-то только лжецов. (А может быть, всех нарушителей 10 заповедей?)

По утрам он читает газеты. (Он выписывает четыре газеты, и еще одну — «Общую» — ему вот уже несколько лет выписывает некий доброхот, пожелавший остаться неизвестным.)

Пыхтит. Покряхтывает. Вдруг начинает остервенело ковырять в носу. Елозит локтями по расстеленным полосам, мнет их безжалостно, а потом принимается бездумно разглаживать сухими своими белыми ладонями.

Щелкает ножницами. Вырезает заметки. Или таблицы. Или куски текстов.

Совершенно невозможно понять, что именно его интересует. Все. (Перечисление.) Но прежде всего статистика. Самая разнообразная. (Перечисление.) Вырезки распихиваются по папкам, тесемочки завязываются, разрезанные и помятые листы швыряются в корзину.

Не помню ни одного случая, ни единого, чтобы он хоть когда-нибудь воспользовался бы всеми этими сведениями. И при этом — никакой памяти у него нет. Память его — я. Для того меня и держат, чтобы помнил все, что вдруг понадобится. Только нечасто, ох, как редко, возникает во мне такая нужда. (Примеры — из перечисленного.) Обычно меня используют не как банк данных, а как самую обыкновенную записную книжку. (Пример.) С тем же успехом он мог бы завести перекидной календарь. Это обошлось бы ему гораздо дешевле. Но тут все дело в том, что помыкать перекидным календарем неинтересно, да, пожалуй, и невозможно.

Педантично, тщательнейше, скрупулезно, обстоятельно обустроить план действий — для того, чтобы тут же, при первой же заминке его беспощадно нарушить. В этом он — весь.

Единственный известный мне человек, который говорит «вы» даже десятилетнему пацану.

Рукопись его: мельчайшие буквы-бисеринки, ровная как по линеечке скрупулезная вязь, арабески — вовсе это не походило даже на текст, кажется, и в голову никому не могло бы прийти — читать это. Рассматривать — да. В лупу, задерживая дыхание, как рассматривают орнамент, как филателист разглядывает редкую марку. Но уж никак не читать.

— А что вы пишете, Стэн Аркадьевич? Мемуары?

— Мемуары...— повторил он с неожиданным и странным пренебрежением.— Мемуары — это же... ну ты же понимаешь: это — дело прошлое. Состоявшееся. Я же тебе не историк какой-нибудь. Я пишу будущее.

Он так и сказал: «пишу будущее». Прямо. Буквально. Со всей своей откровенностью. Ничуть не красуясь. Как художник сказал бы: «Я пишу пруд». Как бухгалтер сказал бы: «Я пишу квартальный отчет»... И я его, естественно, не понял. Я решил, что это у него — шутка. Впрочем, вполне возможно, это и была шутка.

Когда я пристаю к нему, что надо, мол, работать! Он отвечает мне из Екклезиаста: «Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья — размышляй...» Но на самом деле, он не думает этого. Творческий ступор мучает его, словно какая-нибудь экзема — от чего не умирают, но и не вылечиваются до конца.

Он никогда не рассказывает о своем прошлом. Никогда не вспоминает. Может быть, ему нечего вспоминать? Или он все забыл, и существует только в настоящем и будущем?

— Но ведь вы, действительно, никогда не рассказываете о своем прошлом!

— Там нет ничего, кроме проб и ошибок. Мне не нравится это вспоминать. Удачные пробы давно уже стали моим настоящим, а о

неудачных я рассказывать не хочу. Достаточно того, что я не повторяю ошибок.

— Если хочешь, чтобы через сто лет что-то в этом мире изменилось,— начинай прямо сейчас. Божьи мельницы мелют медленно.

Интервью с корреспондентом журнала «Утро магии».

— Значит это все-таки чудесный дар?

— Дар — да. От Бога. Из немыслимого переплетения хромосом. Но почему чудесный? Инстинкт, побуждающий ворону в некий момент времени заинтересоваться прутиком, подобрать его, тащить куда-то на дерево, еще не зная, куда, а потом вдруг откуда-то — откуда? — понять: вот сюда, вот в эту развилку, только в нее и никуда больше... Это — не чудо?

— Но это... как бы... чисто инстинктивная деятельность...

— А ученый, среди ночи, в полусне-полубреду, вдруг понявший, что надо тензор энергии-импульса приравнять тензору масс и тогда все встает на свои места и Вселенная обретает новый смысл? Это не инстинкт? Уж во всяком случае — не разум. Я говорил с математиками. Разум нужен, чтобы объяснить открытие, сделать его понятным для окружающих. Само открытие к разуму никакого отношения не имеет. Оно возникает из пустоты, с потолка, из указательного пальца... А врач, который по выражению лица, по тоскливым глазам, по цвету кожи на ладони ставит точный диагноз?

— Ну, это просто опыт... накопленная с годами информация...

— У компьютера информации может быть и поболее, но что толку от нее, если нет программы? Какая программа работает в голове врача? Кто ее заложил туда? И откуда следует, что эта программа — в голове? А может быть, в клетках всего тела сразу? А может быть, в душе?..

— Да, но без информации любая программа бессильна...

— А кто вам сказал, что я обхожусь без информации? Мальчишка сидит передо мной, я вижу его руки, пальцы, краску на щеках, шевелящиеся уши... Я слышу его запах. Голос. Сами слова, которые он произносит, ответы его на мои вопросы... Да здесь столько информации, что любой компьютер спасует... А ведь я даже не знаю, что мне из этого нужно, а что нет! Программа решает без меня. Та-

кая же программа, как в маленьком горячем тельце вороны, только гораздо более хитроумная... Хотя, откуда нам знать? Может быть, как раз гораздо более примитивная и тупая...

— ...Я задаю вопросы. И слушаю ответы. НАБЛЮДАЮ ответы. В ответах есть все, что мне нужно. Только вот вопросов становится все меньше и меньше...

— ...Я не творец. Я всего лишь интерпретатор. Я ничего не создаю, все уже создано, без меня и до меня. Я — НАЗЫВАЮ.

— Каждый человек это ходячая могила таланта.

— Вы уверены, что делаете его будущее счастливым?

— Представления об этом не имею. Я не делаю людей счастливыми. Я не делаю людей лучше. Я только ищу у них таланты, и выбираю самый мощный, тот, что доминирует.

— А если таланта нет?

— Не знаю, что тогда. Но до сих пор такого не случалось. Может быть, мне не всегда удастся найти ГЛАВНЫЙ талант, но какой-нибудь ОДИН талант я до сих пор находил всегда... Полная бесталанность — это, видимо, очень редкий талант.

Любимое занятие — вязать длинные шерстяные косы. Три клубка — черная, белая и красная нить. Косы висят в «тайной» комнате. Их там десятки.

Когда ведет «опрос» — вяжет, щелкает спицами, не глядя.

Он «видит людей насквозь» (прожилки, сложная ячеистая структура, нити, шевелящееся цветное месиво), но не видит женщин — они для него все как сплошные стальные, бирюзовые, графитовые, малахитовые сосуды — непрозрачны, хотя и красивы.

Живет он один, вот уже несколько лет. У него есть жена, Татьяна Олеговна, сильно больная женщина, но вот уже три года как она переселилась в специальную клинику. Он ездит к ней каждую пятницу и, вернувшись, каждый раз черный и злобный как дракон, шипит мне: «Все! Больше не поеду. И напоминать мне не смей! Все!..»

Я ничего толком не знаю об ее болезнях. Знаю, что был у нее рак. Вырезали. Знаю, что она ждала возвращения этого рака потом и, наверное, ждет его и сейчас.

Я помню ее молодой и прекрасной. Я был влюблен в нее по уши, как и все мы. На наших глазах она превращалась в сухую крючконосую ведьму с длинной белой щетиной на подбородке.

Пасьянсы. Наливки. А однажды — ей как раз только что сделали операцию — я подслушал случайно, как она сказала ему с ужасом: «Вот это вот — я». Это было на кухне. Потрошеная курица лежала на кухонном столе — белая, голая, с пупырчатыми ляжками и бесстыдным черным отверстием между ними... С той поры она начала пить.

Жена его по вечерам пьет в одиночку на кухне. Слушает в наушниках — он думал — музыку, но однажды она заснула, уткнувшись лицом в клеенку, он снял наушники и послушал: чистый детский голосок выводил там: «Аве Мария, грацья плейна, Доминус тейкум бенедитто туи и мульерибус ет э бенедитто фруттус вентрис ту Йезус; Санта Мария, матер деи... пикадорибус...» Он с трудом дотащил ее, волоком, до постели — она была большая, полная, а он маленький, с грыжей.

Жена его — тоже человек ОТТУДА. И сын — странный вяловатый господин с неопределенным взглядом и сильным английским акцентом. Да и сын ли?

У него есть сын. Ему лет тридцать. Живет сейчас в Австралии, держит филателистический магазин. Рослый белокурый красавец с манерами номенклатурного барина.

Разговор с сыном (над кляссером):

— Это безводные?

— Нет, с водой.

— Горизонталки?

— Три горизонталки, а на вырезке — вертикалка.

— Угу. Хорошая калоша... Тройка... Это Кронштадт, что ли? Жалко, что смазана.

— Уж какая есть. Не я ставил.

— А крупнозубых у вас нет?
— Есть единичка, чистая, в квартблоке.
— А пятерки нет?
— Гашеная. Штрайф из трех.
— И как вы ее считаете?
— Как восемь штук. Редкая вещь.
— А почем франк?
— Копеек двенадцать.
— Что так дорого?
— А вы достаньте дешевле...
И так далее.

У него живет черепаха по имени Старуха. Шуршит мятой бумагой. Смотрит старушечьими бессмысленно-зоркими глазами, словно видит что-то за горизонтом событий. Он берет ее в руку, гладит пальцем прохладную гладкую кость панциря, глядит в мертвенно-неподвижные глазки и помирает от тоски и одиночества.

Дальняя комната, страшный чулан, где нет окон, но есть сквозняки, и жутко раскачиваются развешенные по стеллажам шерстяные вязаные хвосты. И всегда включенный компьютер с выключенным монитором — что-то обрабатывает. Что? Зачем? Там полутемно и страшно, как на капище, и пахнет пылью.

Его рекомендации:
— прочитать такую-то книгу (худ или спец);
— сходить на такую-то пьесу;
— посмотреть такого-то художника в Эрмитаже;
— записаться в спорткружок (вовсе НЕ для спорткарьеры!);
— познакомиться с таким-то;

История человека, которого посетил Ангел Смерти. Странный с жутью разговор. Ангел уходит, герой объясняет, кто это был. Героя тошнит от ужаса. Ангел представился работником социальной службы и заполняет анкету типа той, что в программе dlin. Они удаляются в дальнюю комнатку и о чем-то бубнят там, а потом возвращаются: Ангел удовлетворенный, а Стэн — перекошенный. И пьет коньяк. (Решили там чью-то судьбу?)

Двадцать часов я потратил и двадцать страниц исписал, чтобы только лишь повторить то, что уже двадцать раз говорил вам раньше. Я ничего не знаю о нем. Никто ничего не знает о нем. У него словно нет прошлого. Он ниоткуда. И он — никто».

На протяжении доноса разбросаны фразы типа: «Я вынужден надеяться на вашу скромность...» «Вы же понимаете, что будет, если он об этом узнает...» И т. д. Чтобы читателю было ясно, что это ДОНОС.

Текст прерывается, и появляется ОН — идет в ванную, выключает забытую воду, рассматривает старика в зеркале (что-то странное в лице — утром поймет, что нет бровей)...

«Ночная тишина стояла в доме. Бесплотные сумерки звуков. Тени звуков. Призраки.

Это было одиночество».

А в конце Стэн припишет:

«Теперь стало значительно лучше. Но надо добавить, чтобы получился совсем гнусный вонючий старикашка.

1. Иногда его схватывает позыв на низ (это называется императив...), он подхватывается и мчится в сортир.

2. Когда жрет — весь подбородок замаслен...

3. Еще что-нибудь. Подумай...»

Он напишет еще: «Не надо так много об обстоятельствах личной жизни. Это бесполезно».

А потом зачеркнет это крест-накрест и припишет: «А впрочем, пишите что хочется».

ГЛАВА 2. От лица Юрия. По просьбе органов присутствует при разговоре с алкашом — бывшим сопалатником Стэна в институте, занимавшемся эликсиром вечности. Юрий догадывается, что речь идет о Стэне.

Юрий. Красавец. Лентяй. Великий Полиграф, «Детектор лжи» — чует ложь (по голосу, по мимике, по дыханию, по пальцам...). Работает в ФСБ. Начинал в Угро. «Видный деятель чекизма-кагебизма...» Через него М. А. выходит на людей ФСБ, которые интересу-

ются Вадимом. Жуткий матершинник, каждое второе слово «блин». Люди в его глазах, все, полное говно. Мерзкие хари. Слюнявые пасти. Гнойные глазки. Вонючие рты. Вонючие подмышки и подштанники...

Следователь, ведущий опрос,— Павел Петрович Романов. Царственное ФИО.

История человека, над которым проводили опыты по практическому бессмертию в 1952–53 гг. Подопытные испытывали страшные боли и становились калеками. После смерти Сталина — всю лабораторию посадили. Выжил один из подопытных, ему и сейчас на вид 23 года, догадывается, в чем дело, скрывается, его случайно встречает один из врачей того времени, которому тогда тоже было 23, а теперь 67. Может быть, это сам Стэн — бывший подопытный, ставший бессмертным? Или кто-то из его учеников? Опыты удались: несколько человек, перемучившись жутко, выжили и демонстрируют чудо устойчивости по отношению к уязвлениям (что — ланцетом, что бактериями). Но как предложить товарищу Сталину такой мучительный путь?

Все, кроме одного, потом погибли — кто по пьяни, кто в лагере.

— Я никакой знаток чекизма-кагебизма, но я понимаю одно: они о нас знают только то, что мы сами говорим и пишем. А значит, чем меньше мы говорим и пишем, тем меньше они о нас знают...

ГЛАВА 3. День Стэна глазами Роберта. Визит Аятоллы с сынишкой. Согласие заняться сынишкой в обмен на Вадима.

...Сегодня мы особенно не в духе. Даже не побрились, что служит признаком абсолютного неприятия действительности. На своего верного секретаря мы посмотрели мельком и сразу же полезли в архив...

ГЛАВА 4. Харбаз. День Вадима. В манере киносценария: взгляд извне. История того, как был сломлен человек. Вначале он гордый, самодостаточный, презрительный. В конце — раздавленный, жалкий, униженный.

— Сегодня я во сне покойного отца видел,— сообщил Тимофей Евсеевич озабоченно.— Значить? Что-нибудь плохое случится.

Вадим посмотрел на него без интереса и снова углубился в газету.

Газета была недельной давности. Каша была овсяная, слишком густая. День был ясный, жаркий, совсем без ветра. А Тимофей Евсеевич Сухоличенко был в своем репертуаре.

Чому мне ня петь, чому ня гудеть,
Коли в маей хатаньке парадок идеть?..
Мушка на акошечке на цимбалах бье,
Паучок на стеночке кресаньки тке...

— Хорошо. Пусть будет такочки...

Трое на джипе «чероки». Пытки: кончики пальцев пассатижами и электродинамо. Вмешательство быка. Вадим клянется, что ничего не может. «Я только ЗНАЮ, но ничего не могу изменить...» Очень убедителен. А когда его оставляют в покое, мстительно говорит: «Хер вам».

Изящный небольшой очень аккуратный человек с острым лицом и старомодными косыми бачками. Весь в сером, элегантный. И здоровенный бык с вечной рассеянной улыбкой добряка — колет орехи то ли специальными щипцами, то ли пассатижами — и хрустит ими аппетитно на зубах. Потом этими же щипцами обрабатывает пальцы Вадиму.

— В 1993 все были уверены, что победят демократы. Только вы говорили: нет, Жириновский. В 1996 году все были уверены, что Ельцин проиграет. Только вы говорили: хер вам, обязательно победит...

— Мы не спрашиваем — как. Это ваше дело. Мы только хотим, чтобы референдум кончился на «три ДА».

Деньги: 10 тыс. сразу же — 90, когда все будет ОК.

Угрозы по поводу брата. И когда он готов уже согласиться (соврать) — Серый покачал головой, глядя пристально и даже с сожалением: «Нет. Поздно. Теперь вы должны понять, что мы не шутим».

Дают ему $ 5000: если сделаете как надо, получите еще 45; если же нет — вы знаете, что вас ждет. Извините. Ничего личного.

И ужасный вопль Тимофея Евсеевича: «Вадим Христофорович! Поберегитесь. Не обманывайте товарищей! Ведь вы же МОЖЕТЕ! Не противьтесь, сделайте, что они хотят. Вы же погоду все время ДЕЛАЕТЕ!.. Он погоду делает. Не предсказывает, делает. Всю дорогу. Когда устаем наблюдать — дождь. Когда надо наблюдений побольше — вёдро!!!»

— А кто будет назначен председателем ФСК?

— Ну не знаю я этого, и знать не могу, как вы не понимаете! Я знаю, чего хотят миллионы, а не десяток начальников.

— Найдут ли нефть на Теренкене?

Тимофей стоял в прежней позе — на коленях, руки уперты в траву, глаза у него были как издыхающие головастики.

ГЛАВА 5. Пьяная вечеринка «богов».

Дружеская попойка: Роберт (секретарь босса), Тенгиз (психократ), Юрий (детектор лжи), Андрей (внушающий страх).

— Слушай, ну и нудный же ты! И как это тебя Алена терпит?!

— А она не терпит. Больше. Все. Ушла Алена.

.....

Юрия спрашивают:

— Юрка, а наш как — врет?

— Часто. Как все. Только у него никогда нельзя понять, зачем он врет. Никогда!

.....

— Не умеешь ты пить, жопа с ручкой...

— Д-да. Но зато я умею напиваться!

Задачник по теоретической этике. «Что Вы выбираете: выигрыш авто в лото — но при этом гибнут сто тысяч китайцев, незнакомых, неизвестных, посторонних, даже неприятных? Десять тысяч евреев? А за свое здоровье и жизнь чем вы готовы заплатить?»

— А как насчет хеджирования портфеля ге-ка-о с помощью фьючерсов?

— Увы. Могу гарантировать только личное участие во вторичных торгах ге-ка-о о-эф-зе из дилингового зала.

— В конце концов, все это зависит только от нас самих!..

— Увы. Я бы предпочел, чтобы это зависело от кого-нибудь понадежнее.

— Узок круг этих пенсионеров...

При-ки-бе-ке-жа-ка-ли-ки в и-ки-збу-ку де-ке-ти-ки,
В то-ко-ро-ко-пя-кях зо-ко-ву-кут о-ко-тца-ка.
Тя-кя-тя-кя, тя-кя-тя-кя, на-ка-ши-ки се-ке-ти-ки
При-ки-та-ка-щи-ки-ли-ки ме-ке-ртве-ке-ца-ка...

— Камень свалился с моей души...

— ...И застрял за пазухой.

— Как у тебя машина, в порядке?

— Вчера ездил.

— Ну и как она, бегала хорошо?

— Бегала хорошо... Но была бледная!

— Он же надеется на нас. Он верит в нас...

— Еще чего.

— Да-да! Он же создал нас такими, какие мы есть, а теперь вся надежда только на нас...

Все молчат. Потом кто-то говорит:

— Какого хера! Ведь мы же ничего не можем!

Диалог типа:

— Кто такой Брэдбери?

— Психиатр.

— ?

— Ну, писатель.

— И что он написал?

— «Записки сумасшедшего».

— Мать-перемать! Ну давайте вместе — надуемся и сотворим чего-нибудь всемирно-исторического! Ну, референдум этот, хренов.

— А чего ты от него хочешь? «Нет-нет-нет»? Или «Да-да-да»?

— Да и зачем он нам? И конкретно — мне?..

— Вадька говорил мне когда-то, что эта Равнодействующая — как бетонная труба. Туннель. И ты в нем как крыса. Кругом стены, а впереди — ма-аленькая светлая дырочка. У него, говорит, клаустрофобия от этого ощущения начиналась.

— А интересно, что было бы, если бы у Николая хватило сообразительности дать Александру Сергеевичу камергера вместо камер-юнкера?

— ...А я только в старости узнал, что Ольга, оказывается, была сестра Татьяны...

— Картина, достойная кисти пера!

— Самсон, раздирающий пасть манекену-пис...

— Пол Пот, в молодости Салот Сар, был изначально мягкий, интеллигентный, скромный человек, любящий отец.

— Ну что, надундолил в штаны?

— Горе мое, смешанное с радостью, образует взрывчатую смесь.

— Он отдал дань обаянию моей личности.

— Гордость составляет отличительную черту ее физиономии. (Секретарь французского посла о Екатерине II.)

— ...Мне чудится иногда, что я пилот космического корабля, сижу в своей квартире, как за стальными стенами, в маленьком, узком, уютном мирке, а там, за стенами — кишит и булькает совершенно чужая, невообразимая, непонятная, страшноватая жизнь. Бродят какие-то существа, похожие на людей, но не люди, гуманоиды, на двух ногах, но с когтями и клыками и с психологией, абсолютно недоступной пониманию...

— Совершая глазами многозначительные проблески и высверки...

Селявив Селявивыч.

— Что было раньше — курица или яйцо? Конечно же, яйцо. Кур еще и в помине не было, а звероящеры уже вовсю несли яйца.

ГЛАВА 6. Сломленный Вадим глазами Роберта (и Стэна) у Вадима дома. Тут же главы из дневников и куски из «Белого Ферзя». Роберт пытается расшифровать: «Их было двое, они добивались от него чего-то страшного...»

Вадим: человек тихий, невзрачный, незаметный до такой степени, что иногда вообще невидим. Он и раньше был таким, а теперь его совсем стерли, как старый пятак. Он стал стариком. Он легко теряет контроль над своим лицом и становится похожим на растерянного и даже угодливого старичка-бомжа.

А раньше Вадим был выдумщик: в его дневниках смесь реальности и выдумки — в том числе история с палаткой и деритринитацией. И еще: начало романа о человеке с подсаженной психикой — «Максим», Гнилой архипелаг, глаза, как издыхающие головастики.

.....

ГЛАВА N. Беседа с сынишкой Аятоллы. Колебания — сломать его или нет. Ночь патриарха.

Маленькая комнатка без окон, чулан, заставленный стеллажами, где стоит компьютер (программа CROSWORD) и развешаны по стенам, поверх стеллажей, бесчисленные шерстяные хвосты, длинные, в три ряда петель, серо-черные, как вшивые косы кочевника.

СУТЬ СЮЖЕТА.

1. Аятолла в процессе подготовки к «референдуму» выходит на Вадима, о «магических» свойствах которого знает через общих с Лахесисом знакомых. Он то ли испугом, то ли прямой покупкой ломает Вадима, «опускает» его. Вадим нацеливается уехать за бугор.

2. Одновременно Аятолла выходит на старого учителя (Лахесиса), чтобы тот сформировал судьбу его (Аятоллы) сынишки.

3. Лахесис, узнав о нравственной гибели Вадима, приходит в ярость и дает своим ученикам приказ найти и покарать обидчика.

4. Ученики выполняют приказ, но узнав, с кем придется иметь дело, накладывают в штаны (бессилие сильных).

5. В ярости Лахесис принимает решение покарать Аятоллу лично — изуродовав судьбу его сына.

6. Но тут выясняется, что Аятолла — сам ученик Лахесиса в прошлом, а сын обещает стать новым Лахесисом. И наш герой уходит к себе в комнату — составлять кроссворды.

Как КОНКРЕТНО показать бессилие?

— Неспособность изменить ближайшую историю? (Референдум.)

— Неспособность разрядить свое благородное негодование?

— Неспособность наказать зло и грех, не наказывая одновременно добро и святость?

И старые, еще машинописные страницы. Два повествования. И то и другое относятся к экспедиции БНа на Северный Кавказ. Оба они были использованы при написании дневника Вадима. Первый содержит выдуманный рассказ:

Ночью я проснулся от какого-то постороннего звука и некоторое время лежал, прислушиваясь. Звук не повторялся. Было очень тихо, только ветер, налетая, шелестел полами палатки, как будто кто-то ходил вокруг и шарил мягкими руками по стенам. Мне стало жутковато. В долине залаял шакал. На соседней раскладушке заворочался Костя, забормотал, заскрипел лопнувшими пружинами и снова затих, еле слышно посапывая.

Я поднялся, опираясь руками на алюминиевые трубки раскладушки и сел, не вылезая из мешка. Трубки были шершавые и холодные. Вообще было холодно, и меня начала бить дрожь.

Я в общем-то человек невеликой смелости. Конечно, если надо, я сумею сделать вид, что мне не страшно, а, скажем, вкусно, но когда остаешься один на один с собой, то приходится быть чест-

ным. Правда, сейчас я был не один. Мне стоило только протянуть руку и я разбудил бы Костю — человека сильного, злого и дерзкого, с которым нечего было бояться даже здесь, в этих забытых богом мокрых горах, похожих на огромные травянистые холмы, где ничего не было, кроме очень плохих дорог, свирепых маленьких пчел и неприветливых пастухов — местных жителей, которых Костя называл «неграми». Себя он считал Человеком на белом коне — это случается с красивыми мускулистыми парнями, в ту пору жизни, когда им везет.

Я не стал будить Костю. Стараясь не шуметь, я выбрался из мешка, натянул сапоги и снял с гвоздика на столбе Костину старую мелкокалиберную винтовку с обоймой на пять пуль. Конечно, неприятно быть трусоватым, но если тебе вчера не дают воды, а только смотрят прищуренными азиатскими глазами, сегодня — рассказывают, что под Гудаутой телегу с двумя русскими сбросили в пропасть, а завтра — что кто-то разрушил дорогу на Чоксан так, что ездить стало невозможно — тогда, знаете, хочется быть осторожным. Как-то знаете, хочется уповать больше не на интернациональную солидарность трудящихся, а на что-нибудь вещественное. Стыдно так говорить, но я же предупредил, что я человек невеликой храбрости. Берсеркьера из меня явно не получилось.

Снаружи была ясная лунная ночь. Мертво поблескивал снег на склонах Кинжала, но в долине лежали облака и заслоняли главный хребет. Вокруг было всё черно-бело-голубым и неверным. Я посмотрел на свою тень — она была голубоватая и тоже неверная — и пошел вокруг палатки. На траве серебрился иней. Канаты-растяжки тоже были покрыты инеем и коробились от холода. Вокруг луны белел большой размытый круг и небо было светлое со слабыми немигающими звездами.

Здесь на Харбазе нас было двое. У нас была палатка и газик-вездеход, который называют также «козлом», а иногда — «проходимцем», потому что он высокой проходимости, с двумя ведущими осями и раздаточной коробкой. Газик стоял, приткнувшись носом к северной стороне палатки — так он защищал нас от частого и холодного северного ветра. С запада была наблюдательная площадка и там, бросая голенастую тень, стыл под заледеневшим брезентом блинк-телескоп. А сразу за газиком стояла вторая палатка.

Я увидел ее и сразу остановился. Вчера ее не было. И позавчера ее не было. Ее никогда не было. Мы приехали сюда неделю назад и здесь ничего не было — только торчала из мокрой земли старая черная палка, примерно там, где теперь стояла палатка, взявшаяся невесть откуда. Я не мог себе представить, как можно было прийти сюда ночью и разбить палатку и сделать это так, чтоб мы ничего не слыхали.

Я подошел к палатке. Она была маленькая, низкая, провисшая. Белая двухместная палатка, какие любят туристы-дилетанты. В нее надо залезать на карачках и внутри можно только лежать. Я подошел вплотную и, отогнув полог, заглянул внутрь. Я имел право это сделать. В конце концов, наша группа была хозяином этой горы, а я был начальник группы, и было просто свинством — располагаться здесь, не спросив разрешения. А может, мы против? А может, мы ведем секретную работу? Свинство.

В палатке было темно.

— Эй, хозяин,— позвал я негромко. Никто не отозвался. Я стал на корточки и пошарил рукой. Я нащупал ногу и дернул. Нога мотнулась у меня под рукой и снова застыла.

— Хозяин! — позвал я. Человек в палатке молчал. И вдруг я почувствовал, что у меня стало холодно внутри. Человек не дышал. Я полез в карман ватника и зажег спичку. Ветер колебал желтый огонек, но я увидел человека целиком. Он лежал навзничь, вытянувшись, бессильно положив ладони рядом с телом и смотрел в низкий потолок прикрытыми глазами. Лицо у него было разбито, и кровь засохла черными пятнами, и черные пятна засохли на больших широких руках.

Я осторожно поднялся и попятился. В голове стало пусто и звонко. Я представил себе милицию, следователей, осторожные невинные вопросы, подозрения, конец работам, недовольство начальства... Особенно хорошо я представил себе следователя: «Так вы не видели, как он появился? Вот странно. И не слышали? И он не позвал вас? Не зашел поговорить? Странно. А когда вы легли? А почему вы не наблюдали в эту ночь? Ведь вы должны были наблюдать...» Не говорить же ему, что мы вместо наблюдений пили казенный спирт и орали песню под гитару, потому что у Кости был день рождения...

А может, он просто спит, подумал я. Я влез в палатку — заставил себя влезть — зажег спичку и наклонился над телом. Это был

мертвый человек. У него была восковая кожа и мутные глаза. Все лицо у него было разбито в кровь. Мне даже показалось, что я слышу нехороший мертвый запах, но это, конечно, был бред. Я потрогал руку. Она была ледяная и твердая. Меня стало мутить и я скорее выбрался из палатки. Вокруг была лунная тихая ночь, только где-то высоко и звонко пел мотор автомобиля.

Я вернулся в свою палатку и стал будить Костю. Я очень надеялся на него — он был парень бывалый и два раза уже сидел по мелочам.

— Костя, проснись...— я тряс его за плечо.— Костя!

— Ну чего?

— Вставай...

— Иди ты... Ложись спать, что тебя носит?..

— Костя, там человек мертвый...

Он перестал отбиваться, помолчал.

— Что?

— Там откуда-то палатка и в ней покойник.

Он поднялся, выпростал руки из мешка и чиркнул зажигалкой. В бегающем свете я увидел его опухшее лицо.

— Ты что — пьяный? — Он внимательно рассматривал меня, держа в одной руке зажигалку, а другой сжав мое плечо.

— Я тебе говорю, вставай. Надо что-нибудь придумать, что ли... Совершенно ничего не понятно... Стоит палатка сразу за машиной, и в ней мертвец — все лицо в крови, мертвый...

Костя потушил зажигалку и, толкнув меня ногами, выбрался из мешка. Было слышно, как он натягивает сапоги, сопя носом.

— Местный? — спросил он.

— Не знаю. Не разобрал. Главное — как он ухитрился тут палатку разбить, не спросясь, не разбудив...

Костя вдруг взял меня за плечо.

— Слушай,— сказал он с угрозой.— Если ты задумал шуточки...

— Брось, какие там шуточки, иди посмотри...

Он поднялся было и вдруг сел.

— А я откуда знаю,— сказал он неприятным голосом.— Может, ты его и шлепнул...

Я даже задохнулся. Вот так Костя!

— Ты же пьяный был как собака — хоть в штаны тебе мочись... Я тут дрых, а ты его хлопнул и теперь мне тут мозги вправляешь...

— Иди к черту,— сказал я.— Сволочь ты.

— Кто тут сволочь, я еще пока не знаю,— протянул Костя. Мы замолчали. Было слышно, как совсем рядом воет машина. Потом по палатке полоснул свет фар. Мотор заревел и заглох. Было слышно, как хлопнула дверца и кто-то негромко сказал: «Здесь вероятно. Вот его палатка...»

— С приветом,— пробормотал Костя. Я подкрался к двери и холодея выглянул наружу. Ничего не было видно, машина стала с другой стороны палатки. Я стиснул зубы и выбрался наружу. Я испытывал отчаяние и только старался сдержаться и сохранить ясность мысли.

За нашей палаткой действительно стоял вездеход с распахнутой дверцей. Двое каких-то в городских костюмах возились у белой палатки. Я стоял, смотрел на них и слушал.

— Берись осторожнее...

— Может, сначала снимем палатку?

— Нет, она с полом. Подержите полог, я его сейчас вытащу...

— Валя, Валя,— горестно сказал тот, что придерживал полог. Второй пыхтел согнувшись пополам — он вытаскивал тело. Это было похоже на бред — голубая луна, мертвые горы вокруг и эти двое, копошащиеся над покойником. И ведь всего три часа назад ничего этого не было.

— Вот и всё. Смотрите, все лицо разбито.

— Эх, Валя...

— Этот гад бил его ногами... Продавлена грудь... Идите, откройте заднюю полость.

Тот, что держал полог, подошел к своей машине и отстегнул брезент сзади. Потом они вдвоем подняли тело и с трудом уложили его в машину.

— Я пойду их перестреляю.

— Никуда вы не пойдете. Возьмите себя в руки. И так будет трудно.

— Но как все это оставить! Безнаказанно. Зверь, негодяй...

— Садитесь в машину, я сверну палатку...

Тогда я вышел из тени и пошел прямо к ним.

— В чем дело? — спросил я, стараясь говорить спокойно.

Они уставились на меня — оба рослые, плечистые, в хороших темных костюмах с галстуком. Один был обрит наголо, у другого на голове была соломенная шляпа.

— Это не тот,— сказал бритый.

— Его счастье...

— Поспокойнее,— посоветовал бритый и, повернувшись ко мне спиной, направился к палатке.

— Кто вы такие? — спросил я. Это вышло не сердито, как мне хотелось, а испуганно.

— Мы его друзья,— сказал человек в шляпе. Он некоторое время смотрел на меня, а потом принялся застегивать заднюю стенку автомобиля.

— А он кто такой?

Человек в шляпе сказал:

— Вам все равно ничем не помочь.— Он кончил застегивать и вытер руки платком.— Я хочу сказать: вы ничем не поможете. И никто не поможет. А вашего приятеля...

— Эй-эй! — предостерегающе крикнул бритый. Он ловко собирал палатку.— Перестаньте болтать, Володя...

— Но я не могу,— сказал человек в шляпе.— Если бы я даже сейчас пошел и вышиб ему мозги...

— Прекратите!

Человек в шляпе замолчал и, опустив голову, забрался в машину.

— Зверь,— сказал он отчетливо.— Дважды зверь. И зверем останется.

Бритый собрал палатку, свернул ее и бросил в машину.

— Вам лучше молчать об этом,— сказал он мне.— Вы ни в чем не виноваты и вам лучше молчать...

— Предъявите документы,— сказал я хрипло.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Это ни к чему. Мы больше никогда не встретимся.

— Не бойтесь, мы не шпионы,— сказал из машины второй.— Мы просто очень несчастные люди...

Бритый сел за руль и завел мотор. Я не мог его удержать. Да и не был он похож на бандита. Лицо у него было худое и печальное.

Машина рванулась с места, сделала круг около нашей палатки и покатилась под гору по наезженной дорожке в траве.

В голове у меня была каша, но я чувствовал облегчение. Мне казалось, что все кончилось. Я подошел к тому месту, где стояла белая палатка и постоял там немножко. Трава была немножко примята и из нее торчал тот самый кол, который мы увидели, когда впервые приехали сюда и решили тут остановиться.

Потом я вернулся в свою палатку и только тут сообразил, что все время был один. Костя так и не вышел. Он лежал забравшись в спальный мешок и старательно дышал.

— Уехали,— сказал я садясь на свою койку.— Свернули палатку, забрали покойника и уехали... Можешь не притворяться...

Костя открыл глаза и сказал:

— Холодно что-то. Дай-ка я разведу примус.

Он быстро развел примус и мы долго сидели молча, курили и смотрели, как скачут голубые язычки огня.

— Темное дело,— сказал наконец Костя.— Ты меня извини, если сердишься, а только кому охота ввязываться. Тебе-то все равно, ты начальник, а меня затаскают по судам. Знаю я это дело.

А я все старался понять, что произошло.

Второй описанный эпизод кавказской экспедиции БНа более документален:

Сего июля 1-го дня года 1960 от рождества Г. Н. И. Х. начну дневник, памятуя, что мысль изреченна есть ложь, но мысль, забвению преданная, яхонту подобна, в сельский клозет упавшему. Не возьму на себя смелость обещать, что записи эти полны будут и чтения достойны, но в меру сил своих слабых и невоеннообязанного зрения (без очков мир в виде туманной пелены зрю) тщусь и тщиться буду рецепторы свои втуне не оставлять, но осязать, обонять и прочее от Вселенной и мысли, каковые взблеснут, сюда заносить, к наблюдениям относящиеся.

И надеюсь решить здесь в добровольной ссылке, оплачиваемой из расчета сто плюс сто двадцать процентов, многие насущные вопросы, как-то: что есть человек? что есть смысл его жизни? что есть жизнь его? где же корень? и другие.

Я лежу на кровати в трусах, в носках и в берете. Одеяло на кровати гостиничное, шерстистое, грубоволосое. Оно ест меня за ноги и впивается в подмышку, когда я опираюсь локтем. Сзади в чистовымытое окно сильно греет солнце. Лежа писать неудобно. Кроме того лежать — колко и жарко, но стол занят. На нем лежат сегодняшние газеты, вчерашние полбатона и позавчерашние корки от позапозавчерашнего арбуза. Кроме того, на свободном пространстве разлит горячий нарзан, а в нем плавают описи экспедицион-

ного оборудования. В этой комнате еще есть одна кровать с гостиничным одеялом и печка, в которую мы выбрасываем иногда всякий мусор — окурки, бумажки, пробки и объедки. На спинках кроватей висят наши экспедиционные полотенца из водоотталкивающей ткани.

Комната наша — угловая в здании Базы, а всего комнат — три или четыре. Здесь сейчас никого нет, потому что наблюдатели все на обсерватории — в горах, завхоз уехал в город, в милицию — заявлять о краже трех стульев из клуба обсерватории, сторожиха на своем огороде, а сторож... Я не знаю, где сторож. Это, конечно, непристойно с моей стороны, но я этого не знаю. Недавно он был здесь и объяснял мне, почему он не курит (в одна тысяча девятьсот первом году он служил в кавалерии и был денщиком у его благородия — человека интеллигентного и с идеями. Его благородие всё убеждали денщика: не кури, брат, это вредно. А денщик — вот тупое животное — всё курил. Однажды благородие нажрались вин в офицерском собрании и придя домой обнаружили денщика с самокруткой на губе, спящего. Его благородие решили, что надо менять метод воспитания и въехали денщику в ухо, от чего тот и оглох. Но курить с тех пор бросил). Так вот я не знаю, где сторож. Не знаю я также, где наши экспедиционные шоферы — Юра и Володя. Думаю, что они ходят по городу насчет баб. Машины их стоят за окном, и над ними дрожит горячий воздух.

— Ну, в конце концов, это хамство! — Мой начальник стоит в дверях и смотрит на меня грозно выпуклыми глазами контрразведчика. Он возмущен тем, что я лежу, когда стол не убран, ящики не упакованы, ящики — другие — не распакованы, пропало куда-то двадцать метров вафельного полотнища (на портянки и полотенца), в чайнике еще при упаковке пробили гвоздем дыру и никак не найти двух комплектов штормовых костюмов.

— Витя,— говорю я,— не смотри на меня так.

Он берет меня за ногу и тащит. Я держусь за подоконник. Тогда он бьет меня молотком по правой ягодице.

— Это хамство,— говорит он.— Куда ты дел штормовки?

Я не знаю.

— Иди, ищи,— говорит он.

Пожалуйста, пойду искать. Не я первый, не я последний. Я снимаю носки и выхожу на веранду, где свалено оборудование. На ве-

ранде страшно жарко — она буквально затоплена солнцем. Хочется оттолкнуться от горячего пола и выплыть куда-нибудь на поверхность. Пол покрыт стружкой, вываленной из ящиков. Ящики молча щерятся ржавыми зубами кривых гвоздей, полураспавшимися досками и мириадами заноз. Я осторожно роюсь в одном из них. По-моему, я паковал сюда штормовки. Я обертывал в них кастрюли и примусы. Это было две недели назад в Ленинграде. За две недели можно забыть все что угодно. Кастрюли обернуты в вафельное полотно, а примусы, оказывается, совсем не обернуты.

— Витя,— зову я.— Вот вафель. Ты его искал. Эх ты.

Он появляется держа в обеих руках мокрую опись имущества. Нечего рассматривать меня с недоброй пристальностью. Нарзан разлил Мишка, а опись в нарзан положил ты сам.

— Давай проверяй,— говорит он.— Кастрюль больших три.

Раз, два, три. Верно. Одна помята.

— Отложи одну,— говорит он.— Возьмем с собой. Клади вот в тот ящик. Это будет наш ящик.

Я кладу.

— Чайников два,— говорит он.

Точно, два. Один дырявый.

— Бери целый,— говорит он.— Мишке чайник ни к чему: на Бермамыте метеостанция. Кастрюль малых три. Бери две — пригодятся. Примусов бесшумных три. Бери два. Нет, бери один. У Юры есть примус. Сковород три. Котелков шесть. Бидонов — десять литров — три. Бери все. Бидонов — пять литров — два. (Я работаю, как вол, а он пристроился на ящике, положив под зад двадцать метров вафельного полотна.) Канистры — четыре. Берем все. Телескоп — один... Странно, как это сюда попал телескоп. Кто составлял опись?

— Ты.

— Да? Ну ладно. А почему один? Должно быть два.

Я проверяю наличие — два. Лежат рядышком, старательно упакованные. Телескопы ТЭМ-140, менисковые, системы Максутова. Кормильцы наши, отцы родные. Один нам — на Харбаз, другой — Мишке на Бермамыт.

— Анемометров — три,— бубнит начальство.— Барографов — три. Термометров — максимальных два, обыкновенных — один...

Приходит Мишка — он, видите ли, обедал. Нашел время. Витя передает мне опись и велит заканчивать упаковку, а сам принимает-

ся инструктировать Мишку и помогать ему укладываться. Мишка уезжает сегодня вечером на Бермамыт. Ему дается машина — грузовик, с шофером Володей. Мы отбываем завтра на «козле» с шофером Юрой. Мишка будет сидеть на Бермамыте — плоской двухкилометровой горе, рядом с метеостанцией, стоящей там с незапамятных времен. Мы будем сидеть на Харбазе — двухкилометровой горе, поросшей альпийской растительностью (густая коротенькая травка пополам с жиденькими синими цветочками). Мишкино место обжитое, наше — нет. Поэтому нам идет что получше, а ему что похуже. Он не возражает и на всё готов.

Мишка двадцатилетний сопляк. Он вбил себе в голову, что не переживет свое тридцатилетие и действует исходя из этого. Парень он добрый и ласковый, но когда я гляжу на него, то все время радуюсь, что не я начальник экспедиции, а Витя. И Вите за него отвечать. Мишка по происхождению местный и мы его за это уважаем. Кроме того — он лихой, а это важно. Места здесь гнилые, без лихости нельзя.

Витя с Мишкой принимаются заколачивать ящики. От гвоздя отлетает шляпка и попадает в шею. Из Вити вытекает струя крови, почему-то бурой, даже какой-то синеватой, как чернила. Заливаем его йодом. Йода у нас бутылка. То есть была бутылка — теперь полбутылки: остальное испарилось сквозь парафин. Йод весьма летуч. Вот первая ценная информация в этих записях: йод летуч. И весьма, притом. Запишите это в свои книжечки.

Местные жители, по слухам, не любят русских. Как-то не вышло у них с интернациональной солидарностью. Когда сюда пришли немцы, старейшины отправились к ним и предложили вырезать Кисловодск. Немцы почему-то отказались. Потом — когда немцев вышибли вон — весь край был отправлен в Сибирь. Большинство там прижилось и осталось, но многие вернулись. Месяц назад сбросили в пропасть телегу с двумя русскими. Недавно пьяный абориген принялся на огородах около обсерватории лапать девушку — еле уговорили отпустить. Кто-то разрушает плотинки, чтобы вода размыла дорогу. Ходят из уст в уста легенды о некоем Гришке, который (еще в царские времена) ужасно мстил аборигенам за вырезанных родственников, но его в конце концов загнали в ловушку и пристрелили. Это место так и называется — Гришкина балка. Я ее видел — балка, как балка.

А вчера — здравствуйте! — объявляется Маринка. У нее отпуск и она хочет путешествовать по горам. Одна. Девица среди аборигенов — одна. Опупеть можно. Мы ее отговаривали, отговаривали, а потом обозлились, посадили на машину и отправили на Гору — пусть делает что хочет. Слава богу — совершеннолетняя, скоро тридцать стукнет. Вздорное существо.

Однако надо паковаться.

Мы упаковались полностью к семи вечера. На нашу долю пришлось чётыре ящика: ящик с телескопом, ящик с головкой телескопа, с треногой и прочим, ящик с барахлом вроде кастрюль и чайников и ящик с едой. Пока он правда без еды, но завтра с утра мы поедем на базар и всё там купим. Всё это мы погрузили в машину, на ящики навалили тюки со спальными мешками и с палатками, а всё сверху прикрыли толстой кошмой. Я попробовал как это будет — сидеть на этой горе. Ничего, только голова упирается в брезентовую крышу и скользко — всё время съезжаешь на пол.

— Ничего,— сказал фельдмаршал.— Перебьешься.

— Ты только не воображай, что всё время будешь ехать на переднем сиденье,— сказал я.— Я веду дневник и должен накапливать впечатления. А сзади ничего не видно, кроме твоего затылка.

Он промолчал и пошел на вечерний сеанс связи с Горой. Телефона тут нет, связь по радио. Три сеанса в день. И на каждый сеанс он ходит, чтобы быть в курсе всех местных дел. Есть у него такая привычка — быть в курсе. Он даже зачитывается местными газетами, состоящими, по-моему, из одних опечаток.

А я отправился смотреть как Мишка с Володей грузятся на свою машину. Володя — здоровенный краснолицый мужчина, шофер первого класса. Говорит он мало и косноязычно и в основном — по-матерному. Но сейчас он под мухой и все время погогатывает. Он рассказывает, как прицепился к одной тут, местной, а она, сука, говорит, что только за деньги, ну я и послал ее на .... К Мишке он относится без всякого уважения, хотя Мишка ему начальник. Впрочем он ни к кому не относится с уважением. По-моему, ему очень трудно говорить нашему фельдмаршалу «вы» и звать его по имени-отчеству. И еще труднее удерживаться при этом от некоторых слов, к которым он привык. Поэтому он, скажем, говорит: «Ну так, Виктор Борисович, где я достану здесь рессору?..» и после этого еще немножко шевелит губами — беззвучно, но понятно.

Погрузили мы Мишку, пришел Витя, отозвал Мишку в сторону и долго с ним беседовал — Мишка кивал и приговаривал: «Ну ясно, ну понятно». Володя возился в кузове, приматывая к бортам ящики, потом вылез и сказал угрюмо:

— Поедем или нет? Ночью, что ли, ехать? — и беззвучно пошевелил губами.

Мишка оторвался от Вити и полез в кабину, крича: «Ну, все ясно!» У него был очень деловой и сосредоточенный вид, словно он немедленно хочет приступить к исполнению каких-нибудь обязанностей. В таком состоянии он обычно начинает говорить отрывисто и мужественно. Это просто замечательно, что не я начальник, а Витя.

Витя отозвал в сторону Володю и принялся ему что-то втолковывать. Володя бурчал неразборчивое. Потом Витя потряс ему руку, и он забрался за руль и включил двигатель. Двигатель зарычал. Я помахал рукой. Грузовик тяжело тронулся и, встряхиваясь на гравии, пополз вокруг дома — на выход к воротам. Сзади было видно, как фургон перекашивает при каждом толчке, то вправо, то влево. Было уже темно, и Володя включил свет. Мы с Витей стояли рядом и смотрели, как пляшет рубиновый огонек и в свете фар клубится желтая пыль. Грузовик выполз на улицу и около самых ворот остановился. Хлопнула дверца.

— Вот резинщики,— сказал Витя.

Снова хлопнула дверца, и грузовик покатил вниз по улице, а потом свернул налево.

Я посмотрел на небо. Там были низкие черные тучи с просветами. В просветах мигали крупные южные звезды. На нос упала капля.

— Я тебя поздравляю,— сказал я.— Дождик.

— Ничего. Пройдут. На Бермамыт дорога проходимая в любое время.— Он помолчал и добавил: — Мишка, мерзавец, пьяный.

— Володя тоже.

— Вот сволочи,— сказал фельдмаршал.

2 июля. Сегодня в шесть утра мы встали, умылись, оделись, и я пошел будить шофера Юру, который вернулся вчера очень поздно. Он зашел к нам посмотреть, как мы читаем газеты, лежа на кроватях, и грызем семечки. От него пахло вином, но Витя только носом

повел и ничего не счел нужным отмечать. Юра был очень веселый. Блестел глазами, блестел зубами и демонстрировал свой ослепительно синий свитер заграничного производства. Он было наладился рассказывать, как провел день, но фельдмаршал отослал его спать, сказав, что будет будить без пощады в шесть.

Впрочем будить он не стал — послал меня, а сам отправился что-то организовывать — что-то насчет кроватей, комнаты, ящиков, веранды — бог знает, о чем он только не заботится, наш фельдмаршал.

Юру я разбудил, и он сразу же принялся тянуть резину. Сколько я шоферов знаю — все они резинщики. Вот Юра вылез из-под простыни, потянулся, высморкался, почесался, полез под кровать, принялся возиться зачем-то в своем чемодане, вынимал какие-то рубашки, укладывал какие-то рубашки, обтирал рукавом штиблеты, расправлял свитер, рассматривал свитер, потом побежал в ванную умылся, потом начал рассказывать, какая вчера у него была девочка — стройненькая да молоденькая, потом оделся, потом куда-то сбегал, потом фельдмаршал ему намекнул, что уже полседьмого, и он засуетился: начал убирать кровать, устанавливать чемодан, искать сигареты — и скоро выяснилось, что бензина нет и надо заправляться. Витя только глазами покрутил.

Мы разместились в машине. Машина ГАЗ-69 — это маленький грузовичок. Впереди два сиденья, а сзади все забито грузом. На этом грузе я сидел и все время съезжал на пол. Фельдмаршал сидел впереди держась за борт и смотрел прямо, а Юра, крутя баранку, тарахтел про то и про се. Мы спустились в город и подъехали к ближайшему кафе «Лето».

— Поесть бы надо,— сказал Юра.— Еще неизвестно, что впереди будет. А главное — надо поесть.

Фельдмаршал не отрицал. Мы вылезли из машины и ввалились в кафе, где за маленькими столиками сидели изящные люди, одетые в легкие платья и разноцветные рубашечки и кушали кефир. Мы ввалились, громыхая сапожищами — Юра в провонявшей потом старинной гимнастерке, из ворота которой глядела застиранная тельняшка, в серой с пятнами кепочке, и Витя в пиджачке цвета погасшего костра с раздутыми от документов карманами, и я — в лыжной рубахе (под рубахой — свитер и тельняшка), в лыжных штанах и выцветшем берете, с которым еще в пятьдесят восьмом

ездил в экспедицию в Среднюю Азию. Кроме того, на каждом из нас были тяжелые сапоги, смазанные смесью автола и горелой резины.

Тут же выяснилось, что Юрина девочка тут в кафе разливает чай и кофе, очень симпатичная молоденькая особа, слегка рыжая. Юра занял место перед окном выдачи кофе и там застыл. Мы с Витей сели за столик, съели чахохбили из кур и выпили по две бутылки кефира с булочками. Я полез под рубаху и вытащил пачку сигарет. Курить было нельзя, и мы вышли на свежий воздух. Утро было отличное, синее, свежее. На улицах было полно хорошо одетых людей, загорелых и беззаботных — город был курортный, с водами и грязями. Наш козлик стоял у обочины и имел очень специальный, почти секретный вид. На таких машинах разъезжают усталые, пропыленные люди с колючими подбородками. На передке под ветровым стеклом белеет какая-нибудь надпись: «специальная», или «геологоразведка», или «связь»...

— Ночью был дождь,— сказал я Вите.

— Да-а... Надо все-таки пробиться.

— Надо бы,— сказал я без энтузиазма. Мне вдруг захотелось остаться в городе еще на денек. Побродить по парку, сходить в кино, посидеть в ресторане и вообще.

Мы забрались в машину и курили, поглядывая, не идет ли Юра. Он наконец появился с промасленным пакетом в руке, веселый и бодрый. Он уселся за руль, поерзал, завел машину, и мы поехали. Мы вернулись к Базе, миновали ее и выкатились на грязную дорогу, ведущую к горе.

Сразу стало ясно, что машина перегружена. На колдобинах она плавно приседала, и что-то стукало внизу под днищем. Мотор завывал. Юра крутил баранку, объезжая какие-то мрачного вида ямы, наполненные водой и грязью. Справа и слева тянулись поля кукурузы, а вдали виднелись какие-то синие холмы. Впрочем, я видел все это, только если съезжал на дно кузова. Если я сидел нормально, то видел только грязную дорогу. Вообще, было весело, и мы все время бодро материли Юру, когда он вваливался в очередную яму.

— Ну и дорога,— говорил он.— Триста лет здесь живут обалдуи, дорогу нормальную не могут сделать. Ни фига нам не проехать, Виктор Борисович.

* * *

Когда мы свернули с дороги на главную улицу Каменномоста, машину сразу стало трясти на крупном булыжнике, а я высунулся в боковое окно и старался рассмотреть грузовик Володи около чайной.

— Да там он! — сказал Юра.— Я Володьку знаю — если ему сказано — к трем, значит он и будет к трем.

Справа и слева вдоль улицы тянулись невысокие и негустые деревца, какие-то чахлые и пыльные на вид. Улица была серенькая, и небо было серенькое, и вдоль улицы брели люди — тоже серенькие и не очень чистые.

— Вон он,— сказал Юра, и тут я тоже увидел Володин фургон около чайной. Мы подъехали, Юра лихо затормозил и сразу принялся гудеть. В грузовике никого не было, только из крытого кузова затявкал Мишкин Джамах.

— В чайной сидят,— сказал Юра и заглушил мотор.— Полезли, что ли, начальник.

Я представил себе Володю и Мишку в чайной и сказал:

— Вот что, Юра. Ты иди и позови их сюда. Скажи, что надо ехать.

— Да пойдем вместе. Поесть надо.

— Нет, сразу поедем. Нечего здесь есть. Поедим в лагере,— я начал злиться в предчувствии неприятностей. Я уже жалел, что назначил рандеву около чайной.

Юра с раздражающей неторопливостью поставил машину на ручной тормоз, вытащил ключ из замка зажигания, открыл дверцу и принялся копаться под сиденьем. Я хмуро молчал и смотрел на улицу. Перед чайной никого не было, зато напротив через дорогу стояли и сидели люди, одетые пестро и грязно. Несколько женщин-балкарок торговали маленькими зелеными яблоками. Яблоки лежали перед ними горкой на мешковине, а мешковина была разостлана прямо на земле. Люди молчали и смотрели на нашу машину. Все они ждали попутку до Харбаза.

— Вот они, тепленькие,— сообщил Юра и хохотнул. Дверь чайной распахнулась и появился багровый Володя. Он с трудом пролез в дверь, держа перед собой под мышки Мишку. Мишка, едва перебирая ногами, волокся по земле. Воротник у него был расстегнут, глаза полузакрыты, с отвалившейся челюсти тянулась липкая слюна. Готов, паршивец, подумал я с ненавистью. Сопляк вонючий,

начальничек. Из рук Мишки вывалился большой охотничий по сии поры не зарегистрированный кинжал и с лязгом покатился по ступенькам.

— Растудыт-твою! — прохрипел Володя, взвалил Мишку на плечо и понес его к машине. Я вылез и, стиснув зубы, пошел ему навстречу.

— А, Борька! — сказал Володя. Вид его на мгновение стал виноватым.— Вот Михаил трам-тара-рам...

Я, не глядя на него, прошел к крыльцу и подобрал кинжал. Володя впихивал бесчувственного Мишку в кабину. Люди с противоположной стороны улицы тихо смотрели на эту сцену. Со стороны это, наверное, выглядело забавно, но они не смеялись. Может быть, привыкли. Я встал перед Володей и сказал нарочито негромко:

— Хватит, поехали.

— Ну, что ты, Борис,— горячо заговорил Володя.— Там выпивка осталась, закуска. Пошли, не пропадать же деньгам.

— Хватит, поехали,— сказал я. Рядом с Володей появился откуда-то паренек в возрасте Мишки с серьезным лицом. Он стоял и слушал. Чем-то он показался мне симпатичным, но я тут же забыл о нем.

— Боря, в самом деле, пойдем немножко поедим,— быстро заговорил Юра.— Ну Мишка перехватил, ну пусть лежит.

— Ладно,— сказал я.— Идите доедайте. Но смотри, Юрка, я на тебя рассчитываю...

— Ну, спрашиваешь! Ясное дело, ты же меня знаешь...

— Эх, Борька! — завопил Володя.— Хороший ты человек. Ну пошли выпьем, не обижай!

— Иди, иди,— сказал я сдерживаясь. Я лопался от злости, но ничего не мог поделать. Не умел. Они были сильнее меня, и им было наплевать на всё.

Я снова уселся в машину. Мне было стыдно этих простых грязноватых людей на улице. Наши машины были с московским номером[1], я был в очках и, несмотря на небритую морду, ватник и

[1] Опознать московский номер было очень просто: к концу 50-х все московские машины, даже грузовики, имели только один номерной знак, сзади, причем белым по черному. А по всей стране знаки (спереди и сзади) были черным по желтому. (Номерные знаки единого образца — стандарт 1959 г.— внедрялись несколько лет.) — *В. Д.*

сапоги, несомненно выглядел интеллигентом. Цивилизация. Сволочи. Серьезный парень возился с Мишкой в кабине рядом. Я искоса поглядел на него. Он укладывал Мишку поудобнее. Я понял, чем он мне понравился — он был трезвый.

— Я Мишкин приятель,— сказал он.— Я поеду с вами, помогу вам разобрать лагерь и вообще хочется посмотреть как и что.

— Ладно,— сказал я угрюмо. Я посмотрел на часы, было половина третьего.

К отрывкам из дневника прилагается страница, пожелтевшая от времени, заполненная карандашными записями:

Всю последнюю неделю шел дождь. Он начинался утром и моросил весь день. Все было мокрое и холодное. Под сапогами хлюпала мокрая земля. Мы сидели в палатках над примусами.

По-моему, многие считают, что в экспедиции самое страшное — это разнообразные опасности. Например, в горах — пропасти, грозы, дикие звери.

Юра, весело напевая, тронул машину, и я оглянулся на лагерь. Бедный Тишуй все стоял у палатки — нелепый и длинный, непонятно на кого похожий в грязных штанах и в ватном жилете. На голове у него была ушанка с оттопыренным ухом, а сапоги были сырые от мокрой травы. Он увидел, что я смотрю на него и жалостно заулыбался и помахал рукой. Я тоже помахал ему и отвернулся. Машина с ревом катилась под гору, по черной колее, которую мы наездили здесь среди травы за месяц. Колея была очень черная и грязная. Вокруг тихо стояли розовые и черно-синие горы, солнце было еще низко, и все вокруг было сырое после ночного дождя и всех дождей, которые так надоели за последние дни.

— Сыро все-таки,— сказал я.

— Ничего,— бодро сказал Юра. Он сказал, правда, не «ничего», а гораздо крепче, но я его отлично понял. У него был очень богатый лексикон, но этот лексикон не годится для любого уха. Я-то к этому привык быстро, но я знаю людей, которые никогда не смогли бы привыкнуть.

— Нам такие дороги раз плюнуть,— заявил Юра.

ЧЕРНОВИК И ЧИСТОВИК

Черновик представляет собой компьютерную распечатку, страницы не пронумерованы, названия и эпиграфов в нем нет, в конце текста стоит дата: 20.04.2002.

Чистовик (также компьютерная распечатка) — уже с названием и эпиграфами, 161 пронумерованная страница, в конце дата: 16.05.2002. Это не вполне чистовик (как известно, в издании приведена другая дата: 3.10.2002), хотя отличается он от опубликованного варианта минимально, в основном финалом, где присутствуют еще отрывки из черновика, позже пересененные в текст ранее или убранные вообще.

Крупные изменения в черновом тексте (отсутствие или наличие каких-либо отрывков, перенесение частей текста в другие места) приведены ниже.

Во время работы над черновиком уточняется прозвище одного из испытуемых на продление жизни: Сынуля в черновике назывался Профессором и барином. И вместо «Не знаю уж, чей он там был сынуля» в черновике сообщается: «Похоже, он и был профессор». И заголовок «лирического отступления № 3» — не «Главврач, папаша Сынули», а «Главврач, отец Профессора». В повествовании позже появляется еще один Профессор — Интеллигент, вероятно, поэтому первый Профессор был заменен Сынулей, ибо в таком сложном мозаичном повествовании с использованием то имен, то прозвищ дотошный читатель вполне мог себе вообразить, что Интеллигент и является тем самым испытуемым.

Появляется еще одна подсказка читателю: в черновике страхагент не картавил. Соответственно, и Большой Начальник крича на Главного, обзывает его не «говном еврейским», а «говном фашистским».

Позже появляется еще одна подсказка — и в легендах о смертоубийствах, и после воздействия Ядозуба пахло горелой бумагой.

Меняют названия девятая глава: «Роберт, Вадим и Эль-депрез» на «Закрытый перелом», одиннадцатая: «Начинай прямо сейчас» на «Совершенно нет времени».

Отсутствует в черновике рассказ о посещениях сэнсея Академиком и их разговоры о марках. Академик вообще не упоминается в черновике, а диалог о марках:

Тенгиз утверждает, что они оба — знатоки. Возможно. Во всяком случае, я в их разговорах не понимаю абсолютно ничего.

— Это безводные?

— Нет, с водой.

— Горизонталки?

— Три горизонталки, а не вырезке — вертикалка.

— Угу. Хорошая калоша... Тройка. Это Кронштадт, кажется? Жалко, что смазана.

— Уж какая есть. Не я ставил.

— А крупнозубых у него нет?

— Есть единичка, чистая, в квартблоке.

— А пятерки нет?

— Гашеная. Штрайф из трех...

И так далее.

в черновике происходит между сэнсеем и его сыном. В чистовике вместо этого разговора идет рассказ о часах: «Но главным образом, он (я имею в виду — сын) давно и безуспешно охотится за Тенгизовыми старинными часами. С ума сходит по этим часам, с каждым приездом предлагает за них все больше и на ломаном своем русском (каша во рту) умоляет папочку (Daddy) помочь Тенгиза уговорить. Daddy вежливо уклоняется, Тенгиз — тоже, и через полгода все повторяется сначала. Кроме этих часов, по-моему, ничто с сыном его не связывает. Чужие, вежливо безразличные друг к другу люди».

Лирическое отступление № 4 «Чия-то дочь» в окончательном варианте расположено после пятой главы. При правке его планировалось поместить после четвертой главы, а вот в черновике его вообще нет, а рассказ о «Злобной Девчонке» идет в самом конце повествования.

Отсутствует в черновике мнение (диагноз) сэнсея о своих учениках, этот отрывок появляется только в чистовике:

Он ткнул окурком в блюдечко — с ненавистью, словно это был глаз заклятого врага.

— Вы ленивы и нелюбопытны. Бог подал вам со всей своей щедростью, как никому другому, а вы — остановились. Вы стоите. В позе. Или — лежите. Вы сделались отвратительно самодостаточ-

ны, вы не желаете летать, вас вполне устраивает прыгать выше толпы, вы ДОВОЛЬНЫ — даже самые недовольные из вас...

Тенгиз рассказывает Ольге о Ядозубе. В черновике было просто: «он всех нас ненавидит». Но чтобы разграничить неприятие людей Тенгиза и Ядозуба, Автор вставляет в диалог:

— Ну и что? Ты тоже всех ненавидишь.
— Неправда. Меня просто тошнит иногда. А вот он — да — ненавидит.

И чуть позже опять же правится состояние Тенгиза: «заряженный мучительной ненавистью, как несытый дьявол» на «заряженный мучительным отвращением к себе и ко всему этому миру».

Отсутствует в черновике «Лирическое отступление № 5. Отец Ядозуба, или Большие дети — большие неприятности».

«Лирическое отступление № 6. Жизнь продолжается». Этот текст складывается из нескольких частей, разнесенных в черновике в разные места. Переносится из главы «Ночь патриарха» рассказ Винчестера о супруге сэнсея:

Я ничего толком не знаю об ее болезнях. Знаю, что был у нее рак. Вырезали. Знаю, что она ждала возвращения этого рака потом и, наверное, ждет его и сейчас. Я помню ее молодой и прекрасной. Я был влюблен в нее по уши, как и все мы, вся наша бригада. На наших глазах она превращалась в сухую крючконосую ведьму с длинной белесой щетиной на подбородке.

Однажды — она как раз вернулась домой после второй операции — я подслушал случайно, как она сказала ему с ужасом: «Вот это вот — я, посмотри». Это было на кухне. Потрошеная курица лежала на кухонном столе — белая, голая, с пупырчатыми ляжками и бесстыдным черным отверстием между ними... «Потрошеная курица,— сказала она с ужасом и повторила: — Кура потрошеная...» Именно с той поры она и начала пить.

Бесконечные карточные пасьянсы за кухонным столом. Наливки. А потом и обыкновенная водочка — по бутылке в день, а потом и по две... На голове — скоба наушников, на клеенке — россыпь карт, полупустая бутылка и стакан — обыкновеннейший вечерний

натюрморт. Я думал, она слушает музыку, но однажды, когда она заснула, уткнувшись лицом в клеенку, я осторожно снял наушники и послушал — чистый детский голосок выводил там: «Аве Мария грацья плейна Доминус тейкум бенедикта ту ин мульеребус ет бенедиктус фруктус вентрис туи Йезус...» И детский печальный хор подхватывал: «Санкта Мария матер деи ора про нобис пекаторибус...» А потом тишина, космическое молчание и снова — «Аве Мария грацья плейна...» Я позвал его, и он с трудом дотащил ее, волоком, до постели — она была уже худая, но большая и все еще тяжелая тогда. Это теперь она съежилась, как мертвый воздушный шарик.

Перенесен и дополнен монолог сэнсея (здесь он — часть рукописи сэнсея), который он произносит в больнице жене (Роберт слышит его урывками):

— ...Ничего не изменится, пока мы не научимся что-то делать с этой волосатой, мрачной... наглой, ленивой обезьяной, которая сидит внутри каждого из нас. Пока не научимся как-то воспитывать ее. Или усмирять. Или хотя бы дрессировать... Или обманывать... Ведь только ее передаем мы своим детям и внукам вместе с генами. Только ее — и ничего кроме...

<...>

— И вот ведь что поразительно: все довольны! Или — почти все. Недовольные — стонут, плачут, молятся, бьются в припадках человеколюбия, и ничего не способны изменить. Святые. Отдающие себя в жертву. Бессильные фанатики. Они не понимают, что воспитанные никому не нужны. Пока — не нужны...

<...>

— ...Это как неграмотность, понимаешь?.. Тысячелетиями неграмотные люди были нормой. Понадобилось что-то очень существенное изменить в социуме, чтобы грамотность сделалась нужной. И тогда, как по мановению жезла Моисеева, за какие-нибудь сто лет все стали грамотными. Может быть, воспитанность тоже пока социуму не нужна? Ну, не нужны нам терпимые, честные, трудолюбивые — нет в них никакой необходимости,— и так все у нас ладненько и путем.

<...>

— ...И что-то загадочное и даже сакральное, может быть, должно произойти с этим миром, чтобы Человек Воспитанный стал этому миру нужен. Человечеству. Самому себе стал нужен. И пока эта тайна не реализуется, все будет идти как встарь — поганая цепь времен. Цепь пороков и нравственной убогости. Ненавистный труд в поте лица своего и поганенькая жизнь в обход ненавистных законов... Пока не потребуется почему-то этот порядок переменить...

И дописывается в чистовике в это же лирическое отступление разговор Роберта с сэнсеем о Вадиме:

Сэнсей вдруг спросил (не оборачиваясь, все так же — лицом в стену):

— Вы тоже меня осуждаете, Робин?

— А як же ж, конечно,— сказал Роберт.— А за что, собственно? — Но он уже насторожился — голос сэнсея ему не понравился решительно.

— За то, что я учинил с Вадимом.

— Вот как? Вы что-то учинили с Вадимом? — Роберт все еще пытался держать юмористический тон, хотя сомнений уже не оставалось, что речь пошла о серьезных вещах. И вдруг — понял.

— А вы не заметили?

— Заметил,— медленно сказал Роберт.— Только что.

— Вы считаете, это было слишком жестоко?

— Какая разница, что я считаю,— пробормотал Роберт. А может быть, и не пробормотал вовсе, а только подумал.

(«...Вы ленивы и нелюбопытны. Бог подал вам со всей своей щедростью, как никому другому, а вы — остановились...»)

Лицо Вадима вдруг вспомнилось, не лицо, а физиономия — мокрая, зябкая, с просинью, физиономия непристойно, до омерзения перепуганного человека. (Стоило оно того? Наверное...) И запах псины от него... И голос его — искательный голосишко битого холуя...

(«...Вы сделались самодостаточны, вы не желаете летать, вас вполне устраивает прыгать выше толпы, вы ДОВОЛЬНЫ — даже самые недовольные из вас...»)

...И потому надлежит нас иногда пришпоривать? Шенкеля давать? Дабы не застоялись? Наверное. Если человека не бросить

однажды в воду, он никогда не научится плавать, хотя умение плавать заложено в нем самим Богом. И если не гнать нас, пинками, к зубодеру,— так и будем ведь ходить с дырками в зубах...

...Какая, впрочем, теперь разница. Он сделал это, он добился своего, а теперь мучается. Вадим, небось, ходит гоголем: он победитель, и все зубодеры позади. А этот странный старик мучается, потому что не уверен и никак не убедит себя, что достигнутая цель оправдывает средства.

— С нами иначе нельзя,— сказал Роберт с максимально глубоким убеждением в голосе.— Победа все списывает... (Сэнсей слушал. Внимательно. Насторожив затылок с черно-багровым пятном «чертового подзатыльника».) «Достигнутая цель оправдывает средства»,— сказал Роберт этому пятну. Врать было неприятно. Но в конце концов, он, может быть, и не врал совсем?

Вышеприведенного в черновике не было, но был нагружен (намеками и пояснениями), даже, вероятно, перегружен по мнению Автора финал романа. Сразу после того, как Великий Целитель поднял на ноги супругу сэнсея, в черновике шел большой отрывок, позже Автором изъятый (частично он перенесен в другие места повествования):

Грянул хоровой нечленораздельный возглас, что-то вроде: «о-а-о!!!» Белые халаты кинулись толпой — подняли тело (ловко, привычно, бережно), занесли обратно в палату (в черную дверь, где отсвечивало что-то красным и желтым), и уже раздавались властные команды, ударили тревожные звонки, и побежали в своих величественных клобуках резвые монахини по коридору, и катили какие-то стеклянные позвякивающие тележки, и несли штативы капельниц (сразу и справа, и слева), а сэнсей стоял неподвижно (только правую руку положил на грудь, словно собираясь приносить присягу), и Роберт обхватил его за талию, боясь, что и он также повалится (видно было, как трясутся у сэнсея длинные его ноги в узких полосатых брюках). И тут страхагент-владелец сделал два широких шага и оказался перед инвалидной коляской.

— Идиот,-- сказал он в широкое лицо, на котором все еще остывала торжествующая улыбка.— Мозги в голову ударили? — сказал владелец, и голос его был страшен.— Кретин безграмотный!

Уйди с глаз моих! — Тут он повернулся к сэнсею и проговорил, понизив голос почти до шепота: — Совсем свихнулся? Во все тяжкие, так? Я тебе что обещал?

— Почему я должен вам верить? — спросил сэнсей и тоже — шепотом. Яростным шепотом. Он словно внезапно взбесился. Тело его напряглось, и он сбросил с себя руку Роберта.— Почему это я вам должен верить?

— Почему?! — тоже взвился владелец, и лицо его сделалось совсем черным.— Да потому!

— Она умирает. Я вас тысячу раз просил: сделайте что-нибудь...

— Ничего сделать нельзя. Она уже умерла. Смирись. Все, что можно сделать,— вернуть ей разум.

— Так верните.

— На несколько дней.

— Все равно. Хоть на час. Я попрощаться хочу.

— Мы уже говорили об этом. Да ты, на самом деле, и не хочешь этого. Признайся.

— Вы просто кусок ржавого железа,— сказал сэнсей с горечью.— Я вас ненавижу.

— Принимаю. Это твое право. Ударь меня, если хочешь.

— Это было бы противоестественно.

— Ничего, не страшно. И вообще: все, что происходит,— уже естественно. Если только произошло,— объяснил владелец нарочито благодушно.

Сэнсей, с явным трудом передвигая ноги, подошел к нему вплотную. Вытянул шею. Оскалился, как хищное животное.

— Вы зря меня испытываете,— сказал он.— Я все равно не буду работать с вашей протеже.

— И почему же?

— Тысячу раз объяснял вам: я не работаю с женским полом.

— Обратите внимание: я бы мог сказать вам то же самое, между прочим. Слово в слово.

— Вы и говорите.

— Нет. Пока нет. Пока я только предлагаю обмен. А вот вы — занимаетесь глупостями: знахарей приглашаете. Шаманов. Стыдно.

Сэнсей вдруг прошипел сквозь стиснутые зубы — то ли от неприязни, то ли от злости, а может быть — от стыда.

— Я ее боюсь!

— Но это замечательно! — воскликнул владелец.— Я — тоже. Значит, она и есть то, что нужно. Миром правит страх.

— Я не хочу править миром.

— Ты и не будешь править миром. Править будет она.

— И вы.

— Я буду только немножко подправлять.

— Нет! Нет и нет. Не хочу.

— Ну что ж. На нет — и суда нет. Ваш ответ «нет», наш ответ «нет».

— Вы просто кусок ржавого железа. Я вас ненавижу.

— Спасибо. Это, конечно, честь для меня. Но меня ненавидели люди и покруче.

Сэнсей несколько секунд молчал, потом сказал Роберту:

— Идите в машину.

— Но...

— Идите. Я сейчас спущусь... Идите же, я прошу вас!

И Роберт пошел. Очень не хотелось уходить. Очень хотелось все-таки понять, что происходит, что этот чернолицый хочет от сэнсея. И кого боится сэнсей. Сэнсей никогда и никого не боялся. До этих пор. И вдруг он понял. «Злобная девчонка». Вот о ком они говорили. Опять. В третий раз уже.

...Неприятная девочка — выломанная, тощая, неприветливая, с темным взглядом исподлобья. Она пришла с родителями (папа — несомненный госчиновник, маманя — бой-баба высочайшего класса). Роберт получил задание напоить ее какао, пока сэнсей ведет в кабинете деликатные разговоры. (Запись включить, беседу не слушать, развлечь ребенка.) Ребенок копал грязноватым пальцем в вазе с печеньем. Выбирал, откусывал и бросал обратно. Бумажки от конфет — на пол. Роберт, разозлившись, приказал подобрать — подобрала, положила на край блюдца и уставилась темным взглядом, словно запоминая гада навсегда. Потом (выхлебав две кружки какао) выбралась из-за стола (молча) и уперлась лбом в оконное стекло — стояла неподвижно минут двадцать, наблюдая, как мальчишки гоняют шайбу на детской площадке. Очаровательное существо двенадцати лет от роду и без единого располагающего просвета в облике...

Сэнсей отказался с ней работать. Объяснение стандартное (предельно вежливое): у меня не получается работать с девочками, увы. Немедленно (на другой же день) явился страхагент, и они спорили

битый час о непонятном и неприятном. В ход шли сплошные эвфемизмы, и Роберт понял только, что страхагент предрекает гадкой девочке огромное будущее, а сэнсей отказывается это будущее ковать. «У меня здесь не животноводческая ферма. Я не умею выводить породу. Я только умею замечать то, что уже есть. И то, что я здесь замечаю, мне не нравится. Категорически!..» Что-то нехорошее виделось ему в этом неприятном ребенке. Какое-то обещание зла. И страхагент, собственно, этого видения не оспаривал. Он только полагал, что не «зла», а «пользы» — титанической пользы для этого мира («вашего мира», говорил он) — «заевшегося, опаскудевшего, упертого чавкающим рылом в тупик...»

Когда в тот, последний раз Роберт проводил страхагента к выходу и вернулся в кабинет, мрачно сидевший за столом сэнсей спросил его вдруг: «Вы можете себе представить этого человека кругленьким розовеньким поросеночком с усиками квадратиком и с картавым голоском капризного гогочки?» Роберт сказал, нет, не получается, воображения не хватает. «И у меня тоже»,— признался сэнсей. «Что с нами делает время!.. А вы можете представить себе меня стройным как тополь и с черной тучей волос на голове? Из-под которой не видно этого чертова подзатыльника, даже и догадаться о нем невозможно?» Могу, честно сказал Роберт, хотя и не сразу понял, о каком «подзатыльнике» идет речь. «Льстец»,— сказал сэнсей без улыбки и вдруг процитировал Монро (почти дословно): «Человек не меняется на протяжении жизни, он просто становится все больше похожим на самого себя...» И Роберт решил не спрашивать, кого он имеет в виду — себя или страшного страхагента...

Роберт спустился по лестнице. (Здоровенный битюг в оранжевой фуфайке поверх камуфляжа старательно орудовал метлой, сметая со ступеней нападавший с утра снежок.) Подошел к машине, сел рядом с Тенгизом. В машине было тепло и попахивало какими-то маслами-смазками. Тенгиз посмотрел на него с сочувствием и даже с состраданием, достал пачку «кента», предложил — Роберт помотал головой. Закурить сейчас было бы весьма своевременно, но именно поэтому делать этого было нельзя. ...Кому нужны эти ваши мировые проблемы, думал он, адресуясь к страхагенту-владельцу. Оставьте мир в покое и займитесь собственными персональными делами. И всем станет легче... Он понимал, что сэнсей не

согласился бы с этим рассуждением. Сэнсею тоже не давал покоя этот мир, слишком неудачно скроенный, чтобы в нем просто жить, не пытаясь переменить выкройку. Но сэнсею я верю. А Лахесису (Лахесису! — он вспомнил вдруг, как называл страхагента сэнсей), а Лахесису нет. Я не верю тем, кто претендует проводить меня через превратности судьбы. Оставьте меня с моей судьбой наедине, и мы с ней как-нибудь да разберемся... Он понимал, что хорохорится. Ни черта не годен был он разбираться один на один со своей судьбой. И никто из нас не годен, подумал он. Даже Тенгиз-психократор. Сэнсей как-то сказал с горечью (в ответ на какой-то дурацкий упрек): «А я сейчас все плохо делаю. Я даже сплю плохо». Это и про нас про всех тоже. И особенно плохо все мы распоряжаемся своею судьбой. Дилетанты. Никакошенького профессионализма...

И чуть позже по тексту в черновике:

На обширное крыльцо вышел и сразу же зябко обхватил себя руками сэнсей, и он был не один. Страхагент Лахесис вышел вместе с ним, и они остановились на самой верхней ступеньке, продолжая разговор. У обоих была плохая артикуляция, и Роберт сумел прочитать по губам только странную фразу Лахесиса: «...Наши ребятишки друг друга не любят почему-то. Аятолла. Ядозуб...» И ответ сэнсея: «Естественно. Мы ведь тоже...» Тут они оба повернулись спиной к машине, и Роберт перестал видеть их рты.

Роберт вспоминает, как к сэнсею приходил человек Аятоллы, но в черновике приводится только их разговор относительно Интеллигента, а в чистовике Автор подносит еще одну подсказку, прямо-таки отгадку: «...они, видимо, заговорили о деталях (И ТЕПЕРЬ ПОНЯТНО, О КАКИХ: КАК ПОЭФФЕКТИВНЕЕ УЩУЧИТЬ БЕДНЯГУ РЕЗАЛТИНГ-ФОРСА),— во всяком случае, Роберт был тут же отослан готовить кофе по-турецки...»

И тут же, по окончанию воспоминания, продолжается диалог Роберта с Тенгизом. В черновике речь заходит об Интеллигенте:

— Все равно жалко,— сказал вдруг Тенгиз.

— Конечно, жалко,— согласился Роберт.— Он мне всегда нравился. Настоящий интеллигент, большая в наше время редкость.

— Да я не о нем! — сказал Тенгиз с досадой.— Блин. Я о бедолаге нашем, о Ядозубе.

В чистовике речь идет опять о Вадиме, подсказка продолжается:

— Все равно жалко,— сказал вдруг Тенгиз.

— Конечно, жалко,— согласился Роберт.— Он столько намучился, бедняга, и все коту под хвост. Но зато он научился поворачивать трубу!

— Какую трубу?

— Большого диаметра.

— Да я не о нем! — сказал Тенгиз с досадой.— Блин. С ним все ясно. Я о бедолаге этом, о Ядозубе.

РЕДАКТУРА

Помимо крупных изменений тексты черновика и чистовика отличаются и мелкой, точечной правкой.

Уточняется название препарата, которым лечили клиента Работодателя Полиграфа: в черновике напечатанное «трам-тараразитама» правится рукописно на «диклофенака».

Желание Полиграфа «прилечь» в чистовике уже звучит так: «прикорнуть минуток хоть на десять».

Дух, висевший в вестибюле дома для престарелых, в черновике Полиграф характеризует как «больничный», в чистовике: «некий незнакомый, но крепкий дух, не больничный какой-то, скорее, зоологический или ботанический...»

Образная речь Алексея Матвеевича (Великого Целителя) в чистовике еще более разнообразится, добавляются: «Корысть наживы» (фраза из серии «терпеть ненавижу»), «Тебе что — мозги в голову ударили?..»

О самом же рассказе целителя в оценку Полиграфа добавляется: «Подвирает он там, не пойму только в чем...» А на вопрос Полиграфа, сколько раз Работодатель общался с целителем, следует ответ, который правится: сначала «Сегодня — в четвертый», затем «Сегодня — в третий раз».

Устанавливается обращение учеников сэнсея друг к другу: в правке неоднократно появляется обращение «брат».

В рассказе о предсказаниях сэнсея в троллейбусе правится год в фразе «а в две тыщи шестом будет ядерная война с террористами»: в черновике был 2003 год, в чистовике — 2004.

Квартира сэнсея в черновике четырехкомнатная и характеризуется как «большая», в чистовике правится — шестикомнатная и «гигантская».

В разговоре Тенгиза и Роберта-Винчестера уточняется: не просто «пятница на носу», а «выборы на носу».

Правится размышление Роберта о Тенгизе: вместо «Сейчас можно использовать его разве что только в тех случаях, когда надо удалить препятствие...» — «Сейчас он годен разве что удалить препятствие...»

Ядозуб советует Вадиму: «...напрягись! Присядь, надуйся и организуй ему рейтинг». «СООТВЕТСТВУЮЩИЙ рейтинг» — правит Автор.

Ядозуб «придвинул к себе папку с письмами» — К СЕБЕ правится на ПОБЛИЖЕ.

Правится псевдоцитата, придуманная Тенгизом. В черновике: «Прощайте, други, жить я боле не могу: судьбы рука сломала души ногу...» В чистовике: «Прощайте, други, навсегда, страдать я боле не могу: судьбы рука сломала любви ногу...»

Правится описание взгляда Есаула: «Молча смотрел прозрачными глазами, которые у него вдруг сделались неподвижные...» «Как у пресмыкающегося» — в черновике, «как у фотографии» — в чистовике.

Уточняется время: «прибаутки ДМБ-девяносто» правятся на «прибаутки-фенечки ДМБ-восемьдесят пять». Переносится часть разговора всей «команды» на полстраницы позже.

Таракан, вызванный Вельзевулом, бежит по столу зигзагом — «бешеным» в черновике, «сумасшедшим» в чистовике.

Добавляется пафоса во фразе «в защиту чести и достоинства» — «в защиту НЕЗАПЯТНАННОЙ чести и достоинства».

Добавляется настроение. Утро удовлетворенного Вадима. В черновике: «Он стоял на кухне перед окном, поедал бутерброд с яичницей и смотрел, как во дворе падает светлый медленный снег». «Он стоял на кухне перед раскрытым холодильником, по-

едал бутерброд с яичницей и смотрел, что бы еще такое из холодильника добыть. Во дворе за окном падал светлый медленный снег, было тихо и спокойно».

Белая фланелевая рубаха на сыне Эль-де-преза правится на клетчатую.

Это лишь краткий перечень, подтверждающий, что С. Витицкий так же тщательно работал с текстом, как и АБС ранее. Право же, хочется пожелать молодым авторам такого же тщания...

ИЗДАНИЯ

БМС вышел в 2003 году сразу в пяти изданиях: в журнале «Полдень, XXI век», в издательствах «Амфора» и «Вагриус», в 12-м, дополнительном томе собрания сочинений «Сталкера» и в «Мирах братьев Стругацких» (эта книга полностью повторяла 12-й том «Сталкера»). И если «сталкеровская» редактура была известна, то остальные издания еще не сверялись, поэтому было чрезвычайно интересно: в чем заключалась редактура этого нового романа в других издательствах? Сейчас, когда цензуры уже нет, как правили БМС?

Оказалось — никак. Мало того: даже редкие опечатки не были исправлены. Причина этого понятна — долгожданная книга, надо как можно быстрее ее выпустить, довести до читателя... Правильно ли это?

В авторско-издательских кругах уже давно существует полемика: нужен ли редактор? Некоторые сравнительно молодые, но уже добившиеся известности авторы требуют от издательства публикации «в авторской редакции»; другие — наоборот, сдают в издательство, по существу, черновики — «там поправят».

Современная жизнь многократно убыстрила движение свое. Авторы «бегом» пишут, издатели «бегом» публикуют, читатели «бегом» читают. Можно ли «бегом» прочесть БМС и понять сам роман? Сомневаюсь. Однако же, в самом романе заключительная глава называется: «Совершенно нет времени»...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Этим томом завершается цикл «Неизвестные Стругацкие: Черновики. Рукописи. Варианты», но не оканчивается сама серия «Неизвестные Стругацкие».

Мне выпала честь продолжить работу по обработке архива АБС, а именно: рабочих дневников и писем АБС друг другу.

Как известно, всю свою творческую жизнь АБС прожили в разных городах, в Москве и Ленинграде. Они регулярно (2—4 раза в год) встречались (сначала — в Ленинграде, где АН останавливался у матери; затем — в различных творческих домах отдыха; позже — БН приезжал в Москву) на неделю-две-месяц и именно в это время писали свои произведения и обговаривали идеи новых, следующих повестей. Рабочий дневник заполнялся ежедневно: задумки, планы, схемы, идеи, характеристики персонажей, перечни переделок... Иногда же запись за определенный день гласит только: «Сделано столько-то страниц. Вечером сделано столько-то».

Помните, в ХС?

Я листал страницы с однообразными записями:
«2.04. Сдел. 5 стр. Вечером 2 стр. Всего 135 стр.
3.04. Сдел. 4 стр. Вечер. 1 стр. Всего 140...»
Это у меня верный признак: если никаких записей, кроме статистических, не ведется, значит, работа идет либо очень хорошо, либо на пропасть.

Описание дневника Феликса Сорокина является на самом деле описанием рабочего дневника АБС, который Авторы регулярно заполняли с 3 марта 1965 года по 19 января 1991 года (последний

день, когда АБС встречались для совместной работы). Сам рабочий дневник состоит из трех общих тетрадей, исписанных мелкими почерками обоих Авторов.

В перерывах между встречами АБС писали друг другу письма. В письмах этих практически нет чего-то лично-семейного, кроме разве что приветов родным и близким. АБС сообщали друг другу о деловых и дружеских встречах (с работниками издательств, с друзьями-литераторами и врагами-литераторами); писали о слухах, тревожащих литературные круги, о встречах с читателями, о предложениях, поступивших от прессы... Много места в письмах посвящено идеям и разработке новых произведений, и немало — оценке общего литературного процесса, в частности, в советской фантастике.

Письма АБС, вначале — рукописные, позже — напечатанные на пишущей машинке, сохранились, к сожалению, не все, но даже общее число сохранившихся впечатляет: больше тысячи. По годам они распределены неравномерно: за пятидесятые и начало шестидесятых годов многие письма утеряны, и иногда трудно понять, на какие же вопросы идут в сохранившемся письме ответы; во вторую половину семидесятых количество писем резко сокращается, а за восьмидесятые они практически отсутствуют. Последнее вызвано тем, что АБС в это время в перерывах между встречами для сообщений стали пользоваться, в основном, междугородным телефоном.

Содержание дневников и писем частично (очень частично, менее одного процента) было использовано БНС при написании им «Комментариев к пройденному», но ценность их в последовательном прочтении осталась за кадром. Читая их постепенно: от даты к дате, от года к году,— видишь не только как задумка нового произведения реализовывалась в деталях или изменялась до неузнаваемости, но и начинаешь понимать, чем жили писатели в то время: какие события их волновали, какие препоны им мешали, как трудно в то время было издать книгу даже уже известному писателю... На что тратилось драгоценное творческое время... Почему АБС так стремились попасть в кинематографию... И сколько попыток «пробить» тот или иной сценарий было сделано...

Но не только этим интересны эти материалы. В письмах можно увидеть, как создавалась, развивалась современная (на тот период) советская фантастика, какие трудности она пережива-

ла, какие опасности ее подстерегали (уход в наукообразность, в футурологию и пр.).

Поэтому было решено продолжать, и следующий цикл книг «Неизвестных Стругацких» будет называться «Неизвестные Стругацкие: Рабочие дневники. Письма».

Я по-прежнему завидую Вам, Читатель!

Таким было задумано послесловие к этой книге, но жизнь не стоит на месте.

Как видно из текста «Неизвестных Стругацких», некоторые черновики (непременно существовавшие) не сохранились. Этот перечень довольно велик. А ведь были еще и тексты, не реализованные во что-то печатное. О некоторых таких пропавших позднее рукописях БН рассказывал «людена̀м» при встречах. Приведем лишь некоторые высказывания:

БНС. Куда-то пропал «Бойцовый кот». Ведь был же сценарий. На мой взгляд — плохой. На мой взгляд. А на взгляд начальства — вообще антисоветский.

Керзин. Я пробовал выйти на автора статьи в «Искусстве кино» и узнать у него, где вообще это может быть. Но вообще этот человек исчез.

БНС. И сценарий исчез. Мне казалось, что он лежит в архиве. Но когда, подначенный Юрой, я полез в архив, я нашел там... Но это не тот сценарий. Это «Мальчик из преисподней». Это тот сценарий, из которого возник «Парень из преисподней», повесть. Но до «Мальчика из преисподней» был сценарий «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю». Он был очень не похож.

Керзин. Я тогда, прочитав статью в «Искусстве кино», позвонил Аркадию Натановичу. Он мне сказал однозначно, что у него этого сценария нет и что он канул где-то в кино...

БНС. Вот и ответ на все вопросы. Значит, он погиб.

Керзин. Единственный вариант: поскольку это планировалось на Одесской киностудии, значит надо потрясти Бромберга.

БНС. Скорее это, наверное, надо искать все-таки в Госкино. Я думаю, что это там погибло все.

БНС. По крайней мере, был один вариант [сценария ТББ — *С. Б.*], который писала жена Тарковского и которая работала с Ар-

кадием Натановичем. Потом был вариант сценария, который писал ныне знаменитый режиссер Шахназаров. Я не видел никогда этого сценария. Аркадий Натанович его видел и очень хвалил. Куда делся этот вариант, я не знаю. Но это в основном, если не считать вот этого германовского сценария, все остальные ведь нельзя считать нашими, потому что Аркадий Натанович, конечно, там с Тарковской имел дело: были консультации, советы какие-то, но сам он ничего не писал. Германовский — да, это практически я писал, а Герман у меня над душой висел...

БНС. Вот где-то у Аркадия Натановича должна же храниться эта знаменитая пьеса, которая в ХС упоминается. «Корягины». Должна же где-то быть. Ведь мы же это откуда брали, в ХС? Взяли мы Аркашину какую-то громадную папку и полезли искать, что можно оттуда вставить. «Корягины» там в каком-то виде присутствовали. И цитаты мы оттуда брали... Это же все настоящее. Это, наверное, все у него осталось... Но это не было закончено.

БНС. После того как закончилась эпопея со «Сталкером», Тарковский предложил нам работать со следующим фильмом. Аркадий Натанович рассказал мне идею, которую предлагает Тарковский. Это идея о человеке, который должен был переспать с ведьмой и таким образом спасти мир. Мне эта идея не понравилась. Я долго пытался понять, почему переспать с ведьмой — это жертвоприношение. Я все время спрашивал: «Она что — дурна собой? Уродливая старуха?» — «Да нет, прекрасная молодая женщина».— «Так в чем же тут жертвоприношение?» Мы долго на эту тему говорили, и я сказал, что этим делом я заниматься не буду. А Аркадий Натанович занимался этим делом. Он написал довольно много страниц по этому поводу. Длилось это месяц, два — я не знаю. Некоторое время. Потом Тарковский уехал за границу и дело прекратилось. Прошло там «эн» лет, показывают по нашему телику «Жертвоприношение», и я узнаю сюжет. Я понял, что это Тарковский довел до конца... Нельзя сказать, что Аркадий Натанович писал сценарий «Жертвоприношения», но он начинал работать с этим сценарием. Сценарий-то придумал не Аркадий Натанович. Тарковский придумал. Аркадий Натанович пытался оформить это в виде сценария. И я уж не знаю, в какой мере Тарковский использовал заго-

товки Аркадия Натановича. Где-то я видел эти тексты. Они где-то лежат в архиве Аркадия Натановича. Может, их стоит раскопать и опубликовать.

Я, конечно, надеялась, что после начала публикации «Неизвестных Стругацких» откликнется кто-то из друзей и знакомых, из коллег по писательскому ремеслу, из деятелей кинематографии и сообщит, что у него, мол, имеются еще некие черновики-рукописи АБС, и когда-то, во благовремение, возможно и наберется интересный материал для пятой книги этого цикла.

И такое действительно уже начало происходить.

Михаил Лемхин, ныне проживающий в Сан-Франциско, а когда-то живший в Ленинграде, часто встречавшийся с БНС и писавший по творчеству АБС критические заметки, сообщил о наличии у него некоторых архивных материалов АБС, подаренных ему в шестидесятые годы БНом.

Михаил Лемхин был знаком группе «Людены» по своим газетно-журнальным публикациям (вначале — отечественным, позже — зарубежным), получал информационное издание группы — ньюслеттер «Понедельник», даже написал статью об этом в русскоязычной газете «Новое русское слово», выходящей в Нью-Йорке, где мягко пожурил членов группы за несерьезно-поверхностное отношение к изучению творчества АБС... Но более всего он был знаком по своему послесловию в самиздатовской версии СОТ-1, распространявшейся задолго до ее публикации (СОТ-1 была опубликована только в 87-м году):

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я пишу это послесловие, чтобы не возникло недоразумений. Авторы не считают эту повесть законченной. Авторы собираются возобновить работу над ней.

Незавершенность повести чувствуется сразу. Повесть затянута, перенасыщена описаниями и подробностями, которые в нескольких местах «рвут» композицию вещи. Несомненно повесть нуждается в сокращении. Вероятно, авторы при доработке не сильным сокращением полностью выправят эту отличную вещь. Казалось бы, нет смысла перепечатывать ее в таком виде, как сейчас.

Но дело в том, что авторы, которые заняты сейчас работой над другой вещью, предполагают взяться за «Сказку о Тройке» лишь в 1969 году. Поэтому я беру на себя смелость перепечатать эту повесть в незаконченном виде. По-моему, для тех людей, которые интересуются творчеством этих больших писателей, «Сказка о Тройке» представляет несомненный интерес. Я даже не говорю о мыслях, выраженных авторами в этой повести, на этот счет сомневаться не приходится, я говорю сейчас о том, что эта повесть представляет большой интерес как результат интересного формального синтеза трех произведений: «Понедельник начинается в субботу», отчасти «За поворотом, в глубине» и, самое главное, «Второго нашествия марсиан».

Возможно, что эта редакция «Сказки о Тройке» будет опубликована в начале будущего года в альманахе «НФ», но, к сожалению, там она будет сокращаться не исходя из соображений улучшения повести.

М. Лемхин
22 ноября 1967 года.

Историю с публикацией СОТ можно прочесть в «Комментариях к пройденному» БНС, рассказывается о ней и во втором томе «Неизвестных Стругацких», поэтому здесь повторяться не будем, заметим лишь, что позиция в отношении рукописей может со временем меняться кардинально. Михаил Лемхин наотрез отказался предоставить имеющиеся у него черновики для публикации, объяснив их своими литературоведческими воззрениями. Но согласился на включение описания части архива, относящегося к творчеству АБС, и своих пояснений в эту книгу. Поблагодарим и за это.

Михаил Лемхин

(Сан-Франциско)

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ЧЕРНОВИКОВ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Среди разных бумаг, писем Бориса Натановича и газетных вырезок я храню кое-какие черновики Стругацких, подаренные мне Борисом Натановичем в разное время. Сегодня я не могу вспом-

нить, в связи с чем у меня оказались именно эти материалы. Вероятнее всего — как следствие каких-то наших с Борисом разговоров, касающихся «Попытки к бегству» или «Понедельника».

С другой стороны, до Сан-Франциско добралась лишь часть того, чем были заполнены бесчисленные папки на моих ленинградских стеллажах. В советское время рукописи (не только чужие, но и свои собственные) вывезти за границу было почти невозможно. Мои бумаги, запрещенные к официальному вывозу книги и фотопленки переправили на Запад сложными путями мои друзья — двое западных немцев и одна француженка. При этом случались и неудачи. Погиб почти весь мой фотоархив. Испарилось несколько книг Стругацких, Окуджавы, Каверина, Виктора Шкловского с дарственными надписями. Не доехала до Сан-Франциско и значительная часть бумажного архива, в том числе и некоторые бумаги Стругацких.

Иными словами, здесь не всё, что было, а только то, что осталось.

«ПОПЫТКА К БЕГСТВУ»

Документ № 1
«Нулевой вариант»

53 страницы машинописного текста с обильной правкой чернилами, а в некоторых случаях простым карандашом.

Страницы объединены согнутым пополам листом машинописи рассказа «Частные предположения», на обороте которого написано в две строчки: «ПКБ 0–Вариант».

В «Нулевом варианте» пять глав. Страницы каждой главы имеют свою собственную машинописную — в каждой главе начинающуюся с единицы — нумерацию.

Кроме того, страницы с первой по тридцать вторую включительно пронумерованы в правом верхнем углу от руки чернилами: 0–1, 0–2 и так далее до страницы с номером 0–32. Эта страница соответствует странице четвертой в третьей главе.

Как обычно Стругацкие, утилизируя старые рукописи, пишут на их обороте. «Нулевой вариант» «Попытки к бегству» написан на обороте листов из «Страны багровых туч»[1], «Стажеров», «Чрезвычайного происшествия» и «Частных предположений».

---

[1] Среди которых имеется титульная страница с заголовком «В стране багровых туч».— *М. Лемхин.*

Герои «Нулевого варианта» приятели Вадим и Антон, девушка Анка и Саул Репнин.

В «Комментариях к пройденному» Борис Натанович рассказал о первоначальном замысле и о том, что написав «три главки, страниц двадцать», они зашли в тупик.

На самом деле главок они написали пять, а страниц — пятьдесят три.

Документ № 2
«Первый вариант»

87 страниц смешанного машинописного и рукописного текста с редкой правкой чернилами, простым карандашом, а также небольшой правкой и заметками на полях красным карандашом.

Страницы объединены согнутым пополам листом, заполненным с двух сторон. Лицевая сторона этого листа — машинописная страница номер 7 из романа «Полдень, 22 век», на полях которой написано в одну строчку черными чернилами «ПкБ-1 Вар.» На внутренней стороне этого листа — рукописный набросок нынешней четвертой главы «Попытки к бегству». Точнее — окончание наброска, поскольку рукописная страница начинается с полуфразы.

Для работы над этим вариантом Стругацкие утилизировали машинопись рассказа «Частные предположения» и романов «Страна багровых туч» и «Полдень, 22 век».

В «Комментариях к пройденному» Борис Натанович пишет, что в первом варианте у повести «не было эпилога, кончалась она расстрелом колонны равнодушных машин из скорчера (называвшегося тогда бластером) и отчаянием Саула, осознавшего, что нет на свете силы, способной переломить ход истории». Эпилог, вспоминает Борис, был написан уже после того, как повесть попала в редакцию. Эпилог, из которого мы узнаём, что Саул — беглец из советского концлагеря. Затем, продолжает Борис Натанович, по настоянию редакции, советский лагерь был заменен на немецкий.

Однако рукопись «Первого варианта» говорит нам о другом. Сравнив «Первый вариант» с окончательным (опубликованным) текстом повести, мы увидим не только значительные стилистические отличия, не только сокращение (или полное уничтожение) одних эпизодов и расширение (или появление) других, но и отличия в описании характеров, в перераспределении, назовем их так,

«резонёрских» функций. В «Первом варианте» абсолютным резонёром выступает Саул: увидев, что на планете есть жизнь, он призывает немедленно вернуться на Землю, он напоминает о запрете самодеятельных контактов с инопланетянами, он охлаждает пыл своих наивных товарищей. Не Саул (как в окончательном варианте), а Антон расстреливает колонну «равнодушных машин». При этом, однако, «Первый вариант» уже имеет эпилог. Эпилог, из которого явствует, что Саул был советским заключенным. Сравнив эпилог из «Первого варианта» с эпилогом варианта опубликованного, мы убедимся, что в опубликованном варианте был заменен не только текст документа, из которого читатель узнаёт о прошлом Саула и не только бред больного Саула, отсылающий нас к реалиям в «Первом варианте» — советского следствия, а в окончательном — фашистского концлагеря. Положив рядом эти тексты, мы увидим, что эпилог «Первого варианта» подвергся столь же интенсивной переработке, что и весь остальной текст «Первого варианта».

Таким образом мы можем констатировать две вещи: 1) рукопись «Первого варианта» правилась уже вместе с эпилогом; 2) существовала еще одна — по крайней мере одна — рукопись, которую можно назвать «Вторым вариантом».

Косвенно существование «Второго варианта» повести, который и был предложен редакции, подтверждается сохранившейся у меня внутренней рецензией Кирилла Андреева. Вот что Андреев в этой рецензии пишет:

«Вопросы в конце — прием очень милый, но не завершенный. Во-первых, их слишком мало. Во-вторых, они слишком различны по значимости. Изменение имени — произвольная шутка авторов. В действительности он мог изменить его гораздо раньше — в 1937 или в 1949 годах. Но делать это для отдаленных веков довольно странно».

Никаких вопросов, никакого изменения имени нет ни в «Первом варианте», ни в окончательном варианте. Значит в руках у Кирилла Андреева был какой-то другой, промежуточный, текст.

«ДАЛЕКАЯ РАДУГА»

Документ № 3

Три машинописные страницы.

Набросок начала первой главы. Отличия от окончательного текста — стилистические.

Использована обратная сторона машинописи рассказа «Спонтанный рефлекс».

«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»

Документ № 4
Озаглавлен: «Суета вокруг дивана»

5 страниц рукописного — простым карандашом и чернилами — текста.

План повести содержит описание сюжетных ходов, как использованных, так и не использованных.

Начинается строчкой:

«1. Гл. герой — маг-аспирант, Анатолий Федорович Редькин, 25 лет»

Заканчивается строчкой:

«Административные законы выше законов природы. Маги ничего не могут сделать против милиции».

На обороте пятой страницы красным карандашом:

«Список идей

Каждый человек — маг, если он мало заботится о себе и поглощен работой.

Что есть человеческое счастье?

Современный институт».

Документ № 5
Озаглавлен: «Схема № 1 г. Соловец»

План-карта города Соловца, аккуратно нарисованная синими чернилами. Обозначены, в частности, ул. Лукоморье и Изнакурнож. Имеется и Лысая гора.

Документ № 6
Озаглавлен: «Изнакурнож. Суета вокруг дивана»

Две страницы машинописного текста с правкой и пометками красными чернилами, синими чернилами и карандашом.

Подробный план повести из восьми глав, во многом совпадающий с первой частью «Понедельника». Главный герой повести

снимает жилье у Наины Яги-Баяновой и сталкивается со множеством удивительных вещей, материализовавшихся из сказочных сюжетов. В последней, 8-й главе, в Изнакурнож является комиссия «по проверке бабкиной деятельности», героя повести прогоняют из избы, являющейся «служебным помещением», и тут кто-то из членов комиссии предлагает ему перейти на работу в институт.

Из этого плана ясно, что герой задуманной повести не автотурист, для которого Соловец — точка на карте, а некто, уже работающий в этом городе. Судя по всему — хоть это и не отмечено в плане повести — герой работает в обсерватории, которая, кстати, обозначена на план-карте (Документ 5). Об этом же говорит замечание на полях первой страницы, сделанное синими чернилами: «Обсерватория ли? Может что-нибудь невинное? Невдохновляющее? Из мещан в науку... Может, как у Кафки? "Приехал, получив назначение в Учреждение?"»

Документ № 7
Озаглавлен: «Маги»

Три страницы машинописного текста из них третья оторвана по середине.

Набросок, впоследствии преобразовавшийся в первую главу третьей части повести. Начинается словами: «Восемьдесят три процента всех дней в году начинаются одинаково: звенит будильник». Однако, героя, просыпающегося по будильнику, зовут не Саша Привалов, а Толя Редькин. Что соответствует первоначальному плану повести.

Заканчивается строчкой:

«Толя повесил трубку, опустился на ноги и потрогал ухо. «Не хватало на защиту прийти с волосатыми ушами», подумал он».

Документ № 8

Рукописный лист (синими чернилами) — список сказочных реалий, среди которых, в частности, значится один из экспонатов Зала истории русской магии: «Святая вода (святость 40 градусов, допускается осадок, хранить в сухом месте)».

Начинается строчкой:

«1. Ковер-самолет — висел в комнате на стене».

Заканчивается строчкой:

«Бабка развела чертей»

На обороте. Начинается строчкой: «Скелет змея-горыныча», заканчивается: «Дерево: «Дуб зеленый» (осень, дуб желтый)».

Документ № 9

Рукописная страница (сначала чернила, затем карандаш), судя по всему — заметки, сделанные в процессе работы над второй частью.

Начинается словами: «В отделе абсолютного знания все были заняты выдумыванием различных способов перемещения по времени...» Пунктирно — пункт за пунктом — намечено развитие сюжета второй части.

Рукописная — карандаш — страница, на две трети заполненная математическими выкладками. В нижней части страницы выписаны несколько пословиц:

«Без труда не вытащишь рыбку из пруда. Не в свои сани не садись». И так далее. Поскольку лист оказался в папке с материалами к «Понедельнику», вероятно, стоит отнести его к бумагам, связанным с повестью.

Документ № 10

Лист, сложенный пополам. Заметки в процессе работы над второй частью повести.

На одной половине — список глав второй части, каждая из которых кратко охарактеризована. 1–4 главы этого списка-плана, соответствуют 1–4 главам второй части «Понедельника». 5-я и 6-я главы плана в окончательной редакции «Понедельника» объединены в одну главу.

На другой половине — список отделов НИИЧАВО.

Документ № 11

Рукописная — черными чернилами — страница заметок ко второй части «Понедельника».

Первая строчка:

«1. Саша дежурит в новогоднюю ночь по институту...»

Последняя строчка:

«Отсюда вывод: счастливые люди возможны»

Заметки сделаны на обороте машинописной страницы из романа «Полдень, 22 век»

Документ № 12

Рукописная — черными чернилами — страница заметок ко второй части «Понедельника».

Начинается с описания подвала института и заканчивается описанием отдела оборонной магии.

Заметки сделаны на обороте машинописной страницы из повести «Путь на Амальтею».

Документ № 13

Половина стандартной страницы.

На одной стороне — карандашом — неполный список отделов института, поверх этого зелеными чернилами заметки ко второй части повести.

На другой стороне — черными чернилами — список из десяти персонажей. Восемь из них совпадают с именами героев окончательной редакции «Понедельника», один, названный в списке «Завкадрами», приобрел в повести имя Кербер Псоевич Демин, а еще один, Федор Симеонович Пупков-Задний, стал в «Понедельнике» Федором Симеоновичем Кивриным.

Документ № 14

Две рукописные страницы — черными чернилами — одна с кратким планом третьей части «Понедельника», вторая со схемой движения попугая во времени[1].

---

[1] Я помню, как то ли в ресторане, то ли в одной из гостиных Дома писателей мы с Алексеем Адмиральским и, кажется, с Мишей Хейфецем пытались на пальцах доказать Борису Натановичу, что в истории с попугаем имеется ошибка. Борис же Натанович в наши аргументы вникать не хотел и однообразно отвечал: «У нас была схема». Может быть Борис подарил мне листок со схемой именно после этого разговора? — *М. Лемхин.*

Утилизированы машинописные страницы из рассказа «Человек из Пасифиды».

Документ № 15

Машинописная страница.

Большую часть страницы занимает описание замысла под названием «Страна магов». Практически ничего общего с повестью «Понедельник начинается в субботу» не имеет.

После отбивки, в нижней части страницы имеется короткое описание другого замысла, озаглавленного «Седьмое небо».

Всего две строки:

«Стажер.

Сверхмальчик — человек, переселившийся в свое детство».

* * *

Кроме того у меня хранятся еще три документа, имеющие отношение к творчеству братьев Стругацких:

Документ № 16

Внутренняя рецензия Кирилла Андреева на повесть «Возлюби дальнего» — 5 машинописных страниц с пометками, сделанными, видимо, Аркадием Стругацким.

Документ № 17

Редакционное заключение журнала «Нева» на рукопись «Обитаемого острова» — 5 страниц с правкой чернилами и карандашом. Заключение должно быть подписано главным редактором журнала А. Ф. Поповым и зав. отделом прозы В. Н. Кривцовым, данный экземпляр, однако, не подписан и, несомненно, является черновиком.

Я с трудом представляю себе нынешнего читателя подобных этой публикаций, поэтому на всякий случай хочу пояснить, что несмотря на дежурную фразеологическую напыщенность, тон этого документа необычайно, невероятно дружелюбен. Скорее всего, заключение это сочинил наш друг, редактор отдела прозы Самуил Лурье, который видел свою задачу в том, чтобы, с одной стороны,

внушить начальству — роман наш, правильный, идеологически верный, а с другой стороны, в том, чтобы смягчить требования того же начальства хотя бы до минимально приемлемого уровня.

Документ № 18

Рассказ Аркадия Стругацкого «Первые» — 12 машинописных страниц с правкой фиолетовыми чернилами.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ ОПИСАНИЯ ЧЕРНОВИКОВ

Недавно у нас гостил бывший ленинградец, живущий теперь в Иерусалиме, сильно постаревший, но сохранивший и свою удивительную открытость, и свою въедливую любознательность, и свою подкупающую улыбку.

Я не видел его очень давно.

18 лет назад он на один день объявился в Сан-Франциско — мы поболтали, выпили, утром я немного покатал его по городу и он улетел в Нью-Йорк. Это была очень короткая встреча.

А предпоследняя наша встреча, где-то весной 1974 года, была еще короче — я служил в армии сравнительно недалеко от Ленинграда и, будучи в увольнении, столкнулся с ним на лестнице Публичной библиотеки. Вскоре его арестовали, он получил четыре года лагерей и два ссылки. Отсидев, в 1980 году уехал в Израиль.

Сейчас они с женой пробыли у нас неделю, и у меня было время поговорить не просто о делах (о делах мы обмениваемся письмами), не просто поболтать, но и поразмыслить об отвлеченных вещах. Я думал: прошло тридцать лет, многое переменилось вокруг, многое переменилось и в нас, но суть-то характера, разумеется, не могла измениться. Вот теперь как раз и стоит сравнивать: похож — не похож. Похож ли он на Изю Кацмана, прототипом которого послужил? Похож ли Изя Кацман на него?

Гости уехали, я достал с полки книгу. Я листал ее и думал: ну и что? Какое отношение характер и темперамент моего друга Миши Хейфеца имеет сегодня к роману «Град обреченный»?

Практически за каждым персонажем художественного произведения — хоть романа, хоть кинофильма — стоит прототип, с которым автор учился в школе, служил то ли в армии, то ли в одной

конторе, ездил в экспедицию или столкнулся однажды в трамвае. И чаще всего таких прототипов даже не один.

Иногда сходство бросается в глаза (бросается знакомым), а, случается, что какая-либо связь вообще незаметна и никогда не придет в голову ни читателям, ни даже близким друзьям, однако автор знает (или догадывается) о существовании этой связи. Например, Михаил Ромм вспоминал, что когда они с Храбровицким писали сценарий «9-ти дней одного года», характер Ильи Куликова (в фильме его играет Смоктуновский) никак им не удавался, пока Ромм не принялся рассказывать своему молодому соавтору забавные истории о Сергее Михайловиче Эйзенштейне. Из этих историй — то есть характера, стоящего за ними — и возник экранный Илья Куликов.

Если вы зададите мне вопрос — имеет ли это отношение к художественному произведению под названием «9 дней одного года»? Я отвечу: никакого.

Для того, кто проживет в кинозале с героями этой истории один год из их жизни, представленный девятью днями, уместившимися в сто двадцать минут экранного времени, для этого зрителя абсолютно не имеет значения «из какого сора,— по словам Ахматовой — растут стихи». Но, главное, даже если какой-нибудь Пинкертон захочет просеять этот сор через мелкое сито и найдет там окурки, смятые конфетные фантики, и множество других столь же интересных предметов — к фильму это ничего не прибавит.

***

Произведение искусства — по определению — модель мира. Модель — любой текст — может поражать сбалансированностью и элегантной симметрией, может вызывать насмешки своей колченогостью кривобокостью, но ни подправить, ни дополнить ее чем-либо извне невозможно. Поскольку мир произведения существует только и исключительно в рамках этого текста. Черновики, наброски, варианты и прочее, а также отсылки к прототипам — не имеют никакого отношения к чтению текста. После того, как автор поставил точку в конце романа, самым лучшим (чтобы не путать наивных людей и не вводить в соблазн ненасытных и себя самого) было бы уничтожить все подготовительные и сопутствующие материалы. Но если они не уничтожены, они могут иметь ценность

только для исследователей творчества данного автора, а не для массового читателя. Информация же, которую исследователи творчества извлекают из черновиков и вариантов, относится к личности, биографии, психологии автора (это все называется психологией творчества), но не к произведению. Произведение — хочется повторить еще раз — не может быть ничем дополнено. Более того, я убежден, что и попытки прояснить смысл каких-либо элементов произведения при помощи черновиков тоже порочны. Ибо, если автор исключил некий эпизод, характер, слово — значит их нет в системе этого произведения. Само существование этих элементов на бумаге и даже уверенность в том, что они были частью первоначальной системы, не может быть основанием для включения их в мир произведения. Они не принадлежат этому миру.

***

Перейдя — если позволите — с языка эмоций на язык понятий, напомню, что «создавая и воспринимая произведения искусства, человек передает, получает и хранит особую художественную информацию, которая неотделима от структурных особенностей художественных текстов в такой же мере, в какой мысль неотделима от материальной структуры мозга».

Это я цитирую Юрия Лотмана.

Из Лотмана же, определение текста: «Текст зафиксирован в знаках и в этом смысле противостоит внетекстовым структурам. <...> Тексту присуща ограниченность. <...> Граница показывает читателю, что он имеет дело с текстом и вызывает в его сознании всю систему художественных кодов <...>. Текст не представляет собой простую последовательность знаков в промежутке между двумя внешними границами. Тексту присуща внутренняя организация, превращающая его на синтагматическом уровне в структурное целое».

При этом элементы, из которых образован текст, попадая в его систему, наделяются смыслом, которым они не обладали до включения в текст. Как писал Макс Вертгеймер: «То что происходит с элементами целого, определяется внутренними законами, присущими этому целому».

То есть, проще говоря, смысл слов определяет смысл предложения, но будучи составлено и приобретя собственный смысл,

предложение в свою очередь начинает определять смысл слов, из которых оно составлено, поскольку смысл отдельного слова определяется включенностью его в систему естественного языка, предложение же создает свою систему, каждый элемент которой читается при помощи уже нового, вторичного по отношению к естественному языку, кода. И, кстати, наоборот — будучи исключенным из предложения (вычеркнутым), слово теряет смысловую нагрузку, которое оно несло во вторичной системе.

***

Для чего я здесь повторяю азбучные истины?

Когда, открыв книгу, вы читаете: «Множество дополнительных сведений о самом НИИЧАВО, а также о персонажах, его населяющих, содержится в черновиках ПНВС» или «Дополнительные подробности о Витьке Корнееве можно узнать из его разговора с Приваловым накануне дежурства», это предполагает, что вы собираетесь включиться в игру и готовы оседлать «машину для путешествий по описываемому времени».

«Почему бы и нет? — скажете вы.— Такая игра может быть и увлекательна, и полезна».

Разумеется. Нужно только не забывать, что вместо художественной модели мира (каковой является произведение искусства) вы будете иметь дело с упрощенным переводом этой модели на нехудожественный язык, при котором, как пишет тот же Юрий Лотман, «всегда остается «непереведенный» остаток — та сверхинформация, которая возможна лишь в художественном тексте».

***

Я отношусь с большой симпатией к активности «люденов». Если молодых людей объединяет интерес и любовь к литературе — что может быть лучше![1] Другое дело, когда речь заходит о практической деятельности, тут меня иногда смущает неясность задач.

---

[1] Покровительственный тон довольно часто встречается при обращении людей, поживших на благословенной американской земле, к бывшим соотечественникам. Но вот что интересно: о каких «молодых людях» ведет речь г-н Лемхин? Насколько мне известно, он родился в 1949 г., а, скажем, БВИ — в 1951. Да и я (к сожалению) тоже. Видимо, время в Калифорнии течет быстрее.— *В. Д.*

Публикуя материалы из архива Стругацких, Светлана Бондаренко пишет: «Это даже не исследование сотворения Стругацкими своих произведений, это только МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследовать будут позже и исследовать будут другие, я же даю только толчок: "Посмотрите, сколько тут интересного для вашей работы"».

Однако в другом месте она сообщает, что Борис Стругацкий не согласился на публикацию черновиков как таковых. «Напишите книгу,— сказал он.— Напишите исследование по рукописям Стругацких, по черновикам. Туда можете включать любые отрывки».

Я не то чтобы придираюсь к словам. Не в словах тут дело, но невнятность задачи породила невнятность результата. Отсутствие серьезной методологии не дает возможность назвать эти публикации исследованием. Много лет назад в заметке о группе «Людены», я писал о «презумпции значимости» (термин придумал Борис Стругацкий). «Презумпция значимости» и есть методология, положенная в основу «Неизвестных Стругацких»: все, мол, равноценно важно. Если задача исследования — найти «множество дополнительных сведений», результатом будет — «посмотрите, сколько тут интересного». С другой стороны, для того чтобы послужить материалом, базой для будущего исследователя, «Неизвестные Стругацкие» недостаточно объективно-нейтральны.

Я не пытаюсь умалить заслуги Светланы Бондаренко и «людены». Работа проделана огромная. И результат получен. Вот только мне не совсем понятно в какой степени этот результат поможет ученым и в какой читателям. Про ученых вопрос оставим в стороне, а о читателях я хочу сказать, что настоящие книги меняются вместе с ними. Возраст, жизненный опыт, новые знания, новые чувства, новые радости и новые страдания все это дает нам возможность прочитать уже знакомую книгу — настоящую книгу — еще раз, по-другому, иначе. Произведение искусства не ребус, там написано именно то что написано, его не надо разгадывать — его нужно читать.

***

Когда я сообщил Светлане Бондаренко, что отказываюсь прислать для публикации копии имеющихся у меня рукописей, она спросила — почему. Я написал ей письмо о том, что в материалах,

находящихся у меня, нет ничего принципиального, ничего увлекательного, меняющего, ниспровергающего. То есть, я не охраняю какие-то секреты. Моя позиция — вопрос убеждений. Но Светлана Бондаренко хотела, чтобы я объяснил свою позицию не ей лично, а читателям «Неизвестных Стругацких». Таким образом возникла эта заметка.

Я полагаю, что из черновиков «Понедельника» нельзя узнать ничего «нового о НИИЧАВО и о персонажах, его населяющих» потому, что НИИЧАВО вместе со всеми персонажами существует только в системе, ограниченной с двух сторон — заглавием в начале и точкой в конце. Эта система прекрасно себе прожила сорок лет и продолжает жить.

В тексте «Миллиарда лет», например, нет никакого КГБ, никакой политики, «самиздата», антисоветчины, суда. Историку и психологу, вероятно, интересно будет проанализировать и повесть, и материалы к ней, и обстоятельства процесса Хейфеца, который был и катализатором, и фоном размышлений на тему: как вести себя под давлением. И не просто размышлений — поступков. О подобном анализе, если помните, говорит один из героев самих же Стругацких: «Особенно ценны так называемые творческие личности, перерабатывающие информацию о действительности индивидуально. Сравнивая известное и хорошо изученное явление с отражением этого явления в творчестве этой личности, мы можем многое узнать о психическом аппарате, перерабатывающем информацию».

Однако для читателя самой повести как 30 лет назад, так и сегодня все это совершенно не важно. «Миллиард лет» не репортаж о деле Хейфеца, а художественное произведение. Дело Хейфеца сегодня — страница истории. Повесть «За миллиард лет до конца света» — живая литература.

Или, к слову, еще пример. В «Пикнике на обочине» имеется эпизодический персонаж «с прямоугольным генеральским лицом». Зовут этого генерала секретной службы господин Лемхен.

Я помню ухмылку на лице Бориса Натановича, когда он вручал мне папку с «Пикником». О моих пересечениях с кэгэбэшниками Борис Натанович, разумеется, знал, наставлял, одергивал и однажды, весной 1968 года, остановил меня, не дав совершить мальчишеский поступок, который, вероятно, очень дорого бы мне обошелся. Так что неторопливый и важный Лемхен с прямоугольным

генеральским лицом — это была приятельская шутка. Но имеет ли она хоть какое-нибудь значение для читателя «Пикника»? Ровно никакого.

Я ничего не прячу и не скрываю. Но я думаю, что материалы, опубликованные в «Неизвестных Стругацких», не должны были появляться в массовом издании. Место этим бумагам — академические сборники, монографии или же (надеюсь, такое когда-нибудь произойдет) академическое собрание сочинений братьев Стругацких.

Роман АРБИТМАН

НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТЦЫ И ЛЮБОПЫТНЫЕ ДЕТИ

«...Какая-то безмерная скука слышалось в нем, безмерная снисходительность, словно говорил кто-то огромный, презрительный, высокомерный, стоя спиной к надоевшей толпе, говорил через плечо, оторвавшись на минуту от важных забот ради этой раздражившей его, наконец, пустяковины...»

Эта цитата из «Гадких лебедей» приходит в голову при чтении отповеди господина из Сан-Франциско Михаила Лемхина. Сама идея опубликовать ее под занавес «Неизвестных Стругацких» вызывает сложные чувства. С одной стороны, да, имеет место точка зрения, более-менее аргументированная, с цитатой из Лотмана,— так почему бы ее не обнародовать? Старался же человек. К тому же и сам г-н Лемхин все-таки причастен к Terra Strugatskia, даже некоторым образом ее эпизодический персонаж. С другой же стороны, в попытке использовать вместо послесловия к «НС» текст, автор которого попирает подошвами не только результаты труда составителя четырехтомника, но и методологическую его основу (делая это с видом носителя Объективной Истины), присутствует оттенок мазохизма[1].

Безусловно, у г-на Лемхина, отказавшегося (по любой из житейских причин) прислать для «НС» копии принадлежащих ему рукописей, есть законные основания это сделать, не вдаваясь в мотивы,— и вовсе не обязательно подводить теорию под свое не-

[1] Поправка: не мазохизма, а предельной профессиональной честности, обостренной щепетильности С. Бондаренко. Я, как редактор, предлагал все материалы М. Лемхина из книги исключить.— *В. Д.*

желание. Однако оппонент «НС» вступает в полемику и ведет ее не вполне честно.

Главный тезис г-на Лемхина — черновики и варианты народу не нужны: они способны лишь дезориентировать «массового читателя», повести его по кривой дорожке ненужных интерпретаций и вывести за очерченные пределы художественного текста. Так что лучше всего «уничтожить все подготовительные и сопутствующие материалы».

Но что есть, собственно говоря, массовый читатель? Считать ли пять тысяч экземпляров каждого тома «НС» массовым тиражом? И, более того, являются ли вообще произведения Стругацких — несмотря на их несомненную популярность — массовой литературой?

Даже самый крупный недоброжелатель творчества братьев-фантастов едва ли даст однозначный ответ на эти вопросы, а раз так, то делается шатким базис позиции г-на Лемхина, заранее как бы поделившего читателей Стругацких на «толпу» и «исследователей» и отказавшего первым в праве на выход за пределы канона.

На самом же деле грань между двумя названными понятиями — применительно к творчеству этих писателей — провести невозможно.

По сути, члены группы «Людены» являются не стражами или хранителями Terra Strugatskia (в этой роли, скорей уж, видит себя г-н Лемхин), а своеобразными полпредами той части читательского сообщества, которая «желает странного». Бессмысленно уравнивать «люденов» с фанатами, выпрашивающими автограф у попзвезды и любовно коллекционирующими «звездный» мусор (все эти «окурки, смятые конфетные фантики» и пр.). Хотя в деятельности отдельных «люденов» еще не изжиты элементы эдакого подросткового энтузиазма, надо признать очевидное — существует реальная основа, на которой и возникла группа «Людены». Поскольку творчество братьев Стругацких — не просто совокупность текстов, но несомненный социокультурный феномен, закономерно вызывающий интерес как на макроуровне (идеи, замыслы, прогностика), так и на микроуровне (особенности сюжетосложения, словоупотребления и т. п.).

Именно поэтому некий видимый эклектизм в работе Светланы Бондаренко и ее команды — свидетельство отнюдь не слабости

исследователей-«дилетантов». Это осознанная, можно сказать, выстраданная концепция. Произведения Стругацких, личность авторов, детали их биографии, эпизоды противоборства с Системой — все сплетено так плотно, что стремление вычленить что-то одно, убрать «лишние» измерения и «прописать» наших фантастов только в одной из сфер (будь то Литература, История или Идеология) означало бы безусловно обеднить читательское восприятие.

Каждое произведение братьев-фантастов, законченное или не, опубликованное или оставшееся в писательском архиве, четко привязано к своему времени и одновременно как бы парит над ним, проходит по лезвию Оккама и устремлено в будущее (персонаж «Улитки на склоне» наверняка вспомнил бы тут эддингтоновскую Стрелу времени — и вряд ли бы ошибся). А поскольку мир Стругацких был рожден воображением писателей в годы расцвета советской цивилизации и окончательно кристаллизовался в час небывало яркого ее заката, он — еще и призма, магический кристалл, с помощью которых иные поколения могут наблюдать «ушедшую натуру».

Таким образом, материалы, представленные в четырехтомнике, необычайно любопытны, прежде всего, для молодых читателей Стругацких, для людей XXI века. И тут уж, извините, не будет лишней каждая крупинка ахматовского «сора» (в том числе и те фрагменты, которыми героически не поделился с редакцией принципиальный г-н Лемхин). Четыре тома «НС» содержат, например, богатейшую информацию о том, КАК далеко мог отойти окончательный вариант знаменитой повести от первоначального замысла. Скажем, «Улитка на склоне» возникла на обломках стройного, но ординарного сюжета о приключениях на планете Пандора, а «Обитаемый остров» — один из самых сильных и мрачных романов Стругацких — должен был стать развлекательным пустячком, эдакой костью, брошенной цензорам... И так далее, и тому подобное: неожиданностей и сюрпризов масса.

Отдельный сюжет — правка. Человеку XXI века и представить трудно, сколько этапов правки, от сюжетообразующей до анекдотической (с начала 60-х редакторы, например, требовали вымарывать китайцев!) приходилось преодолевать произведениям на пути к печатному станку, а позже — еще и на пути от относительной вольницы журнальных вариантов к книжным изданиям (те были под особым прицелом цензоров — как «по службе», так и «по душе»).

От тома к тому чтение становится все занимательней и поучительней. Мы видим как корректировался «моральный облик» людей будущего (их легкомыслие внушало редакторам подозрение, крепкие выражения — ужас), как старательно выпалывались вольные или невольные аллюзии. В раздел, посвященный «Отелю "У погибшего альпиниста"», недаром включена ехидчайшая статья Вадима Казакова «После пятой рюмки кофе» — рассказ о том, как дуболомы-редакторы работали над текстом, готовя «безалкогольный» вариант повести и временами доводя сюжет до абсурда.

Впрочем, конечно, и без давления на писателей «Гомеостатического мироздания» (в погонах и без) тексты Стругацких не могли не претерпевать изменения на пути от карандашных набросков к печатному станку. И в этой связи следует отметить еще одну важную составляющую, благодаря которой деятельность Светланы Бондаренко и ее команды — несомненное благо.

При всем почтении к Стругацким, следует напомнить: всякий демиург, подаривший читателям свой мир, сразу же после акта творения утрачивает право на истину в последней инстанции. Как зубную пасту невозможно вернуть обратно в тюбик, так и выпущенные однажды на волю тексты (в самых разных их печатных изводах — далеко не всегда устраивающих самих авторов в полном объеме) уже нельзя отсечь от читателя.

Теперь, после выхода и ПСС Стругацких в «Сталкере», и «НС», мы видим не только «результат», но и всю динамику «процесса»; мы имеем возможность сравнить авторские варианты с опубликованными — но у нас, к счастью, есть также право не признавать всякий конечный выбор авторов оптимальным.

К примеру, ваш покорный слуга, ознакомившись с разными редакциями текстов, имеет право полагать, что позднейший гибрид «Хромой судьбы» с «Гадкими лебедями» — авторская ошибка. Что «Отель "У погибшего альпиниста"» в журнальном варианте «Юности» четче, строже и логичней, чем в книжном издании. Что книжное издание «Обитаемого острова» — наоборот, несколько выигрывает и по сравнению с журнальным, и по сравнению с «полным» (которое представлено в ПСС). Впрочем, это уже другая история...

Светлана Бондаренко и ее команда совершили текстологический подвиг, представив на суд читателей весь спектр вариантов и

возможностей. Мир Стругацких, выставленный на полное обозрение, продолжает пополняться и развиваться — теперь уже за счет интереса извне. Картина мира Стругацких выглядит противоречивой, порою спорной, зато не статичной — живой. То, что обронзовело и застыло,— то не победит.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Е. Шкабарня-Богославский, С. Лифанов

СРЕДНИЙ ПОЛДЕНЬ ПО ГРИНВИЧУ

Так возникла «связь времен», дьявольски нам симпатичная. При этом мы никогда (или почти никогда) не занимались хронологией нашего Мира специально, так что теперь несчастные «людены» вынуждены совершать буквально героические подвиги, чтобы «подтянуть» здесь и «распустить» там — во имя единства истории, о которой авторы в свое время не позаботились.

Б. Н. Стругацкий,
офлайн-интервью, март 1999 г.

Известно, что хронологический порядок произведений, вошедших в первые пять томов «Миров братьев Стругацких» (произведения Полуденного Цикла), был установлен непосредственно Б. Н. Стругацким. Вот этот порядок или «хронология Стругацкого»:

— СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ, ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ, СТАЖЕРЫ;

— ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ (ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, ИСПЫТАНИЯ «СКИБР», ЧАСТНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, ШЕСТЬ СПИЧЕК, БЕДНЫЕ ЗЛЫЕ ЛЮДИ), ПОЛДЕНЬ. XXII ВЕК;

— ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ, ПОПЫТКА К БЕГСТВУ, ДАЛЕКАЯ РАДУГА;

— ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ, МАЛЫШ;

— ПАРЕНЬ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ, БЕСПОКОЙСТВО, ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ, ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР.

Тем не менее, исходя из анализа текстов, представляется возможным предложить иной, в значительной степени отличный от «хронологии Стругацкого», порядок произведений АБС с точки зрения хронологии происходящих в них событий.

Но сначала немного о датах. В произведениях Полуденного Цикла Авторы применяют семь (или пять — это смотря как считать) различных вариантов датировки событий:

1. Общепринятая, традиционная датировка: «2017 год» — старт экспедиции «Таймыр—Ермак», ПХХIIВ; частично — «19.. год» в СБТ[1].

2. Датировка событий «от начала XX века» (подвариант № 1 стандартной датировки) — например, «99 год» [т. е. 1999 г.— *Авт.*], исследование экипажем «Хиуса-8» аморфного поля на северном полюсе Урана, С.

3. Датировка «от начала XXI века» (подвариант № 2 стандартной датировки) — например, «119 год» [там же рядом и 2119 г.— *Авт.*], возвращение «Таймыра», ПХХIIВ.

4. Датировка «от начала XXII века», а именно:

— все двухразрядные даты в ЖВМ и ВГВ: «78 год» [т. е. 2178 г.— *Авт.*] — операция «Жук в муравейнике»; или «99 год» [т. е. 2199 г.— *Авт.*] — события БО (подвариант № 3 стандартной датировки);

---

[1] Или, к примеру, повесть «Извне» (И), где, несмотря на подобным же образом «затененный» Авторами «19..» год, события датируются абсолютно точно — август-сентябрь 1956 г. Дело в том, что «офицеры Н-ской» части выехали на штурм сопки в субботу, 1-го сентября. Такая комбинация даты и дня недели — 1 сентября, суббота — случалась в: ...1934 г., 1945 г., 1951 г., 1956 г., 1962 г., 1973 и т. д. годах. Очевидно, что 1951 г.— слишком рано для И (уже известна, например, водородная бомба), а 1962 г.— поздно (человек уже полетел в космос), значит — 1956 г., что, в общем-то, подтверждают и черновики И. (Вопрос же «А какое отношение «Извне» имеет к Полуденному Циклу?» оставим пока открытым.) — *Е. Ш.-Б.*

— трехразрядные даты в ВГВ: «101», «102», «125» и «126» годы [т. е. 2201-й, 2202-й, 2225-й и 2226-й гг.— *Авт.*][1].

5. Датировка «от Октябрьской революции 1917 года» — все даты в М (или примыкающей к Циклу условно ЭВП): например, «234 год» [т. е.: + 1917 г. = 2151 г.— *Авт.*], гибель «Пилигрима».

6. Датировка «по юлианскому дню», т. е. «юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь» — открытие планеты Саула, ПКБ.

7. Локальные, местные датировки, в т. ч.:

а) «экзотические» варианты: «год Весов» в ХВВ или «год Воды» в ТББ;

б) конкретные, но неидентифицируемые даты — например, «84 год» на Саракше, ОО.

Хронология произведений Полуденного Мира

Чрезвычайное происшествие (ЧП) — 1989 г.

События происходят через три года после гибели на Каллисто экипажа американского корабля «Астра-12», которое датировано в СБТ — 5 лет назад.

Другие версии: конец 1990-х гг.— совместная хронология В. Казакова и С. Лифанова.

Страна багровых туч (СБТ) — 1991 г., эпилог — 1992–94 гг.

Действие повести разворачивается за 10 лет до ПНА (по первоначальной (позже исправленной) версии АБС — в 1985 году). Точных дат в СБТ нет, есть «затененные» даты вида «19.. год» и много «шлейфовых», производных дат[2].

---

[1] Работая над хронологиями, никто, насколько я знаю, из «людоенов» не сомневался именно в такой интерпретации. Отметив сей факт, остается выразить сожаление, что он почему-то никем не был зафиксирован документально ранее, что не привело бы к породившим дискуссии «исправлениям» хронологии в ПСС.— *С. Л.*

[2] Подробную хронику событий СБТ и принципы расчета дат «быковско-жилинской тетралогии» можно найти в эссе С. Лифанова «Планета Венера, 1991, август—сентябрь: хроника одной экспедиции» (журн. «Уральский следопыт», 1991, № 10). Кажется, это первая из опубликованных в широкой прессе работ по хронологии Полуденного цикла.— *Е. Ш.-Б.*

Путь на Амальтею (ПНА) — 2001 г.

События происходят через 2 года после исследования экипажем «Хиуса-8» атмосферы Урана, которое точно датировано в С: в 99 [т. е. в 1999.— *Авт.*] году экспедиционная группа Дауге — Юрковского открыла и исследовала бомбозондами т. н. аморфное поле на Северном полюсе Урана (2-й вариант датировки событий).

Песчаная горячка (ПГ) — около 2005–2010 гг.

Точных дат в рассказе нет; можно предположить, что описанные события относятся к периоду 1991–2011 гг., для которого характерно, в частности, присутствие на Венере т. н. «аутсайдеров» (см. «Венера. Архаизмы» в «Неопубликованном» из СС «Сталкера»). Возможны и другие варианты датировки ПГ, например, конец 1990-х гг.

Стажеры (С) — 2011 г.

События происходят спустя 10 лет после ПНА.

Частные предположения (ЧПП) — 2018 г.

Дата определяется возрастом и фактами биографии Валентина Петрова (особенно из первого, как бы «неканонического», варианта рассказа, опубликованного в журнале «Знание — сила» и сборнике «Альфа Эридана»). Подтверждением близости по времени экспедиций «Таймыра» (2017 г.) и «Муромца» (2018 г.) служит и то, что цели этих экспедиций были, в общем-то, весьма схожи, а именно: исследование свойств пространства-времени при околосветовых скоростях и произвольно меняющихся ускорениях. Вот только результаты были получены прямо противоположные.

ЧПП — самое сложное для хронологической интерпретации произведение Полуденного Цикла. Все дело в том, что упомянутые в этом же рассказе две другие экспедиции к звезде Тайя — Антона Быкова на «Луче» (старт, якобы, в 2016 г.) и Леонида Горбовского на «Тариэле» (старт в 2017 г.) — не могли состояться именно в эти годы из-за возраста героев (Горбовский, например, появится на свет только в 2030-х годах) и, скорее всего, имели место в конце 2060-х — начале 2070-х годов. Таким образом, мы предлагаем считать звездную экспедицию Вали Петрова на «Муромце» Третьей (она и в рассказе третья) — после Первой Межзвездной Василия Ляхова на «Хиусе-Молния» (2005 г.) и экспедиции «Таймыра» (2017 г., вероятно,— Второй Межзвездной).

Другие версии: М. Назаренко — вторая половина XXI века (авторская хронология); С. Переслегин — 2054 г. (экспедиция А. Бы-

кова), 2069 г. (экспедиция Л. Горбовского), 2071 г. (экспедиция В. Петрова) (авторская хронология).

Хищные вещи века (ХВВ) — 2019 г.

События датируются по возрасту И. Жилина и времени его сотрудничества с СБ. В повести есть «местная» дата «год Весов». [Вариант датировки событий 7-а; вероятно, около 2002–2005 гг.; в черновиках ХВВ вместо нее значилось «5 сентября 1999 года».— *Авт.*]

Испытания СКИБР (ИС) — конец 2060-х — начало 2070-х гг.

Точных дат в рассказе нет; датируется вероятным возрастом накануне старта к звезде Тайя Антона Быкова — командира «Луча», внука Алексея Быкова, и Леонида Горбовского, командира «Тариэля», который полетит вслед за Быковым. [См. выше комментарий к ЧПП, а также к новелле «Поражение» из ПХХIIВ о запуске Акимовым и Сермусом первой системы киберразведчиков.— *Авт.*]

Забытый эксперимент (ЗЭ) — 2080–2090-е гг.

Время действия определяется хронологией событий, связанных с разработкой и испытанием тау-электродинамических систем (т. н. «двигатели времени» или псевдовечные двигатели), и наличием у экспедиции Института неклассических механик (ИНКМ) киберразведчиков [см. ИС — *Авт.*].

Другие версии: М. Назаренко — середина XXI века.

Полдень. XXII век (ПХХIIВ)[1].

Ночь на Марсе (1) — 1986 г. Пять лет колонизации Марса, начало которой датировано в С — 30 лет назад [т. е. 1981 г.— *Авт.*].

Почти такие же (2) — 2005 г. События происходят после ПНА; дата подтверждается продолжительностью строительства и испытания фотонного корабля «Хиус-Молния» (5 лет) и фактами из биографии И. Жилина в ПНА (Жилин проходил практику для выпускников ВШК на Спу-20, где строился «Хиус-Молния»).

Хроника (5) — 2017 г. и др. даты: точные даты из официальной информации (1-й вариант датировки событий).

Двое с «Таймыра» (6) — 2119 г.: точная дата в новелле (1-й вариант датировки событий); там же и 119 год (3-й вариант датировки событий).

---

[1] Последовательность новелл в романе (см. порядковый номер в скобках) не всегда соответствует хронологии описанных в них событий. Объяснения этому факту в доступных нам источниках не обнаружено.— *Авт.*

Перестарок (3), Злоумышленники (4), Самодвижущиеся дороги (7), Скатерть-самобранка (8), Возвращение (9) — 2119 г. Датируются по времени действия новеллы «Двое с “Таймыра”».

Десантники (11) — 2123 г. Описанные события происходят после «Возвращения» (где Горбовский еще только собирается лететь на Владиславу для поиска города Странников), но до «Странствующих и путешествующих» (город на Владиславе уже обнаружен) и «Благоустроенной планеты». Другие версии: М. Назаренко — около 2122 (?) г.; М. Шавшин — 2130 г. или 2131 г. (авторская хронология).

О странствующих и путешествующих (16) — 2124 г. Время действия — после «Десантников», когда на Владиславе был обнаружен покинутый город (второй пустой город Странников, с которым имели дело Следопыты; первый был обнаружен на Марсе), но до «Благоустроенной планеты», когда Горбовский нашел на Леониде еще один «чужой» город. Другие версии: М. Шавшин — начало 2130-х гг.

Благоустроенная планета (17) — 2124 г. Из текста БП следует, что Леонида — первая планета, на которой земляне обнаружили гуманоидную цивилизацию. Это означает, что все гуманоидные цивилизации, известные землянам (например, цивилизации Тагоры, «Эстора» и т. д.), будут открыты позже цивилизации Леониды, но никак не раньше.

Другие версии: М. Назаренко — около 2131 г.; С. Переслегин — 2133 г. [и открытию Леониды предшествует открытие Тагоры — *Авт.*]; М. Шавшин — 2130-е гг. [открытию Леониды предшествует открытие Эстора.— *Авт.*].

Загадка задней ноги (13) — середина 2120-х гг.: Е. Славин, после своего возвращения на Землю в 2119 г., уже корреспондент Европейского информационного центра и у него вышла первая книга (очевидно, повесть-очерк «За световым барьером» о рейсе «Таймыра»).

Моби Дик (новелла изъята из романа) — середина 2120-х гг. Время действия основывается на фактах из биографии С. Кондратьева после его ухода в 2119 г. в Океанскую охрану.

Глубокий поиск (12) — 2129 г. Датируется возрастом и биографией жены Кондратьева Акико (см. также новеллу «Свечи перед пультом»). Другие версии: М. Назаренко — около 2122 (?) — 2123 (?) гг.

Томление духа (10) — 2130 г. События происходят спустя 10 лет после окончания Полем Гнедых и Александром Костылиным Аньюдинской школы-интерната, им по 25 лет. Другие версии: С. Переслегин — начало 2130-х гг.

Поражение (18) — начало 2130-х гг. Еще одна серьезная, как и в ЧПП, хронологическая нестыковка. В данном случае описанные в новелле события (испытание на Дальнем Востоке модели механозародыша) и приведенные факты из биографии Михаила Сидорова («Он прожил такую жизнь, какую мне никогда не прожить. Да и многим другим тоже. Но все-таки он уже прожил.— Почему, собственно, прожил? Он только перестал летать»; «А когда Акимов и Сермус запустили первую систему киберразведчиков, Сидоров даже хотел уйти из космоса. Это было тридцать лет назад...» и т. п.) практически невозможно совместить с биографией «настоящего» Атоса-Сидорова, знакомого нам по Полуденному Циклу и родившегося, напомним, в 2105 г.

Многое (если не все) становится на свои места, если вспомнить, что «Поражение» — переработанный АБС более ранний рассказ «Белый конус Алаида» (БКА), и в этом рассказе Михаил Сидоров (Атос) — Федор Ашмарин, и штурмовал он не Владиславу с Белиндой, а Венеру с Япетом и Ганимедом.

Можно, конечно, попытаться сдвинуть датировку «Поражения» на требуемые 30 лет — где-то в 2150-е гг. Но тогда вслед за Атосом автоматически передвинется (в 2120-е гг., скорее всего) и весь блок «Сермус — СКИБР», а это противоречит ИС, ЧПП и ЗЭ.

Можно оставить все как есть и считать указанные выше фразы либо апокрифом, либо фактами из биографии, но какого-то другого человека, не Атоса-Сидорова.

И, в-третьих, можно вернуться к «неканоническому» БКА. Тогда испытания МЗ-8 (Яйца) датируются где-то началом XXII века, т. е. в полном соответствии и с ИС, и с ЧПП, и с динамикой работ по созданию эмбриомеханических устройств (см., например, черновик начала новеллы «Самодвижущиеся дороги» («Глава восьмая. Полтораста лет спустя»): «...созданы и испытаны первые модели эмбриомеханических устройств...» [к 2119 г.— *Авт.*]), но тогда там не будет Атоса-Сидорова. Так что решайте сами, уважаемые читатели.

Другие версии: М. Назаренко — около 2136 г.; М. Шавшин — конец 2130-х гг., в исправленной версии авторской хронологии — после 2139 г.

Естествознание в мире духов (15) — начало 2130-х гг. Время действия определяется сопоставлением биографии сына ридера Гарри Питерса, комментария Т. Глумова к работе К. Пумивура «Ридер: права и обязанности» (ВГВ), а также деятельностью Института Физики Пространства (см. также ДР) и ходом работ по осуществлению проекта Большой Шахты (см. также «Самодвижущиеся дороги» и «Свечи перед пультом»). Другие версии времени проведения опытов с участием ридеров по поиску взаимопроникающих пространств: М. Шавшин — 2130-е гг.; В. Казаков — 2120-е гг., обнаружение — 2135 г. (эссе «Полет над гнездом лягушки»); у М. Назаренко разработка Теории Взаимопроникающих Пространств — середина 2120-х гг.

Какими вы будете (20) — 2132 г. Дата является следствием перекрестного сравнения биографий Сергея Кондратьева (Б), Леонида Горбовского (Б) и Вадима, структурального лингвиста (ПКБ). Такого же мнения о дате первого контакта с Тагорой — 2132 г.— придерживается и М. Назаренко. Другие версии: В. Казаков — 2133 г.; С. Переслегин — 2122 г.

Свечи перед пультом (14) — 2136 г. Датируется фактами из биографии Сергея Кондратьева (Б) и его жены Акико (см. также «Глубокий поиск»). Другие версии: М. Назаренко — около 2129 г.; М. Шавшин и С. Переслегин — 2121 г.

Свидание (19) — середина 2180-х гг. Логически следует из возраста А. Костылина, правнучка которого вышла замуж. Другие версии: М. Шавшин — середина 2170-х гг. или позже; С. Переслегин — 2189 г.; М. Назаренко — 2190-е гг.

Бедные злые люди (БЗЛ) — середина 2130-х гг.

Можно предположить, что события БЗЛ относятся, скорее всего, к «романтическому» периоду в деятельности земных наблюдателей (сотрудников ИЭИ) 2124 — 2146 гг.

Другие версии: М. Назаренко — 2140–2150-е гг.

Беспокойство («Улитка на склоне-1») (Б, УНС-1) — 2136 г.

Дата основывается на фактах биографии Поля Гнедых (см. также «Томление духа», ПХХПВ). Другие версии: В. Казаков — 2137 г.; М. Савеличев — 2135 г. (повесть «Возлюби дальнего» (Б-2)); С. Переслегин — начало 2130-х годов; М. Шавшин — два варианта: 2139 г. и вторая половина 2160-х гг.

Далекая Радуга (ДР) — 2136 г.

Точные даты отсутствуют; события перекрестно датируются возрастом Горбовского в ДР и в ВГВ. Обязательное условие: в хронологическом раскладе произведений ДР и ПКБ должны находится как можно более близко, т. к. только в них (и более нигде) упоминается такое направление в искусстве как «эмоциолизм». В. Казаков тоже считает, что события на Радуге происходят в 2136 г.

Другие версии: М. Назаренко — начало 2140-х годов; С. Переслегин — 2156 г. (по словам автора, описанные в ДР события первоначально датировались концом XXII века, во всяком случае — после 2161 г.); М. Шавшин — начало 2160-х гг.

Попытка к бегству (ПКБ) — 2137 г.

Парадокс заключается в том, что в ПКБ указана абсолютно точная дата: «юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь» (или JD = 2542967, 6-й вариант датировки событий), что соответствует 22 апреля 2250 года, вторая половина дня (по Гринвичу). То есть XXIII век, что, собственно, и подтверждают АБС в статье «Давайте думать о будущем» (1970): «ПКБ была задумана как юмористическая повестушка из развеселой жизни туристов-кибернетиков XXIII века». Однако, в ВГВ Авторы «вернули» Саулу в XXII век: достоверно известно, что в первой половине 2180-х годов на Сауле уже функционирует база землян. Вернуть-то Саулу вернули, а вот старая дата так и осталась в тексте.

Принимая во внимание, что в тексте ПКБ часто упоминаются события, так или иначе связанные с Тагорой, существует два теоретических варианта возможного времени открытия Саулы:

а) Саула открыта до февраля 2138 г. (т. к. в феврале земляне были поставлены перед необходимостью вернуться с Тагоры на Землю, произошел разрыв связей с Тагорой);

б) Саула открыта в период между 2163 г. (именно в 2163 г., после двадцатипятилетнего перерыва, были возобновлены ранее прерванные связи с Тагорой) и первой половиной 2180-х гг.

По многим косвенным признакам понятно, что Саула открыта, скорее всего, до февраля 2138 г. Доказательством этому может служить и решение т. н. «формулы Глумовой» |9 (в т. ч. 3) + 3 = 12 — *Авт.*| из «Малыша»: Саула явно фигурирует среди девяти известных землянам на момент проведения операции «Ковчег» гуманоидных рас, следовательно, она была открыта до февраля 2138 г., например, в 2137 г. Такой же точки зрения придерживается и В. Казаков.

Другие версии: М. Савеличев — Саула открыта не позже 2135 г.; М. Назаренко — около 2140 г.; С. Переслегин и Л. Филиппов (повесть «День ангела») — 2141 г.; М. Шавшин — первая половина 2180-х гг.

Интересно, как в таком случае могла бы выглядеть каноническая, но, увы, «неправильная» дата «юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь» (JD = 2542967)? И чтобы при этом цифровое обозначение нового «юлианского дня» минимально отличалось от авторского.

Для этого зафиксируем «фланги» исходной даты JD = 2542967 — группы цифр «25» и «967», их мы изменять не будем, изменению если и подлежит, то только «центральная» группа «42». Опустим математические расчеты и перейдем к выводам:

1) для того, чтобы дата открытия Саулы приходилась на XXII век, группу «42» можно изменять лишь в интервале значений от «00» (JD = 2500967) до «24» (JD = 2524967), т. к. «24» — это уже граница между XXII и XXIII веками;

2) версия М. Шавшина — «Саула открыта в первой половине 2180-х годов» — имеет положительное решение при следующих значениях «центральной» группы: «17» (JD = 2517967) и «18» (JD = 2518967), что соответствует 2181 и 2184 гг.;

3) группа «00» (JD = 2500967) соответствует апрелю 2135 г.— это фактически версия М. Савеличева («Саула открыта не позже 2135 г.»);

4) группа «02» (JD = 2502967) соответствует октябрю 2140 г.— а это уже версия М. Назаренко («Саула открыта около 2140 г.»);

5) версия С. Переслегина и Л. Филиппова — «Саула открыта в 2141 г.» — не имеет положительного решения при заданных условиях;

6) «Саула открыта в 2137 г.» — версия В. Казакова, С. Лифанова и Е. Шкабарни-Богославского — также не имеет положительного решения при заданных условиях, хотя и весьма близка к нему;

7) и, наконец, самое интересное: группа «01» (JD = 2501967) соответствует январю 2138 г., конкретно — 19 января 2138 г. [Подробности событий конца декабря 2137 г.— января 2138 г. см. в ЖВМ. Перефразируя АБС, это был скверный январь для всех посвященных.— *Авт.*]

Итак, решение, казалось бы, чисто абстрактной и высосанной из пальца задачки привело нас к довольно неожиданным результа-

там: более половины версий, касающихся даты открытия Саулы, имеют положительное решение при заданных условиях, плюс вычислена новая возможная дата — январь 2138 г. (JD = 2501967, «до февраля 38-го». Такое вот совпадение.)

Трудно быть богом (ТББ) — 2146 г.

Точных дат в тексте нет; есть «местная» дата «год Воды» [вариант датировки событий 7-а; вероятно, тот же 2146 г. по земному летосчислению — *Авт.*]; какая бы то ни было привязка описанных событий к временной шкале отсутствует. Неизвестно также и название планеты, поэтому в Хронологии применяется условное название «Эстор».

Указанная датировка событий ТББ является следствием гипотезы «двух Антонов», суть которой в том, что героев по имени Антон в Мире Полудня на самом деле всего двое: Антон Быков, командир «Луча», сын Григория Быкова и внук Алексея Быкова (ИС, ЧПП, ПХХIIВ; он же Антон — командир «Стрелы» в ДР) и Антон-Румата (он же Антон из ПКБ)[1]. В случае с Антоном-Руматой формальные основания для подобного отождествления есть: Антон в ПКБ — пилот, звездолетчик, ему 26 лет, для друзей — Тошка; Антон в ТББ — бывший сменный пилот рейсового звездолета, 35 лет, он шестой год в Арканаре, друзья называют его Тошкой. Вероятно, речь, все-таки, идет об одном и том же человеке, только повзрослевшем на 9 лет. Таким образом, время действия ТББ — 2146 г.

Возможен вопрос: почему Антон (ПКБ) ушел из Космоса в экспериментальную историю? Ну, как минимум, одна причина для этого была: Антона просто «попросили» из Космоса за несанкционированный контакт на Сауле: «И так вся эта эскапада будет стоить мне пилотского права... Уверяю тебя, второй раз на Саулу я полечу уже не классным звездолетчиком, а плохим врачом-энтузиастом». (Вообще-то, обнаружив на планете разум, земляне должны были немедленно ее покинуть — инструкция 06/3. О правилах поведения командира корабля в подобных ситуациях см. также М.)

Другие версии: Андрей Лазарчук — 2148 г. (повесть «Все хорошо»); М. Назаренко — середина 2150-х гг.; С. Переслегин — 2156 г.

Обитаемый остров (ОО) — 2157 г.

---

[1] Идея о тождестве Антонов не нова, она обсуждалась в августе 1990 г. на встрече «людоенов» с АНС.— *С. Л.*

Дата основывается на сравнении фактов из биографии Льва Абалкина (дипломная практика на Саракше в феврале-сентябре 2158 г., ЖВМ) и времени первого массового десанта (вторжения) Островной Империи в Страну Отцов (ОО, ЖВМ). 2157 г. как время действия ОО поддерживают все хронологи: В. Казаков, М. Шавшин, М. Назаренко, С. Переслегин, Л. Филиппов. Проблема возникает там, где ее быть, вроде бы, не должно — с годом рождения Максима Каммерера. В ОО Максиму 20 лет и, значит, он родился в 2137 г. (так считает и М. Шавшин); ту же дату — 2137 г.— дает и ВГВ: в 2226 г., на момент написания мемуаров, Максиму 89 лет. Но в ЖВМ (2178 г.) М. Каммереру 45 лет, следовательно, он родился в 2133 г. А В. Борисов в «Энциклопедии Миров братьев Стругацких» утверждает, что «...при внимательном рассмотрении выясняется, что у Максима Каммерера аж три (!) разных года рождения...» Честно говоря, третьего года рождения не рассмотрели. Ну что ж, будем разбираться дальше.

Еще в ОО можно обнаружить любопытную, но, к сожалению, неидентифицируемую дату: «... в восемьдесят четвертом они лепили сырое тесто прямо на раскаленную броню...» (вариант датировки событий 7-б).

Малыш (М) — 2161 г.

Все даты в повести даны «от Октябрьской революции 1917 года» (5-й вариант датировки событий). Время действия М подтверждается возрастом Майи Глумовой: Майе около 20 лет, она на три года младше Льва Абалкина, родившегося в 2138 г. (ЖВМ). Практически все исследователи ПМ — В. Казаков, М. Шавшин, С. Переслегин, Л. Филиппов — согласны с тем, что описанная в М операция «Ковчег» происходит в 2161 г.

Другие версии: М. Назаренко — около 2162 г.; Дана Данилова — 2048 г. (пьеса «Айсберг Тауматы»); Войцех Кайтох (Польша) — 2245 г. (монография «Братья Стругацкие»).

Жук в муравейнике (ЖВМ) — 2178 г.

Точная дата в тексте приведена как «78 год» [т. е. 2178 г.— *Авт.*] (4-й вариант датировки событий). Кроме того, в ЖВМ очень много «шлейфовых» дат в той же двухразрядной системе записи.

В. Борисов: «...в беседе с "люденами" Борис Стругацкий отмечал, что все даты в романе определялись более ранними произведениями, связанными с "Жуком..." общими героями: "Мы просто

прикинули, когда действие должно происходить, как мы всегда это делали, чтобы не впадать в большие хронологические промахи (сколько лет должно быть Горбовскому, к примеру). И получили примерно конец семидесятых"»[1].

Белый Ферзь, или Операция «Вирус» (название условное) — около 2178–2183 гг.

События этого задуманного АБС, но ненаписанного романа о Максиме Каммерере в Островной Империи датировал сам Б. Н. Стругацкий в «Комментариях к пройденному»: «Действие романа должно было происходить где-то вскоре после событий «Жука в муравейнике», лет через пяток после этого и задолго до времен Большого Откровения». Что подтверждается и сопоставлением биографий М. Каммерера и Т. Глумова по ВГВ: «Тойво был еще школьником, а Биг-Баг проник в Островную Империю, в самую столицу...» Тойво родился в 2167 г., в школе в Мире Полудня учатся до 15 лет, следовательно: нижняя граница — 2178 г. (ЖВМ), верхняя (по Глумову) — 2182 г.

Парень из преисподней (ПИП) — 2198 г.

Точных дат в тексте нет; датируется по возрасту Корнея Яшмаа (Корнею около 60 лет, родился в 2138 г., ЖВМ). Такого же мнения придерживается и М. Назаренко.

Другие версии: М. Шавшин — около 2194 г.; Михаил Успенский — после мая 2199 г. (повесть «Змеиное молоко»); С. Переслегин — 2177 г.

Волны гасят ветер (ВГВ) — 2194–2199 гг., 2226 г.

Точные даты в повести приведены как в двухразрядной, так и в трехразрядной системе записи: 99 год [т. е. 2199 г.— *Авт.*] — события БО, 126 год [т. е. 2226 г.— *Авт.*] — мемуары М. Каммерера (4-й вариант датировки событий). В ВГВ, как и в ЖВМ, также очень много «шлейфовых» дат в двухразрядной манере.

Вадим Казаков и Сергей Лифанов включали в Цикл также рассказы «Спонтанный рефлекс» (СР) (время действия — 1980-е гг.) и «Шесть спичек» (ШС) (середина 1990-х гг.). Необходимо также иметь в виду и пьесу «Без оружия» (БО), сценарии «Жука...» (ЖВМ-

[1] Цит. по комментариям В. Борисова к монографии В. Кайтоха «Братья Стругацкие».— *Авт.*

с) и «Мальчика из преисподней» (МИП) АНС, а также не вошедшую в ПХХПВ и неопубликованную новеллу «Президиум ЭСМ». На сегодня это самый полный (хотя и небесспорный) перечень произведений Полуденного Цикла АБС.

Евгений Шкабарня-Богославский

СТРАННИКИ

Объединенная хронология Полуденного мира

> «Странники, Странники,— почти пропел Горбовский. Он лежал теперь, натянув на себя плед до самого носа.— Надо же, сколько я себя помню, с самого детства, столько идут разговоры об этих Странниках...»
>
> *А. и Б. Стругацкие, «Волны гасят ветер»*

XX ВЕК

Первая половина 1950-х гг.

— [Родился (около 1951 г.) Петр Васильевич, пилот.][1]
— [Вышла замуж бабушка Евгения Славина, геодезист.]
— Родился Михаил Крутиков.
— [Родился Петр Махов.]

Вторая половина 1950-х гг.

— [Родился Владимир Юрковский (15 ноября 1955 г.).]
— Родился Анатолий Ермаков (около 1956 г.).
— Родился Алексей Быков ((август?) 1957 г.).
— Родился Богдан Спицын[2].
— Родился Григорий Дауге (16 сентября 1959 г.).

---

[1] В квадратных скобках [ ] приведены данные из черновиков или «неканонических» текстов АБС.— *Е. Ш.-Б.*

[2] Богдан Спицын родился и до пяти лет жил на Марсе (научный городок, Большой Сырт).— Вероятно, ошибка Г. Дауге; см. 1986 г., Е. Славин.— *Е. Ш.-Б.*

1960-е гг.

— Умер отец Алексея Быкова (1960 г.).

— Ядерная энергетика — составная часть в общем энергетическом балансе страны.

— Испытания космических ракет на Седьмом полигоне (1961 г.).

— Первая в мире высадка на Луну (Николай Тихонович Гер).

— Начало полетов на другие планеты (1961 г.).

— [Родился Василий Ляхов.]

— Родилась Мария Юрковская, сестра В. Юрковского.

— Расцвет импульсных атомных ракет, время Краюхина, Привалова, Соколовского.

— Николай Краюхин — первый исследователь нескольких лун, строитель пяти крупнейших искусственных спутников (ИС), [победитель в кровавой бойне в Пустой полосе], воспитатель и кумир трех поколений межпланетников; приемный отец А. Ермакова.

1970-е гг.

— Одна за другой три экспедиции на Венеру: первый корабль сгорел; вторая сообщила, что идет на посадку и замолчала навсегда; третья благополучно села на поверхность планеты и — через сутки — замолчала[1]. ИНФОРМАЦИЯ: через несколько дней кто-то быстро проговорил в микрофон: «Горячка, горячка, горячка...». На этом связь оборвалась.

— Международный конгресс космогаторов (МКК) разработал план изучения Венеры, рассчитанный на пятнадцать лет.

— [Знакомство Михаила Крутикова с Н. Краюхиным (около 1971 г.).]

— Эл Дженкинс изобрел окситан (1972 г.).

— Алексей Быков воспитывается и учится в школе-интернате (до 1972 г.).

— Михаил Крутиков окончил математико-механический факультет Университета в Ленинграде. Работа в Институте космогации. Окончание [вместе с Петром Маховым] школы штурманов-межпланетников. (Первая половина 1970-х гг.)

— Родилась Вайна Туур, вдова генерал-полковника Туура (1974 г.).

---

[1] Третья экспедиция, видимо, была чешская. — *Е. Ш.-Б.*

— А. Быков — помощник моториста и моторист реактивных глиссеров-амфибий на Волге; участник двух олимпиад в составе хоккейной сборной «Волга» (1972–1976 гг.).

— Н. Краюхин — первый исследователь двух больших планет.

— М. Крутиков в числе первых участвовал в пробных полетах за пояс астероидов. Знакомство М. Крутикова с Богданом Спицыным (1976 г.).

— А. Быков поступил в техническое училище наземного транспорта (бывшая школа автобронетанковых войск), отделение экспедиционного реакторного транспорта (1976 г.).

— Гибель немецкого космотанкера вследствие извержения раскаленных газов (протонного фонтана после взрыва) на Солнце (1976 г.).

— Шрайбер в Новосибирске развил идею «абсолютного отражателя» (вторая половина 1970-х гг.).

— Бидхан Бондепадхай основал на Луне обсерваторию.

— Постройка нескольких ИС — обсерваторий для изучения стратосферы Венеры.

— Составление карты горных цепей и измерение магнитного поля Венеры.

— Французский ИС установил область повышенной радиации на Венере — Урановую Голконду (суммарная площадь — 0,5 млн. км^2). Информацию подтвердили советские, китайские и японские исследователи.

— Высадка и попытка обосноваться на Марсе Нортона.

— Экспедиция на Марс Кривицкого (продержался три месяца и нашел на Марсе воду).

— Николай Краюхин водил Анатолия Ермакова в первый рейс (конец 1970-х гг.).

— Родились Иван [Федорович? Александрович?] Жилин и Пек Зенай (1979 г.).

— [Инцидент Федора, пилота, с Н. Краюхиным (1980 г.).]

1980-е гг.

— Начало колонизации Марса (1981 г.).

— Начал летать Богдан Спицын (1981 г.).

— Алексей Быков окончил техническое училище наземного транспорта (1981 г.).

— Работа А. Быкова в горах Тянь-Шань (1981—1988 гг.). Две статьи А. Быкова в журнале «Гусеничный транспорт» — «Ремонт моторных реакторов в полевых условиях. Личный опыт».

— Ряд попыток высадиться на Венере (Абросимов, Нисидзима, Соколовский, Ши Фэнь-ю и др. [Краюхин, Воронин]) и предпринять непосредственное исследование ее поверхности не увенчался успехом. ИНФОРМАЦИЯ: погиб Соколовский — вице-президент МКК, близкий друг А. Ермакова; ослепшим калекой вернулся в Нагоя Нисидзима, друг Ермакова; пропал без вести лучший пилот Китая Ши Фэнь-ю, учитель А. Ермакова. Всего за период 1971—1991 гг. из восьми кораблей, брошенных на Венеру, шесть разбились о скалы.

— МКК призвал временно воздержаться от новых попыток покорения Венеры со старыми средствами и учредил премию за разработку нового вида межпланетного транспорта для преодоления кипящего панциря венерианской атмосферы.

— Работы по созданию фотонной ракеты в СССР.

— Строительство порта «Большой Сырт» на Марсе. Один из руководителей строительства — Виктор Гайдадымов.

— Григорий Дауге на Марсе.

— Михаил Крутиков — участник экспедиций на Луну, Марс, в пояс астероидов.

— Участие В. Юрковского в самых рискованных экспедициях.

— Гибель Екатерины Ермаковой, жены Анатолия Ермакова. ИНФОРМАЦИЯ: Е. Ермакова — первый человек, высадившийся на Венере, естественном спутнике Венеры. Гибели Е. Ермаковой, якобы, предшествовало столкновение между членами экипажа. После этого женщин перестали брать в дальние межпланетные рейсы.

— Четыре попытки А. Ермакова высадиться на Венере (неудачные).

— Гибель на Венере Бидхана Бондепадхая (-джи) из Калькутты (разбился о скалы).

— За период 1981—1991 гг. в район Урановой Голконды направлены шесть экспедиций и минимум дюжина беспилотных устройств.

— [Сражения в космическом пространстве с «Симмонсами» — жестокими и беспощадными пиратами, оседлавшими межпланетные коммуникации и готовившимися нанести удар из космоса по советским республикам.]

— [Гибель ИС «Комсомольская» с экипажем из шестнадцати человек (юношей и девушек, окончивших за год до этого специальную школу); среди погибших — Юрий, врач, сын Николая Краюхина.]

— [Александр Лазаревич Семенов — первый исследователь лун Урана.]

— [Экспедиции Владислава Миньковского на планетолете «Слоник» на Луну и на Марс; В. Миньковский первым высадился на Цереру.]

— [Гибель на Меркурии двух экспедиций; среди погибших — Еськин, Кукскико, Лядов и многие другие.]

— [Богдан Спицын водил картографов в район Ледяного Плато на Меркурии.]

— [Участие Воронина в рискованной истории с англичанами.]

1981—1986 гг.

— Следопыты установили искусственное происхождение двух спутников Марса.

— На востоке Марса нашли нефть.

— Николай Краюхин совершил свой последний рейс — на Венеру. Запрет врачей на его дальнейшее участие в полетах.

— Б. Спицын — участник первых экспедиций в пояс астероидов.

— [Космогатор Карл Рихтер на своем корабле «Лорелея» (импульсник типа «Астра») совершил беспримерную по смелости высадку на Меркурий, где потерял половину экипажа, а сам стал калекой. Оставшись на изувеченном корабле единственным пилотом, сумел привести его к Земле и остался его капитаном навсегда.]

1983 г.

— Родились Валентин [Григорьевич] Петров, Сергей Кондратьев, Сергей Завьялов, Михаил Малышев.

1985 г.

— Юрковский и Глузкин в рейсе на Луну.

— Начало совместной работы Владимира Юрковского и Григория Дауге (Луна, марсианские пустыни).

— Алексей Быков попал в аварию.

— У Михаила Крутикова родилась старшая дочь.

1986 г.

— Начало штурманской деятельности М. Крутикова.

— Юрковский и Хлебников на Марсе. Происшествие с Хлебниковым.

— Первые нападения марсианских летающих пиявок[1] на людей.

— Федор Опанасенко — Следопыт на Марсе.

— Родился Евгений Славин — первый землянин, родившийся на Марсе.

— Начало проекта «Хиус».

— Старт первого фотонного беспилотного устройства «Змей Горыныч».

— Высадка на Каллисто экипажа американского звездолета «Астра-12». Гибель всего экипажа от неизвестной болезни. ИНФОРМАЦИЯ: в составе экспедиции было 5 человек — два пилота и трое ученых; капитан — Рудольф Церер.

— Участие штурмана Виктора Борисовича в спасении экспедиции на Каллисто.

— Алексей Быков начал встречаться с учительницей из Ашхабада [Антониной Николаевной, будущей женой].

1987 г.

— Обнаружение на Тагоре при закладке Третьей Большой Машины «саркофага»-садка (был уничтожен).

1988–1991 гг.

— Служба (с небольшими перерывами — командировки, курсы) Алексея Быкова в песках Гоби (инженер-механик гобийской советско-китайской экспедиционной базы). Вступление в партию.

— К концу третьего десятилетия после первых лунных перелетов все объекты в пределах 1,5 млрд. км от Земли уже знакомы человеку. Составлены планетология и планетография Луны, Марса и Меркурия, крупных спутников больших планет и некоторых астероидов. Наступил новый этап завоевания пространства: время освоения «трудных» больших планет — Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна и Венеры.

— На Каллисто и Титане, спутниках Юпитера и Сатурна, обнаружена жизнь. ИНФОРМАЦИЯ: люди столкнулись с животными;

[1] По другой версии АБС марсианских летающих пиявок откроет позже Мбога.— *Е. Ш.-Б.*

Лев Воронов привез с Каллисто ящерицу, а биолог Малышев пытался вывезти титанианскую улитку.

— [А. Л. Семенов — участник прославленной экспедиции на Каллисто.]

— [В экспедициях на Каллисто участвовали также Богдан Спицын (тогда привезли полудохлого червяка длиной в три метра), Гладков, пилоты Петр Васильевич и Федор.]

— Разрыв Григория Дауге с женой, Марией Юрковской.

1988 г.

— Китайцы (командир — Лу Ши-эр) открыли Вэйян — крошечную планетку возле Меркурия.

1989 г.

— Начало отливки корпуса первой фотонной ракеты на ИС «Вэйдады Ю-и» советскими и китайскими мастерами.

— Экспедиция на Венеру Мехти — Ермакова. Удачная высадка на Венере. ИНФОРМАЦИЯ: экспедиция Тахмасиба — Ермакова стартовала на специально оборудованной спортивной ракете. В составе экспедиции: Анатолий Ермаков (пятая экспедиция на Венеру); Тахмасиб Мехти — азербайджанский геолог, первый человек, побывавший на Голконде; двое геологов.

— Открытие на Венере месторождения радиоактивных руд «Урановая Голконда». Загадка Тахмасиба.

— Гибель двух геологов. Смерть при старте Тахмасиба Мехти.

— Возвращение спустя полмесяца на Землю А. Ермакова.

— Рейс планетолета К. Станкевича по маршруту Титан (Сатурн) — Луна. Экипаж планетолета: Константин Станкевич, капитан; Лидин, бортинженер; Виктор Борисович, штурман; Туммер; пассажир — Малышев, биолог.

— Обнаружение в Солнечной системе небелковых форм жизни.

— Владимир Юрковский на Марсе.

— Во время испытаний сгорел «Хиус-1». Гибель Ашота Петросяна.

1990 г.

— [На Венере пропала чешская экспедиция. Экипаж планетолета «Слоник» под командованием Владислава Миньковского отправился с ИС «Циолковский» на поиски пропавших чехов. (Бог-

дан Спицын в это время — на «Циолковском».) Рождение спустя полмесяца после отлета Эдика — сына Миньковского, первого мальчика, родившегося на «Циолковском». Гибель на Венере экипажа «Слоника» (Миньковский, Божка, Штееман и Збинский).]

— Г. Дауге в Гоби. Встреча с олгой-хорхоем. ИНФОРМАЦИЯ: олгой-хорхой впервые был описан И. Ефремовым за полвека до этого.

— Алексей Быков руководит спасением экспедиции Дауге.

— Наша экспедиция на Вэйян. ИНФОРМАЦИЯ: среди участников экспедиции — Федор, пилот.

1991 г.

— Изучение Венеры с нескольких временных и постоянных ИС (в т. ч. двух — АН СССР).

— Николай Краюхин — заместитель председателя ГК МПС при Совете Министров.

— Статья М. Крутикова в «Космонавте» об автоматическом управлении планетолетом.

— Алексей Быков — начальник колонны атомных транспортеров-вездеходов гобийской экспедиционной базы. Вызов в Москву и включение в состав экспедиции на Венеру.

— [Гибель на Меркурии при аварийной посадке (возможно, в скалах западнее Ледяного Плато) Михаила Гершензона со своими ребятами — участников актинографической экспедиции, третьей экспедиции, которая погибла на этой планете. Неудачные попытки Воронина обнаружить погибшую экспедицию (в составе экипажа, кроме Воронина,— пилот Петр Васильевич, Юшков и Петренко).]

— [Скоро ожидается очередная экспедиция на Каллисто.]

— Над Юпитером погиб Поль Данже, автор книги «Планетологическое описание Фобоса».

— Маневры «Хиуса-2» под командованием Василия Ляхова вокруг Венеры. Посещение ИС и Вениты, естественного спутника Венеры (июль).

— Подготовка к полету на Венеру (июль). ИНФОРМАЦИЯ: две недели было запланировано на изучение маяков, затем — каждый по специальности. Испытания «Малыша». Неделя санаторного режима. Ориентировочный старт экспедиции на Венеру — 15—18 августа, продолжительность — не более полутора месяцев.

— Прибытие «Хиуса-2» на Землю.

— [Владимир Юрковский сильно поругался с Василием Ляховым по вопросу о том, кому принадлежит ведущая роль в межпланетных исследованиях. Вмешательство Н. Краюхина.]

— Старт экспедиции на Венеру (планетолет «Хиус-2», 18 августа). Экипаж «Хиуса-2»: Анатолий Ермаков — начальник экспедиции, командир, физик, биолог, врач; Богдан Спицын — пилот, радист, штурман, бортинженер; Михаил Крутиков — штурман, кибернетист, пилот, бортинженер; Владимир Юрковский — геолог, радист, биолог; Григорий Дауге — геолог, биолог; Алексей Быков — инженер-механик, химик, водитель, радист.

— Запуск новой ТЯЭС (1,5 млн. кВт) в Верхоянске.

— Строительство Англо-Китайско-Советской астрофизической обсерватории на Луне.

— Обнаружение на Марсе Долины Хиуса (20 августа).

— Гибель в поясе астероидов корабля «Стар» (21 августа). ИНФОРМАЦИЯ: на корабле находился проф. Роберт Ллойд, Кембридж. На помощь гибнущему кораблю шел Лу Ши-эр, «Янцзы».

— На Фобосе (Марс) — международная база.

— «Хиус-2» на орбите Венеры. Восстановление связи.

— Сближение «Хиуса» с ИС Венеры «Циолковским» (начальник [с января] — Петр Махов, заместитель — Григорий Штирнер). Прибытие Махова и Штирнера на борт планетолета (22 августа).

— Посадка «Хиуса-2» на Венеру. Обнаружение жизни на планете. ИНФОРМАЦИЯ: до этого единственным небесным телом, на котором удалось обнаружить животную жизнь, был спутник Юпитера Каллисто[1].

— Марш к Урановой Голконде.

— Обнаружение погибшего планетолета и останков Бидхана Бондепадхая.

— Исчезновение и гибель Богдана Спицына.

— На берегах Дымного моря. Ракетодром «Урановая Голконда № 1» готов к приему первых планетолетов. День рождения Г. Дауге (16 сентября).

---

[1] И Титан, спутник Сатурна. А вообще-то первым небесным телом, на котором удалось обнаружить животную жизнь, был Марс с его летающими пиявками и ящерами-мимикродонами.— *Е. Ш.-Б.*

— Подготовка к вылету «Хиуса-3». Задача — перебросить на Голконду большую группу специалистов.

— Гибель командира экспедиции Анатолия Ермакова (17 сентября).

— Раскрытие тайны «Красного кольца» (загадки Тахмасиба).

— Спасение М. Крутиковым Алексея Быкова, Владимира Юрковского и Григория Дауге.

— Возвращение экипажа «Хиуса-2» на Землю.

— Алексей Быков поступил в Высшую Школу Космогации (ВШК).

1992 г.

— Штурм Урановой Голконды (начало августа). ИНФОРМАЦИЯ: в штурме принимали участие экипажи трех «Хиусов»: первый — под управлением М. Крутикова; В. Гайдадымов возглавил группу строителей; Павел Лин — группу геологов.

— Алексей Быков в это время на экзаменах в ВШК.

1993 г.

— Открытие на Венере ракетодрома высшего класса («Порт Голконда»), города и памятника первопроходцам.

— Иргенсен высадился на южном полюсе Венеры. Открытие новой страны с диковинными животными.

— Родился Григорий Быков, сын Алексея Быкова.

— Родился Юрий Бородин, вакуум-сварщик.

— Открытие большого тяжеловодного озера в другом полушарии Венеры (декабрь).

1994 г.

— Запрет на участие В. Юрковского в третьем походе вокруг Голконды (6 февраля).

— Письмо В. Юрковского А. Быкову (7 февраля).

— ИНФОРМАЦИЯ: Алексей Быков — на III курсе ВШК.

— Г. Дауге оправился и просит отправить его на Венеру. [ИНФОРМАЦИЯ. После этого Григорий Дауге долго работал на Венере вместе с Юрковским.]

— М. Крутиков откомандирован на Амальтею.

— Готовится экспедиция на Северный полюс Венеры (февраль).

1996 г.

— Строительство Старой Базы на Марсе (отметка 205).

— Окончание Алексеем Быковым командирского факультета ВШК.

— Начало полетов А. Быкова и М. Крутикова на одном корабле.

— Иван Жилин и Пек Зенай поступили в ВШК.

1998—2000 гг.

— В. Ляхов читает теорию фотонного привода [и курс космогации на трансмарсианских трассах] в ВШК.

— [Безуспешные попытки Алексея Быкова добиться перевода на рейсовый танкер Венера — Земля или на грузовой планетолет второго класса, ходивший четыре раза в год к Марсу.]

— [ИНФОРМАЦИЯ. У Алексея Быкова к этому времени двое детей — сын и дочь Вера.]

— [Григория Дауге послали на Марс и ему там не повезло — была зимняя буря и его засыпало.]

— [Постройка Спу-17 — крупнейшего межпланетного порта для рейсовых и исследовательских кораблей.]

— [ИНФОРМАЦИЯ. Спу-17 — постоянный ИС Земли, представляющий собой автономную систему складов, заправочных станций, стартовых конструкций и жилых помещений; постоянный экипаж Спу-17 был укомплектован главным образом однокурсниками и близкими товарищами Алексея Быкова по ВШК.]

— Наметились первые триумфы волновой психотехники.

— Выход брошюры Криницкого и Миловановича о системе воспитания.

1999 г.

— Экспедиционная группа Дауге — Юрковского открыла и исследовала бомбозондами т. н. аморфное поле на северном полюсе Урана. В составе экипажа планетолета «Хиус-8»: Алексей Быков — командир; Михаил Крутиков — штурман; Владимир Юрковский — планетолог; Григорий Дауге — планетолог.

— Владимир Юрковский на Марсе.

— Родилась Вузи Туур, дочь генерал-полковника Туура.

2000 г.

— Специальные исследования Лекруа Аморфного Пятна на Уране, ранее открытого группой Дауге — Юрковского.

— [Григорий Дауге совершил рейс на Амальтею.]

— Катастрофа Ивана Жилина на IV курсе ВШК во время зачетного подъема на геодезической ракете под Новоенисейском.

— Поступление В. Петрова, С. Кондратьева, С. Завьялова и М. Малышева в ВШК.

XXI век

2000–2005 гг.

— Постройка на Спу-20 и испытания первого пилотируемого прямоточника «Хиус-Молния».

— Публикация «Трудов Академии неклассических механик».

— Подписание Пакта о всеобщем разоружении.

— Гибель штурмана — испытателя Юсупова.

— Штраух выдвинул предложение включать шизоидов в состав экипажей космических кораблей.

2001 г.

— Гибель на Юпитере Сергея Петрушевского.

— [Александр Лазаревич Семенов — начальник ВШК.]

— Сантор Ян — зам. начальника ВШК[1]. [ИНФОРМАЦИЯ. Сантор Ян, слывший среди межпланетников под прозвищем «Железный Ян»,— великий мастер «прямой космогации» и создатель теории Зоны Абсолютно Свободного Полета.]

— Иван Жилин на трехмесячной практике [курсы теории аннигиляционного привода] для выпускников ВШК на Спу-20 («Звездочка»).

— Возвращение фотонного танкера-автомата из зоны АСП. ИНФОРМАЦИЯ: из 19 разведчиков 3 не вернулись.

— Дипломный перелет И. Жилина Спу-16 Земля — «Цифэй» Луна.

— Окончание И. Жилиным инженерного факультета ВШК.

— [Председатель ГКМПС Н. Краюхин попросил Школу срочно откомандировать в распоряжение третьего отдела Комитета сменного бортинженера. ИНФОРМАЦИЯ. Третий отдел занимал-

[1] В разных изданиях его имя также Чэнь Кунь и Тодор Кан.— *Е. Ш.-Б.*

ся главным образом грузопассажирской связью с системой исследовательских станций и экспедиций в поясе астероидов и вокруг Юпитера. Трансмарсианские рейсы считались тогда наиболее сложными и молодых межпланетников назначали в такие рейсы только в особых случаях.]

— Распределение Жилина на «Тахмасиб». [ИНФОРМАЦИЯ. «Тахмасиб» — новый фотонный рейсовый планетолет типа «Хиус-9». Для планет с атмосферами не годился, тем более, если там были люди; действовал только на трансмарсианских линиях; на марсианских трассах работали старенькие «Хиус»-3 и «Хиус»-4.]

— Пек Зенай окончил ВШК, космонавт-испытатель (2001–2009 гг.). [ИНФОРМАЦИЯ. Пек Зенай испытывал самые рискованные модели космических кораблей. Вместе с Иваном Жилиным участвовал в сто шестом рейсе и абордаже на Титане.]

— [Написание В. Юрковским и Г. Дауге книги «Планетология и проблемы космогонии».]

— Катастрофа с продовольствием (гибель продовольственного склада) на Каллисто.

— [Валентин Страут — диспетчер Спу-17; в прошлом — участник штурма Япета.]

— [Карл Рихтер на своем корабле «Лорелея» с грузом отправился в рейс по маршруту Спу-17 Земля — «Цифэй» Луна.]

— [Спу-17: погрузка «Тахмасиба» перед рейсом на Амальтею.]

— Рейс «Тахмасиба» на Амальтею, спутник Юпитера. Экипаж планетолета: Алексей Быков — командир; Михаил Крутиков — штурман; Владимир Юрковский — планетолог; Григорий Дауге — планетолог; Иван Жилин — бортинженер; Шарль Моллар — радиооптик на Амальтею. [ИНФОРМАЦИЯ. В общей сложности шестой рейс А. Быкова, одного из немногих тогда командиров кораблей на трансмарсианских трассах, на Амальтею.]

— Увод Быковым «Тахмасиба» от Юпитера на двенадцатикратной перегрузке.

— Прибытие «Тахмасиба» на планетологическую «Джей-станцию» (Амальтея, директор станции — Кангрен).

2002–2005 гг.

— Окончание исследований В. Юрковским и Г. Дауге Аморфного Пятна на Уране (март, год неизвестен). [В составе экипажа планетолета «Тахмасиб»: Алексей Быков — командир; Михаил

Крутиков — штурман; Владимир Юрковский — планетолог; Григорий Дауге — планетолог; Иван Жилин — бортинженер.]

— Возвращение «Тахмасиба» на Землю (сентябрь того же года).

— В. Юрковский сорвал банк в казино Города Дураков (5 декабря того же года, год Весов по местному летосчислению). Установка в городе в честь этого события памятника В. Юрковскому. [ИНФОРМАЦИЯ. К этому времени Владимир Юрковский — крупный ученый, член двух академий.]

— Спецкурс В. Юрковского «Планеты-гиганты» в Институте Планетологии.

2002 г.

— Участие В. Юрковского в IV Всемирном конгрессе планетологов в Конакри (20 декабря).

2003 г.

— [Мартови первым в мире исследовал пространство за Плутоном и нашел там второе кольцо астероидов.]

— Основание на астероиде Бамберга компании «Space Pearl Ltd.».

— Владислав Шершень — аспирант Института Планетологии.

2004 г.

— Стажировка М. Малышева на Спу-20.

— [Очередной рейс А. Быкова на Амальтею; в рейсе принимал участие Дьердь, биолог.]

2005 г.

— [М. Крутиков тайком подал заявление об участии в Первой Межзвездной экспедиции (было отклонено в самой вежливой форме).]

— [Жена Мартови работает на «Джей-станции» (Амальтея).]

— [Последний по времени рейсовый планетолет на Амальтею (за три месяца до старта Первой Межзвездной).]

— [Кангрен нашел на Меркурии развалины.]

— [Н. Краюхин совершил свой последний внеземной перелет, чтобы увидеть старт «Хиуса-Молнии».]

— Первая Межзвездная экспедиция В. Ляхова («Хиус-Молния»). [ИНФОРМАЦИЯ. В составе экипажа экспедиции — четве-

ро ученых и трое пилотов, в т. ч.: пилоты В. Ляхов, Колкер (бортинженер) и Мартови; биолог Дьердь, китаец-кибернетик и др. Полет должен был продлиться восемь лет на субсветовых скоростях.]

— [Выход «Хиуса-Молнии» в зону АСП над плоскостью Солнечной системы.]

— Окончание ВШК С. Кондратьевым, В. Петровым, С. Завьяловым, М. Малышевым.

— Тодор Кан (Железный Кан) — начальник Штурманского факультета ВШК.

— Национализация «United Rocket Construction».

— Окончание строительства системы Теплый Сырт на Марсе.

— Владислав Шершень — директор обсерватории на Дионе.

2005–2010 гг.

— Подавление военных (фашистских) путчей. Мобилизация для этого добровольцев.

— В. Юрковский — начальник экспедиции на Марсе.

— Попытка Вельяминова исследовать развалины Старой Базы (отметка 211, Серые Развалины) на Марсе.

— Аутсайдеры на Венере. Эффект «песчаной горячки».

— [Планетолет «Навои» с В. Петровым и С. Завьяловым попал в метеоритный поток.]

2006 г.

— Начало работы на Марсе астронома Матти.

2008 г.

— [Неудачная экспедиция к Ганимеду с участием Валентина Петрова. ИНФОРМАЦИЯ. Экспедиция закончилась неудачей из-за ошибки В. Петрова.]

— [Участие артистки Ружены Насковой в шефском концерте в санатории межпланетников в Териоках. Знакомство с В. Петровым. Ружена — жена Валентина Петрова.]

— [Изучение В. Петровым (в промежутках между рейсами) новейших исследований по теории тяготения, по ассиметричной механике, по специальным разделам математики.]

— На астероиде Эйномия начала функционировать единственная в мире физическая станция по исследованию гравитации.

— Начало интриг в обсерватории на Дионе.

— Родился Лэн Туур, сын генерал-полковника Туура.

2009 г.

— Фашистский мятеж Зуна Паданы в Стране Дураков.

— Возвращение Пека Зеная в родной город.

— Участие Ивана Жилина и Пека Зеная в подавлении мятежа.

— Гибель Айовы Смита (инженер-мелиоратор, США), Роберта Свентицкого (кинорежиссер, Краков, Польша) и Учителя (школьный учитель из этого города).

— Крах мятежа. Гибель Зуна Паданы.

— Начало сотрудничества И. Жилина со Службой Безопасности.

— Римайер — резидент СБ в Странс Дураков.

— Поход учителей в Вашингтон.

2010 г.

— Постройка станции «Кольцо-1» (Сатурн).

— Григорию Дауге запретили летать.

Первая половина 2010-х гг.

— Борьба с гангстерами — с гангстерскими шайками, корпорациями и империями. Мобилизация добровольцев.

— Вышел закон о гангстерах.

— Попытка С. Кондратьева высадиться на Венеру.

— Выход в свет монографии Леминга «Тау-электродинамика».

— [На верфях Плато Солидарности, Луна, заложена новая серия фотонных планетолетов типа «Хиус-Молния», проект коллектива Варшавского института МУКСа.]

— [Международная академия транспорта во взаимодействии с Харьковским институтом физики пространства продолжает эксперименты по осуществлению нуль-транспортировки. Главная трудность состоит в невозможности локализовать точку нуль-перехода и зону финиша.]

— [В Иркутском институте экспериментальной генетики продолжаются опыты по «воспитанию» хромосомных структур. Зародышевая клетка с «воспитанными» хромосомами будет развиваться в особь с готовыми условными рефлексами.]

— [Океанологическая субмарина «Хигаси» сообщила о новом виде гигантских головоногих моллюсков, близких к архитойтисам.]

— [Продолжается строительство стационарного плавучего острова «Лена».]

2011 г.

— Написание М. Крутиковым мемуаров по заданию архивного отдела МУКС.

— Покоритель Ганимеда капитан Эптон — директор компании «Minerals Ltd.».

— Знаменитый штурман Сайрус Кэмпбэлл — владелец двух крупнейших ресторанов в Нью-Йорке.

— [Шарль Моллар — заместитель начальника ракетодрома в Мирза-Чарле по связи. ИНФОРМАЦИЯ. Мирза-Чарле располагался на юге Заунгузских Кара-Кумов, в трехстах километрах севернее Ашхабада[1].]

— Спецрейс № 17 планетолета «Тахмасиб». Экипаж планетолета: Алексей Быков — командир; Владимир Юрковский — Генеральный инспектор МУКС, начальник экспедиции; Михаил Крутиков — штурман; Иван Жилин — бортинженер; Юрий Бородин — вакуум-сварщик на Рею, стажер.

— (У АБС на данный момент времени на Земле — 4 млрд. чел.)

— МАРС — Система Теплый Сырт. Директор системы — А. Лямин, В. Гайдадымов — зам. директора по строительству, Ф. Опанасенко — начальник Следопытов.

— Обнаружение на Марсе развалин чужой базы, покинутой около 80 лет назад (т. н. Старая База, отметка 211 или Серые Развалины).

— Облава на марсианских летающих пиявок («сора-тобу хиру»). ИНФОРМАЦИЯ: за 30 лет совершено полторы тысячи нападений летающих пиявок на людей — убито три и искалечено двенадцать человек.

— «ЭЙНОМИЯ» — физическая обсерватория на месте разрушенного в процессе экспериментов одноименного астероида.

— Смерть-планетчики.

— БАМБЕРГА — астероид, компания «Space Pearl Ltd.».

— Бэла Барабаш — комиссар МУКС на Бамберге. Арест управляющего компанией Ричардсона.

[1] По другой версии АБС — в Казахстане.— *Е. Ш.-Б.*

— ДИОНА — спутник Сатурна, обсерватория. Директор — В. Шершень.

— Снятие с работы В. Шершня и А. Кравца. Назначение [Генриха] Мюллера, ушедшего перед этим с Дионы на Тефию, новым директором обсерватории.

— «КОЛЬЦО-1» — искусственный спутник Сатурна, станция, обсерватория.

— Директор системы — Федор Зайцев.

— Работа добровольцев на «Кольце-2».

— Исследование Кольца Сатурна, предпринятое Юрковским и Крутиковым. Странная находка в Кольце.

— Гибель Владимира Юрковского и Михаила Крутикова. Попытка Алексея Быкова спасти их на швейцарском танкере (капитан танкера — Корф).

— Решение И. Жилина уйти из Космоса.

— Экспедиция к Трансплутону (Церберу). Начальник экспедиции — Арнаутов, капитан — Алексей Быков, бортинженер — вероятно, Иван Жилин.

— Окончательный уход Ивана Жилина из Космоса.

2012–2019 гг.

— Иван Жилин — сотрудник Совета Безопасности. Участие Жилина в операциях СБ.

— И. Жилин в Аньюдинском интернате.

— И. Жилин в Маниле.

— Начало практических опытов с волновой психотехникой (слег, дрожка; эпицентр — Страна Дураков).

— Мхагана и Бурис обратились в ООН с жалобой на применение сепаратистами нового вида оружия — замораживающих бомб (операция СБ, Мюнхен).

— Операция СБ в Уганде по пресечению деятельности браконьеров, которые выманивали птеродактилей далеко за пределы заповедника.

— [Родился Форто Каспаро — инженер-кибернетист, племянник великого ученого.]

2014 г.

— [Принято решение об участии В. Петрова в звездной экспедиции.]

2015 г.

— Начало трехлетних испытаний В. Петровым в зоне АСП звездолета «Муромец».

2016 г.

— Предсказание Григорием Быковым Д-принципа.

— В Стране Дураков расформирована и запрещена организация «КВС» (рыбари).

2017 г.

— 07.11.2017 г.— старт экспедиции «Таймыр-Ермак»[1] [к UV Кита]. Состав экипажа «Таймыра»: Алексей Жуков — капитан и начальник экспедиции; Константин Фалин — бортинженер; Джордж Аллан Поллак — бортинженер; Сергей Кондратьев — штурман; Петер Кениг — кибернетист; Евгений Славин — врач.

— В Стране Дураков возникло общество «ДОЦ» (рыбари).

— Приезд в Страну для написания картины Джонатана Крайса.

2018 г.

— Профессор социальной психологии Рубинштейн в Городе Дураков.

— Третья Звездная экспедиция Валентина Петрова («Муромец»). Состав экипажа «Муромца»: Валентин Петров — капитан; Сергей Завьялов — бортинженер; Людвиг Порта — биолог; Ларри Ларсен; Сабуро Микими; Артур Лепелье.

— 7-й год по бортовому времени — экспедиция достигла звезды Тайя.

— 11-й год по бортовому времени — экспедиция достигла звезды BK 71016. Открытие в системе звезды планеты Ружена. Гибель на Ружене Людвига Порты.

— 12-й год по бортовому времени — смерть по пути на Землю С. Завьялова.

— 13-й год по бортовому времени — смерть Сабуро Микими.

— 17-й год по бортовому времени — возвращение, спустя половину земных года после старта, «Муромца» на Землю (В. Петров, Л. Ларсен, А. Лепелье).

---

[1] Фактически — Вторая Межзвездная. — *Е. Ш.-Б.*

— 30.09.2018 г.— экспедиция «Таймыр — Ермак», достигнув скорости 0,957 абсолютной, относительно Солнца, приступила к выполнению программы исследований.

— 15.10.2018 г.— «Таймыр» приступил к выполнению очередной эволюции.

— 17.10.2018 г.— исчезновение планетолета «Таймыр».

— Гибель А. Жукова (локальное время неизвестно)[1].

— Гибель после второго эфирного моста К. Фалина и Дж. А. Поллака (локальное время неизвестно).

— Высадка экипажа «Таймыра» на Планете Синих Песков. Гибель Петера Кенига (локальное время неизвестно).

— Родился доктор Моргенау.

— Выход в свет работы проф. Рубинштейна «Инстинктивная социология разлагающихся экономических формаций».

2019 г.

— Иван Жилин в Вене. Участие в операции СБ, связанной со слегом.

— Боливия: правительственные войска после упорных боев овладели городом Рейес; мятежники оттеснены. (Официальная информация на 16 апреля 2019 г.)

— Международный конгресс ядерников в Москве. Хаггертон и Соловьев сообщили о проекте промышленной установки для получения антивеществ. (Официальная информация на 16 апреля 2019 г.)

— Запуск с базы «Старый Восток» (Плутон) в зону АСП очередной серии беспилотных устройств. (Официальная информация на 16 апреля 2019 г.)

— Генеральный секретарь ООН направил генералиссимусу Орельяносу официальное послание, в котором предупредил, что в случае повторного применения экстремистами атомных гранат в Эльдорадо будут введены полицейские силы ООН. (Официальная информация на 16 апреля 2019 г.)

— У истоков реки Квандо (Центральная Ангола) археологическая экспедиция АН ОАР обнаружила остатки циклопических сооружений, построенных, как полагают, задолго до ледникового периода. (Официальная информация на 16 апреля 2019 г.)

---

[1] Возможно, после первого эфирного моста.— *Е. Ш.-Б.*

— Группа специалистов Объединенного центра исследований субэлектронных структур оценивает запасы энергии, имеющиеся в распоряжении человечества, как достаточные на три млрд. лет. (Официальная информация на 16 апреля 2019 г.)

— Космический отдел ЮНЕСКО сообщает, что относительный прирост населения внеземных баз и плацдармов приближается к приросту населения на Земле. (Официальная информация на 16 апреля 2019 г.)

— Глава английской делегации в ООН от имени великих держав выступил с проектом полной демилитаризации, хотя бы и насильственным путем, еще милитаризованных районов земного шара. (Официальная информация на 16 апреля 2019 г.)

— Выход статьи представителя новейшей философии, лауреата Государственных премий д-ра Опира «Мир без забот». (Официальная информация на 16 апреля 2019 г.)

— Иван Жилин в Городе Дураков (16—18 апреля).

— Попытка контакта с резидентом СБ Римайером (16 апреля). Дрожка. Меценаты.

— Повторная попытка контакта с Римайером (17 апреля). Приключение у рыбарей в Старом Метро. Встреча с Пеком Зенаем (Бубой). Испытание слега.

— Смерть Пека Зеная (18 апреля). Эвакуация Римайера. Прибытие Марии.

— Оскар Пеблбридж (Юго-Западное отделение СБ) — дублер И. Жилина.

— Обсуждение плана блокады города.

— Решение И. Жилина уйти из СБ и остаться в городе для дальнейшей самостоятельной деятельности.

2020 г.

— 16.05.2020 г.— обнаружение и перехват на возвратной орбите беспилотного планетолета I класса «Ермак».

2021 г.

— 08.10.2021 г.— окончание работы комиссии АН по изучению результатов экспедиции «Таймыр — Ермак». Вывод комиссии: планетолет первого класса «Таймыр» со всем экипажем погиб в результате катастрофы; причины катастрофы не установлены. (Из-

вестия Международного Центра Научной Информации, № 237 от 9 октября 2021 года.)

Начало 2020-х гг.

— Закладка и пуск в порядке эксперимента на Луне (кратер Буллиальд) и Земле (Амазонка, Антарктида, Сибирь) четырех тау-электродинамических систем (т. н. «двигатели времени» или псевдовечные двигатели).

— Передача готовой строительной площадки в Сибири (в районе Лантанида) под телемеханическую мезонную лабораторию.

2026 г.

— В недрах Марса обнаружен пустой тоннельный город из янтарина. Впервые произнесено слово «Странники».

Первая половина 2030-х гг.

— Родился академик Окада.

Вторая половина 2030-х гг.

— Родился Леонид Горбовский.

2037 г.

— [Трагедия в лаборатории института дорожного машиностроения. Взрыв здания.]

2042 г.

— [Строительство трансгобийской магистрали. Разрушение мертвого города.]

2044 г.

— Взрыв мезонной лаборатории под Лантанидом (Сибирь).

— Родился историк науки Айзек Бромберг.

2047 г.

— [Создание в институте дорожного машиностроения лучших в мире дорожных машин для Меркурия и Венеры.]

2048 г.

— Родился Валерий Серафимович, доктор педагогики.

Конец 2040-х гг.

— Начало применения фукамизации (биоблокады; суть — растормаживание гипоталамуса).

2052 г.

— [Тайна Венеры.]

2060-е гг.

— Экспедиции Л. Горбовского на Венеру.

— Перенос на Луну и на спутники всех ядерных лабораторий.

2062 г.

— Родился Ромуальд Крэсеску, Прогрессор.

Конец 2060-х — начало 2070-х гг.

— Испытание Акимовым и Сермусом системы киберразведчиков (СКИБР). ИНФОРМАЦИЯ: систему строили шесть заводских лабораторий и два института; Акимов и Эрнест Сермус в течение двух лет осуществляли доводку системы — тонкое программирование.

— [У АБС на данный момент времени — 8 млрд. чел.]

— Звездные экспедиции Антона Быкова («Луч») и Леонида Горбовского («Тариэль») к звезде Тайя[1]. (В составе экспедиции А. Быкова — Акимов, программист; Нина, жена Акимова, сервомеханик, а также еще две женщины; продолжительность экспедиции — 12 лет[2].)

— Дискуссии на Земле о Голосе Пустоты.

— Родился С. П. Федосеев, Учитель, археолог.

— [Начало использования мезонных реакторов в качестве стандартных микропогодных установок.]

— [Строительство гигантских дамб вокруг прибрежных городов и отрывка котлована посреди Сахары. Посадка садов в Антарктике. Освоение бывших тундр в Сибири и Канаде. Развертывание подводных хозяйств.]

---

[1] По другой версии АБС экспедиции А. Быкова и Л. Горбовского стартовали соответственно в 2016 и 2017 гг. — *Е. Ш.-Б.*

[2] Общая продолжительность экспедиций Быкова и Горбовского составила не менее 28 локально-земных лет. — *Е. Ш.-Б.*

— [Начало подготовки к осуществлению проекта «Венера — Марс».]

2074 г.

— Образование КОМКОН[1].

2075 г.

— Родился Рудольф Сикорски (Странник, Карл-Людвиг, Экселенц).

2082 г.

— Участие учителя Тенина в замирении вулкана Стромболи.

Середина 2080-х гг.

— «Массачусетский кошмар» — зарождение новой, нечеловеческой цивилизации Земли. ИНФОРМАЦИЯ: см. книгу Айзека Бромберга «Как это было на самом деле» (история «Массачусетского кошмара»).

— «Казус Чертовой Дюжины» — попытка тринадцати фанатиков-ученых срастить себя с машинами (впоследствии погибли-саморазрушились).

— Организация биостанции (начальник — Круглис) рядом с зоной взрыва мезонной лаборатории под Лантанидом.

2080–2090-е гг.

— Открытие планет Пандора, Яйла и Магора.

— Обнаружение на Магоре псевдохомо, а несколько лет спустя — следов цивилизации.

— Обнаружение на безымянной планете в системе ЕН 9173 развалин сооружений, приписываемых Странникам.

— Участие П. Полесова в экспедиции на Горящее Плато (Меркурий).

— Гибель автоматического турболета «Галатея», высланного в эпицентр взрыва мезонной лаборатории под Лантанидом для разведки; запрет Леминга на дальнейшее ведение воздушной разведки.

---

[1] По другой версии АБС КОМКОН существовал с XX века. — *Е. Ш.-Б.*

— Экспедиция сотрудников Института неклассических механик (ИНКМ) в эпицентр взрыва под Лантанидом. Обнаружение работающего «двигателя времени».

— Возвращение из межзвездных экспедиций Антона Быкова и Леонида Горбовского.

— Начало широкого применения Д-звездолетов.

— [Катастрофа, вызванная на Британских островах попыткой утихомирить Бискайский залив.

Запрет Мирового Совета на такие проекты до тех времен, когда теоретическая синоптика будет в состоянии предсказывать все долговременные последствия значительных изменений макроклимата.]

— [У АБС на данный момент времени население Планеты достигло 15 млрд. чел.]

2094 г.

— Открытие на Пандоре доктором Мбога «бактерии жизни».

— Открытие профессором Карпенко биоблокады (суть — прививка «бактерии жизни»).

XXII век, ПОЛДЕНЬ

Около 2098–2113 гг.

— Экспедиции Яна Яшмаа на Пандоре, Яйле, Магоре. ИНФОРМАЦИЯ: в экспедициях Я. Яшмаа был задействован Драмба — робот-андроид из экспериментальной серии экспедиционных роботов; на Яйле претерпел серьезную аварию, был частично разрушен; впоследствии реконструирован и модернизирован, но больше в экспедициях не участвовал.

— Неудачная попытка контакта. ИНФОРМАЦИЯ. На контакт вышли: командир корабля Эварист Козак (тяжело ранен), штурман группы семи-гуманоид Кварр (погиб), старший ксенолог группы Фаина Каминска и др. ксенологи.

Начало 2100-х гг.

— Родился Мисима, межпланетник.

2101 г.

— Родился Ноле Ренаду, домовладелец, член магистратуры и клуба «Ветеран» (Саракш).

2103 г.

— Родилась Альбина Куботиева (Альбина Великая), знаменитая балерина.

2105 г.

— Родились Геннадий Комов, Михаил Сидоров (Атос), Поль Гнедых, Александр Костылин, Вальтер Саронян.

2106 г.

— Начало изучения лучшими нуль-физиками Земли дискретного пространства на Радуге — планете для физических экспериментов.

— Знакомство Николая Званцева с академиком Окадой.

— Родился Умник, ротмистр, председатель чрезвычайного трибунала, государственный прокурор (Саракш).

2107 г.

— Родился Гэл Кетшеф, врач, один из руководителей подполья в Стране Отцов на Саракше.

2108 г.

— Экспедиция Бадера — Горбовского к Трансплутону. ИНФОРМАЦИЯ: на этот момент еще жива мать Л. Горбовского.

2109 г.

— Родилась Акико [Канда] (Кондратьева).

— [Начало осуществления проекта «К центру Земли».]

Первая половина 2110-х гг.

— Построен Институт Физики Пространства (о. Котлин в Финском заливе).

2111 г.

— Создание ГСП (Группы Свободного Поиска).

— Штурм Слепого Пятна (Л. Горбовский, М. Вязаницын, командир «Подсолнечника» С. Пишта).

— Родились Антон-Румата и его друг Пашка.

— [Начало осуществления проекта «Венера-Марс».]

2113 г.

— Обнаружение на Магоре нечеловеческого разума.

— Робот Драмба — в Музее истории открытий в Любеке.

— Обнаружение Бадером искусственных, неземного происхождения спутников планеты Владислава звезды ЕН 17.

— [Активизация работ в рамках проекта «Венера-Марс».]

2114 г.

— [Член Мирового Совета Елена Завадская предложила закрыть шахту к центру Земли.]

Середина 2110-х гг.

— Высадка Л. Горбовского на Планете Синих Песков.

2115 г.

— Родился Вадим, структуральный лингвист.

— Родился Раше Мусаи, рабочий (Саракш).

— Публикация работы вице-президента Всемирной ассоциации ридеров К. Пумивура «Ридер: права и обязанности» (Бангкок).

2116 г.

— Возвращение Марка Валькенштейна из броска на Нептун. Знакомство на Цифэе (спутнике Луны) с Леонидом Горбовским.

— Начало совместной работы Л. Горбовского, М. Валькенштейна и Перси Диксона.

— Знакомство Акико [Канды] с академиком Окадой.

— Родился Сусуму Хирота («Сэнриган»), историк религий, профессор кафедры истории религий Бангкокского университета, ясновидец.

2117 г.

— Знакомство Атоса с экипажем «Галактиона».

2118 г.

— [В атмосфере Венеры замечено резкое снижение темпов уменьшения концентрации активных газов. ИНФОРМАЦИЯ. Проверка эффективности дезактивационных установок заняла несколько месяцев. В итоге выяснилось, что помимо основного

источника активности — Урановой Голконды — на блокирование и обезвреживание которой понадобилось восемь лет — существуют и еще так называемые паразитные очаги, в сумме по крайней мере в полтора раза мощнее Голконды. Их три. Один у южного полюса.]

— [Старший оператор Сувайло (Латинская Америка), по профессии — химик-катализник, открыл новый способ катализа азота.]

2119 г.

— «Эпоха эмбриомеханики и Д-принципа» (Л. Горбовский).

— [Окончательно завершена Вторая Промышленная Революция и уже назревает Третья Промышленная Революция.]

— [Теоретические и опытные работы ведутся в области вакуумистики и физических гиперпространств — успехи в последней области позволили создать сверхдальние звездолеты и осуществлять свободно галактические перелеты.]

— [Создана и успешно развивается субатомистика.]

— [Созданы и испытаны первые модели эмбриомеханических устройств — устройств, которые получают программу и самостоятельно развиваются в любое заданное устройство.]

— [Появился новый материал: там, где не требуется большая прочность, предлагается применять биоорганическую клетчатку — материал, который сам восстанавливает повреждения. Из этого материала собираются выращивать готовые дома.]

— [ЭНЕРГЕТИКА. Термоядерные и водородно-мезонные электростанции играют главную роль в мировой энергетической системе. В тропических зонах широко используются гелиостанции. На транспорте и в быту широко применяется биоэнергетика. Проведены успешные эксперименты в области использования гравитационной энергии, энергии субатомного распада и первые, неудачные, попытки создать «двигатели времени» — устройства для получения энергии из хода времени. Суммарная энергооснащенность мира оценивается в миллиард триллионов киловатт-часов в год (не считая энергии внеземных станций и баз и энергии армад межпланетных и межзвездных кораблей).]

— [Мезовещество используется мало, даже в звездолетной технике, и применяется главным образом в физических ядерных лабораториях.]

— Самодвижущиеся дороги протянулись через многие города, образуя беспрерывную разветвленную материковую систему от

Пиренеев до Тянь-Шаня и на юг, через равнины Китая, до Ханоя, а в Америке — от порта Юкон до Огненной Земли.

— [Установлена полная власть над климатом.]

— [Люди сохраняют возможность творчески работать до полутораста-двухсот лет.]

— [Биологи наконец разгадали мозг, учатся его копировать и даже создавать искусственно; закончился первый эксперимент по кодированию мозга.]

— [В океанском «сельском хозяйстве» занято около пяти миллионов человек. Получилась большая неприятность: за последние несколько лет почти полностью истребили головоногих — кальмаров и спрутов, и кашалоты начали вымирать; сейчас пытаются спешно выправить положение.]

— Возвращение планетолета I класса «Таймыр» (С. Кондратьев и Е. Славин). Постановка «Таймыра» в музей Космогации.

— Сергей Кондратьев на лечении у доктора Протоса. [ИНФОРМАЦИЯ: в свое время пациентами у врача Протоса были Леонид Горбовский и Николай Званцев.]

— Знакомство Евгения Славина с Шейлой Кадар [учительницей, преподавателем литературы в Аньюдинской школе-интернате].

— Написание повести-очерка «За световым барьером» об экспедиции «Таймыра».

— [Заседание президиума Экономического Совета Мира с повесткой дня: наша экономика и проект «Венера — Марс»; заявка Генерального Руководства проекта «К центру Земли» на очередной год; сигма-дериггринитация; преступление старшего оператора Сувайло, Латинская Америка.]

— [ИНФОРМАЦИЯ. В президиум Экономического Совета Мира входили семь человек: Председатель Президиума Виктор Говорков, по профессии преподаватель; его заместитель Марта Гинзбург, знаменитый хирург; Юй Си-тан, педиатр и психолог; Джеймс Нортон, экономист; Яйла Гайрубекова, заслуженная учительница; Форто Каспаро, инженер-кибернетист; Поль Андерсен, Главный врач лечебно-профилактических учреждений Европейского Юго-Запада.]

— [ИНФОРМАЦИЯ-1: наша экономика и проект «Венера — Марс». В проект втянуты 32% экономической мощности планеты и 167 миллионов человек (всего же за последние восемь лет в проект были вовлечены 200 млн. чел.). Заместитель Генерального Ру-

ководителя проекта — экономист Коллиган. В результате полувековой работы инженеров и ученых Марс и Венера получили вполне пригодную для людей атмосферу. Наступила эпоха великих колонизаций. Работы по генерации атмосферы на Марсе ведутся полным ходом и, по-видимому, будут закончены раньше планового срока.] Непосредственно на Венере работают 20 тысяч человек, которые дают Земле 17% энергии и 85% редких металлов. [Тем не менее, проекту «Венера» угрожает крах, если его не подкрепить немедленно новыми экономическими мощностями. Причина — в существовании на Венере еще трех источников активности помимо Урановой Голконды. Предложения руководства проекта: подключить к проекту «Венера-Марс» до 50% экономических мощностей Планеты и, по крайней мере, полмиллиарда лучших специалистов; свернуть работы на Марсе и перебросить все средства и всех людей оттуда на Венеру; обратиться ко всем инженерно-техническим работникам, работникам межпланетного и звездолетного транспорта, научным работникам с призывом включиться в проект.

— Решение президиума Экономического Совета Мира: рекомендовать Экономическому Совету Мира в кратчайший срок привести работу действующих предприятий в соответствие с новыми потребностями проекта «Венера-Марс»; рекомендовать Совету Космогации передать все имеющиеся в наличии, а также построенные межпланетные и звездолетные транспортные средства в распоряжение проекта «Венера-Марс»; рекомендовать Мировой Академии Наук немедленно перестроить работу таким образом, чтобы все научно-исследовательские учреждения и организации обслуживали проект «Венера-Марс» и содействовали максимально его скорейшей реализации. Сокращение на 70% всех научно-исследовательских работ, не имеющих отношения к проекту и к здравоохранению, перевод 8/10 межпланетного флота на проект, направление в проект хотя бы 3/4 молодежи, достигшей совершеннолетия, позволит считать, что Планета выполнила свои обязательства перед проектом. Все руководство проекта сменить. Разрешить им работать только с машинами.]

— [ИНФОРМАЦИЯ-2: проект «К центру Земли». В проекте задействованы 6 млн. чел., в т. ч. непосредственно в шахте — 10 тысяч. Прорыто 513 623 м, скорость проходки — 2 м/сут. Решение президиума Экономического Совета Мира: рекомендовать Совету приостановить работы по проекту «К центру Земли» (предполо-

жительно шахте придется бездействовать лет десять) и высвободившихся людей, оборудование и экономические мощности перебросить на проект «Венера».]

— [ИНФОРМАЦИЯ-3: сигма-деритринитация. Деритринитацией называется выход в гиперпространство. В зависимости от рода гиперпространства деритринитация бывает альфа, бета, гамма и сигма. До последнего времени сигма-деритринитация была только в теории. Прибытие на Землю из XXI века Сергея Кондратьева и Евгения Славина подтвердило сигма-деритринитацию экспериментально. От группы молодых звездолетчиков поступил проект переброски нескольких специально оснащенных экспедиций в отдаленное будущее — в пятое и шестое тысячелетия. Их 15 человек, и они просят отдать им три устаревших звездолета. Решение президиума: вернуться к рассмотрению указанного проекта после окончания проекта «Венера».]

— [ИНФОРМАЦИЯ-4: преступление старшего оператора Сувайло (Латинская Америка, Экономическая сфера Амазонка). Старший оператор Сувайло в июне самовольно, без получения разрешения в Совете Новых Открытий и Исследовательском надзоре, с группой молодых операторов, развернул в широких масштабах серию опытов по новому способу катализа азота. В результате Ориноко в течение четырех суток несла в Амазонку чистую азотную кислоту. К счастью, обошлось без жертв. Пострадал только сам Сувайло, который самолично уничтожил катализационную установку и при этом сильно обжегся. Мировой Совет охраны природы требует строжайшего наказания виновных. Решение президиума: рекомендовать Совету лишить Сувайло на три года права проводить эксперименты.]

— Окончание разработки проекта дистилляции атмосферного покрова Венеры («Проект "Венера"»). Участие Л. Горбовского в составлении проекта. Рассмотрение и одобрение проекта Мировым Советом.

— Начало проекта «Венера».

— [ИНФОРМАЦИЯ. Не хватало людей и техники. Художники и писатели спешно приобретали технические специальности. Ракетостроительные предприятия работали круглые сутки. Ежедневно к Марсу и Венере уходили десятки звездолетов — звездные экспедиции были временно прекращены,— груженных людьми, машинами, оборудованием, продуктами. За восемь месяцев население Мар-

са и Венеры увеличилось до полутора миллионов человек. У АБС на данный момент времени на Планете — 15 млрд. чел.]

— Член Мирового Совета Елена Завадская и сын ридера Гарри Питерс ушли добровольцами на Венеру. ИНФОРМАЦИЯ: хирург-эмбриомеханик Елена Завадская летела на Венеру, чтобы внимательно изучить местные условия и принять необходимые меры к деколонизации Венеры.

— Возвращение Л. Горбовского из очередного рейса к Венере.

— Уход С. Кондратьева в Океанскую Охрану.

— Работа профессора Карпенко по созданию сыворотки УНБ-ЛАФ (культура «бактерии жизни», биоблокада).

— Постановка робота-андроида Драмбы в нишу в доме Яна Яшмаа.

2120 г.

— Окончание Г. Комовым, М. Сидоровым, П. Гнедых, А. Костылиным и В. Сароняном Аньюдинской школы-интерната.

Начало 2120-х гг.

— Катастрофа «Искателя». Гибель стажера Вальтера Сароняна.

— Поль Гнедых сменил две специальности.

— Атос-Сидоров и Геннадий Комов на планетологической станции на Вените.

— Окончание М. Сидоровым (диплом с отличием) курсов пилотов — космогаторов (экзамены принимал Л. Горбовский).

— Г. Комов на Пандоре.

— Постройка в Джакос (Австралия) КРИ — коллектора рассеянной информации, машины-археолога. Директор — профессор Августос Ломба, ученик Комацувары. Начало решения задачи «Буриданов баран».

— [Сергей Кондратьев во время подводной прогулки убил в рукопашной нарвала.]

2121 г.

— Рейс Антона Быкова по маршруту Владислава — Земля.

— Гарри Питерс приезжает лечиться на Землю.

2122 г.

— Выход монографии Атоса-Сидорова о простейших.

— Атос-Сидоров на спутниках Владиславы.

— Попытки высадки на Владиславе экспедиции Квиппы. Обнаружение бактерий.

— Гибель на Владиславе Стринга.

— [Окончание трехлетнего запрета Экономического Совета Мира на проведение химиком Сувайло экспериментов по катализу азота.]

2123 г.

— Август-Иоганн Бадер, профессор, Десантник — Директор транскосмической звездолетной базы и лаборатории «Владислава ЕН 17», Генеральный уполномоченный Совета Космогации.

— Экспедиция на Владиславу Л. Горбовского. Обнаружение жизни и покинутого города Странников. В составе экспедиции: Марк Валькенштейн — штурман; Перси Диксон — биолог; Рю Васэда — атмосферный физик; Михаил Сидоров — биолог.

— Экологическая катастрофа (бешенство генных структур) на планете Надежда.

2124 г.

— Л. Горбовский вместе с двумя пилотами «помечены» после рейса ЕН 101 — ЕН 2657. Постановка на прикол «Тариэля». Временный уход М. Валькенштейна на подводную станцию. Пилот Анатолий Обозов улетел на Пандору.

— Открытие Л. Горбовским в системе звезды ЕН 23 планеты Леонида и обнаружение на ней пустого города. В составе экипажа также Марк Валькенштейн, Перси Диксон, Рю Васэда.

— Экспедиция на Леониду Геннадия Комова. Обнаружение гуманоидной, биологической цивилизации. Состав экспедиции: Геннадий Комов — начальник группы, Следопыт; Борис Фокин — Следопыт-археолог; Татьяна Палей — инженер-археолог; Мбога (Тора-Охотник) — биолог, охотник; Рю Васэда.

— Акико [Канда] на учебе в Хабаровске.

— Открытие планеты[1] и начало работы на ней земных наблюдателей. (На планете — девять материков; Эсторская империя, герцогство Убанское, Кайсан, страна варваров, [королевство Верти-

[1] Название планеты неизвестно; в данной хронологии употребляется условное название «Эстор». — *Е. Ш.-Б.*

мур, герцогство Картагенское, Картагена, свободный город Горгия, Внутреннее море].)

2124–2128 гг.

— Четырехлетняя работа Поля Гнедых по теоретической сервомеханике (попытки решения проблемы Чеботарева).

Середина 2120-х гг.

— Е. Славин, корреспондент Европейского информационного центра, писатель, в Джакое (Австралия).

— Постройка КРИ моделей по задаче «Буриданов баран».

— [Знакомство Сергея Кондратьева с Ириной Егоровой, лаборанткой базы Океанской Охраны.]

— [У АБС на данный момент времени — 10 млрд. чел.]

— [Александр Костылин руководит поиском затонувшего у рифа Октопус контейнера с грузом. ИНФОРМАЦИЯ: среди участников поиска — планетолог Геннадий Царев и инженер Виктор Дудник.]

2125 г.

— Гарри Питерс дома на лечении.

2126 г.

— Начало работы земных наблюдателей в Эсторской империи.

— Захват Аратой Красивым корабля Эги Любезника и всей пиратской армады. Попытка создания вольной республики на воде.

— Окончание Антоном-Руматой и Пашкой интерната.

— Нуль-физик, лаборант-наблюдатель Роберт Скляров начал работать на Радуге.

— Эвакуация жителей Надежды (предположительно — Странниками).

Вторая половина 2120-х гг.

— Список Горбовского — Бадера (список звезд, лежащих на гипотетическом пути Странников).

— Ральф Ионеско — директор Базы на Пандоре.

— Участие Атоса-Сидорова в штурме Белинды и в экспедиции на Трансплутон.

— [Завершение работ по генерации атмосферы на Марсе.]

— [Шестая и последняя попытка пересечь по меридиану бассейн реки Амазонки (как и предыдущие, закончилась неудачей). ИНФОРМАЦИЯ. В поиск пошли: Андрей Соколов, десантник, Тим Монтана (вызван с Фиесты) и Иржи Марек, врач (третья попытка). Обнаружение в джунглях остатков «Селла», брошенного предыдущей экспедицией (тогда погибли Муррей и Панов).]

Конец 2120-х гг.

— Эксперимент Института Физики Пространства на окраине Солнечной системы по замеру распределения энергии при сигма-деритринитации.

— [Возобновление работ по проекту «К центру Земли».]

— Грандиозный опыт Лю Фынчена на Радуге. Лю погиб, находясь в непосредственной близости от Волны. ИНФОРМАЦИЯ: в это время на Радуге еще нет ни Столицы (только станция), ни Гринфилда.

— Участие Араты Красивого в мятеже соанских корабельщиков. Подавление мятежа на окраине Соана имперской пехотой.

— Дэк Потту (в будущем — ответственный работник штаба подполья в Стране Отцов на Саракше по кличке Генерал) — рабочий на конвейере; поступление в школу младших командиров.

— Тик Феску (Вепрь) лишился руки в довоенной охранке (Саракш).

2128–2130 гг.

— Странствия Поля Гнедых в поисках своей специальности.

2129 г.

— Акико [Канда] — стажер Океанской Охраны у С. Кондратьева и его будущая жена.

2130 г.

— Родился (17 сентября в Борисполе) Даниил Логовенко, д-р психологии, член-корр. АМН Европы, один из основателей и зам. директора по связям с общественными организациями Харьковского филиала Института метапсихических исследований, людей.

— Поль Гнедых у Александра Костылина на ферме «Волга-Единорог». Знакомство с Ириной Егоровой.

— Женитьба Александра Костылина.

— Первый, самый страшный приступ болезни у академика Окады.

Начало 2130-х гг.

— Максим Хайроуд — директор Базы на Пандоре.

— Участие М. Сидорова в испытаниях первого механозародыша (МЗ, модели Яйца).

— Гибель на Венере Гарри Питерса.

— Опыты с участием ридеров по поиску взаимопроникающих пространств.

— (У АБС на данный момент времени на Планете — 10 млрд. чел.)

— Разгар работ по осуществлению проекта Большой Шахты.

— Испытание М. Сидоровым МЗ-8 (Яйца) на Дальнем Востоке.

— [Группа Мисимы для испытаний отправилась на Меркурий, на Горящее Плато.]

— Эстор: двадцатитысячная крестьянская армия, гоняясь по метрополии за баронскими дружинами, сшиблась в открытом поле с пятитысячной гвардией императора. Была разрезана, окружена и вытоптана. Арата Красивый лишился глаза.

— Ядерная колониальная война на Саракше. Развал Империи, десятки малых государств сметены с лица земли. Упразднение в первый же год войны Академии Наук; формирование Его Императорского Величества Академии батальона. Гэл Кетшеф — начальник полевого госпиталя на юго-западе, затем командир пехотной роты; Дэк Потту — капрал. Хаос, голод, эпидемии. ИНФОРМАЦИЯ: во время голода сошел с ума и повесился создатель эволюционной теории. Попытки народных восстаний. Подавление их с применением ядерного оружия. Восстание гарнизона Южной Крепости. Гибель командующего Крепостью принца Кирну. Командование принял на себя главный хирург, полковник медицинской службы (он же «принц-герцог»).

2131—2132 гг.

— Поль Гнедых охотился.

2131 г.

— Начало работы Александра Васильевича [Симонова] (он же дон Кондор) в Эсторской империи (торговая республика Соан).

— Охота Л. Горбовского и С. Кондратьева на гигантских спрутов.

— Выход статьи Лассвица.

2132 г.

— Открытие Тагоры.

— Леонид Горбовский на Тагоре (2132–2134 гг.).

— Работы Сугимото по проблеме общения с гуманоидами. Благодаря Сугимото земляне договорились с тагорцами.

— Посмертное издание последней книги антиевгениста Ш. Дебуке «Построить человека?» (Лион).

2133 гг.

— Путч Неизвестных Отцов на Саракше и захват ими власти.

— Начало работ по созданию учеными бывшей Е. И. В. Академии системы башен противобаллистической защиты (ПБЗ).

— Поль Гнедых — старший егерь Базы «Белые Скалы» на Пандоре.

— Гибель на Пандоре двух туристов и биолога Карла[1]; пропал без вести Валентин.

— Уход Максима Хайроуда с поста директора Базы.

— Поль Гнедых — директор Базы «Белые Скалы».

— Исчезновение на Пандоре Атоса-Сидорова. Обнаружение им гуманоидной цивилизации.

— На Радуге сформирована «ревущая десятка» — бригада испытателей — нуль-перелетчиков во главе с Габой.

2134 г.

— Неудачный опыт с собакой Фимкой на Радуге (попытка осуществить нуль-транспортировку живой материи).

— Родился И. Кривоклыков, сменный врач-психиатр базы «Лембой» (ЕН 2105), Крымский филиал Второго ИКМ, люден.

Середина 2130-х гг.

— Группа «Йормала» на уникальном звездолете «Тьма» совершила погружение в Черную Дыру ЕН 200056. ИНФОРМАЦИЯ: на борту звездолета находились Стелла Абалкина и Вячеслав Цюрупа — приемные родители Льва Абалкина.

---

[1] Карла Этингофа? — *Е. Ш.-Б.*

— Эксперимент «Зеркало» — глобальные, строго засекреченные маневры по отражению возможной агрессии извне (предположительно — вторжения Странников). ИНФОРМАЦИЯ: несколько человек погибли, в т. ч. супружеская чета — приемные родители Корнея Яшмаа. Р. Сикорски — один из руководителей операции и ответственный за сохранение секретности.

— Создание ценой невероятных лишений в Стране Отцов на Саракше системы башен ПБЗ. ИНФОРМАЦИЯ: «Наша система ПБЗ не имеет равных в мире»,— позже заявит фельдмаршал в отставке, кавалер двух Золотых Знамен Иза Петроцу.

— Постепенное затухание войны, хотя мира никто ни с кем не заключал.

— Дэк Потту кончил войну ротмистром. Беспорядки в полку сразу после войны; начало личных счетов с ротмистром Чачу.

— Родился Колдун (Саракш).

— Сарандакская катастрофа; среди пострадавших — Яков Осиновский, капитан «Геркулеса».

— Антон во время аварии на «Цветке».

— Появилась блистательная плеяда ридеров невероятной мощи — Александр Солемба, Петер Дзомны и др.

— Облава на марсианских летающих пиявок.

— Гибель сотрудников Института Экспериментальной Истории Аллана и Дерека.

— Вилланская война в герцогстве Убанском, за два моря от Арканара. Осада герцога в его резиденции. Превращение Араты Красивого в Арату Горбатого.

— «Проект десяти»: Совету предложили перебросить в науку часть энергии из Фонда изобилия (Ямакава против).

— Спустя семь лет на Радуге преодолены последствия опыта покойного Лю Фынчена: растительность оттеснила пустыню далеко на север, к самым районам извержений.

— Выход книги Лоренца «Люди и проблемы».

2135 г.

— Раскол среди нуль-физиков на Радуге («Радуга взбесилась»). ИНФОРМАЦИЯ. Этьен Ламондуа ратовал за «нуль-физику в русле нуль-транспортировки», а школа молодых (волновик Аристотель, барьерщик Форстер и др.) считали, что самое важное в нуль-проблеме — Волна.

— Роджер ваял с Роберта Склярова скульптуру «Юность Мира».

— Умер отец дона Руматы — имперский советник и личный друг императора (Эсторская империя).

2136 г.

— Смерть Сергея Кондратьева.

— Опыты по Великому Кодированию.

— Смерть академика Окады.

— Отзыв с Венеры в рамках проекта Большой Шахты почти всех специалистов по глубокой проходке.

— Закладка на Земле шести новых У-конвейеров.

— В Москве вышла книга Сергея Волкового «Нет горше твоей радости» («очередная бомба эмоциолистов»).

— Родился (26 апреля в Инсбруке) Асмодей-Матвей Мебиус, д-р медицины, член-корр. АМН Европы, директор филиала Всемирного Института Космической Психопатологии (Вена).

— Л. Горбовский на Пандоре.

— (У АБС на данный момент времени — 20 млрд. чел.)

— Авария в том же секторе № 73, в котором исчез Атос-Сидоров, вертолета Вадима Сартакова.

— Скитания Атоса-Сидорова в джунглях Пандоры.

— Матвей Вязаницын — директор Радуги.

— Прибытие на Радугу с грузом ульмотронов десантного сигма-Д-звездолета «Тариэль-2». Экипаж: Л. Горбовский — капитан звездолета, М. Валькенштейн — штурман, Перси Диксон — бортинженер.

— Проведение на Радуге нуль-экспериментов.

— Образование Волны III-го типа (лю-волна). Возникновение Волны нового типа (п-волна).

— Сожжен Южный Архипелаг. Затоплен Берег Пушкина. Сгорела Аодзора. Горит Рыбачий. Прорыв фронта на Севере и на Юге.

— Три гибели и воскрешения Камилла — последнего из Чертовой Дюжины.

— Эвакуация Детского в Столицу (Станислав Пишта — заведующий детской колонией). Авария пассажирского аэробуса с детьми.

— В Институте пространства успешно осуществлен первый в мире, внеплановый, нуль-запуск человека к Солнечной системе (Плутон).

— Попытки Карла Гофмана, Тимоти Сойера и двух Следопытов преодолеть Волну.

— Ожидание прибытия лайнера-звездолета «Стрела» (командир — Антон[1]).

— Эвакуация детей с Радуги на «Тариэле-2» (из экипажа — Перси Диксон).

— (У АБС на данный момент времени во Вселенной — 20 млрд. чел.)

— Попытка мятежа дона Капады (Стефан Орловский) в Эсторе. ИНФОРМАЦИЯ: Стефан Орловский, командир роты арбалетчиков его императорского величества, был поднят на копья дворцовой охраной.

— Восстание муриссских крестьян под предводительством Карла Розенблюма (он же торговец шерстью Пани-Па). ИНФОРМАЦИЯ: Карл Розенблюм, один из крупнейших знатоков крестьянских войн в Германии и Франции, штурмом взял два города и был убит стрелой в затылок, пытаясь прекратить грабежи.

2137 г.

— Открытие в системе звезды ЕН 7031 планеты Саула с гуманоидной цивилизацией. Экипаж «Корабля»: Антон — звездолетчик, пилот; Вадим — структуральный лингвист; Саул (Савел Петрович) Репнин — историк, командир Красной Армии.

— Обнаружение нуль-Т-конвейера Странников для переброски машин. Несанкционированный контакт экипажа с представителями местной цивилизации.

— (У АБС на данный момент времени — 20 млрд. чел.)

— Бенни Дуров на Тагоре. Разработка планов расширения сферы деятельности официальных наблюдателей Тагоры на Земле.

— Бросок «Призраков» за Слепое Пятно.

— Супруги Семеновы (Александр и Мария-Луиза) ушли в ГСП.

— Родился Максим Каммерер.

— Р. Сикорски — руководитель КОМКОНа-2. ИНФОРМАЦИЯ: Рудольф Сикорски имел также долгий опыт работы в области экспериментальной истории.

— Капрал Варибобу в Боевой Гвардии (Саракш).

— Выход брошюры теоретика и проповедника ноофилизма Августа Ксесиса «Камень преткновения» (Афины).

---

[1] Антон Быков? — *Е. Ш.-Б.*

— 21 декабря — высадка отряда Следопытов под командованием Бориса Фокина на безымянной планете в системе ЕН 9173 с целью обследования обнаруженных здесь еще в прошлом веке развалин каких-то сооружений, приписываемых Странникам.

— 24 декабря — интравизорная съемка зафиксировала под развалинами наличие обширного помещения на глубине более трех метров.

— 25 декабря — Борис Фокин с первой же попытки проник в помещение. Обнаружение т. н. «саркофага».

— 26 декабря — Борис Фокин запросил и получил из КОМКОНа разрешение на обследование «саркофага» своими силами.

— Обследование «саркофага» в последующие трое суток.

— 29 декабря — Б. Фокин связался с Г. Комовым и потребовал к себе лучшего специалиста-эмбриолога.

— 30 декабря — Марк ван Блерком — эмбриолог и друг Айзека Бромберга — убыл в распоряжение Б. Фокина и через несколько часов отправил Комову открытым текстом сообщение о поразительной природе «саркофага».

— Требование Г. Комова подтвердить полученные данные.

— Срочное совещание руководителей КОМКОНа, являвшихся одновременно членами Мирового Совета (Леонид Горбовский, Август-Иоганн Бадер, Кирилл Александров, Махиро Синода, Рудольф Сикорски).

— 31 декабря — расширенное совещание по проблеме «саркофага» с участием 18-ти человек и в том числе приглашенным Горбовским Председателем Мирового Совета по социальным проблемам.

— Тринадцать яйцеклеток из «саркофага»-инкубатора совершили первое деление. Начало дела «подкидышей».

2138 г.

— 1–3 января — непрерывное заседание спонтанно образовавшейся Комиссии по «саркофагу»-инкубатору.

— 3 января — оглашение и принятие большинством голосов «Четырех требований Сикорски» (дело «подкидышей»).

— 5 января — Леонид Горбовский звонит руководителю КОМКОНа-2 Р. Сикорски. Тема разговора: тагоряне проявляют интерес к находке в системе ЕН 9173.

— 7 января — Рудольфа Сикорски неожиданно посетил прибывший с Тагоры коллега, доктор Ас-Су. Официальная цель визи-

та: уточнение ряда деталей, касающихся намечаемого расширения сферы деятельности официальных наблюдателей Тагоры на Планете.

— 8 января — Высокий Посол Единой Тагоры отбыл на родину в связи с состоянием здоровья.

— Через несколько дней на Земле и на всех других планетах, где селились и работали земляне, не осталось ни одного тагорца.

— Февраль — земляне поставлены перед необходимостью вернуться с Тагоры на Землю. Разрыв связей с Тагорой.

— 6 октября — рождение «подкидышей» — Льва Абалкина, Корнея Яшмаа и др.

2139 г.

— Работы по демонтажу «саркофага»-инкубатора.

— [Родился Иллиу Баратма Капсук, заместитель заведующего расчетным отделом фирмы «Пиво АРОМА», инженер-эксплуатационник по счетно-аналитическим машинам (Пандея, Саракш).]

2140 г.

— Дворцовый переворот в Кайсане (Джереми Тафнат, специалист по истории земельных реформ, друг-конфидент кайсанского тирана).

— Родился Альберт Тууль, люден.

2141 г.

— Румата, из рода Румат Эсторских, благородный дворянин до двадцать второго предка, якобы, убил на дуэли (из-за доны Риты) члена августейшей семьи — молодого герцога Экину. ИНФОРМАЦИЯ: в действительности настоящий Румата Эсторский умер и был похоронен в фамильном склепе своего рода.

— Начало работы Антона-Руматы (Антон, сотрудник Института Экспериментальной Истории, в прошлом — сменный пилот рейсового звездолета) в королевстве Арканар.

— Родились Майя Глумова и Стась Попов.

2141—2145 гг.

— Операции Антона-Руматы в Арканаре по спасению астролога Багира Киссэнского (отправлен в метрополию), лейб-знахаря Таты (неудачная), алхимика Синды (открыл закон сохранения ве-

щества; отправлен в Соан), поэта Цурэна Правдивого (отправлен в метрополию), отца Кабани («сумасшедший колдун и механик», прирожденный инженер, инстинктивный химик и мастер-стеклодув) и др.

2142 г.

— Барканская резня в Области Святого Ордена (Эстор).

2143 г.

— Приход к власти в Арканаре дона Рэбы.

— Неудачная война и заключение мира с Ируканом.

— Упразднение министерств, ведающих образованием и благосостоянием.

— Учреждение министерства охраны короны.

— Снятие с правительственных постов родовой аристократии и немногих ученых. Окончательный развал экономики.

— Написание доном Рэбой трактата «О скотской сущности земледельца».

— Волна крестьянских восстаний в Арканаре.

2144 г.

— Учреждение в Арканаре Патриотической школы.

— Люди Ваги Колеса выдали Арату Горбатого дону Рэбе. Спасение его Руматой. ИНФОРМАЦИЯ: Вага Колесо — всемогущий, не знающий конкурентов глава всех преступных сил Запроливья — от Питанских болот на западе Ирукана до морских границ торговой республики Соан. Ночная армия — до 10 тыс. чел. За период 2126–2146 гг. его четырежды казнили.

— Л. Абалкин переведен в Сыктывкарскую школу-интернат 241.

2145 г.

— Разгром крестьянской армии дона Кси и Пэрты Позвоночника.

— Организация в Арканаре «охранной гвардии» («серые роты»).

— Охотник Салье впервые добыл ихтиомаммала.

Середина 2140-х гг.[1]

[1] Дата во многом условная. — *Е. Ш.-Б.*

— Пресечение дела «Урод». ИНФОРМАЦИЯ по делу «Урод»: Ионафан Перейра по собственной инициативе прекратил свою работу в области теоретической евгеники. Консервация этой области Мировым Советом. А. Бромберг разболтал детали теории Перейры, в результате чего пятерка дьявольски талантливых сорвиголов из Швейцеровской лаборатории в Бамако затеяла и едва не довела до конца свой эксперимент с новым вариантом хомо супер.

2146 г.

— Антон-Румата в Арканаре. «Серый» террор. (ИНФОРМАЦИЯ: всего на девяти материках планеты работали 250 сотрудников ИЭИ[1], в т. ч.: дон Кондор (Александр Васильевич) — Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, вице-президент Конференции двенадцати негоциантов и кавалер имперского Ордена Десницы Милосердной; дон Гуг (Пашка) — старший постельничий его светлости герцога Ируканского; Шуштулетидоводус[2] — специалист по истории первобытных культур, шаман-эпилептик у вождя с 45-сложным именем в стране варваров за Красным Северным хребтом и др.)

— Исчезновение высокоученого доктора Будаха — великого медика, крупнейшего в Империи специалиста по ядолечению — между ируканской границей и Урочищем Тяжелых Мечей.

— Арата Горбатый во главе взбунтовавшихся холопов в восточных областях метрополии. Подавление восстания.

— Военно-теократический переворот в Арканаре.

— Гибель короля Пица VI и принца Арканарского.

— Вторжение в Арканар вооруженных формирований Области Святого Ордена. Прибытие вместе с ними Араты Горбатого.

— Подавление бунта «серых» и ночных оборванцев Ваги Колеса.

— Дон Рэба — наместник Святого Ордена в Арканарской области, епископ и боевой магистр.

— Спасение Руматой Будаха Ируканского.

— Гибель Ваги Колеса.

— Гибель Киры.

---

[1] «...не называйте землян из ТББ «прогрессорами» — они всего лишь наблюдатели... До прогрессоров еще далеко, не меньше полувека» (БНС).

[2] Настоящее имя наблюдателя неизвестно.— *Е. Ш.-Б.*

— Гибель дона Рэбы.

— Эвакуация Руматы на Базу и на Землю.

2147 г.

— Мятеж в Стране Отцов на Саракше. Эвакуация столицы.

— Приход Умника на должность государственного прокурора Страны Отцов.

— М. Глумова — учащаяся Сыктывкарской школы-интерната 241.

— Появление «клейма Странников» у Льва Абалкина (ноябрь).

2148 г.

— Последний старт (2 января) экспедиционного звездолета «Пилигрим» супругов Семеновых (приписан к порту Деймос, отбыл в свободный поиск в зону «Ц»).

— Появление «клейма Странников» у всех «подкидышей».

2149 г.

— Обнаружение в Музее Внеземных Культур «детонаторов» (дело «подкидышей»).

— Гибель Эдны Ласко, одной из «подкидышей».

2150 г.

— Родился (21 апреля) Пьер Семенов (Малыш).

— Д. Логовенко окончил Институт психологии, Киев.

— Контрразведка напала на след Орди Тадер, жены Гэла Кетшефа, и забрала их ребенка заложником (дальнейшая судьба ребенка не известна) (Страна Отцов, Саракш).

2151 г.

— Последний отзыв (6 мая), полученный от супругов Семеновых из области «Тень».

— Гибель звездолета ГСП «Пилигрим» (май).

— Монография Дж. Тосивилла «Человек Дерзкий» (Бирмингем).

2152 г.

— Начало работы Рудольфа Сикорски (он же Странник, Карл-Людвиг) на Саракше.

— Д. Логовенко окончил факультет управления Киевского университета.

2153 г.

— Начало гражданской войны в Хонти и Пандее (Саракш).

— Лев Абалкин в школе Прогрессоров № 3 (Европа).

2154 г.

— Начало службы Гая Гаала в частях Боевой Гвардии на юге Страны Отцов (Саракш). Строительство башен ПБЗ на южной границе.

2155 г.

— Родился (10 июня в Середине-Буде) Богдан Гайдай, магистр психологии.

Середина 2150-х гг.

— Охота Максима Каммерера с Олегом и егерем Альфредом на Пандоре.

— [Максим Каммерер получил свое первое назначение — полярный комбинат, производящий синтепищу (сто девяносто шесть дистанционно управляемых автоматических заводов в Антарктиде).]

— [Опыты отца Максима Каммерера по наследственной передаче знаний.]

— [Заседание Мирового Совета, решившее вопрос о сооружении первой энергетической сферы вокруг звезды ЕН-11.]

2156 г.

— Странник (Рудольф Сикорски), работник Галактической безопасности — резидент Земли на Саракше, начальник Департамента специальных исследований в Стране Отцов.

— Общегосударственного масштаба операция Странника по изъятию шпионов Островной Империи; с тех пор — неизменный шеф особой контрразведки.

— Проект «Золото» Патриотического Союза Промышленности и Финансов.

— А.-М. Мебиус окончил факультет психопатологии Сорбонны.

2157 г.

— Максим Каммерер на Саракше. РОБИНЗОН — Аварийная посадка на Саракше. [ИНФОРМАЦИЯ. Саракш — одна из шести

планет местной солнечной системы.] Знакомство с Гаем Гаалом. Подопытный в Специальной студии при Управлении телевидения и радиовещания. Знакомство с Радой Гаал. Уничтожение банды Крысолова. ГВАРДЕЕЦ — Кандидат в рядовые Боевой Гвардии. Ротмистр Боевой Гвардии Чачу в недавнем прошлом — боевой офицер, танкист, участник восьми приморских инцидентов, обладатель Огненного Креста и трех значков «За ярость в огне». Вепрь (Тик Феску) приговорен к смертной казни (отложена) и направлен на воспитательные работы. Расстрел. Гибель Гэла Кетшефа. ТЕРРОРИСТ — Заговор Волдыря. Уничтожение Странником Волдыря и его банды. Выход на подполье. Взрыв башни ПБЗ. Суд. Неудачная попытка освобождения из-под стражи Генерала (Дэка Потту). КАТОРЖНИК — Воспитуемый в Особом Южном Округе. Открытие киноидной расы Голованов. Экспедиция на Юг. Мутанты. Знакомство с Колдуном. Попытка достичь Островной Империи. Набеги княжества Ондол на о. Хаззалг. Война Страны Отцов с Хонти. Боец четвертой роты штрафной танковой бригады. Гибель Гая Гаала. ЗЕМЛЯНИН — Сотрудник института Департамента специальных исследований, руководитель темы в лаборатории. Член штаба подполья. Дэк Потту (Генерал) на каторге. Ротмистру Чачу присвоено звание бригадира Боевой Гвардии. Окончание неудачной войны с Хонти. Взрыв Центра. Встреча с Рудольфом Сикорски (Странником).

— Неудачные попытки внедрения земных наблюдателей в Островную Империю.

— Через месяц должно начаться вторжение Островной Империи в Страну Отцов.

— А. Бромберг — лауреат Малой премии Яна Амоса Коменского.

2158 г.

— Дипломная практика Льва Абалкина на Саракше (февраль-сентябрь). ИНФОРМАЦИЯ: кроме Льва Абалкина на Саракш также прибыли Геннадий Комов, Раулингсон, Марта[1]. Впоследствии Тарасконец (Раулингсон) сбежал на Пандору.

— Восстание в Пандее. Первый десант Островной Империи в Страну Отцов (Саракш).

---

[2] Марта Горячева? — *Е. Ш.-Б.*

— Родился Мишель Десмонд, инженер-гранулист, профессиональный спортсмен, клиент Института метапсихических исследований (Харьковский филиал), полиментал.

2159 г.

— Открытие планеты Ковчег.

2160 г.

— Стажировка Майи Глумовой[1] в рамках подготовки к реализации проекта «Ковчег».

— Курт Лоффенфельд — наблюдающий врач Льва Абалкина.

2160 (март) — 2162 (июль) гг.

— Операция «Человек и голованы» (Лев Абалкин, Саракш).

2161 г.

— ИНФОРМАЦИЯ: к 2161 году земляне вошли в соприкосновение с двенадцатью разумными расами: девятью гуманоидными (из которых три согласились иметь что-либо общее с землянами, например, леонидяне) и тремя негуманоидными.

— (У АБС на данный момент времени — 15 млрд. чел.)

— Окончание М. Глумовой курсов персонала обеспечения при КОМКОН-1.

— Выход монографии К. Оксовью «Движение по вертикали» (Калькутта).

— Операция «Ковчег»: подготовка планеты к переселению на нее жителей Панты. ИНФОРМАЦИЯ: Атос-Сидоров — начальник Базы операции. Геннадий Комов — специальный уполномоченный КОМКОНа по проекту «Ковчег», главный ксенолог проекта, член экипажа группы ЭР-2. Экипаж ЭР-2: Яков Вандерхузе — капитан и врач, Стась Попов — кибертехник, Майя Глумова — квартирьер. Всего на Ковчеге работало 12 ЭР-групп.

— Обнаружение погибшего «Пилигрима» и останков супругов Семеновых.

— Обнаружение Малыша (Пьера Семенова).

— Прекращение работ по проекту «Ковчег». Объявление района ЭР-2 зоной предполагаемого контакта. Отказ Г. Комова от по-

[1] На Панте? — *Е. Ш.-Б.*

ста главного ксенолога проекта «Ковчег-2» (рекомендовал вместо себя Амирэджиби).

— Попытка Г. Комова с помощью Малыша войти в контакт со свернувшейся цивилизацией планеты Ковчег. ИНФОРМАЦИЯ: по мнению Л. Горбовского — с разумом, замкнутым на себя; Г. Комов считал это квазизамкнутостью.

— Обнаружение на орбите Ковчега спутника-автомата Странников; последующий его демонтаж.

— Дискуссия между членами КОМКОНа о пределах компетенции СГБ (Совета Галактической Безопасности). ИНФОРМАЦИЯ: Горбовский и Комов согласились на том, что в компетенцию СГБ входят только гуманоидные цивилизации.

— Попытки умиротворения Островной Империи на Саракше. Роль в этом Карла-Людвига (он же Странник, Рудольф Сикорски).

— Стась Попов на орбите Ковчега. Контакты с Малышом.

— Участие в контактах деда Малыша — Павла Александровича Семенова, специалиста в области реализации абстракций в смысле Парсиваля.

— Начало проекта «Ковчег-2»; Геннадий Комов — главный ксенолог проекта.

— Поступление Майи Глумовой на историческое отделение Сорбонны.

2162 г.

— Р. Сикорски — резидент Земли на Саракше.

— Раскрытие тайны личности Корнею Яшмаа. Окончание им школы Прогрессоров.

2162 (июль) — 2163 (июнь) гг.

— Операция «Голован в Космосе» (Лев Абалкин, Пандора).

— Группа голованов попросила транспорт для переселения на Пандору (непроверенная информация).

2163 г.

— Открытие Надежды.

— Операция «Мертвый мир» на планете Надежда (июнь-сентябрь). ИНФОРМАЦИЯ: Лев Абалкин и голован Щекн — полевая группа, капитан — Яков Вандерхузе; группа Рэма Желтухина

(основной поставщик информации); группа Эспады (группа контакта), капитан — Г. Комов; Штаб, эксперты.

— Сворачивание операции «Голован в Космосе».

— Возобновление ранее прерванных связей с Тагорой.

— А. Бромберг — лауреат Геродотовской премии.

2163 (сентябрь) — 2164 (август) гг.

— Лев Абалкин на переподготовке (Пандора).

— Рапорт Л. Абалкина в КОМКОН-1 относительно сворачивания операции «Голован в Космосе» (октябрь).

— Письма Л. Абалкина: Г. Комову о возобновлении операции «Голован в Космосе» и в КОМКОН с протестом против направления на курсы переподготовки (ноябрь).

— Окончание (в 2164 г.) срока воспитательных работ Раше Мусаи с последующим запрещением жительства в центральных районах (Страна Отцов, Саракш).

2164 (август) — 2166 (ноябрь) гг.

— Лев Абалкин на Гиганде. Первый опыт самостоятельного внедрения — младший бухгалтер службы охотничьего собаководства. Впоследствии — псарь маршала Нагон-Гига, егермейстер герцога Алайского.

2165 г.

— Гибель на Горгоне Т. Нильсона, одного из «подкидышей».

— Рудольф Сикорски по-прежнему на Саракше.

— Охота Поля Гнедых на Ружене.

— Максим Каммерер — резидент Земли на планете Саракш.

2166 г.

— Корней Яшмаа на Гиганде. Первый опыт самостоятельного внедрения. Встреча со Львом Абалкиным. ИНФОРМАЦИЯ: егермейстер Его Высочества герцога Алайского пристраивал Корнея курьером в банк.

— Максим Каммерер на курсах в Киеве, знакомство с Даниилом Логовенко.

— Приземление на планете Крукса для текущего ремонта звездолета Сандерса.

— Умер В. М. Серафимович, член Всемирного совета по педагогике.

2166 (ноябрь) — 2167 (сентябрь) гг.

— Лев Абалкин на переподготовке (Пандора).

— Письма Л. Абалкина: в КОМКОН о направлении его на Саракш для продолжения работы с голованами (ноябрь 2166 г.), Бадеру (февраль 2167 г.), Л. Горбовскому (август 2167 г.).

— Родился (в 2167 г.) Тойво Глумов.

2167 (сентябрь) — 2170 (декабрь) гг.

— Лев Абалкин на Саракше. Внедрение в республику Хонти — унионист-подпольщик, резидент (октябрь 2167 г.).

— Письмо Л. Абалкина Г. Комову с развернутым планом форсирования контактов с голованами (тогда же).

— Выход на связь с агентурой Островной Империи (первый этап операции «Штаб»).

2168 г.

— Охота Поля Гнедых на планете Крукса.

— Две экспедиции Крукса на одноименной планете в поисках четверорука трехпалого.

— Строительство виллы «Лагерь Яна» — резиденции Корнея Яшмаа.

— Начало профессиональной деятельности Олега Панкратова, астроархеолога. ИНФОРМАЦИЯ: О. Панкратов был астроархеологом на протяжении почти 30 лет; работал в группе Фокина, участвовал в экспедиции на Кала-и-Муг.

2169 г.

— А. Бромберг — лауреат Геродотовской премии.

2170 (декабрь) — 2178 (май) гг.

— Лев Абалкин в Островной Империи (Саракш). ИНФОРМАЦИЯ: заключенный концентрационного лагеря (декабрь 2170 г., до марта 2171 г.— без связи); переводчик комендатуры концлагеря; солдат строительных частей; старший солдат в Береговой Охране; переводчик штаба отряда Береговой Охраны; переводчик-шифро-

вальщик флагмана 2-го подводного флота группы «Ц»; шифровальщик штаба группы флотов «Ц» Островной Империи.

2172 г.

— Гибель на Венере при восхождении на пик Строгова Эрнста-Юлия Горна, Наставника Л. Абалкина по школе Прогрессоров.

— А. Бромберг — лауреат Геродотовской премии.

— Родилась Марина Равич, ветеринарный врач, клиент Института метапсихических исследований (Харьковский филиал).

2173 г.

— Родился Андрей Яшмаа, сын Корнея Яшмаа.

2174 г.

— Разрыв всех деловых связей Маврикием Багратиони.

2175 г.

— Охота Поля Гнедых на Владиславе.

— Щекн-Итрч — член постоянной миссии народа Голованов на Земле. Принят и осуществляется план форсирования контактов с голованами.

— Б. Гайдай окончил Институт психологии, Киев.

2176 г.

— Вилла «Лагерь Яна» — официальный адрес Корнея Яшмаа.

2178 г.

— Рудольф Сикорски (Экселенц) — руководитель КОМКОНа-2.

— Максим Каммерер — сотрудник КОМКОНа-2, начальник отдела. Состав отдела: Клавдий, Андрей (Кикин), Сандро (Мтбевари), Григорий Серосовин (Водолей, IV подгруппа отдела) и др.

— Разработка отделом М. Каммерера работ Пильгуя, связанных с биогенераторами. ИНФОРМАЦИЯ: у Максима в это время есть старый лагерь на Ружене.

— Майя Глумова — сотрудник спецфонда (спецсектор объектов невыясненного назначения) Музея внеземных культур.

— Грант Хочикян — директор Музея внеземных культур.

— Корней Яшмаа на Гиганде.

— Ромуальд Крэсеску на планете Лу.

— [Джонатан Гиббс — начальник Базы на Пандоре.]

— Гибель в Островной Империи (Саракш) Тристана (Курт Лоффенфельд, выездной врач базы Саракш-2) и провал Гурона (Лев Абалкин) (28–29 мая).

— Операция «Жук в муравейнике» (1–4 июня).

— Гибель Льва Абалкина (4 июня).

— Начало организационно-структурного реформирования КОМКОНа-2.

— Родился и пошел гулять из уст в уста ядовитый термин-упрек «синдром Сикорски» — комплекс неуправляемого страха перед возможным вторжением Странников.

2178–2183 гг.

— Максим Каммерер (Белый Ферзь, Биг-Баг) в Островной Империи (Саракш). Операция «Вирус». [ИНФОРМАЦИЯ. Задачами операции были: А. Выяснение обстоятельств гибели Тристана (относительно реалистичная). Б. Попытка собрать новейшую информацию о Побережье, в пределах военной зоны (могла быть реализована лишь в случае исключительно удачного стечения обстоятельств). В. Попытка проникновения вглубь территории Империи и попытка сбора любой информации относительно внутренних районов (фантастическая).]

— Гнилой Архипелаг.

— [Авария теплохода-лайнера (2178 г.). Спасение при кораблекрушении Иллиу Капсука, гражданина Пандеи. ИНФОРМАЦИЯ. Иллиу Баратма Капсук, 39 лет, инженер-эксплуатационник по счетно-аналитическим машинам из Мелиты, заместитель заведующего расчетным отделом фирмы «Пиво АРОМА» (Пандея) — натурщик при подборе ментальной маски для М. Каммерера. На маску Капсука будут наложены фальш-воспоминания, в которых фигурирует Гурон-Абалкин.]

— [Лже-Капсук (Максим) на острове Гнилого Архипелага.]

— Прибрежная зона. Леса и поля.

— Солнечный круг — проникновение М. Каммерера в столицу Островной Империи (2183 г.).

2181–2191 гг.

— А.-М. Мебиус — заместитель председателя Главной Медицинской Комиссии управления космофлота.

Начало 2180-х гг.

— Подавляющее большинство кораблей «Призрак-17-пингвин» прямо со стапелей направляются на маршруты Земля — Кассандра — Зефир и Земля — Редут — ЕН 2105 (база «Лембой»). ИНФОРМАЦИЯ: 80% кораблей на этих маршрутах были тогда «пингвинами».

2181 г.

— 17 апреля — первый отказ от фукамизации, зарегистрирован в родильном покое поселка К'сава (Экваториальная Африка).

— 18 апреля — еще два отказа там же, первые отказы в других родильных покоях региона.

— 5 мая — отказы вне Земли (Марс, Большой Сырт). ИНФОРМАЦИЯ: в первой половине 80-х гг. эпидемии отказов возникали также на базе Саула и Курорте.

— Исчезновение Маврикия Багратиони. ИНФОРМАЦИЯ: случаи внезапных и совершенно необъяснимых исчезновений людей в 70-х — 80-х гг. и столь же внезапных и необъяснимых их возвращений (они же «Группа 80-х») стали причиной разработки КОМКОНом-2 темы 101 «Рип ван Винкль».

2181 (август) — 2182 (июнь) гг.

— Начало массовых выступлений против обязательной фукамизации. ИНФОРМАЦИЯ: фукамизация применялась до 2185 года в обязательном порядке согласно «Закону об обязательной биоблокаде».

— Внесение на рассмотрение Всемирного совета проекта Поправки к «Закону о биоблокаде» (2182 г.).

2184 г.

— «Синдром пингвина». Возникновение космических фобий. ИНФОРМАЦИЯ: 7 октября 2184 года в докладе на XIV конференции космопсихологов в Риге д-р Асмодей Мебиус сделал сообщение о новом виде космофобии — «синдроме пингвина». Конференция вынесла решение временно запретить к эксплуатации корабли типа «Призрак-17-пингвин» впредь до полного устранения конструктивных недостатков, вызывающих фобию. Управление космофлота сняло «пингвины» с пассажирских линий и переоборудовало их под автопилоты. См. также: А. Мебиус. Синдром пингвина, ПКП

(«Проблемы космической психологии»), 42, 84; А. Мебиус. Снова о природе «синдрома пингвина», ПКП, 44, 85.

Середина 2180-х гг.

— Встреча Поля Гнедых с Александром Костылиным в Музее Космозоологии в Кейптауне.

2185 г.

— Принятие Всемирным советом Поправки к «Закону о биоблокаде» (2 февраля). ИНФОРМАЦИЯ: после принятия Поправки ни один из членов конгрегации ноофилистов не согласился на фукамизацию своих детей (данные БВИ).

2186 г.

— Последний зарегистрированный случай «синдрома пингвина».

Вторая половина 2180-х гг.

— Смерть Рудольфа Сикорски.

2188 г.

— Мишель Десмонд — чемпион Европы по туннельному хоккею.

2189 г.

— Богдан Гайдай — сотрудник отдела психопрогностики Харьковского филиала Института метапсихических исследований.

— Инцидент с Альбертом Туулем («Группа 80-х»).

2189–2191 гг.

— Амнезия Фернана Леера («Группа 80-х»).

Начало 2190-х гг.

— Самоубийство (саморазрушение) Камилла — последнего из Чертовой Дюжины.

— Знакомство Г. Серосовина с Л. Горбовским.

— Открытие ребятами из ГСП планеты Тисса у звезды ЕН 63061.

— [Корней Яшмаа участвовал в спасении от гибели в результате наводнения (из-за разлива большой реки) одного из племен, обитающих на планете Кентавр-три.]

2191–2194 гг.

— Работа Тойво Глумова Прогрессором (Арканар, Гиганда).

2193 г.

— Мартин Чжан («Группа 80-х») командирован на базу «Матрикс» (Вторая, ЕН 7113) Институтом биоконфигураций (Лондон) в качестве интерпретатора (январь).

— Атос-Сидоров — Президент сектора «Урал-Север» КОМКОНа-2.

— Максим Каммерер — начальник отдела ЧП сектора «Урал-Север» КОМКОНа-2. Состав отдела: Андрей Кикин, Сандро Мтбевари, Григорий Серосовин, Петр Силецкий, Зоя Морозова и др.

— Богдан Гайдай — заведующий лабораторией приборного обеспечения Харьковского филиала Института метапсихических исследований.

— Происшествие на Тиссе (май).

2194 г.

— Экспертный опрос М. Каммерером ряда наиболее компетентных специалистов по ксеносоциологии на тему «Модель прогрессорской деятельности Странников в системе земного человечества». ИНФОРМАЦИЯ: полученная «Сводка моделей», включавшая в себя восемь моделей восемнадцати разработчиков, в т. ч. Карабанова, Ясуды, Микича и др., была отправлена М. Каммерером Айзеку Бромбергу.

— «Меморандум А. Бромберга» — рабочая модель прогрессорской деятельности Странников в системе человечества Земли (краткая аннотация будущей книги «Монокосм: вершина или первый шаг? Заметки об эволюции эволюции») (3 июня).

— Смерть Айзека Бромберга (11 июня). ИНФОРМАЦИЯ: заметок по поводу модели «Монокосм» не обнаружено.

— Богдан Гайдай — заведующий отделом интрапсихической техники Харьковского филиала Института метапсихических исследований.

— Тойво Глумов в КОМКОНе-2 (декабрь).

2195 г.

— Начало разработки Тойво Глумовым темы «Визит старой дамы».

— Трагедия на острове Матуку. ИНФОРМАЦИЯ: на этом острове происходили убийства. Одни люди убивали других. Причиной всему был исполинский силурийский моллюск.

— Возвращение Юрия Астангова («Группа 80-х»).

2196 г.

— Исход народа Голованов с Земли; в контакты с людьми более не вступали.

— Возвращение Альберта Тууля. Неоднократные посещения им Луны, «Оранжерей», БОП.

2197–2199 гг.

— Поиски Следопытами на планете Кала-и-Муг (она же «парадоксальная планета Морохаси»; лагерь «Хиус») следов цивилизации «оборотней».

2197 г.

— Альберт Тууль — гастроном абиссальной лаборатории «Тускарора-16» (декабрь 2196 — октябрь 2197 гг.).

— Знакомство Бориса Лаптева, сотрудника КОМКОН-1, с Колдуном (Саракш).

— Тойво Глумов занимается «внезапными гениями», среди которых Альберт Гужон (агрофизик-композитор), Бартоломью Содди (математик-исповедник).

2198 г.

— Война на Гиганде [Тобе] между герцогством Алайским и [Краманской] Империей.

— Участие в боевых действиях Бойцового Кота Гага. ИНФОРМАЦИЯ: Гаг — Бойцовый Кот Его Высочества герцога Алайского, [пятнадцать лет], курсант III курса Особой столичной школы Бойцовых Котов; участник взятия Арихады (награжден), подавления бунтов, десанта в устье Тары.

— Корней Яшмаа — координатор прогрессорской деятельности землян на Гиганде.

— Гибель отдельного 18-го отряда лесных егерей под командованием бригад-егеря барона Трэгга.

— Гибель бригады Гагрида.

— Гибель Гепарда (старший наставник школы Дигга, знакомый Корнея Яшмаа). Ранение Гага.

— Корней Яшмаа в северных джунглях герцогства. Спасение Гага и эвакуация его на Землю.

— Пребывание Бойцового Кота Гага на вилле «Лагерь Яна» — резиденции К. Яшмаа.

— Окончание войны на Гиганде. Низложение герцога Алайского и императора.

— Возвращение Гага на Гиганду.

— [Работа Прогрессоров с Инобом (Инопланетным Оборотнем).]

— Тойво Глумов взялся за обработку материалов по массовым фобиям.

— Альберт Тууль вернулся с Курорта (октябрь).

— Мартин Чжан пребывает в длительном отпуске (с декабря), местопребывание неизвестно.

2199 г.

— ИНФОРМАЦИЯ: к 2199 году за спиной у человечества — шесть НТР, две технологические контрреволюции, два гносеологических кризиса.

— Последнее по времени издание монографии К. Оксовью «Движение по вертикали» (Лос-Анджелес).

— А.-М. Мебиус — общепризнанный основатель и глава школы т. н. «полиморфной космопсихопатологии».

— Майя Глумова — в Сорбонне, занимается ксенотехнологией у Салиньи.

— Отец Тойво Глумова, Александр,— гибридизатор на Яйле.

— Большое Откровение.

— Рапорт-доклад № 011/99 инспектора КОМКОНа-2 Т. Глумова по теме 009 «Визит старой дамы» (20 марта). Содержание: космофобия, «синдром пингвина».

— Визит Колдуна (Саракш) в Харьковский филиал Института метапсихических исследований (Институт Чудаков) (25 марта).

— Рапорт-доклад № 013/99 Т. Глумова по теме 009 «Визит старой дамы» относительно фукамифобии (26 марта).

— События в Малой Пеше (ночь с 5 на 6 мая). ИНФОРМАЦИЯ: в устье Пеши, в научном поселке Нижняя Пеша, в сорока км от Малой Пеши располагался один из филиалов Сиднейского института Флеминга (Александр Джонатан Флеминг — крупнейший спе-

циалист по конструированию искусственных организмов, одно из его изобретений — крабораки).

— Олег Панкратов, бывший астроархеолог,— лектор Сыктывкарского учебного округа. ИНФОРМАЦИЯ: О. Панкратов — постоянный активист Института Чудаков на протяжении многих лет; благодаря его усилиям в сферу внимания метапсихологов попали такие замечательные феномены, как Рита Глузская («Черный глаз»), Лебей Маланг (психопараморф) и Константин Мовзон («Повелитель мух 5-й»).

— Ася Глумова (Стасова), жена Т. Глумова, улетела в служебную командировку на Пандору (10 мая).

— Рапорт-доклад С. Мтбевари по теме 101 «Рип ван Винкль» (11 мая). Содержание: результаты инспекции по «Группе 80-х». Были проинспектированы: Юрий Астангов (4 мая), Фернан Леер и Альберт Тууль (6 мая), Маврикий Багратиони и Мартин Чжан (8 мая), Сиприан Окигбо (9 мая), Эмиль Фар-Але (11 мая, отдельный рапорт-доклад № 048/99).

— Атос-Сидоров, Президент сектора КОМКОНа-2, лег в больницу на операцию (11 мая).

— Тойво Глумов взят на контроль в Институте метапсихических исследований (11 мая).

— Г. Комов, член Всемирного совета,— ВРИО Президента сектора «Урал-Север» КОМКОНа-2 (12 мая).

— Встреча в «Доме Леонида» (Краслава, Латвия) А.-И. Бадера, М. Каммерера, Т. Глумова, Г. Комова и Д. Логовенко с Леонидом Горбовским (14 мая). Последние дни Большого Откровения.

— ИНФОРМАЦИЯ: к этому моменту на Земле и в Космосе обитают и играют 432 людена.

— Начало разработки КОМКОНом-2 темы 060 «Т. Глумов, метагом» и темы 081 «Волны гасят ветер».

— Уход Тойво Глумова из КОМКОНа-2 (18 мая).

— Т. Глумов улетает вслед за Асей на Пандору (19 мая).

XXIII век

2201–2202 гг.

— Неудачные попытки связи Максима Каммерера с Тойво Глумовым.

— Атос-Сидоров — Президент сектора КОМКОНа-2.

— Геннадий Комов — председатель комиссии «Метагом», КОМКОН-1.

2225 г.

— Выход книги П. Сороки и Э. Брауна «Пять биографий века». ИНФОРМАЦИЯ: П. Сорока и Э. Браун — видные сотрудники группы «Людены» Института исследования космической истории (ИИКИ).

— Письмо Майи Глумовой М. Каммереру относительно авторов «Пяти биографий века» (13 июня).

2226 г.

— Письмо Майи Глумовой М. Каммереру (30 июня).

— Мемуары Максима Каммерера.

Евгений Шкабарня-Богославский

ЗЕМЛЯНЕ

«Разумеется, в сфере Вашего внимания должна быть не только Земля, но и Солнечная система в целом, Периферия, и в первую очередь молодая Периферия».

А. Бромберг,
«Меморандум» от 3 июня 94 года

1. Народ Земли

В исследуемых текстах АБС можно обнаружить следующие данные относительно количества землян в Мире Полудня.

Стажеры, В. Юрковский: «Вы знаете, Юра, сколько людей на Земле? Четыре миллиарда!.. Иногда я пробую представить себе все эти четыре миллиарда одновременно».

Вывод: численность населения Планеты (которая здесь совпадает с понятием общая численность народонаселения) в 2011 г. составляет 4 млрд. чел.

Испытания СКИБР (вариант, опубликованный в сборнике «Альфа Эридана», 1960 г.): «Быков стоял лицом к прозрачной сте-

не, глядел на серое небо и думал. Да, он, Быков, совершенно обыкновенный человек. Такой же, как и остальные восемь миллиардов обыкновенных людей, которые работают, учатся, любят на нашей планете... и вдали от нашей планеты».

Вывод: общая численность народонаселения (в данном случае она практически совпадает с численностью населения Планеты[1]) в конце 2060-х — начале 2070-х гг. составляет 8 млрд. чел.

Самодвижущиеся дороги (ПХХIIВ, черновик начала новеллы — «Глава восьмая. Полтораста лет спустя»): «...население Планеты достигло в двадцать первом веке пятнадцати миллиардов и больше не увеличивается».

Вывод: численность населения Планеты в XXI в. (скорее всего, в конце XXI в.) составляет 15 млрд. чел.[2] и остается таковой, по крайней мере, до 2119 г.; общая численность народонаселения в конце XXI в., очевидно, составляет те же самые 15 млрд. чел. (несколько сотен или даже тысяч землян вне Планеты существенно не влияют на этот показатель).

Моби Дик (ПХХIIВ-1962), С. Кондратьев: «Сейчас больше нет некоммунистов. Все десять миллиардов — коммунисты. Милые мои десять миллиардов... И где мое место среди десяти миллиардов?»

Вывод: речь, по всей видимости, идет о численности населения Планеты — 10 млрд. чел. в середине 2120-х гг.

Естествознание в мире духов (ПХХIIВ): «На Планете было десять миллиардов человек и всего сто двадцать два зарегистрированных ридера».

Вывод: население Планеты в начале 2130-х гг. составляет 10 млрд. чел.

Беспокойство, разговор Л. Горбовского с Т. Турненом: «Вот вы давеча хватались за сердце, когда я сидел на краю, вам было нехорошо, а я вижу, как двадцать миллиардов сидят, спустив ноги в пропасть...»

---

[1] Согласен с выводом: в XX — начале-середине XXI вв. имеет смысл в любых контекстах читать именно «население Земли».— *С. Лифанов.*

[2] Легко предположить, что Мировой Совет сдерживал рост населения Планеты на уровне именно 15 млрд., считая, надо полагать, цифру максимально допустимой либо «оптимально максимальной».— *С. Лифанов.*

Вывод: речь, очевидно, идет об общем количестве землян (независимо от места проживания) — 20 млрд. чел. в 2136 г.

Далекая Радуга, Э. Ламондуа: «Мы все солдаты науки... И то, что мы создали, принадлежит, по сути дела, уже не нам. Оно принадлежит науке и всем двадцати миллиардам землян, разбросанным по Вселенной».

Вывод: общая численность землян в 2136 г. составляет 20 млрд. чел.

Попытка к бегству: «Нас не трое,— сказал Антон.— Нас, дорогой Саул, двадцать миллиардов. Наверное, раз в двадцать больше, чем на этой планете».

Вывод: речь, скорее всего, идет об общей численности земного народонаселения — 20 млрд. чел. в 2137 г.

Малыш, диалог Малыша и С. Попова:

«— Но людей много! Сколько?

— Пятнадцать миллиардов.

— Пятнадцать миллиардов,— повторил он и, выставив перед собой палец без ногтя, принялся сгибать и разгибать его.— Пятнадцать миллиардов!»

Вывод: речь, вероятно, идет о населении Планеты — 15 млрд. чел. в 2161 г.[1]

Приведенные выше статистические показатели дают возможность построить графическую модель, характеризующую динамику изменения количества людей на Планете и вне нее в рассматриваемых временных границах. Сформулируем необходимые условия для дальнейшего исследования:

1) общее количество землян в Мире Полудня может только увеличиваться;

2) население собственно Планеты может увеличиваться, уменьшаться или же быть более-менее постоянным.

С учетом сказанного, графическая интерпретация изменения земного народонаселения принимает вид, представленный на рис. 1.

---

[1] Объективно можно рассматривать оба варианта, но субъективно сам уроженец Земли Попов может автоматически называть цифру, которая у него «под рукой», население только Земли. Вот если бы цифру назвал Комов, то она, скорее всего, точно отражала бы количество «землян, разбросанных по Вселенной».— *С. Лифанов.*

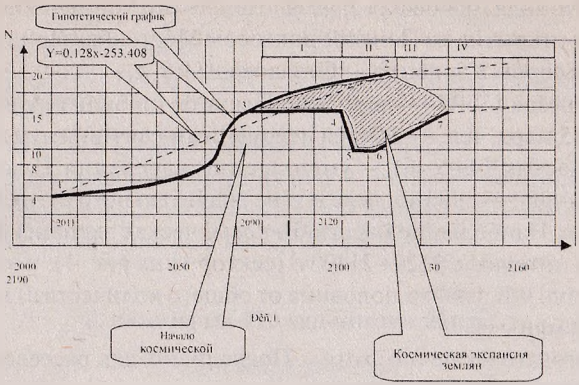


Рис. 1.Количество землян в Мире Полудня

Краткий анализ

1) Общий процесс увеличения количества землян с 4 (в 2011 г.) до 20 (в 2136 г.) млрд. чел. представлен на графике отрезком (1—2), который является графическим выражением линейной функции

$$y = 0{,}128\,x - 253{,}408^{1}\ (1).$$

2) Узел (3) — население Планеты, минуя 8 млрд. (поз. 8), достигает отметки 15 млрд. чел. На настоящем графике, нам неизвестном,— скорее всего, в 2080-х — 2090-х гг., для прямой же это — 2097 г. (результат решения уравнения (1) при y = 15).

3) С узла (3) график раздваивается:

а) общее количество землян продолжает увеличиваться, это начало космической экспансии человечества[2]. По Хронологии в это время (2080-е — 2090-е гг.) — открытие планет Пандора, Яйла и Магора; возвращение из межзвездных экспедиций Антона Бы-

[1] Значение линейной функции вида y = ax + b получено в результате решения системы линейных уравнений с двумя неизвестными. Ясно, конечно, что линейная функция в данном случае это упрощение, на самом же деле функция — нелинейная и вообще неизвестно какая (см., например, один из теоретически возможных графиков на рис. 1).— *Е. Ш.-Б.*

[2] Примечание существенное: экспансия должна начаться, так как 15 млрд. очень много для Земли, а на Марсе (под поверхностью Марса или в куполах; то же в точности относится и к Луне) больно-то не пожи-

кова и Леонида Горбовского; начало широкого применения Д-звездолетов; открытие на Пандоре доктором Мбога «бактерии жизни», а профессором Карпенко — биоблокады и т. д.

б) отрезок (3—4) — население Планеты стабилизировалось на уровне 15 млрд. чел. и остается неизменным как минимум до 2119 г.

4) участок (4—5—6) — уменьшение населения Планеты до 10 млрд. чел., очевидно, вследствие значительного оттока землян в Космос. Наибольшие масштабы космическая экспансия приобретает в интервале 2120—2140 гг. (сектор II на рис. 1): в это время до 10 млрд. чел. (почти половина от общего количества!) находится вне Земли[1].

Многовато, конечно, хотя... Подходящих для расселения людей планет вполне достаточно:

— конец XXI в.— 2120 г. (сектор I графика) — от 5 до 17 планет и более;

— 2120—2140 гг. (сектор II) и 2140—2160 гг. (сектор III) — от 6 до 20 планет и более;

— 2160 — конец XXII в. (сектор IV) — от 16 до 22 и более планет, пригодных для колонизации. Хватило бы технических средств

вешь. Следовательно, любая планета, где можно вольно дышать, должна становиться объектом массовой колонизации. И процесс этот далее должен нарастать. Но это лишь первый ее этап. Так сказать, «вынужденная колонизация» под воздействием обстоятельств.

Я вот поглядел на график и подумал: а ведь действительно странно, что никто не рассматривал проблему колонизации землянами галактики более-менее серьезно. То есть, совершенно уверенно можно говорить: экспансия налицо. Причем, экспансия с колонизацией.

Вопросы. Насколько массовый характер носит колонизация? Когда она началась именно массово? Имеет ли место быть классическая колонизация, единственный вид которой (с местной администрацией, ресурсами, детскими городками, туристами и т. п.) мы видим лишь на Радуге? Сколько людей ПОСТОЯННО живет вне Планеты? Учитываются ли они в общих списках населения Земли? Во всяком случае, самими же «коренными» землянами в обиходном смысле понятия «житель Земли»?

Во всяком случае, повторяю, никто еще почему-то не исследовал вопрос колонизации даже приблизительно. Походя — да, но не более. А вопрос, прямо скажем, занимательный.— *С. Лифанов.*

[1] «Это было что-то вроде тотальной мобилизации», ПНВС.— *С. Лифанов.*

для столь массовой переброски колонистов[1]. (Подробный «планетарный» анализ см. ниже.)

5) Отрезок (6–7) — с 2130-х гг.— рост населения Планеты с 10 до 15 млрд. чел.

6) После (2) и (7) достоверных данных нет.

7) График, изображенный на рис. 1, также иллюстрирует прогнозируемые результаты фукамизации, начало применения которой Хронология относит к концу 2040-х гг.[2]

2. Планеты Полуденного Мира

Колонии землян

ЛУНА — освоение спутника Планеты началось в 60-х гг. XX века[3].

МАРС — колонизация планеты началась в 1981 г., работы по генерации атмосферы завершены в конце 2120-х гг.; в 80-х гг. XX в. установлено искусственное происхождение спутников Марса, а в 2026 г. в недрах планеты обнаружен пустой город Странников.

---

[1] Да, многовато. Но надо думать, что на «благоустроенных планетах» прирост должен быть точно таким же (если не быть больше — поощряться), как и на Земле. Если нет иных ограничительных факторов, например, политического или этического характера. Но в том мире, который мы знаем по Полудню, их скорее нет. (Еще в первой трети XXI века космический отдел ЮНЕСКО сообщал, что «относительный прирост населения внеземных баз и плацдармов приближается к приросту населения на Земле» (ХВВ).) Да, у нас крайне мало данных о жизни Периферии, особенно Молодой Периферии, но это как раз и говорит о ее, скорее всего, благополучии. Мы просто вынуждены это констатировать! — *С. Лифанов.*

[2] А это и посыл к увеличению рождаемости, и большой плюс (просто плюсище!) развитию колонизации в самом реальном смысле слова.— *С. Лифанов.*

[3] Про Луну мы ничего особенного не знаем, кроме того, что с ней есть прямое нуль-Т сообщение. Легко предположить, что там вполне могут жить несколько миллионов или даже десятков миллионов человек. Возможно, непостоянно, но как «пригород» Земли Луна должна быть по логике хорошо обжита — как спальный или курортный район.— *С. Лифанов.*

ВЕНЕРА — работы по генерации атмосферы на Венере завершены в 2130-х гг.[1]

ПАНДОРА — открыта в 2080-х — 2090-х гг.[2]; гуманоидная внеземная цивилизация (ВЦ, аборигены и представительницы партеногенезного направления — Славные Подруги) открыта значительно позже — в 2130-х гг.; факты (например, гигантские ракопауки на Надежде, за 100 парсеков от Пандоры) говорят о том, что Пандору посещали Странники, и не сотни лет тому назад, а в самое что ни на есть «наше интересное время» — в XXII веке.

ТАГОРА — открыта в 2132 г.; гуманоидная ВЦ, согласившаяся иметь что-либо общее с землянами; колония землян на Тагоре существовала до февраля 2138 г. и начиная с 2163 г., после возобновления ранее прерванных отношений; следы Странников на Тагоре были обнаружены местными жителями в 80-х гг. XX века.

САУЛА[3] (ЕН 7031) — открыта в 2137 г., тогда же на Сауле обнаружен работающий нуль-Т-конвейер Странников; гуманоидная ВЦ.

РАДУГА[4] — с 2106 г.— планета для физических экспериментов.

---

[1] В 2119-м началось преобразование атмосферы Венеры, с целью превратить ее во «Вторую Землю», колонизировать в самом прямом смысле слова. Учитывая непосредственную близость планет, думаю, что тут можно говорить о миллионах и миллиардах. Кстати, странная вообще-то логика: мучаться над Венерой, когда легче, например, заняться именно Марсом. Там ведь только и делов, что насадить деревьев, чтобы обогатить кислородом — «и на Марсе будут яблони цвести». Дышать там можно и так, хоть и через маску. У Венеры же ВСЮ атмосферу надо прогонять через фильтры...— *С. Лифанов.*

[2] Явно одна из самых старых колоний Земли в Молодой Периферии. Кстати, странно: Пандора не просто курорт, а курорт на планете с биологической войной во всей красе! — *С. Лифанов.*

[3] На Сауле, впрочем, вряд ли большая колония, раз там ВЦ, хоть и раннего средневековья. Но тогда это особый случай, который стоит отметить: щепетильные в вопросах этики по отношению к младшим партнерам по разуму земляне создают большую колонию рядом с гуманоидной цивилизацией. К тому же наличие хоть одного очага именно «цивилизованного» развития (что бы об этом ни думали), подразумевает наличие как минимум хоть каких-то «дикарей». Причем не только на пространстве большого континента (того, что вытянулся вдоль экватора), но и на малом (который тяготеет к полюсу).— *С. Лифанов.*

[4] Если не считать Радуги, то у АБС фактически никак не упомянута колонизация планет.— *С. Лифанов.*

КУРОРТ, КАССАНДРА, ЗЕФИР, РЕДУТ, безымянная (ЕН 2105, база «Лембой»), ВТОРАЯ (ЕН 7113, база «Матрикс»)[1].

РУЖЕНА (ВК 71016) — открыта в 2018 г. экспедицией В. Петрова («Муромец»); почти наверняка колония землян.

ГОРГОНА — в 2160-х гг. на этой планете уже существовал заповедник; очевидно, колония землян.

Колонии землян (предположительно)

ЛЕОНИДА (ЕН 23) — открыта в 2124 г.; первая гуманоидная (биологическая) ВЦ, обнаруженная в Космосе и согласившаяся иметь что-либо общее с землянами. С леонидянами работали Прогрессоры-зоопсихологи; не исключено существование большой колонии.

ПАНТА — открыта, очевидно, в 2150-х гг.; гуманоидная ВЦ, согласившаяся иметь что-либо общее с землянами; в свете осуществления проектов «Ковчег» и «Ковчег-2» логично предположить наличие на Панте земной колонии.

НАДЕЖДА — открыта в 2163 г.; гуманоидная ВЦ, также, вероятно, согласившаяся иметь что-либо общее с землянами; имеет место самое последнее по времени (начавшееся в 20-х гг. XXII века) и самое масштабное вмешательство Странников в судьбы других ВЦ; не исключено, что и на Надежде была образована колония землян.

ЯЙЛА — открыта в 2080-х — 2090-х гг.; отец Тойво Глумова работал на Яйле гибридизатором.

ЛАЛАНДА — в 2130-х гг. на планете работали Следопыты.

КАЛА-И-МУГ (она же «парадоксальная планета Морохаси») — в 2190-х гг. Следопыты искали там следы цивилизации «оборотней».

НИСТАГМА — известна новым бранчем животного мира — двухордовыми.

Остальные планеты

МАГОРА — открыта в 2080-х — 2090-х гг.; негуманоидная цивилизация Магоры открыта значительно позже — в 2113 г.

ЭСТОР (название условное) — открыт в 2124 г.; гуманоидная цивилизация; на планете работали земные наблюдатели из Института Экспериментальной Истории и Прогрессоры.

---

[1] Между ними явно налажено постоянное сообщение (одних только пилотов по «пингвину» было обследовано больше ста человек!), следовательно — колонии? — *С. Лифанов.*

САРАКШ — гуманоидная и негуманоидная (киноидная) цивилизации; на планете работали Прогрессоры; голованы Саракша в 2158–2196 гг. находились в тесном контакте с землянами и имели свое представительство на Планете.

ГИГАНДА («неканоническое» самоназвание — Тоба) — гуманоидная цивилизация; объект работы Прогрессоров Земли.

ГАРРОТА — негуманоидная цивилизация (разумные слизни Гарроты).

ЛУ — гуманоидная цивилизация; на планете работали Прогрессоры.

КОВЧЕГ — открыт в 2159 г. (фактически — в 2151 г. экипажем звездолета ГСП «Пилигрим»); местная негуманоидная (замкнутая, свернувшаяся) цивилизация и Малыш; Странники считали эту планету запрещенной, установив охранный спутник-автомат.

КЕНТАВР-3 — «неканоническая» планета с гуманоидной цивилизацией; на планете работали Прогрессоры.

ПЛАНЕТА СИНИХ ПЕСКОВ — открыта в XXI в. экипажем «Таймыра».

Безымянная (ЕН 9173) — открыта в 2080-х — 2090-х гг.; на этой планете были обнаружены развалины сооружений, приписываемых Странникам, а впоследствии — «саркофаг» — инкубатор Странников.

ВЛАДИСЛАВА (ЕН 17) — открыта в 2113 г.; на Владиславе был обнаружен пустой город Странников.

АЙГОН — планета той же системы, что и Гиганда.

ПЛАНЕТА КРУКСА (ЕН 92) — открыта, вероятно, в 60-х гг. XXII века.

ТИССА (ЕН 63061) — открыта ребятами из ГСП в начале 2190-х годов.

И это не исчерпывающий перечень планет Полуденного Мира. Например: Саула — вторая из четырех планет системы ЕН 7031; Саракш — одна из шести планет местной системы, а кроме Гиганды и Айгона есть еще «неканонические» ПИРРА и КАКГА. А какие планеты, например, посещал Леонид Горбовский во время рейсов к ЕН 6 или ЕН 101 — ЕН 2657?[1]

[1] И в той же ПКБ упоминаются «что-нибудь вроде Смеховины, Подраки или Бровии» как примеры названия планет, а также «сарандакская катастрофа» (по имени планеты Сарандак?), в результате которой облысел Яков Осиновский.— *С. Лифанов.*

Время открытия некоторых ВЦ (реконструкция)

К сожалению, в текстах отсутствуют сведения о времени открытии целого ряда ВЦ, в частности: Саракша, Гиганды, Гарроты, Лу, Панты. Анализ имеющихся в нашем распоряжении данных относительно поиска и обнаружения в Космосе разумных рас и проведенное на основании этого анализа графическое моделирование упомянутых процессов позволяют определить теоретически возможные временные интервалы открытия указанных ВЦ. Результаты получены следующие:

гуманоидная ВЦ Саракша открыта, скорее всего, в конце 2130-х гг.— 2138–39 гг.;

гуманоидная ВЦ Гиганды — в начале 2140-х гг.— 2142–43 гг.;

разумные слизни Гарроты — во второй половине 2140-х гг.— 2147–48 гг.;

гуманоиды Панты — в первой половине 2150-х гг.— 2152–53 гг.;

гуманоиды Лу — в конце 2150-х гг.— около 2159 г.

Кроме того, данная графическая модель указывает также на обнаружение еще, как минимум, двух ВЦ — 15-й и 16-й.

ВЦ-15 открыта в конце 2160-х гг. (около 2169 г.) — это, вероятно, цивилизация «неканонического» Кентавра-3.

ВЦ-16 — в начале 2180-х гг. (2182–83 гг.) и остается только предположить, что речь, по всей видимости, идет о цивилизации «оборотней» планеты Кала-и-Муг. Других достойных претендентов, честно говоря, попросту нет (или же они нам не известны).

Хочется еще раз подчеркнуть, что вычисленные даты являются всего лишь теоретически возможными, они, скорее, повод для дальнейшей дискуссии, чем строгий математический результат.

3. О дружбе и недружбе

Так все-таки, с кем земляне устанавливали отношения, а с кем не считали нужным? В каких случаях они образовывали земные колонии на планетах с ВЦ, а в каких нет? Существуют ли какие-то закономерности этих процессов?

Начнем с вывода.

Земляне вступали в контакт[1] (С) (устанавливали отношения):

1) с «неагрессивными» (-А) ВЦ (обязательное условие);

2) с ВЦ, «не находящимися в состоянии конфликта» (-Сп) (необходимое условие);

3) с гуманоидными (Н) ВЦ (исключение — голованы Саракша (HD); исключение, впрочем, объяснимое: на родной планете голованы постоянно соприкасались с гуманоидами и не являлись там доминирующей расой).

Необходимо учесть также теоретическую возможность существования и других, неизвестных нам факторов ($x_1 \ldots x_n$). В итоге, «формула контакта» имеет следующий вид:

$$C = F_1(-A; -Cn; H) + {}_{2158}HD^{2196} + F_2(x_1 \ldots x_n)$$

(«Первое правило Е'Щекна — Фокина»).

Общее замечание: уровень т. н. «социально-экономического развития» той или иной ВЦ, видимо, не оказывал заметного влияния на решение землян установить с ней контакт (при соблюдения условий 1—3). Действительно, земляне находились в контакте и с высокоразвитыми ВЦ (Тагора), и с ВЦ среднего уровня (Надежда), и со слаборазвитыми (Панта), а также с биологической ВЦ (Леонида) и даже с негуманоидами-голованами.

(Развитие отношений с немногочисленными оставшимися представителями цивилизации Надежды после 2163 г. у АБС не описано, однако, с большой долей уверенности, мы можем предположить, что контакт с ними был установлен — ну не могли земляне оставить надеждинцев один на один с пандемией, обрекая их тем самым на неминуемое вымирание!)

Таким образом, земляне пребывали в состоянии контакта с цивилизациями Леониды, Тагоры (за исключением периода 2138—2162 гг.), Панты, Надежды и голованами Саракша (в 2158—2196 гг.).

За исключением голованов, для всех указанных ВЦ выполняются условия 1, 2 и 3.

А вот кому откровенно не повезло, так это потенциально «контактным» и абсолютно миролюбивым аборигенам джунглей Пандоры, которые оказались втянутыми Славными Подругами в самую настоящую биологическую войну (нарушение условия № 2).

[1] Следует отметить, что под контактом здесь имеется в виду взаимное обоюдное общение двух или более ВЦ. Т. е. работа Прогрессоров контактом в данном случае не считается.— *С. Лифанов.*

Колонии землян — 2

Колонизация землянами незаселенных и благоприятных для этой цели планет (например, Ружены, Радуги и т. д.) достаточно очевидна и не является предметом данного исследования.

Но земные колонии существовали и на планетах с ВЦ: достоверно известно о колониях на Тагоре, Пандоре и Сауле. Можно также предположить, что земляне имели колонии и на тех планетах, с цивилизациями которых они находились в контакте (что вполне естественно): кроме упомянутой Тагоры — на Леониде, Панте и Надежде (во внутренние дела двух последних цивилизаций земляне еще и активно «вмешивались», впрочем, это «вмешательство» носило характер помощи и спасения).

Существование колонии на Пандоре до определенного момента еще можно было бы как-то объяснять неведением людей о наличие на планете гуманоидной ВЦ. Но чем объяснить дальнейшее наше пребывание там? Или земляне в массе своей по-прежнему ничего не знают об аборигенах?

Колонию на Сауле можно объяснить прежде всего нуль-Т конвейером, оставленным на планете Странниками,— грех было бы отказаться от такого объекта для исследований (кстати, еще один довод в пользу необходимости земной колонии и на Надежде).

Так, может быть, нежелание землян уходить с Пандоры тоже связано со Странниками?

Странники

Странники посещали Солнечную систему (в т. ч. Землю), Тагору, Саулу, Пандору, Надежду, Ковчег. Симптоматична реакция представителей этих цивилизаций на факт посещения или вмешательства Странников: только на Сауле следы их пребывания приняли характер религиозного поклонения, о реакции населения Пандоры нам ничего не известно, на остальных же планетах восторга это, мягко говоря, не вызвало, в особенности — у оставшихся после «большого угона» жителей Надежды.

Иными словами, две части списка — земных колоний на планетах с ВЦ и планет с ВЦ, посещенных Странниками,— совпадают практически полностью!

Колонии землян на планетах с ВЦ	Странники на планетах с ВЦ
Пандора	Пандора
Тагора	Тагора
Саула	Саула
Надежда (скорее, да)	Надежда
Панта (скорее, да)	неизвестно
Леонида (скорее, да)	неизвестно
—	Ковчег

(Ковчег в данном случае не в счет по понятным причинам, тем более, что орбитальную станцию мы там все равно оставили, а спутник-автомат Странников разобрали по винтикам.)

Колонии землян — 3

Таким образом, приоритеты землян в случае образования ими колоний (CL) на планетах с ВЦ распределялись следующим образом: в первую очередь — Странники (S) и все, что с ними связано, затем — гуманоидность местной цивилизации (H), а уж потом — наличие «дружественного» контакта (C) с той или иной ВЦ. С учетом неизвестных нам факторов (y1 ... yn) и особенностей, связанных с голованами (HD), «колониальная формула» («Второе правило Е'Щекна — Фокина») для планет с ВЦ приобретает следующий вид:

$$CL = F_3(S^H; C - {}_{2158}HD^{2196}) + F_4(y_1 \ldots y_n)$$

«Это была сплошная и непроницаемая высшая ксенопсихология, в которой я, как и всякий нормальный гуманоид индекса ноль, не разбирался абсолютно. И не надо». (Стась Попов.)

Приложение 2

(Предоставлено М. Лемхиным)

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

«ВОЗЛЮБИ ДАЛЬНЕГО»

(фантастическая повесть)

Новая повесть братьев Стругацких представляет собой шаг в несколько иную область литературы, еще не обжитую этими молодыми талантливыми писателями. Это произведение — тоже молодо, талантливо, интересно, весело, а порой и парадоксально, как лучшее из их «литературного наследия» — из того, что было ими опубликовано. Но как всякое завоевание нового, связанное с преодолением больших трудностей, это необходимо бывает сопряжено с известными затратами и потерями. Кое-где авторы не довели до завершения свой замысел, а иногда допустили и прямые просчеты — вполне извинительные, но все же требующие внимательного рассмотрения, а порой и исправления.

Концепция авторов не вполне ясна, поскольку она в повести не завершена. Целесообразно поэтому развернуть ее логически, чтобы найти в ней изъяны (если они есть), и уже с основанием потребовать от А. и Б. завершения своего замысла.

Трое героев — Вадим, занимающийся лингвистикой (кстати сказать, слово «структуральный» — слишком буквальный перевод с английского, у нас говорят структурная лингвистика), Антон, звездолетчик, и Саул Репнин, журналист, прибывший из двадцатого века (действие повести происходит в двадцать четвертом), отправляется в экспедицию к системе звезды Е. Н. 7031, где на одной из планет обнаруживает целый ряд странных явлений.

В описании этих событий чувствуется некоторое влияние «Эдема» Станислава Лема. Впрочем, это сходство чисто внешнее: у польского писателя алогичность того, что видят наблюдатели с земли так и остается неразгаданной, да и не может быть объяснена никогда, поскольку сталкиваются культуры несовместимые. У братьев Стругацких иное (по крайней мере — по замыслу): социальный строй на планете Саула (как они ее называют), представляет собой что-то вроде смеси между феодализмом и фашизмом, и это кажет-

ся алогичным пришельцам из двадцать четвертого века, и, в то же время, очень понятно для пришельца из нашего времени.

Здесь — первые отклонения авторов от своего же собственного замысла: Саул (или Савел) Репнин не очень отличается от своих спутников, слишком знаком с их бытом и мировоззрением, если не развести этих героев, то интересный замысел останется незавершенным.

Второе: Вадим и Антон чрезмерно сходны между собой — и не только на взгляд Саула, но и на взгляд читателя. Некоторые отличия, данные в начале, позже стираются. А они должны были бы усилиться, если бы в их поведении на далекой планете, в их стремлениях существовала разница. Один из них, скажем, требовал бы немедленного возвращения на землю, а другой — каких-то дополнительных исследований (это не подсказка, а просто наглядный пример).

Нельзя сказать, что этого совсем нет в рукописи: это можно найти при втором, более внимательном чтении. Не очень сложно это немного акцентировать, поскольку на сюжет (основной) это не должно повлиять.

Однако есть очень важная вещь, на которую следует обратить внимание авторов.

В их мире — уже очень «обжитом» и авторами и их героями — существует некая Комиссия по контактам с другими цивилизациями. В рассказе «Благоустроенная планета» существование Комиссии вполне оправдано. Но в повести «Возлюби дальнего» ее роль — можно истолковать несколько двусмысленно.

Мы хорошо знаем, что исторический процесс, хотя он в целом обусловлен социальным строем, может быть ускорен и даже перескакивать через какие-то этапы. На нашей памяти среднеазиатские республики вступили в период строительства социализма минуя капиталистический период развития. Молодые африканские государства, уже в наши дни, не повторяют пути, пройденного народами Европы. Этого не может не знать и не помнить Саул Репнин, наш современник, но об этом могут забыть люди двадцать четвертого века, поскольку они конкретную историю знают плохо, преимущественно помня лишь социалистические схемы (такое предположение вполне допустимо: оно есть и у Лема, в его «Магеллановом облаке»). Если бы в повести это было так, то и Саул не

выглядел бы дурак дураком перед своими потомками, а каждому веку авторы воздали бы должное.

Полностью лишено логики желание Саула лететь именно к этой звезде и именно на эту планету, как и интригующее читателя преследование Саулом именно этих молодых людей. Все время ждешь, что где-то в конце будет объяснено каким образом появилось у него желание — нашел ли он какой-то документ, логически пришел к мысли проследить путь скитальцев (на это есть намек в рукописи), или еще что-нибудь. Молодой читатель никогда не простит авторам ложной занимательности, лишенной мотивировки.

Нельзя также исходить из уверенности в том, что читатель знает все раньше написанные произведения Стругацких. Выращивание механозародышей, собирание энергии из окружающего пространства, живые механизмы, биоэлементы, шествие таинственных машин,— все это требует какой-то видимости объяснения. Мотивировка такого объяснения имеется в повести: Саул по своей осведомленности примерно равен читателю. А в том, что это можно сделать порукой превосходное и очень наглядное объяснение деритринитации.

В прежних рассказах А. и Б. Стругацких всегда имелся внутренний сюжет, преимущественно психологический, строящийся часто на недосказанности. В данной повести сюжет развивается несколько упрощенно: чисто хронологически. Можно напомнить авторам очень старый, но всегда верный прием: в иных случаях читатель может знать меньше, а в ином — больше, чем герои (или один из героев).

Командировка в будущее — превосходная мотивировка для появления Саула в двадцать четвертом веке. Но всякая командировка должна иметь цель. Может быть, Саул пишет или собирается писать научно-фантастические рассказы, или редактор произведений этого жанра? Тогда его поездка (а быть может и полет на мало исследованную звезду) были бы оправданы.

Болезнь Саула хорошо мотивирована, но, вероятно, он должен заболеть несколько раньше. Этим можно объяснить то, что герои, собираясь переделать отставшую в своем развитии планету, даже не осмотрели ее, не взглянули хотя бы мельком на город, а поспешили вернуться на землю.

Вопросы в конце — прием очень милый, но не завершенный. Во-первых, их слишком мало. Во-вторых, они слишком различны по значимости. Изменение имени — произвольная шутка авторов. В действительности он мог изменить его гораздо раньше — в 1937 или 1949 годах. Но делать это для отдаленных веков довольно странно.

Стилистически повесть написана на хорошем профессиональном уровне и не требует редактирования.

В целом повесть бесспорно заслуживает самой быстрой публикации.

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ

Приложение 3

(Предоставлено М. Лемхиным)

РЕДАКЦИОННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ на рукопись Бр. СТРУГАЦКИХ «Обитаемый остров» (стр. 1–436)

Рукопись нового романа бр. Стругацких привлекает редакцию остротой социальной проблематики, гуманистическим пафосом, высоким уровнем художественного исполнения. Авторы опираются в своей работе на достижения как современной реалистической прозы (здесь невольно вспоминается новый роман Грэма Грина «Комедианты»), так и традиции советской фантастической литературы, начатые «Аэлитой» А. Толстого.

Здесь метафорически воссоздается политическая ситуация, возможность которой особенно реальна и грозна на современном этапе исторического развития, который, как сказано в решениях апрельского Пленума ЦК КПСС, «характеризуется резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом».

Средствами политической сатиры авторы создают убедительный образ антидемократического государственного строя, основанного на системе массового оглупления трудящихся, на системе тотального подавления личности в интересах финансово-милитаристской олигархии.

Социальный анализ в романе опирается на злободневные факты. Сатира Стругацких имеет точный адрес. То, что в современном мире имеются тенденции, осуществление которых приводит к тирании, подтверждается совсем недавними событиями: установлением неофашистских режимов в Греции и Южной Родезии, введением «чрезвычайных законов» в ФРГ, волной политического гангстеризма, прокатившейся по США и т. д. и т. п.

Особенная глубина изображения и точность нравственных оценок достигается в романе удачным, по мнению редакции, приемом: тирания «неизвестных отцов» исследуется здесь через восприятие и опыт молодого человека с Земли, человека из нового, коммунистического общества. Таким образом, современность изучается в романе как бы глазами будущего, «предыстория человечества», если использовать выражение Ф. Энгельса, поверяется опытом его подлинной истории. Причем, по замыслу авторов, молодой землянин Максим Ростиславский не остается абстрактной, неподвижной фигурой совершенства. Входя в жизнь далекой, чужой, несчастной планеты, изуродованной в результате атомной катастрофы, входя в непонятное и зачастую отвратительное прошлое человечества, очень похожего на «земное», Максим проходит суровую школу испытаний, борьбы, страдания и мужества. Он утрачивает целостное, доверчивое, гармонически ясное миросозерцание, но обретает качества борца. Таким образом, политико-сатирический роман становится философским, роман гротеска — романом воспитания.

Из всего сказанного следует, что редакция с большим интересом и сочувствием отнеслась к замыслу нового романа братьев Стругацких.

Вместе с тем необходимо отметить, что авторскую работу нельзя считать завершенной. Возможности, заложенные в смысле романа, использованы не до конца. Концепция вещи нуждается в уточнениях и прояснениях, ряд мотивов разработан недостаточно.

1. Так, заглушен в романе мотив социальной несправедливости, на которой основано общество, управляемое «неизвестными отцами». Да, страна находится в состоянии хронической войны, переживает огромные экономические трудности, ее экономика полуразрушена. Да, действует в полную силу полицейский аппарат, и тысячи людей ежедневно гибнут на каторжных работах. Идет процесс тотализации общества, личность стирается, превращаясь

в рабочую единицу. Но ведь, несмотря ни на что, общество неоднородно, интересы составляющих его групп противоречат друг другу, идет борьба, и борьба прежде всего социальная... Авторы совершенно правильно указывают на это, но только указывают. Читателю, как и Максиму Ростиславскому, «не хватает информации». Редакция считает, что авторы должны подумать над тем, чтобы мотив социальной неоднородности общества в стране «Неизвестных отцов», и экономических оснований, на которых держится их диктатура, мотив несправедливости общественного устройства прозвучал в романе сильнее. Думается, что это можно сделать экономно, несколькими штрихами. Редакция не считает возможным высказывать конкретные рекомендации, но полагает, что дополнительная работа в указанном направлении укрепит авторскую концепцию.

2. Представляется неоправданным, что в романе сравнительно мало места уделено изображению коммунистов. Естественно предположить, что если Максим и может забыть фамилию Гитлера, о котором ему говорили на уроках истории, то уж о том, кто такие коммунисты, он не может не знать, как не может и не стремиться установить с ними связь любой ценой.

3. Образ коммунистической Земли, данный в романе беглыми упоминаниями, почти не выходит за пределы домашних обстоятельств Максима. Думается, что это неправомерно. Ведь опыт Максима, весь его жизненный путь связан прежде всего с Землей, и только через этот опыт, через сравнение, через ассоциации по контрасту и сходству может осуществляться его знакомство с миром чужой планеты.

4. Концовка романа, где один из «неизвестных отцов», столпов ненавистного Максиму общества,— Странник — оказывается Павлом Григорьевичем, работником Службы галактической безопасности, коммунистом-землянином,— эта концовка, рассчитанная на ошеломительный эффект (и достигающая его), представляется немотивированной. Видимо, чтобы не принять Павла Григорьевича за обыкновенного шпиона (что противоречило бы основным положениям, на которых основывается гуманистическая концепция романа), читатель должен иметь представление о том, чем занимается эта Служба и как соотносятся ее цели с употребляемыми ею средствами, что собирался противопоставить наивным попыткам Максима перестроить жизнь на Обитаемом острове зрелый и дальновидный Странник.

5. Редакция считает необходимым обратить внимание авторов на некоторые слишком очевидные аналогии и ассоциации с земными порядками и терминологией, равно как и на наличие откровенных «русицизмов».

6. Редакция призывает авторов произвести некоторые сокращения по крайней мере для журнального варианта романа.

Срок представления рукописи после доработки должен быть согласован между авторами и редакцией.

А. Ф. ПОПОВ, главный редактор
В. Н. КРИВЦОВ, Член Редколлегии,
зав. отделом прозы

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБС — Аркадий и Борис Стругацкие
АНС (АН) — Аркадий Натанович Стругацкий
БНС (БН) — Борис Натанович Стругацкий
БМС — «Бессильные мира сего»
ВГВ — «Волны гасят ветер»
ВНМ — «Второе нашествие марсиан»
ГЛ — «Гадкие лебеди»
ГО — «Град обреченный»
ДР — «Далекая Радуга»
ДСЛ — «Дьявол среди людей»
ЖВМ — «Жук в муравейнике»
ЖГП — «Жиды города Питера»
ЗМЛДКС — «За миллиард лет до конца света»
ОЗ — «Отягощенные злом»
ОО — «Обитаемый остров»
ОУПА — «Дело об убийстве, или Отель "У погибшего альпиниста"»
ПХХIIВ — «Полдень. XXII век»
ПИП — «Парень из преисподней»
ПКБ — «Попытка к бегству»
ПНА — «Путь на Амальтею»
ПНВС — «Понедельник начинается в субботу»
ПНО — «Пикник на обочине»
ПОДИН — «Повесть о дружбе и недружбе»
ПП — «Поиск предназначения»
СБТ — «Страна багровых туч»
СОТ — «Сказка о Тройке»
ТББ — «Трудно быть богом»
УНС — «Улитка на склоне»
ХВВ — «Хищные вещи века»
ХС — «Хромая судьба»
ЭВП — «Экспедиция в преисподнюю»

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3
«Град обреченный» 5
«Повесть о дружбе и недружбе» 39
«Жук в муравейнике» 79
«Пять ложек эликсира» 94
«Хромая судьба» 98
«Волны гасят ветер» 126
«Отягощенные злом» 175
«Жиды города Питера» 231
«Подробности жизни Никиты Воронцова» 234
Замыслы 240
«Экспедиция в преисподнюю» 269
«Поиск предназначения» 314
«Бессильные мира сего» 319
Продолжение следует 393
Приложения 418
Список сокращений 510

Литературно-художественное издание

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ:
Черновики. Рукописи. Варианты:
От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего»

Составитель Бондаренко Светлана Петровна

Редактор *В. Ю. Дьяконов*
Компьютерный дизайн: *С.В. Шумилин*
Верстка *Л.В. Спичковой*

Подписано в печать 28.01.08. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 24,63. Тираж 5000 экз. Заказ № 1573

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100. Россия, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Сталкер»
83114, Украина, г. Донецк, ул. Щорса, 108а

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

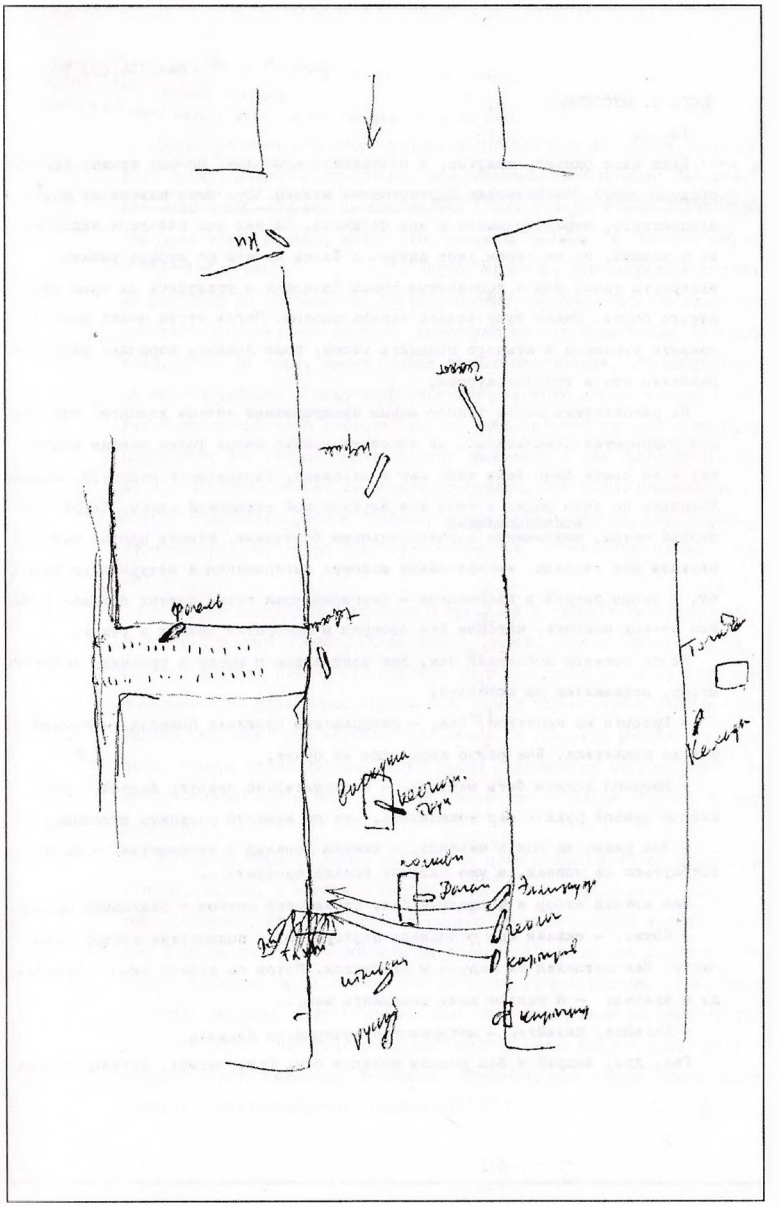


Схема расположения трупов членов экспедиции при возвращении Андрея и Изи из рекогносцировки (ГО).

Нач. 24.02. 70

ЧАСТЬ I. МУСОРЩИК.

Гл. I.

Баки были ржавые, помятые, с отставшими крышками. Из-под крышек торчали обрывки газет, свешивалась картофельная шелуха. Это было похоже на пасть неопрятного, неразборчивого в еде пеликана. На вид они казались непод"емно тяжелыми, но на самом деле вдвоем с Ваном ничего не стоило рывком вздернуть такой бак к протянутым рукам Дональда и утвердить на краю откинутого борта. Нужно было только беречь пальцы. После этого можно было поправить рукавицы и немного подышать носом, пока Дональд ворочает бак, устанавливая его в глубине кузова.

Из распахнутых ворот тянуло сырым предутренним ночным холодом, под сводом подворотни покачивалась на оброслом грязью шнуре голая желтая лампочка; в ее свете лицо Вана было как у человека, страдающего желтухой, а лицо Дональда не было видно в тени его широкополой техасской шляпы. Серые обшарпанные исполосованные стены, изрезанные горизонтальными бороздами, темные клочья пыльной паутины под сводами, непристойные женские изображения в натуральную величину, а около дверей в дворницкую – беспорядочная толпа пустых бутылок и банок из-под компота, которые Ван собирал и аккуратно сдавал в утиль.

Когда остался последний бак, Ван взял совок и метлу и принялся собирать мусор, оставшийся на асфальте.

– Бросьте вы копаться, Ван, – раздраженно произнес Дональд. – Каждый раз вы копаетесь. Все равно ведь чище не будет.

– Дворник должен быть метущий, – наставительно заметил Андрей, крутя кистью правой руки – ему показалось, что он немного растянул сухожилие.

– Все равно же опять навалят, – сказал Дональд с ненавистью. – Мы и обернуться не успеем, а уже навалят больше прежнего...

Ван свалил мусор в последний бак, утрамбовал совком и захлопнул крышку.

– Можно, – сказал он, оглядывая подворотню. В подворотне теперь было чисто. Ван поглядел на Андрея и улыбнулся. Потом он поднял лицо к Дональду и сказал: – Я только хочу напомнить вам...

– Давайте, давайте, – нетерпеливо прикрикнул Дональд.

Раз, два. Андрей и Ван рывком подняли бак. Три, четыре. Дональд подхва-

Первая страница черновика ГО.

Семеро ворот, да все – в огород
Живи, Чего', рожью сыпься
Друг с дубиной, там ему с водой – так на дно, а он на дереве.

Андрей услышал огромное количество пословиц и поговорок, как правило назидательных и совершенно ему незнакомых. Например: "Хотя ро-
бы не есть, так - в воду не лезть", "В каменку стряпай, только стряпай хорот", ~~"Не стой куда не так не пошлют умно"~~. Или скажем: "~~Сила волому~~ ~~не~~ Или даже такой шедевр, как: " Не ступай собака в волчий сад — оглянут, съест ". Первое время он эти пословицы считал, но досчитав до шестнадцати сбился, потому что Конь Кобылыч ударился рисовать воображаемые картины. Некоторые из них впечатляли. Например отец,черный от горя, молча бьется лбом о подоконник, в разодранной до живота рубашке. Представив себе эту страшную сцену, Андрей Т. ощутил болезненный укол совести, но тут Конь Кобылыч сам все испортил, нарисовав, как старший брат-студент разбивает о пол японскую машинку и в отчаянии топчет ее остатки сапогами. Эта сцена показалась Андрею малодостоверной и вдобавок насторожила: откуда, собственно, этот Кобылыч знает про машинку? Это еще что за телепатические фокусы?..

Андрей подхватил Спиридона и принялся осторожно осматриваться в поисках дороги вперед. По-видимому, дорога вперед находилась за вон той дверью, потому что никаких других выходов из этого помещения обнаружить не удавалось. Кругом были ~~кккк~~ глухие стены увитые сложнейшей системой труб парового отопления, а там, где раньше был все сейчас, теперь стоял плотный белый туман и доносился оттуда гулкий невнятный банный шум и даже, кажется, возгласы мокшихся /что-то никаких веников/.

Поскольку Кобылыч стоял как раз на пути к единственной двери, пре стояло, видимо, в каком-то смысле прорываться, но довольно скоро Андрей обнаружил, что Конь Кобылыч словно бы впал в некий транс: глаза его были закрыты, руки обвисли безвольно, а сам он все говорил и говорил, и Андрей вдруг понял, что речь его совсем потеряла связность и звучит примерно так: "Никакой опыт не опасен, если на него отзывится. Гете.Опыт - вот учитель жизни вечный. Гете. Опыт - дитя мысли, а мысль - дитя действия. Бенджамин Дизраэли.Один терний опыта стоит дремучего леса назиданий. Лоуэлл..."

Правка черновика ПОДИН.

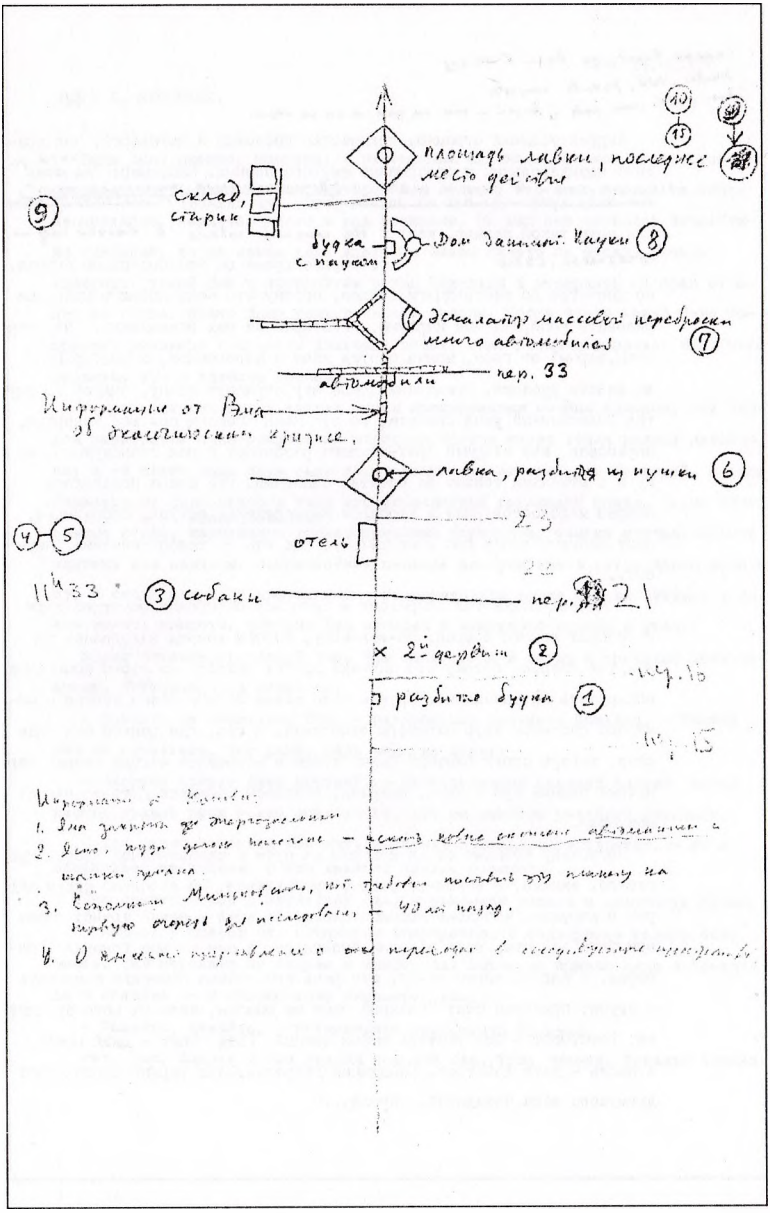


Схема продвижения по городу Льва Абалкина и Щекна (планета Надежда, ВГВ).

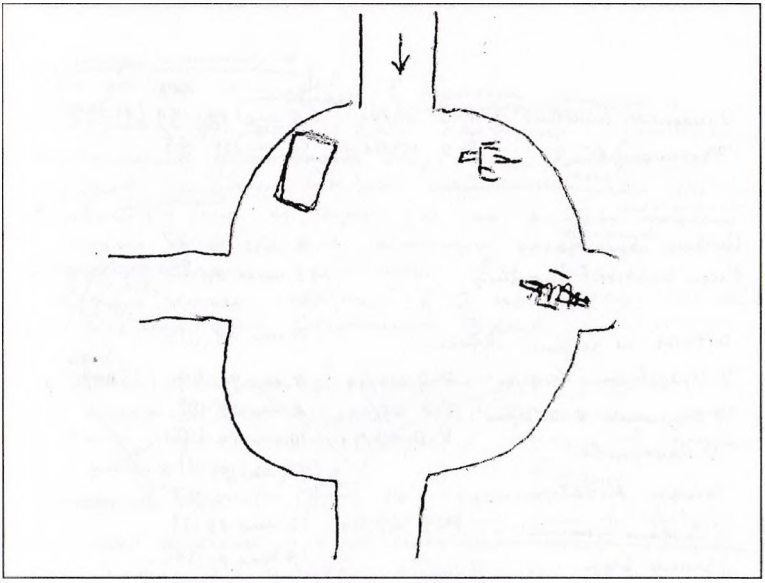


Схема расположения пушки на площади
(планета Надежда, ВГВ).

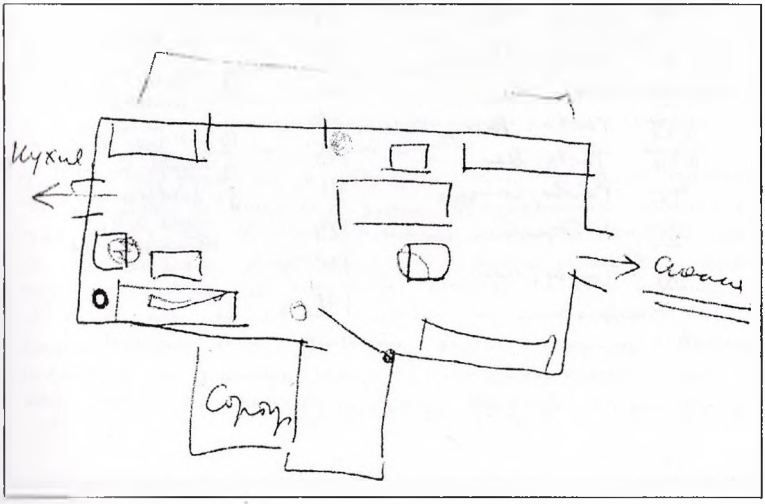


Схема квартиры Снегирева (ПЛЭ).

"О синдроме Пиктвика"	P-D 011/99	20 марта	5 мая 99	39	(45) шапка
"Фукамифолия"	P-D 013/99	26 марта	6 мая 99	45	
Письмо Бронфману			3 июня 94	77	
Письмо комиссару Фрэнсису			13 июня 94	82	
Ответы на запросы Максима			7 мая 99	103	
"О Презывании Колдуна"	P-D 014/99		8 мая 99	94	(25 марта ?)
"О вмешательстве в М.Пласт"	P-D 015/99		8 мая 99	102	
"О Панкратове"	P-D 016/99		10 мая 99	110	
			12 мая 99	111	
Запись Медведя				117	
"Сравнение систем"	P-D 017/99		13 мая 99	121	
Запись беседы			14 мая 99	134	
Письмо			17 мая 99	146	

Глава	I	Тойво, Бэтмен, Эрлигун	стр. 1
	II	" " , ~~Кир~~ Юрген, Толстой, Кир, Анабель	11
	III	" " Пашкевич, Ядрин	22
	IV	Тойво, Мак	28
	V	Тойво, Гримм	59
	VI	Тойво, Ася	66
	VII	Тойво, Ася, Кикимр	84
	VIII	Тойво, Мак	105
	IX	Тойво, Сандро	111
	X	У Горлвых	123
	XI	Тойво, Мак.	140
		Эпилог	148

6 — Мишка и Анжу

14 — Письмо Алоэ, Шлиф в кэш

19 — Мишка и Кол

12 — фигня не ин

13 — Логичнее нач

Один с М.

Начинает с 14

Заметки к ВГВ.

Черновые записи правки ВГВ.

Ася, разумеется, не смогла дать [illegible] людям своей всепоглощающей оптимизм. Ее оптимизм [illegible] ее окружающую [illegible], от самой атмосферы, окружавшей ее; от людей с которыми она встречалась и разговаривала, от самых слов ее внутренней жизни. Оптимизм вошел с Асей наружу от человека к человеку, — ведь за ним скрывалось столько одиночества и страдания.

Только не приближаясь к этому оптимизму [illegible] и предвидя [illegible] судьбу Аси своим единомышленникам

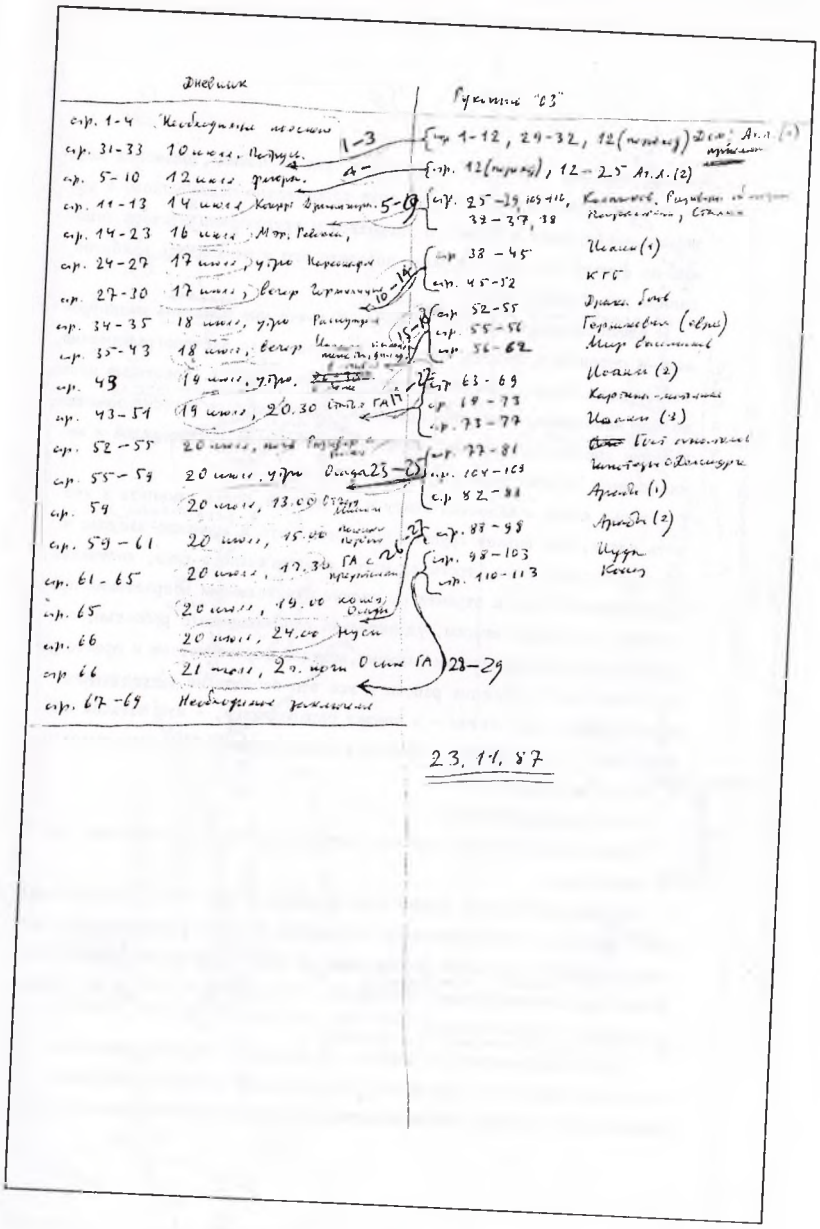
Но и Тынянов не сумел [illegible] Асю [illegible] ощущение правды, и поэтому не остроумен. Его рассуждения неизбежно поверхностны, они [illegible] схемой и литературны. Он ни к чему не сумел придумать на один подлинно прозорливый вопрос Сарматова, который узнавал в Асе, как бывало её образами, находил, открывал.

[illegible]

Поэтому нет ярких черт, они сами, они в духе [illegible] безлики и неподвижны, [illegible] но дело у них не было с ними, ни, [illegible] почти ничего другого.

Тынянов как писатель, по-видимому, Асю [illegible] своей отсталости как не поняла ее своих радостей, своих [illegible] ... по-видимому, много, М. Цветаева, [illegible]

Черновые записи правки ВГВ.



Заметки по очередности дневника Мытарина и рукописи Манохина (ОЗ).

выводы /которых я теперь, к сожалению, уже не помню/, пламенел какими-то чувствами, которые теперь тоже основательно подзабылись, а вечерами, вернувшись в Лицей, с упорством и трудолюбием Нестора заносил на бумагу все, что наиболее поразило его и показалось наиболее важным для будущей работы.

Я почти не исправлял эти заметки. Кое-что мне придется отредактировать и переписать заново. Многое у меня там было застенографировано, зашифровано кодом, который я теперь, конечно, забыл. Некоторые места вообще невозможно оказалось прочесть. Разумеется, я опустил заметки, носящие дневниково-интимный характер, касающиеся других людей и не касающиеся Георгия Анатольевича.

Теперь, когда я закончил книгу и не намерен более изменять в ней хоть слово, мне бывает грустно при мысли, что я возможно засушил и обескровил забавного, трогательного, иногда жалкого юнца, явственно выглядывавшего из-за строчек со своими мучительными возрастными проблемами, со своим гонором, удивительно сочетающимся с робостью, со своими фантасмагорическими планами, великой жертвенностью и простодушным эгоизмом. В процессе работы я все это беспощадно вытравливал, элиминировал, ибо считал - и считал справедливо, - что незачем мне выпячивать себя рядящимся в трагедии моего учителя. Все-таки книга эта о нем, а не обо мне.

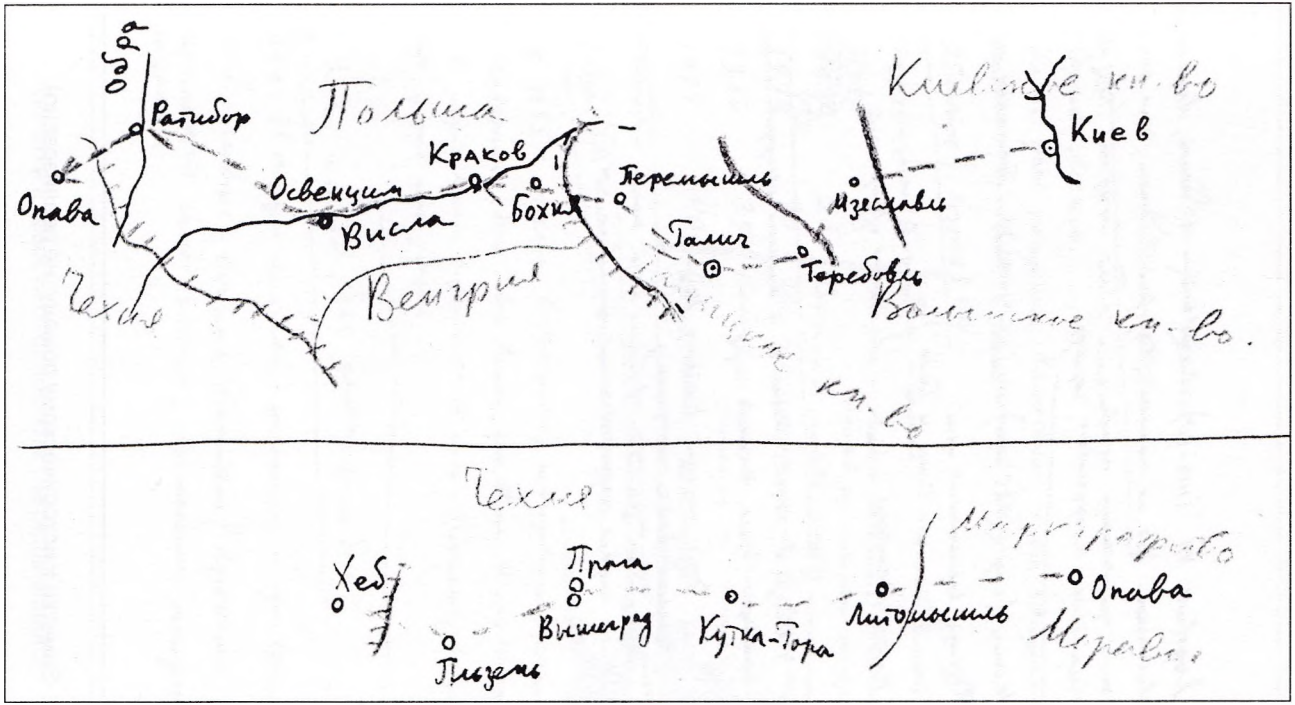
Это о первой рукописи.

Происхождение второй рукописи загадочно, столь же загадочно, как и ее содержание.

Георгий Анатольевич вручил мне ее вскоре после того, как определилась тема моего отчет-экзамена. Он сказал, что эта рукопись может оказаться полезной для моей работы, во всяком случае она может навести меня на разнообразные размышления. Этих слов его я тогда не понял, не понимаю я их и сейчас.

Георгий Анатольевич рассказал, что рукопись эта была несколько лет назад обнаружена при сносе старого здания гостиницы-общежития Степной обсерватории, старейшего научного уч-

Правка черновика ОЗ.



Карты походов героев исторического романа (не реализовано).

Людовик VII (1119-80). Плохо живет с женой, Алиенорой Аквитанской. Вот их папаша, Людовик Толстый, это да. У этого фактически правительством заведует Сугерий. (1081-11
Сочинитель. Модернизация города.

Нестор (ему ок 80 лет) - сидит в Киево-Печерской лав
"Повесть временных лет"
"Чтение о князех Борисе и Глебе" } против участия князя
"Житие Феодосия" } против Владимира

---

1. У Нестора в келье. Алеша и Добрыня беседуют о пра
Происходит Киев. В Киеве ночь.

Этот народец Всеволод Ярый
Решение скоро на Запад.
Алеша - за знакомых. Добрыня - за жену и богатство
Илья - надежно служит этим народцам князьям.

Заметки к историческому роману (не реализовано).

Дни рождения.
Коммунар.

Сергей Алехин.
Шесть дней рождения. Именных, и все виденные и участники явятся на место. Ждут.

25 января	возраст	кто
1960	15	Поль — юность
1963	18	Марта — Алехин-лаборант, восстал против ранжированного эксперимента
1970	25	Катерина — любовь, развод
1975	30	Иван — в гуманной среде, во время мятежа
1980	35	Кобальд — история с таинственным убийством на Венере
1985	40	Сергей Алехин — командир предприятия, экспедиции — и ушел или отец, или муж.

человек имеет не менее одной души

Итого: для начала написать в биографии.

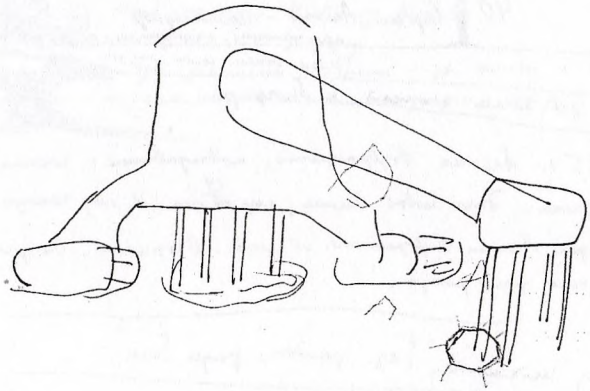
В 1985 г. Алехин возвращается, повидавшись с сыном от Катерины. Это новый Алехин, сын [illegible]. И сын исчез.
А старый Алехин возвращается от моря. Огорчен. Он думал, что у него день рождения.

И без именинников, без дальних, ради бога.

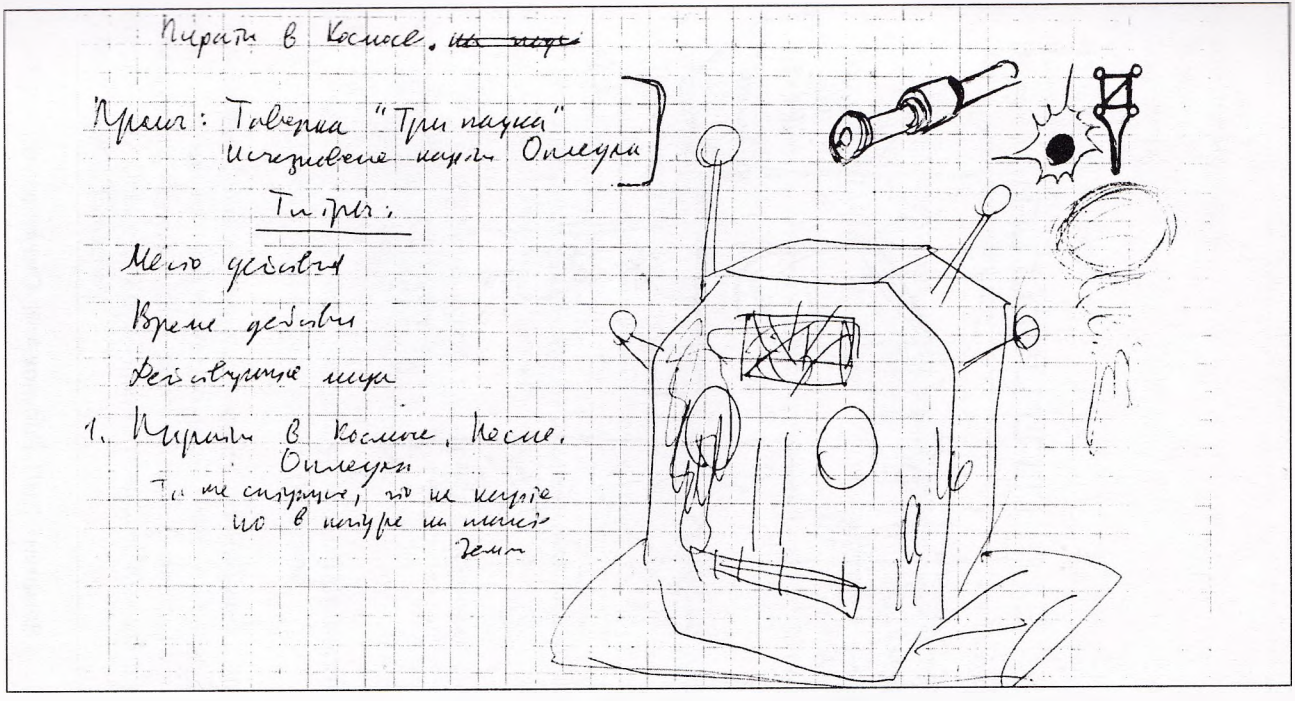
Итого: 21 очерк — шесть новых столетних и один вращающийся.
М.б. — главное — вообще воспитание? Пронизать мыслью, что самое главное — воспитание молодого поколения.

Заметки к повести о Горбовском (не реализовано).

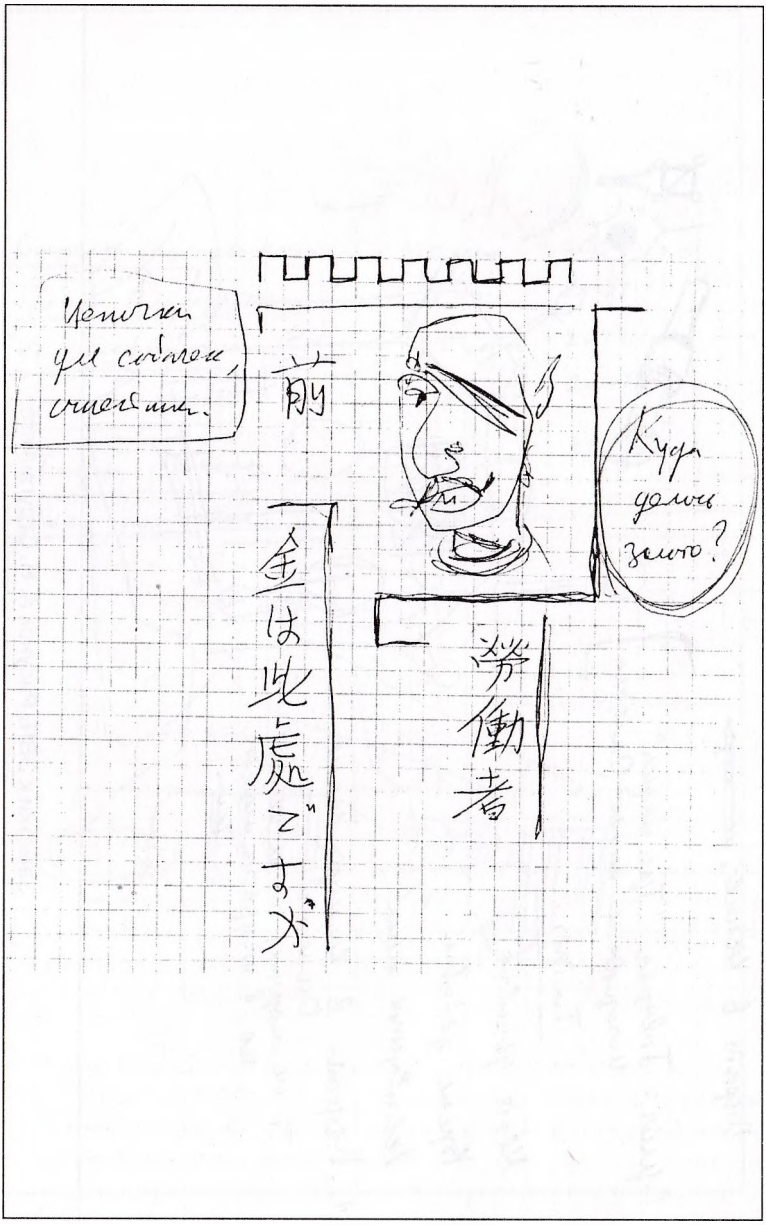
Стрелки из арбалета	— 15 лет	2032
Трагедия в лаборатории	— 20 лет	2037
На магистрали	— 25 лет	2042
Слепая Анна	— 30 лет	2047
Тайна Венеры	— 35 лет	2052 г.
День рождения	— 40 лет	— 2057 г.



Заметки к повести о Горбовском (не реализовано).
Рисунок А. Н. Стругацкого.



Заметки к ЭВП. Рисунок А. Н. Стругацкого.



Заметки к ЭВП. Рисунок А. Н. Стругацкого.